

Социализм
в одной
стране
1924-1926

Том 3 (1)

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

7

СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ
1924—1926

Том 3

Часть 1

E. H. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

7

**SOCIALISM
IN ONE COUNTRY
1924—1926**

Volume three

Part 1

London
Macmillan
1969

На правах рукописи
Для служебного пользования
3

№ _____

Э. КАРР

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

7

СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ 1924—1926

Том 3

Часть I

Перевод с английского

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междоусобица. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор Ю. А. Школенко

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7

Часть V

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

А: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЗАПАД

Глава 25. Принципы внешней политики	15
Глава 26. Налаживание дипломатических отношений	27
а) Великобритания	27
б) Франция	35
в) Германия	43
Глава 27. Коминтерн: V конгресс	59
Глава 28. Коминтерн и компартии (1)	76
а) Коммунистическая партия Германии (КПГ)	76
б) Коммунистическая партия Великобритании (КПВ)	90
в) Французская коммунистическая партия (ФКП)	103
г) Итальянская коммунистическая партия (ИКП)	118
д) Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ)	126
е) Коммунистическая партия Польши (КПП)	135
ж) Болгарская коммунистическая партия (БКП)	147
з) Коммунистическая партия Югославии (КПЮ)	158

	Стр.
и) Коммунистическая партия Швеции	167
к) Рабочая партия Америки	171
<i>Глава 29. Год Локарно</i>	<i>179</i>
<i>Глава 30. Коминтерн: V пленум ИККИ</i>	<i>203</i>
<i>Глава 31. Коминтерн и компартии (2)</i>	<i>222</i>
а) Коммунистическая партия Германии (КПГ)	222
б) Коммунистическая партия Великобритании (КПВ)	241
в) Французская коммунистическая партия (ФКП)	247
г) Итальянская коммунистическая партия (ИКП)	259
д) Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ)	263
е) Коммунистическая партия Польши (КПП)	268
ж) Болгарская коммунистическая партия (БКП)	277
з) Коммунистическая партия Югославии (КПЮ)	281
и) Рабочая партия Америки	285
<i>Глава 32. После Локарно</i>	<i>291</i>
а) Великобритания	291
б) Франция	294
в) Германия	299
г) Западные приграничные страны	309
<i>Глава 33. СССР и Лига Наций</i>	<i>317</i>
<i>Глава 34. СССР и США</i>	<i>326</i>
<i>Глава 35. Коминтерн: VI пленум ИККИ</i>	<i>345</i>
<i>Глава 36. Коминтерн и профсоюзы</i>	<i>370</i>
а) Кампания за единство	370
б) Конгрессы 1924 г.	388
в) На гребне борьбы	398
г) Угасающие надежды	408
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	<i>420</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том, издающийся в двух частях, является третьим и последним томом раздела «Социализм в одной стране, 1924—1926» моей работы «История Советской России». И время, прошедшее с момента выхода в свет первого и второго томов, и объем данного тома далеко превосходили мои ожидания и намерения. По мере работы я обнаруживал все новые и новые представляющие интерес материалы, которые было просто невозможно игнорировать. Становилось все более ясным, что в эти годы установилась определенная линия как в области внешних сношений Советского правительства с другими правительствами, так и в области интеграции политики Коминтерна с политикой Советского правительства, которая сохранялась многие годы и требовала тщательного исследования.

Трудность, упомянутая мною в предисловии к первому тому, а именно, что я работаю в области, где у меня мало предшественников и ориентиров, при написании этого тома ощущалась не менее остро и вновь должна послужить мне извинением за возможные ошибки в трактовке массы фактов. После публикации в 1930 г. работы Луиса Фишера «Советы в мировых делах», за исключением нескольких монографий, не появилось ни одной значительной работы о советских дипломатических отношениях 20-х годов. Советские, английские и французские государственные архивы все еще недоступны. Но не следует ожидать сенсаций, когда откроются эти архивы, ибо уже стала доступной масса материалов из других источников. Пусть это звучит парадоксально, но самое серьезное затруднение для историков, занимающихся этим периодом советской внешней политики, — это наличие в виде фотокопий практически полного архива министерства иностранных дел Германии, личных бумаг Штресемана, Брокдорф-Ранцау и некоторых немецких военных руководителей. Очевидно, пройдет не одно десятилетие, прежде чем эта масса документов сможет быть полностью обработана учеными; и пока эти документы не будут положены рядом с аналогичными документами из других стран, неизбежно некоторое искажение перспективы. Не могу утверждать, что я добился большего, нежели беглое ознакомление с этим богатым источником. Но, как покажут примечания, я достаточно полно

пользовался им для освещения некоторых аспектов советско-германских отношений. Соответствующие японские архивы все еще остаются целиной для исследователей.

Аналогичные проблемы возникают в связи с изучением истории Коммунистического Интернационала. Здесь, хотя официальные архивы также не открыты, изобилие доступных материалов контрастирует с заметным недостатком серьезных научных исследований по этой теме на любом языке. «Коммунистический Интернационал» Боркенау, опубликованный в 1938 г., представляет собой скорее сборник очерков об отдельных эпизодах, чем исследование, а все опубликованное впоследствии значительно уступает этой работе. До настоящего времени лишь две опубликованные работы по истории коммунистических партий являются приемлемыми: история болгарской партии Дж. Ротшильда и история американской партии Теодора Дрейпера, а эти партии не играли большой роли. В 20-х годах советские руководители — какой бы ни стала их позиция позже — полностью сознавали громадное превосходство материальной мощи капиталистических стран и испытывали в этой связи глубокую тревогу. Отношения с зарубежными коммунистическими партиями, а также тред-юнионами и другими группами, в рядах которых можно было найти или завербовать сочувствующих, играли в эти годы важную роль в оборонительной стратегии Советского Союза. Эти существенные страницы истории нельзя полностью уяснить без определенного знания того, что происходило в отдельных партиях. Такое соображение и вынудило меня уделить внимание тому, что некоторые читатели могут расценить как излишнее увлечение вопросами, которые сейчас представляются менее важными, чем в свое время.

С сожалением я отказался от мысли составить библиографию для этого раздела своей работы. Простое перечисление крайне большого числа источников, указанных в примечаниях (с исчерпывающими сведениями о них) стало бы неблагодарным трудом. Составление чего-либо похожего на полную библиографию для этих лет было за пределами моих возможностей без помощи группы сотрудников. Сегодня ученый находится в лучшем положении с точки зрения возможности выявления существующих материалов и (с появлением микрофильмирования) получения доступа к ним, чем пятнадцать лет назад, когда я приступил к работе над этой книгой. Свои сложности есть и в вопросе о библиографии по Коммунистическому Интернационалу. Практически все важнейшие документы опубликованы на русском и немецком языках, многие из них также на французском и английском, хотя документы на французском и английском языках подчас излагаются в сокращенных вариантах; как правило, я использовал их лишь при отсутствии русского или немецкого текстов. Выбор между русским или немецким текстом в основном определялся соображением целесообразности. Для работы над материалами конгрессов я прибегал к немецким текстам, ибо заседания велись чаще всего

на немецком языке; материалы ИККИ я изучал по русским текстам, поскольку некоторые немецкие тексты не были мне доступны. Над журналом «Коммунистический Интернационал» я работал по русскому тексту, ибо он наиболее полный по сравнению с текстами на других языках; над журналом «Internationale Presse-Korrespondenz» — по немецкому тексту по этой же причине. Периодически я сверял тексты одного и того же документа на различных языках и указывал в примечании существенные расхождения между ними. Представляется маловероятным, что кто-нибудь в будущем возьмет на себя огромный труд систематического сопоставления этих различных текстов.

Я должен вернуться к одному моменту технического характера в предисловии к предыдущему тому. Ссылки в примечаниях на том 1 или том 2 относятся к разделу «Социализм в одной стране, 1924—1926»; два предшествующих раздела указываются под их заглавиями: «Большевистская революция, 1917—1923» и «Междоусобица 1923—1924». Когда я приступил к работе над «Историей», было решено рассматривать каждый раздел как самостоятельную работу, разделенную на тома, и не давать «Истории» в целом последовательной нумерации томов. Однако возникла некоторая путаница в связи с «неофициальным» применением именно такого порядка нумерации. Так, на тт. 1 и 2 «Социализма в одной стране, 1924—1926» иной раз ссылаются как на тт. 5 и 6 «Истории». Первоначальное решение было, видимо, неудачным. Но сейчас трудно изменить порядок нумерации томов, и я надеюсь поэтому, что на настоящий том будут ссылаться как на т. 3, части 1 и 2 раздела «Социализм в одной стране, 1924—1926», а не как на т. 7 или тт. 7 и 8 «Истории».

Мне остается выразить горячую благодарность всем тем, кто оказал мне щедрую и незаменимую помощь в течение многих лет моей работы над «Историей». Перечисление их заняло бы так много места, что я не могу упомянуть их всех здесь и прошу их поверить, что лишь недостаток места, а не недостаток чувства признательности, служит причиной отсутствия в этом предисловии многих имен, имеющих право быть здесь упомянутыми. Однако я считаю должным отметить исключительную благожелательность некоторых организаций и доброе отношение отдельных лиц.

Исследовательский центр наук о поведении в Стэнфорде, где я работал в 1959—1960 гг., обеспечил мне исключительно благоприятные условия и среду. Я глубоко благодарен Центру и его директору Ральфу Тайлеру за весьма плодотворный год. Близость этого учреждения к центру Гуверовского института, библиотека которого по-прежнему является самым богатым книгохранилищем Запада по истории Советского Союза в 20-х годах, и в частности по его внешним сношениям, с моей точки зрения оказалась весьма полезным и удачным моментом. Приношу мою искреннюю благодарность ее директору д-ру Витольду Сквораковскому, г-же Арлин Поль и другим сотрудникам библиотеки за содействие, оказанное

ими в поисках необходимого мне материала. Я весьма обязан Центру русских исследований Гарвардского университета и его секретарю г-же Элен Парсонс, а также сотрудникам Хаутонской библиотеки, в которой я работал над архивами Троцкого летом 1960 г. Американское философское общество предоставило мне щедрую субсидию на два года для оплаты помощи в исследовательской работе при подготовке этого тома; я получил также субсидию от фонда «XX век», что позволило мне приобрести крайне необходимые микрофильмы. Я приношу этим организациям свою искреннюю благодарность за содействие. В Англии, как и прежде, я постоянно пользовался библиотеками Британского музея, Лондонской школы экономических прогнозов и Королевского института международных отношений, а также собранием микрофильмов университетской библиотеки Кембриджа. Приношу свою особую признательность сотрудникам библиотеки моего колледжа за их неизменную помощь в получении книг из других библиотек.

Здесь необходимо также упомянуть некоторых лиц, чья помощь была особенно щедрой и ценной. Незнание языков стран Азии было для меня серьезным барьером. Профессор Эшитака Ока из Токийского университета любезно согласился консультировать меня по опубликованным японским источникам, затрагивающим советско-японские отношения, и предоставил мне переводы наиболее интересных мест. Д-р Чжу Дусуй, ранее сотрудник отдела науки Стэнфордского университета, а сейчас преподаватель истории в университете в Гонконге, проверил для меня китайские источники по многим сомнительным или противоречивым моментам. Профессор Оуэн Латтимор вновь поделился со мной своими уникальными знаниями по Монголии. Профессор У.Эпплмен Уильямс из Висконсинского университета предоставил мне богатую информацию по советско-американским отношениям и передал мне копии важных материалов из архивов Гумберга в университетской библиотеке. Профессор школы славянских и восточноевропейских исследований Ф.Л.Карстен, г-н Р.П.Морган из Суссекского университета и г-н Джон Эриксон из Манчестерского университета своим содействием облегчили мне тяжелый процесс исследований немецких архивов и обратили мое внимание на детали, которые я без их помощи упустил бы из виду. Исследование франко-советских отношений, проведенное г-ном Стюартом Шрамом, стало для меня неоценимым руководством; к тому же он дополнил мою работу новыми фактами и помог своими советами. Профессор Иван Авакумович из Манитобского университета позволил мне избежать многих промахов, которые подстерегают ученого, не знающего положение дел в Югославии, а также широко ознакомил меня с результатами своих исследований по статистике числа членов коммунистических партий в 20-х годах. Эти данные я намерен подробно представить в одном из последующих томов.

Но самое большое чувство признательности за помощь при подготовке этого тома я испытываю к г-же Ольге Гесс-Ганкин.

Ее длительная работа в Гуверовском институте позволила ей приобрести превосходное знание источников по внешним сношениям Советского Союза в течение десяти лет после революции и особенно по первым годам существования Коммунистического Интернационала. Она не только щедро делилась со мной этими знаниями, но также провела для меня весьма тщательное исследование запутанных и сложных моментов и помогла своими советами по многим спорным вопросам. Многие главы этого тома могли быть не написаны — или не написаны в нынешнем виде — без ее содействия. Поэтому с особым чувством долга я приношу ей здесь свою благодарность.

Еще одно имя нельзя упустить. Джин Файф, младший научный сотрудник Центра русских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета, не только отпечатала основную часть моей рукописи, но — и я ей признателен за это — выправила корректуру и провела весьма сложную работу по составлению индекса.

Следующий раздел «Истории», как уже сообщалось, охватит период 1926—1929 гг. и будет называться «Основы плановой экономики». Начата работа над первым томом этого раздела. Я счастлив, что мне удалось заручиться согласием на сотрудничество со стороны г-на Р.У.Дэвиса, директора Центра русских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета, который разделит со мной ответственность за написание указанного тома. Надеюсь, что с его помощью работа может быть завершена за время, более краткое, нежели то, которое отделяет этот том от предшествующих ему.

Э. Карр

5 октября 1963 г.

Часть V

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

А: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЗАПАД

ГЛАВА 25

ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Концепция внешней политики как особого вида деятельности со своими нормами и принципами вначале была абсолютно чужда мышлению большевиков. «Нет более ошибочной и более вредной идеи, — писал Ленин накануне революции — чем отрывание внешней от внутренней политики»¹. В атмосфере ликования по поводу большевистской победы казалось, что целостность революционной политики не встретит затруднений. Содействие укреплению и распространению революции было сущностью политики, внутренней и внешней. Однако, когда ближайшая цель распространения революции на Западную Европу оказалась недостижимой, а окончание гражданской войны означало отказ капиталистических держав от прямых и открытых попыток свергнуть революционное правительство, столь простого отождествления внутренней политики с внешней оказалось недостаточно. Конституция СССР 1924 г. в отличие от Конституции РСФСР 1918 г. отметила наличие специфической проблемы международных отношений; она исходила из предпосылки разделения мира на «два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма», а также указывала на «клубок национальных противоречий, угрожающих самому существованию капитализма». Два основных принципа, вытекающих из марксистского учения, оставались неизменными. Во-первых, классовый антагонизм в конечном счете являлся определяющим фактором международных отношений, поэтому перманентное примирение между Советским Союзом и капиталистическим миром было немыслимым. Это означало, что хотя советская военная сила и не использовалась для распространения революции на другие страны, эти страны, по оценке советских руководителей, должны опасаться советского строя как центра революционного движения, которое, в конечном итоге, неизбежно сокрушит капиталистическую систему. Поэтому эти страны сделают все возможное, чтобы окружить и изолировать Советский Союз, а при благоприятных обстоятельствах — предпринять против него активные военные действия. Угроза со стороны капиталистического мира остается постоянным фактором, который советская внешняя политика должна учитывать. Во-вторых, присущие капитализму противоречия, так ярко продемонстрированные войной 1914 г., останутся в силе и будут мешать.

объединенным действиям капиталистического мира против Советского Союза. Поэтому советская политика должна усиливать эти противоречия, вступать в соглашения и поддерживать наиболее слабую и менее опасную из тех или иных двух капиталистических стран или групп таких стран в качестве гарантии против угрозы Советскому Союзу со стороны более могучих и более опасных.

Взгляды на отношения с внешним миром, распространенные в Советском Союзе весной 1924 г., содержали элемент парадоксальности. С одной стороны, надежды на скорое распространение революции, уже ослабевшие после 1921 г., безнадежно рухнули после поражения восстания в Германии в октябре 1923 г. и сменились общим тоном разочарования². С другой стороны, признание правительствами Великобритании и Италии Советского правительства в феврале 1924 г. и последовавшие дипломатические признания меньшего значения³ обеспечили Советскому Союзу прочный дипломатический статус среди европейских держав. Эта победа советского строя отличалась от революционной победы, которая так уверенно предсказывалась и с которой связывались все прежние надежды. Но это была несомненная победа, и она помогла сформировать новое отношение Советского Союза к внешнему миру. Элемент стабильности появился в советском представлении о мире — стабильности капиталистических стран, которые вопреки ожиданиям смогли выжить перед лицом угрозы неотвратимой революции, стабильности Советской власти, которая перестала находиться под угрозой прямых и постоянных атак врагов внутри страны и извне и заняла прочное международное положение. Все это неизбежно вело к определенной стабилизации отношений между Советским Союзом и капиталистическими странами. Кажущийся парадокс заключался в признании стабилизации в качестве цели, пусть даже временной, революционного строя. Но в этом вполне оправданно нашло отражение обращение к прошлому, к передышке НЭПа, а также к будущему, к более прочной концепции социализма в одной стране. Отношения с внешним миром перестали рассматриваться, в основном или исключительно, сквозь призму мировой революции. Из двух основных элементов двойственной политики Советского Союза — содействие мировой революции и обеспечение национальной безопасности, — которые находились в скрытом взаимном конфликте еще со времен Брест-Литовска⁴, второй, видимо, явно заявил свои права на приоритет.

Было бы ошибкой усматривать в этом повороте победу «государственных соображений» над «принципами»⁵, как порой утверждали некоторые наблюдатели — современники событий тех лет. Это был переход от долгосрочной наступательной политики, от которой в теории никогда не отказывались, к краткосрочной оборонительной политике, которая на практике никогда не исключалась. Круг замкнулся. Сосуществование двух миров будет продолжаться, подобно НЭПу, «всерьез и надолго»⁶, хотя и не вечно.

Параллель с НЭПом тоже не случайна. На XIII съезде партии Зиновьев заявил, что «никогда наша международная политика не была так неразрывно связана с внутренней политикой, как сейчас»⁷. Во-первых, преобладание крестьян в населении страны, что было определяющим фактором при введении НЭПа, предопределило переход к внешней политике, преследующей непосредственные интересы советской политики и экономики, а не повсеместное распространение революции; это было одним из уроков польской кампании 1920 г.⁸ Во-вторых, установление преемственной связи с прошлым, возвращение к традиционным методам⁹, символом чего был также НЭП, имело особое значение для сферы внешних сношений, где Советское правительство с самого начала стало заниматься защитой государственных интересов, унаследованных от правительства России. Во внешней политике в гораздо большей степени, чем внутренней, новый строй начинал не на пустом месте. Стремление упорядочить внешние сношения, четко проявившееся после серии признаний в 1924 г., в значительной степени означало реконструкцию прежних основ.

Вступление Советского Союза в сообщество наций потребовало от него определить свое отношение к международному праву. Марксистская теория права оказалась скорее помехой, чем благом для советских юристов, оказавшихся перед практической задачей разработки советской системы права¹⁰. Марксистских положений, конкретно применимых к международному праву, не существовало, хотя теория права как часть надстройки общества могла привести взыскательных марксистов к утверждению, что никакое право не может охватывать две диаметрально противоположные социальные системы. Но такое резкое отрицание международного права никогда не разделялось советскими руководителями, которые с самого начала предложили вступить в договорные отношения с капиталистическими державами и фактически поступили так в Брест-Литовске¹¹ и во многих других случаях. Первоначальное нежелание обращаться к правам, приобретенным по договорам, подписанным прежним правительством России, естественное в то время, когда долги царского режима решительно не признавались, было постепенно преодолено. Когда Советское правительство отказалось от особых договорных прав, приобретенных царской Россией в Китае, Персии и Турции, оно использовало формулировки, означающие добровольный акт отказа, а не положение, в силу которого права автоматически становятся недействительными. Первым случаем, когда правительство официально заявило о правах, вытекающих из договора, заключенного царским правительством, видимо, стал его протест против договора, подписанного западными державами в феврале 1920 г. без участия Советской России, об уточнении статуса Шпицбергена¹². В ноябре 1924 г. во время спора о праве доступа на остров Врангеля в Арктике Чичерин, направив ведущим державам ноту со ссылкой на заявление правительства России в 1916 г. о том, что острова у север-

ного побережья Сибири «составляют неразрывную часть территории России», утверждал, что эти острова теперь являются частью РСФСР, и от имени СССР выразил протест против «нарушения своих территориальных прав со стороны иностранцев в отношении некоторых островов»¹³. НЭП, а также установление торговых отношений с Западом, озаглавленное англо-советским торговым соглашением в марте 1921 г., повысило значение договоров в советской теории и практике. После того, как в этом же месяце Советская Россия заключила Рижский договор с Польшей, все ее европейские границы были закреплены договорами с ее соседями, за единственным исключением границы с Румынией¹⁴. На конференции в Генуе Чичерин подчеркнул, что право частной собственности обеспечивается советской системой права, а в своем заявлении при открытии конференции указал, что «экономическое сотрудничество между государствами, представляющими две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления»¹⁵.

В 1924 г. в работе, озаглавленной «Международное право переходного времени»¹⁶, Е.Коровин впервые предпринял попытку изложить советскую точку зрения на международное право в духе марксизма. Не раскрывая и не объясняя причин, он указал на несоответствие между отказом от международных обязательств, взятых на себя бывшим русским правительством, и предъявлением прав на основе договоров, «под текстом которых фигурируют печать и подпись императорского посла»¹⁷. Подобно всем марксистам, как и большинству русских юристов всех времен, он отрицал концепцию естественного права и выводил право из воли государства. Этот принцип не затрагивается положением марксизма о государстве как выразителе интересов определенного класса. Это положение в теории подводит к классовой точке зрения на международное право. Однако практические выводы из него если когда-либо и делались, то очень редко¹⁸. «Переходное время» (термин, употребленный Коровиным в заглавии своей книги) — это период сосуществования социалистического и капиталистических государств; международное право этого периода — неизбежный компромисс между двумя противостоящими системами, позволяющий им сотрудничать в некоторых ограниченных областях к их взаимной выгоде. Договоры, считает Коровин, являются единственным подлинным источником международного права; обращение к «обычаям» и «принципам международного права» характерно для буржуазной юриспруденции и не имеет законной силы или значения для советской практики¹⁹. Хотя много лет никто не пытался оспорить теорию международного права, выдвинутую Коровиным, юрисконсульт Наркоминдела Сабанин в рецензии на эту книгу в журнале комиссариата отметил, что утверждение Коровина о приоритете «договоров» над «обычаем» в качестве источника международного права основано на «несомненном недоразумении», и указал на договоры, заключенные Советским Союзом, в которых

обычаи или общие принципы международного права были прямо оговорены или подразумевались²⁰. Результатом этой дискуссии было почти полное исчезновение поддающихся выявлению расхождений между теорией и практикой международного права в Советском Союзе и в капиталистическом мире.

Критикуя некоторые утверждения Коровина, Сабанин, в частности, указал, что права дипломатических представителей, как правило, определяются обычаем. Этим формальным сторонам отношений с внешним миром уделялось много внимания. Декрет от 4 июня 1918 г., отменявший прежние ранги посла и посланника и устанавливавший для советских представителей за границей единое звание полпреда²¹, дополненный декретом от 18 октября 1918 г. о назначении консульских агентов из числа советских граждан, а там, где их не было — граждан соответствующих стран²², оставался в течение всего периода гражданской войны основой скудной советской дипломатической службы. Затем 26 мая 1921 г. было принято общее положение о советских органах за границей. Оно поставило полпреда во главе всей дипломатической, консульской или торговой деятельности в стране его пребывания с оговоркой, что он не вправе брать на себя руководство «специальной технической работой представителей других ведомств и органов»²³. Декрет от 30 июня 1921 г. определял статус иностранных дипломатических представительств в РСФСР²⁴. Поток признаний Советского Союза де-юре в 1924 г. постепенно изменил подход к дипломатическим отношениям. Первый прорыв в строгом единообразии системы полпредов произошел при заключении Советско-китайского договора 31 мая 1924 г., когда советское и китайское правительства согласились обмениваться представителями в ранге послов, тем самым обеспечив советскому послу в Пекине престижный статус дуайена дипломатического корпуса²⁵. Но наступившие осложнения в дипломатических отношениях с правительством Муссолини²⁶ стали причиной издания Президиумом ЦИК 21 ноября 1924 г. новых руководящих указаний полномочным представителям Союза ССР. Установление нормальных дипломатических отношений почти со всеми странами мира, говорилось в нем, представляет «серьезные экономические и политические выгоды», которые, однако, влекут за собой «и некоторые специфические затруднения, вытекающие из основного общественного и бытового различия между советским государством и всеми остальными странами». Советским представителям следует «соблюдать ту простоту форм и экономию в расходах, какие соответствуют духу советского режима». Не должно рассматриваться «как акт пропаганды или как демонстрация политического характера, если советские представители воздержатся от участия в манифестациях, имеющих монархический и вообще чуждый советскому строю характер». В равной мере не будет считаться проявлением неприязни, «если дипломатические представители дружественных государств» будут отказываться участвовать в

торжествах или собраниях революционного характера»²⁷. Эти формальные различия легко провести, если только обе стороны согласны с ними. Но хотя желание упорядочить дипломатические отношения с зарубежными странами в то время возобладало над надеждой содействовать революции в ближайшем будущем, долгосрочный революционный элемент в советских перспективах был неискореним и создавал причины для постоянного недоверия, если другие соображения оказывались недостаточно сильными, чтобы преодолеть его.

Учреждением, воплощавшим для внешнего мира революционный фактор в советской внешней политике и в перспективных планах, был Коммунистический Интернационал. В первые годы после революции советская внешняя политика и коммунистические цели в других странах были неразрывны и не отличались друг от друга. Летом 1920 г. было бессмысленно задаваться вопросом о том, было ли вторжение в Польшу предпринято в интересах международного коммунизма или советской политики; конгресс народов Востока в сентябре того же года в Баку в равной степени служил обоим целям. Из 21 условия принятия в Коминтерн, которые были составлены в 1920 г., статья 14 требовала от каждой партии «оказывать беззаветную поддержку каждой советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил»²⁸. Это требование в столь общей форме, казалось бы, не вызывало возражений. Однако после 1921 г., когда необходимость защиты единственных в своем роде достижений пролетарской революции в Советском Союзе возобладала над надеждой распространения этих достижений на другие страны, стали выдвигаться обвинения в том, что дело международного коммунизма подчинено интересам советского государства²⁹. Ответ на эти обвинения мог состоять лишь в том, что обе задачи фактически представляют собой одно целое. Накануне открытия IV конгресса Коминтерна в ноябре 1922 г. «Известия», в намеренно вызывающих выражениях, выдвинули этот тезис: «Коминтерн опирается на Советскую Россию... Взаимная солидарность советских республик и Коммунистического Интернационала представляет уже факт повседневной действительности... Идейная, моральная и материальная связь между ними основывается на полной солидарности интересов»³⁰.

IV конгресс Коминтерна заменил общие положения 21 условия четким предписанием о защите Советской России как единственной революционной державы³¹. В интервью 1 марта 1923 г. Троцкий вновь отрицал возможность «противоречий между задачами Советской республики и III Интернационала», поскольку «рабочий класс всего мира заинтересован в укреплении Советской России», а «национальные интересы России совпадают с интересами ее руководящего класса, то есть пролетариата»³². Поражение в Германии в октябре 1923 г., отодвинув перспективы революции в Европе в отдаленное будущее, лишь подчеркнуло это тождество.

Укрепление экономической и военной мощи Советского Союза, теперь ставшее первостепенной задачей Советского правительства, отвечало также высшим интересам пролетариата во всем мире, ибо от Советского Союза требовалось удерживать свои позиции до тех пор, пока пролетарская революция не сможет возобновить свое продвижение в какой-либо другой стране. Делу пролетариата во всем мире не мог быть нанесен больший ущерб, чем политическая катастрофа в Советском Союзе.

«„Русский” вопрос, — говорил Сталин в июле 1924 г., — имеет решающее значение для всего революционного движения как на Западе, так и на Востоке. Почему? Потому что Советская власть в России — это база, оплот, прибежище революционного движения всего мира». Поэтому поражение этой власти означало бы, что «все революционное движение во всем мире должно потерпеть серьезнейший минус»³³. Если капиталистическое правительство какой-либо страны не занимает враждебную позицию в отношении Советского Союза, а наоборот, выступает против другого капиталистического правительства, стоящего на такой позиции, то долг рабочих этой страны может состоять в отказе от выступлений против своего правительства, а при определенных условиях — даже в оказании ему условной и временной поддержки, — требование, которое порой становилось тяжелым бременем для коммунистической партии, подвергавшейся репрессиям со стороны этого правительства³⁴. Основная задача рабочих других стран в новый период — уже не революционные действия против их правительств (задача, ставшая для них невыполнимой), а противодействие враждебным акциям таких правительств против Советского Союза. Чем опаснее угроза для Советского Союза, тем более императивным становится это обязательство.

Выступая на X съезде Коммунистической партии Германии в июле 1925 г., Мануильский указал на «новую волну агрессии против СССР» и сформулировал задачи, которые из этого следуют: «Главная задача, которая стоит сейчас перед Коминтерном в связи с новым периодом развития послевоенного империализма, — это вызвать в сознании рабочих кровавый призрак войны во всем его облики... Эта работа — не музыка будущего, это реальность сегодняшнего дня»³⁵. Но такой довод можно также легко истолковать по-иному. Служение делу Советского правительства в равной степени означает служение делу международного коммунизма. Пока это тождество продолжало утверждаться, его проявления в области дипломатии стали причиной постоянных неприятностей. Когда Советское правительство обязалось по Брест-Литовскому договору воздерживаться от пропаганды против своего партнера по договору, никто не воспринял это серьезно; такие нарушения можно было легко оправдать. Правительство Германии рухнуло в момент, когда оно собиралось заявить против них серьезный протест. Однако, когда Советское правительство дало такие же заверения по англо-советскому торговому соглашению в марте

1921 г., положение было совершенно иным. Важной целью этого соглашения было укрепление в мире экономических и политических позиций Советской России; и эта цель, как свидетельствуют многочисленные протесты, завершившиеся ультиматумом Керзона, была поставлена под угрозу постоянной антибританской пропагандой. Коммунистический Интернационал стал теперь достаточно известным и широко рекламируемым учреждением. Уверенность в конечной победе революции и долг содействовать ей активной пропагандой среди рабочих были краеугольным камнем существования Советского строя. Коминтерн был главным органом, с помощью которого советские руководители могли рассчитывать на мобилизацию поддержки рабочих капиталистических стран для защиты Советского Союза. Единственный выход из этой дилеммы состоял в том, чтобы провести как можно более четкое разграничение между Коминтерном и Наркоминделом и настаивать на том, что Советское правительство не несет какой-либо ответственности за Коминтерн — самостоятельную международную организацию. Первоначально не делалось никаких серьезных попыток установить даже формальное разграничение. Чичерин в качестве народного комиссара иностранных дел был непосредственно связан с созданием Коммунистического Интернационала³⁶. Но примерно с 1924 г. открытые контакты между этими двумя инстанциями не афишировались. Утверждение, что Коминтерн полностью независим от Советского правительства в финансовом, организационном и идеологическом отношениях, стало одной из наиболее привычных банальностей советской дипломатии³⁷.

Эта проблема явно обострилась в период 1923—1925 гг. Деятельность в Азии, против которой и был, главным образом, направлен ультиматум Керзона, не прекращалась, хотя она имела мало общего с Коминтерном; активность Коминтерна в Германии в 1923 г., видимо, предвещала новую вспышку революционных страстей в Европе. В эти годы Советское правительство получало бесчисленные протесты по поводу деятельности Коминтерна и выступлений его руководителей, особенно Зиновьева. Порою обоснованность протеста отвергалась. Некоторые протесты, почти без сомнения, были основаны на фальшивых документах, таких как письмо Зиновьева или соглашение, якобы заключенное между Крестьянским Интернационалом и Республиканской крестьянской партией Хорватии³⁸. Когда возможности отвергнуть не было, протесты встречались вежливым отрицанием ответственности за деятельность Коминтерна, как было уже сделано (и не принято британской стороной) в ответе на ультиматум Керзона³⁹. В продолжительной беседе по этому вопросу в декабре 1923 г. с Брокдорф-Ранцау, послом Германии, Чичерин украсил это отрицание ответственности утверждением, что нельзя из факта нахождения центра III Интернационала в Москве делать выводы более значительные, чем из факта нахождения центра II Интернационала в Брюсселе короля Леопольда II. Присутствовавший на беседе Радек

с одобрением сослался на слова, якобы сказанные Зеектом, которые тоже отражали тезис об отрыве коммунизма от внешней политики: «Мы должны свернуть шею коммунистам в Германии, но пойдем вместе с Советским правительством». Чичерин здесь заметил: «Муссолини теперь наш лучший друг»⁴⁰. Несколькими неделями позже Брокдорф-Ранцау в записке Штреземану, как бы желая примириться с этой удобной фикцией, писал: «Двойственность русской политики является фактом, с которым не только мы, но и все великие державы должны считаться. Граница между Советским правительством и III Интернационалом по-прежнему существует»⁴¹. Заверения о полном разграничении деятельности двух этих органов были частью дипломатической игры и воспринимались теми, кто давал их, не более серьезно, чем теми, кому они были адресованы. Когда в марте 1925 г. Чичерин, докладывая в ЦИК СССР об одном таком случае, сказал: «Мы принуждены были еще раз заявить формально германскому правительству, что наше правительство не ответственно за действия Коминтерна и не имеет с ним ничего общего», то это заявление, по сообщению германского дипломата, присутствовавшего на заседании, было встречено взрывом смеха⁴². Когда заверения такого рода принимались другой стороной, они принимались не потому, что в них верили, а потому, что так было удобно. Вскоре после разговора Брокдорф-Ранцау с Чичериным, состоявшегося в декабре 1923 г., Вальрот, занявший после Мальцана пост директора восточного департамента МИД Германии в конце 1922 г., узнав о передаче оружия немецким коммунистам одним сотрудником советского торгпредства, благодушно рассуждал о том, как важно избежать «второго дела Иоффе», то есть высылки советского дипломатического представителя: «Странный поворот произошел бы в нашей русской политике, которая строилась так тщательно и с таким трудом в течение ряда лет, если бы Германия разорвала отношения в тот момент, когда Чичерин пожелал бы воспользоваться какой-нибудь возможностью и с помпой появиться на сцене под ручку с Муссолини и Пуанкаре»⁴³.

В феврале 1924 г. советский полпред в Таллине выступил с протестом против появившихся в печати заявления министра внутренних дел Эстонии, поставившего знак равенства между Советским правительством, Коминтерном и Профинтерном, а также утверждавшего, что контакты с эстонскими коммунистами ведутся через «одно из дипломатических учреждений, близко стоящих к Коммунистическому Интернационалу». Эстонское правительство с готовностью выразило сожаление по поводу опубликования заявлений, основанных на неподтвержденных фактах, а Советское правительство великодушно сочло этот инцидент «исчерпанным»⁴⁴. «До настоящего времени я прилагал все силы, — писал Штреземан послу США 4 июня 1925 г., — чтобы провести четкую разграничительную линию между русским правительством и III Интернационалом»⁴⁵. Но это было примером односторонней аргумен-

тации по удобному поводу. 13 июня 1925 г. в беседе с Литвиновым Штреземан занял другую позицию: «Несмотря на трудности, которые коммунистическая пропаганда создает для нас в стране, и хотя мы не можем признать излюбленное Россией различие между III Интернационалом и русским правительством, мы твердо придерживаемся того принципа, что наши страны тесно связаны между собой и должны иметь добрые отношения друг с другом»⁴⁶.

Однако, хотя не было больших иллюзий в отношении ответственности советских руководителей за слова и дела Коминтерна или их способности контролировать действия этого учреждения, другая и более тонкая линия обороны использовалась с большим успехом. Пресс-атташе Наркоминдела усердно внушал иностранным представителям отрадную для них идею о разногласиях в руководстве по поводу некоторых прав Коминтерна и Наркоминдела, что пылким воображением дипломатов подчас раздувалось в столкновение между партией и правительством. Именно в таком тоне Брокдорф-Ранцау писал Мальцану через несколько дней после неудачи коммунистического переворота в Германии в 1923 г.: «Дело дойдет до пробы сил между руководством партии и Советского правительства, и я намерен по мере возможности подталкивать эти явно проявившиеся разногласия к разрыву. Можно отметить появившееся здесь разочарование, особенно в связи с событиями в Саксонии и провалом путча в Гамбурге. Возобладает ли трезвый подход, проживем — увидим. Если это произойдет, то такой подход повлечет за собой значительное усиление тенденций, отражающих позицию Наркоминдела. А сейчас горячие головы, к которым, помимо Бухарина и Зиновьева, следует отнести и Сталина (хотя он старается держаться в тени), видимо, берут верх»⁴⁷.

Этот анализ говорит о глубоком непонимании метода деятельности советских органов. Разногласия могли возникать и действительно возникали между советскими представителями за границей и зарубежными коммунистами. Итальянская компартия резко протестовала против дружеских отношений с Муссолини, которые поддерживал советский полпред в Риме⁴⁸. С другой стороны, Чичерин был озадачен энтузиазмом, которым отличалась его встреча с сотней немецких рабочих-коммунистов во время одной из его поездок в Берлин⁴⁹. Расхождения во мнениях наблюдались внутри партии или в советском аппарате, и иной раз это выражалось в проведении явно противоречивой политики. В первые годы революции Радек имел возможность или поощрялся к тому, чтобы опробовать свой курс в отношении Германии, хотя он не встречал полного одобрения со стороны большей части партийных руководителей в Москве. Это было задолго до того, как административный аппарат стал достаточно эффективным или сильным, чтобы добиться какого-то единообразия во всей своей сфере влияния. Но не было и не могло возникнуть вопроса о «расколе» в Москве между «партией» и «правительством» или между «опро-

метчивыми» партийными руководителями и «осторожными» чиновниками Наркоминдела. Но такая иллюзия усиливалась острыми разногласиями в партии. Широко бытовало мнение, что поражение Троцкого, расценивавшееся как отказ от «перманентной революции» в пользу «социализма в одной стране», было победой сдержанности во внешней политике. То, что происходило на XIV съезде русской партии в декабре 1925 г., в Западной Европе повсеместно расценивалось как борьба между «экстремистами», подобными Зиновьеву, которые настаивали на продолжении революционной деятельности Коминтерна даже ценой конфликта Советского Союза с остальным миром, и «умеренными», подобными Сталину, которые выступали за «реалистическую» политику уступок капиталистическим странам. Выражалось удовлетворение в связи с тем, что мнение умеренных взяло верх⁵⁰. И все же такое истолкование ситуации, как покажет последующее изложение событий, было полностью ошибочным. Считать эту борьбу проявлением принципиальных расхождений во взглядах на советскую внешнюю политику означало глубокое непонимание ее характера. Утверждать, что у Наркоминдела была своя политика или что он мог оказывать какое-то свое влияние, значило еще дальше отойти от истины. Политика, проводимая Наркоминделом и Коминтерном, в конечном счете определялась в Политбюро русской партии.

Однако, какой бы ни была подлинная суть дела, все стороны были заинтересованы в течение всего рассматриваемого периода в том, чтобы изображать Наркоминдел перед всем миром как борца за умеренную внешнюю политику вопреки сопротивлению революционных экстремистов и потому заслуживающего одобрение и симпатию иностранных правительств. В мае 1924 г. Брокдорф-Ранцау после «откровенного разговора» с Чичериным загадочно сообщал в отчете, что «неспособность Советского правительства отстоять свои права перед Коминтерном и русской коммунистической партией может утверждаться не более категорически, чем опровергаться»⁵¹. В следующем месяце «Правда» поместила карикатуру, изображавшую Чичерина, который, стоя на заднем плане, рвет на голове волосы, а на переднем плане Зиновьев произносит речь с трибуны, которая, вне всякого сомнения, является трибуной Коминтерна⁵². Иностранные журналисты не преминули изобразить поучительную картину, как Зиновьев и Чичерин «сознательно выступают друг против друга»⁵³. Через несколько месяцев тон изменился, стало модным намекать, что Коминтерну удалось заткнуть рот. В ноябре 1924 г. итальянский торговый атташе сообщал, что, хотя евреи обосновались в комиссариатах внешней торговли и иностранных дел, «не говоря уже о Коминтерне, являющимся их оплотом», правительство под руководством Рыкова проводит политику, которая носит «скорее националистический, чем социалистический характер», и «стремится по возможности освободиться от влияния Коминтерна»⁵⁴.

В январе 1925 г. Литвинов заверил Брокдорф-Ранцау, что вмешательства в германские внутренние дела, подобного письмам Сталина и Зиновьева Коммунистической партии Германии, «больше ожидать не следует»⁵⁵. Раковский 1 апреля 1925 г. заявил Остину Чемберлену, что в позиции советских руководителей произошли «значительные изменения»: «В первые годы после революции они, несомненно, позволяли себе увлекаться пропагандой именно потому, что были правительством революционеров и не чувствовали себя прочно; но сейчас у них появились другие оборонительные средства»⁵⁶.

Действительно, изменения произошли. Однако перемена целей и направленности деятельности Коминтерна от активного содействия мировой революции к использованию иностранных коммунистических партий в качестве форпостов более осмотрительной политики, одобренной Москвой, отнюдь не сделала случаи вмешательства Коминтерна более желательными для правительств соответствующих стран. Она также не ослабила, а скорее укрепила узы, связывающие Наркоминдел с Коминтерном в проведении общей политики, которая предписывалась им партийным руководством. Бесконечные дипломатические препирательства по поводу пропаганды к этому времени стали симптомом, а не причиной плохих отношений между Советским Союзом и капиталистическими странами. Вмешательство в дела этих стран через посредство их коммунистических партий велось советской стороной для создания затруднений и ослабления потенциально враждебных правительств. Конфликт поддерживался постоянными протестами другой стороны с целью создания трудностей и дискредитации Советского правительства. По сути дела все это было бессмысленно. Безопасность и процветание Советского Союза лежали в основе советских дипломатических отношений с капиталистическим миром. Идея мировой революции была выдвинута вперед, поскольку она содействовала достижению этих целей, а теперь стали считать, что она сама зависит от достижения таких целей. Но представители советской дипломатии и мировой революции, Наркоминдела и Коминтерна, сходились на общей платформе безграничной уверенности в конечном результате своих усилий. Очень ярко выразил эту веру в будущее нации, что было также будущим социализма, Бухарин, который в те времена говорил: «Революция глубоко всколыхнула всю страну с населением в 130 миллионов. Она разбудила созидательные силы, которые в течение следующих 20 лет поразят весь мир»⁵⁷. Столь глубокая уверенность сохранилась в течение всего этого периода, невзирая на ощущение всякого рода опасностей.

НАЛАЖИВАНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

а) Великобритания

Англо-советский торговый договор от 16 марта 1921 г., эта первоначальная официальная основа англо-советских отношений¹, в своей преамбуле характеризовался как предварительный акт впредь до заключения общеполитического договора; прямо указывалось, что вопрос о взаимных претензиях сторон откладывается до заключения этого договора. В письме о признании Советского правительства от 1 февраля 1924 г. ему предлагалось направить своих представителей в Лондон для «выработки предварительной основы окончательного договора, решающего все имеющиеся между двумя странами вопросы». Письмо Раковского от 8 февраля 1924 г., в котором тот уведомлял британское правительство о своем назначении временным поверенным, означало принятие этого предложения². После первой беседы с Раковским Макдональд направил ему 11 февраля 1924 г. письмо с изложением повестки дня предстоящей конференции. Предлагалось обсудить четыре группы вопросов: пересмотр существующих договоров и заключение нового «общего договора о торговле и взаимном признании прав»; претензии и контрпретензии правительств; кредиты; претензии частных лиц. Указывалось, что британское правительство хотело бы в первую очередь сконцентрировать внимание на первой и четвертой группе вопросов; работа над второй и третьей группами на этой стадии могла носить характер «изучения». Представителями британской стороны на переговорах Макдональд предложил назначить «трех или четырех высших чиновников Форин оффиса или министерства торговли Англии, действующих под моим личным наблюдением или временным контролем другого министра»³.

В последующие два месяца велась подготовка к конференции, которая открылась в Лондоне 14 апреля 1924 г. Членами советской делегации во главе с Раковским были Томский, руководитель профсоюзов, его будущий преемник на этом посту Шверник, Литвинов, Иоффе, Преображенский и Шейнман, председатель Госбанка⁴.

Британская сторона была представлена парламентским заместителем министра иностранных дел Понсонби и некоторыми другими гражданскими чиновниками высокого ранга.

В период между признанием и открытием конференции обе стороны в предварительном порядке определили свои позиции. Советское правительство было готово пойти на некоторые уступки в области частных претензий в обмен на значительный заем от Великобритании, но не по другим важным вопросам: с советской точки зрения, предоставление займа было непременным условием соглашения. Британская позиция, в силу расхождения во мнениях между партиями, была не столь ясна. Лейбористская партия, в целом решительно выступая за соглашение, не проявляла большого интереса к претензиям и приветствовала бы получение Советским правительством займа, хотя и не была расположена способствовать этому путем гарантирования займа британским правительством. Либеральная партия, от поддержки которой зависело правительство, не считала, что на ее престиже в какой-то мере отразится заключение соглашения, и в большей степени, чем лейбористская партия, отстаивала каноны торговой и финансовой ортодоксальности; с этими оговорками она поддерживала политику лейбористов. Партия консерваторов испытывала антипатию к признанию и в целом враждебно относилась к идее как полного отказа от претензий, так и предоставления займа. Сопоставление это было наиболее сильным во влиятельных деловых и финансовых кругах, хотя и здесь оно по тактическим соображениям выражалось путем выдвижения таких условий, которые, конечно же, были бы отвергнуты Советским правительством. В день открытия конференции группа видных банкиров направила британскому правительству меморандум и передала его прессе⁵. Меморандум содержал требование о признании долгов, государственных и частных; реституции частной собственности иностранцев; принятия «надлежащего гражданского кодекса» с «независимым судопроизводством» (это расценивалось в некоторых кругах как возвращение к требованию о капитуляции по многим пунктам, выдвигавшемуся перед конференцией в Генуе⁶, а также о предоставлении права иностранным банкирам, промышленникам и коммерсантам «заключать сделки с соответствующими частными учреждениями в России» (что, по крайней мере, было равнозначно отказу от монополии внешней торговли). В меморандуме содержалась очень осторожная оценка перспективы получения Советским правительством кредитов в Сити, даже в случае принятия им этих условий. Советская сторона расценила этот меморандум как свидетельство непримиримой оппозиции Сити к урегулированию, и он был осужден в советской прессе. Через два дня «Таймс» опубликовала письмо Макнейла, влиятельного представителя консерваторов. В нем он указывал, что если Макдональд откажется от британских претензий к Советскому правительству, то будущее правительство консерваторов не будет связано его действиями⁷.

На первом заседании конференции в апреле 1924 г. были заслушаны официальные заявления Макдональда и Раковского⁸.

Заседания 15 и 16 апреля были посвящены обсуждению повестки дня, а на четвертом заседании, 25 апреля, были образованы четыре комиссии: по долговым претензиям и займам, торговому договору, правам рыболовства и территориальным водам, а также по существовавшим ранее договорам⁹. 6 мая 1924 г. Раковский заявил Макдональду протест против неправомерного разглашения для печати информации о конференции¹⁰. Было решено, что такая конференция не будет доводиться до сведения прессы, кроме как по соглашению обеих сторон¹¹, — явный признак предстоявших трудностей. В течение мая 1924 г. вторая и третья комиссии смогли достичь согласия о выработке проекта торгового договора, а также о правах рыболовства. Четвертая комиссия по вопросу о сохранении, пересмотре и аннулировании прежних англо-советских договоров действовала так успешно, что смогла представить свой доклад пятому пленарному заседанию 15 мая 1924 г., без промедления одобревшему его с учетом протеста советской делегации против договора от 28 октября 1920 г. о присоединении Бессарабии к Румынии — вопрос, который британская делегация отказалась обсуждать. В оставшееся время заседание занялось составлением спорных и неубедительных аргументов по вопросу о претензиях, правительственных и частных¹². Здесь, пожалуй, ничего не изменилось со времени состоявшейся два года назад Генуэзской конференции. Так же, как и в Генуе, обе стороны пришли к невысказанному вслух согласию об отказе от межправительственных претензий, отложив решение этой проблемы на неопределенное время, хотя ни одна из сторон в этот момент не признала бы открыто даже такую степень согласованности. Как и в Генуе, Советское правительство в принципе соглашалось на частичную компенсацию довоенных долгов частным лицам, то есть держателям облигаций старых русских займов, в виде единовременной выплаты им довольно крупной суммы, подлежащей согласованию между правительствами, но при условии предоставления займа. Так же, как в Генуе, Советское правительство соглашалось обсуждать в каждом отдельном случае вопрос о компенсации иностранным владельцам национализированной собственности в виде предоставления новых концессий, но отказывалось делать это предметом переговоров между правительствами¹³. Следующие два заседания конференции, 20 и 27 мая 1924 г., зашли в тупик по обоим этим вопросам, и было принято решение рассмотреть их позже. 30 мая 1924 г. британское правительство предложило советской делегации вступить в прямые переговоры с английскими кредиторами, бывшими владельцами национализированной собственности¹⁴.

Заседания конференции прервались на два месяца. В это время проходили переговоры советской делегации с банкирами, держателями облигаций русских займов и претендентами на получение концессий — явный признак того, что центр тяжести переместился из Уайтхолла в Сити. Такой практический подход вскоре привел

к некоторым результатам. Во-первых, банкиры наотрез отказались говорить о займе, если он не будет гарантирован британским казначейством, а из этого совершенно явно следовало, что возможность соглашения зависит от согласия лейбористского правительства дать такую гарантию. Во-вторых, некоторые представители держателей облигаций начали склоняться к мысли о том, что лучше получить синицу в руки, чем журавля в небе. Детали урегулирования обсуждались неофициально и лишь в предварительном порядке. Но любое урегулирование зависело от решения вопроса о займе. В-третьих, обсуждение велось и с некоторыми, но далеко не со всеми бывшими владельцами национализированных предприятий. Из всех компаний, которые в это время выражали желание рассмотреть вопрос о получении новых концессий, наиболее влиятельной была «Лена Голдфилдс», в прошлом владевшая многими приисками в Сибири¹⁵. Переговоры с бывшими владельцами национализированной собственности, с советской точки зрения, зависели от заключения договора. Однако, с британской точки зрения, заключение договора зависело от прогресса, достигнутого в этих переговорах.

К концу июля положение обострилось, и Раковский выехал в Москву, очевидно, за получением новых инструкций. В его отсутствие и после острых разногласий в кабинете правительство решило открыть путь к договору, согласившись гарантировать заем Советскому правительству на общую сумму 30 млн. фунтов стерлингов. Раковский, уведомленный телеграммой о таком повороте событий, поспешил вернуться в Лондон¹⁶. После двухдневных неофициальных заседаний комиссий 4 августа 1924 г. состоялось пленарное заседание конференции. Это решило дело. Конференция без долгих обсуждений приняла к сведению договоренность о торговом соглашении. Наиболее важным моментом его была статья, предоставлявшая дипломатический статус и иммунитет главе советского торгового представительства и небольшому числу (подлежавшему уточнению позже) его сотрудников¹⁷. Конференция также одобрила следующие разделы общего договора: первый (действительность прежних договоров), второй (права рыболовства) и четвертый (взаимное обязательство воздерживаться от враждебной пропаганды). Спорные вопросы были сосредоточены в третьем разделе («Претензии и займы»), который в окончательном виде представлял собой лишь согласие на последующую договоренность. В нем предусматривалось заключение «нового договора», включавшего условия компенсации, подлежащие согласованию между Советским правительством и держателями займов. Однако этот «новый договор» был бы заключен лишь после удовлетворения претензий бывших владельцев национализированной собственности в результате прямых переговоров с Советским правительством; и только после заключения такого договора английское правительство наконец могло бы «рекомендовать парламенту предоставить ему возможность гарантировать проценты и аморти-

зацию займа, имеющего быть выпущенным советским правительством». Когда все другие вопросы были решены, возникло новое серьезное препятствие — вопрос о объеме компенсации претензий бывших владельцев собственности, которые должны быть удовлетворены Советским правительством до заключения «нового договора». Этому пункту согласовать не удалось. Заседание конференции, продолжавшееся около 20 часов, было прервано ранним утром 5 августа 1924 г. объявлением о провале переговоров¹⁸.

В этот момент группа видных левых британских политических деятелей — Морел, Лэнсбери, Перселл и Уоллхед, — стремясь спасти положение, обратилась к Понсонби и Раковскому¹⁹. Заседание конференции вновь открылось 6 августа 1924 г., и на этот раз соглашение было достигнуто на основе формулы, по которой «новый договор» будет включать «согласованное разрешение имущественных претензий, иных, чем те, которые были урегулированы непосредственно Правительством Союза Советских Социалистических Республик». Это оставляло в силе советский принцип урегулирования претензий непосредственно с бывшими владельцами собственности, и в то же время давало британскому правительству возможность вернуться к этому вопросу для рассмотрения любых неудовлетворенных претензий, если бы оно этого пожелало. Договор был подписан в таком виде 8 августа 1924 г.²⁰

12 августа состоялось официальное закрытие конференции, на котором Раковский выступил с заявлением о советской внешней политике. В нем подчеркивалось стремление Советского правительства к сохранению мира и ликвидации причин войны. Для Балкан, в прошлом часто становившихся очагом войны, предлагался путь федерации. Что касается югославы (Хорватия, Словения, Черногория, Македония, Далмация и Сербия), то они должны пользоваться автономией в рамках федерации. Добруджа должна быть возвращена Румынией Болгарии, которая должна также получить выход к морю. Границы Венгрии с Чехословакией и Румынией должны быть установлены в соответствии с принципами самоопределения. Советское правительство категорически отказалось признать аннексию Бессарабии Румынией: «Бессарабия есть и будет, в первую очередь с точки зрения международного права, территорией, принадлежащей Советскому Союзу; лишь сам бессарабский народ может изменить этот исторический факт». Помимо Бессарабии, «населению Буковины должно быть предоставлено право решать свою собственную судьбу». В заявлении также содержался протест против аннексии Польшей Восточной Галиции вопреки желанию населения, 70% которого — украинцы²¹.

Подписание договора было встречено в Москве с облегчением и удовлетворением. В сообщении Нарокминдела указывалось, что «договор кладет начало новым отношениям между СССР и крупнейшей капиталистической державой»²². Каменев в выступлениях 20 и 22 августа 1924 г. охарактеризовал его как «несомненно поворотный момент во всем мировом положении нашего Союза» и

как «международный акт, которым закреплено признание полного равноправия нашего строя — экономически и политически — со строем крупнейшей мировой капиталистической державы»²³. В Лондоне реакция на договор была такой, что сразу же дала повод сомневаться в возможности его ратификации. Подписание договора вызвало поток открытых протестов со стороны британских финансовых и деловых кругов. Более серьезным фактором стали разногласия в самой лейбористской партии по вопросу о целесообразности гарантирования займа, а также неопределенная позиция либеральной партии. Когда 6 августа 1924 г. в палате общин было объявлено о достижении согласованности о договоре, Ллойд Джордж, хотя он и не выразил прямо свою точку зрения, все же, видимо, мог быть отнесен к числу противников договора²⁴. Позиция либеральной партии оставалась неясной до конца сентября, когда и Грей и Асквит высказались против договора. Формальное предложение либералов отказаться от договора было внесено 1 октября 1924 г., через день после созыва палаты общин²⁵. С этого момента Макдональд обрекал себя на неудачу и мог испытать шансы для своей партии лишь на новых выборах. Прения по договору так и не состоялись, ибо правительство потерпело поражение 8 октября 1924 г. в результате вотума недоверия в связи с его отказом от судебного преследования Кэмпбелла, редактора коммунистической газеты «Дейли уикли», якобы призывавшего к бунту в армии²⁶. На следующий день парламент был распущен, и всеобщие выборы были назначены на 29 октября. На заседаниях ЦИК Союза ССР, происходивших в это время в Москве, этот вопрос был оставлен открытым. Было указано, что «договор является делом уступок со стороны Союза ССР, на которые советское правительство пошло именно потому, что оно имело дело с правительством, связанным с рабочим классом Англии». ЦИК постановил отложить ратификацию договора и передать этот вопрос в Президиум ЦИК Союза ССР²⁷.

За четыре дня до выборов и в без того накаленную обстановку был внесен новый момент в виде знаменитого «письма Зиновьева». Копия этого письма, которое приписывалось Зиновьеву как председателю Президиума ИККИ и было адресовано ЦК компартии Великобритании, поступило в Форин оффис 10 октября, через день после роспуска парламента. Споры по поводу подлинности письма, разгоревшиеся после его опубликования, как обычно бывает, ни к чему не привели. Вряд ли сохранились какие-либо официальные данные об источнике или источниках, из которых оно было получено, вряд ли о них когда-либо будет известно²⁸. Содержание письма свидетельствует против его подлинности. Раковский обратил внимание на употребление в нем неправильного выражения «Третий Коммунистический Интернационал» (официальное название этого органа — «Коммунистический Интернационал»; очень часто его называли просто «Третьим Интернационалом», но оба эти названия обычно не объединялись), а также на несущее

ствующую должность «президента президиума», присвоенную Зиновьеву. Последний утверждал, что письмо датировано 15-м сентября, а он в это время находился в отпуске в Кисловодске²⁹. Еще большее возражение вызывало то, что половина письма посвящалась призывам к британской компартии проводить подрывную работу в армии. Эта часть письма, сразу же вызвавшая в памяти нашумевшее дело Кэмпбелла и повторявшая известное положение программы Коминтерна для зарубежных коммунистических партий³⁰, естественно, была направлена на то, чтобы вызвать возмущение против его автора. Поэтому она и оказалась столь привлекательной для составителей антисоветской фальшивки. Для письма, цель которого внешне состояла в обеспечении поддержки ратификации англо-советского договора, такой акцент не был правдоподобным. Если, что вполне возможно, это письмо было подделкой, то это не означало признания его таковым британскими официальными лицами, в чьи руки оно попало. В русском отделе британской разведывательной службы в то время работали в основном британские подданные, ранее проживавшие в России, и их желание верить всему, что дискредитировало большевиков, часто превышало их способности к критическому анализу.

Впервые Макдональд получил письмо 16 октября 1924 г. в Манчестере, в разгар своей избирательной кампании. Оно, очевидно, сопровождалось запиской Форин оффис с предложением о том, что если письмо окажется подлинным, его следует опубликовать в печати, а также направить протест Раковскому. Макдональд осторожно ответил, что «следует проявить величайшую предусмотрительность при установлении того, является ли письмо подлинным или нет», но если оно подлинное, его следует опубликовать, а тем временем подготовить проект ноты протеста Раковскому. 21 октября 1924 г. проект ноты был направлен Макдональду в Аберавон, который получил ее утром 23 октября по возвращении из предвыборной поездки. В тот день он внес небольшие поправки в проект ноты, которая, исходя из подлинности «письма Зиновьева» (его копию должны были приложить к ноте), содержала решительный протест против «прямого вмешательства извне во внутренние дела Великобритании» и предлагала «безотлагательно представить соображения Вашего правительства по этому вопросу». Проект был возвращен в Форин оффис 24 октября 1924 г. без конкретных указаний, но с поправками Макдональда и его визой в виде инициалов на полях документа. Это было истолковано как одобрение проекта. С поспешностью, удивительно отличавшейся от неторопливости, с которой ранее проводился обмен такими документами, нота с приложением была направлена Раковскому в тот же день за подписью Грегори, главы северного департамента, от имени министра иностранных дел³¹. Раковский ответил на следующий день, отвергая «письмо Зиновьева» как «явную подделку и смелую попытку предупредить развитие дружественных отношений между двумя странами», и выразил

сожаление, что Форин оффис не обратился к нему за разъяснениями до опубликования этого документа³². Через два дня Рыков сообщил об этом инциденте ЦИК, заклеив письмо как подлог, но не сделал из этого каких-либо выводов³³. В тот же день Раковский вручил Форин оффис еще одну ноту, сопровождавшую телеграмму Литвинова, заместителя народного комиссара по иностранным делам, требовавшего от имени Советского правительства принести ему «соответствующие извинения и привлечь к ответственности как частных, так и официальных лиц, прикосновенных к означенной подделке», а также предлагавшего передать этот вопрос «беспристрастному третейскому суду для установления того факта, что так называемое письмо Коминтерна от 15 сентября является подделкой»³⁴.

Ссылаясь на резкий тон ноты, Макдональд, по совету Форин оффис, отказался принять ее³⁵. В разговоре с французским послом в Лондоне Раковский охарактеризовал поведение Макдональда как «образчик топорности, малодушия и вероломства», добавив также менее убедительное обвинение в «продажности»³⁶. Но «письмо Зиновьева» сделало свое дело. В кругах, причастных к этому вопросу, существовала уверенность, что оно стало важным фактором убедительной победы консерваторов на всеобщих выборах 29 октября 1924 г.; и дело Кэмпбелла, и англо-советский договор стали одним из центральных моментов на выборах; раздувание антисоветских настроений оказалось наиболее надежным способом дискредитации и поражения лейбористской партии. «Известия» назвали результат выборов «заслуженным поражением лейбористской партии», а также приписали его «скандальному инциденту с поддельным „письмом Зиновьева“»³⁷. Последним актом потерпевшего поражение лейбористского правительства перед его отставкой стало назначение комиссии под председательством Холдена с целью расследования вопроса о подлинности письма. Ввиду недостатка времени и ограниченности данных комиссия не смогла прийти к «позитивному заключению», но обнаружила один интересный факт. Ни в одном правительственном органе никогда не видели подлинника «письма». Утверждения о его подлинности основывались исключительно на имевшихся копиях³⁸. Издателю газеты «Дейли мейл» было предложено явиться в комиссию, но он отказался³⁹. Через несколько недель британская делегация тред-юнионов, посетившая Москву⁴⁰, провела тщательное изучение материалов Коминтерна и по возвращении в Великобританию опубликовала доклад с заключением, что «„красное письмо“ является подлогом и никаких доказательств противного быть не может»⁴¹.

Правительство консерваторов, вернувшееся к власти на волне антисоветских настроений, соответственным образом определяло свой подход. После того как Остин Чемберлен занял пост министра иностранных дел, все более резкий обмен публичными заявлениями между Лондоном и Москвой завершился направлением

21 ноября 1924 г. Раковскому двух нот Форин оффис. В первой указывалось, что правительство «находит для себя невозможным рекомендовать» договор от 8 августа «парламенту для рассмотрения». Вторая нота была официальным ответом на ноту Раковского от 25 октября и заканчивалась заявлением, что, «поскольку имеющиеся в распоряжении Правительства Его Величества сведения не оставляют никакого сомнения в подлинности письма г-на Зиновьева, Правительство Его Величества не намерено входить в обсуждение этого вопроса». И наконец, в тот же день, как бы добавляя еще каплю унижения, третья нота, на этот раз подписанная Грегори, касалась отклоненной ноты Раковского от 27 октября. Ему сообщалось, что его нота не была найдена министром иностранных дел «среди документов, оставленных в министерстве его предшественником», и что «вообще она имеет такой характер, что Правительство Его Величества не может считать ее полученной»⁴². 28 ноября 1924 г. Раковский направил ответы на первую и вторую ноты. В первом ответе выражалось сожаление по поводу отклонения договоров. Во втором подробно повторялась аргументация, касающаяся «письма Зиновьева», и указывалось, что «советское правительство настаивает на предложении об арбитраже как единственном способе беспристрастного разрешения вопроса»⁴³. Правительство Великобритании продолжало отклонять все требования как Советского правительства, так и лейбористской оппозиции о независимом расследовании. 10 декабря 1924 г. премьер-министр Болдуин объявил, что подкомитет кабинета во главе с лордом-канцлером пришел к «единогласному заключению об отсутствии каких-либо сомнений в подлинности письма»⁴⁴. В беседе с Раковским 6 января 1925 г. Остин Чемберлен вновь отказался обсуждать этот вопрос⁴⁵. В Москве эти события были встречены с возмущением и тревогой. «Чемберлен перешеголял Керзона» — так была озаглавлена одна из статей в «Известиях»⁴⁶. В интервью для печати Чичерин повторил претензии Советского правительства в связи с «письмом Зиновьева» и отметил наличие «некоторой гармонии между таким поведением английского правительства и нынешней ролью английской дипломатии во всем мире», имея, в частности, в виду антисоветские интриги в Турции и Албании⁴⁷. В начале 1925 г. англо-советские отношения достигли самой низкой точки со времени ультиматума Керзона.

б) Франция

Падение правительства Пуанкаре в результате выборов 11 мая 1924 г. ознаменовало конец непримиримого отношения французского правительства к Германии и Советскому Союзу. Французская внешняя политика в отношении Германии и Советского Союза, как и английская политика в первые годы после окончания войны, имели тенденцию копировать одна другую⁴⁸. Теперь же,

когда неудача с оккупацией Рура и опасность ухудшения отношений с Великобританией требовали более мягкой политики по отношению к Германии, следовало ожидать ослабления напряженности и во франко-советских отношениях. Считалось, что Пуанкаре, ободренный перспективой признания Советского правительства Великобританией, перед своим падением предпринял некоторые шаги в этом направлении⁴⁹. Но решающий момент наступил в июне 1924 г., когда Эррио, лидер партии радикалов, сформировал левую коалицию и сменил Пуанкаре. Поездка в Москву Эррио в 1922 г. была первой попыткой сломать лед, сковавший франко-советские отношения с 1917 г.⁵⁰ С того времени Эррио неизменно и активно выступал за признание Советского правительства. Де Монзи, хотя он и не был членом правительства Эррио, стал самым горячим сторонником признания⁵¹.

В таких условиях удивительно, что признание задержалось более чем на четыре месяца после вступления Эррио в должность. Но, в отличие от Макдональда, Эррио в вопросе о признании не мог опереться на явное большинство в парламенте. Заняв пост премьер-министра, он, вместо того чтобы действовать на свой страх и риск, казалось, покорно следовал в русле английской политики. Причины колебаний обнаружить легко. Сейчас понятно, что признание вызвало бы раздражение или тревогу у Польши и Румынии, наиболее надежных союзников Франции в Восточной Европе. Перспектива возвращения Советскому Союзу бывшего российского черноморского флота, с 1920 г. интернированного в североафриканском порту Бизерте, как первого результата признания, вызвали бы острую тревогу в Румынии, которая еще недавно была весьма благодарна Франции за ратификацию договора, признававшего ее аннексию Бессарабии, и чьи отношения с Советским Союзом еще больше обострились вследствие провала Венской конференции по Бессарабии⁵². Подписание 31 мая 1924 г. китайско-советского договора, который нанес серьезный удар по французским финансовым интересам на КВЖД и встретил яростное сопротивление французского посланника в Пекине⁵³, явилось еще одним элементом разлада франко-советских отношений. Задержка с процедурой признания приписывалась в Москве обязательству французского правительства не признавать Советский Союз без предварительного согласования с государственным департаментом в Вашингтоне⁵⁴. Такого обязательства, очевидно, не существовало. Но враждебность Хьюза к признанию Советского правительства была общеизвестной. И Эррио, надеясь добиться выгодного решения вопроса о задолженности Соединенным Штатам, конечно, хотел бы в этом деле проявить осторожность⁵⁵. Не менее важным моментом было и влияние нескольких групп французских кредиторов и бывших владельцев собственности, имевших претензии к Советскому правительству. Наиболее значительными из них были Генеральная комиссия по защите французских частных интересов в России во главе с Нулансом, послом Франции

в Петрограде в 1917 г. и ярым врагом советского строя, и Лига французских интересов в России. Встречи с представителями этих групп, а также французских промышленников и наиболее крупных банков для обсуждения вопроса о признании начались на Кэ д'Орсэ 20 июня 1924 г.⁵⁶

Затяжки и колебания с французской стороны вскоре вызвали раздражение в Москве. В советском представлении о капиталистическом мире Франция не играла такой важной роли, как Великобритания. И то, что Франция не последовала за Великобританией и другими европейскими странами в деле признания, сначала не казалось важным. Но Франция, наиболее враждебная и непримиримая из основных европейских стран, никогда не сбрасывалась со счета в советских планах. Хитроумный Радек не раз обсуждал возможность сближения с Францией, в основном, вероятно, для создания лучших условий на будущих переговорах с Берлином⁵⁷. Чичерин, подхватив эту идею, использовал ее более искусно и в более характерной для него манере. В ответ на обвинение Мальцана в разгар Рурского кризиса в феврале 1923 г. в проведении секретных переговоров с французскими эмиссарами он не ограничился отрицанием этого, а провел фланговую атаку и высказался в пользу «почетного разрешения» вопроса о Руре и «соглашения между французскими и германскими рабочими и предпринимателями», что приветствовалось бы в Москве. Он также признал факт обсуждения такой идеи с де Монзи, чьей мечтой был франко-германо-советский блок против Великобритании⁵⁸. В апреле 1923 г. адмирал Беренс, сопровождавший Чичерина на Лозаннскую конференцию в ноябре 1922 г. в качестве морского эксперта и установивший дружеские контакты с французской делегацией, был направлен в Париж для зондирования почвы. Как сообщил Чичерин насторожившемуся германскому послу в Москве, задача Беренса состояла в том, чтобы «обсудить экономические вопросы», а также выяснить, что можно сделать для «сдерживания наших прекрасных соседей (поляков, прибалтов и т. д.)»⁵⁹. Через несколько недель Чичерин в беседе с Хаасом, германским социал-демократом, посетившим Москву, высказал ему мысль о возможности сотрудничества между Германией и Францией завтрашнего дня и добавил, что «завтрашняя Франция пойдет на это тогда, когда Лушер и Стиннес придут к соглашению о сотрудничестве промышленности обеих стран»⁶⁰. Эта точка зрения, отражавшая личную неприязнь Чичерина к Великобритании, не находила широкой поддержки в Москве и оказала мало влияния на внешнюю политику. Но во второй половине 1923 г. подозрения о возможности франко-советского сближения преследовали германское посольство в Москве, а передовицы, появлявшиеся три дня подряд в «Известиях», отнюдь не рассеяли этих опасений⁶¹. Когда же летом 1924 г. пришло разочарование скудными результатами признания Великобританией и в Москве впервые почувствовали опасность германского примирения с Великобританией,

Франция вновь появилась на советском горизонте как значительный фактор внешней политики. Ускорить признание Францией стало первоочередной задачей советской политики. 19 июня 1924 г. в передовой «Известий» выражалась озабоченность по поводу отсутствия прогресса в этом деле.

Все лето 1924 г. Эррио в основном был занят германским вопросом и уделял мало внимания отношениям с Советским Союзом. Вступив на пост премьер-министра, Эррио в первую очередь нанес визит Макдональду⁶². Но не советские, а германские дела прежде всего занимали его. Встреча с Раковским во время этой поездки, видимо, не дала никаких результатов. Эррио обещал признать Советский Союз и возвратить суда, находившиеся в Бизерте, но хотел отложить это до летних каникул сената и палаты депутатов. Он также поставил вопрос о «гарантиях французским держателям довоенных русских займов» — видимо, первый намек на принцип «услуга за услугу»⁶³. 15 июля 1924 г. Эррио в телеграмме Чичерину подтвердил свое намерение «принять меры для восстановления нормальных отношений между двумя странами» сразу после Лондонской конференции, но высказал недовольство трудностями, которые встречают французские граждане при въезде в Советский Союз. 18 июля 1924 г. Чичерин выразил «глубокое удовлетворение» заверением Эррио, но довольно сдержанно добавил, что любые затруднения — «неизбежный результат отсутствия нормальных отношений»⁶⁴. В конце июля 1924 г. Раковский дал интервью корреспонденту «Известий» в Лондоне по вопросу о франко-советских отношениях. Тема интервью указывалась в заголовке «Франция найдет свою столь желанную безопасность только в Советской России». Раковский настойчиво проводил мысль о том, что Франция, которая стоит накануне ухода из Рура, нуждается в реальной гарантии против «возможной военной опасности со стороны германского национализма», в противовес «все усиливающемуся националистическому движению в Германии». Мир не будет гарантирован Франции до тех пор, пока будут продолжаться ее нынешние ненормальные отношения с Советским Союзом. Признание — это не только «вопрос о долгах и частной собственности»⁶⁵.

В сентябре 1924 г. Эррио создал комиссию из пяти членов для составления проекта условий признания. Ее председателем был назначен де Монзи, по-прежнему самый стойкий приверженец франко-советской дружбы, хотя участие в комиссии непоколебимого Нуланса вызвало раздражение и тревогу в Москве⁶⁶. Но было слишком поздно выдвигать условия. 16 октября 1924 г. комиссия единогласно высказалась в поддержку безоговорочного признания и за проведение переговоров о долгах вслед за этим актом. Передача Советскому Союзу судов, стоявших в Бизерте, считалась делом решенным как одно из следствий признания⁶⁷. Окончательный текст документа о признании был выработан Раковским и де Монзи, которые с этой целью встретились в Дувре⁶⁸. В офи-

циальной телеграмме, направленной в Москву 28 октября 1924 г., объявлялось о признании де-юре Советского правительства как «правительства территорий бывшей Российской империи, на которых его власть признается населением», а также о готовности французского правительства обменяться послами. Предлагалось начать «переговоры общего характера и специальные переговоры экономического характера», с тем чтобы поставить отношения между двумя правительствами на регулярную основу. В заключительной части документа указывалось, что невмешательство во внутренние дела является «правилом, регулирующим взаимоотношения между нашими двумя странами». Этим же вечером Чичерин зачитал на заседании ЦИК текст телеграммы, а также проект ответа, приветствующего признание и выражающего согласие с французскими предложениями, который был одобрен и послан на следующий день⁶⁹. Признание со стороны Франции состоялось через три дня после опубликования в Лондоне «письма Зиновьева» и накануне всеобщих выборов в Великобритании. Это совпадение, о котором тогда много говорилось, видимо, было случайным⁷⁰. Но тот факт, что момент, выбранный Францией для признания Советского Союза, стал также моментом, когда Великобритания сменила политику сдержанного дружелюбия к Советскому Союзу на политику откровенной враждебности, в определенной мере оказал влияние на франко-советские отношения.

Первым официальным контактом после признания стала встреча Эррио с Раковским, прибывшим с визитом в Париж из Лондона 3 ноября 1924 г. В принципе было согласовано, что обсуждение проекта договора начнется в январе 1925 г. в Париже⁷¹. В это время Раковский, видимо, предполагал, что он станет первым советским послом в Париже, особенно потому, что скандал вокруг «письма Зиновьева» мог привести к мысли о нецелесообразности его дальнейшего пребывания в качестве советского представителя в Лондоне⁷². Однако в Москве пришли к иному решению. 4 ноября 1924 г. Чичерин конфиденциально информировал Брокдорф-Ранцау, что кандидатура Раковского снята в связи с его ошибочным выступлением в «Известиях» и что первым советским послом в Париже будет назначен Красин, что подчеркнет преимущественно торговый характер франко-советских отношений⁷³. В интервью для печати Красин указал на большой интерес Советского Союза к французской промышленности как потенциальному поставщику средств производства в Советский Союз и к французскому рынку как потенциальному импортеру советского зерна, нефти и льна⁷⁴. О политической концепции его миссии можно получить представление из записки, переданной им Троцкому на заседании СТО: «Если только мы могли бы намекнуть Франции, что при искренней дружбе с нами, экономической помощи и содействии в урегулировании вопроса о Прибалтике, Польше и Бессарабии и т. д., включая даже техническое сотрудничество, она фактически могла бы получить с Востока пакт о ненападении, которого она безус-

пешно добивается с 1918 г. от Англии и США, то можно было бы добиться каких-то результатов»⁷⁵.

Примерно в это же время в беседе с Брокдорф-Ранцау Чичерин вновь вернулся к своей любимой идее «франко-германского сближения и континентальной политики», с которой косвенным образом будет связан Советский Союз, как «самой надежной гарантии сохранения мира»⁷⁶. 18 ноября 1924 г., выступая в палате депутатов, Эррио в оптимистических тонах изложил программу франко-советских переговоров. При этом он публично подтвердил намерение возратить Советскому Союзу военные корабли, стоявшие в Бизерте. Но Эррио был не тем человеком, который мог прельститься предложением о франко-советском пакте взамен англо-французского союза; с этого момента атмосфера изменилась, и перспективы соглашения стали быстро ухудшаться.

Прибытие Красина в Париж в начале декабря совпало с визитом Остина Чемберлена, только что одержавшего победу в Лондоне, который встретился с Эррио 5 декабря 1924 г. Во внешней политике Эррио с самого начала прослеживалось большое желание следовать курсу британской политики — реакция на постоянные и наносившие ущерб трения с Великобританией при кабинете Пуанкаре. Это желание не исчезло с переменой политической линии британского правительства. Самый сильный довод в пользу признания Францией Советского Союза состоял в том, что этот шаг уже сделан Великобританией. Теперь же, когда к власти в Великобритании пришло правительство, которое почти открыто заявляло, что признание было ошибкой, те группы во Франции, которые публично или скрыто выступали против политики признания, получили новую поддержку своей оппозиции. Провал коммунистического переворота в Таллине 1 декабря 1924 г.⁷⁷ подлил масла в огонь. Во французской печати началась кампания против советской пропаганды и интриг. Бывший президент Мильеран осудил «преступное заблуждение» правительства Эррио, позволившее ему создать в Париже «штаб-квартиру революции под знаменем серпа и молота»⁷⁸. Видимо, не было недостатка в импульсах с британской стороны. Основная цель визита Чемберлена, несомненно, состояла в том, чтобы заверить Эррио, что политическое примирение с Германией, начавшееся с планом Дауза, не означает охлаждения британской дружбы с Францией. Но дополнительной, хотя и скрытой, целью было получение от Эррио заверений, что французское признание Советского Союза не предвещает более тесных связей с Москвой, ибо это шло бы вразрез с линией британской политики: убеждать в реальности подрывной коммунистической деятельности и в необходимости избежать компрометирующих связей с Москвой; это было бы лучшим способом достижения указанной цели⁷⁹.

Встреча, безусловно, была успешной. Первый шаг Эррио после нее был направлен против школы, созданной Французской коммунистической партией в предместье Парижа⁸⁰. 22 декабря 1924 г.

во французской печати появилось сообщение, что франко-советские переговоры, которые должны были начаться 10 января 1925 г., отложены. Через неделю Эррио имел беседу с американским послом Херриком, в которой легко можно было услышать отголоски внушений Чемберлена. Эррио сказал, что он не намерен «повторить ошибку Макдональда», пытаясь в спешном порядке заключить с Советским Союзом торговое соглашение. Он не будет торопиться и прежде всего убедится, ведет ли себя советское посольство в Париже надлежащим образом. Он объяснил распространение коммунистической агитации притоком в страну итальянских и испанских коммунистов и сказал, что хочет, чтобы французские законы, подобно американским, давали возможность изгонять «нежелательных иностранцев». Чтобы произвести впечатление на общественное мнение, он отдал полиции приказ «действовать жестко при разгоне собраний и коммунистических агитаторов», но полиции не удалось обнаружить подходящего собрания⁸¹. Сам Красин также не чувствовал себя достаточно спокойным (12 декабря 1924 г. он, наконец, вручил свои верительные грамоты)⁸². Белогвардейская газета «Последние новости» 24 декабря 1924 г. поместила статью, утверждавшую, что Красин потерпел неудачу и будет скоро заменен Раковским, который сможет «установить хорошие личные отношения». Рука друга Раковского де Монзи прослеживалась в этой статье⁸³. Красин не провел в Париже и месяца, но уже успел в частной беседе с германским послом признаться в своем разочаровании и пессимизме⁸⁴. В этой обстановке Эрбетт, новый посол Франции в Москве, отправился к месту назначения в начале января 1925 г. и 14 января вручил Калининну свои верительные грамоты⁸⁵. Сердечность, с которой его приняли в Москве, вскоре сменилась прохладным отношением из-за разочарования в перемене отношения Франции вслед за таким же ухудшением англо-советских отношений. Франция, говорил Чичерин Брокдорф-Ранцау, своим негибким подходом к вопросу о долгах и своей антикоммунистической пропагандой поддерживает «попытки Лондона изолировать Советский Союз»⁸⁶. Еще 20 декабря 1924 г. Эррио сообщил комиссии по иностранным делам сената о посещении Бизерты советской военно-морской комиссией для обсуждения сроков и процедуры возвращения кораблей и говорил об этом как о решенном деле⁸⁷. Теперь же в беседе с Красным он отошел от предположения, что возвращение кораблей является безусловным следствием признания, и заявил, что оно зависит от решения вопроса о долгах⁸⁸. В статье в советской прессе Красин объяснил «неблагоприятную обстановку» слабостью парламентской позиции Эррио и нажимом со стороны Остина Чемберлена, стремившегося «организовать новое окружение Советской России»⁸⁹. В марте 1925 г. группа советских финансовых экспертов во главе с Преображенским прибыла в Париж для переговоров, а в апреле приступила к работе совместная франко-советская комиссия экспертов. Она удивительно

близко подошла к согласованию спорного вопроса об общей сумме государственного долга. Французские эксперты определили ее в 10,5 млрд. франков, советские — в 9 млрд. франков⁹⁰. Но и это не открыло выхода из тупика, подобного тому, в который зашли англо-советские переговоры в 1924 г. Хотя Советское правительство было готово на общее признание долгов, помимо военных, любое соглашение об их выплате было обусловлено долгосрочным займом, который Франция хотела или была готова предоставить еще в меньшей степени, чем Великобритания.

Падение правительства Эррио в апреле 1925 г. и назначение Бриана министром иностранных дел ничего не изменило. На III съезде Советов СССР в мае 1925 г. Рыков признал, что «мы переживаем некоторое разочарование в тех надеждах, которые связаны были с восстановлением дипломатических отношений с Французской республикой», но все же выразил надежду на компромисс в вопросе о долгах и кредитах: «Если французы помогут нам в том или другом виде в восстановлении нашего хозяйства, то мы согласны кое-что платить и Франции, но только при условии, что они помогут нам в восстановлении хозяйства — крестьянского двора, фабрики и завода»⁹¹.

Знакомые взаимные упреки следовали один за другим с удручающей регулярностью. Французское правительство осудило революционную пропаганду Коминтерна во Франции и ее колониях. Особую остроту протесту придавала кампания, проводившаяся Французской коммунистической партией против военных действий в Марокко с целью подавления восстания Абд эль-Крима. С другой стороны, советская печать выступила с протестом против поощрения Францией объединения пограничных стран в Восточной Европе против Советского Союза. Подчас Францию обвиняли во вступлении в антисоветский блок, организованный Великобританией. Требование вернуть корабли из Бизерты выдвигалось одной стороной, а другая сторона уклонялась от ответа. Но хотя картина казалась знакомой, внутреннее равновесие изменилось по сравнению с прошедшим годом. В первой половине 1924 г. Советское правительство, воодушевленное признанием Великобританией и увлеченное перспективой развития англо-советских отношений, проявляло лишь относительный интерес к Франции, а французскому правительству, озабоченному отставанием от Великобритании и Италии в деле признания Советского Союза, пришлось самому определять темпы движения в этом направлении. Годом позже, когда Франция начала сомневаться в целесообразности признания, она стала осторожно уклоняться от дальнейших шагов к заключению франко-советского соглашения, тогда как Советское правительство, разочарованное крахом англо-советских отношений и озабоченное готовностью и желанием Германии к примирению с Западом вместо партнерства лишь с Советским Союзом, иной раз обращалось к мысли уладить отношения с Францией, что могло бы отвлечь ее от грозного западного блока.

Эти надежды то возникали, то исчезали и, видимо, в Москве к ним относились не очень серьезно; они усиливались или ослабевали в зависимости от нюансов в колебаниях Германии между Востоком и Западом. Как только Германия начинала сближаться с Великобританией, Москва принималась ухаживать за Францией. Если Германия стремилась сохранять равновесие между Лондоном и Москвой, советская дипломатия могла балансировать между Берлином и Парижем. Франко-советские отношения, как и все другие международные проблемы в Европе, в течение большей части 1925 г. находились под влиянием Локарно.

в) Германия

Отношения Советского Союза с Германией, резко отличавшиеся от его отношений с другими основными европейскими странами, определялись сотрудничеством, символом и основой которого был Рапалльский договор. Проблема признания и долгов здесь не возникала, и обе стороны исходили из устойчивой общности интересов. Но отношения их, будучи очень тесными, в то же время отличались крайней сложностью. Традиционные широкие экономические связи, установившиеся еще при царизме, не были полностью разрушены революцией. Секретные военные соглашения, позволившие Советскому Союзу заложить фундамент для создания современной военной мощи, а Германии — обходить наиболее обременительные ограничения по Версальскому договору, представляли собой глубокую и прочную базу. Поэтому частые взаимные язвительные выпады, которые на первый взгляд грозили неприятностями германо-советскому союзу, на деле не были столь реальными и серьезными, как это казалось. Тем не менее с начала 1924 г. медовый месяц Рапалло закончился. Рапалльский договор на первых порах был привлекателен для обоих его участников ввиду их слабости и общей изоляции от Запада. Но как только обе стороны постепенно стали набирать силу и восстанавливать контакты с Западом — а 1924-й год оказался началом этого процесса для обеих стран, — их внешняя политика приобретала все большую независимость друг от друга и свободу маневра. Ни одна из сторон не желала пренебрегать заманчивыми возможностями улучшения отношений с западными державами или жертвовать ими ради чрезмерно жесткого толкования Рапалльского договора. И Германия, и Советский Союз все еще были связаны прочными узами общих интересов. Но эти узы и интересы все больше теряли свой исключительный характер и становились менее безусловными, чем в дни провозглашения политики Рапалло.

Хотя к основным событиям 1923 г. в Германии, привлечшим внимание общественности, следует отнести кампанию против французской оккупации Рура и попытку революционного переворота в октябре месяце, в которых активное участие приняли Коминтерн

и Коммунистическая партия Германии, все же главным итогом этого года, с точки зрения советско-германских отношений, стало упрочение секретных военных соглашений. Здесь личность Брокдорф-Ранцау, занявшего пост германского посла в Москве в ноябре 1922 г., сыграла решающую, хотя с первого взгляда и несколько двусмысленную, роль. В нем сочетался чрезвычайно острый ум с чрезмерной самоуверенностью. При назначении на этот пост он поставил условие, что будет иметь право направлять свои доклады непосредственно президенту Германии, нарушая по форме и существу субординацию министерства иностранных дел, которым он в свое время руководил. Одна из причин его резкой размолвки с Зееком, которая случилась перед его назначением⁹², — это требование рейхсвера о том, чтобы секретные переговоры и соглашения с советскими властями находились только в его руках. Перед поездкой в Москву Брокдорф-Ранцау заручился четким заверением Вирта, что «вся наша политика в России будет проводиться через вас»⁹³; он получил такое же заверение от Гесслера, министра рейхсвера⁹⁴, и в качестве частичного примирения между Зееком и послом в конце января 1923 г. стало служить повторение обещания, что никакие соглашения с Россией не будут заключаться за спиной последнего⁹⁵. Это обещание выполнялось не полностью и от случая к случаю. У рейхсвера в Москве было свое представительство, известное как «Централе Москау» («Zentrale Moskau», или «Z. Мо.»). Убедительным подтверждением статуса этого учреждения было то, что до апреля 1924 г. его переписка с Берлином велась не через германское посольство в Москве, а через Наркоминдел и советскую дипломатическую почту⁹⁶.

В этих условиях не удивительно, что между «Z. Мо.» и посольством постоянно случались размолвки. В феврале и апреле 1923 г. в Москве побывали две миссии рейхсвера. В обоих случаях требовательный посол жаловался, что его не поставили в известность о деталях переговоров. Особенно он был возмущен поведением Хассе, руководителя первой миссии, который опрометчиво заявил о «великой войне освобождения... через три или пять лет» и даже направил «весьма компрометирующее» письмо Розенгольцу, главе советской миссии на переговорах. В целом его недовольство было вызвано тем, что представители рейхсвера проявили слишком большое рвение и за столом переговоров позволили перехитрить себя. По мнению Брокдорф-Ранцау, которое рейхсвер, видимо, не разделял, «русские нуждаются в нас больше, чем мы в них»⁹⁷.

Надежда добиться обязательства России оказать помощь в случае вооруженного конфликта между Германией и Польшей никогда не оставляла германских представителей. Хотя советские представители на первых этапах военных переговоров были готовы «разыграть польскую карту», в переговорах во время вступления французских войск в Рур в январе 1923 г. проявилось явное нежелание советской стороны взять на себя какие-то конкрет-

ные обязательства, направленные против Польши⁹⁸. Эти переговоры возобновились, когда советская делегация во главе с Розенгольцем прибыла в Берлин в январе 1923 г. Брокдорф-Ранцау, также прибывший из Москвы, и советник Куно приняли в них участие. Накануне решающей встречи между Куно и Розенгольцем Брокдорф-Ранцау передал Куно пространный официальный меморандум с записью его предыдущих бесед с Розенгольцем в Москве. «Основная идея» германо-советского сотрудничества представляется здоровой, писал он, но ее осуществление оказалось неудачным; причина в том, что переговоры проводились рейхсвером без политического контроля. В дальнейшем не только военные, но и политические цели сотрудничества должны выдвигаться на первый план: «Не может быть и речи о политическом или военном союзе. Но нам следует попытаться обезопасить себя от наиболее грозной возможности нападения Польши».

В приложенной записке он разъяснил, что советские участники переговоров сейчас делают упор на военный аспект: «производство газов и заказы на снаряды» — все это очень важно; в то же время «русская сторона проявляет склонность, хотя и менее явно, чем прежде, к достижению политического соглашения, во всяком случае в достаточно скором времени, тем более когда речь заходит о Польше». Было бы ошибкой «потратить более значительную сумму, чем до сих пор (35 млн. золотых марок)», без получения какого-то эквивалента⁹⁹. Сознательно или нет, но упор Брокдорф-Ранцау на политические аспекты соглашения, несомненно, отражал его настойчивое желание отобрать у военных право контролировать переговоры в Москве, которым они до сих пор пользовались. Меморандум Брокдорф-Ранцау прямо устанавливал дальнейшее направление переговоров. С немецкой стороны был достигнут нелегкий компромисс между упором рейхсвера на военные цели сотрудничества и заинтересованностью министерства иностранных дел в политических целях. С советской стороны военные цели ставились на первое место, и это дало Брокдорф-Ранцау повод заключить, что до сего времени русские выиграли от соглашения больше, чем немцы, и что поэтому надо стремиться получить компенсацию в виде политических гарантий, главным образом против Польши.

Встреча Куно и Розенгольца, сопровождаемого Крестинским, на которой присутствовал Брокдорф-Ранцау, состоялась неофициально на квартире брата последнего 30 июля 1923 г. Когда Куно затронул политическую тему о гарантиях против нападения Польши, Розенгольд упрекнул германское правительство в неспособности принять свои собственные оборонительные меры. Куно ответил, что в секретном порядке делается значительно больше, «чем об этом известно даже в информированных кругах». Обсуждение военных вопросов, предусматривавшее значительное расширение производства военных материалов в Советском Союзе за счет Германии, прошло без помех и в дружественной атмосфе-

ре. В конце его Брокдорф-Ранцау повторил требование о том, что ему должно быть поручено руководство переговорами с германской стороны, с чем Куно согласился¹⁰⁰. В дальнейших переговорах с рейхсвером выяснилось, что новая программа приведет к увеличению уже обещанных субсидий с 35 до 75 млн. золотых марок. К этому времени Брокдорф-Ранцау, видимо, полностью превратился в поборника военной политики и заявил с присущей ему импульсивностью, что он «откажется взять ответственность за политические отношения между Германией и Россией», если не будет гарантировано увеличение субсидий¹⁰¹.

Задержка в военных переговорах частично объяснялась сменой правительства в Германии. Советская сторона, поглощенная перспективой революционных событий в Германии, была склонна отодвигать все другие внешнеполитические проблемы в сторону. Хотя поворот к Западу, о чем явно свидетельствовали взгляды Штреземана, сразу же не получил точной оценки в Москве, новый канцлер, видимо, в еще меньшей степени, чем его предшественники, мог внушать к себе доверие как к твердому стороннику политики Рапалло¹⁰². С германской стороны Куно пользовался полным доверием Зеекта и был горячим поборником его военной политики. Приход к власти Штреземана на первый взгляд должен был укрепить позицию тех, кто не верил в германо-советское сотрудничество и кто вряд ли нашел подтверждение своим опасениям в октябрьских событиях 1923 г. Когда Штреземан после вступления на пост канцлера получил полную информацию о секретных военных соглашениях с Советским Союзом, он резко выступил против них, отчасти в связи с личной антипатией к Зеекту (которая была взаимной), а отчасти из-за искреннего опасения, что эти соглашения могут повредить политике примирения с Западом, которая казалась Штреземану необходимой после провала политики пассивного сопротивления. Такой подход разделялся и Эбертом, рейхспрезидентом, который с самого начала был противником восточной ориентации¹⁰³. Удивительно то, что в этот момент сам Брокдорф-Ранцау резко изменил свое отношение к политике военного сотрудничества. Каковы были причины этого — объяснить трудно. Может быть, сказалось его недовольство советской поддержкой коммунистических беспорядков в Германии или новые разногласия с рейхсвером, но он вновь стал с недоверием относиться к далеко идущим политическим обязательствам по отношению к Советскому Союзу. Поэтому, когда после двух напряженных месяцев, проведенных в Берлине, он посетил перед своим возвращением в Москву Эберта и Штреземана и обнаружил их критическое отношение к секретным военным соглашениям, он с готовностью присоединился к их мнению¹⁰⁴. Вернувшись в Москву, он обнаружил новую причину для недовольства — переговоры, которые германская делегация во главе с Чунке вела с советскими представителями в его отсутствие. Возникли острые разногласия между послом и Нидермейером,

который был движущей силой в «Z. Мо.», а его характер и манеры были столь же экстравагантны, как и у самого Брокдорф-Ранцау¹⁰⁵.

Случилось так, что осень 1923 г., когда советские руководители находились в замешательстве и тревоге в связи с провалом октябрьского переворота в Германии, также стала периодом замешательства и противоречивости германской политики в отношении Советского Союза. После очевидного прогресса, достигнутого летом в Берлине, военные переговоры в Москве продвигались с трудом, а подчеркнуто прохладное отношение к ним посла вызвало резкую отповедь Радека. Советский Союз, заявил он, не поддастся тому, чтобы «презренными миллионами» марок его вовлекли в «односторонние политические обязательства», имея в виду обязательство Советского Союза прийти на помощь Германии в случае войны с Польшей. Советский Союз не пойдет также на предоставление Германии монополии в вопросе о военных поставках: самолеты закупались в Франции, и он надеется, что их будут покупать также и в Великобритании¹⁰⁶. Такой разговор подчеркнул политическую основу разногласий между двумя странами. Каждая сторона стремилась получить от другой твердое обязательство выступить против Польши в случае войны с нею, в то же время не желая связывать себя ответным обязательством. Каждая сторона хотела вовлечь своего партнера в отношения, исключавшие сближение с другими сторонами, и одновременно не желала закрывать для себя запасного пути на Запад¹⁰⁷. Цели их были несовместимы. Брокдорф-Ранцау, не найдя подходящего ответа на выпад Радека, оплатил пространными жалобами на деятельность Коминтерна. В начале декабря 1923 г. в беседе с Чичериным и Радеком Брокдорф-Ранцау дал выход своему гневу, потребовав, чтобы Советское правительство официально осудило политику Коминтерна. На это Радек твердо ему заявил, что если придется делать выбор, то он останется верным Коминтерну и откажется от членства в ЦИК¹⁰⁸. Эти устные дуэли, бессмысленные и ни к чему не ведущие, свидетельствовали о напряженности в советско-германских отношениях.

Однако в Берлине вскоре возобладал более трезвый подход. В чем бы ни состояли политические мотивы разногласий, первостепенное значение имела обоюдная заинтересованность в военном сотрудничестве. Скоропалительное утверждение Брокдорф-Ранцау, что в этом вопросе «русские нуждаются в нас больше, чем мы в них», никогда не разделялось рейхсвером и, очевидно, министерством иностранных дел. Штреземан вскоре преодолел свое отрицательное отношение к секретным советско-германским соглашениям. Тремя годами позже он заявил группе социал-демократов, что первым конкретным решением, которое от него потребовалось и которое он принял осенью 1923 г., было решение о выплате Советскому правительству 30 млн. золотых марок (или, что более вероятно, о выделении этой суммы для оплаты его

заказов) по обязательствам его предшественников. Если, как утверждал по этому поводу Штреземан, в то время Эберт и он решили считать «все военные договоренности разорванными раз и навсегда», а министерство иностранных дел не занималось ими¹⁰⁹, то эти заявления лишь говорят об «экономии истины», именно так обычно вели себя германские политические руководители в этом вопросе. Фактически ничего не было разорвано. Штреземан был человеком со здравым умом и государственным деятелем. К тому же нужды Германии, диктовавшие ее бедственным военным положением, стояли на первом плане. В конфиденциальном письме, направленном Брокдорф-Ранцау 1 декабря 1923 г., Штреземан пытался ослабить его чрезмерную озабоченность провокационными действиями Коминтерна. Он предвидел опасность сближения между Советской Россией и Францией, усиливаемого французскими опасениями по поводу «возможности германо-русского взаимопонимания». Он в деталях изобразил «мрачную картину» положения в Германии. Это положение усугубилось мюнхенским «путчем» и коммунистическими беспорядками. Их финансирование за счет «русского золота» внесло тревожный элемент в отношения Германии с Советской Россией. Но Штреземан полагал, что послу удастся использовать это в своих интересах, если он будет действовать в Москве таким образом, чтобы и «без того нечистая совесть находящихся там у власти стала еще более нечистой»¹¹⁰. Военные соглашения оставались для Штреземана в течение всего его шестилетнего пребывания на посту министра иностранных дел неизменной, хотя и редко выражавшейся вслух, предпосылкой германской политики в отношении Советского Союза.

Однако переменчивого в настроениях и эмоционального германского посла было не так легко умиротворить. В депеше от 4 февраля 1924 г. он согласился с мнением Штреземана о необходимости проводить различие между Советским правительством и Коминтерном и отказался от всяких мыслей о разрыве отношений¹¹¹. Но он продолжал негодовать по поводу поведения представителей рейхсвера в Москве и 20 февраля 1924 г. направил Штреземану письмо с перечислением всех событий за последние шесть месяцев. Оно заканчивалось рекомендацией «не трогать ни гроша германских денег на военные материалы в России, свести все заказы до минимума и использовать кредиты, выделенные рейхом для поддержания германских отраслей промышленности в России, не для военных целей, а для тех отраслей, которые косвенно служат делу перевооружения и могут в случае необходимости быть превращены в военные отрасли». «Г-н Браун», характеризовавшийся как «выдающийся бизнесмен», собирался посетить Москву со сходным проектом¹¹².

Но личные качества Брокдорф-Ранцау в конце концов вряд ли смогли возобладавать над неотложными нуждами германской внешней политики или, что более важно, рейхсвера, чье толкование

национальных интересов имело первостепенное значение. В апреле 1924 г. позиция Брокдорф-Ранцау резко изменилась. 3 апреля, после визита Брауна, он сдержанно писал Штреземану, что из-за «катастрофических и безответственных» обязательств, взятых ранее военными властями, «мы не можем внезапно отказаться от всего этого плана, не нанеся серьезного ущерба нашим политическим отношениям с Россией»¹¹³. Видимо, на следующий день он имел продолжительную откровенную беседу с Нидермейером, которая во многом помогла рассеять недоразумения и очистить атмосферу. Нидермейер угодил послу, возложив вину за прошлые ошибки на других представителей рейхсвера и открыто понося своих начальников. В конце беседы Брокдорф-Ранцау продолжал отстаивать свое мнение, что самый лучший путь — полностью аннулировать военные соглашения, но, поскольку это невозможно, следует принять все меры для превращения их в чисто экономические соглашения¹¹⁴. В том же месяце Брокдорф-Ранцау, по его собственному признанию, впервые узнал в полном объеме об обязательствах рейхсвера в отношении самолетостроительного завода «Юнкерс» в Филях. Хотя он и высказал возмущение по поводу сокрытия факта (что обычно практиковалось)¹¹⁵, все же с присущей ему решительностью он принялся разрешать очередную трудность в делах этого предприятия, заявив, что «необходимо любой ценой избежать потерь интереса русских к „Юнкерсу“»¹¹⁶. Перемена в настроении Брокдорф-Ранцау была с облегчением встречена в Берлине и в этом же месяце Штреземан поздравлял его: «С особым интересом я узнал от вас о ваших беседах с господином из дружественной фирмы. Из вашего сообщения я понял, что у вас больше нет возражений против деятельности этого господина (то есть Нидермейера), поскольку он поставил себя под ваше руководство, и что этот вопрос прояснился»¹¹⁷.

С мая 1924 г., когда в Москву прибыл Томсен, видимо, в качестве второго руководителя «Z. Мо.»¹¹⁸, отношения между этим учреждением и посольством быстро улучшились. Отныне Брокдорф-Ранцау был озабочен не тем, чтобы изменить характер или ограничить военные договоренности, а лишь тем, чтобы поставить их осуществление под свой контроль. Германская политика в отношении Советского Союза продолжала страдать от внутренней неопределенности и двусмысленности. Но после апреля 1924 г. она уже не была во власти личных предубеждений или вражды. Преданность Брокдорф-Ранцау делу германо-советской дружбы заставила забыть его прежние колебания. Не было больше сомнений по поводу объема и значения военных соглашений¹¹⁹. Они представляли собой те неразрывные узы, которые связывали партнеров по Рапалльскому договору, хотя и существовали определенные расхождения интересов, что порождало взаимную подозрительность, а порой и толкало к разрыву.

Советско-германские экономические отношения развивались параллельно с военными и помогали создать прочную основу для

советско-германской дружбы. Появилась система «смешанных компаний», которая в основном была направлена на развитие советско-германской торговли¹²⁰. Среди иностранных компаний, желавших получить в Советском Союзе концессии, германские компании были первыми¹²¹. В 1923 г. была создана самая крупная из германских концессий, может быть, самая крупная из всех концессий, предоставленных до этого времени: лесная концессия, названная по имени притока Волги — «Мологалес»¹²². Рапалльский договор предусматривал проведение переговоров о советско-германском торговом соглашении. Более года после подписания договора мало что делалось в этом направлении¹²³. Переговоры начались 26 июня 1923 г. в Берлине; Бродский и Кернер были руководителями соответственно советской и германской делегаций. После летнего перерыва заседания проходили регулярно с сентября 1923 г. по май 1924 г.¹²⁴ К этому времени было достигнуто согласие по многим пунктам, и от прежних надежд Германии на какое-то смягчение монополии внешней торговли пришлось отказаться. Но острые вопросы о режиме наиболее благоприятствуемой нации и экстерриториальности советской торговой делегации все еще не были решены¹²⁵. В конце 1923 г. советская делегация осложнила ситуацию, потребовав заключения договора о выдаче лиц, совершивших преступление¹²⁶. Год спустя этот вопрос время от времени все еще обсуждался. Но германское правительство отнеслось к этой идее без энтузиазма и прибегало к затяжкам; в конце концов и советские представители отказались от нее¹²⁷.

Когда Чичерин 16 апреля 1924 г. дал интервью «Известиям» по поводу второй годовщины Рапалльского договора, он не увидел на горизонте ничего такого, что угрожало бы тем выгодам, которые партнеры извлекли из него. Видимо, с достаточным основанием договор оценивался как «руководящий указатель для будущего», и предсказывалось, что «все значение легших в его основу политических концепций развернется лишь в будущем». Однако в начале мая 1924 г. произошел другой случай, который в течение трех месяцев подвергал советско-германские отношения серьезным испытаниям. Подход к этому инциденту говорил о том, что советские власти в меньшей степени, чем германские, опасались разрыва отношений, или, может быть, они более искусно притворялись. 3 мая 1924 г. один арестованный германский коммунист шел в сопровождении двух полицейских по берлинской улице. Под каким-то предлогом он уговорил охрану зайти в здание советского торгпредства, где он раньше работал. Там он попросил помощи, полицейские были задержаны, а арестованный скрылся. Вскоре полицейские были освобождены и доложили о происшествии в управление берлинской полиции. Затем отряд полиции занял здание торгпредства. Под видом поисков этого человека были разбросаны все документы, сотрудники подверглись допросу, а некоторые из них временно аресту¹²⁸. Такое вопиющее нарушение дип-

доматического иммунитета, предоставленного сотрудникам торгпредства соглашением от 6 мая 1921 г.¹²⁹, немедленно вызвало резкий протест советского посла. Германская сторона, хотя и выразила сожаление по поводу инцидента, доказывала, что иммунитет распространяется лишь на главу торгпредства и его старших должностных лиц, но не на сотрудников и здание как таковое¹³⁰. Не получив быстрого ответа, который удовлетворил бы советские требования, Крестинский демонстративно выехал в Москву. В интервью для печати 9 мая 1924 г. Рыков заявил, что сделаны «первые шаги» для свертывания «наших операций в Германии»¹³¹. Чичерин в письме Брокдорф-Ранцау указал, что этот инцидент означает «полный поворот в германской политике», а в официальной ноте от 12 мая 1924 г. потребовал формального извинения, компенсации за причиненный ущерб и заявления о том, что помещения торгового представительства являются «экстерриториальной частью посольства»¹³². После надлежащего рассмотрения дела Берлин направил 20 мая 1924 г. пространный и доказательный ответ Брокдорф-Ранцау. Указывалось, что сожаление уже выражено, а компенсация обещана в предыдущих письмах; однако в ответе по-прежнему отрицалась экстерриториальность помещений торгового представительства и предлагалось разрешить эту и другие возникшие проблемы путем переговоров¹³³.

Брокдорф-Ранцау вручил этот ответ Чичерину 23 мая 1924 г. во время работы XIII съезда партии, который стал подходящей трибуной для высказываний возмущенных советских лидеров. Зиновьев обнаружил в германской политике временное заигрывание с Францией, но в заключение выразил надежду, что германское правительство долго не удержится на нынешней нелепой бескомпромиссной позиции: «Коренные экономические интересы связывают Германию и нашу страну; слишком тяготеют эти страны друг к другу». Красин полностью посвятил свою краткую речь этому инциденту, выдвинув неубедительное обвинение, что он был организован «провокационно» и что арестованный коммунист сам был агентом-provocatorem. Он также с уверенностью заявил, что «в этом споре мы экономически сильнее Германии» и что «Советский Союз, если пожелает, дорогу в Париж найдет скорее, нежели министерство иностранных дел Германии»¹³⁴. В Советском Союзе, очевидно, продолжали считать этот случай преднамеренной выходкой и были убеждены, что он знаменует собой охлаждение Германии к Советскому Союзу, вызванное желанием установить более тесные отношения с Западом. Были применены экономические репрессалии в виде аннулирования заказов, исходя из открыто выражавшегося убеждения, что Советскому Союзу легче будет обойтись без торговли с Германией, чем Германии без советского рынка¹³⁵. Переговоры о советско-германском торговом соглашении были прерваны; рассматривался вопрос о закрытии советского торгпредства в Берлине¹³⁶.

Если отношение Советского Союза к этому инциденту было

твердым и единодушным, то на германской официальной линии сказывалось влияние двух лагерей. Первый, опиравшийся на прусское министерство внутренних дел, приветствовал действия полиции и хотел использовать этот инцидент, чтобы урезать советские привилегии на германской территории. Удивление и тревога, вызванные результатами выборов в рейхстаг 4 мая 1924 г., в который прошло 62 коммуниста¹³⁷, еще больше усиливали эту позицию. Другого мнения придерживалось министерство иностранных дел, которое было возмущено сепаратными действиями полиции, косвенно расценивало этот инцидент как нарушение советско-германского соглашения и прежде всего считало, что речь идет о мелком недоразумении, которому ни в коем случае нельзя позволить нанести ущерб советско-германским отношениям. Брокдорф-Ранцау, занявший после восемнадцатимесячных страхов и блужданий позицию твердого поборника советско-германского сотрудничества, разделял это мнение и забрасывал Штреземана письмами, полными возмущения¹³⁸. Отмечалось также, что германские торговые круги «сочли этот момент весьма неблагоприятным и настаивали на быстром урегулировании конфликта»¹³⁹.

При таких обстоятельствах обе стороны в конце концов проявили благоразумие. Копп посетил Берлин и обсудил положение с Мальцаном. Был составлен проект протокола об урегулировании инцидента, который германская сторона сочла пределом своих уступок, а Копп — возможной основой для дальнейших переговоров¹⁴⁰. Троцкий, вернувшийся в Москву после длительного лечения на юге, неожиданно пригласил германского посла на беседу, состоявшуюся 8 июня 1924 г.¹⁴¹ Тогда еще не было известно, что контроль Троцкого над военными делами подошел к концу. Брокдорф-Ранцау, всегда чутко относившийся к узловому моменту советско-германских отношений, воспользовался случаем побеседовать с народным комиссаром по военным делам. Он начал с заявления, что, «по его мнению, германо-советская дружба поставлена под угрозу, и он должен знать, не угрожает ли также это отношениям с комиссариатом Троцкого». Троцкий в ответе подчеркнул, что «перемена в нашем отношении даже не рассматривалась», а «спор никоим образом не влияет на него». Брокдорф-Ранцау предпочел усомниться в таком заверении. Он привел несколько недавних случаев охлаждения с советской стороны. Так, прибывшие в Советский Союз офицеры вермахта встретили холодный прием; самолету «Юнкерс», прилетевшему в Москву, не было разрешено участвовать в воздушном параде; сам посол также не был приглашен на него, хотя дипломаты других стран на нем присутствовали. Троцкий парировал эти и другие жалобы и выразил убеждение, что советско-германская дружба будет «продолжаться годы», затем поправился — «десятилетия». Брокдорф-Ранцау закончил разговор, повторив предложение, о котором он уже говорил Чичерину, что обе державы должны ликвидировать инцидент и составить протокол с изложением их намерения забыть

о прошлом недоразумении и действовать совместно в духе Рапалло¹⁴². Через несколько дней посол передал Чичерину проект протокола, одобренного германским правительством и, без сомнения, составленного в этом духе¹⁴³. Он не полностью удовлетворил Советское правительство, и 15—16 июня 1924 г. Чичерин ответил запиской, написанной от руки, отвергающей германские предложения. Копп уже вернулся из Берлина и в ночь с 19 на 20 июня имел длительную беседу с Чичериным¹⁴⁴. Но для урегулирования потребовалось несколько недель трудных переговоров¹⁴⁵. Основное препятствие состояло в требовании признания статуса экстерриториальности за торговым представительством. Решающим моментом стала встреча между Чичериным и Брокдорф-Ранцау 5 июля 1924 г., когда Чичерин предложил, чтобы не все помещение торгового представительства, а лишь его часть была признана экстерриториальной¹⁴⁶.

Проект окончательного текста был согласован в предварительном порядке на встрече в Москве 4 июля 1924 г. между Чичериным, Крестинским и Коппом, с одной стороны, и Брокдорф-Ранцау и Хильгером, с другой¹⁴⁷. После одобрения его правительствами обеих стран он, наконец, был подписан в Берлине Штреземаном и советским поверенным в делах 29 июля 1924 г. В нем нашли отражение почти все советские требования. Действия полицейских властей против торгового представительства 3 мая признавались произвольными и неоправданными; германское правительство выразило сожаление, обещало наказать виновных и возместить материальный ущерб. Советское правительство подтвердило, что оно запретило всем официальным лицам и служащим торгового представительства принимать в какой-то форме участие во внутриполитической жизни Германии. Определенная часть помещений торгпредства должна пользоваться дипломатической привилегией и иммунитетом; остальная часть будет подлежать германской юрисдикции. В заключение обе стороны заявили о своем неизменном расположении друг к другу и выразили желание заключить торговый договор не позднее чем в течение года со дня подписания этого протокола¹⁴⁸. 31 июля Крестинский вернулся в Берлин. То, что соглашение было достигнуто в момент, когда германская делегация во главе со Штреземаном готовилась отправиться в Лондон для участия в конференции по плану Дауэса о репарациях, не было простым совпадением¹⁴⁹. Прежде чем принять на себя новые обязательства перед Западом, Штреземан хотел укрепить свои позиции демонстрацией дружественных отношений с Востоком. Этот маневр применялся не один раз в течение двух последующих лет.

В декабре 1923 г. репарационная комиссия назначила два комитета экспертов: первый — для изучения путей и способов стабилизации германского бюджета, второй — для предотвращения бегства капитала из Германии. В оба комитета, с согласия правительства США, вошли американские эксперты. Генерал Дауэс

был назначен в первый комитет (обладавший наибольшими полномочиями) и стал его председателем. В апреле 1924 г. этот комитет выдвинул программу, в дальнейшем ставшую известной как «план Дауэса». Его основные положения состояли в том, что германские выплаты репараций будут устанавливаться заранее на несколько лет вперед, что контроль над переводом репарационных платежей за границу будет лежать на властях союзников и что союзники предоставят германскому правительству заем с целью обеспечить его платежеспособность. Успеху плана способствовало падение правительства Пуанкаре и приход к власти во Франции правительства левых в мае-июне 1924 г. После продолжительных обсуждений соглашение, основанное на плане Дауэса, 9 августа 1924 г. было подписано в Лондоне комиссией по репарации и германским правительством.

Эти события сперва не вызвали какого-либо беспокойства в Москве. На V конгрессе Коминтерна, состоявшемся вскоре после того, как доклад комитета Дауэса был одобрен комиссией по репарациям, Зиновьев назвал его «петлей на шее германского рабочего класса»; германский делегат, вторя этому вердикту, выразил сожаление по поводу одобрительной реакции на план со стороны британских и французских рабочих¹⁵⁰. Резолюция конгресса характеризовала план Дауэса как «евангелие современного „пацифизма“ и „демократии“», а выступления в его поддержку — как результат «усиления демократическо-пацифистских иллюзий», но не содержала каких-либо конкретных контрпредложений¹⁵¹. В конце июля 1924 г., после того как был окончательно ликвидирован инцидент с нападением на торговое представительство в Берлине, советско-германские отношения нормализовались. Даже принятие плана Дауэса германской делегацией на Лондонской конференции вначале не предвещало каких-либо неблагоприятных перемен. Правда, Каменев заявил, что в результате его «может осуществиться некоторое совпадение интересов капиталистов Германии, Англии, Франции и Америки и что даже может быть воссоздан единый хозяйственный фронт против нас», а также назвал план «сделкой, заключенной за счет германского и международного пролетариата»¹⁵². А депутат германской коммунистической партии в рейхстаге сказал 29 августа 1924 г., что цель этого плана — привести к власти крупных германских капиталистов вместе с капиталистами Антанты и принести им в жертву рабочих, служащих и средний класс¹⁵³. Но самоуверенность Москвы все еще не была поколеблена. В сентябре 1924 г. Сталин в статье, ставшей его первым важным выступлением по вопросам внешней политики, указал на четыре ошибки Лондонской конференции, которые сделают ее бесплодной. Она превратила, писал он, Германию в колонию, то есть решая вопрос о Германии, она действовала «без хозяина, без германского народа»; она подчинила Францию Великобритании — это противоречит «логике вещей»; она признала «гегемонию Америки» — этого ни-

когда не потерпит британская промышленность; она ничего не сделала, чтобы смягчить антагонизм между Европой и колониальными странами. Сталин решительно опровергал вывод о том, «что власть буржуазии упрочилась, „эру пацифизма” нужно считать длительной, а революцию в Европе — отложенной в долгий ящик». Наоборот, «пацифизм ведет к подрыву основ буржуазной власти, он подготавливает условия, благоприятные для революции»¹⁵⁴.

Однако вскоре стало обнаруживаться иное значение недавнего поворота в германской политике, более тревожное, чем экономическое закабаление германского пролетариата. Не прошло и года после заключения Рапалльского договора, как Москва стала выражать опасение, что Германия может пойти на урегулирование отношений с Великобританией, ввиду их общего недоверия к Франции, за счет германской дружбы с Советским Союзом¹⁵⁵. Эти опасения были развеяны примирением Великобритании с Францией после падения Пуанкаре и улучшением отношений между ними и Советским Союзом. Но теперь они появились в новой форме. Германский временный поверенный в делах сообщил о своей беседе с Литвиновым, в которой последний не скрыл беспокойства по поводу того, что «лондонские переговоры могли бы оказать серьезное влияние на нашу (то есть германскую) русскую политику»¹⁵⁶. Британский премьер-министр, выступая на ассамблее Лиги Наций 4 сентября 1924 г., говорил о «вакантном месте», ожидающем Германию¹⁵⁷. Через несколько дней Штреземан, решительно отрицая намерение Германии добиваться приема в Лигу Наций, заявил тем не менее о готовности Германии вступить в нее, но при условии «признания нас другими в качестве великой державы с равными правами». Можно считать, что этот вопрос подробно обсуждался во время поездки Штреземана в августе в Лондон на переговоры о плане Дауэса¹⁵⁸.

Любое предложение в адрес Германии о вступлении в Лигу Наций чувствительным образом затрагивало советско-германские отношения. Такой шаг означал бы раскол между партнерами по Рапалльскому договору, если только оба они не были бы приняты в Лигу одновременно. Обязательства члена Лиги Наций могли бы, по крайней мере теоретически, привести к выступлению против Советского Союза в силу статей 16 и 17 Устава. Штреземан и сам хорошо понимал сложность этого вопроса; в феврале 1924 г. он писал в одном секретном меморандуме за полгода до того, как был официально поднят вопрос о вступлении Германии в Лигу: «С точки зрения Германии чрезвычайно важно, чтобы этот вопрос, когда он станет острым, был поднят Англией в отношении не только Германии, но и России, в деле признания которой британское правительство также взяло на себя инициативу. Наши отношения с Россией всегда будут крайне важными для нас, экономически и политически. Любое действие Лиги Наций, которое может быть направлено против России и может оказаться обязательным

для нас, было бы более тяжелым бременем для нашей страны, чем для любой другой»¹⁵⁹.

Однако сейчас, когда о вступлении в Лигу Наций Советского Союза не могло быть и речи, именно этого сепаратного вступления Германии в Лигу Наций и добивалось германское правительство. 23 сентября 1924 г. оно заявило, что, по его мнению, план Дауэса создал основу для будущего сотрудничества в Лиге Наций. Вечером следующего дня Штреземан частным образом встретился с Красиным и Брокдорф-Ранцау в доме Криге, бывшего юрисконсульта министерства иностранных дел. Красин произнес «длинную речь» против любых шагов Германии в сторону Лиги Наций. 29 сентября 1924 г. союзникам был направлен меморандум с изложением условий, на которых германское правительство было готово «просить о безотлагательном принятии Германии в Лигу Наций». Основными условиями было требование о предоставлении Германии постоянного места в Совете Лиги, а также оговорка, в силу которой обязательства по статье 16 Устава не будут автоматически распространяться на разоруженную нацию¹⁶⁰. 26 сентября 1924 г. советский поверенный в делах впервые неофициально обратился к Штреземану с просьбой дать разъяснения по поводу ожидаемого шага Германии и ее меморандума, о существовании которого имелись сообщения, повторив эту просьбу более официально и детально при новой беседе 1 октября 1924 г. Штреземан ответил, что вступление в Лигу Наций, отнюдь не означающее согласия с версальскими границами, открывает путь к их пересмотру в силу статьи 19 Устава. Он сказал, что Макдональд, стремившийся привлечь Германию к Лиге Наций, был также поборником англо-советского договора; кроме того, Штреземан отрицал всякое намерение изменить политику в отношении Советского правительства¹⁶¹.

Обе стороны не были согласны с таким положением вещей. Советские руководители уже давно усматривали в Лиге Наций клику держав, враждебных Советскому Союзу. Политическое столкновение стало неизбежным. В середине сентября Чичерин получил от берлинского знакомого, профессора Людвига Штейна, приглашение принять участие во встрече в Митвох-Гезельшафт — берлинском клубе интеллектуалов-политиков, в котором он выступил несколько лет назад¹⁶²; на этой встрече обсуждали возможное вступление Германии в Лигу Наций. 21 сентября 1924 г. Чичерин отклонил приглашение, но включил в свое письмо с отказом изложение своего мнения, которое он просил зачитать на встрече. Вступление Германии в Лигу Наций равносильно «капитуляции, путешествию в Каноссу, отказу от будущего». Далее он писал: «Вступив в Лигу Наций, Германия вступила бы в определенную коалицию; Германия, таким образом, стала бы сателлитом, отказалась бы от своей собственной политической линии, подчинилась бы свою политику политике этой коалиции. Тем самым германская политика вступила бы в столкновение с Ра-

палльской политикой. Германия вопреки ее собственной воле и в силу вещей была бы втянута этим шагом в комбинации и действия, которые привели бы ее к столкновению с нами»¹⁶³. Хотя впоследствии Чичерин утверждал, что это письмо предназначалось только для узкой аудитории, вряд ли он испытал другие чувства, кроме удовлетворения тем откликом, который получило это письмо, или был удивлен раздражением германского правительства¹⁶⁴. Он снова вернулся к этой теме в своем выступлении в ЦИК о внешней политике 18 октября 1924 г., значительная часть которого была посвящена Германии. Германия достигла «некоторой устойчивости», но «ценой потери полноты экономической, а отчасти и политической самостоятельности». Западнофильские настроения в Германии «нашли себе выражение в стремлении значительной части правящих кругов Германии ко вступлению в Лигу Наций». Отрицая, что Советский Союз думает о вступлении в Лигу Наций (что не исключало отправку туда наблюдателя), Чичерин продолжал: «Вступление в нынешнюю Лигу Наций означает, по мнению нашего правительства, отказ от самостоятельной политики и ее подчинение политике держав Антанты. Так же мы оцениваем и вступление Германии в Лигу Наций. Силой вещей Германия после этого может быть вовлечена в комбинации, при которых она окажется противником Союза ССР»¹⁶⁵.

Когда Крестинский вернулся из отпуска в Берлин в конце октября 1924 г. и посетил Штреземана, он «очень живо осведомился об отношении Германии к Лиге Наций». Штреземан в ответ сразу же пустился в обличение коммунистической пропаганды — к этому он обычно прибегал, когда желал отразить нажим по другим вопросам, — и вручил послу протест против ликвидации германской собственности в Советском Союзе. Крестинский вновь повторил возражения Советского Союза против вступления Германии в Лигу Наций и получил тот же ответ. Беседа закончилась отрицанием Крестинского, что письмо Чичерина Штейну предназначалось для публикации¹⁶⁶. В это же время предпринимались меры с целью мобилизации левых сил в европейских странах. В начале октября 1924 г. на конференции коммунистических депутатов и членов парламента из Германии, Франции, Великобритании и Чехословакии, проходившей в Кельне, было заявлено, что «план Дауэса делает германский пролетариат первой и непосредственной целью для нападения со стороны капиталистических классов всех стран»; участники конференции также заклеили Лигу Наций как «новый Священный союз против пролетарской революции»¹⁶⁷. Месяцем позже манифест ИККИ в связи с годовщиной Октябрьской революции 1917 г. призвал поддержать германский пролетариат, «который будет погружен в глубочайшую пропасть политического и социального порабощения докладом экспертов американских банкиров»¹⁶⁸. На VI съезде профессиональных союзов Лозовский поставил вопрос еще шире, назвав план Дауэса «морганизацией Европы, т. е. подчинением Европы

американскому капиталу»¹⁶⁹, и «дауэсификация Европы» стала привычным пугалом в повседневной советской риторике. Улучшение германских отношений с Западом возбудило глубокие подозрения в Советском Союзе и вскоре набросило мрачную тень на политику Рапалло. План Дауэса стал первым шагом на пути к Локарно.

ГЛАВА 27

КОМИНТЕРН: V КОНГРЕСС

На V конгрессе Коммунистического Интернационала, который работал с 17 июня по 8 июля 1924 г., присутствовало 406 делегатов из 41 страны; из них 324 делегата с правом решающего голоса¹. Задача его была необычайно сложной. На III конгрессе Коминтерна в 1921 г., состоявшемся после перехода к НЭПу, прозвучала нота озабоченности по поводу «отступления» от движения к мировой революции. Она еще больше усилилась на IV конгрессе в ноябре 1922 г., когда Коминтерн впервые непосредственно столкнулся с перспективой неопределенно долгих отношений между Советским Союзом и выдержавшим революционный натиск капиталистическим миром, а также признал зависимость надежд на мировую революцию от могущества и престижа Советского Союза². Из всех событий, затронувших деятельность Коминтерна между IV и V конгрессами, поражение попытки германской революции в октябре 1923 г. было наиболее значительным. V конгресс вряд ли мог обойти вниманием значительный разрыв между партией, совершившей победоносную революцию, и партиями, даже не делавшими попыток к этому или потерпевшими поражение³. Все обстоятельства, предшествовавшие конгрессу, привели к очень большому усилению престижа и преобладающему влиянию русской партии в Коминтерне, а также к широкому убеждению в том, что другие партии, если они хотят добиться такого же успеха, должны следовать русскому образцу и признать руководство со стороны русской партии. Это представление было усилено формальным вердиктом о провале в Германии вследствие не каких-то объективных условий, а из-за безволия германской партии и, в частности, оппортунизма ее руководства. Вывод из случившегося состоял в том, что не вера в пролетарскую революцию на Западе оказалась ошибочной, а западные партии пока не изучили русского опыта свершения революции.

Диагноз германскому поражению как результату брандлеровского правого уклона был поставлен непосредственно самой КПГ, что привело, при активной поддержке Зиновьева и ИККИ, к замене правых лидеров на лидеров, представлявших левое крыло партии. Таким образом, вторым выводом, к которому пришли в Коминтерне после поражения в октябре 1923 г. — наряду с выво-

дом о необходимости признать руководство русской партии — была необходимость поворота влево. Это вытекало из уроков, извлеченных из полемики по поводу взглядов Троцкого, которые с самого начала тесно связывались с поражением в Германии. Сам Троцкий был заклеен как инициатор правого уклона в русской партии. Те группы в зарубежных партиях — особенно в германской, польской и французской, — которые энергично поддерживали его, также подверглись суровой критике как правые уклонисты. В коммунистических партиях стало правилом приписывать любые неудачи или отклонения от официальной линии правому уклону и искать выход в применении испытанных левых принципов. V конгрессу Коминтерна без большого труда удалось добиться рассмотрения всех основных вопросов своей повестки дня в духе этих принципов.

Другим значительным событием, отразившимся на работе V конгресса, стал приход к власти в Великобритании лейбористского правительства и признание им де-юре Советского Союза⁴. Разочарование в Макдональде и его министрах наступило очень быстро. Но оставался факт признания, оставалась вера в то, что приход лейбористской партии к власти является признаком растущего возмущения британских рабочих против существующего порядка. И здесь, казалось бы, ситуация складывалась в пользу поворота влево. Поэтому с точки зрения Советского правительства или Коминтерна, — а цели их в представлении русских не отличались друг от друга, — ситуация в Великобритании давала основания для оптимизма и полностью компенсировала временное отступление в Германии. В циркулярном письме всем компартиям от 5 апреля 1924 г. с повесткой дня V конгресса Зиновьев четко выразил эту перемену в оценке положения: «Впервые в истории английского рабочего движения теперь создаются предпосылки для создания массовой коммунистической партии. В этом смысле то, что происходит теперь в английском рабочем движении, имеет большее значение, чем даже события в Германии»⁵.

Тема о замене Германии Великобританией, которая становилась главной надеждой и заботой Коминтерна, часто звучала и в последующие месяцы⁶. Порой такие же надежды возлагались и на Францию. Радек в докладе в Коммунистической академии 19 февраля 1925 г. обратил внимание на усиление французской и британской коммунистических партий, добавив: «В Германии кривая идет вниз»⁷. Такое развитие событий, видимо, давало основания для сдержанного оптимизма. В циркулярном письме Зиновьев не смог указать на какое-либо значительное событие за 18 месяцев, прошедших после IV конгресса. Но Коминтерн, по его словам, теперь живет и действует «между двумя волнами пролетарской революции»; одна волна уже прошла, а другая только нарастает⁸. Каменев в это время утверждал, что диагноз, который был поставлен капиталистическому миру, подтвердился: «болен смертельно»⁹. Сталин в речи в школе секретарей партийных органи-

заций накануне V конгресса отметил вполне благоприятную международную обстановку: неспособность империалистических держав добиться прочного мира; рост могущества и престижа Советского Союза и рост его популярности среди народных масс, а также «успех нашей внешней политики за истекший год»¹⁰.

После торжественной церемонии у Мавзолея Ленина¹¹ Зиновьев открыл заседание конгресса отчетом о деятельности ИККИ, который по сути дела был изложением политики по текущему моменту. Основным политический вывод вряд ли мог вызвать возражения. Все были согласны с тем, что развитие мировой революции вопреки прежним надеждам приостановилось. Зиновьев почти дословно повторил сказанное Троцким на III конгрессе: «Мы ошиблись в оценке темпа, и там, где надо было считать годами, мы считали месяцами»¹².

Однако резолюция IV конгресса, констатируя возникновение фашизма, рассматривала возможность и другого поворота событий: «Но это не исключает возможности, что в недалеком будущем в некоторых важнейших странах открытая буржуазная реакция сменится «демократически-пацифистской» эрой. В Англии (усиление Рабочей партии на последних выборах), во Франции (неизбежный период правления так называемого «левого блока») такой «демократически-пацифистский» переходный период весьма вероятен, и он может со своей стороны вызвать возрождение пацифистских надежд в буржуазной и социал-демократической Германии»¹³. Теперь, когда лейбористская партия в Великобритании и «левый блок» во Франции находились у власти, а массы германских буржуазных и социал-демократических избирателей начали поддаваться иллюзиям плана Дауэса, это предсказание с большой точностью сбывалось. Наступление эры демократического пацифизма воспринималось как «признак краха капитализма». План Дауэса — «петля на шее германского рабочего класса», и чем дольше лейбористская партия будет находиться у власти, тем меньше она будет порождать иллюзий. Выпады против социал-демократических партий всех стран, перемежавшиеся личными выпадами против Радека, были лейтмотивом выступления Зиновьева. В частности, он сказал: «Европейская социал-демократия в таком виде, как мы ее знаем, является теперь, в сущности говоря, объективно не чем иным, как „третьей партией мировой буржуазии“», а германскую социал-демократическую партию он охарактеризовал как «крыло фашизма». Эти нападки на социал-демократов не были новым элементом в большевистской теории или риторике. Но германский опыт, когда попытка сотрудничества с социал-демократами провалилась, придал им остроту, которой не наблюдалось в более сдержанных высказываниях на III и IV конгрессах. В данном контексте это указывало на явный сдвиг влево и привело к запутанным разъяснениям о политике «единого фронта», которая стала яблоком раздора между Зиновьевым и Радеком еще с тех пор, когда она была впервые про-

возглашена ИККИ в декабре 1921 г.¹⁴ Что же осталось теперь от основы единого фронта с социал-демократами? К сожалению, резолюция IV конгресса Коминтерна решительно утверждала «необходимость тактики единого фронта» и рекомендовала оказывать поддержку «рабочим правительствам», которые с неосторожной точностью определялись как правительства, включающие различные левые группировки. Теперь Зиновьев старался оправдать свое прежнее согласие с неприятными формулировками этой резолюции. Ловко замаскировав лозунг единого фронта под маской «единого фронта снизу» (то есть политики отрыва членов других левых партий от их лидеров), он вернулся к своему прежнему толкованию понятия «рабочего правительства» как синонима советского образа правления или диктатуры пролетариата. Прошлые поражения приписывались ошибочному пониманию правых лозунгов единого фронта и рабочего правительства. Правые несли ответственность за поражение Германии в октябре 1923 г., они невидимыми нитями были связаны с троцкистской оппозицией в русской партии. Краткое упоминание о так называемом «левом» товарище, полностью отрицавшем тактику единого фронта, привело к выводу о том, что «мы, настоящие левые в Коминтерне», должны взять в свои руки борьбу против правых. Такая мягкая критика «ультралевых» серьезно не повлияла на общий тон выступления Зиновьева, который попытался занять для себя и Коминтерна позицию значительно левее позиции, занятой на IV конгрессе¹⁵.

После политического доклада Зиновьева с докладом о мировом экономическом положении выступил Варга, экономический советник Коминтерна. III конгресс Коминтерна уже отметил начавшееся «наступление против рабочих как на экономическом, так и на политическом фронте». IV конгресс в ноябре 1922 г. в разделе резолюции, озаглавленной «Наступление капитала», признал, что буржуазии удалось «укрепить свое политическое и экономическое господство и начать новое наступление на пролетариат»¹⁶. Перед открытием V конгресса летом 1924 г. успех этого наступления угрожающе проявился в виде восстановления экономики после первых послевоенных лет депрессии, в стабилизации германской валюты, в широкой поддержке плана Дауэса и в проникновении американского капитала в Европу. В мае 1924 г. Варга опубликовал брошюру под названием «Расцвет и закат капитализма». В заключительной части брошюры он писал, что «острый социальный кризис капитализма» после войны был «в основном преодолен», и в некоторой степени допускалась возможность длительной отсрочки его окончательного краха. Когда Варге пришлось докладывать V конгрессу о мировом экономическом положении, видимо, была нужна не столь пессимистическая картина. Ничто не может, говорил он теперь, отменить неизбежность краха капитализма, который уже вступил в свою последнюю стадию. Но «внутри общего кризиса капитализма» могут отмечаться отклоне-

ния как в виде частичного восстановления, так и в виде различия в конъюнктурах в различных странах; капитализм уже не является единой мировой системой хозяйства. Нынешняя стадия, хотя она и не дает объективных доказательств краха капитализма, все же создает «объективные условия для победоносной пролетарской революции»¹⁷. Такое загадочное высказывание звучало как компромисс между профессиональной совестью Варги и необходимостью в революционной платформе, которая устраивала бы левых¹⁸.

Шаткость позиций как Зиновьева, так и Варги выявилась во время прений. Трэн, французский делегат, поддержал Зиновьева, подчеркнув, что главная опасность грозит не слева, а справа. Германский делегат, выступавший под именем Рваль, смело заявил, что в октябре 1923 г. «германская партия и Коминтерн в целом склонны были поставить ребром вопрос о захвате власти». Мэрфи, британский делегат, первым внес ноту сомнения, указав, что «единый фронт» был исходным пунктом тактики британской партии¹⁹. Рой, индийский делегат, приветствуя внимание, которое с запозданием сейчас уделяется Великобритании, принялся рассеивать существующие иллюзии о КПВ. Британский пролетариат как класс «носит особый характер и насквозь проникнут, сознательно или бессознательно, духом империализма». Живущий за счет сверхприбылей империализма, он все еще относится с доверием к рабочему правительству и к буржуазной демократии. До тех пор пока КПВ не станет массовой партией, играющей активную роль во всей империи, результатов нечего ожидать²⁰. Никто не пожелал принять резкий вызов Роя. Основным оппонентом официальной линии стал Радек, получивший разрешение изложить свое личное мнение — последний случай выдачи лицензии на оппозицию в истории русской партии²¹. Он подверг критике позицию Зиновьева «как ликвидацию решений IV конгресса» и потребовал от него прямо сказать, отрицает ли тот любые формы сотрудничества с социал-демократами. Перейдя к выступлению Варги, он зачитал выдержки из его брошюры, опубликованной месяцем раньше, противопоставив их более воинственным заявлениям в докладе. На конгрессе, заявил Радек, «голубок зарычал львом»²².

Ответ Радеку был дан в выступлении Рут Фишер. Наказ КПГ своей делегации на конгрессе четко предписывал осмотрительность в вопросе о едином фронте, а лозунг «рабочего правительства» характеризовал как «устаревший»²³. Большинство германской делегации под руководством волевой Рут Фишер образовало левое крыло конгресса, а британская делегация заняла его правое крыло. Рут Фишер заявила, что Радек и его сподвижники «потеряли веру и в германскую, и в европейскую революции», и предсказывала «неминуемость острого революционного кризиса». Положение в британской партии резко отличается от положения в более «зрелых партиях»; ее безвольное отношение к лейбористской партии — результат «неопытности»²⁴. Брандлер, не являвшийся чле-

ном германской делегации и не имевший права решающего голоса, выступил с защитой своей прежней позиции не без достоинства, но безуспешно. Один из делегатов предположил, что доклад Варги был специально составлен в духе более оптимистическом, чем анализ положения в его брошюре, для того чтобы оправдать «левую» политику. С другой стороны, представитель германских левых критиковал положения доклада как отражение пораженческой доктрины правых и считал опасным допущение, что капитализм сможет достичь даже временного восстановления²⁵.

Обстановка на конгрессе свидетельствовала о все более решительном повороте влево. Тольятти, приехавший на конгресс под именем Эрколи, занимал позицию центра среди итальянских делегатов, стоявших на различных политических позициях. Он выразил серьезное опасение, что в результате обсуждения на конгрессе двусмысленные правые формулировки могут быть заменены двусмысленными левыми формулировками²⁶. Бордига, бывший на конгрессе единственным представителем «ультралевых», открыто заклеил резолюцию IV конгресса как необдуманную, провозгласил лозунг «единый фронт снизу, а не сверху» и потребовал «похорон по третьему разряду» для тактики и лозунга «рабочего правительства»²⁷.

Варга и Зиновьев выступили с заключительным словом. Варга защищался от критики несколько неуклюже, признав незначительное различие между своим докладом и брошюрой, но указал при этом, что ситуация в капиталистическом мире за последние два месяца ухудшилась²⁸. Подводя итог прениям, Зиновьев отметил, что они были «более широкими, чем когда-либо прежде», в ходе их выступило 62 оратора. Как и в докладе, он сделал сильный крен влево, используя Радека и социал-демократов в качестве мишени, хотя выступление Бордиги предоставило ему возможность сохранить баланс с помощью нескольких резких, саркастических замечаний в адрес ультралевых. В одном месте своего выступления, которое впоследствии часто цитировалось, он, защищая свою позицию, детально рассмотрел возможность такой альтернативы: либо быстрое созревание революции в Европе в течение трех, четырех или пяти лет, либо медленное и постепенное созревание ее в течение целого периода. Таким образом, пропасть между левыми и правыми была перекрыта этой формулой²⁹.

В политической комиссии, которой было поручено подготовить резолюцию, правая оппозиция, видимо, хранила молчание. Но Бордига продолжал отстаивать свои взгляды и представил свой проект в дополнение к проекту большинства. Сражение возобновилось на пленарном заседании, заслушавшем отчет комиссии. Бордига вновь выразил сожаление, что резолюция недостаточно решительно отвергает двусмысленные формулировки о едином фронте и рабочем правительстве, одобренные IV конгрессом. Бухарин в ответ назвал Бордигу «чистым индивидуалистом», не пони-

мающим необходимости завоевания масс на свою сторону. Затем проект резолюции был принят подавляющим большинством голосов. Контрпроект Бордиги получил лишь 8 голосов³⁰. Резолюция, в основном подтверждавшая решения IV конгресса, решительно отвергла все попытки превратить тактику единого фронта в «что-то большее, нежели революционный метод агитации и мобилизации масс», или «использовать лозунг рабоче-крестьянского правительства не в целях агитации за пролетарскую диктатуру, а в целях создания буржуазно-демократической коалиции»³¹. Тезисы Варги об экономическом положении, переданные в экономическую комиссию для составления проекта резолюции, были приняты конгрессом единогласно, хотя было отмечено, что, видимо, под нажимом левых, они были еще больше изменены в комиссии, с тем чтобы сделать их созвучными перспективе революционных действий³². В окончательной редакции в тезисах большое внимание уделялось исключительному характеру процветания в Америке, что контрастировало с бедностью и хаосом в капиталистической Европе, а также со всемирным аграрным кризисом. Однако заключительный вывод представляется не чем иным, как риторической банальностью. «Если удастся окончательно сломить влияние социал-демократов и националистически-фашистских партий на пролетариат и мобилизовать большинство пролетариата в его решающих слоях под руководством коммунистических партий для борьбы за государственную власть и вовлечь в боевой союз против помещиков и капиталистов трудовое крестьянство, очень страдающее от аграрного кризиса, то в нынешний упадочный период капитализма эти бои поведут к успешным боям за власть»³³.

Некоторые из этих вопросов затрагивались в пространной резолюции конгресса «О тактике», в которой говорилось о вступлении мира в «демократическо-пацифистскую полосу»; из Великобритании и Франции «демократическо-пацифистские иллюзии» проникли «даже в Германию». Характеризуя текущий период как «эпоху между двумя революциями или между двумя волнами революционного подъема», резолюция отмечала, что этот период будет чреват разного рода уклонами. Стремясь установить равновесие между двумя крайними точками зрения, она осуждала «ультралевые уклоны», отражавшиеся как в тред-юнионистской политике, так и в «принципиальном» отрицании «тактики маневрирования вообще»³⁴. Но все это было лишь прелюдией к серьезному делу разоблачения правых уклонов. Единый фронт, указывалось в резолюции, может означать, а может и не означать переговоров с лидерами других партий. Но его нельзя сводить только к переговорам; «единый фронт снизу» является его важной частью. «Рабоче-крестьянское правительство», отнюдь не подразумеваемая коалиция, есть просто «перевод на язык революции, на язык народных масс лозунга „диктатуры пролетариата“». Естественно, что это привело к ссылке на «буржуазный и враж-

дебный рабочий характер так называемого „рабочего правительства Макдональда”»³⁵. Когда эта резолюция была представлена на обсуждение заключительного заседания конгресса, Бордига изменил свою позицию. Хотя он по-прежнему не соглашался с некоторыми формулировками резолюции, но она так далеко отошла от позиции IV конгресса и настолько стала близка к его точке зрения, что он выразил готовность голосовать за нее. Он не возражал против выпадов в адрес «ультралевых», ибо они не затрагивали точки зрения итальянской делегации. Резолюция была принята единогласно³⁶.

В резолюциях V Конгресса о политике и тактике было скрыто много положений, носивших двусмысленный характер. Отношение Коминтерна к тактике единого фронта будет и впредь переходить из одной крайности в другую, и эти колебания отразят перемены в отношениях Советского Союза с внешним миром. Признание раскола мира на «два лагеря» — советский и капиталистический — как единственного реального противоречия на международной арене означало отказ от единого фронта как от чего-то большего, чем случайный пропагандистский ход. Признание раскола в капиталистическом мире как одного из реальных противоречий капитализма и стремление использовать этот раскол в интересах безопасности и укрепления мощи Советского Союза означали подход к единому фронту как к важной составной части внешней политики. Ни одну из этих точек зрения нельзя безоговорочно поддерживать, не исключая другую.

Такая же двусмысленность была видна и в специальных резолюциях о «рабочем правительстве в Англии» и о «фашизме». Сложное отношение к британской рабочей партии отмечалось еще у Ленина, который отзывался с величайшим презрением о ее лидерах и особенно о Макдональде, но тем не менее призывал КПВ добиваться членства в ней. К открытию V конгресса в июне 1924 г. лейбористское правительство в достаточной степени проявило свою склонность к компромиссам и незаинтересованность в англо-советских переговорах, что лишило его остатков прежней популярности в Москве. Зиновьев прямо утверждал, что коммунисты — «единственная сила на исторической арене, не ослепленная „рабочим” правительством Макдональда», а также напомнил слова Ленина, что коммунисты должны его поддерживать так, как веревка поддерживает повешенного³⁷. Под воздействием этих соображений резолюция была выдержана в «левом» и революционном духе: «Задача Коммунистического Интернационала и его секции — Коммунистической партии Англии — вырвать рабочее движение из рук реакционных вождей, которые над ним сейчас господствуют, разрушить еще существующие в массах иллюзии, будто освобождение возможно путем медленного процесса парламентских реформ, и уяснить рабочим, что только путем непримиримой классовой борьбы и ниспровержения власти буржуазии они могут освободиться от классовой эксплуатации».

С другой стороны, было заметно, что враждебное отношение к британской рабочей партии британская делегация на конгрессе проявляла не столь откровенно и безоговорочно, как другие делегации. Никто также не предлагал отвергнуть или изменить политику целесообразности вхождения в рабочую партию; указание о поддержке левых движений, представлявших собой меньшинство, предполагало намерение оставаться в рядах рабочей партии и в тред-юнионах³⁸. Для КПВ политика единого фронта по-прежнему была чрезвычайно важной. В этом вопросе, как и во многих других, V конгресс придал более острое, революционное звучание своему языку, не меняя привычной политики.

Вопрос о фашизме оказался более сложным. Муссолини провел свой марш на Рим за несколько недель до начала IV конгресса Коминтерна в ноябре 1922 г. В то время Бордига доказывал, что фашизм «не дал ничего нового буржуазной политике», и заявил, что фашизм является «воплощением контрреволюционной борьбы в союзе со всеми буржуазными элементами»³⁹. Но эта проблема тогда подробно не обсуждалась, и за исключением упоминания в общей резолюции о необходимости «нелегальных методов организации» в борьбе с «международным фашизмом», а также краткого упоминания «о победе фашистской реакции» в резолюции об итальянской коммунистической партии⁴⁰, IV конгресс не высказывался по этой проблеме. Эта задача была поставлена перед ИККИ в июне 1923 г. и осложнилась заявлением Радека о «линии Шлагетера»⁴¹. В принятой резолюции фашизм характеризовался как «выражение прогрессирующего развала капиталистического хозяйства и распада буржуазного государства». Он явился результатом разочарования в социализме и пролетариате со стороны сочувствующей мелкой и средней буржуазии и интеллигенции, результатом слабости и предательства социал-демократических вождей. В этих условиях «буржуазия тотчас же взяла фашизм себе на службу» и заменила «якобы аполитичный аппарат буржуазного государственного насилия» открыто террористическими отрядами фашизма. Путем использования «линии Шлагетера», указывалось в резолюции, «находящиеся в фашистских рядах смутно- и бессознательно-революционные элементы должны втянуться в пролетарскую классовую борьбу». Хотя фашизм назывался явлением международного характера, его в основном считали итальянским явлением⁴².

На XIII съезде партии в мае 1924 г. Бухарин провел параллель между фашизмом и поворотом влево в капиталистическом мире: «Фашизм и коалиция буржуазии с социалистами, т. е. левоблок-истская тактика и тактика фашизма, имеют... один и тот же смысл, ибо фашизм не есть прямое насилие и только, как представляют себе некоторые, а это есть метод, который в значительной степени предполагает блокировку и тащит на своей удочке известную часть народных масс». Подобно левому блоку фашизм «руководствуется объективной потребностью для буржуазии за-

воевания известного круга масс для того, чтобы дальше вести дело возрождения капитализма»⁴³.

На V конгрессе Коминтерна Бордига вновь поднял вопрос о фашизме, повторив основные положения своего выступления на IV конгрессе. В Италии была не революция, заявил он, а лишь «смена руководящих лиц из класса буржуазии», что не привело к перемене политической программы. Фашизм — это продолжение буржуазной демократии и по существу ничего нового с идеологической точки зрения собой не представляет. Бордига вновь провел параллель между фашизмом и социал-демократией: «Фашизм, в сущности говоря, лишь повторяет старую игру левых буржуазных партий, другими словами, он призывает пролетариат к сотрудничеству классов. Он старается осуществить это, формируя профсоюзы промышленных и сельскохозяйственных рабочих и приводя их к сотрудничеству с союзами хозяев».

В этой связи Бордига повторил свои возражения против любых форм тактики единого фронта. Итальянская партия, сказал он, должна стремиться к ликвидации всех других видов антифашистской оппозиции и к замене их «открытым и прямым выступлением коммунистического движения»⁴⁴. Другим и последним оратором по этому вопросу был германский делегат, выступавший под именем Фреймут. Он осудил линию Шлагетера и неспособность к активным действиям в октябре 1923 г. и заявил, что в прошлом КПГ шла «скорее в хвосте социал-демократического сопротивления фашизму, а не как руководящая активная сила». Борьбу с фашизмом пролетариат может вести «только с помощью методов и боевых средств революционного коммунизма». Это — составная часть новой левой тактики, одобренной на съезде КПГ во Франкфурте. Возможен лишь «единый фронт снизу». С фашизмом нужно бороться, борясь также с реформистами; «социал-демократия и фашизм — два различных средства достижения одной и той же цели»⁴⁵.

Единственным новым моментом в резолюции (более краткой, чем резолюция ИККИ годом раньше) был перенос акцента с Италии на Германию, где фашизм был «вынужден открыто поддерживать и защищать господство крупной буржуазии», а также утверждение, что «фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала»⁴⁶. Проведение знака равенства между социал-демократией и фашизмом, что в силу враждебности коммунистов к социал-демократам, очевидно, естественным образом привело к повороту влево, в последующие годы постепенно становилось все более популярной темой коммунистической пропаганды⁴⁷. Вместе с тем в резолюции говорилось о необходимости «стремления к единому фронту всех рабочих масс против фашизма» и «борьбы за международный единый фронт миролюбивого* пролетариата под

* В тексте резолюции на русском языке сказано «мирового». — *Прим. ред.*

руководством Коммунистического Интернационала». Политическая линия была сформулирована настолько широко, что допускала почти любое толкование, которое могло потребоваться на практике.

Другим важным политическим документом, принятым конгрессом, был манифест по случаю десятой годовщины с начала войны 1914 г., который был подготовлен Троцким «по поручению Президиума конгресса». Тон манифеста был бескомпромиссно левым: причина войны — не только алчность буржуазии, но и предательство рабочих социал-демократами. Социал-демократы не менее, чем империалистические правительства, несут ответственность за «бесчестный» мир. Натиск революционного движения после войны был отбит «сочетанием усилий фашизма и социал-демократии». План экспертов, касающийся репараций, — «чудовищный план закабаления европейских трудящихся масс англо-саксонским капиталом через посредство французского империализма» — был одобрен партиями II Интернационала. Борьба с империализмом и опасностью войны должна вестись путем отказа капиталистическому государству в бюджетных средствах на вооружение и путем революционной деятельности в армии, на военных заводах и железных дорогах. Антагонистические противоречия капиталистического мира нельзя сбрасывать со счета. Подчеркивалось, что наиболее острый антагонизм существует между Британской империей и США ⁴⁸. Но, как требовал революционный дух документа, основной упор был сделан на революционную борьбу с капиталистическим миром: «Социал-демократию надо убрать с пути, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть и направить ее по социалистическому пути».

Манифест был принят единогласно без обсуждения ⁴⁹. Он задавал тон дальнейшей деятельности Коминтерна во второй половине 1924 г. Выступая в Военно-научном обществе через несколько дней после окончания V конгресса Коминтерна, Троцкий начал с пространных доказательств того, что в Европе созрели объективные условия для революции: «Чего не хватает — это последний фактор, субъективный: сознание отстает от бытия». Затем он повторил свою оценку причин поражения в Германии в 1923 г.: «Но не хватало одного. Не хватало такой степени закала, дальновидности, решимости и боеспособности коммунистической партии, чтобы эти качества смогли обеспечить своевременное выступление и победу» ⁵⁰. Четыре года спустя в письме VI конгрессу Коминтерна Троцкий назвал «ошибочной» точку зрения V конгресса, «что революционная ситуация продолжает развиваться и вскоре предстоит вести решающие сражения» ⁵¹. Но в свое время Троцкий умышленно или неумышленно внес свою лепту именно в такую оценку.

Ни аграрный, ни национальный вопросы на конгрессе подробно не обсуждались. Это было далеко не случайно, ибо ни один из них не вписывался в схему поворота влево. Обязательство

русской партии хранить «союз» с крестьянством, а также прошлые установки Коминтерна в этой области⁵² требовали политики поддержки крестьян в их стремлении получить землю и стать ее собственниками. Однако такая программа, принятая всеми аграрными партиями в Восточной Европе, фактически была бы попыткой укрепить капитализм, а не свергнуть его и, очевидно, не была совместима с любыми расчетами на скорую пролетарскую революцию. На конгрессе только один Варга кратко упомянул об этой проблеме⁵³, а Зиновьев отметил, что ни один из 62 ораторов, выступавших в общих прениях, не уделил ей серьезного внимания⁵⁴. В выступлении о проекте программы Коминтерна⁵⁵ Бухарин, подчеркивая важность марксистского принципа относительно того, что крупное производство в сельском хозяйстве лучше, чем мелкое, тем не менее указывал, что «социальный вес крестьянства» нельзя игнорировать и что необходимо освободить сельское хозяйство от «ярма промышленности», навязанного ему капитализмом. Тальгеймер, выступая вслед за Бухариным, утверждал, что требование о распределении земли между крестьянами не означает, что Коминтерн впал в старую ересь германских ревизионистов и выступает за мелкое земледелие⁵⁶. Всего лишь одно заседание было посвящено обсуждению аграрного вопроса. Его открыл Коларов, который довольно бегло затронул вопрос об отношении к аграрным партиям с точки зрения единого фронта. Тактика единого фронта снизу может применяться ко всем этим партиям. Но лишь немногие из них, такие, как Земледельческий союз Болгарии и отчасти Республиканская крестьянская партия Хорватии, Фермерская партия в США, достаточно революционны, чтобы применять тактику единого фронта сверху, то есть идти на соглашение с лидерами⁵⁷. Никто из видных делегатов не принял участия в прениях. Резолюция по аграрному вопросу не выносилась на обсуждение и не принималась. В резолюции, приветствовавшей образование Крестьянского Интернационала, коммунистическим партиям предлагалось держать в соответствующих странах постоянную связь с организациями, входящими в него, а также «поддерживать всякое движение трудового крестьянства, имеющее целью улучшение его положения и постольку ведущее к борьбе против господствующих классов»; высказывалось предположение, что это может привести к «образованию временных или длительных блоков рабочих и крестьян»⁵⁸.

«Национальный и колониальный вопрос» удостоился большего внимания. В двух абзацах резолюции по отчету ИККИ отмечалось большое значение права на самоопределение народов и поддержки «освободительного движения колониальных народов и всех народов Востока»⁵⁹. На одном из заседаний конгресса Мануильский выступил с докладом по этой проблеме⁶⁰. Он разделил ее на четыре группы вопросов. К первой относятся движения в колониальных и полуколониальных странах (например, в Китае и Индонезии), где долг коммунистических партий состоит в под-

держке национальных буржуазных партий, борющихся против европейского империализма (британская и французская партии недостаточно активно содействовали этим революционным движениям). Ко второй — движения в Турции и Египте, где некоторые коммунисты взяли на себя совершенно неоправданное обязательство поддерживать национальные буржуазные правительства. К третьей группе вопросов относится положение в Германии и на Балканах и старое разногласие о том, кто является носителем права на самоопределение⁶¹. Здесь были совершены прямо противоположные ошибки. В Германии Тальгеймер отождествил цели коммунизма с целями буржуазного германского национализма в борьбе против Версальского договора⁶². В других странах некоторые коммунисты отказались вовсе признать обоснованность жалоб буржуазии национальных меньшинств (например, словаков, хорватов и словенцев). Четвертая группа — национальная «irredenta», стремящаяся к воссоединению со своими соотечественниками в других странах (немцы в Польше или Чехословакии, мадьяры в Румынии и т. д.); некоторые коммунисты в этих странах не желали признавать обоснованность таких требований. В последовавших за докладом прениях делегаты различных стран пытались оградить себя от резкой критики Мануильского. Наиболее активными среди участников прений были Рой, который упорно отстаивал позицию, занятую им на II конгрессе в 1920 г., а также Нгуен Ай Куок, делегат Индокитая. Состоялся более спокойный обмен мнениями по проблемам национализма в Турции и Египте⁶³. Два американских делегата выступили с детальными сообщениями по негритянскому вопросу⁶⁴. В целом сложилось впечатление, что руководители Коминтерна были в то время заинтересованы в национальном вопросе главным образом как в способе применения дисциплинарных мер к непокорным группам в европейских партиях. Интерес к массовым движениям вне Европы все еще носил поверхностный характер, как это было и на III и IV конгрессах.

Такое впечатление подтвердилось докладом Мануильского на последнем заседании конгресса о работе комиссий по национальному и колониальному вопросам⁶⁵. Комиссия имела пять секций: колониальную, Дальнего Востока, Ближнего Востока, Балкан и Центральной Европы и негритянскую секцию. Но резолюции, которые, как было указано, должны представить секции, оказались не готовы, и Мануильский предложил передать их на рассмотрение ИККИ для одобрения их от имени конгресса⁶⁶. Остальная часть его речи была посвящена ответам на критические выступления. В дальнейшем о докладах всех секций ничего не известно, за исключением доклада о Центральной Европе и Балканах, опубликованного через несколько недель Президиумом ИККИ в качестве декларации конгресса. Версальский и Сен-Жерменский договоры, указывавшись в этом документе, создали «новые малые империалистические государства — Польшу, Чехословакию, Юго-

славию, Румынию, Грецию». Лозунгом для коммунистических партий Центральной Европы и Балкан «в нынешний предреволюционный период» стало «национальное выделение угнетенных народов из состава Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Греции». Резолюция требовала от коммунистических партий, особенно в Польше, Румынии, Венгрии, вести «решительную и энергичную борьбу с антисемитизмом». Один из разделов резолюции был посвящен «украинскому вопросу» в Чехословакии (Прикарпатская Русь), в Польше (Восточная Галиция) и Румынии (Бессарабия и Буковина). Цель — «объединение в Советские рабочие-крестьянские Республики украинских областей, разделенных сейчас между Польшей, Чехословакией и Румынией». Компартиям поручалось «содействовать укреплению коммунистических партий и организаций в этих районах»⁶⁷. Для решения других аспектов национального и колониального вопросов, затронутых на конгрессе, ИККИ учредил постоянную комиссию из представителей британской, французской и бельгийской партий и представителя ИККИ по негритянскому вопросу для «организации пропаганды среди негров» и постоянную комиссию, под председательством представителя американской партии, по национальному вопросу и революционному движению на Востоке⁶⁸.

За двусмысленными понятиями «демократическо-пацифистской эры» и тактики единого фронта, за сложными определениями правого и ультралевого уклонов скрывался кардинальный вопрос об отношении партий — членов Коминтерна к своему центральному органу и всех партий к русской партии, представляющей собой ядро этого органа. Формально русская партия была лишь таким же его членом, как и другие партии; недавние разногласия в ее рядах беспокоили Коминтерн не в меньшей степени, чем разногласия в других партиях. Все еще существовало мнение о том, что всемирный конгресс Коммунистического Интернационала является высшим апелляционным судом по всем вопросам для партий-членов. Но подойти с такой меркой к русской партии в то время было бы уже делом не очень реальным. Никто не считал, что любые слова или действия конгресса могут как-то повлиять на исход разногласий между русскими руководителями. Но группа большинства на конгрессе желала, чтобы коммунистические партии во всем мире формально присоединились к осуждению Троцкого. Степень готовности лидеров других партий присоединиться к осуждению рассматривалась центральным органом — Коминтерном — как серьезное испытание их лояльности.

Появление Троцкого на открытии конгресса было встречено громкими аплодисментами; вместе с Зиновьевым, Бухариным и Сталиным он был избран в президиум конгресса⁶⁹. Но когда начались заседания, дисциплина взяла верх. Лидеры всех ведущих партий один за другим присоединились к хору осуждения, не щадя усилий, чтобы обвинить оппозицию в своей партии в троцкизме.

И никто из представителей оппозиции в различных партиях, даже Радек, не посмел выступить в защиту Троцкого. Рыков выступил с докладом об экономическом положении в Советском Союзе. В конце его он в спокойной форме кратко изложил историю «дискуссии в партии», сделав упор на единодушии, с которым XIII съезд партии осудил оппозицию⁷⁰. Всекие опасения, что осуждение вызовет возражения на конгрессе, были сняты отказом Троцкого от предложения изложить свои взгляды⁷¹. Его участие в работе конгресса выразилось лишь в составлении манифеста по случаю десятилетия со дня начала войны, который не вызвал каких-либо возражений. Была создана комиссия для обсуждения положения в русской партии⁷², но если она и заседала, то о результатах ее работы ничего не известно. Пленарное заседание конгресса приняло без обсуждения резолюцию, которая, восхваляя достижения русской партии, отметила, что она уже осудила оппозицию в своих рядах как результат «мелкобуржуазного влияния», что представители оппозиции отклонили предложение изложить свои взгляды перед конгрессом Коминтерна и что русская оппозиция получила поддержку «от сторонников правого (оппортунистического) уклона» в других партиях. Конгресс официально одобрил резолюции партийной конференции и съезда русской партии и осудил платформу оппозиции⁷³. Имя Троцкого в резолюции не упоминалось. Когда, в соответствии с новым правилом, принятым IV конгрессом⁷⁴, на последнем заседании V конгресса состоялись выборы в ИККИ, Троцкого и Радека не было в списке кандидатов. Это было первым формальным наказанием Троцкого, который все еще оставался членом Центрального Комитета русской партии и его Политбюро. Радек уже потерял место в Центральном Комитете двумя месяцами ранее, на XIII съезде партии. Сталин, который до V конгресса не принимал участия в делах Коминтерна, был избран в ИККИ⁷⁵. Он не выступал на пленарных заседаниях конгресса, предоставив Зиновьеву быть в центре внимания. Но он проявлял активность в комиссиях⁷⁶, много общался с делегатами, произвел хорошее впечатление отсутствием риторики и спокойствием, деловым подходом ко всему происходившему⁷⁷. Мануильский выступил на конгрессе явно как человек Сталина, сославшись на «ленинско-сталинскую школу» в постановке национального вопроса, — поразительное новшество для 1924 г.⁷⁸

Борьба с троцкизмом привела также к появлению нового лозунга «большевизации» коммунистических партий, который V конгресс включил в «арсенал» Коминтерна. Осуждая Троцкого, русские партийные руководители говорили, что он не является истинным большевиком, и подробно излагали концепцию большевизма партии. Лечение для других партий, подверженных ересям и уклонам, состоит в инъекции большевизма: они должны следовать примеру русской партии и «большевизировать» себя. Это слово впервые появилось в статье Трэна в журнале французской партии в марте 1924 г.: «Наш девиз ясен: не дебольшевизация русской

партии, а наоборот, большевизация всех коммунистических партий»⁷⁹. Гуральский в германской партии выразил эту мысль почти теми же словами⁸⁰. В том же месяце в резолюции конференции польской партии говорилось о «задаче большевизации партии»⁸¹. На V конгрессе Коминтерна именно Трэн вновь пустил в ход это выражение применительно к тому, что произошло в русской партии: «Мы решительно против дебольшевизации русской партии, за большевизацию наших братских партий, за осуществление мировой большевистской партии, каковой должен стать Коминтерн, воодушевляемый духом Ленина»⁸². После этого почти каждый оратор, желая продемонстрировать свое враждебное отношение к правым и троцкизму, говорил о большевизации своей партии⁸³. В заключительном выступлении Зиновьев в яркой и красочной форме изложил содержание этого понятия⁸⁴.

Резолюция конгресса по докладу ИККИ призывала к «большевизации коммунистических партий, верно следуя заветам Ленина и учитывая при этом конкретную обстановку в каждой стране». Резолюция о тактике излагала этот вопрос более подробно. «Большевизация партий и образование единой всемирной компартии», говорилось в ней, являются «важнейшей задачей современного периода». Большевизацию не следует понимать как «механический перенос этого опыта большевистской партии в России на все другие партии». Но некоторые основные черты и обязанности провозглашались непреложными для всякой большевистской партии. Партия должна быть массовой; она должна быть способна «к стратегическим маневрам против врага», ее тактика не должна быть «догматической» или «сектантской», она должна быть марксистской революционной партией, стремящейся к победе пролетариата над буржуазией; партия должна быть централизованной, монолитной, не допускающей фракционности; и она должна вести регулярную пропагандистскую работу в буржуазных армиях. Короче говоря, большевизация означала «перенесение в наши секции того, что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого». В другой резолюции конгресса, о пропагандистской деятельности Коминтерна, указывалось, что большевизации можно достичь лишь путем внедрения марксизма-ленинизма в сознание коммунистических партий и их членов⁸⁵. Лозунг большевизации партий появился почти незапланированно в ходе прений на V конгрессе. Впоследствии о нем стали говорить как об основной теме конгресса. Мануильский писал, что V конгресс «поставил в повестку дня большевизацию европейских коммунистических партий»⁸⁶.

Поэтому вполне естественно, что V конгресс большую часть времени уделил положению в отдельных коммунистических партиях. В резолюции V конгресса о тактике упоминались четыре компартии: британская, французская, германская и чехословацкая; эти партии считались наиболее важными. Но помимо них конгресс принял специальные резолюции о польской, итальянской,

шведской, норвежской и исландской компартиях. Комиссии конгресса рассмотрели положение в болгарской, австрийской и японской компартиях. Требование о соблюдении железной дисциплины и беспрекословном одобрении решений центральных органов было одинаковым для всех; для всех партий без исключения девиз большевизации имел первостепенное значение. Однако в других решениях конгресса отразились двусмысленность и неопределенность генеральной линии и различие ситуаций в соответствующих странах. Исследование политики Коминтерна в этот период требует определенного знания политики, которую обязаны были проводить основные компартии, и тактики Коминтерна в отношении этих партий.

КОМИНТЕРН И КОМПАРТИИ (1)

а) Коммунистическая партия Германии (КПГ)

Осложнения в политике Коминтерна в первые месяцы 1924 г. в основном явились результатом ситуации в Германии. Признаки их впервые проявились в КПГ и постепенно пришли к своему логическому завершению. Поражение в Германии в октябре 1923 г. подтвердило общую потребность в таких руководителях зарубежных коммунистических партий, которые с большей готовностью следовали бы русскому образцу и указаниям Москвы. Оно также подтвердило особую потребность, нигде не проявлявшуюся так ярко, как в Германии, в руководителях, полных желания проводить в жизнь подлинно левую политику. Зимой 1923/24 г. появление Маслова, Рут Фишер и Тельмана в качестве новых руководителей КПГ, видимо, отвечало всем требованиям, личностным и идеологическим. Сталин с присущей ему проницательностью в таких вопросах увидел здесь возможность использовать положение к своей выгоде. До этого он не принимал личного участия в руководстве Коминтерном за исключением краткого вмешательства в германские дела в июле 1923 г.¹ Он, может быть, в большей степени, чем Зиновьев, сознавал мрачность перспектив революционного развития в ближайшем будущем как в Германии, так и в других странах. Но у него не было возможности проводить самостоятельную политику. Желая укрепить свой престиж, он в то же время не выступал с позиций, явно враждебных Зиновьеву. В этот момент он попытался установить прямой контакт с германскими левыми. В декабре 1923 г. он активно выступил в защиту Маслова в комиссии Коминтерна, которая занималась прошлой деятельностью Маслова, и добился его реабилитации². В конце 1923 г. и начале 1924 г. Сталин имел несколько личных бесед о делах германской компартии с Масловым или с ним и с Рут Фишер, приехавшей в Москву на заседание Президиума ИККИ. Последняя беседа с ними состоялась 8 января 1924 г. у него дома. Сталин говорил о большевистской дисциплине. У его собеседников сложилось впечатление, что он предлагает им союз с целью укрепления его собственной позиции в Коминтерне, а также утверждения их в качестве руководителей КПГ³. Как отнесся в то время Маслов к этим намекам — неясно. Но у них не было продолжения. После реабилитации в Москве Маслов вернулся в Берлин. Сталин, по-

добно большинству других большевистских руководителей, впоследствии испытывал к Маслову глубокое недоверие.

После этого неудачного экскурса в политику КПГ Сталин предусмотрительно еще раз согласился отдать пальму первенства Зиновьеву. 1 марта 1924 г. КПГ вновь стала легальной партией Германии, хотя это не ограждало ее руководителей от арестов по определенным обвинениям, и деятельность партии продолжала носить полулегальный характер. В начале апреля ей предстояло провести во Франкфурте свой съезд, который должен был утвердить новых руководителей и разработать план действий на будущее. Для взаимоотношений КПГ и Коминтерна это событие могло стать решающим⁴. В феврале или марте 1924 г. в Германию в качестве представителя Коминтерна был направлен Мануильский. Этот выбор был не очень удачным. Мануильский был одним из немногих русских официальных деятелей Коминтерна, живших в Западной Европе. Но он лучше знал Францию, чем Германию. Кроме того, его циничный и практичный стиль, которым он любил выражать свои мысли, корбил слух серьезных и склонных к теоретизированию германских коммунистов⁵. Он, очевидно, даже не мог свободно говорить по-немецки⁶. Более важным было то, что Мануильского, который прибыл в Германию как сторонник Зиновьева, вскоре стали считать убежденным последователем Сталина⁷, хотя «измена знаменам» была еще не столь явной.

Что бы ни сообщал Мануильский в Москву, Зиновьеву теперь нужно было взять дело в свои руки. В январе 1924 г. на пленуме ИККИ, обсуждавшем причины октябрьского провала, и центр и левые в КПГ выступили, при активном содействии Зиновьева, за отстранение Брандлера. Желая прежде всего избежать раскола в КПГ, Коминтерн был настроен на то, чтобы поддержать центр: это отразилось на составе ЦК КПГ, избранного в феврале 1924 г., в который вошли пять представителей центра и два представителя левых⁸. Но очень скоро выяснилось, что у центра нет основы и поддержки в партии и, поскольку правые были отброшены в сторону, партия фактически оказалась под руководством левых. Изменить это было нельзя⁹. Оставалось совершить невозможное — признать руководство левых и поставить их под контроль.

Самой острой проблемой, стоявшей перед новым руководством, была проблема профсоюзов. Первый съезд КПГ, основавший партию в 1919 г., поддался доводам Розы Люксембург об отмирании профсоюзов при социализме¹⁰ и единодушно высказался за бойкот существовавших профсоюзов. Мнения разошлись лишь в вопросе о целесообразности создания «красных» профсоюзов; когда через два года этот бойкот был отменен, партия оказалась на перепутье. Почти все профсоюзы были объединены в Общегерманский союз профессиональных союзов (ОСПС), который поддерживал СПГ и входил в Амстердамский интернационал. КПГ сначала поощряла создание независимых коммунистических профсоюзов, а затем осудила это движение. Но там, где таких профсоюзов не было,

немецкие рабочие-коммунисты часто предпочитали вообще отойти от профсоюзного движения, чем оставаться в профсоюзах, контролируемых СПГ. Тяжелое экономическое положение Германии, создавшееся в результате рурского кризиса и его последствий, привело к быстрому таянию профсоюзных рядов и нанесло ущерб их престижу¹¹. Поражение коммунистического восстания в октябре 1923 г. вызвало в рядах КПГ и особенно среди ее левого руководства, получившего теперь контроль в партии, чувство глубокого разочарования в СПГ и поддерживавших ее профсоюзах, которых считали виновными в том, что в момент кризиса они предали дело рабочих ради поддержки капиталистов. После октября 1923 г., когда многие рабочие вышли из рядов КПГ, наблюдался также массовый выход преданных коммунистов из профсоюзов, что привело к резкому падению влияния в них КПГ. 28 ноября 1923 г. в Эрфурте состоялось нелегальное совещание оппозиционных профсоюзов, две трети участников которого были коммунистами (по соображениям безопасности местом проведения его назывался Веймар, а само совещание было известно как «Веймарское»). Незначительным большинством голосов оно приняло решение не порывать немедленно с ОСПС, как того требовали экстремисты, а направить в него своих представителей с требованием о созыве профсоюзного съезда¹².

Особая сложность возникла в связи с тем, что Брандлер, развенчанный и смещенный со своего поста, был активным профсоюзным деятелем и последовательным сторонником единого фронта в профсоюзах. Было трудно отсечь этот курс от взглядов Брандлера и от его сторонников; к тому же антипрофсоюзные традиции глубоко укоренились в левом крыле партии. Маслов, тогда задержавшийся в Москве и стремившийся обеспечить для себя и Рут Фишер руководящее положение в КПГ, проводил открытую кампанию против германских профсоюзов и заручился поддержкой Томского, который на Петроградском губернском съезде профсоюзов 17 декабря 1923 г. выступил с резкими нападками в адрес германских профсоюзов: «По этому вопросу я высказываю собственное мнение. Это не официальное мнение: я думаю, что неправы те товарищи, которые говорят: «Спасите германские профсоюзы». Я думаю, что их нужно не спасать, а сказать им: «Вечная память, с позором жили и с позором умерли» (возгласы «Правильно!», аплодисменты). Ни коммунисты, ни никто другой не могут уже сейчас восстановить германское профсоюзное движение»¹³.

В Германии руководство ОСПС ответило на решения «Веймарского совещания» массовым изгнанием коммунистов из профсоюзов и решением от 17 января 1924 г. об исключении из профсоюзов, входящих в него, всех, кто ведет коммунистическую пропаганду¹⁴. Тем самым тотальный разрыв между КПГ и профсоюзами большинства при молчаливом одобрении новых руководителей КПГ казался неминуемым.

Эти события, серьезно ослаблявшие влияние коммунистов в германском профсоюзном движении в целом, были с недовольством встречены в Москве, где импульсивные высказывания Томского не имели широкой поддержки. Сессия Президиума ИККИ в январе 1924 г., которая дала оценку октябрьскому поражению 1923 г.¹⁵, посвятила специальную резолюцию работе в профсоюзах. В ней содержится заявление, которое вне всякого сомнения следовало считать увещанием, а не указанием, а именно: «КПГ продолжает с полной решимостью бороться против лозунга о выходе из профсоюзов». «Политика раскола» вновь была приписана социал-демократам, а единство профсоюзов объявлялось особенно важным «в период наступления капитала и роста реакции». Все исключенные из реформистских союзов или не состоящие в каком-либо союзе должны быть организованы в любой форме, которая окажется наиболее целесообразной для того, чтобы проводить политику сопротивления лидерам, «которые фактически являются союзниками буржуазии и фашизма», а также тактику единого фронта снизу. Лозунг «спасти профсоюзы» объявлялся ошибочным, но только в том смысле, что для «спасения» профсоюзов необходимо преобразовать их. Предпочтение было отдано фабричным советам как форме организации диссидентов: следовало добиваться превращения «фабричных советов в отправные и опорные пункты для всей работы партии среди масс, особенно против реформистских лидеров профсоюзов»¹⁶. Самым примечательным было в резолюции то, что в ней отсутствовало какое-либо упоминание о Профинтерне или о создании независимых «красных» профсоюзов, то есть их не следовало поощрять. Однако все призывы были малоэффективны. В связи с ошибочным пониманием и выполнением резолюции германские рабочие-коммунисты продолжали попытки создавать организации вне рамок существующих профсоюзов¹⁷. Как впоследствии указывалось в одном партийном документе, «антипрофсоюзная лихорадка»¹⁸ продолжала свирепствовать, а добровольный уход, а также исключение из профсоюзов членов партии стали обычным явлением¹⁹.

В этот период велась подготовка к IX съезду КПГ, который должен был открыться в начале апреля 1924 г. Беспокойство, ощущавшееся в Москве в связи со сложившейся в КПГ обстановкой, выразилось в направлении Зиновьевым в адрес КПГ по крайней мере трех писем от имени ИККИ. Первое письмо от 24 марта 1924 г. касалось вопроса о профсоюзах. По всей вероятности, оно было вызвано приездом в Москву двух членов группы центра в КПГ, которые упрашивали Зиновьева не выступать против «ультралевых» в этом вопросе, ибо «германские рабочие в целом выступают за выход из профсоюзов» и ничто не может помешать этому²⁰. Тем не менее Зиновьев решил принять меры. Первое письмо содержало изложение январской резолюции ИККИ, резко критиковало политику «параллельных профсоюзов», вновь напо-

минало о завете Ленина 1920 г. об участии в профсоюзах и указывало на необходимость «профсоюзного единства» в смысле участия коммунистов в социал-демократических профсоюзах²¹. Второе письмо от 26 марта 1924 г., посвященное вопросам политики КПГ, должно было прозвучать предостережением в отношении как ближайших перспектив, так и полномочий новых руководителей: «Вполне возможно и очень вероятно, что решающие битвы придут гораздо скорее, чем многие предполагают . . . Но не исключена и другая перспектива, что события будут развиваться несколько более медленно». В заключение говорилось: «Победа левого крыла КПГ имеет огромное значение для судьбы германской революции. Эта победа, несомненно, является отражением глубоких процессов, происходящих в рабочем классе или, по крайней мере, в его авангарде . . . Но горе нам, если мы переоценим эти симптомы, если мы примем желаемое за нечто такое, что уже достигнуто, если мы посчитаем, что большинство германского пролетариата уже готово под руководством левого крыла КПГ броситься в бой. Этого еще нет»²².

Даже эта сдержанная рекомендация была смягчена в третьем документе, направленном Зиновьевым в адрес съезда. Он также был датирован 26 марта 1924 г. и также был вначале назван «письмом», однако на съезде Мануильский, как был извиняясь, назвал его не письмом, а «статьей», и разъяснил, что она предназначалась лишь для конфиденциального ознакомления с ней делегатов съезда²³. Статья содержала критику левого крыла партии. Зиновьев указал на наличие в левом крыле двух освященных временем тенденций. Одна представлена «преданными делу рабочими», которые являются лучшей надеждой германского коммунизма, другая — «группой вождей из интеллигенции», среди которых есть «элементы крайне незрелые, без марксистского воспитания, без серьезных революционных традиций». Зиновьев отметил по крайней мере пять случаев, когда левые или ультралевые члены КПГ выступали с позиций, не совместимых с линией Коминтерна. Шолем искажил политику Коминтерна в вопросе о едином фронте, Розенберг без явных на то оснований сослался на Розу Люксембург, неизвестный «левый товарищ»²⁴ заявил, что тактика единого фронта служит лишь узким интересам Советской России; другой левый русского происхождения по имени Замош предложил проект резолюции, которая равносильна ликвидации всей практики Коминтерна; и, что «особенно печально», Рут Фишер на конференции Рейнско-Вестфальского партийного округа внесла резолюцию, принятую 2 марта 1924 г., которая «полностью отклоняла тактику единого фронта». Далее в статье затрагивались основные моменты политики партии: тактика единого фронта, отношение к профсоюзам (Зиновьев с унынием признал, что в этом вопросе «большинство товарищей из группы центра разделяют ошибки с левыми»), организационный вопрос. В заключение в ней указывалось на две перспективы: первая состояла в том, что новые руко-

водители извлекут урок из ошибок своих предшественников, откажутся от фракционной борьбы в партии и будут соблюдать «настоящую серьезную пролетарскую дисциплину по отношению к Коминтерну»; вторая — победа вскружит им головы, фракционная борьба против правых будет продолжаться, возникнет конфликт между КППГ и Коминтерном. Статья заканчивалась на этой предостерегающей ноте²⁵.

После такого малообещающего начала Франкфуртский съезд открылся 7 апреля 1924 г. Опасаясь полицейского преследования руководителей партии, съезд проходил в условиях секретности, а места его заседаний менялись каждый день²⁶. В протоколах съезда германские делегаты указывались лишь по имени организаций, которые они представляли, или по партийным функциям: Брандлер назывался «председателем группы Брандлера», Мануильский и Лозовский выступали под именами Иванова и Шварца. Их задача была сложной, память об их прошлых выступлениях была недоброй. Через два года Бухарин напомнил о том, что Рут Фишер «проявила прямое нежелание совместно обсудить вопрос о тактике единого фронта и профсоюзный вопрос»²⁷. Маслов выдвинул ряд тезисов по вопросам тактики и перспектив, которые вызвали резкое осуждение представителей Москвы как попытку «дебольшевизации» Коминтерна. Указывалось, что эти тезисы преувеличивали значение рурского кризиса, характеризуя его как поворотный момент в мировой политике, игнорировали роль Советской России «как наиболее значительной движущей силы мировой революции», обвиняли Коминтерн в принесении принципов в жертву тактике в вопросе о едином фронте. Одобрение их съездом означало бы «объявление войны Коминтерну»²⁸. На съезде Рут Фишер выступила с пространной речью от имени левого крыла; Гуральский, он же Клейн (в течение длительного времени он был представителем Коминтерна в КППГ, но его репутация была несколько подмочена после октябрьского поражения)²⁹ — от центра, а Брандлер — от имени небольшой группы правых. Но было ясно, что левое крыло пользуется поддержкой подавляющего числа делегатов съезда. Мануильский был вынужден занять оборонительную позицию. Он начал свое выступление заявлением о том, что ИККИ «не потерпит нападок на авторитет нового руководства», и в целом стремился не провоцировать левых³⁰. Однако теперь, когда правые потерпели полное поражение (Брандлер на съезде не получил ни одного голоса), больше не было возможности оказывать поддержку центру путем сдерживания левого крыла. Оно хотя и называлось «оппозицией», но было в явном большинстве; его торжествующее настроение мрачно комментировал Лозовский: «На съезде у меня сложилось впечатление, что некоторые делегаты полагают, что коммунистическое движение в Германии начинается с этого съезда... Значительное число товарищей на этом съезде придерживается мнения, что быть левым значит менять нашу тактику коренным образом и в любых

обстоятельствах, независимо от того, необходимо это или нет, послужит это интересам развития партии или нет»³¹.

Столкновение было неизбежным. Центр и левое крыло предложили свои резолюции о дальнейшей тактике партии. В них отражался различный подход к тактике единого фронта; в резолюции левых указывалось на «неоправданность» существования группы центра³². При голосовании резолюция левых получила 92 голоса, центра — 34 голоса³³.

Другим важным пунктом повестки дня съезда был злободневный вопрос о профсоюзах. Единственным документом здесь был обширный доклад, подготовленный профсоюзным отделом секретариата КПГ. Он сопровождался необычным письмом в адрес съезда от имени нескольких работников отдела с призывом «бороться при всех обстоятельствах и всеми средствами за единство профсоюзного движения» и за лозунг «В профсоюзы!»³⁴. Лозовский, выступавший в прениях, осудил «эмоциональный» подход тех, кто заявляет: «Я не могу оставаться в профсоюзе, руководимом реформистами». Каждая коммунистическая партия имеет право сказать своим членам: «Ты будешь работать в реформистских, ты — в христианских, ты — в фашистских, а ты — в профсоюзе концерна Хирш — Дункер». Направляя стрелы сарказма непосредственно в адрес левых, он в заключение сказал: «Наши «левые» товарищи очень импульсивны»³⁵. После закулисных обсуждений, которые, по всей вероятности, носили горячий характер, центр, теперь оказавшийся в явном меньшинстве, снял свой проект резолюции по профсоюзному вопросу, а проект левых был возвращен в редакционную комиссию в качестве основы для выработки окончательного текста³⁶. Принятая затем резолюция была не столь компромиссной по тону, как выступление Лозовского, но отвечала на основные из поднимавшихся вопросов. «Съезд партии со всей решительностью заявляет, — гласил главный ее пункт, — что член партии не может по собственному желанию и без согласия партийного руководства выйти из профсоюза. Напротив, каждый член партии должен быть также членом профсоюза, чтобы привлечь организованных рабочих к действиям против амстердамцев и привести их к революционной политике».

Выход из профсоюзов есть «дезертирство с поля боя» — так характеризовался такой шаг; лишь в том случае, если амстердамцы приведут дело к полному разрыву и, следовательно, будут нести за него всю ответственность, будет оправдано создание сепаратных профсоюзов³⁷. После съезда был создан Комитет действий членов революционных профсоюзов — очевидно, по образцу Национального движения меньшинства в Великобритании — для организации деятельности коммунистического меньшинства в профсоюзах³⁸. Непрочный мир во Франкфурте продержался недолго. Стало ясно, что настроения и практическая деятельность партии отходили очень далеко от решений съезда. Один из представителей КПГ позже признал, что «идеологическая перестрой-

ка» в партии шла медленно, что многие члены все еще надеются, что эти решения будут пересмотрены на предстоящих конгрессах Коминтерна и Профинтерна в Москве и что, по крайней мере, те, кто вышел из амстердамских профсоюзов или были изгнаны из них, будут поощряться к образованию «своих революционных профсоюзов»³⁹. Некто Шумахер, энергичный член КППГ, который несмотря на решения партии занимался организацией таких профсоюзов в районе Берлина, пользовался значительной популярностью и поддержкой рядовых членов партии.

Сильные эмоции сопровождали выборы, которые состоялись в конце съезда. В этот момент, видимо, в очень острую борьбу, происходившую за кулисами, вмешался Мануильский, который, как и Радек на предыдущем съезде в 1923 г.⁴⁰, выступил против полного изгнания потерпевшего поражение меньшинства из руководящих органов партии. В этом состоял традиционный подход Коминтерна к тем ошибкам в зарубежных партиях, которые не приводили к нарушению дисциплины Коминтерна. К тому же такой подход подкреплялся призывом в предсъездовской статье Зиновьева к праздновавшему победу левому крылу не продолжать фракционную борьбу против правых. Но левые расценили это вмешательство как враждебный акт, видимо, не без некоторых оснований подозревая, что отсутствие однородности в руководящих органах КППГ вполне устраивает Коминтерн, поскольку делает их более послушными указаниям Москвы. В дополнительный список кандидатов для выборов в рейхстаг от КППГ, помимо уже выдвинутых в местных организациях, левые включили 24 человека, причем лишь двое из них не принадлежали к левому крылу. После прекращения прений, вопреки возражениям 34 делегатов центра, и одобрения списка, меньшинство обратилось к представителям Коминтерна с просьбой «пересмотреть это решение»; по всей вероятности, эту просьбу пропустили мимо ушей. Затем состоялись выборы в центральный орган партии. Левые предложили 15 кандидатов, из которых 11 были представителями левого крыла, а 4 — центра. Это уже было уступкой. Теперь слово взял Лозовский (Мануильский держался на заднем плане), который предложил альтернативное решение. Центральный комитет будет состоять из 19 членов, включая Клару Цеткин, деятельницу с международной известностью, и еще одного представителя правых⁴¹, а также 10 членов, которые будут выдвинуты исключительно из среды рабочих. Центр поддержал это предложение, но оно с неодобрением было отвергнуто представителем левых, который указал, что на январской сессии ИККИ в Москве Цеткин вместе с Радеком голосовали в поддержку Брандлера. Вслед за этим предложение центра было отвергнуто 92 голосами против 32, а кандидаты левых были одобрены. Новое руководство левых встало в открытую оппозицию к Коминтерну⁴².

Последствия этого открытого столкновения проявились не сразу. Какое-то время левые лидеры, видимо, чувствовали себя

на вершине успеха. Как бы желая отметить выход партии из нелегального положения, было решено создать легальную полувоенную организацию «Союз красных фронтовиков» во главе с популярным трибуном Тельманом⁴³, в противовес аналогичным организациям «Рейхбаннер» СПГ и «Стальной шлем» крайних правых. Гамбургский докер, обладавший даром организатора и агитатора, Тельман, однако, не был теоретиком или человеком, определяющим политику. Он обладал немалым личным тщеславием и был не в ладах с интеллектуальными лидерами, подобными Рут Фишер и Маслову, олицетворяя собой различие, которое Зиновьев в своей статье до начала съезда⁴⁴ провел между «преданными делу рабочими» и «вождями из интеллигенции». Он уже пользовался столь широкой популярностью, что его имя было первым в списке кандидатов КПГ для выборов в рейхстаг⁴⁵.

Два знаменательных события произошли в мае 1924 г. Первое — арест Маслова в Берлине по обвинению в государственной измене⁴⁶. Хотя, находясь в тюрьме в ожидании суда, он мог беспрепятственно писать по партийным и политическим вопросам и общаться с другими членами партии, его роль как активного политического руководителя подошла к концу. Последним его публичным выступлением перед арестом была статья в «Правде» от 25 мая 1924 г., в которой он вновь от имени левого крыла партии осудил отступление Брандлера в октябре 1923 г.: «Компартия имела на своей стороне большинство населения, могла и должна была бороться и имела все шансы на успех»⁴⁷.

Другое событие — выборы в рейхстаг 4 мая 1924 г., первые после июня 1920 г. На предыдущих выборах все еще слабая и недостаточно организованная КПГ получила только два места, СПГ — 180 мест. Однако переход большинства членов ОСДП в КПГ в конце 1920 г. изменил баланс сил в лагере левых. К тому же СПГ потеряла влияние в пользу партий центра и правых. На выборах в мае 1924 г. СПГ получила только 99 мест, а КПГ — 62 (за нее было подано 3,5 млн. голосов). Хотя не вполне правильно сравнивать данные предыдущих и этих выборов, все же это была убедительная победа КПГ и ее нового руководства, которому неожиданно удалось после франкфуртского съезда преодолеть горечь прежних расколов в партии и предстать перед германским народом и Коминтерном как единый фронт. Все, что произошло во Франкфурте, не могло полностью устраивать Зиновьева или Сталина. Но пока ничего нельзя было сделать, чтобы круто повернуть или как-то изменить ход событий. Упрочив свои позиции в результате победы над группировками правых и центра в партии, а также хорошими результатами, которых партия добилась на выборах в рейхстаг, левые лидеры КПГ могли идти на V конгресс Коминтерна с уверенностью, обоснованно полагая, что Коминтерн будет приветствовать их политику и их руководство.

Накануне конгресса два момента послужили причиной для некоего беспокойства: оба они, хотя и не связанные друг с другом, вызывали нападки на линию Коминтерна с более левых позиций. Первый момент — это растущее разочарование в рядах КППГ в политике участия в «реформистских» профсоюзах. Период между Франкфуртским съездом КППГ и V конгрессом Коминтерна ознаменовался горячим одобрением инициативы британского представителя в Центральном комитете Международной федерации профсоюзов (МФП), который на своем заседании в Вене в начале июня 1924 г. потребовал и добился согласия о продолжении переговоров с русскими профсоюзами⁴⁸. Это привело к новым осложнениям в КППГ, ибо большая часть ее руководства, отнюдь не одобряя британскую инициативу, отрицательно отнеслась к идее каких-либо контактов русских профсоюзов с МФП, что было бы, как оно считало, предательством по отношению к Профинтерну. Сразу же после дебатов в МФП Лозовский опубликовал в «Правде» статью, озаглавленную «Русские союзы на съезде Амстердамского Интернационала», в которой он привел аргументы в пользу проведения кампании за единство (эта статья, переведенная на немецкий язык с некоторыми дополнительными комментариями, была опубликована в «Инпрекорр», а также в «Роте Фане») ⁴⁹. Хотя в ней не повторялось ничего такого, что отличало бы ее от одобренной в Москве доктрины, статья вызвала возражение и возмущение левого крыла КППГ, которое расценило ее как преднамеренную провокацию. Рут Фишер, которая уже стала подвергаться нападкам слева в своей партии, выступая вскоре после этого на V конгрессе Коминтерна, расценила эту статью как призыв к примирению с «желтым» Амстердамским Интернационалом. Берлинская партийная организация заявила официальный протест против «ликвидаторских тенденций» статьи⁵⁰. Если к позиции германских левых в профсоюзном вопросе в то время в Москве относились без доверия, то к позиции британских левых — благожелательно.

Вторым неблагоприятным моментом для лидеров КППГ стало развертывание в партии ультралевого кампании против политики Коминтерна, особенно против тактики единого фронта. Ни Борис, ни Замош, которых критиковал Зиновьев в своей статье для Франкфуртского съезда⁵¹, не имели достаточного веса. Но это движение не сводилось к нескольким изолированным партийным интеллектуалам. Германский союз молодежи на своем съезде в Лейпциге 10—11 мая 1924 г. большинством голосов отверг положение об едином фронте, содержавшееся в резолюции, внесенной делегацией КИМ в Москве⁵². В начале июня 1924 г. Корш опубликовал в партийном теоретическом журнале статью, в которой под видом ортодоксальных выпадов слева на Брандлера и правых фактически полностью отвергал тактику «единого фронта» и политику Коминтерна в этом вопросе как отказ от марксистской диалектики революции в пользу прагматизма и практических вы-

год⁵³. Столь резкая статья вызвала, по всей вероятности, беспокойство в Москве. Она имела важные последствия. В Москве она открыла глаза руководителям Коминтерна на тот факт, что левые в большей степени, чем правые, могут представлять опасность для их авторитета в КПГ. В Германии статья выбивала почву из-под ног левых лидеров, ставя под сомнение их право вообще считать себя левыми, и тем самым открывала путь для последующего раскола левого крыла. Но все это еще было впереди. А пока новая угроза вынудила Коминтерн оказать еще большую поддержку лидерам левого крыла КПГ; в будущем она еще прочнее связала бы их с курсом Коминтерна. В статье, опубликованной накануне конгресса, Рут Фишер сделала упор на опасность «правых уклонов» и предостерегла против них британскую, французскую, американскую и чехословацкую партии. Ее защита тактики единого фронта носила заметно сдержанный характер, а лозунг рабочего правительства она сочла приемлемым «в некоторых странах» в качестве подходящего синонима диктатуры пролетариата⁵⁴.

Делегация КПГ на V конгрессе Коминтерна насчитывала 40 человек, в отличие от обычных 20. Указывалось, что большинство делегатов были «рабочими от станка»⁵⁵. Но в целом в делегации были представлены все партийные группировки — от Брандлера до Корша. Вероятно, не было простой случайностью то, что первым упоминанием о КПГ в отчетном докладе Зиновьева стала резкая критика ультралевых за антипрофсоюзную политику (одновременно он выразил надежду, что «этой опасности больше нет в германской партии»), а также лично Корша и Бориса. Но он быстро вернулся к привычной теме «Радек и Брандлер» и грехам правых. Поскольку прения о тактике единого фронта в основном вращались вокруг КПГ, оказалось ненужным обсуждать «германский вопрос» в качестве самостоятельного пункта повестки дня. Но предложение снять этот пункт сопровождалось еще одним предупреждением ультралевым: «Если некоторые думали, что исполком попросту передает германскую партию «ультралевым», то они теперь поймут, что это была их ошибка. Исполком этого не сделал и никогда не сделает. Мы будем бороться за ленинизм и в КПГ»⁵⁶.

Такое высказывание заслуживает внимания, ибо в нем опровергательно признается право ИККИ «передавать» в руки той или иной группировки зарубежную коммунистическую партию, а также содержится недвусмысленное напоминание, что нынешние руководители КПГ получают поддержку лишь в том случае, если они успешно будут бороться против ультралевых, а также правых. За все время работы конгресса Рут Фишер была неутомима. Она решительно поддержала Зиновьева в прениях о тактике единого фронта и рабочего правительства. Будучи председателем политической комиссии, она сослужила добрую службу, отражая ультралевые атаки Бордиги. Она искусно маневрировала в вопросе о профсоюзах, с тревожащей откровенностью давая понять, что

никому из членов делегации КПП принятая резолюция в целом не нравится⁵⁷. В прениях Тельман также выступил против Бордини, а на состоявшемся вскоре пленуме ИККИ он был докладчиком по шведскому вопросу, открыв кампанию критики Хеглунда⁵⁸. Видимо, его с одобрением отметили в центральных органах Коминтерна как восходящую звезду. Возможно, что русские руководители уже стали рассматривать его как более перспективного проводника политики Коминтерна в КПП, чем неугомонную Рут Фишер⁵⁹.

Несмотря на тревоги Зиновьева в отношении ультралевых, решения V конгресса Коминтерна с полным основанием расценивались в КПП как поворот влево. Это убеждение казалось тем более обоснованным, что прения на конгрессе по вопросам единого фронта и рабочего правительства были в основном вызваны германским ответом прошедшей осенью, который завершился свержением Брандлера и приходом к власти левых лидеров. В заявлении, с которым германская делегация выступила в конце конгресса, подчеркивалось, что конгресс вынес обвинительный приговор правым; в нем отмечалось, что конгресс осудил также ультралевых, но что «их роль и значение ни в коей мере нельзя сравнивать с ролью и значением правых»⁶⁰. Пленум ЦК КПП, состоявшийся 19—20 июля 1924 г. в Берлине, горячо приветствовал итоги V конгресса, нарочито подчеркнув при этом его уклон влево. Принятая на пленуме резолюция была явно рассчитана на то, чтобы ослабить лозунг единого фронта и рабочего правительства; «демократическо-пацифистская фаза» характеризовалась как новый маневр буржуазии с целью «усыпить массы трудящихся, отвлечь их от революционной борьбы»; пролетарская революция была вновь поставлена на почетное место⁶¹. В предисловии к брошюре, содержащей эту резолюцию, а также другие основные резолюции V конгресса о тактике, указывалось на «четкий курс, принятый V конгрессом против всех правых уклонов», а Брандлер, Клара Цеткин, Радек, Троцкий, Суварин и Хеглунд — все были причислены к группе правых⁶².

Лишь уклончивость в профсоюзном вопросе на какое-то время бросала тень на триумф лидеров левого крыла КПП в течение лета 1924 г. Поворот влево, провозглашенный V конгрессом, должен был логически привести к отходу от сотрудничества с социал-демократическими профсоюзами, то есть с дискредитированной теперь политикой Брандлера и правых.

Однако фактически это было далеко не так. В резолюции ЦК КПП, зафиксировавшей одобрение решений V конгресса Коминтерна, выражалось серьезное беспокойство по поводу положения, сложившегося в вопросе о профсоюзах: «Комитет... подчеркивает серьезные сомнения и предостережения, высказанные германской делегацией против предложенной меры в вопросе о международном объединении с амстердамцами (соглашение об объединительном съезде путем переговоров между лидерами). Требова-

ния левого крыла британских профсоюзов, отражающие искреннее стремление британских рабочих добиться объединения в международном масштабе, могут быть приняты Профинтерном только исходя из предположения, что революционная профсоюзная программа Профинтерна будет принята как основа для такой объединенной организации... Кампания за международное единство профсоюзов приведет к укреплению коммунистических рядов и к поражению их врагов лишь в том случае, если она будет задумана как мобилизация масс в целях осуществления революционной программы»⁶³. Однако такой подход отнюдь не совпадал с курсом Коминтерна. Предположение, что единство достижимо лишь на основе программы Профинтерна, было доказательством непримиримости и вызвало резкую отповедь Лозовского: «Понять таким образом резолюции Профинтерна и Коминтерна — значит не понять их совсем»⁶⁴. Маслов продолжил полемику в статье, опубликованной в партийном журнале и выражавшей его личное мнение. Он обвинил Лозовского в том, что тот, обосновывая свою позицию, исходит из двух ложных предпосылок: убежденности в прекращении наступления капитала на пролетариат и веры в численный рост левого крыла в МФП. Единство профдвижения — сам по себе хороший лозунг, но его не следует истолковывать как капитуляцию Профинтерна перед Амстердамским Интернационалом⁶⁵.

Но такую бескомпромиссную позицию отстаивать дальше было нельзя. 17 августа 1924 г. Рут Фишер и Гекерт, теперь превратившиеся в сторонников официальной линии или подчинившиеся партийной дисциплине, провели на представительной партийной конференции в Берлине резолюцию о профсоюзах. Эта резолюция, принятая при одном голосе против, деликатно обошла вопрос об отношениях с МФП, но безоговорочно подтвердила долг членов партии вступать в «свободные» профсоюзы, даже если они и контролируются СПГ и входят в МФП⁶⁶. Одновременно конференция профсоюзных работников германского Союза коммунистической молодежи приняла наказ своим членам вступить в «свободные» союзы до 1 октября 1924 г. и создать в них фракции, а Центральный Комитет союза поставил весьма высокую цель — участие в профсоюзах 100 тыс. его членов⁶⁷. Но в широких кругах КПГ в этом вопросе по-прежнему ощущалось разочарование: многие члены партии возражали против «внезапности», с какой они столкнулись с этой проблемой на V конгрессе, а также жаловались на «английскую ориентацию» Коминтерна, означавшую отход от германской революции⁶⁸. Шумахер продолжал агитацию против решения конгресса и берлинской конференции и вынудил партию исключить его из своих рядов вместе с его сторонниками, число которых достигало, видимо, «нескольких сот человек»⁶⁹. Но такое кровопускание не изменило враждебного отношения к профсоюзам, все еще широко распространенного в рядах КПГ. Союз коммунистической молодежи, который в этом вопросе, как и в других,

придерживался левых взглядов, проявлял особую враждебность. Некоторое число членов партии Гамбургского отделения было исключено из КПГ за отказ подчиниться дисциплине⁷⁰. Однако на какое-то время внутрипартийные распри прекратились. Заседание Центрального Комитета КПГ в октябре 1924 г. в целом прошло под знаком демонстрации преданности Москве. Он принял резолюцию протеста против плана Дауэса, приветствовал ИККИ в связи с его победой в Швеции и выразил подобающую случаю озабоченность ситуацией в коммунистической партии Чехословакии⁷¹. В ноябре и декабре 1924 г. КПГ поспешила полностью сыграть свою роль в кампании против Троцкого, вызванной его «Уроками Октября»⁷². Тезис о том, что Брандлер и правое крыло КПГ являлись германскими троцкистами, особо подчеркивался в обвинениях.

План Дауэса был одобрен рейхстагом в январе 1924 г. большинством в 248 голосов против 175. Выборы в рейхстаг, которые, как ожидалось, будут в основном сосредоточены на этом вопросе, были назначены на 7 декабря 1924 г. В конце октября появились слухи о намерении правительства арестовать всех коммунистических депутатов, должностных лиц и редакторов газет на время избирательной кампании, что вызвало соответствующий протест ИККИ⁷³. Любопытным документом периода этой кампании было письмо Сталина как генерального секретаря русской партии, направленное им 16 ноября 1924 г. Центральному Комитету КПГ, которое было широко опубликовано советской и германской партийной печатью. Выражая солидарность с КПГ, он подчеркнул, что «против вас направлены соединенные силы международного капитала, отечественной буржуазии, юнкерства и социал-демократии», а также заявил, что германский пролетариат «скажет последнее слово не на выборах» в рейхстаг. Но в статье даже не упоминается о существующих противоречиях как в германской, так и в русской партии⁷⁴.

Обстановка в Германии была безрадостной. За неделю до выборов Рут Фишер в одной из статей мрачно признала, что кампания протеста КПГ против плана Дауэса «в настоящее время идет против течения»⁷⁵. Через несколько дней в письме Центральному Комитету КПГ Зиновьев также в очень тревожных тонах выразил озабоченность по поводу результатов предстоящих выборов и предостерегал против любых новых всплеск внутрипартийной борьбы, а он явно ожидал ее со стороны Брандлера и Тальгеймера: их новые нападки на Маслова и Рут Фишер были незадолго до этого опубликованы в «Правде»⁷⁶. Все опасения по поводу итогов выборов оказались оправданными. КПГ потеряла около одного миллиона голосов по сравнению с выборами 24 мая 1924 г., а за СПГ было подано на 1250 тыс. голосов больше. Число депутатов КПГ в рейхстаге сократилось с 62 до 45. Это поражение, которое приписывалось влиянию плана Дауэса и примирительной позиции западных держав, сразу никак не отразилось на КПГ,

но оно, конечно же, поколебало доверие к лидерам как среди рядовых членов партии, так и в Москве.

б) Коммунистическая партия Великобритании (КПВ)

Наряду с массовой Коммунистической партией Германии небольшая по численности Коммунистическая партия Великобритании являлась предметом забот Коминтерна в первые месяцы 1924 г. Значение КПВ может быть объяснено, главным образом, признанием наступления «эры демократического пацифизма», наиболее знаменательным проявлением которой был приход к власти лейбористского правительства, а также кампанией за единство профсоюзного движения, основными поборниками которого за пределами Советского Союза были левые силы в Великобритании. Какое-то время КПВ представляли, отчасти к ее удивлению, как образцовую коммунистическую партию. Но если КПГ была прототипом для других ведущих коммунистических партий Европы, а характерные для нее проблемы уже известны в других странах, то КПВ почти с самого начала демонстрировала присущие только ей специфические черты. Это особенно относилось к ее организационным формам и к политике.

Прежде всего КПВ никогда не проявляла какой-либо склонности к дроблению своих рядов как средству дальнейшего развития, что было характерно для других европейских партий. В отличие от них КПВ была создана на основе не раскола, а слияния, и с течением времени, хотя отдельные лица и выходили из нее, партия как таковая никогда не переживала раскола. Было также примечательно, хотя и казалось на первый взгляд удивительным, то, что КПВ проявляла большее послушание указаниям Москвы, чем другие основные европейские партии. В октябре 1922 г. была проведена реорганизация партии в соответствии с указаниями Коминтерна; при этом отдельные члены вышли из партии, но снова все обошлось без раскола⁷⁷. В некотором отношении ее послушание и дисциплинированность можно было бы рассматривать как обратную сторону слабой массовой базы, отсутствие общего языка с рабочими массами, недостатки, которые реорганизация 1922 г. была призвана исправить. И все же эта свойственная партии слабость отчасти компенсировалась уникальным положением тред-юнионов. В Великобритании они были зачинателями рабочего движения и составляли его ядро. Они имели больше влияния и престижа, чем любая другая организация этого движения, и фактически являлись доминирующей силой в лейбористской партии. В большей степени, чем любая другая крупная общественная организация Великобритании, тред-юнионы на деле доказали свою симпатию к русской революции. Отсюда — тот большой престиж, которым они пользовались в левых политических кругах страны, и, конечно, в КПВ. В 1922 г. британское бюро Профинтерна, соз-

данное в Лондоне, действовало активно, особенно среди шахтеров. Утверждалось, что у Профинтерна было 180 тыс. сторонников на шахтах Англии и в графстве Файф в Шотландии и 150 тыс. — в Уэльсе⁷⁸. С января 1922 г. начал выходить журнал «Вся власть» — орган британского бюро Профинтерна. В общем, в Москве КПВ казалась загадочным и не поддающимся пониманию явлением. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. Зиновьев, выражая сожаление по поводу недостаточно быстрого развертывания коммунистического движения в Великобритании, заметил: «Мы должны начать изучать Англию; мы даже не знаем причин этого медленного развертывания»⁷⁹.

Ко времени открытия в Москве IV конгресса Коминтерна и сразу же после него — II конгресса Профинтерна стало ясно, что фронтальная атака Профинтерна не сможет пробить брешь в тесных рядах британского тред-юнионизма или поколебать верность подавляющего большинства союзов Международной федерации профсоюзов. Вместе с тем со времени провозглашения лозунга «единого фронта» перспективы завоевания Москвой поддержки тред-юнионов если не в организационном, то в политическом плане в Великобритании были более реальны, чем в любой другой стране. Рост безработицы в период первого послевоенного экономического кризиса создал дополнительные возможности организации довольно-таки революционных оппозиционных групп, действующих в тред-юнионах или параллельно с ними. На ежегодном конгрессе тред-юнионов в Саутпорте в 1922 г. делегаты-коммунисты впервые попытались «действовать организованно в рамках конгресса»⁸⁰. Это стало отправной точкой движения, известного как Национальное движение меньшинства (НДМ). II конгресс Профинтерна в ноябре 1922 г. указал на организационную слабость НДМ, состоявшего в то время из разрозненных и действовавших несогласованно групп, и в своей резолюции заявил о необходимости созыва «национальной конференции оппозиции» в целях объединения всех оппозиционных групп «в единый центр»⁸¹. Британскому бюро Профинтерна, усиленному вновь избранными пятью членами, было поручено осуществить это решение⁸².

Одновременно с возникновением НДМ в рамках тред-юнионов организацией безработных начало заниматься Национальное движение безработных (НДБ), которое в основном вдохновлялось и руководилось членами КПВ⁸³. Необходимость такой организации испытывалась повсеместно, и очень скоро НДБ добились успеха. В январе 1923 г. его представители были приняты в Генеральном совете конгресса тред-юнионов (КТЮ) для обсуждения проблемы безработицы⁸⁴. Предложение НДБ о вхождении в КТЮ было им отвергнуто, однако было достигнуто соглашение о создании объединенного консультативного совета из трех представителей Генерального совета и трех от НДБ, а также о совместных действиях обеих организаций на местах в пользу безработных⁸⁵. В 1924 г. было проведено несколько совместных совещаний. Такая терпи-

мость объяснялась двумя конкретными причинами. КТЮ чувствовал себя уязвимым в глазах рабочих в остром вопросе о безработице и не желал подвергаться обвинениям в том, что он упустил возможность принимать какие-то меры в этой области. Что же касается НДБ, то оно, ведя работу только среди безработных, не бросало вызова лидерам тред-юнионов в их сфере деятельности. Профинтерн рассматривал этот успех как благоприятный фактор для деятельности коммунистов в движении тред-юнионов и стремился побудить своих сторонников к новым усилиям. 27 февраля 1923 г. Исполбюро Профинтерна заслушало отчет британского бюро, в котором говорилось об активной деятельности среди безработных, среди транспортных и портовых рабочих. Месяцем позже Бородин, только что вернувшийся из Великобритании, заявил об успехах Профинтерна, особенно среди горняков Уэльса и Шотландии. 15 апреля 1923 г. Исполбюро решило создать комиссию в составе Лозовского, Бородина и представителя Коминтерна для изучения отношений между КПВ и британским бюро Профинтерна, а также тактики КПВ в тред-юнионах и методов организации Движения меньшинства. Было также решено пригласить в Москву на предстоящую сессию Центрального совета Профинтерна группу делегатов тред-юнионов — членов КПВ⁸⁶.

Приглашение Профинтерна совпало с решением Коминтерна пригласить многочисленную делегацию КПВ для участия в работе расширенного пленума ИККИ, который должен был открыться в июне 1923 г., незадолго до сессии Центрального совета Профинтерна. В начале июня не менее десяти членов ЦК КПВ, включая Поллита и Галлахера, прибыли в Москву. Поллит по неизвестным причинам сразу же возвратился в Лондон и вновь приехал в Москву вместе с делегацией Профинтерна в конце месяца⁸⁷. Пленум ИККИ в основном занимался германскими делами⁸⁸, и очень мало внимания было уделено публичному обсуждению проблем КПВ. Но за кулисами состоялась, как позже ее называли, «британская конференция», где были критически рассмотрены вопросы тактики и организации партии. В ходе этого обсуждения Поллиту и Палму Датту, которые совместно с Бородиным были авторами доклада, послужившего основой для реорганизации партии в октябре 1922 г., ясно дали понять, что они пользуются доверием в Коминтерне и что их рассматривают как будущих лидеров партии⁸⁹. Но и здесь проявилась особенность, отличавшая КПВ от других партий. Никто не был смещен со своего поста. Видные лидеры первых лет — Макманус, Белл, Мэрфи, Галлахер — не подвергались порицанию, не исчезли со сцены: они продолжали служить партии на почетных и ответственных постах. Белл, Макманус, Датт, Галлахер и Поллит были избраны (видимо, на месте, ибо почти все члены ЦК партии находились в Москве) в Политбюро, в которое были также кооптированы Хорнер от британского бюро Профинтерна и Ханнингтон от НДБ. Макманус, находившийся в течение года в Москве в качестве британского пред-

ставителя ИККИ, был заменен Стюартом. Перед выездом из Советского Союза Макманус получил от Бухарина и Зиновьева приглашение провести несколько дней вместе с ними на Кавказе, чтобы обсудить вопрос «о разногласиях в британской партии»⁹⁰.

Когда делегаты тред-юнионов вместе с Поллитом прибыли 30 июня 1923 г. в Москву, сессия Центрального совета Профинтерна подходила к концу; в принятой резолюции Исполбюро поручалось провести с британской делегацией переговоры после сессии⁹¹. Во время второй «британской конференции» (по отчетам нельзя установить, была ли она прямым продолжением первой) британской делегации пришлось выслушать упреки в неспособности добиться существенного прогресса в организационных вопросах. Общее представление о критике можно получить из отчета Центрального совета Профинтерна конгрессу в следующем году, где перечислялись просчеты британского бюро: оно оказалось не в состоянии создать национальную организацию «революционных меньшинств» в тред-юнионах и даже не смогло провести статистический подсчет таких «меньшинств»; допускались разногласия и были слабые контакты с отделом тред-юнионов в КПВ⁹². На сессии Центрального совета еще до прибытия британской делегации Лозовский предложил упразднить британское бюро Профинтерна как «абсолютно непригодную форму организации» и доказывал, что «сама оппозиция в ходе своего роста должна создать центр»⁹³. Однако это предложение в то время не было поддержано. На заседании 7 июля 1923 г. Поллит признал, что революционному меньшинству в тред-юнионах все еще недостает «четких организационных форм», но он считал, что интерес к Профинтерну возрастает. На заседаниях 9 и 10 июля с британской делегацией был согласован лозунг «возвращения в тред-юнионы». Был также пересмотрен состав британского бюро Профинтерна: в него теперь вошли восемь членов, а Галлахер и Кэмпбелл были назначены его секретарями. Галлахеру, видимо, как члену делегации, обладающему наибольшим опытом работы в тред-юнионах, было поручено «руководить работой, связанной с движением меньшинств». Была создана национальная комиссия по составлению общих указаний для революционной оппозиции⁹⁴. Существо указаний британскому бюро было отражено в докладе исполнительного бюро, о котором говорилось выше: «Основная цель британского бюро состоит не в организации независимых революционных тред-юнионов и не в том, чтобы отколоть революционные элементы от существующих организаций, входящих в Амстердамский Интернационал, а в том, чтобы превратить революционное меньшинство в каждой отрасли в революционное большинство. Таким образом, британское бюро — это организация не тред-юнионов, а лишь революционного меньшинства. В тех случаях, когда целые районы выходят из существующих союзов, бюро принимает все меры к тому, чтобы ликвидировать это и убедить вышедших из союзов вновь вступить в массовые организации»⁹⁵.

Откровенный отказ от политики раскола и сведение функций Профинтерна в Великобритании к задаче укрепления групп меньшинства в существующих тред-юнионах завершили переход от первоначальной стадии политики Профинтерна — создание организаций, противостоящих Амстердамскому Интернационалу и амстердамским профсоюзам, — ко второй стадии: проникновению в амстердамские профсоюзы путем образования в них групп революционного меньшинства.

После возвращения британских делегатов в Лондон там состоялось заседание нового состава бюро Профинтерна, с тем чтобы оживить движение меньшинства и подготовиться к предстоящему конгрессу тред-юнионов, который открывался 3 сентября 1923 г. в Плимуте. Однако в этот момент была совершена серьезная ошибка, свидетельствовавшая либо о недостаточно ясном понимании обстановки в самом Профинтерне, либо о недостатке опыта в британском бюро. От имени Профинтерна оно выступило с предложением направить на конгресс свою делегацию. Предложение сразу же было отвергнуто, причем было указано, что лучше выслушать «русскую точку зрения... любых представителей русского движения профсоюзов, которых они могли бы направить, а не мнение тех, кто выступает от их имени в Лондоне»⁹⁶. Это было намеком на то, что негодование против Профинтерна, соперничающей организации по отношению к тред-юнионам, все еще существовало. НДБ оказалось в лучшем положении. Конгресс одобрил меры с целью создания общего консультативного совета, а также принял представителей НДБ, выступивших за более «тесные контакты» между этой организацией и КТЮ. Речь Ханнингтона, призвавшего оказать поддержку безработным, была встречена вежливыми, а порой и горячими аплодисментами. Но принимая общую резолюцию о безработице, конгресс отказался включить в нее поправку, предусматривавшую «более тесное сотрудничество между Генеральным советом и Национальной организацией безработных»⁹⁷. В целом конгресс в Плимуте принес левым силам разочарование. В Москве Профинтерн тоже пришел к выводу, что Движение меньшинства пришло на конгресс без достаточной подготовки⁹⁸. Затяжки с организацией НДМ вызвали критику в адрес Галлахера, у которого, по его словам, «были небольшие неприятности с одним из моих профсоюзных друзей в Москве». Когда же в Лондоне, наконец, состоялось представительное собрание общественности с целью более четкой организации этого движения, было объявлено, что Поллит заменяет Галлахера и назначается секретарем НДМ⁹⁹. Поллит, активный деятель тред-юнионизма, был более умелым организатором, чем Галлахер, а также обладал способностью интерпретировать указания Москвы. К этому времени он твердо решил подниматься по иерархической лестнице в партии.

Сохранение солидарности в руководстве КПВ, так заметно отличавшее ее от других коммунистических партий, отражало тра-

диционный эмпиризм британской политики. Лидеры британского коммунистического движения были равнодушны к вопросам доктрины и теории, которые разделяли лидеров германской, французской, итальянской и других партий, а также мало или совсем не понимали подлинного значения этих вопросов. В эти годы лишь Палм Датт был, пожалуй, единственным исключением из этого правила и единственным лидером, который в силу этого свободно владел языком Коминтерна. Зимой 1923/24 г., когда КПГ переживала муки послеоктябрьского кризиса, а в Москве бушевала первая кампания против Троцкого, в КПВ царило спокойствие. Она оставалась единственной крупной европейской коммунистической партией, которая считала себя непричастной к схватке вокруг Троцкого и не имела точного представления о сути происходящего. В феврале 1924 г., через месяц после формального осуждения Троцкого на XIII партийной конференции в Москве, Белл, член Политбюро и редактор ее единственного теоретического журнала, писал на его страницах: «Троцкий сам вызвал эту дискуссию, что для всех, кто имеет хотя бы малейшее представление о русской партии, служит достаточным свидетельством того, что этот «кризис» не представляет какой-либо опасности для единства партии»¹⁰⁰.

Делегаты VI съезда КПВ, проходившего в мае 1924 г., не сочли нужным упомянуть троцкизм или оппозицию в русской партии. Осенью 1924 г., когда возникла острая полемика, вызванная «Уроками Октября», КПВ послушно внесла свой неприметный вклад в поток осуждений троцкизма со стороны зарубежных коммунистических партий¹⁰¹. Через шесть месяцев, когда Белл снес резолюцию о троцкизме на VII съезде КПВ, он пришел к выводу о том, «насколько серьезным было положение для партии в результате дискуссии, начатой товарищем Троцким». Но это было шаблонное высказывание. Хотя среди членов КПВ не было недостатка в тех, кто симпатизировал Троцкому¹⁰², в партии не появились троцкистские группы, угрожавшие ее единству, а существо дискуссии никогда серьезно не обсуждалось. Складывалось впечатление, что для британской партии все это не имело практического значения.

Другой важной отличительной чертой КПВ была ее позиция в вопросе о едином фронте. Решение о том, что КПВ должна стремиться к вхождению в британскую лейбористскую партию, было принято при поддержке Ленина на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. и одобрено большинством голосов на I съезде КПВ в августе того же года¹⁰³. Можно поэтому говорить, что тактика единого фронта применялась британской партией еще до того, как она была сформулирована решением Коминтерна в декабре 1921 г.¹⁰⁴ Начиная с 1920 г. в лейбористскую партию ежегодно направлялась просьба о членстве в ней КПВ, и столь же регулярно эта просьба отклонялась. И все же, несмотря на эти унижительные отказы, тактика единого фронта в тот период вполне

соответствовала тому отнюдь не малому влиянию, которым пользовалась КПВ среди рабочих. На местные организации и рядовых членов лейбористской партии это влияние действовало в большей степени, чем на ее лидеров. В ходе всеобщих выборов в ноябре 1922 г. один коммунист прошел в парламент в качестве официального кандидата лейбористской партии, а другой — с молчаливого ее согласия. В этот период число рядовых членов лейбористской партии, симпатизировавших коммунистам, значительно превышало очень малое число членов КПВ¹⁰⁵. Основная сила ее заключалась в ее способности завоевывать себе таких сторонников и влиять на них. Тред-юнионы были особенно благоприятным полем для этой тактики. Такие организации, как НДБ и НДМ, нацеленные на сотрудничество партии с непартийными рабочими под руководством и влиянием КПВ, были наиболее эффективными проводниками коммунистической пропаганды и политики. КПВ была единственной партией, которая применяла тактику единого фронта полностью и искренне и придала практический смысл политике работы в интересах партии в реформистских тред-юнионах. В период, когда ошибки в тактике единого фронта рассматривались как корень всех зол в КППГ, а массовый выход германских коммунистов из профсоюзов продолжался, единый фронт оставался прочной основой для всей практической деятельности британской партии.

Проблема эта стала особенно актуальной в результате убедительной победы лейбористов на всеобщих выборах в декабре 1923 г. (хотя это привело к потере коммунистами двух мест в парламенте), образования лейбористского правительства, которое возглавил Рамсей Макдональд в январе 1924 г., и признания им де-юре Советского правительства, что стало первым внешнеполитическим актом лейбористов. Даже движение тред-юнионов, по-видимому, смещалось влево. Три члена Генерального совета КТЮ — Гослинг, Томас и Маргарет Бонфилд, — принадлежавшие к умеренному крылу, подали в оставку, войдя в правительство лейбористов, тем самым усилив левое крыло Совета. Эти события привлекли внимание к левым силам Великобритании, а также к роли КПВ, которая несмотря на свою малочисленность, по-видимому, заняла теперь чрезвычайно важное место в коммунистической стратегии. Горячее одобрение, с которым московская печать вначале встретила приход к власти лейбористского правительства, нашло отражение и на страницах теоретического журнала КПВ: «Когда рабочие начинают действовать, долг всех состоит в том, чтобы принять участие в общей борьбе... Нашим руководящим принципом остается: рабочие против капиталистов. Опираясь на этот принцип, мы поддерживаем приход лейбористской партии к власти»¹⁰⁶.

Но такое последовательное проведение КПВ тактики единого фронта, внедрявшейся Коминтерном в течение двух предыдущих лет, вскоре привело к осложнениям. Резолюция ИККИ, принятая

в феврале 1924 г., повернула вопрос по-иному и нейтрализовала энтузиазм, вызванный официальным признанием Советского правительства. Лейбористское правительство, указывалось в резолюции, хотя и «отражает пробуждение классового сознания все более широких рабочих масс», не является «правительством пролетарской войны классов», а стремится укрепить буржуазное государство путем реформ. Его приход к власти имеет то преимущество, что «если, как того стоит ожидать, лейбористское правительство предаст интересы пролетариата», то это приведет к окончательному разочарованию рабочих масс в капиталистической демократии. КПВ, предлагая «левым» политическим организациям лейбористской партии общие выступления и другие совместные действия, должна играть свою «историческую роль»¹⁰⁷.

Получив такое предостережение, КПВ быстро нашла предлог для того, чтобы переменить курс. Отнюдь не проявляя склонности к революционным целям или революционным средствам, лейбористское правительство показало себя образцом буржуазного конформизма — отчасти потому, что оно было правительством меньшинства, зависящим от поддержки либералов, но также и потому, что члены его в основном принадлежали к «умеренным», а не к сторонникам активных действий. Можно вспомнить, что Ленин во время создания Коминтерна в 1919 г. ответил на выпады Макдональда против этого нового учреждения словами, исполненными величайшего презрения¹⁰⁸. Неосмотрительная фраза Макдональда о лояльности короне теперь вызвала замечание в журнале КПВ в том смысле, что будет «нетерпимо», если лейбористские министры сочтут себя «ответственными лишь перед королем Георгом», то есть перед «страной», ее правящим классом капиталистов, а не перед рабочими¹⁰⁹, а в следующем номере говорилось о «разочаровании, быстро охватывающем широкие массы рабочих»¹¹⁰. «Колониальная» политика правительства также оказалась под огнем критики. 1 марта 1924 г. «Правда» поместила на первой странице едкий комментарий, подписанный инициалами «Н. Б.» (редактором «Правды» был Н. Бухарин) об отношении Макдональда к политическим заключенным в Индии. «Соглашательское правительство Макдональда, — писал Троцкий в это время, — обнаруживает свою несостоятельность даже в большей мере, чем можно было ожидать»¹¹¹.

Ко времени открытия VI съезда КПВ в мае 1924 г. (первого после октября 1922 г.) и в Москве и в Лондоне к лейбористскому правительству относились с большим подозрением, особенно с появлением первых признаков его непримиримости на англо-советских переговорах о договоре¹¹². Галлахер в качестве председателя съезда выдвинул ставшую затем официальной версию единого фронта: «Коммунистическая партия не выступает против лейбористской партии. Коммунистическая партия постоянно стремится сделать лейбористскую партию органом, необходимым для рабочих в борьбе против капитализма, но мы выступаем против руковод-

ства лейбористской партии и будем выступать против него до тех пор, пока лейбористское движение не вынудит его либо проводить политику рабочего класса, либо уступить место руководителям, которые будут делать это»¹¹³.

Белл выразил «наше убеждение», что «политика правительства — это измена и предательство организованного рабочего класса страны»¹¹⁴. Петровский, представитель Коминтерна на съезде, работавший в Великобритании под именем Беннета¹¹⁵, в еще более резких выражениях высказался о лейбористском правительстве, членов которого он с иронией назвал «социалистическими министрами Его Величества короля; министрами труда, которые хвастаются славой империи; министрами, которые проповедуют взаимопонимание труда и капитала»¹¹⁶. Однако это не противоречило курсу, изложенному в резолюции об отношениях с лейбористской партией: «Коммунистическая партия считает своим долгом вступить в ряды лейбористской партии, чтобы усиливать активные и боевые группы лейбористского движения и разоблачать предательские группы в лейбористской партии и освобождать рабочих от их влияния. Коммунистическая партия стремится не к единому фронту с Макдональдом, Сноуденом, Томасом и др., а к созданию массового фронта рабочих»¹¹⁷.

Это был классический вариант «единого фронта снизу», отвергавший любые попытки соглашения с лидерами и проповедовавший политику раскола в партии, направленную против ее презренных лидеров. Но в какой степени это отражало настроения рядовых членов партии, сказать трудно. Рут Фишер, только что завершившая кампанию против брандлеризма в КПГ, присутствовала на съезде КПВ как представитель братской партии. Она подметила в ходе работы съезда «лояльную позицию левого крыла самой лейбористской партии, а не позицию коммунистической партии, выступающей против правительства», и сочла, что попытка добиться избрания коммунистов в парламент при прямой или косвенной поддержке лейбористов означала бы неизбежный компромисс¹¹⁸.

Однако разочарование по отношению к лейбористскому правительству и лидерам лейбористской партии компенсировалось верой в укрепление левых сил в тред-юнионах. Избрание Кука в апреле 1924 г. на пост секретаря федерации горняков означало переход одной из ключевых позиций в руки левых. Новый прилив оптимизма был вызван явным ростом симпатии в тред-юнионах к Советскому Союзу. 14 мая 1924 г. Генеральный совет КТЮ устроил прием в честь Томского и других членов профсоюзов из советской делегации, прибывшей для переговоров с британским правительством¹¹⁹. Примерно в это же время совет имел еще одну более официальную встречу с этой советской группой¹²⁰. Намек, сделанный в сентябре 1923 г. о том, что КТЮ, хотя он и не желает иметь дело с Профинтерном, но не отказался бы выслушать представителей русских профсоюзов¹²¹, теперь принес результаты.

Советским профсоюзам было направлено приглашение прислать делегатов на следующий ежегодный конгресс тред-юнионов, который должен был состояться в сентябре 1924 г. в Гулле. В короткий период между VI съездом КПВ и V конгрессом Коминтерна другое неожиданное событие укрепило общее убеждение, что британское рабочее движение быстро поворачивается влево; британские представители в Международной Федерации профсоюзов выступили за принятие в федерацию русских профсоюзов¹²². В докладе V конгрессу Зиновьев с воодушевлением утверждал, что «главная задача Коминтерна во всех областях теперь переносится в Англию»¹²³. Этот мотив стал одним из основных мотивов конгресса. «Чем больше мы в Коминтерне говорим по-английски, — заявил Петровский (он же Беннет), — тем больше мы будем распространять язык Коминтерна среди рабочих, говорящих по-английски»¹²⁴. Зиновьев раскрыл, насколько большие надежды существовали в некоторых кругах Коминтерна, прибегнув к одной из обманчивых параллелей, столь дорогих сердцам прежних большевистских лидеров: Макдональд — это британский Керенский¹²⁵. Но значение этой параллели не было уловлено ни британской, ни какой-либо другой делегацией. Основная тема выступлений британских делегатов Макмануса и Мэрфи — необходимость единого фронта: хотя лейбористское правительство «стало просто капиталистическим и империалистическим правительством», необходимо оставаться и работать в лейбористском движении. «Рост и развитие движений меньшинства и оппозиции» в рамках существующего левого движения — такова единственная основа, на которой может существовать массовая партия в Великобритании. Макманус нарисовал, пожалуй, чрезмерно оптимистическую картину состояния этих движений. Конгрессу, заявил он, следует «совершенно определенно подчеркнуть, что единый фронт должен рассматриваться как лозунг для мобилизации рабочих масс для революционных действий под руководством коммунистической партии»¹²⁶. Парадоксальность положения состояла в том, что упор на тактику единого фронта, которая повсеместно и особенно в КПГ являлась прерогативой правых, здесь считалась средством движения влево. Германская делегация отнеслась к этому с открытым скептицизмом и была несколько раздражена тем новым предпочтением, которое оказывалось британской партии. Рут Фишер не без язвительности заметила: «Каждый наш английский товарищ имеет у себя в карманах два партийных билета: билет лейбористской партии — в правом, а билет коммунистической партии — в левом»; они — «члены лейбористской партии в будни и немножко коммунисты по воскресеньям, для разнообразия»¹²⁷.

Скептицизм Рут Фишер отчасти был оправдан. Необходимость держаться одной рукой за лейбористскую партию, что составляло сущность политики единого фронта в КПВ, отражала сильные консервативные тенденции в британском рабочем движении. Партия, открыто и решительно выступающая за революцию и отказы-

вающаяся сотрудничать с конституционными левыми силами, не могла рассчитывать на многое в Великобритании, даже среди британских рабочих. В заключительном выступлении на V конгрессе Зиновьев даже утверждал, что британские левые «не революционеры» и что «в настоящее время они не лучше «левых» германских социал-демократов»¹²⁸. Но такое утверждение было понято не всеми делегатами конгресса, и британский вопрос не доставил забот. КПВ удостоилась чести быть поставленной первой среди четырех партий, особо отмеченных в общей резолюции о тактике. Это место из резолюции в целом касалось необходимости «поддержать и способствовать дальнейшему росту левого крыла в Рабочей партии», а также «бороться против так называемого „рабочего правительства“ Макдональда, отчетливо разъясняя массам его буржуазный и враждебный рабочим характер»¹²⁹. Отдельная резолюция о «рабочем правительстве в Англии» характеризовала его как «правительство империалистической буржуазии, преданного слугу его величества короля империи капиталистов и коалиции вождей II Интернационала, предавших рабочий класс в войне, с либеральными политиками и консервативными лордами». В резолюции отмечалось, что политика империализма и колониальной эксплуатации продолжается, а нужды рабочих не получают удовлетворения. В заключение в ней указывалось: «Все эти вопросы являются лишь частями главной проблемы — борьбы трудящихся масс за их освобождение от ига капитала. Этой победы нельзя достигнуть, диктатуры пролетариата нельзя установить, прежде чем не будет создана коммунистическая массовая партия, которая сплотит массы на основе неустанной борьбы против буржуазии и разоблачит социал-предателей в рядах рабочего класса. Борющаяся коммунистическая массовая партия — таков правильный ответ рабочего класса на буржуазное рабочее правительство»¹³⁰.

В это время была сделана попытка гальванизировать НДМ, которое хотя и рассматривалось как средство проникновения в тред-юнионы, но пока не смогло стать широкой национальной организацией¹³¹. VI съезд КПВ в мае 1924 г. характеризовал рост этого движения в выражениях, частично скрывавших его коммунистическую подоплеку, но точно подметив его неорганизованный и стихийный характер: «Банкротство бюрократии тред-юнионов вызвало к жизни боевые группы рабочих во всех частях страны, которые борются за активную политику движения тред-юнионов. Эти группы постепенно объединяются в движение, которое стало известно как „движение меньшинства“»¹³².

Съезд принял резолюцию, в которой приветствовал эти «признаки пробуждения рабочих», но в то же время подчеркнул, что «различные движения не могут действовать в полную силу, пока они будут отражать местные интересы, будут изолированными и ограниченными по своему масштабу и характеру», и что в этой связи «движения оппозиции могут развиваться только под руко-

водством сильной коммунистической партии, которая сможет объединить их силы и довести борьбу до ее революционной цели». В то же время в другой резолюции выражался протест против ереси отождествления партии с Движением меньшинства и другими подобными ему организациями. Партия должна работать в Движении меньшинства, стимулировать его активность, но сохранять свои отличительные черты¹³³. Такой подход отражал двусмысленность статуса НДМ. В Москве считали, что Движение состоит из коммунистов или активных приверженцев делу коммунизма. На III конгрессе Профинтерна Калнин назвал предстоящую конференцию НДМ «национальной конференцией наших сторонников в Великобритании». Лозовский провел четкое разграничение между левым крылом в целом, которое «состоит из всех тех, кто разочаровался официальной политикой» и членами Движения меньшинства, «у которых есть определенная платформа, то есть всех тех, кто стоит на платформе Профинтерна»¹³⁴. На деле такое разграничение было во многом ошибочным. Хотя НДМ и было организовано в результате усилий КПВ, но оно увеличивало свою численность за счет «бунтарей» в рядах британских тред-юнионов, чья поддержка Москвы все же сдерживалась глубоко укоренившейся в их сознании лояльностью к тред-юнионам в целом.

Первая ежегодная конференция Национального движения меньшинства состоялась 23—24 августа 1924 г. На ней присутствовал 271 делегат, которые представляли, как указывалось, 200 тыс. организованных рабочих. На конференции председательствовал Том Манн, председатель НДМ; Поллит был его генеральным секретарем. В основной резолюции определялись задачи и цели Движения. Они, коротко говоря, состояли в том, чтобы организовать рабочих для свержения капитализма и «образования социалистического содружества»; «работать в рамках существующих организаций рабочих» для популяризации «принципов революционной классовой борьбы», бороться против «существующей тенденции к социальному миру и сотрудничеству классов»; поддерживать «теснейшие связи» с Профинтерном и в то же время «работать для достижения единства международного профсоюзного движения». От имени НДМ конференция обратилась с воззванием к предстоявшему конгрессу тред-юнионов. В нем смело утверждалось, что «впервые в истории конгресса явная и организованная оппозиция в рамках существующих тред-юнионов противостоит нынешнему руководству и решительно поднимает знамя революционной политики рабочего класса в британском тред-юнионизме». Главнейшая задача движения тред-юнионизма, говорилось в нем далее, состоит «в организации рабочих для совместных действий против капиталистов». Воззвание выдвигало «программу действий» из девяти пунктов, в которой экономические и политические требования благоразумно объединялись¹³⁵. Цель явно состояла в том, чтобы выступать в качестве авангарда левой оппозиции на предстоящем конгрессе тред-юнионов. О том, что за

НДМ стоят коммунисты, открыто не говорилось, но сомнений в этом не было. Через несколько месяцев представитель КПВ похвалялся в Москве, что «наши фракции были центром, вокруг которого организовалось движение меньшинства» и что «наши фракции действуют в тред-юнионах по созданию движения меньшинства»¹³⁶.

56-й ежегодный конгресс тред-юнионов открылся в Гулле 1 сентября 1924 г. под председательством Перселла. Хотя на конгрессе неоднократно высказывались симпатии к Советскому Союзу, в ходе его обнаружились также глубокие различия в подходе британских тред-юнионов к этому вопросу. Отношение к НДМ было по-прежнему двойственным. Состоялось одиннадцать заседаний совместного комитета за предыдущий год: был разработан и распространен в количестве 700 тыс. экземпляров «устав безработных», перечисляющий их требования. Ханнингтон, талантливый секретарь НДМ и активный член КПВ, выступил на конгрессе с речью, которая была встречена дежурными аплодисментами. Однако конгресс вновь решительно отклонил обращение НДМ — «организации, в основном состоящей из трудящихся, не входящих в союзы», — о включении его в КТЮ¹³⁷. Прения по обсуждавшемуся в МФП вопросу о единстве профсоюзов были более открытыми и привели к резким нападкам на профсоюзы и Советское правительство. Никто в принципе не предложил вновь поднять этот вопрос, а предложение Поллита поручить Генеральному совету «принять меры к созыву международной конференции всех организаций тред-юнионов» было отвергнуто как излишнее несмотря на очевидное желание председателя одобрить его¹³⁸. На четвертый день работы конгресса слово было предоставлено братским делегатам других стран. Речь Томского была образцом такта и юмора. Он закончил ее призывом к «международному единству рабочего класса» и к совместным действиям «британских и советских рабочих» для достижения этой цели. Его выступление было встречено овацией¹³⁹. На следующий день «с большим энтузиазмом» было одобрено предложение с требованием ратификации англо-советского договора, подписанного месяцем ранее¹⁴⁰. С другой стороны, не было принято какой-либо резолюции о плане Дауэса¹⁴¹. Почти ни слова критики не было сказано о позиции или политике лейбористского правительства.

Поддержка Советского Союза, все еще значительная в левом крыле тред-юнионов, все больше затухала в самой лейбористской партии. Когда 7 октября 1924 г. открылась ее очередная ежегодная конференция, наступило явное разочарование. Поражение лейбористского правительства в палате общин теперь казалось неизбежным, и это действительно произошло еще во время работы конференции. Тот факт, что это было прямо или косвенно связано с англо-советским договором и с пресловутым делом Кэмпбелла, дало толчок к раздуванию неприязни к коммунизму и вызвало желание отмежеваться от Москвы. «У коммунизма, как мы пони-

маем его, — заявил Макдональд на конференции, — практически нет ничего общего с нами. Это продукт царизма и военного мышления, и с таковым у нас нет ничего общего».

Уже существовавшие запреты на вхождение КПВ в лейбористскую партию, а также на включение коммунистов в списки лейбористских кандидатов были подтверждены большинством голосов. Небольшим большинством (1 млн. 804 тыс. против 1 млн. 540 тыс.) впервые было принято решение от том, «что ни один член коммунистической партии не может быть принят в члены лейбористской партии»¹⁴². Последний запрет было трудно провести в жизнь, поскольку тред-юнионы и другие организации, входящие в лейбористскую партию, продолжали принимать коммунистов в качестве своих членов. Но все же это очень ясно указало на настроение, существовавшее среди большинства членов лейбористской партии, и поставило под вопрос уместность инструкций ИККИ, направленных 10 октября 1924 г., когда конференция уже открылась: на предстоявших всеобщих выборах коммунисты, «в принципе подвергая правительство Макдональда резкой критике», на практике должны были «поддерживать лейбористских кандидатов»¹⁴³.

Учитывая отрицательную позицию лейбористов, трудно поверить, что единый фронт с лейбористской партией можно было сочетать со сдвигом КПВ влево. Прочное положение левых в тред-юнионах и тенденция к единству тред-юнионистов помогли сохранять иллюзию еще один год. В ноябре 1924 г. многочисленная делегация британских тред-юнионов присутствовала на VI съезде советских профсоюзов в Москве. Она была принята с горячим одобрением и безграничным гостеприимством, и ее приезд рассматривался как доказательство того, что британские рабочие продолжают с энтузиазмом относиться к Советскому Союзу¹⁴⁴. В январе 1925 г. в Лондоне состоялась специальная конференция НДМ в честь возвращения этой делегации¹⁴⁵. Но у всех этих демонстраций не было политических последствий. Начиная с осени 1924 г. уже трудно было сомневаться во враждебности к коммунизму со стороны руководства лейбористской партии и большинства ее рядовых членов и в непримиримости ко всем попыткам КПВ проникнуть в ее ряды. Красноречивая нерешительность Макдональда вполне могла бы дать ему право претендовать на роль британского Керенского. Но падение британского Керенского и его правительства открывало путь не к революции, а к реакции.

в) Французская коммунистическая партия (ФКП)

Французская коммунистическая партия (ФКП) — в том виде, в каком она возникла после прошедшего в декабре 1920 г. Турского съезда, — представляла собой сплав из двух элементов: бывших членов Французской социалистической партии, чьи взгляды были сознательно или бессознательно связаны со Вторым Ин-

тернационалом, и смешанной группы, состоявшей из бывших анархистов, синдикалистов и тех, кто примкнул во время войны к Циммервальдской левой, которая объединилась в 1919 г. вокруг «комитета за присоединение к Третьему Интернационалу»¹⁴⁶. Эти две группы, следуя общепринятому обычаю, можно было различать как правую и левую: последняя в значительно большей степени, чем первая, представляла активное революционное начало. В течение двух лет после Турского съезда во главе партии стоял Фроссар, выразитель идей правого крыла, а Суварин, стойкий приверженец левого направления, представлял ФКП в Исполкоме Коминтерна. Постоянные раздоры в течение этих двух лет¹⁴⁷ отражали борьбу между большинством, тяготевшим к старым традициям и методам социал-демократии, и меньшинством, пользовавшимся благодаря Суварину поддержкой Москвы. Эта борьба в партии усилилась в связи с образованием в июне 1922 г. Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ). Контролируя, с помощью значительного числа присоединившихся к этой организации организованных рабочих, явное большинство во французском профсоюзном движении и примыкая сама к Профинтерну, УВКТ включала в свои ряды как коммунистов, так и синдикалистов. Как ФКП, так и УВКТ оказались вовлеченными в ход событий, развернувшихся в Москве, когда там в ноябре и декабре один вслед за другим прошли IV конгресс Коминтерна и II конгресс Профинтерна. Фроссар теперь был полностью оттеснен от руководства ФКП, а УВКТ — под воздействием всегда относившегося с недоверием к связям с коммунизмом синдикалистского крыла — оказывала давление на Профинтерн, требуя официального прекращения связей с Коминтерном¹⁴⁸. Этим событиям суждено было ознаменовать решительный поворот влево как в ФКП, так и в профсоюзном движении и вызвать пристальное внимание со стороны Зиновьева: «После того как коммунистическая партия существует там уже два года, мы все же вынуждены констатировать, что значительное число коммунистов, которые составят лучшую часть будущей коммунистической партии, пока еще находятся вне коммунистической партии, в рядах профессиональных организаций»¹⁴⁹. Место Фроссара на посту генерального секретаря партии было захвачено двумя секретарями — школьным учителем и одним из представителей интеллигенции в левом крыле партии, Трэном, и профсоюзным деятелем Селье. Ветеран Циммервальдской левой Кашен возглавлял партийную фракцию в палате депутатов.

1923 г. был годом оккупации Рура. ФКП, которая в то время высоко котирировалась в Москве¹⁵⁰, активно присоединилась к протестам КПП против этого вопиющего проявления империализма в ущерб немецкому рабочему: многие французские коммунисты были арестованы и заключены в тюрьму в Рейнской области. Однако, хотя партийный аппарат работал «лучше, чем во времена Фроссара», раздоры внутри партии отнюдь не прекратились.

Находившийся в тюрьме в первые месяцы 1923 г. Трэн вскоре был освобожден и выказывал явную претензию стать с одобрения Москвы лидером партии. При этом такт не принадлежал к числу его главных достоинств. Эмбер-Дро, который был в то время представителем Коминтерна в латинских странах, доложил Зиновьеву, что «пребывание Трэна в качестве генерального секретаря партии представляет собой опасность, которая будет возрастать, если он не изменит своих методов работы и руководства», и обвинил его в проведении «некоего непрерывного шантажа против других членов Политбюро»¹⁵¹. Инициатором разногласий был в Москве и Суварин. Раздраженный нетерпимой для него тактикой единого фронта, подтвержденной на IV конгрессе Коминтерна, он осудил выдвинутые ФКП и УВКТ предложения о «едином фронте» как «слишком примиренческие» и «своими оскорблениями сделал бесплодной всю тактику»¹⁵². Более того, он использовал свои полномочия как члена Исполкома Коминтерна, чтобы выступать с критикой в адрес лидеров ФКП, и в частности Трэна, чьи весьма слабые таланты и скучный тон выступлений вызывали у него презрение¹⁵³.

Однако пока такая политическая линия все еще сохранялась. В сентябре 1923 г. Исполком Коминтерна привлек внимание ФКП к важности тактики единого фронта на намеченных на будущий год ответственных парламентских выборах. Существующему национальному блоку и так называемому левому блоку необходимо противопоставить «блок рабочего класса в городе и в деревне». Одно из условий состояло в том, что партия не должна иметь «ничего общего с любой из форм парламентского реформизма» и не должна делать даже «малейшей попытки», направленной на то, чтобы «наводить мосты между партией и левым блоком»¹⁵⁴. Национальный совет ФКП понял намек и на своем заседании 13—14 октября 1923 г. послушно выдвинул предложение о создании рабоче-крестьянского блока, который обеспечивал бы противовес национальному блоку и блоку левых¹⁵⁵. Жест этот был бессмысленным, ибо Французская социалистическая партия уже примкнула к левому блоку. Тем не менее, при всей бесперспективности такого курса, ФКП не удержалась от проведения тактики единого фронта. 17 декабря 1923 г. она обратилась с открытым письмом ко всем другим рабочим партиям, предлагая им сформировать на предстоящих выборах общий фронт против всех буржуазных блоков и партий, вне зависимости от того, принадлежат ли они к правым или к левым¹⁵⁶. Тем временем сокрушительное поражение потерпели синдикалисты в УВКТ. Вдохновленные своей победой в декабре минувшего года, они в течение всего 1923 г. продолжали агитацию против каких бы то ни было связей между УВКТ и Москвой и высказывали желание выйти из Профинтерна. На ежегодном съезде УВКТ в ноябре в Бурже они выдвинули официальное предложение о выходе из этой организации, но потерпели жестокое поражение¹⁵⁷. Судя по всему, как

в ФКП, так и в УВКТ положение стабилизировалось, и в обеих организациях воцарились под присмотром Москвы сдержанность, порядок и дисциплина.

В этот момент в партии вновь разразился серьезный кризис, причины которого можно было отнести к нескольким различным обстоятельствам. Фактором, внесшим наибольшую тревогу, было возвращение из Москвы осенью 1923 г. делегата от ФКП в Исполкоме Коминтерна Суварина, который с 1 ноября 1923 г. вновь приступил к активной деятельности в качестве главного редактора основанного им в 1920 г. партийного журнала «Бюллетэн коммунист». Эмбер-Дро довел до сведения Зиновьева, что этот шаг, предпринятый вопреки его рекомендациям, привел к «целому ряду болезненных инцидентов». Суварин, «молодой интеллигент, который делал только то, что ему нравится», умудрился поссориться почти со всеми партийными лидерами и был в чрезвычайно плохих отношениях с Трэном¹⁵⁸. Однако помимо всех этих личных антипатий вскоре возникли и проблемы политического характера. Поражение октябрьского восстания в Германии сыграло на руку Суварину, породив сомнения в правильности тактики единого фронта. Суварин, похоже, воспользовался этой возможностью, чтобы свалить всю вину на Трэна, возложив на него — как это было проделано в КПГ с Брандлером — ответственность за ошибки единого фронта и подвергнув его критике слева. В январе 1924 г. в Лионе должен был собраться III съезд ФКП. В появившейся накануне съезда в «Бюллетэн коммунист» статье Суварин критиковал «слабость», отличавшую в прошлом партийное руководство, высказывал мысль, что Центральный комитет оставлял слишком много работы для Политбюро, и обвинял Трэна в том, что тот будто бы хвастался, что он лично «управляет» Политбюро. Трэн был подвергнут осуждению также за то, что не вынес на повестку дня съезда вопрос о «едином фронте»¹⁵⁹. Эмбер-Дро сообщил в Москву о «скрытом кризисе» в партии, который может проявиться на съезде¹⁶⁰. В обращении ИККИ от 12 января 1924 г. подчеркивалась необходимость работы по «завоеванию масс» и «борьбы с милитаристской лихорадкой», но содержалось и предостережение в адрес ФКП относительно опасности чрезмерного увлечения политикой единого фронта: «Самая решительная и беспощадная борьба против национального и левого блока. Никаких уступок, никаких компромиссов... Кто за левый блок, тот против рабочего класса»¹⁶¹.

Хотя здесь всего лишь повторялось то, что было уже сказано в предыдущей инструкции от сентября 1923 г., особый акцент отражал, судя по всему, растущие сомнения в политике единого фронта, вызванные уроками германского поражения. Вместе с тем ни в обращении ИККИ, ни в докладе съезду о работе Политбюро, подготовленном его секретарем Трэном¹⁶², не затрагивались те спорные проблемы, которые возникли осенью 1923 г. в германской и русской партиях. Эти проблемы находились еще

в стадии рассмотрения, и решения по ним — хотя в действительности они и были уже приняты до того, как 21 января 1924 г. собрался этот съезд¹⁶³, — либо просто не дошли до Парижа, либо не упоминались в ходе работы съезда. В этих условиях съезд прошел мирно и без особых происшествий, приняв резолюции по Рур-у, избирательной программе рабоче-крестьянского блока, колониальному вопросу и единству в профсоюзах¹⁶⁴. Лозовский, присутствовавший на съезде, убеждал упрямое и скептически настроенное большинство делегатов согласиться с тем, что недостаточно концентрировать усилия на профсоюзах, принадлежащих УВКТ, а нужно еще и вести в этих союзах партийную работу¹⁶⁵. В резолюции о «тактике и организации» содержалось несколько язвительных выпадов, явно включенных туда по инициативе Суварина. Отдавая в умеренной степени дань самокритике, съезд упомянул в своей резолюции о «многочисленных грубых ошибках», допущенных в процессе исправления чрезмерного «федерализма» первых лет существования партии. Такими ошибками были «чрезмерный централизм», «слишком механическая дисциплина», а также тенденция Политбюро брать на себя все главные функции в определении политики, исключая из этой деятельности Исполнительный комитет¹⁶⁶. Хотя съезд проявил достаточно осторожности, чтобы отнестись к этим критические замечания «не только к руководству, но и ко всей партии», Суварин расценивал их в дальнейшем на страницах «Бюллетэн коммунист» как свидетельство общего недоверия партийному руководству и Политбюро и отмечал, что они явились разоблачением «бюрократизации, воплощением которой является Трэн»¹⁶⁷. Небольшой инцидент возник в связи с позицией, которую нужно было определить в отношении лейбористского правительства Великобритании. Воодушевленный той же волной энтузиазма, которая охватила поначалу и британскую компартию¹⁶⁸, Исполнительный комитет ФКП принял 5 февраля 1924 г. подготовленный Росмером текст открытого письма к лейбористскому правительству, обещая ему безусловную практическую поддержку. Трэн и секретарь Парижской организации Сюзанн Жиро голосовали против резолюции, одобряющей это письмо¹⁶⁹.

Кампания, которую вел Суварин против Трэна, могла оказаться и успешной, если бы он сам не связался опрометчиво с Троцким и с оппозицией в Москве. Длительное пребывание Суварина в Москве определило его особый интерес к русской партии и дало возможность хорошо разбираться в ее делах, а Троцкий пользовался личным престижем в рядах ФКП. Во время своего пребывания в Париже в 1914—1916 гг. он встречался со многими видными представителями французских ультралевых и с момента образования ФКП считался экспертом по делам Коминтерна¹⁷⁰. Развернутая в Москве кампания против Троцкого была встречена во французской партии со смешанными чувствами. Поскольку «Правда» предоставляла свои страницы для публикации статей

и речей противоборствующих фракций¹⁷¹, никто не мог сетовать на то, что таким же образом поступал и редактируемый Суваринным «Бюллетэн коммунист». Однако если «Правда» все более и более обесценивала значимость высказываний оппозиции, то «Бюллетэн коммунист», казалось, рассматривал статьи Троцкого как вклад в дискуссию, по важности намного превышающий аргументы прочих участников. А потом дело дошло до того, что Суварин, изменив своей мнимой нейтральности, выступил с явными восхвалениями Троцкого и критикой официальной линии. В номере от 27 декабря 1923 г., где было опубликовано письмо Троцкого от 8 декабря, он отважился высказать точку зрения, что это письмо выражает «великие коммунистические истины, которые имеют только один недостаток, а именно то, что они недостаточно развиты», а в следующем номере добавил, что «те, кто обвиняет оппозицию в том, что она создает «фракцию», находятся в состоянии временного ослепления под влиянием полемических страстей»¹⁷². Месяц спустя, когда напряженность возросла с обеих сторон, Суварин вновь тоном третейского судьи высказал беспристрастное суждение, которое никто не был готов воспринять именно как беспристрастное: «Мы защищаем большинство против меньшинства, когда последнее ошибается или говорит вздор, и мы защищаем меньшинство от большинства, когда последнее несправедливо».

В сущности это было декларацией поддержки оппозиции: Суварин принес извинения за то, что не смог напечатать важную статью Сталина, мотивируя это тем, что она имеет чисто российский интерес, и ограничился выражением «личных любезностей»¹⁷³. Когда дело дошло до обсуждения этого вопроса в феврале 1924 г. на заседании Исполнительного комитета ФКП — это произошло через месяц после того, как Троцкий был осужден в Москве на XIII партконференции русской партии¹⁷⁴, — Суварин предложил резолюцию, в которой выражалось убеждение, что все, кто принимал участие в проходившей в русской партии в ноябре-декабре дискуссии, были «воодушевлены заботой о том, чтобы способствовать осуществлению исторических задач партии пролетариата и движимы равным желанием работать для величия партии»; резолюция завершалась призывом к партийному единству. Хотя у Суварина было мало личных сторонников, этот кризис привел к возникновению внутри ФКП новой группировки, которая разделяла как его лояльность по отношению к Троцкому, так и его неприязнь к тогдашнему партийному руководству. А лидерами были тогда Росмер и Монатт, которые участвовали в создании Профинтерна и стояли теперь ближе к левому крылу ФКП. После дебатов в Исполнительном комитете, продолжавшихся в течение «нескольких заседаний», была принята резолюция Суварина, вопреки голосам, поданным против нее Трэном, Сюзанн Жиро и Семаром, — единственное трио верных защитников официальной линии, направленной против Троцкого¹⁷⁵.

Теперь Трэн, чей авторитет оказался под серьезной угрозой, начал контратаку. При явной или скрытой поддержке из Москвы он все еще был способен держать под контролем Политбюро партии. 6 марта 1924 г. этот орган принял решение рекомендовать Исполнительному комитету, чтобы тот принял меры для возвращения Суварина в Москву на пост французского представителя в ИККИ и назначил на его место в качестве редактора «Бюллетэн коммунист» одного члена партии по фамилии Кальзан¹⁷⁶. Теперь Трэн от имени Политбюро начал осуществлять ранее не реализованное им право контроля за деятельностью редактора «Бюллетэн коммунист». Полемика стала номером от 14 марта 1924 г. Статья, призывавшая к проведению единого фронта исключительно «снизу» и «без или против лидеров», появилась с примечанием от Секретариата партии, где выражалось несогласие и давалось обещание дать по этому поводу разъяснение в следующем номере. Трэн направил свою статью, где отвечал на прошлые нападки Суварина, и потребовал ее опубликования. Суварин подчинился. Однако, когда в Политбюро попал пробный оттиск этого номера, было обнаружено, что свободное пространство под статьей Трэна занимало примечание от редактора, где тот выражал сожаление по поводу того, что Секретариат партии запретил ему внести «малейшую поправку в неточное заявление автора настоящей статьи», и резко добавлял, что «те, кто боится коммунистической критики, сами себя дисквалифицируют»¹⁷⁷.

После этого обе стороны были готовы идти до конца, и ни одна из них не могла рассчитывать на пощаду или снисхождение противника. Заседание Исполнительного комитета, получившего подкрепление за счет участия секретарей областных партийных федераций, которое состоялось 18 марта 1924 г., подтвердило решение об отстранении Суварина от обязанностей редактора, а Политбюро перевело разногласия из плоскости личных счетов в плоскость расхождений политического характера, выдвинув ряд политических тезисов. В них осуждалась слишком терпимая позиция в отношении британского лейбористского правительства, которая была выражена в упомянутом «открытом письме», подверглась критике позиция правого крыла КПП и заявлялось, что новое руководство спасло единство партии; тезисы также полностью одобряли осудившие Троцкого решения XIII конференции русской партии. Суварин представил свои контртезисы, в которых — хотя в них и признавалось, что в Германии были действительно допущены ошибки, — утверждалось, что эти ошибки отнюдь не дискредитировали тактику единого фронта как таковую. В тезисах Суварина содержались утверждение, что члены оппозиции в русской партии были все «мастеровыми российской революцией», и призыв к «взаимным усилиям», направленным на сохранение единства. В них также говорилось, что функции коммунистов Великобритании состоят в том, чтобы «поддерживать ле-

вое крыло лейбористской партии, ни в коем случае с ней не сливаясь».

Тезисы Политбюро были приняты большинством голосов, а Суварин, Росмер и Монатт проголосовали против них. Монатт сделал заявление, где обвинял партийных лидеров в «механическом централизме», и отказался встать на какую бы то ни было из сторон в российских разногласиях¹⁷⁸. Номер «Бюллетэн коммунист» от 21 марта 1924 г. вышел уже при новом редакторе. Последним редакторским ударом Суварина было «письмо к подписчикам», где выражался протест против тех событий, которые сопровождали его смещение, о котором было напечатано в номере «Юманите» от 27 марта 1924 г. вместе с ответом Исполнительного комитета¹⁷⁹, осуждавшим это письмо как новый пример нарушения дисциплины. Суварин завершил свое вызывающее поведение тем, что опубликовал во французском переводе последний сборник статей Троцкого под названием «Новый курс», снабдив его датированным 15 апреля 1924 г. предисловием, где говорилось, что Троцкий был «подвергнут вопиюще несправедливой критике и почти невероятным личным выпадам в его адрес», и сам он характеризовался как «мастер коммунистического учения, который будет признан историей как истинный продолжатель дела Маркса и Ленина»¹⁸⁰.

Покопавшись таким образом в своем собственном грязном белье, ФКП несколько успокоилась, изготавившись к борьбе в избирательной кампании перед выборами, назначенными на 11 мая 1924 г. Все остальные факторы, которые могли оказать воздействие на результаты выборов, затмил резкий перевес голосов в пользу левого блока — национальный блок повсюду потерпел сокрушительный разгром. ФКП обеспечила себе около 900 тыс. голосов, увеличив число мест в палате депутатов с 9 до 25. Однако успех ее был ограничен Парижским районом, давшим ей 14 мест, и несколькими другими крупными городами и не шел ни в какое сравнение с результатами, которых достигли социалисты¹⁸¹. Вернувшись в Москву, Суварин сжег за собой мосты, произнеся в конце мая на XIII съезде русской партии речь в защиту Троцкого. Он заявил, что имя Троцкого является «синонимом революции», что обвинения в его адрес нанесли «тяжелый удар всей РКП, а вместе с ней и Коминтерну» и что «никаких принципиальных разногласий в этой борьбе нельзя было усмотреть»¹⁸². Он утверждал, что уполномочен 22 голосами против 2 в Исполнительном комитете ФКП вмешаться в дискуссию не с целью оказать поддержку оппозиции, а с тем, чтобы положить конец полемике в русской партии и в Коминтерне¹⁸³.

Это выступление оказалось роковым для судьбы Суварина, которая определилась на открывшемся в июне 1924 г. V конгрессе Коминтерна. На проведенном до начала конгресса расширенном пленуме Исполкома Коминтерна французская делегация осудила допущенные Сувариным случаи нарушения дисциплины в

ФКП и предложила лишить его права голоса в ИККИ. Эта странная полумера была мотивирована сомнениями в том, правомочна ли делегация одной из партий выдвигать предложение об аннулировании назначения, решение о котором принято ИККИ. Тогда Суварин попросил полчаса, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения. В этом ему было, по предложению Радека, отказано. После спора, касавшегося правомочности такой акции, было решено не лишать Суварина права голосовать, но при этом создать на конгрессе специальную комиссию для рассмотрения его дела¹⁸⁴.

В своем основном выступлении на конгрессе Зиновьев критически отозвался о Суварине и Росмере, а ФКП охарактеризовал как «вторую по значению из партий Коммунистического Интернационала» после британской. Возможно, это было данью факту прихода к власти во Франции левого правительства или же невольно проявившимся пренебрежением по отношению к КПГ. Особого внимания французским делам уделено не было. Однако в разделе основной резолюции, посвященном ФКП, содержались предписания партии улучшать свою организацию, уделять больше внимания областям за пределами Парижа, включая и сельские местности, а также «в надлежащей форме» проводить тактику единого фронта¹⁸⁵. Образованная для рассмотрения «дела Суварина» комиссия на прошедшем сразу же после окончания конгресса заседании ИККИ выступила за исключение Суварина из партии, обвинив его в трех случаях нарушения дисциплины: его «декларация» в «Бюллетэн коммунист» (имелись в виду, очевидно, его комментарии по поводу отказа разрешить публикацию его ответа на статью Трэна), его «письмо к подписчикам» и осуществленная им несанкционированная публикация перевода книги Троцкого «Новый курс» «с предисловием, направленным против партии и против Коммунистического Интернационала». Эта рекомендация была одобрена расширенным ИККИ; лишь пятеро членов итальянской делегации проголосовали против, прося об оправдании на основании смягчающих вину обстоятельств. В решение была добавлена весьма знаменательная фраза, предписывавшая направление открытого письма ко всем членам ФКП, что должно было «напомнить им истинный смысл партийной дисциплины»¹⁸⁶. Это письмо, направленное после конгресса от имени ИККИ, хотя и содержало поздравления ФКП с успехами, в то же время сетовало на недостаточно тесное сотрудничество партии с профсоюзами — УВКТ упомянута не была — и широкое распространение ошибок такого же рода, как те, за которые только что был исключен Суварин. Оно заканчивалось утверждением, что «среди некоторых руководящих товарищей господствует определенный индивидуалистический, мелкобуржуазный, анархистский дух», и осуждением культа «личных» и «частных» мнений и нежелания подчиняться дисциплине¹⁸⁷. «Юманите» торжествовала по поводу падения Суварина, обвинив его в том, что он полагал-

ся на свое «личное влияние», и выступив с проповедью о вреде индивидуализма: «В нашей партии, которую революционная борьба еще не очистила окончательно от старой социал-демократической накипи, все еще слишком большую роль играют личности... Только через разрушение всех мелкобуржуазных пережитков индивидуалистического „я“ сможем мы создать железную когорту не кичащихся своими именами французских большевиков»¹⁸⁸.

Эта резолюция и это письмо явно были призваны повысить дисциплину в рядах ФКП и прочно поставить во главе партии преданного Трэна: ведь не случайно совпадение, что Трэн, чье положение зависело главным образом от Москвы, был самым первым и самым восторженным приверженцем большевизации всякой зарубежной партии¹⁸⁹. Было решено, что Трэн сконцентрирует свои усилия на основной задаче — направлять партийную политику в Политбюро, а Семар сменит его на посту секретаря партии. Однако дух соперничества оставался еще в партии достаточно крепок, и укрепление дисциплины оказалось отнюдь не легким делом. Большевизация предполагала одновременно усиление роли центральных органов партии в ущерб отдельным ее членам — что уже было предано осуждению со стороны Суварина — и усиление влияния Парижа за счет провинции; считалось, что даже партийный орган «Юманите» должен обслуживать исключительно парижских лидеров. В защиту текущей линии выдвигались аргументы, что парижские рабочие составляют ядро партии, что число рабочих в партии возрастает и что оппозиция ограничена небольшой группой интеллигенции. На проведенном в сентябре 1924 г. совещании партийных секретарей Росмер и Монатт открыто критиковали решения V конгресса Коминтерна и защищали Троцкого и Суварина¹⁹⁰. Тем не менее авторитаризм постепенно давал о себе знать. Последний номер «Бюллетэн коммюнист», который еще сохранял старые эклектические традиции, вышел 14 ноября 1924 г., а неделю спустя уже вышел новый партийный журнал под названием «Кайе дю большевисм». При этом особо подчеркивалась его роль как стража партийной ортодоксальности. В опубликованном в первом номере вступительном манифесте после упоминания об успехах в реорганизации партии по принципу ячеек¹⁹¹ заявлялось, что теперь требуется осуществить нечто «бесконечно более важное», а именно — «идейную большевизацию партии». Второй номер журнала охарактеризовал идеологический состав партии так: «на 20% жоресистский, на 10% марксистский, на 20% ленинистский, на 20% троцкистский и на 30% — смешанный»; чтобы стать партией, «способной вести пролетарские и крестьянские массы к решительным сражениям», она должна превратиться в «стопроцентную ленинскую»¹⁹². Вскоре наступил момент, когда можно было на деле применить эти новые жесткие установки. 22 ноября 1924 г. Росмер, Монатт и еще один партийный диссидент по имени Делагард, недовольные тем, что партийная

пресса бойкотировала их прежние критические выступления, выступили с открытым письмом, распространив его среди членов партии в виде листовки. Осуждая бюрократический режим в партии, они защищали Троцкого: «Мы считаем, что именно Троцкий думает и действует в настоящее время в истинном духе Ленина, а вовсе не те, кто преследует его своими обличениями, рядясь в мантию ленинизма». Вряд ли можно было ожидать, чтобы партийное руководство упустило случай отреагировать на этот вызов. Открытое письмо было опубликовано в «Кайе дю большевизм» вместе с пространным ответом Политбюро партии, а 5 декабря 1924 г. спешно созванная партийная конференция исключила Росмера, Монатта и Делагарда из партии¹⁹³. Последовавшие за этим другие эпизоды показали, что Трэн и его приближенные отнюдь не всегда умеряли свое усердие благоразумием. После того как Перселл вместе с британской профсоюзной делегацией возвратился из Советского Союза¹⁹⁴, его вместе с Фимменом пригласили в Париж, чтобы они там выступили на собрании в поддержку профсоюзного единства. Собрание было назначено на 19 декабря 1924 г. Однако, когда Перселл обнаружил, что спонсорами этого собрания являются исключительно ФКП, французский Коммунистический союз молодежи и УВКТ, а Всеобщая конференция профсоюзов — ВКТ — это собрание по сути дела бойкотирует, он отказался от приглашения¹⁹⁵. Этот неприятный инцидент был увенчан еще одной оплошностью со стороны ФКП, опубликовавшей в номере «Юманите» от 24 декабря 1924 г. открытое письмо, где выдвигалось предложение о едином фронте с британскими профсоюзами, но где были проигнорированы не только УВКТ и ВКТ, но также и компартия Великобритании. Взрыв негодования последовал со всех сторон, а Перселл вновь получил повод молиться о спасении от необдуманного энтузиазма со стороны своих друзей.

Теперь повсюду шли приготовления к намеченному на январь 1925 г. IV ежегодному съезду ФКП. По мере того как приближался съезд, в Москве росла озабоченность положением в ФКП¹⁹⁶. Во-первых, Коминтерн в то время постоянно брал на себя роль посредника и арбитра в разрешении разногласий внутри зарубежных коммунистических партий, и ему отнюдь не нравились претензии на присвоение себе дисциплинарных функций самими этими партиями. Созданная ИККИ французская комиссия вынесла Политбюро ФКП порицание за то, что оно своим отказом опубликовать первоначальный протест Росмера и Монатта от 5 октября 1924 г. спровоцировало их последующее неповиновение, и Зиновьев выступил с предложением об их восстановлении в партии¹⁹⁷. Во-вторых, партия получила жестокий нагоняй за грубый провал кампании за единство профсоюзного движения¹⁹⁸. В-третьих — и, возможно, как раз именно это, хоть оно и меньше всего афишировалось, вызывало наиболее серьезную трево-

гу, — недавний поворот руководства ФКП влево (который, как полагали, явился актом послушания диктату V конгресса Коминтерна) начинал становиться компрометирующим. 24 ноября 1924 г., по случаю переноса в Пантеон праха Жореса, в Париже произошли невиданные по своим масштабам уже в течение многих лет демонстрации рабочих, и эта организованная дань уважения покойному лидеру, чей призыв к международной пролетарской солидарности имел явные национальные обертоны, широко и бурно приветствовалась крайне левыми как симптом массового революционного энтузиазма. Именно в этот момент — после падения в Великобритании лейбористского правительства и постепенного развала левой коалиции во Франции — Трэн, явно не спросивши позволения у Москвы, затеял мощную кампанию против опасности фашизма, которую он усматривал во всех остальных партиях, разглядев «коренное сходство между фашизмом, социал-демократией и анархизмом»¹⁹⁹. Импульсивный лидер Коммунистического союза молодежи Дорио еще более ухудшил ситуацию, выступив в палате депутатов с речью, где позволил себе поддаться на провокационные упреки со стороны правых, будто коммунисты поддерживают политику насилия: «Восходящий класс имеет право применять насилие против класса, который находится на закате. Против разлагающейся буржуазии пролетарское насилие законно»²⁰⁰.

Это риторическое заявление вызвало в Москве серьезную тревогу по причинам как общего, так и вполне конкретного характера. Становившаяся все более и более неблагоприятной осенью и зимой 1924 г. международная обстановка и надвигавшийся периодически кошмар коалиции европейских держав против Советского Союза вынуждали к осторожной политике и делали устаревшими левацкие установки, принятые на V конгрессе Коминтерна. Вспыхнувший 1 декабря 1924 г. эстонский мятеж еще раз продемонстрировал, сколь опасны преждевременные акции; о повторении где-нибудь еще подобного фиаско в более широких масштабах страшно было даже подумать. Что же касается конкретных причин тревоги, то признание в октябре 1924 г. Советского Союза французским правительством породило в Москве мимолетные надежды на отрыв Франции от зарождавшегося англо-германского сближения, начало которому было положено заключенным в августе 1924 г. Лондонским соглашением. В такой момент возрождение образа ФКП как активной революционной партии, готовящейся к захвату власти от имени пролетариата и Коминтерна, было в высшей степени неудобно и несвоевременно.

Все эти заботы привели к тому, что в новом 1925 г. Трэну было велено незамедлительно явиться в Москву. «Никогда еще, — писал один недоброжелательный наблюдатель, — Трэн не получал столь сокрушительной головомойки, как в эти последние дни в Москве»²⁰¹. Три пункта обвинения были таковы: случаи исключения из партии, созданная в партии «атмосфера путчизма» и

вопрос о профсоюзном единстве. По первому пункту Зиновьев твердо заявил Трэнэ, что никаких исключений более не потерпят и что «установленный во французской партии режим более продолжаться не может». По второму пункту под огнем критики оказалось подчеркивание Трэнэ фашистской опасности. Бухарин сострил, что раз Трэнэ уже удалось обнаружить социал-фашизм, анархо-фашизм и фашистский сенат, то ему уже не остается ничего другого, как обнаружить еще и коммунистический фашизм²⁰². Зиновьев сказал, что тезисы Трэнэ о международном положении, так же как еще более яростные антифашистские тезисы Селье по национальной ситуации, были не чем иным, как «плохими журналистскими статьями». Однако это замечание Зиновьева, если оно было верно передано, возможно, и не предназначалось для того, чтобы воспринимать его всерьез; ведь в то время, как тезисы Селье, по всей видимости, подлежали отмене²⁰³, относительно тезисов Трэнэ был явно выработан компромисс, который позволял ему оставить в силе свои тезисы и сохранить лицо на предстоящем съезде партии. Говорили, что Трэнэ с готовностью принял обрушившуюся на него в Москве суровую критику, расценив ее как «сердечную критику», и, наказанный, но и получивший полезные наставления, возвратился в Париж.

Третий пункт обвинения ФКП, а именно вопрос о единстве профсоюзов, напоминал о фиаско Перселла и был затруднен взаимоотношениями с УВКТ. 9 января 1925 г., во время пребывания Трэнэ в Москве, Зиновьев убедительно призвал ФКП провести кампанию за национальное и международное единство в профсоюзном движении, а УВКТ одновременно с этим побудила Профинтерн обратиться к ВКТ с предложением провести в сентябре 1925 г. совместную конференцию, приуроченную ко времени проведения ВКТ своего ежегодного конгресса; при этом преследовалась цель добиться объединения французских профсоюзов. Оказавшись перед лицом этих требований, ФКП провела накануне своего IV съезда специальное совещание по вопросу о профсоюзах. Это, явно не без некоторых расхождений во мнениях, «завершилось достижением согласия с предложениями о единстве, выдвинутыми Профинтерном и УВКТ, хотя и сопровождалось требованием сохранять величайшую бдительность по основному вопросу, а именно — чтобы мы могли оставаться... в авангарде пролетариата, а не тащиться у него в хвосте»; совещание подготовило проект резолюции, которая должна была быть представлена на рассмотрение съезда. Ключевым пунктом этой резолюции явилось то, что коммунисты должны были способствовать «поддержанию в старом профсоюзном ВКТ такого большинства, которое выступало бы за УВКТ», предотвращая таким образом раскол и проводя работу, направленную на то, чтобы добиться «большинства и контроля» в самой ВКТ²⁰⁴. Тем самым политика мирного проникновения в «реформистские» профсоюзы, первоначально принятая для стран, где в этих профсоюзах уже состояло

подавляющее большинство рабочих, была провозглашена применительно к странам, где красные профсоюзы уже держали под контролем большинство организованных рабочих.

IV съезд ФКП собрался 17 января 1925 г. в Клиши (предместье Парижа) в обстановке замешательства и напряженности. Он совпал по времени с публикацией циркулярного письма Зиновьева о большевизации партий, где выдвигалось требование создать во Франции «массовую революционную партию»²⁰⁵. В «Юманите» этот съезд был назван «съездом большевизации». Заранее были опубликованы две серии тезисов от лица оппозиции за подписью Бертлена и Лорио. Экономические тезисы отрицали, будто пацифистско-демократическая эра пришла к концу, и предсказывали, что американская экономическая гегемония может на некоторое время отсрочить крушение капитализма. В политических тезисах выражался протест против режима «слепого повиновения» в партии, которое эквивалентно диктатуре²⁰⁶. В работе съезда принимали участие 239 делегатов, из которых 224 характеризовались как рабочие²⁰⁷. Семар сделал основной доклад, посвященный партийным делам. Однако сенсацией первого дня работы съезда было прочтение Трэном перехваченного письма от 26 ноября 1924 г. от находившегося в Москве Суварина к бывшему в то время в Париже Росмеру, содержание которого было, возможно, передано Трэну, когда тот был в Москве. Суварин называл в этом письме русскую партию «партией с согнутыми шеями» и продолжал: «Спасение можно было бы найти в большом кризисе, который поставил бы под угрозу революцию. Вот тогда вся партия повернулась бы к Троцкому».

Дюнуа и Лорио, выступавшие как главные докладчики от имени правой оппозиции, отмежевались от Троцкого и Суварина, однако высказали протест против недавних исключений из партии и против роста централизации и диктатуры в ФКП. Лишь один Лорио открыто критиковал резолюции V конгресса Коминтерна о «едином фронте» и реорганизации партий. На второй день Кашен изложил тезисы о применении тактики «единого фронта» в ходе предстоявших в мае 1925 г. муниципальных выборов: в первом туре, назначенном на 3 мая, организованный партией рабоче-крестьянский блок должен был выдвинуть свой собственный список кандидатов, а во втором туре, недель позже, она должна была быть готова к тому, чтобы вести переговоры с любой другой партией на основе диктуемых сложившейся ситуацией требований в тех случаях, когда неудача в достижении подобных соглашений будет означать победу правых сил²⁰⁸. На следующий день, 19 января 1925 г., Трэн представил свои тезисы о международном положении, где утверждалось, что «эра демократического пацифизма прошла» и что «мы являемся свидетелями настоящей „фашизации“ социал-демократии»²⁰⁹. Это, по всей видимости, служило подтверждением той точки зрения, что поворот влево является логическим результатом окончания «пацифистско-демократиче-

ской» эры после поражения британского лейбористского правительства и ослабления левого блока во Франции. Эмбер-Дро, присутствовавший на съезде в качестве представителя от ИККИ, подчеркнул необходимость большевизации ФКП, отрицал утверждение, будто со времени V конгресса Коминтерна между ИККИ и Политбюро ФКП были какие-либо разногласия, и выдвинул лозунг «нормализации» обстановки в ФКП. Этот лозунг был призван положить конец процессу исключения инакомыслящих, однако вместо этого его повторяли в течение нескольких месяцев, не принося в него никакого сколь-нибудь ясного или логичного смысла. По основному тактическому вопросу Эмбер-Дро признал, что массы все еще поддерживают левый блок, заявив вместе с тем, что их следует убеждать отказаться от этого, «пока он еще не стал фашистским». Это означало предписание, которое согласовывалось с толкованием единого фронта как фронта «снизу» и не противоречило гипотезе о повороте влево политики Коминтерна.

Съезд завершился 22 января 1925 г. принятием резолюций и избранием Центрального комитета. Кардинальный вопрос о партийной дисциплине был решен компромиссным путем. Все случаи исключения из партии были утверждены, однако в дальнейшем никого более исключать не следовало; тем самым молчаливо признавалось право оппозиции выражать несогласие. Новый состав Центрального комитета был избран единогласно: первыми тремя именами в этом списке были — именно в этой последовательности — Сема, Трэн и Сюзанн Жиро. Сюзанн Жиро была наиболее влиятельной фигурой в Парижской организации, и ее приход к власти послужил индикатором растущего влияния Парижа в партийных органах. Тезисы Трэна о международном положении были в принципе одобрены. Однако было отмечено, что они подготовлены два месяца назад и устарели, так что Центральному комитету поручалось привести их в соответствие с текущим моментом. Двумя основными пунктами, по которым в них требовалось внести изменения, были: усиление кампании империалистических государств против Советского Союза и необходимость принять меры, чтобы противодействовать этому процессу; развитие национально-освободительного движения колониальных народов Северной Африки²¹⁰. Отдельная резолюция по колониальным вопросам привлекла мало внимания и, судя по всему, была принята без всяких дискуссий²¹¹. Наконец, съезд принял Устав партии, в котором в качестве основы партии твердо устанавливалась организация по принципу ячеек, и резолюция предписывала завершить реорганизацию не позднее 1 апреля 1925 г.²¹² Все это способствовало тому, что Трэн, описывая впоследствии съезд, назвал его «настоящим партийным съездом большевизации» и утверждал, что «большевизированная партия будет способствовать большевизации пролетариата и рабочих масс Франции и колоний благодаря усилению ее аппарата и ее организации»²¹³. Результаты

съезда неожиданно оказались вполне удовлетворительными. Были предприняты требуемые шаги в сторону большевизации ФКП. Не было навязано никаких новых дисциплинарных мер. Резолюции принимались единогласно. Однако традиция ничем не сдерживаемой свободы выражать несогласие внутри партии была скорее ранена, чем убита.

г) Итальянская коммунистическая партия (ИКП)

Итальянская коммунистическая партия создавала сложную проблему. В стране, где промышленность развивалась лишь в отдельных районах, а рабочее движение не было достаточно организованным, в левых партиях за весь период их развития доминировала интеллигенция, и теоретическим вопросам всегда придавалось больше значения, чем организационным. В этом отношении левые в Италии диаметрально отличались от левых в Великобритании. И марксизм, и синдикализм имели здесь своих ярых приверженцев; такое разделение еще более ослабляло позиции левых в Италии как политической силы. Кроме того, имелись разногласия между самими марксистами. Итальянская социалистическая партия (ИСП), которая присоединилась к Коминтерну в 1919 г., объединяла представителей различных направлений марксистской доктрины. Серрати, который возглавлял ее делегацию на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., зачастую спорил с Лениным по вопросам марксистской ортодоксальной теории²¹⁴. Когда в январе 1921 г. в Ливорно произошел раскол, новорожденная Итальянская коммунистическая партия (ИКП) достигла беспрецедентной доктринальной чистоты, однако ценой потери той массовой поддержки, которой пользовалась ИСП²¹⁵. На III конгрессе Коминтерна в июне-июле 1921 г. представитель ИКП Террачини выступил против тактики единого фронта, и Ленин охарактеризовал его взгляды как «левые» глупости²¹⁶. После провозглашения ИККИ доктрины единого фронта²¹⁷ позиция ИКП стала явно неприемлемой для Москвы. Она стала совершенно нетерпимой, когда на съезде ИКП в Риме в марте 1922 г. Бордига, который возглавлял левое меньшинство на съезде в Ливорно и с тех пор был генеральным секретарем и лидером ИКП, выдвинул тезисы, которые превратились в официальную программу партии. В них оспаривалось мнение о том, что для свершения революции партия должна повести за собой «большинство пролетариата», и отвергалась политика единого фронта и создания коммунистических фракций в независимых от партии организациях рабочих²¹⁸. С этого момента Москве стало ясно, что единственным средством, которое могло бы приобщить ИКП к линии Коминтерна, является отстранение Бордиги от руководства партией. Однако раскольнические тенденции среди левых в Италии вскоре привели к дальнейшим переменам. На своем съезде в Риме в октябре 1922 г. ИСП вновь раскололась, отделившись от своего право-

го крыла. На IV конгрессе Коминтерна, который состоялся в следующем месяце в Москве, были представлены и ИКП, и ИСП, в то время как Муссолини укреплял свои позиции в Италии после захвата власти. На конгрессе было принято предложение о проведении переговоров о слиянии ИКП с основной частью ИСП, возглавляемой Серрати ²¹⁹.

Однако на этом затруднения Коминтерна, связанные с Италией, не кончились. 6 января 1923 г. Президиум ИККИ постановил, чтобы «фузионисты» (сторонники слияния) в ИСП выступили за созыв съезда партии; если в течение шести недель съезд не будет созван, они должны объявить себя единственными истинными представителями ИСП и слиться с ИКП ²²⁰. Но в это время преследование левых партий со стороны нового фашистского режима затруднило дальнейший прогресс. Однако, когда ИСП удалось в апреле 1923 г. провести подпольный съезд в Милане, вскоре обнаружилось, что трудности были не только внешнего порядка. Хотя, как утверждалось, 40 процентов делегатов были за слияние с ИКП, большинство заняло резко враждебную позицию и добились резолюции, где говорилось, что ее делегаты, которые на IV конгрессе Коминтерна в ноябре прошлого года согласились на слияние, превысили свои полномочия. Это большинство также отказалось избирать «фузионистов» (теперь их называли «терци-интернационалистами», или «Терцини») в Центральный комитет партии ²²¹. Съезд ознаменовал собой окончательное поражение Серрати в рядах ИСП и победу Ненни. Серрати, арестованный после своего возвращения из Москвы в феврале 1923 г., был выпущен из тюрьмы и стал признанным лидером группы Терцини. В Москве его приветствовали как возвратившегося блудного сына, который исправил ошибку, допущенную на съезде в Ливорно в 1921 г., когда он воспрепятствовал вступлению ИСП в Коминтерн, отказавшись принять 21 условие ²²². Однако сложности возникли и со стороны коммунистов. Несмотря на то что некоторые сторонники слияния были включены в Центральный комитет ИКП в апреле 1923 г. под давлением ИККИ ²²³, рядовые члены ИКП не выразили особой поддержки слиянию, на которое дали согласие ее делегаты в Москве. Кроме того, между двумя представителями Коминтерна в Италии, которыми в то время были Мануильский и Ракоши, возникли разногласия по тактическим вопросам ²²⁴.

В июне 1923 г. расширенный пленум ИККИ, на котором присутствовали делегаты как от ИКП, так и от ИСП, попытался урегулировать эту запутанную ситуацию. Зиновьев, который по-прежнему всецело поддерживал политику единого фронта, обрушился с нападка на Бордигу и Центральный комитет ИКП за их негибкую позицию. Он принизил масштабы несогласия в рядах ИСП с идеей слияния, объясняя его условиям «белого террора», который лишил съезд в Милане подлинно представительного характера. Он предложил принять ИСП в Коминтерн в качестве сим-

патизирующей партии, чтобы затем ИКП и ИСП создали единый фронт под эгидой Коминтерна²²⁵. Это предложение не пришлось по душе ни одной из сторон. После того как один из итальянских делегатов выразил протест против нападок Зиновьева на ИКП, представители ИКП и ИСП согласились в принципе с этим предложением; при этом ИКП сделала это с явным нежеланием²²⁶. В ходе пленума от Центрального комитета ИСП было получено письмо от 10 июня 1923 г., в котором признавались «приципы, лежащие в основе Коминтерна», но в то же время заявлялось, что IV конгресс Коминтерна придавал этим принципам «характер чрезмерной авторитарности». В письме недвусмысленно говорилось, что ИСП не намерена отказываться ни от своего названия, ни от своей автономности и что Коминтерн должен принять ее без каких-либо дальнейших обсуждений или не принимать вовсе; в противном случае партии придется предпринять меры против группы Терцини, которая ратовала за слияние любой ценой²²⁷. Несмотря на такие обескураживающие заявления, расширенный пленум ИККИ приложил все усилия, чтобы продемонстрировать свое стремление к единству, и принял резолюцию, предусматривающую создание блока ИСП и ИКП для совместной деятельности. ИСП было предложено как можно скорее направить своих представителей в Москву для «проведения присоединения к Коммунистическому Интернационалу»²²⁸. В целях смягчения ситуации в ИКП он также рекомендовал дополнительно включить в Центральный комитет двух представителей партийного меньшинства; это предложение было принято, хотя большинство выступило с протестом, и его представитель, проголосовав за резолюцию, не скрывал того, что ему практически все в ней не нравится²²⁹.

Такое компромиссное и расплывчатое решение вызвало негативную реакцию с обеих сторон. Большинство в ИКП, включая все ее левое крыло, было крайне возмущено предложением о том, чтобы приглашение в Москву извечным противникам и соперникам этой партии было направлено через ее голову. С другой стороны, предложение о том, чтобы ИСП «присоединилась» к Коминтерну, вместо того чтобы вести с ним переговоры на равноправной основе, оскорбило лидеров ИСП, которые пошли на разрыв переговоров с Москвой и исключили группу Терцини из партии²³⁰, похоронив последнюю надежду на компромисс. Однако упорство ИСП вызвало лишь аналогичную реакцию другой стороны. Центральный комитет ИКП, в котором по-прежнему доминировали сторонники Бордиги, не только не протянул руку группе Терцини, но и настаивал на принципе «индивидуального вступления» в ИКП²³¹. Конечно, определенную роль сыграли здесь и личные антипатии. Сообщалось, что Серрати, ввиду своего прошлого, не пользовался доверием ни в ИКП, ни даже в группе Терцини²³².

Столь полное неприятие политики единого фронта лидерами ИКП продолжало вызывать беспокойство в кругах Коминтерна,

и Эмбер-Дро, который в то время работал то в Париже, то в Риме, стал принимать меры, чтобы поколебать нежелательное господство Бордиги в партии. Грамши, который после IV конгресса Коминтерна, проходившего в ноябре 1922 г., оставался в Москве большую часть 1923 г., объединил вокруг себя группу центра, которая стремилась создать компромиссную фракцию между крайне левыми позициями Бордиги и дискредитировавшими себя правыми. В сентябре 1923 г. Тольятти, Дженнари и Таска, которые вместе с Грамши участвовали в расширенном пленуме ИККИ в Москве в июне прошедшего года, были арестованы по возвращении в Италию. Через три месяца их освободили, и Тольятти стал основным партнером Грамши, который между тем переехал из Москвы в Вену, с целью создания группы центра в ИКП²³³. 26 декабря 1923 г. Эмбер-Дро сообщал Зиновьеву, что большинство, которое следует за Бордигой, «далеко не однородно», и выразил надежду, что удастся убедить «умеренное крыло большинства» занять более критическую позицию в отношении нынешней политики. По всей вероятности, в течение следующих нескольких месяцев группе центра удалось установить контроль над Центральным комитетом. 26 января 1924 г. Эмбер-Дро сделал вывод, преисполненный несколько преждевременного оптимизма, что «экстремистская группа Бордиги постепенно становится незначительным меньшинством, а большинство образует центр, который по-прежнему колеблется, но после обсуждения склоняется к более реалистичной и выгодной для партии политике»²³⁴. Вместе с тем имелись опасения, что если дела зайдут слишком далеко, Бордига может поднять открытый бунт²³⁵. В этот период были приняты меры для создания нового партийного органа в Милане под названием «Унита». Поскольку он должен был финансироваться, по крайней мере на начальном этапе, из средств Коминтерна²³⁶, само собой разумеется, что он должен был следовать его курсу. Предполагалось, что его редактором станет Грамши. Первый номер вышел 12 февраля 1924 г. Несколько недель спустя Эмбер-Дро вновь сообщал, что Грамши укрепляет группу центра, независимую от Таски справа и Бордиги — слева²³⁷.

Однако все это не решало проблемы группы Терцини. 8 февраля 1924 г. Президиум ИККИ направил Центральному комитету ИКП инструкции довольно расплывчатого содержания. Задача по-прежнему заключалась в «полном слиянии» с ИСП; если это не удастся, то необходимо «завоевать на свою сторону максимально возможное число членов ИСП». В то же время решительно отвергался открытый раскол в рядах ИСП и создание отдельной партии «терци-интернационалистов»²³⁸. Это можно было рассматривать как одобрение точки зрения Бордиги об «индивидуальном вступлении». Вновь проявилось нежелание ИККИ дать четкие указания по спорным вопросам тактики. В этот период фашистский режим еще допускал проявления демократии, и на

выборах 10 апреля 1924 г. (первые выборы, проводившиеся при фашистском режиме) ИКП и группе Терцини удалось сформировать единый блок рабочих и выдвинуть своих кандидатов. Результаты превзошли все ожидания. Совместный список получил 268 тыс. голосов избирателей и обеспечил 19 депутатских мест, из которых 15 достались ИКП²³⁹. Одним из избранных стал Грамши. Пользуясь депутатской неприкосновенностью, он возвратился в Италию для активного участия в деятельности ИКП²⁴⁰.

Ситуация в ИКП достигла критической точки на совещании партийных секретарей (оно проводилось вместо расширенного пленума Центрального комитета), которое состоялось в Комо в конце мая 1924 г.²⁴¹ В нем приняли участие представители трех групп. Группа центра во главе с Грамши и Тольятти имела большинство в Центральном комитете и стояла между группой правых во главе с Таской и группой левых во главе с Бордигой. Все три группы выдвинули проекты резолюции. В проекте, представленном Бордигой, признавался единый фронт только с рабочими, но не с другими политическими партиями, предлагалось продолжать борьбу с ИСП, включая группу Терцини, поскольку она представляла собой организованную группу, и содержалось требование об абсолютной независимости действий ИКП, включая независимость от Коминтерна. В проекте, подготовленном Таской, безоговорочно поддерживалась тактика единого фронта и рабоче-крестьянского правительства и категорически отвергались тезисы, принятые под руководством Бордиги на съезде в Риме в 1922 г.²⁴² В проекте Тольятти предлагалось приветствовать левую ориентацию совещания, но в то же время поддерживался принцип единого фронта, хотя и указывалось на необходимость разработки более точной его формулировки, чем принятая на IV конгрессе Коминтерна, с тем чтобы противопоставить ее ложной интерпретации в КППГ. Особо подчеркивались необходимость следовать линии Коминтерна и фатальные последствия разрыва с Москвой для партии. Опыт, красноречие и решительность Бордиги победили. Его резолюция получила 41 голос, по сравнению с 10 голосами за резолюцию Таски и 8 — за резолюцию Тольятти. Однако такое явное поражение осторожной попытки Тольятти добиться компромисса не изменило ситуации, поскольку группа центра, по всей видимости, сохранила свое большинство в Центральном комитете. По сути дела весь вопрос был перенесен на V конгресс Коминтерна, который открылся в Москве в следующем месяце. Накануне конгресса в Италии произошло событие, которое оказалось поворотным в истории режима и в отношении к нему других партий — 10 июня 1924 г. был убит Маттеотти. ИКП обратилась к рабочим и крестьянам с призывом, который был опубликован пятью днями позже в газете «Унита», объединиться под лозунгом «Долой правительство фашистских убийц!». Однако Коминтерн уделил этому событию мало внимания, поскольку он был занят внутренними проблемами ИКП.

На конгрессе были представлены все три группировки в ИКП. Грамши остался в Италии, и от имени центра выступал Тольятти под псевдонимом Эрколи. Бордига выступал лично от себя и под своим именем²⁴³. В своей речи при открытии конгресса Зиновьев подошел к итальянскому вопросу в духе примирения. ИКП должна принять группу Терцини в партию и даже ввести ее представителей в руководство; двери для других членов ИСП тоже должны оставаться открытыми. Что же касается трех фракций в ИКП, то Зиновьев тактично не спрашивал, какая из них представляет большинство; однако, по его мнению, хотя «Бордига и его друзья» и являются «хорошими революционерами», они должны «отказаться от своего догматизма», чтобы принести больше пользы итальянской революции²⁴⁴. В ходе работы конгресса Бордига выступал от имени ультралевых по всем основным вопросам²⁴⁵, однако партийные вопросы он передал своему стороннику «Росси», который открыто заявил о «различиях во мнениях между нами и Коминтерном», защищал римские тезисы, заявил, что лозунг «правительство рабочих» приемлем только в том случае, если он подразумевает диктатуру пролетариата, и утверждал, что единый фронт может означать лишь «единство трудящихся масс под единым руководством коммунистической партии»²⁴⁶. Таска, который выступал под псевдонимом Риенци и честно признал, что он представляет меньшинство в партии, выразил полную солидарность с Зиновьевым. Однако даже он считал, что концепция единого фронта, выдвинутая на IV конгрессе, нуждается в модификации с учетом изменившихся обстоятельств²⁴⁷. Восходящей звездой итальянской партии на конгрессе был Тольятти, чья стратегически важная позиция как лидера группы центра, стремящегося стать посредником между сторонниками Бордиги и меньшинством на правом крыле, сблизила его с точкой зрения Коминтерна. Сам Тольятти, как и на совещании в Комо в мае 1924 г., склонялся скорее к левым, чем к правым, в том, что не желал пойти на дальнейшие уступки в отношении приема членов ИСП²⁴⁸.

Итальянская комиссия конгресса четыре дня занималась вопросом о партийных разногласиях. Ей удалось разработать «программу действий» для итальянской партии. Однако когда Мануильский как председатель комиссии представлял программу конгрессу, он был вынужден признать, что левые отказались признать программу и войти в состав Центрального комитета партии. Комиссия сочла, что нужно также подготовить еще два документа: призыв Коминтерна к итальянским рабочим о вступлении в ИКП, который приведет в первую очередь к расколу в рядах ИСП, а затем к сосредоточению всех революционных сил в ИКП, и открытое письмо к членам ИКП, в котором настоятельно подчеркивалась бы необходимость, ввиду неизменной позиции левых, установления реальной (а не просто формальной) дисциплины в партии. Мануильский предложил разработку этих

документов и дальнейшее рассмотрение итальянского вопроса перенести на расширенный пленум ИККИ, который должен был состояться сразу после конгресса. Тольятти, согласившись с выводами комиссии, откровенно заявил от имени группы центра, что то место в программе действий, в котором вновь содержится приглашение, направленное ИСП в июне 1923 г., никоим образом не поможет привлечь «социалистические массы Италии» и представляет собой препятствие на пути к согласию с позицией Коминтерна большинства членов ИКП²⁴⁹.

События следующих нескольких дней остаются неясными. Однако, когда итальянский вопрос вновь был поднят на последовавшем сразу за конгрессом пленуме ИККИ, было заметно некоторое ослабление напряженности. На последнем заседании самого конгресса Бордига занял довольно сдержанную позицию в отношении общей резолюции по тактике²⁵⁰, и группа левых в итальянской делегации информировала итальянскую комиссию, что она будет «сотрудничать в осуществлении решений конгресса в силу дисциплины». Мануильский заявил, что хотя по закону Коминтерна не разрешается выход в отставку, в интересах единства было бы разумно принять отставку четырех итальянских левых — членов Центрального комитета ИКП. Комиссия рекомендовала, чтобы в состав Центрального комитета ИКП вошли девять членов от группы центра, четыре члена от группы правых и четыре — от группы Терцини. Мануильский признал, что это решение представляет собой «серьезное вмешательство во внутреннюю жизнь партии», однако иного пути, по его словам, нет. Никто не оспаривал эту точку зрения. В свою очередь Бордига заявил, что члены группы левых «будут подчиняться решениям Коминтерна и ИККИ не только в порядке дисциплины», но и предпримут все усилия для их выполнения²⁵¹. На этой неожиданной ноте согласия была единодушно принята «программа действий», и обсуждение вопросов завершилось. В программе указывалось, что ИКП «использует все шаги конституционной оппозиции в деле ослабления и поражения фашизма», ей не надо довольствоваться ролью только крайне левой в оппозиционном блоке, она должна стать «основным ядром, вокруг которого должна создаваться классовая оппозиция». Направленное в июне 1923 г. приглашение ИСП следует рассматривать как адресованное не ее «нынешним контрреволюционным вождям», а «рабочим-социалистам», которые составляют основную массу партии. Центральный комитет ИКП должен стремиться к «сотрудничеству с так называемыми „левыми“ (группой Бордиги)», и в течение шести месяцев надо созвать съезд партии²⁵². Воззвание к итальянским трудящимся и открытое письмо к членам партии, которые были рекомендованы итальянской комиссией, были направлены 23 июля 1924 г., по всей видимости, без дополнительного обсуждения²⁵³. И Бордига и Тольятти были избраны членами ИККИ, а Тольятти, в знак признательности за его вклад в урегулирование разногласий, был

даже избран в Президиум ИККИ вместо Бордиги ²⁵⁴. Последовавший вслед за этим III конгресс Профинтерна еще более укрепил дух компромисса: конгресс рекомендовал проводить политику проникновения в ряды фашистских профсоюзов и политику их бойкота и создания пролетарских профсоюзов ²⁵⁵.

Эти меры привели к определенной сплоченности в ИКП. Возмущение убийством Маттеотти временно укрепило оппозицию фашизму. Однако преимущества из этого извлекли скорее ИСП и буржуазная оппозиция, чем ИКП, хотя число членов в последней несколько увеличилось ²⁵⁶. Коммунистический союз молодежи, большинство членов которого поддержали позиции Бордиги на V конгрессе Коминтерна и на последовавшем вслед за ним IV конгрессе КИМ, теперь следовал официальной линии ²⁵⁷. Формальное решение группы Терцини о слиянии с ИКП было принято 15 августа 1924 г. ²⁵⁸ 27 сентября 1924 г. Маффи от имени группы Терцини информировал Зиновьева, что «мероприятия по слиянию теперь завершились повсеместно», и просил предоставить 21 тыс. лир для ликвидации финансовых обязательств группы, что поддержал Эмбер-Дро ²⁵⁹. В докладе Центрального комитета ИКП для ИККИ от 7 октября 1924 г. утверждалось, что численность партии увеличилась с 12 тыс. членов до слияния до 20 тыс. после него, и сообщалось, что все областные партийные съезды, за исключением Неаполя (где Бордига по-прежнему обладал большинством), одобрили резолюции V конгресса ²⁶⁰. Тем не менее недовольство сохранялось во всех слоях партии. Бордига продолжал вести агитацию против решений V конгресса и текущей линии партии и по-прежнему пользовался широкой поддержкой. Таска отказался от мандата Исполнительного комитета на руководство профсоюзной работой и столь же твердо отстаивал свои правые взгляды, как Бордига — левые. Маффи, который был лидером группы Терцини, выражал недовольство тем, что в ИКП к нему относились как к пятому колесу в телеге ²⁶¹.

Одновременно возникло новое осложняющее обстоятельство. Критика положительных высказываний Бомбаччи о Муссолини в момент советско-итальянских переговоров в январе 1924 г. ²⁶² явилась свидетельством несоответствия между партийными принципами и нуждами советской дипломатии. Однако некоторое время удавалось не допускать их столкновения. В мае 1924 г. Троцкий дал интервью итальянскому корреспонденту, в котором обрушился с нападками на Версальский договор и французский империализм и обращал внимание на потенциальное значение советско-итальянских экономических связей, избегая вопросов идеологии ²⁶³. Но убийство Маттеотти обострило все разногласия и поставило вопрос на принципиальном уровне, и когда спустя несколько недель в июле 1924 г. новый советский посол Юренев дал прием в честь Муссолини ²⁶⁴, в партии разразился скандал. Он усилился в октябре 1924 г., когда стало известно, что Юренев намеревается пригласить Муссолини на прием 7 ноября по случаю

годовщины революции. В Президиум ИККИ поступил протест от Центрального комитета ИКП и два возмущенных письма от Эмбер-Дро, который указывал, что «рабочие, которые выйдут на демонстрацию, будут избиты и арестованы на улицах, а в тот же день Муссолини будет гостем русского посла»; по его мнению, этим «коммунистическая партия и русская революция полностью себя скомпрометируют в глазах итальянского пролетариата», и он настоятельно призывал заменить Юренева «кем-нибудь другим, кто не будет обхаживать фашистов»²⁶⁵. Однако дипломатические соображения взяли верх над обидами ИКП. Спор о бойкотировании фашистского парламента был урегулирован решением направить единственного депутата от коммунистов на открытие сессии 12 ноября 1924 г. для оглашения декларации протеста²⁶⁶. В конце 1924 г. Эмбер-Дро был освобожден по собственному желанию от должности разъездного представителя Коминтерна в европейских странах, говорящих на романских языках, и возвратился в Москву. Он жаловался, что стал слишком известен итальянской полиции. Он рекомендовал вместо себя Мануильского, ибо назначение Ракоши «будет встречено очень плохо»²⁶⁷. Мануильский никогда не жил постоянно в Риме, однако в течение следующих нескольких лет он часто отправлялся с визитами к коммунистическим партиям Западной Европы. Эмбер-Дро сохранил за собой пост главы романской секции секретариата ИККИ.

д) Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ)

Коммунистическая партия Чехословакии была основана в Праге в декабре 1920 г.²⁶⁸ в результате раскола чешской социал-демократической партии, половина членов которой вступила в новую партию. Аналогичный раскол произошел в социал-демократической партии немецкого меньшинства, в результате которого возникла независимая компартия. На III конгрессе Коминтерна в июле 1921 г., на котором компартия Чехословакии стала его членом, всем коммунистам настоятельно было предложено объединиться²⁶⁹, и с ноября 1921 г. единая Коммунистическая партия Чехословакии, объединявшая секции чехов, немцев, словаков, венгров и русинов, несла знамя коммунизма в Чехословацкой Республике. Ее лидером стал Шмераль, бывший чешский социал-демократ, который возглавлял антивоенное и антинационалистическое крыло партии и поэтому считался крайне левым. Как и КПГ, Коммунистическая партия Чехословакии была массовой партией, насчитывавшей в 1921 г. 170 тыс. членов²⁷⁰. Как и в КПГ, значительную часть ее членов составляли бывшие социал-демократы, а также промышленные рабочие²⁷¹.

Коммунистическая партия Чехословакии в некоторых отношениях развивалась подобно КПГ. Самим ее происхождением объясняется ее некоторый социал-демократический уклон. Однако в

отличие от КПП она никогда не находилась в подполье и не подвергалась систематическим преследованиям со стороны властей, и поэтому с большим уважением относилась к легальным и конституционным формам борьбы. Она была готова к толкованию лозунгов единого фронта и правительства рабочих в широком смысле сотрудничества с социал-демократами и другими левыми партиями в конкретных целях. В пору расцвета тактики единого фронта такая линия встречала полное одобрение в Москве. На расширенном пленуме ИККИ в июне 1922 г. была осуждена фракционная группа в чехословацкой партии во главе с неким Илеком ввиду ее оппозиции тактике единого фронта и централизованной дисциплине в партии и одобрена политика «создания единого фронта для завоевания большинства чехословацкого пролетариата»²⁷². Кризис разразился в сентябре 1922 г., и Илек и его ближайшие последователи были исключены из партии²⁷³.

Положение в партии стало предметом обсуждения на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., где оно перекликалось с дискуссией по немецким делам²⁷⁴. Деятельность Шмерала, как руководителя КПП, равно как и руководство Брандлера в КПП, были одобрены. Утверждения оппозиции, что Шмераль пытался «отвлечь рабочих в правительственную коалицию с левыми элементами буржуазии», были отвергнуты как «совершенно неосновательные». С другой стороны, как и в КПП, репрессии против левых были сочтены неуместными. Исключение Илека и его сторонников было названо «нецелесообразным» и отменено. Складывалось впечатление, что объяснение ошибок партии «переходом от партии социал-демократической к партии коммунистической» свидетельствует о том, что точка зрения оппозиции все же имела под собой некоторое основание и оправдание²⁷⁵. Политика единого фронта и рабочего правительства была единодушно поддержана на V съезде чехословацкой партии²⁷⁶, который проходил в Праге 2—5 февраля 1923 г. Съезд состоялся сразу после съезда КПП в Лейпциге, где этот вопрос вызвал бурные дебаты между так называемыми правой и левой фракциями, в которых победу одержали правые²⁷⁷. Основная резолюция пражского съезда очень напоминала резолюцию, принятую в Лейпциге, так что резонно было предположить прямое копирование или наличие единого источника²⁷⁸. Главный результат съезда заключался в одобрении осторожного руководства Шмерала и окончательном утверждении толкования тактики единого фронта, принятого на IV конгрессе Коминтерна.

Спорные вопросы в чехословацкой партии, как и в других партиях, вскоре перемешались с профсоюзными проблемами, которые в партии были особенно сложны. Раскол между коммунистами и социал-демократами в конце 1920 г., который годом позже привел к образованию единой Коммунистической партии Чехословакии, произошел и в профсоюзном движении, и значительное число профсоюзов вступило в Профинтерн. Последний

съезд профсоюзов, в котором участвовали социал-демократы и коммунисты, состоялся в январе 1922 г. На нем обнаружились непреодолимые разногласия по вопросам политики, причем за социал-демократов и их сторонников было подано 238 тыс. голосов, а за «красные» профсоюзы, входившие в Профинтерн, — 220 тыс. Раскол стал неминуем. В 1922 г. коммунисты и коммунистические профсоюзы были исключены из профсоюзов и федераций, входивших в Амстердамский Интернационал. В октябре того же года «красные» профсоюзы провели отдельный конгресс и решили создать свою организацию под названием «Международный общепрофессиональный союз» (слово «международный» говорит о многонациональном составе населения Чехословакии). Эта организация (МОС) была создана в январе 1923 г.²⁷⁹ На протяжении 20-х годов число членов чехословацких профсоюзов, входивших в Профинтерн, по-видимому, превосходило число членов профсоюзов, входивших в Амстердамский Интернационал. Однако многие профсоюзы оставались независимыми от обоих объединений, и поэтому «красные» профсоюзы никогда не представляли абсолютного большинства организованных рабочих²⁸⁰. Даже внутри «красных» профсоюзов оставались острые разногласия. Национальная неприязнь по-прежнему разделяла «красные» чешские и «красные» немецкие профсоюзы, даже в рамках одной отрасли. Некоторые немецкие профсоюзы, хотя они и входили в Профинтерн, сохраняли свою организацию в Райхенберге, которая соперничала с МОС. В целом МОС не снискал популярности в профсоюзном движении, и многие «красные» профсоюзы, вопреки указаниям Москвы, на первоначальном этапе отказывались в него вступать²⁸¹.

Кроме того, лидеры «красных» профсоюзов с неохотой уступали все более настойчивым требованиям Профинтерна проводить тактику единого фронта с социал-демократическими профсоюзами и сохранять профсоюзное единство путем призыва к рабочим оставаться в их рядах. Одно из обвинений, выдвинутых против оппозиции Илека на расширенном пленуме ИККИ в июле 1922 г., заключалось в том, что она «способствует усилению тенденции к раскольничьей работе в профессиональных союзах, тормозя тем самым целеустремленное и планомерное завоевание профсоюзов»²⁸². Когда исключение коммунистов из социал-демократических профсоюзов, входивших в Амстердамский Интернационал, стало повсеместным и «красные» профсоюзы создали свою собственную организацию, IV конгресс Коминтерна смягчил свою позицию и призвал «к объединению в сильные профсоюзные организации всех рабочих, исключенных из амстердамских профсоюзов»²⁸³. Однако состоявшийся сразу за IV конгрессом Коминтерна II конгресс Профинтерна вновь предостерег чехословацкие профсоюзы против «создания новых организационных форм»²⁸⁴. Таким образом, политика отказа от поощрения добровольного перехода из социал-демократических в «красные» профсоюзы оста-

валась в силе. 2 апреля 1923 г. Исполнительное бюро Профинтерна поручило МОС в сотрудничестве с компартией «приложить все усилия для сохранения единства тех реформистских федераций, которые пока избежали раскола, на основе идеологической организации их членов в рамках реформистских организаций»²⁸⁵. Однако в Чехословакии, даже в большей степени, чем во Франции, численное превосходство «красных» профсоюзов над профсоюзами Амстердамского Интернационала делало эту компромиссную, осторожную тактику бессмысленной и просто трусливой. Единственно разумная политика заключалась в укреплении «красных» профсоюзов путем вовлечения в них меньшинства коммунистов и сочувствующих им, которые все еще оставались в рядах амстердамских профсоюзов, и, несмотря на предупреждения из Москвы, эта политика настойчиво проводилась.

Первый серьезный кризис, который нарушил спокойное течение дел в чехословацкой партии, разразился зимой 1923/24 г., когда партия (скорее по аналогии, чем в силу своего прямого касательства) оказалась вовлеченной в разногласия внутри немецкой и русской партий. Политика и взгляды Шмерала были в значительной степени аналогичны позиции Брандлера, и когда последний после поражения в Германии в октябре 1923 г. пал под нападками левых в КППГ, то и Шмераль автоматически стал уязвимым для аналогичной критики в чехословацкой партии. Кроме того, Шмераль не только не присоединился к какой-либо из сторон в споре о Троцком, но и относился к кампании против него с явным неодобрением²⁸⁶. Партийная конференция состоялась в Брно 4—5 мая 1924 г. Левое крыло составляли главным образом словацкие и немецкие делегаты и представители Коммунистического союза молодежи²⁸⁷. Позиции правых, среди которых были в основном чехи, оставались прочными. Однако Шмераль продолжал придерживаться среднего курса, и вновь была сделана попытка достичь компромисса. В резолюции конференции одобрялись заявления ИККИ о положении в русской и немецкой партиях и подчеркивалась важность сохранения единства в русской партии. В то же время в ней не было прямого осуждения Троцкого и выражалось удивление по поводу «остроты» разногласий²⁸⁸. В момент, когда немецкая и французская партии были призваны к порядку, это обстоятельство было равносильно акту неповиновения. Конференция приняла также резолюции о профсоюзах и реорганизации партийных ячеек на заводах²⁸⁹. По последнему вопросу правое крыло партии, которое представляли Бубник, Гула и Муна, оттягивало принятие решения, пытаясь сохранить существующие партийные «фракции» на заводах и отложить введение системы «ячеек» на отдаленное будущее²⁹⁰.

В этих условиях V конгресс Коминтерна, который проходил через шесть недель после конференции в Брно, обнаружил в чехословацкой партии одно из самых неудобных препятствий на пути к широко разрекламированному «повороту влево» в полити-

ке и руководстве. Девятнадцать членов чехословацкой делегации, имевших право голоса, представляли все течения в партии²⁹¹. Огонь критики был открыт уже во вступительной речи Зиновьева, который усмотрел оппортунистические ошибки в статьях Гулы, признанного лидера правых, и Ванека, квалифицированного как «неисправимый центрист», и призвал влить «свежие пролетарские силы» в руководство. Зиновьев провел четкую параллель между Шмералем и Брандлером и обвинил чехословацкую партию в игнорировании интересов крестьянина и следовании брандлеровскому толкованию лозунгов единого фронта и рабочего правительства²⁹². Шмераль, выступая от имени большинства чехословацкой делегации, уклончиво признал, что «наша партия действительно не является истинно большевистской, поскольку в Коммунистическом Интернационале, за исключением русской, такой партии не существует»; однако он отверг конкретную резкую критику Зиновьева в ее адрес²⁹³. Это вызвало колкий ответ Рут Фишер, которая обвинила Шмералья в «дипломатии» и вновь сравнила его с Брандлером²⁹⁴. Две левых группы в чехословацкой партии, которые придерживались иной позиции, выступили с критическими заявлениями в адрес лидеров партии. Нейрат, постепенно выдвигавшийся в лидеры левых и преданных сторонников линии Коминтерна, поддержал Зиновьева и обрушился на Шмералья и Радека в выражениях, которые к тому времени стали распространенными²⁹⁵. Крейбих выступил более откровенно и менее осмотрительно, чем Шмераль, защищая решения IV конгресса о едином фронте и рабочем правительстве от нынешнего толкования их Зиновьевым. В то же время в одном вопросе, несмотря на вызов Рут Фишер («Скажите о России!»), он упрямо молчал²⁹⁶. Правые в чехословацкой партии по-прежнему несли на себе непростительный грех, стремясь сохранить нейтралитет в вопросе о троцкизме²⁹⁷. Другой чехословацкий делегат, принадлежавший к левым, обвинил большинство в следовании «по пути парламентаризма и буржуазной конституции» и утверждал, что «в пропагандистском лексиконе Коммунистической партии Чехословакии более не упоминаются диктатура пролетариата и завоевание власти»²⁹⁸.

Зиновьев в своем заключительном выступлении подверг суровой критике Шмералья и Крейбиха, обвинив их в «дипломатии», неискренности и оппортунизме. Однако он был вынужден признать, что «основным ответственным политическим лидером Коммунистической партии Чехословакии в силу своего преобладающего влияния в движении является товарищ Шмераль». Критика в адрес Крейбиха была более резкой, поскольку он усугубил свои прошлые левозэкстремистские ошибки нынешними ошибками правого толка²⁹⁹. Политическая комиссия, которая разрабатывала резолюцию конгресса о работе ИККИ, дополнительно внесла в первоначальный проект положения, критикующие поведение польской и чехословацкой партий. Чехословацкая партия «не бы-

ла свободна от оппортунистических ошибок и уклонов» и не сумела «связать выступления в парламенте с массовыми выступлениями», чтобы подготовить пролетариат к революции³⁰⁰. В основной резолюции о тактике, которая также была подготовлена политической комиссией, вновь повторялось обвинение в «правых тенденциях» в чехословацкой партии, аналогичных тем, которые привели к «банкротству» КПГ, и содержался призыв к партии признать свои прошлые ошибки и «бороться против правого уклона». Она завершалась зловещей рекомендацией о необходимости влить в Центральный комитет партии «свежие силы», а руководству — по-товарищески и без предубеждения «пойти навстречу справедливым требованиям меньшинства»³⁰¹. Однако сравнительная мягкость формулировок и отсутствие в резолюции имен свидетельствовали о том, что в партии еще не появились альтернативные лидеры, которых мог бы поддержать Коминтерн. Авторитет Шмерала все еще оставался непоколебимым.

Политика «подкопа» и «подрыва» продолжалась и при обсуждении национального вопроса. Он вызывал горячие споры в коммунистических партиях молодых государств. В начале того же года Крейбих опубликовал статью в журнале Коминтерна о меньшинствах в Чехословакии, осудив в ней политику «национального угнетения», проводимую правительством Чехословакии, но не сказав при этом ни слова о самоопределении или о праве на отделение³⁰². В этой связи член КПГ из Богемии Зоммер подверг критике чехословацкую партию в немецком партийном журнале³⁰³. Более острый характер имела проблема Закарпатской Рутении³⁰⁴, которая находилась на крайнем востоке Чехословакии и имела более тесные языковые и религиозные узы с расположенной к востоку Украиной, чем со словаками на ее западных границах. Ее своеобразный статус в Чехословацкой Республике базировался на обещании автономии, что не было выполнено. Первые выборы, которые прошли здесь весной 1924 г., принесли триумфальную победу коммунистам, которые, несмотря на запрет на собрания и аресты агитаторов, получили 40% голосов (100 тыс. из 250 тыс.) и превратились в самую влиятельную партию. Такая победа, несомненно, объясняется прежде всего недовольством беднейших слоев крестьянства аграрной политикой³⁰⁵. В своем докладе на V конгрессе Коминтерна Зиновьев упомянул о выборах в Закарпатской Руси и, признав, что «многие чешские товарищи героически работали» с местными коммунистами, воспользовался случаем, чтобы обвинить лидеров партии в безразличии к крестьянскому и, следовательно, национальному вопросу. Шмераль, хотя и не очень убедительно, пытался опровергнуть эти обвинения³⁰⁶. Последующая реакция чехословацких делегатов, которые либо хранили молчание по вопросу о Закарпатской Руси, либо ограничивались общими рассуждениями, свидетельствует о том, что такие обвинения отнюдь не были беспочвенными. В разгар работы конгресса прибыл делегат от коммунистической пар-

тии этого региона (секции чехословацкой партии) по фамилии Васильев. В ходе прений по докладу Зиновьева он с энтузиазмом поддержал его критические замечания в адрес чехословацкой партии и сам обрушился на нее с критикой за отсутствие интереса к аграрному вопросу и нежелание открыто выступить за включение Закарпатской Руси в состав Советского Союза³⁰⁷.

В ходе дальнейших прений по национальному вопросу эти нападки продолжались. В своей вступительной речи Мануильский отметил стремление народа Закарпатской Руси присоединиться к СССР и с сочувствием отозвался о лишенных свободы 3,5 млн. немцев в Чехословакии³⁰⁸. Крейбих поспешил ответить на это от имени партии. Он высказался за присоединение Закарпатской Руси к Советскому Союзу, но отказался согласиться с присоединением немецкой Богемии к Германии. Независимо от того, произойдет ли пролетарская революция сначала в Германии или в Чехословакии, такое решение нанесет ущерб делу революции. Ленин недвусмысленно указывал, что признание права на отделение не обязательно означает поддержку такого права в отдельных случаях³⁰⁹. Дискуссия застопорилась и навлекла на правое крыло чехословацкой партии опасное обвинение в противодействии национальной политике, которая могла бы нанести ущерб буржуазной республике. Левое крыло партии благоразумно хранило молчание³¹⁰. Сообщения о дальнейшей работе в комиссиях конгресса, как обычно, не были опубликованы. Свидетельством имевшихся разногласий служит отсутствие согласованного проекта резолюции. В резолюции, которая была позже принята ИККИ³¹¹, Чехословакия упоминалась как «новое малое империалистическое государство», содержался не ограничиваемый какими-либо условиями призыв к «национальному отделению», что явилось косвенной критикой лидеров партии, а также привносился новый элемент остроты в партийную борьбу. Однако правое крыло стояло на своем. На последнем заседании конгресса в состав ИККИ было избрано двое правых (Шмераль и Муна) и один левый (Нейрат). Даже упрямый Крейбих был назначен в международную контрольную комиссию³¹². Когда 8 июля 1924 г., сразу после окончания конгресса, ИККИ собрался в новом составе, Шмераль был избран членом его Президиума, а Нейрат и Муна — кандидатами в члены Президиума³¹³.

Хотя V конгресс и внес раскол в ряды чехословацкой партии и подготовил почву для будущих действий, он не смог покончить с доминирующим влиянием Шмералья в партии или установить в ней строгую дисциплину Коминтерна. Однако едва успели высохнуть чернила на решениях конгресса, как в партийной прессе возобновилась перепалка между Крейбихом и Нейратом по вопросу о едином фронте³¹⁴. Вскоре стало чувствоваться и давление со стороны Москвы, подкрепленное решениями конгресса. На заседании Исполкома партии 31 июля и 1 августа 1924 г., на котором были заслушаны доклады Шмералья и Нейрата о конгрессе

се, за резолюцию, предложенную Нейратом, проголосовало 17 человек, а за альтернативную резолюцию представителя правого крыла Гулы — 13 человек. В обеих резолюциях предлагалось безоговорочно одобрить решения конгресса. Однако в резолюции левых предлагалось на месяц отложить съезд партии, который был запланирован на конец сентября, чтобы провести широкую партийную дискуссию. Принятие этого предложения явилось моральной победой для левых³¹⁵. Крейбих обострил ситуацию, выступив с острой статьей, озаглавленной «Что поставлено на карту?», в которой он утверждал, что если конгресс Коминтерна действительно потребовал изменить политику, то смена лидеров является неизбежной³¹⁶. В ответ Зиновьев лично выступил со статьей, в которой призвал осторожного Шмералья (хотя в спокойном и корректном тоне, но в выражениях, которые не оставляли ему никакого выбора) выступить с открытым забралом и разъяснить свою позицию³¹⁷.

Ответ Шмералья содержался в большой и тщательно продуманной речи на партконференции в Кладно 28 сентября 1924 г., которая свидетельствовала о растерянности старых лидеров полупарламентских коммунистических партий перед требованиями «большевизации» в целях обеспечения монолитности их рядов. В отчаянной попытке сохранить свое руководство он объяснил трения в партии тем, что все переработали и переутомились, и утверждал, что опасность раскола в партии уже миновала. Он особо подчеркнул, что рабочие не принимали никакого участия в этих дискуссиях. Он признал, что лично он не хотел быть судьей Троцкого и что некоторые круги в партии, осуждая русскую оппозицию, предпочли бы смягчить этот конфликт и не придавать ему особого значения. Сделав оговорку в отношении принятой резолюции по национальному вопросу (он считал абсурдным выступать за отделение от Чехословакии венгерских районов и присоединение их к хортистской Венгрии), Шмераль вновь повторил, что он безусловно одобряет решения V конгресса. Однако он обратил внимание на явное несоответствие между позицией IV конгресса, которая оставляла свободу для маневра в вопросе о «рабочем правительстве», и позицией V конгресса, который установил, что оно может носить только форму диктатуры пролетариата. Его речь была полна критических замечаний в адрес левых; так, он язвительно отметил, что некоторые члены партии рассматривают переход на левые позиции «как спорт, а зачастую даже как способ сделать карьеру». Ответ сразу же последовал в статье Нейрата, который еще раз сбвинил Шмералья в том, что тот «слишком много занимается дипломатией» и неискренне принимает резолюции конгресса, и открыто поставил вопрос о его пригодности в качестве руководителя³¹⁸. В своих критических замечаниях из Москвы Мануильский писал, что вопрос заключается не в заверениях о преданности, а в конкретной политике. Шмераль лишил обсуждение политического содержания и «превратил его

в своего рода талмудистское обсуждение революционных текстов»; он хранил молчание и в обсуждении германского вопроса, и в дискуссии о Троцком; такое молчание не к лицу лидеру большой партии ³¹⁹.

Началась подготовка к съезду партии, который должен был состояться в конце октября 1924 г. В течение всего октября в партийной печати бушевали споры по всем аспектам политики, начиная от национального вопроса и вопроса о рабоче-крестьянском правительстве и кончая организацией партии. Позднее Шмераль вспоминал о «лихорадочной фракционной деятельности» перед съездом против него и других правых лидеров, которую поддерживал ИККИ ³²⁰. Разногласия усугублялись национальными различиями. Большинство партийцев-чехов, по-видимому, были на стороне Шмералья или правых. Левые пользовались решительной поддержкой немцев, венгров, словаков и русинов. Сообщалось, что Бубник назвал кампанию левых «атакой немцев, словаков и венгров на чехов в Коммунистической партии Чехословакии» ³²¹. Признавая, что резолюция V конгресса о «национальном разъединении» явилась камнем преткновения, и стремясь не допустить изоляции чехов в партии, Президиум ИККИ дал «авторитетное разъяснение». Выступая за неограниченное право на самоопределение и отделение, партия также может поддерживать движения национальных меньшинств за автономию. Однако она также должна разъяснять, что даже в условиях буржуазной демократии автономия является лишь промежуточным этапом на пути к федерации национальных республик; конечной целью революционеров может стать только «союз республик рабочих и крестьян» ³²². В очередном письме ИККИ в адрес партии накануне партийного съезда Зиновьев критиковал как Шмералья, косвенно поставив его в один ряд с Брандлером, так и секретаря партии Запотоцкого, заявившего, что резолюция V конгресса следует признать «в силу дисциплины» ³²³, а КПГ послушно приняла резолюцию, в которой выразила озабоченность по поводу положения в «братской чехословацкой партии», с сожалением отметив, что ее «влиятельные руководители» не смогли занять четкой позиции в отношении решений V конгресса Коминтерна; КПГ выражала надежду, что предстоящий съезд КПЧ «изберет такое руководство, которое огранит партию от оппортунистической теории и практики» ³²⁴.

В этих условиях с 31 октября по 4 ноября 1924 г. Коммунистическая партия Чехословакии провела свой II съезд, на котором присутствовало 145 делегатов с правом решающего голоса, 146 делегатов с правом совещательного голоса и 86 приглашенных ³²⁵. В число приглашенных входили Мануильский как делегат Коминтерна, Трэн и Катц как представители французской и немецкой партий. Партийные лидеры предвосхитили нападки противников, заранее согласившись с проектом тезисов, представленным Исполнительному комитету левой оппозицией, в котором признавалось, что «съезд считает оправданной и обоснованной критику

в адрес Коммунистической партии Чехословакии на V конгрессе»³²⁶. Шмераль столь же осторожно подошел к спорному вопросу о профсоюзах. Он полностью поддержал идею профсоюзного единства, но добавил, что «на практике положение является гораздо более сложным, чем в других странах» ввиду существования в Чехословакии сильного революционного профсоюзного движения. Мануильский утверждал, что после падения лейбористского правительства в Великобритании «настроения среди британских рабочих позволяют Коминтерну воплотить в жизнь свои принципы и методы» и что «укрепление позиций Коминтерна в Англии должно... в определенной степени также повлиять на нашу линию в профсоюзных вопросах». Руководители красных профсоюзов получили предостережение «не искать спасения в особом рода организационном фетишизме», чтобы «сохранить эти профсоюзы любой ценой», а выдвинуть на первый план задачу сохранения профсоюзного единства и проникновения в социал-демократические профсоюзы³²⁷.

Поскольку Шмераль отказался от борьбы по всем основным вопросам, съезд прошел без серьезных политических конфликтов. Основные споры на нем разгорелись вокруг состава Исполнительного комитета. Впоследствии выяснилось, что у Мануильского были инструкции поддержать левых, но не ценой раскола партии. В своей хитро составленной речи он непосредственно критиковал Крейбиха, который был наиболее уязвимым среди правых, обвинив Шмераль лишь в «преувеличенной осторожности» и чрезмерной снисходительности к правому уклону. Он заявил, что «не обладает достаточной информацией о внутренних взаимоотношениях в партии», чтобы давать советы в отношении выборов. Трэн более решительно осудил Крейбиха и Запотоцкого. Катц также сделал Крейбиха своей главной мишенью³²⁸. Крейбих облегчил положение, сняв свою кандидатуру на выборах в Исполнительный комитет, и по списку, который включал 18 левых и 14 правых, удалось достигнуть компромисса; в их число вошли и Шмераль, и Запотоцкий. В последний момент Мануильский выступил с призывом единогласно проголосовать за список, который и был принят лишь при двух голосах против и одном воздержавшемся. В новый состав Политбюро вошло шесть левых и пять правых³²⁹. С осторожностью и ценой некоторых уступок, касающихся персонального состава, удалось поставить Коммунистическую партию Чехословакии в общий ряд, но это отнюдь не исключало новой борьбы в будущем³³⁰.

е) Коммунистическая партия Польши (КПП)

Коммунистическая партия Польши (КПП), которая была объявлена вне закона в начале 1919 г., через несколько недель после своего основания³³¹, тем не менее продолжала играть активную

роль в политической жизни Польши как нелегальная или полуполитическая организация. Под руководством группы из трех человек — Варского, Валецкого и Веры Костшевой (так называемых «трех В») — она извлекла пользу из периода экономического кризиса и политического брожения, который переживала Польша, и привлекла новых сторонников из других левых групп. Проведение в жизнь политики единого фронта, провозглашенной ИККИ в декабре 1921 г., в Польше было особенно сложной задачей, поскольку отношения между нелегальной КПП и легальной Социалистической партией Польши (СПП) характеризовались взаимными претензиями и соперничеством в самой острой форме. Эта политика стала предметом бурных дебатов на III конференции КПП в апреле 1922 г. Оппозицию возглавлял Слюсарский, чья позиция характеризовалась как квазисиндикалистская, антипарламентская и аналогичная позиции Коммунистической рабочей партии (КАПД) Германии³³². Он обрушился с нападками на политику единого фронта как политику компромисса, вытекающую из НЭПа и представляющую собой необратимый поворот в советской политике:

«Когда Ленин говорит, что „мы дальше не пойдём“, я верю, что это его искреннее пожелание. Но, увы, это невозможно. Хозяином диктатором в России является крестьянин.

Возникает вопрос, каково должно быть отношение III Интернационала к этой политике? Советское правительство хотело бы использовать все средства для поддержки своей политики. В этом отношении влияние социал-соглашателей и социал-оппортунистов на политику буржуазных правительств может иметь большое значение. Тактика единого фронта, завязывая контакт с социал-соглашателями, даёт возможность использовать это влияние».

Варский осудил взгляды Слюсарского как «лжереволюционное течение, которое не имеет ничего общего с Коминтерном и которое ему совершенно чуждо»³³³. После прений, имевших, по-видимому, бурный характер, представленная Варским резолюция о едином фронте, согласно которой КПП следует «обратиться к социалистическим партиям и классовым профсоюзам с предложениями о совместной борьбе», была принята 26 голосами против 9 при 4 воздержавшихся³³⁴. В резолюции о профсоюзах нашла отражение кампания за единство, которую упорно проводила Москва, и КПП настоятельно призвала своих членов «защищать единство классового профсоюзного движения» и в своей борьбе против Амстердамского Интернационала «не стремиться к отрыву от него входящих в его состав профсоюзов, с тем чтобы присоединить их к Красному Интернационалу профсоюзов»³³⁵. Не удалось достичь согласия по аграрному вопросу; здесь были выражены три противоположных точки зрения, «из коих ни одна», как было отмечено позднее, «не держалась подлинно большевистской линии»³³⁶. Тезис о конфискации земель без компенсации и ее раздаче крестьянам в конечном итоге был принят лишь в качестве основы для обсуж-

дения; его принятию, по существу, с успехом противодействовала группа левых, которая выступала за превращение земель, конфискованных у землевладельцев, в государственные и коллективные хозяйства³³⁷. Не было принято какой-либо резолюции и по вопросу о национальностях — еще одно свидетельство существовавших или потенциальных разногласий. Однако, несмотря на все эти различия, 1922 г. стал годом значительного прогресса в вопросе о тактике партии. В августе 1922 г. Союз городских и сельских пролетариев, который служил лишь легальным прикрытием для партии, выдвинул кандидатов на предстоявшие выборы в польский сейм и принял воззвание к «трудящимся Польши»³³⁸. На выборах 5 ноября 1922 г. этот союз, несмотря на репрессии полиции, получил 130 тыс. голосов: 27 тыс. в Варшаве, 15 тыс. в Домбровском бассейне, а остальные в промышленных и горняцких районах, что обеспечило ему два места в сейме³³⁹.

Такой успех не оградил КПП от критики на IV конгрессе Коминтерна, который состоялся в Москве в ноябре того же года. В своей первой речи Зиновьев перечислил вопросы, по которым в Центральном комитете партии существовали разногласия: «аграрный вопрос, вопрос о национальностях и, частично, вопрос о едином фронте»; незначительное меньшинство даже выступило полностью против тактики единого фронта³⁴⁰. В ходе прений Домский, давний критик официальной линии³⁴¹, отмежевываясь от Слюсарского (который хотя и присутствовал на конгрессе, но не выступал), осудил руководителей польской партии и Радека, а также выступил против лозунгов «рабочего правительства» и «единого фронта»³⁴². В своем ответе Зиновьев занял более резкую позицию, с негодованием процитировав критические высказывания Слюсарского в адрес НЭПа и Советского правительства на конференции польской партии, и предупредил сторонников таких взглядов, что они вступают на скользкий путь³⁴³.

Конгресс не создал комиссии для рассмотрения состояния дел в польской партии и не принял какой-либо резолюции. Однако назначенная Президиумом ИККИ комиссия рассмотрела этот вопрос после окончания конгресса, заслушала представителей как большинства Центрального комитета, так и оппозиции, и изложила свои выводы в письме от 19 декабря 1922 г., направленном всей партии³⁴⁴. В нем отмечалось, что обвинения в «оппортунизме» и «ликвидаторстве», выдвигаемые оппозицией в адрес Центрального комитета, «лишены всех оснований». Было также высказано возмущение по поводу нападок на Советское правительство со стороны «основного представителя оппозиции» на партконференции в апреле прошлого года. По аграрному вопросу было признано, что «с некоторым запозданием» и несмотря на сопротивление оппозиции партия теперь взяла правильный курс. В национальном вопросе членам партии напомнили, конкретно указав на «люксембургскую ересь»³⁴⁵, что в некоторых кругах сохраняются «традиционные взгляды польских коммунистов» и что националь-

ные вопросы должны решаться «в соответствии с реальными интересами революции».

Этот вердикт привел к укреплению позиции осмотрового руководства «трех В», которые были убежденными сторонниками политики единого фронта. В последующие месяцы, когда у власти в польском правительстве находилась правая коалиция, избегались враждебные выступления против СПП и даже существовало определенное неофициальное сотрудничество. Однако острота борьбы внутри партии вокруг вопросов единого фронта не исчезла. Можно предположить, что некоторые члены КПП настойчиво выступали за более активную политику. Аналогичные разногласия возникли среди влиятельных поляков — членов русской партии, причем Дзержинский и Радек поддерживали «трех В», а менее влиятельный Уншлихт, видимо, склонялся к более активным мерам³⁴⁶. Тем не менее, когда в конце августа 1923 г. на даче в Болшево в пригороде Москвы собрался II съезд КПП, ситуация полностью стабилизировалась. На съезде присутствовало 49 польских делегатов (участию других делегатов помешала полиция). Помимо Зиновьева, Радека и Лозовского, которые присутствовали как представители Коминтерна и русской партии, Брандлер, Кашен, Шмераль, Куусинен и Скрыпник представляли немецкую, французскую, чехословацкую, финскую и украинскую партии. Съезд посетил Дзержинский, который был встречен с энтузиазмом³⁴⁷. Политика единого фронта была твердо зафиксирована в общей резолюции о «политической ситуации и тактике партии» и воззванием ко «всем трудящимся» Польши, которое было принято в конце работы съезда. В резолюции основной упор делался на внешнюю политику, что было вполне естественно для момента, когда надежды коммунистов связывались с надвигающейся революцией в Германии. При этом основная задача партии должна была состоять в нарушении связей Польши с капиталистическими державами и ускорении революции в Германии, без которой невозможно покончить с зависимостью Германии от Запада. В воззвании недвусмысленно раскрывался внутренний аспект политики единого фронта: «Второй съезд КПП от имени сотен тысяч рабочих, марширующих под его знаменами, обращается ко всем партиям, в рядах которых также маршируют рабочие и бедные крестьяне, в первую очередь к СПП и партии «Освобождение»³⁴⁸ с призывом создать общий фронт борьбы за ближайшие цели масс польского народа, за их спасение от наступления реакции»³⁴⁹.

Детальная резолюция была принята о единстве профсоюзного движения³⁵⁰. Не были обойдены вниманием и спорные аграрный и национальный вопросы. Тезисы по аграрному вопросу, разработанные годом ранее на III партконференции, были официально приняты в качестве политики партии наряду с резолюциями о союзе между рабочими и крестьянами и о лозунге «рабоче-крестьянского правительства» — вершине политики единого фронта при-

нительно к Польше³⁵¹. Национальный вопрос по-прежнему оставался более сложным ввиду поддержки партий в прошлом политики отказа от национального самоопределения³⁵². Резолюция съезда была озаглавлена «За нашу и вашу свободу»; этот лозунг использовался теми русскими, которые поддерживали польские восстания в 1830 и 1863 гг. Основное внимание в ней было уделено опасности того, что польское правительство может осуществить вмешательство против революции в Германии, как оно это сделало против русской революции. Далее указывалось, что только трехсторонняя — русско-немецко-польская — революция в конечном итоге позволит трем народам жить вместе в обстановке братства и безопасности. В резолюции содержался настоятельный призыв к трудящимся массам Польши «признать и поддержать стремление украинских и белорусских крестьян и рабочих к освобождению от господства капиталистической и помещичьей Польши и к союзу с Советской Белоруссией и Советской Украиной». Вопрос о стремлении немецкого меньшинства к союзу с Германией не поднимался, хотя в резолюции и содержались положения, осуждающие антинемецкие настроения в Верхней Силезии и на других отошедших к Польше территориях, а также антисемитизм. Резолюция заканчивалась призывом к совместной борьбе за освобождение от ига капитализма и созданию «союза свободных и равноправных социалистических республик»³⁵³. В краткой отдельной резолюции содержался настоятельный призыв к польским рабочим Верхней Силезии оказать поддержку «немецкой пролетарской революции»³⁵⁴.

Вскоре после съезда в КПП были созданы автономные коммунистические фракции Западной Украины (Волини и Восточной Галиции) и Западной Белоруссии (восточных районов Польши, где большинство населения составляли белорусы). Положение в этих районах было сложным. Будучи включенными в состав Польши, украинцы и белорусы подвергались угнетению со стороны властей, широко известных своей нетерпимостью к правам национальных меньшинств. Наиболее эффективная пропаганда против польского господства в этих районах проводилась из центров, расположенных по другую сторону границы, в Украинской и Белорусской советских республиках³⁵⁵, от имени коммунистических партий этих республик, которые входили в состав РКП(б). С другой стороны, русская партия и Коминтерн всегда придерживались принципа, согласно которому коммунистические партии действуют в рамках границ того или иного государства; поэтому КПП могла претендовать на руководство коммунистическими движениями в Западной Украине и Западной Белоруссии. В 1921 г. в период работы III конгресса Коминтерна в Москве было достигнуто соглашение о совместном контроле над партийной работой в Западной Украине со стороны КПП и украинской партии³⁵⁶. Однако оно, видимо, осуществлялось не без трений³⁵⁷. Положение еще более осложнялось наличием в этих районах небольших групп

национальной интеллигенции, которая стремилась получить поддержку коммунистов в борьбе за национальную независимость, но в то же время не хотела связывать себя с Москвой ни политически, ни идеологически. Коммунистическая партия Восточной Галиции, видимо, существовала с 1919 г., но не была официально признана ни в Москве, ни в Варшаве. В 1922 г. она вошла в состав КПП, сохранив тем не менее свой независимый Центральный комитет ³⁵⁸.

Следующий поворот событий произошел через четыре дня после официального подписания договора о признании суверенитета Польши над Восточной Галицией на конференции послов в Париже, когда во Львове 18 марта 1923 г. собрался съезд крупной Украинской социал-демократической партии. В атмосфере возмущения, вызванного действиями союзных держав, съезд испытал на себе влияние коммунистов ³⁵⁹. Впервые коммунистическое движение стало серьезной силой в Восточной Галиции, где, по словам недоброжелательного наблюдателя, «прокоммунистическая ориентация» набирала силу в течение всего 1923 г. ³⁶⁰ Это потребовало упорядочить взаимоотношения между КПП и местной партией, и в конце 1923 г. Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ) стала автономной секцией КПП на тех же основаниях, что и Коммунистическая партия Украины в рамках РКП(б) ³⁶¹. В декабре 1923 г. аналогичная процедура была применена в отношении Западной Белоруссии, где, насколько известно, до этого момента отдельной коммунистической партии не существовало; как автономная секция КПП была образована Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ) ³⁶².

События осени 1923 г. в Германии и Польше сразу же сказались на общей ситуации и продемонстрировали существование тесной связи между судьбами КПП и КПГ. За неудачной революцией в Германии в октябре 1923 г. через месяц последовали широкие волнения в Польше, где экономическое положение было едва ли менее серьезным. С полным, хотя и кратковременным успехом прошла всеобщая забастовка, организованная по призыву и при поддержке КПП и официально назначенная СПП на 5 ноября 1923 г. ³⁶³, которая привела к открытому восстанию в Кракове, где гарнизон перешел на сторону бастующих. Однако КПП не могла, а СПП не хотела использовать революционный потенциал сложившегося положения, и движение было быстро подавлено. За поражением революции в Германии последовало поражение в Польше. Москва, видимо, не была склонна осуждать польских партийных руководителей в большей степени, нежели немецких ³⁶⁴. Однако разногласия в КПП носили слишком острый характер, чтобы «три В» могли избежать обвинений в пассивности со стороны левого меньшинства, потерпевшего поражение на съезде в августе. Сразу после съезда открытый вызов руководству был брошен в статье Домского, опубликованной в сентябрь-

ском номере партийного журнала «Нови пшегляд», где он снова критиковал не только политику КПП, но и всю концепцию единого фронта «сверху», провозглашенную Коминтерном. Он осудил «тактику маневра», заложенную в этой концепции, как несовместимую с большевизмом и назвал Брандлера и Тальгеймера, а также Варского и Костшеву «нео-меньшевиками». В заключение он указал на существование лишь двух альтернатив: «либо сплошная демагогия, либо революционная агитация»³⁶⁵.

После поражений в октябре и ноябре 1923 г. кампанию продолжил другой ветеран польской партии, Ленский. После 1917 г. он работал в различных польских организациях в Москве и в тот момент возглавлял польскую секцию Центрального комитета русской партии. Ленский использовал журнал «Трибуна коммунистична», издававшийся этой секцией, как платформу для нападок на польских лидеров за их толкование тактики единого фронта, за их неудачи в ходе краковского восстания и поддержку Троцкого³⁶⁶. Его нападки полностью совпадали с тем, что говорил в Москве Маслов о Брандлере³⁶⁷, и отчасти устраивали Зиновьева. Поскольку в то время уже было принято решение осудить Брандлера, Тальгеймера и Радека как виновников поражения в Германии, эти обвинения почти автоматически распространялись на КПП за поражение в ноябре. Дискредитация «трех В» явилась логическим продолжением падения Брандлера. Правое крыло в польской партии, как и в чехословацкой, подверглось осуждению по аналогии. Когда во время дискуссии в русской партии польские лидеры открыто выступили в защиту Троцкого, а затем и Радека, они предопределили свою судьбу, вызвав решительное осуждение со стороны триумvirата, и были причислены к правому крылу троцкистского толка, подобно уже существовавшему в немецкой и чехословацкой партиях. Однако на тот момент они, как и чехословацкие лидеры, сохраняли доверие большинства в своей партии, лишить которого их было нелегко. Они получили передышку, согласившись, хотя и с протестом и косвенными оговорками, с резолюцией ИККИ, принятой в январе 1924 г. по вопросу о поражении в Германии³⁶⁸.

Но передышка была недолгой. Меры, принятые в Москве, послужили поводом для недовольства в польской партии. Так называемая «группа польских товарищей, работающих как в Польше, так и за границей», выпустила в Берлине заявление, ставшее платформой для левой оппозиции. В нем проводилось прямое сравнение между волнениями в Польше в ноябре 1923 г. и октябрьскими событиями в Германии; выдвигалось обвинение, что лидеры КПП отнеслись пассивно к открывшейся возможности и отдали всю инициативу СПП. В манифесте критиковалась существовавшая концепция единого фронта и повторялась старая формула «единства снизу». В нем осуждался Центральный комитет партии за сокрытие от ее членов решений ИККИ по русскому и немецкому вопросам и содержался призыв немедленно созвать партий-

ную конференцию. Подписала манифест группа из четырех человек, получившая позднее наименование «четверки», — Ленский, Домский, сестра Уншлихта Осинская и Адамский, точных сведений о котором не имеется, но который, по всей видимости, тоже работал в Москве³⁶⁹. Впоследствии выдвигались обвинения в том, что манифест был опубликован до того, как он был передан в Центральный комитет КПП³⁷⁰.

Центральный комитет, который по-прежнему контролировался «тремя В», попытался на заседании в марте 1924 г. сбить волну критики. В обширной резолюции он признал, что «не только нашей партии, но и другим партиям III Интернационала не удалось избежать серьезных ошибок». Указывалось, что «болезнь левизны» была преодолена на II съезде партии. Однако партия не смогла воспользоваться краковским восстанием и пала жертвой ошибочного стремления к «единому фронту любой ценой». По вопросу о профсоюзах в резолюции критиковался «отказ коммунистов от публичного обсуждения и критики во имя профсоюзного единства и ошибочной идеи о тактике единого фронта», а также осуждалась тенденция к сглаживанию идеологических разногласий между коммунистами и реформистами. Отмечалось, что в национальном вопросе имелись случаи «ошибочного толкования отдельными товарищами» правильных решений II съезда, что объяснялось неопытностью молодых партий Западной Белоруссии и Западной Украины и неспособностью отличать «революционно-коммунистические» тенденции в этих партиях от «мелкобуржуазно-радикальных». В адрес партии было высказано прямое обвинение в неоправданном нежелании прибегать к насильственным методам: «Наша партия еще не готова к великой борьбе... Она еще не внедрила идею вооруженной борьбы — единственного средства уничтожения буржуазии — в сознание масс».

В то же время в другой резолюции Домский и его группа осуждались как «дезорганизаторы», которые попытались «создать фракцию» и «распространить свои постулаты по стране и в Интернационале»³⁷¹. Такое нерешительное отречение, в котором признается большая часть критических замечаний, но осуждаются сами критики, не удовлетворило оппозицию. В очередной статье Домский обвинил «трех В» в «меньшевизме» и «оппортунистической практике». 11 мая 1924 г. «четверка» выступила с еще одним заявлением, в котором она подтверждала свои взгляды, изложенные в ее первоначальном заявлении, и указывала, что она полностью признает резолюции II съезда и возражает лишь против действий существующего комитета³⁷².

К моменту созыва V конгресса Коминтерна ситуация в КПП была аналогична ситуации в чехословацкой партии. Авторитет правого руководства не был подорван. Однако в состав делегации входили влиятельные члены левого меньшинства³⁷³, которые пользовались покровительством и поддержкой Зиновьева и других русских руководителей. В своей вступительной речи Зиновьев обви-

нил польских лидеров в «чрезмерной дипломатии» в немецком и русском вопросах. Он заявил, что в Центральном комитете польской партии «нет единства», и выразил убеждение, что «как только польские рабочие-коммунисты узнают, в чем заключается проблема, где произошел сбой в руководстве, в чем их Центральный комитет расходится с Коминтерном и особенно с русской партией, — в тот же момент польские рабочие встанут на нашу сторону»³⁷⁴. Выступавший от имени Центрального комитета Краевский попытался найти компромиссное решение. Он признал, что декабрьское письмо в поддержку Троцкого было «оппортунистической ошибкой», но отверг другие обвинения в адрес Центрального комитета и заявил, что ЦК теперь полностью согласен с мнением Москвы. Свою критику он сосредоточил на Домском, поскольку тот выступал против резолюций по аграрному и национальному вопросам на II съезде партии и был «в целом не согласен с единым фронтом». Однако его выступление было выслушано недоброжелательно и неоднократно прерывалось, причем пример в этом отношении подавал сам Зиновьев. От имени левой оппозиции с пространной ответной речью выступил Ленский, в которой он назвал оправдания Краевского «неискренними»³⁷⁵. Три лидера, не выступавшие на пленарных заседаниях, сделали заявление, в котором просили выслушать их в ходе предстоящего обсуждения в польской комиссии конгресса, и вновь подтвердили свое согласие с «тактической линией», изложенной Зиновьевым³⁷⁶. В то же время под влиянием выступлений на конгрессе в польской делегации произошла перестановка сил. Группа во главе с Краевским и Скульским, поляком, который, как говорили, был комиссаром в башкирской дивизии Красной Армии, перешла на сторону «четверки», за которой теперь следовало большинство членов делегации, что дало ей возможность выступить с осуждением заявления «трех В» как «фракционного» и несанкционированного³⁷⁷.

Все это подготовило почву для обсуждения в польской комиссии. На нем председательствовал Сталин, и оно длилось три дня. Главным обвинителем выступал Ленский. Осудив Варского как врага большевизма и обрисовав деятельность Валецкого и Костшевой, он признал, что «наиболее важной причиной нашего выступления против политики правых лидеров явился русский и немецкий вопросы», и заявил, что КПП «не должна более служить барьером между русским ленинизмом и Западом». За ним выступил Скульский, который, по всей видимости, отражал точку зрения русских. Он обрушился на «трех В» с такой же решительностью, что и Ленский. Однако в отличие от него, он не ратовал за их устранение из руководства, а заявил, что достаточно, чтобы за большинством стоял «политический авторитет Коминтерна» и чтобы в партии была проведена дискуссия. Варский защищался неубедительно. В свое оправдание он утверждал, что декабрьское письмо в поддержку Троцкого было вызвано стремлением предотвратить раскол в русской партии. Видимо, он вряд ли помог себе,

процитировав замечание, якобы сделанное Петровским по неизвестному поводу в присутствии Краевского, о том, что единый фронт представляет собой «чистую нелепость, придуманную ради политики Чичерина перед Генуэзской конференцией». Костшева и Валецкий продемонстрировали открытое неповиновение и упорно утверждали, что решения, принятые в Москве по вопросам о Троцком и немецкой партии, являются губительными ошибками³⁷⁸. Итоги обсуждения подвел Сталин. В осторожно сформулированных, но вместе с тем острых выражениях он вновь указал на недостатки польских руководителей, особенно в их позиции по русскому и немецкому вопросам, и потребовал более решительных мер в отношении «оппортунистической оппозиции». В то же время он высказался против «отсечения» руководителей сверху: «Пусть сама компартия Польши перестраивает свой ЦК на предстоящем съезде или конференции»³⁷⁹.

Национальный вопрос также использовался в качестве вспомогательного средства для критики в адрес польских лидеров. Однако это оказалось непростым делом. КПП не была, как чехословацкая партия, разделена по национальному признаку. Славянские меньшинства были представлены входящими в ее состав секциями Западной Украины и Западной Белоруссии, а членами основной партии практически являлись лишь поляки и евреи. Между правыми и левыми также не возникало каких-либо разногласий по национальному вопросу. Поэтому, хотя КПП теоретически и была уязвима из-за своих прежних связей с Розой Люксембург и отказа от принципа национального самоопределения³⁸⁰, о чем ее критики никогда не забывали напоминать, по национальному вопросу она продолжала выступать единым фронтом. Один из делегатов от КПЗУ на V конгрессе заявил о неразрывной связи социального вопроса в Западной Украине с вопросом национальным, что прежде всего ведет к требованию национальной независимости, а на данном этапе — воссоединения с Советской Украиной. Он настоятельно призвал КПП полностью поддерживать эти требования³⁸¹. Эти вопросы, несомненно, подробно обсуждались на закрытых заседаниях комиссии по национальному вопросу.

После завершения конгресса ситуация в КПП осталась неясной и двусмысленной. Докладывая конгрессу о работе национальной комиссии, Мануильский серьезно критиковал Варского за принижение важности немецкой проблемы в Польше. С другой стороны, он предостерег КПЗУ от попыток слишком настойчиво добиваться выполнения своего требования об автономии; эта партия должна оставаться в подчинении КПП в Варшаве, а не украинской партии в Киеве. В принятой позже резолюции по этому вопросу³⁸² Президиум ИККИ занял в целом снисходительную позицию по отношению к КПП, поскольку в ней хотя и подчеркивалось большое значение самоопределения для украинцев и белорусов, в то же время одобрялись уже принятые по этим вопросам

меры и, за исключением упоминания о Верхней Силезии, немецкая проблема совсем не упоминалась.

Разработанная в польской комиссии резолюция также была одобрена не на самом конгрессе, а на последовавшем за ним пленуме ИККИ³⁸³, что, возможно, свидетельствует о том, что ее текст был предметом острых споров. В резолюции сурово осуждалось руководство «трех В», которые «не способствовали проведению на деле линии Коммунистического Интернационала», и предлагалось созвать чрезвычайную конференцию КПП для «выпрямления политической линии» и перевыборов Центрального комитета. Для этого предлагалось заменить Политбюро и Оргбюро КПП единым бюро из пяти членов ЦК, возложив на них обязанность созвать чрезвычайную конференцию и руководить партией до конференции. Действие пункта Устава партии, предоставляющего членам Центрального комитета право решающего голоса на конференциях, было отменено, что недвусмысленно свидетельствовало, что «три В» по-прежнему располагали большинством в Центральном комитете; в КПП назначался представитель ИККИ; дисциплинарные меры против четверых авторов манифеста оппозиции отменялись. Текст этой резолюции был опубликован в сборнике резолюций конгресса³⁸⁴ вместе с открытым письмом ИККИ членам КПП. В нем содержалась резкая критика в адрес «трех В» за их ошибки в руководстве; они в особенности обвинялись в том, что «бросили авторитет нашей партии на весы в пользу русской оппозиции и против РКП». Большинство польской делегации на V конгрессе заявило о своем несогласии с ними, и польская комиссия согласилась с большинством. Теперь партия должна была принять соответствующие меры³⁸⁵. О предложении назначить бюро в составе пяти человек никаких сведений, видимо, нет. Однако Ленский, вместе с основными лидерами оппозиции, был направлен в Польшу с инструкциями провести подготовку к конференции или съезду партии³⁸⁶. «Три В» и два их основных сторонника оставались в Москве³⁸⁷. Новое руководство опубликовало пространное политическое заявление, в котором, в соответствии с нынешней политикой Коминтерна, оно пыталось придать более левый оттенок существующим лозунгам, а Центральный комитет партии принял резолюцию аналогичного характера³⁸⁸. Однако нелегальные условия, в которых действовала партия, и, возможно, внутренние разногласия не позволили сразу же формально закрепить произведенные перемены на партийной конференции, и за три месяца, предусмотренных Москвой в июле для созыва конференции, ничего не было сделано.

Намеренно или случайно, но сдвиг влево на V конгрессе Коминтерна способствовал возобновлению подрывных действий в восточных районах Польши, частично в форме пассивного сопротивления сбору налогов и распоряжениям властей, частично — партизанских действий против польской полиции и вооруженных сил. После конгресса Скульский, по всей видимости, был неле-

гально переправлен через границу для руководства этими операциями, сразу же попал в руки польской полиции и, как сообщалось, был освобожден группой партизан, направленной из Минска³⁸⁹. На конференции в октябре 1924 г. Коммунистическая партия Западной Белоруссии приняла резолюцию, в которой постановила перейти «к организационной и политической подготовке вооруженной борьбы»³⁹⁰. Сообщалось, что этот период характеризовался быстрым ростом числа членов западнобелорусской партии, который до тех пор был незначительным³⁹¹. Трудно сказать, в какой мере эти действия находили поддержку со стороны КПП в Варшаве. Косвенные свидетельства дают возможность предположить, что основной внешний толчок был дан в Минске; утверждают, что позднее Домский назвал эти действия «анархизмом»³⁹². Однако новые руководители КПП осудили своих предшественников за пассивность в период краковского восстания в ноябре 1923 г. и приняли несколько резолюций в поддержку «вооруженной борьбы»³⁹³. Хотя в восточных пограничных районах планировалось скорее крестьянское восстание, чем пролетарская революция, и в его основе лежали скорее националистические, чем коммунистические идеи, но руководителям, которые провозгласили себя левыми, было нелегко отстраниться от активной политики и отказаться от кампании, которую поддерживали в Минске или в Москве.

Тем временем польское правительство усилило репрессии против коммунистов. 14 октября 1924 г. полиция арестовала Ленского, и его посадили в тюрьму³⁹⁴. Преследования полиции и арест фактического лидера нанесли тяжелый удар по партии, где положение и без того было неустойчивым. Как показали дальнейшие события, рядовые рабочие, составлявшие ядро КПП, так и не смирились с устранением «трех В». Сам Домский откровенно признал наличие широкого мнения, что реорганизация ЦК партии «была навязана извне и что она не найдет почвы в самой партии», и указал, что «политическая пассивность рабочих все еще велика», хотя, как он утверждал, она и преодолевается³⁹⁵. С другой стороны, крайне левые активисты считали, что ни Коминтерн, ни новые руководители КПП не пошли достаточно им навстречу. Ультралевая группа в Коммунистическом союзе молодежи Польши осудила решения V конгресса Коминтерна, назвав лозунги единого фронта и рабоче-крестьянского правительства «источниками оппортунизма»³⁹⁶. В январе 1925 г. Скульский писал в партийном журнале, что тактика единого фронта перестала быть целесообразной, и заявил, что «нашим лозунгом в борьбе за власть» должна стать «социальная революция в целях создания правительства диктатуры пролетариата, коммунистического правительства»³⁹⁷. Оставшийся в Москве Варский попытался реабилитировать себя в глазах руководства Коминтерна пространным покаянием в «Правде», которое было снабжено примечанием редакции, где указывалось, что его статья подтверждает правильность линии

V конгресса Коминтерна; при этом выражалась надежда, что Варский «до конца сумеет ликвидировать ошибки». Будучи в прошлом одним из последовательных сторонников Розы Люксембург, теперь он сваливал вину за «отрицательное отношение польской партии к большевистскому пониманию роли руководства в партии и роли партии в революции» на традицию люксембургизма. По сути дела это был западный подход, приспособленный к парламентским институтам. В партии, занятой подготовкой революции, такой оппортунизм нетерпим. Выступление Троцкого против партийного аппарата, которое было поддержано «прежней руководящей группой» в польской партии, повторяло критику Розы Люксембург в отношении ленинской концепции партийной организации и было «атакой против революции и против диктатуры пролетариата»³⁹⁸. Публикация статьи Варского свидетельствовала о довольно обычном для того времени стремлении Коминтерна иметь в запасе альтернативные решения и не связывать себя твердыми обязательствами только с одной группой в какой-либо зарубежной партии. Однако статья не изменила положения в КПП, перспективы которой оставались далеко не блестящими.

ж) Болгарская коммунистическая партия (БКП)

Болгарская коммунистическая партия (БКП) с самого начала имела немало оснований считаться в Москве образцовой. Практически вся болгарская радикально настроенная интеллигенция конца XIX века получила высшее образование в России и полностью ориентировалась на нее, точно так же как большинство других стран Восточной и Центральной Европы ориентировались на Запад. Основатель социалистического движения в Болгарии Благоев, который почитался до своей смерти в 1924 г. как старейшина БКП, получил образование в Петербургском университете, где в 1883—1884 гг. создал, по-видимому, первую на русской земле социал-демократическую группу³⁹⁹. Болгарская социал-демократическая партия была образована в 1892 г.* Ее раскол в 1903 г. на «тесных» и «широких» социалистов последовал сразу же за расколом русской партии на большевиков и меньшевиков. Узы симпатии, а иногда и практического сотрудничества объединяли русских большевиков и болгарских «тесных» социалистов. Обе партии твердо и последовательно выступали против первой мировой войны. Преобразование «тесных» социалистов в Болгарскую коммунистическую партию (БКП) и их быстрое присоединение к только что созданному Коммунистическому Интернационалу в 1919 г., а через год — безоговорочное принятие 21 условия — все это подтвердило репутацию БКП как лояльной и ортодоксальной

* Она была создана в 1891 г. — *Прим. ред.*

партии⁴⁰⁰. Даже после 1921 г., когда вопрос о революции в Европе казался отложенным, а революционный порыв утихал, в кругах Коминтерна, исходя из дипломатических соображений, репутация БКП не только не была поколеблена, но даже получила дополнительную поддержку. После Германии Болгария была второй жертвой ненавистного Версальского мирного договора⁴⁰¹. Ее соседи — Югославия, Румыния и Греция — были так же, как Польша и Чехословакия, союзниками и сателлитами победивших держав. На этом зиждется та симпатия, которую питали к ней в Москве, ибо обиды Болгарии усиливали дело революции. Союз между коммунизмом и национализмом, которого попытались достичь в Германии в 1923 г., гораздо легче удалось осуществить в Болгарии, где работа партии проходила в подполье и не подвергалась постоянной критике общественности. Поддержка Советским правительством идеи пересмотра границ, которая зачастую портила отношения Коминтерна с коммунистическими партиями победивших стран и их сателлитов, еще более укрепила отношения между Коминтерном и БКП, сделав их исключительно тесными и дружественными.

Сила и авторитет БКП обеспечили ей главенствующую позицию в Балканской федерации коммунистических партий, которая была создана на конференции в Софии в январе 1920 г.⁴⁰² На начальном этапе членский состав федерации постоянно менялся. Одно время она мыслилась как Дунайско-балканская федерация, затем в нее вошла Турция. С 1922 г. она состояла из коммунистических партий Болгарии, Югославии, Греции⁴⁰³ и Румынии⁴⁰⁴. На важной конференции, проходившей в Москве 8—12 декабря 1922 г. после IV конгресса Коминтерна⁴⁰⁵, федерация выпустила манифест, в котором провозгласила своей целью создание советских республик в балканских странах и «балканской федерации социалистических федеративных советских республик». В нем содержалось требование о предоставлении независимости Македонии, Фракии и Добрудже, а также протест против перемещения национальных меньшинств между Грецией и Турцией и Грецией и Болгарией, которое предполагалось осуществить под эгидой Лиги Наций в целях дальнейшего укрепления греческого империализма⁴⁰⁶. Представитель Коминтерна использовал конференцию для критики югославской партии за ее ошибочное отношение к национальному вопросу⁴⁰⁷. Балканская федерация вскоре после своего создания перенесла штаб-квартиру в Вену, в 1923 г. — в Берлин, а затем — в Москву⁴⁰⁸. В этом постоянном органе работали исключительно болгары⁴⁰⁹. В июне 1923 г. Зиновьев, критикуя БКП за ее недостатки, по-прежнему называл ее Центральный комитет «стоящим во главе всей Балканской федерации»⁴¹⁰. Когда греческая партия «восстала» против оппозиции Балканской федерации политике перемещения населения, именно болгарская партия направила в марте 1923 г. своего эмиссара в Грецию для «подавления» восстания⁴¹¹.

Попытка создать параллельную профсоюзную федерацию на Балканах под болгарским руководством оказалась менее успешной. Осенью 1920 г. созданный незадолго до того в Москве Международный совет профсоюзов (Межсовпроф) ⁴¹² направил делегацию во главе с Глебовым в Софию для проведения съезда профсоюзов Болгарии и балканской профсоюзной конференции. Болгарский съезд состоялся в октябре 1920 г. и закончился присоединением единого болгарского профсоюзного движения к Межсовпрофу ⁴¹³. 3 ноября 1920 г. в Софии была проведена запланированная балканская профсоюзная конференция, на которой присутствовали делегаты от профсоюзов Болгарии, Югославии и Румынии. Все они заявили о присоединении к Межсовпрофу. Делегаты из Греции не смогли приехать в Софию, однако съезд профсоюзов Греции, состоявшийся в сентябре, уже принял решение о выходе из МФП и, 96 голосами против 48, о сотрудничестве с Социалистической партией Греции (в то время так называлась Коммунистическая партия Греции) ⁴¹⁴. На конференции в Софии был также создан секретариат для стран Балканского полуострова и бассейна Дуная с целью объединения профсоюзных организаций Болгарии, Югославии, Румынии, Турции, Чехословакии и Венгрии и поддержания контактов между ними и Межсовпрофом ⁴¹⁵. Однако, по всей видимости, секретариат никогда не проявлял какой-либо активности в последних трех странах. В конце 1920 г. наряду с Коммунистической партией Югославии была запрещена и югославская профсоюзная организация ⁴¹⁶, а профсоюзы Румынии, представитель которых поддержал все резолюции состоявшейся в ноябре 1920 г. конференции в Софии, вскоре изменили свой курс под нажимом властей и на своем съезде в октябре 1921 г. отказались связывать себя с любой политической организацией или программой ⁴¹⁷. Болгарские профсоюзы, единственные на Балканах, не вышли из состава Профинтерна; такое положение было отмечено в резолюции Исполнительного бюро Профинтерна от 3 декабря 1922 г., в которой болгарской организации было поручено представлять Профинтерн на Балканах с задачей поддерживать контакты с профсоюзами других балканских стран ⁴¹⁸. Секретариат Балканских профсоюзов перестал существовать.

Поражение БКП в июне 1923 г. и разгром восстания в сентябре 1923 г. ⁴¹⁹ явились важнейшим поворотным моментом в ее истории. Хотя она и не была официально запрещена, но лишилась защиты своего легального или полуполигального статуса, а связанные с ней организации, включая «красные» профсоюзы, распались. С этого времени руководители БКП находились за границей и руководили более сложной подпольной деятельностью в стране. Все это в корне изменило отношение партии к Коминтерну. Отказ под давлением Коминтерна от пассивной политики периода июньского восстания и ее осуждение, а также замена ее наступательной политикой, приведшей в сентябре к катастрофическим последствиям, вызвали первый серьезный раскол в рядах партии,

и должная оценка этих событий стала критерием преданности партии. Далее новые признанные руководители партии Коларов и Димитров, деятельность которых проходила под знаком постоянных преследований полиции и которые сознавали критические настроения и разногласия в самой партии, стали гораздо более зависимыми от Коминтерна. Больше того, своим положением они были обязаны именно своей безусловной готовности стать в период июньского кризиса 1923 г. выразителями политики Коминтерна. После 1923 г. БКП прошла тот же процесс большевизации, что и другие коммунистические партии, то есть более строгого подчинения директивам, разработанным в Москве. Однако в случае с БКП этот процесс мог опираться на твердый фундамент общих традиций и интересов, который зачастую отсутствовал в отношениях Коминтерна с другими партиями, и протекал он с меньшими трениями и с меньшей степенью явного принуждения.

Доверие Коминтерна к руководителям БКП наглядно продемонстрировала VI конференция Балканской федерации, проходившая в Берлине в декабре 1923 г., на которой присутствовали представители Болгарии, Югославии, Греции и Румынии, а также Коминтерна. Хотя на этой конференции уже не прозвучало требование, выдвинутое на конференции годом ранее ⁴²⁰ о создании «советских республик», в ее основной резолюции подтверждался принцип национального самоопределения вплоть до отделения, который, в частности, распространялся на хорватов в их борьбе «против сербской гегемонии», на Македонию и Фракию, а в Румынии — на Бессарабию (где, как указывалось, проявляется «прочная национально-революционная тенденция к объединению с СССР»), Трансильванию, Добруджу и Буковину. Коммунистической партии Греции поручалось защищать меньшинства, которые подвергаются угнетению со стороны правительства Греции (турки — в отошедших к Греции территориях, болгары — в Македонии и Фракии, а также румыны, албанцы и другие меньшинства — в различных районах страны), протестовать против принудительной эллинизации включенных в Грецию территорий путем насильственного изгнания и размещения населения и «сделать все от нее зависящее, чтобы добиться проведения в жизнь резолюций, относящихся к Македонии и Фракии» ⁴²¹. Поскольку каждое из этих указаний совпадало с политикой БКП и Коминтерна и создавало трудности или считалось нецелесообразным для некоторых других партий, нетрудно догадаться об источнике их возникновения.

Согласно официальной версии событий 1923 г., июньская ошибка БКП заключалась в том, что партия не сумела наладить сотрудничество с крестьянским движением, а сентябрьское восстание явилось не инициативой коммунистов в целях установления диктатуры пролетариата, а рабоче-крестьянским восстанием, руководимым «революционными комитетами», представлявшими «подавляющее большинство болгарского народа — трудящиеся

массы»⁴²². Такой вывод привел к продолжению сотрудничества с крестьянством во имя создания «единого фронта». Первым итогом этой политики явилось создание блока коммунистов и левого крыла Крестьянского союза, который выдвинул кандидатов на выборы в болгарское собрание в ноябре 1923 г. Несмотря на общую неблагоприятную обстановку, подтасовку результатов голосования и запугивание блок получил 217 тыс. голосов, в результате чего 31 представитель Крестьянского союза и 8 представителей коммунистической партии заняли свои места в собрании⁴²³. Однако эксперимент оказался неудачным. Коммунисты охотно втянулись в свою парламентскую роль, и их лидер Сакаров, который еще среди «тесных» социалистов был известен как перебежчик, выступил с заявлением, где отмежевался от ответственности за сентябрьское восстание, подчеркнув несогласие своей группы с Коминтерном, и обязался ограничить действия своей группы конституционными и парламентскими рамками. После этого Коларов и Димитров, обосновавшиеся в Вене, выступили с заявлением от имени Центрального комитета партии, в котором заявили об исключении из ее рядов Сакарова и всех его последователей. Однако лишь один из депутатов раскаялся и возвратился в лоно партии⁴²⁴. В резолюции, принятой в феврале 1924 г., ИККИ вновь охарактеризовал болгарское восстание в сентябре 1923 г. как «народное восстание» и в этой связи одобрил действия БКП⁴²⁵.

Предпринимались также и другие сомнительные акции. После падения правительства Стамболийского два его бывших министра, Тодоров и Оббов, создали своего рода Крестьянский союз среди болгарских эмигрантов в Югославии и получали на эти цели средства от правительства Югославии и Чехословакии. В связи с новым сближением болгарских коммунистов с крестьянами Тодоров посетил Димитрова в Вене в начале января 1924 г., а оттуда проследовал через Берлин в Москву, где он продолжил переговоры с Димитровым и Коларовым, предположительно под эгидой Коминтерна, а также нанес визит Чичерину, который заявил, что не может вмешиваться в дела Коминтерна⁴²⁶. Основой переговоров, несомненно, послужило стремление обеих партий к свержению правительства Цанкова. Однако никаких очевидных путей к этому не представилось, и ни одна из сторон, видимо, не взяла на себя твердых обязательств. Тодоров хотел получить оружие и прежде всего деньги. Коларов и Димитров стремились к тому, чтобы Тодоров порвал свои связи с правительствами Югославии и Чехословакии и вступил в Крестинтерн. Впоследствии Тодоров утверждал, что сумел добиться от Коминтерна субсидии в размере 20 млн. динаров (сумма, несомненно, преувеличена), но ни одно из обязательств, которые он дал в обмен на это, так и не было выполнено.

Еще более запутанными были отношения между БКП и Внутримакедонской революционной организацией (ВМРО). Македони-

ей называлась территория, где проживало смешанное население на границах Югославии, Болгарии и Турции. Претензии Болгарии на эту территорию были признаны Россией и Турцией в неудачном Сан-Стефанском договоре, заключенном в марте 1878 г., и с тех пор оставались в силе. ВМРО была создана в 1893 г., а слово «внутри» предназначалось для того, чтобы не смешивать эту организацию с «внешним» комитетом за освобождение Македонии от турецкого господства, который действовал в Софии. Ее программа предусматривала объединение славянской Македонии с «великой Болгарией». На средства, выделявшиеся правительством Болгарии, она фактически контролировала обширную территорию, терроризируя часть населения, которая отказывалась добровольно ей подчиняться. Претензии Болгарии на некоторые районы Македонии были вновь признаны в сербо-болгарском договоре 1912 г., однако после второй Балканской войны 1913 г. вся славянская Македония перешла под контроль Сербии, а районы, где в основном проживали греки, отошли к Греции. Такое положение было подтверждено мирным договором 1919 г. ВМРО вновь взяла на себя роль организатора сопротивления, но уже не против турецких, а против югославских угнетателей. Однако в ее рядах произошел раскол. Ее руководители Александров и Протогеров продолжали придерживаться явно проболгарской ориентации, требуя присоединения Македонии к Болгарии. В то же время небольшая группа во главе с Димовым начала с 1919 г. выступать за независимую Македонию в рамках Балканской федерации и осуждать все существовавшие балканские правительства. Членов этой группы обычно называли «федералистами» в отличие от проболгарских «автономистов». Не добившись успеха в своей кампании, Димов в 1920 г. стал членом БКП, которая выступала скорее за «федеративное», чем за «великоболгарское» решение проблемы Македонии ⁴²⁷.

Зимой 1921—1922 гг. положение ВМРО резко ухудшилось. Будучи раздраженным претензиями ВМРО или же стремясь улучшить отношения с Югославией и Западом, Стамболийский прекратил предоставление ей субсидий. Это привело к установлению контактов ВМРО с БКП, которая, видимо, располагала средствами, выделявшимися Коминтерном. В мае 1922 г. Протогеров отправился в Геную во время работы Генуэзской конференции для беседы с Раковским, чьи балканские корни и опыт делали его естественным каналом для связи с Москвой. Результаты, кажется, не были обнадеживающими. Однако в течение следующего года между двумя организациями произошло сближение, основным показателем которого явилась декларация ВМРО в поддержку дела независимости Македонии, в которой она отмежеввалась от политики болгарского правительства ⁴²⁸. Можно считать примечательным тот факт, что Балканская федерация коммунистических партий, которая всегда выполняла роль глашатая БКП, воспользовалась проведением ее конференции в Москве в декабре 1922 г.,

чтобы потребовать независимости для Македонии и Фракии в рамках будущей федерации балканских республик⁴²⁹. Весной 1923 г. эмиссар ВМРО Влахов⁴³⁰ посетил Москву в надежде добиться соглашения, которое принесло бы столь желанные субсидии. По всей видимости, они были обещаны при условии, что ВМРО помирится с Димовым и «федералистами» и твердо будет проводить политику независимости Македонии⁴³¹.

Однако в отсутствие Влахова перед лидерами ВМРО открылись более заманчивые перспективы. Им было сообщено о перевороте, который готовила армия и правые политики против правительства Стамболийского, и предложено поддержать его. Общим фундаментом послужила взаимная ненависть к попыткам Стамболийского задобрить Югославию, а лидеров ВМРО к тому же привлекала надежда на возвращение им прежнего статуса почетных пенсионеров болгарского правительства. Видимо, была достигнута определенная молчаливая договоренность. Как бы то ни было, некоторые секции ВМРО содействовали группе военных, свергнувших Стамболийского⁴³². На расширенном пленуме ИККИ, который состоялся в Москве через две недели, Радек сделал попытку убить одним выстрелом двух зайцев. Упрекнув БКП за ее пассивность в обстановке наступления реакционных сил на правительство Стамболийского, он вместе с тем осудил ее за то, что в прошлом она не уделяла достаточного внимания вопросу о Македонии и «подпольной революционной организации Македонии», которая «издавна сочувствовала русской революции» и «представляла собой социальный фактор, с которым мы могли бы блокироваться для борьбы против Стамболийского». В призыве ИККИ к «болгарским рабочим и крестьянам» содержался специальный раздел, начинавшийся словами «Крестьяне Македонии! Македонские революционеры!» и настоятельно призывавший их объединиться с рабочими против ненавистного правительства Цанкова⁴³³. Сложный характер местной политической жизни на Балканах и в других районах нередко недооценивали в Москве.

Из всех политических комбинаций, к которым прибегала БКП до кризиса 1923 г., именно ссудничеству с ВМРО был нанесен, пожалуй, самый сокрушительный удар в результате этих событий. Испытывая чувство горечи из-за поражения сентябрьского восстания, один из коммунистических публицистов обвинил ВМРО в содействии подавлению восстания и провоцировании арестов коммунистов путем предоставления сведений о них правительству⁴³⁴. Однако вскоре возобладала логика фактов. Слабость и унижительное положение БКП, а также настойчивые требования Коминтерна о проведении политики единого фронта толкали партию на поиск союзников даже тогда, когда перспективы на успех были сомнительными. Сложилась ситуация, прямо противоположная прошлогодней: теперь БКП выступала в роли просителя, а ВМРО могла позволить себе тянуть время. Резолюция VI конференции Балканской федерации, состоявшейся в Берлине

в декабре 1923 г., содержала подробное заявление по Македонии. В ней подчеркивалось, что «обладание Македонией, в силу ее географического положения, обеспечивает господство на всем Балканском полуострове». Македония рассматривалась как единое национальное образование, разделенное между Югославией, Грецией и Болгарией. Без достаточных доказательств Фракия была объединена с Македонией, и ставилась задача создания «добровольного союза независимых балканских республик», включая республики Македония и Фракия⁴³⁵.

Зимой 1923—1924 гг. БКП, по-видимому, предприняла предварительный зондаж⁴³⁶. Лидеры ВМРО по-прежнему выжидали. Однако отвергать любые потенциальные источники помощи не отвечало их принципам, и в апреле 1924 г. в Вене начались серьезные переговоры. Основным представителем ВМРО был Влахов, который к тому времени стал генеральным консулом Болгарии в Вене. По-видимому, БКП представляли Коларов и Димитров. К концу месяца в Вену прибыли Александров, Протогеров и Чаулев для одобрения достигнутого соглашения и подписания документов. Первым из них была декларация от 29 апреля 1924 г., подписанная Протогеровым и Чаулевым. В ней ВМРО обязалась бороться за «освобождение и объединение расчлененной Македонии в полностью независимую политическую единицу» в рамках Балканской федерации, ибо только она «может парализовать аннексионистские устремления балканских государств». В этом деле ВМРО должна была опираться «исключительно на моральную поддержку европейских прогрессивных и революционных движений и на моральную, материальную и политическую помощь СССР» и «установить контакты с коммунистическими партиями балканских государств». Дополнительный протокол, подписанный на следующий день, предусматривал возвращение в состав ВМРО всех «федералистских» групп, отколовшихся от нее, и публикацию в Вене на французском языке ежемесячного журнала «Балканская федерация» в целях ознакомления общественности с новой политикой ВМРО. Эти документы, конечно, не предназначались для публикации: альянс с Москвой должен был оставаться в тайне. Для печати предназначались два документа: «Воззвание к народу Македонии» и декларация, которую намеревались зачитать македонские депутаты в болгарском собрании. В них не было упоминаний ни о Советском Союзе, ни о коммунизме, но в то же время ВМРО обещала добиваться «освобождения и воссоединения отдельных частей Македонии»; в связи с этим конкретно осуждались правительства Греции, Югославии и Болгарии как угнетатели народа Македонии. Оба документа датированы 6 мая 1924 г. Воззвание было опубликовано в первом номере «Балканской федерации» 15 июня 1924 г.⁴³⁷

Самым удивительным аспектом переориентации ВМРО было ее легкомысленное отношение к своему основному источнику доходов. Вряд ли можно было ожидать, что правительство Болгарии

будет продолжать субсидировать организацию, которая открыто выступает против него. Какие-либо документы, подписанные в Вене от имени БКП или Коминтерна, не упоминаются. Однако в основе этого соглашения, по-видимому, лежало обещание значительной финансовой помощи со стороны Москвы. Посещение Александровым Раковского в Лондоне в мае 1924 г. прошло практически незамеченным в прессе и опровергалось ВМРО⁴³⁸; вероятно, оно все же имело место. Димитров мог быть доволен результатами переговоров. В одной из статей, касаясь соглашения в целом, он отмечал, что хотя «македонская организация Тодора Александрова» дала возможность «использовать» себя как в целях свержения Стамболийского, так и для подавления сентябрьского восстания, события открыли глаза «большей части македонской эмиграции и многим членам автономистской организации», которые теперь «отказываются быть орудием болгарской буржуазии»⁴³⁹. Во время посещения Москвы Радичем в июне-июле 1924 г. его, по всей видимости, уговорили присоединиться от имени Хорватской республиканской крестьянской партии к македонскому воззванию от 6 мая 1924 г.⁴⁴⁰

Теперь можно было утверждать, что осенью 1923 г. БКП вышла из кризисной полосы. Предварительная договоренность была достигнута с Тодоровым как представителем эмигрантов из Крестьянского союза, и прочное соглашение было заключено с гораздо более могущественной и влиятельной ВМРО. В середине мая 1924 г. подпольной партии удалось провести двухдневную конференцию на горе Витоша, недалеко от Софии. Оппозиция, которая осуждала или критиковала политику сентябрьского восстания, была сокращена, и вся работа свелась к голосованию о доверии отсутствовавшим Коларову и Димитрову, которые были переизбраны в Центральный комитет партии и утверждены директорами его заграничного бюро. Марек, который был основным организатором конференции, стал секретарем нелегальной партии⁴⁴¹. Поэтому, когда Коларов и Димитров прибыли в Москву в июне 1924 г. на V конгресс Коминтерна, престиж БКП был полностью восстановлен. Будучи одним из руководящих деятелей Коминтерна, Коларов открыл конгресс и председательствовал на многих заседаниях как заместитель Зиновьева. С БКП не было связано никаких проблем, которые требовали бы обсуждения. Ее политика, нашедшая свое выражение в резолюциях Балканской федерации, получила безоговорочную поддержку и служила ориентиром для критики ошибок делегаций других балканских компартий.

В своем докладе по национальному вопросу Мануильский осудил оппозицию в югославской партии и всю греческую партию за их непокорность. С точки зрения югославской партии македонский вопрос по своему значению уступал хорватскому вопросу, и замена старого требования о присоединении славянской Македонии к Болгарии новым требованием о независимости Македонии не имела практически никакого значения. С точки зрения Греции

создание независимой Македонии означало присоединение к новому государству той части Македонии, которая принадлежала Греции с 1912 г., а независимость Фракии означала потерю ею территорий, полученных в 1913 и 1919 гг. Коммунистическая партия Греции отказывалась признавать и публиковать резолюцию Балканской федерации о независимости Македонии и Фракии и в этой связи заявила протест Коминтерну. О такой позиции Мануильский отозвался как об отголоске австромарксизма. Греческий делегат Максимос оправдывался, что в принципе Коммунистическая партия Греции согласна с лозунгом автономии для Македонии и просит лишь о том, чтобы ввиду непопулярности этого лозунга в Греции, когда 750 тыс. греческих беженцев из Турции только что поселились в греческой Македонии, некоторое время подождать с выдвижением этого лозунга и учесть особые условия, сложившиеся в Греции⁴⁴². Однако греческая партия не имела большого веса, и протест Максимоса даже не обсуждался. Резолюция конгресса о «национальном вопросе в Средней Европе и на Балканах» была бескомпромиссна по поводу Македонии и Фракии. Со ссылкой на «раздел Македонии» между Югославией, Грецией и Болгарией и раздел Фракии между Турцией, Грецией и Болгарией в ней одобрялись требования VI конференции Балканской федерации, состоявшейся в декабре 1923 г., о создании «единой независимой Македонии» и «единой независимой Фракии» и в качестве задачи Балканской федерации ставилось «согласование и руководство» политикой коммунистических партий балканских стран в этих вопросах⁴⁴³. Избрание Коларова членом, а Димитрова — кандидатом в члены ИККИ явилось свидетельством влияния БКП и доверия, которым она в то время пользовалась в Москве⁴⁴⁴.

Сразу после конгресса в Москве была созвана VII конференция Балканской федерации для подтверждения этой политики. Она осудила «оппортунистов» югославской оппозиции и выступавших против них раскольников из Коммунистической партии Греции. Основное отличие от более осторожных решений V конгресса заключалось в том, что конференция решительно заявила, что «ситуация на Балканах не только носит революционный характер, но революционный кризис вступил в наиболее острую стадию» и что «Болгария стоит непосредственно на грани новой гражданской войны»⁴⁴⁵. В БКП по-прежнему преобладали воинственные настроения, которые были вызваны сближением с ВМРО и которые проявились уже на партконференции в Витоше. Однако в ней, как и в других партиях, оптимизм, который был характерен для V конгресса, быстро пошел на убыль. Успех болгарских представителей летом 1924 г. в Москве не нашел своего отражения в делах партии в других сферах деятельности. Предварительные переговоры с эмигрировавшими лидерами Крестьянского союза и соглашение, подписанное с ВМРО, не принесли ожидаемых результатов. Они утонули в атмосфере сложных интриг и политиче-

ской игры, характерной для ситуации на Балканах в этот период.

Когда Тодоров пытался получить (возможно, небезуспешно) субсидии из Москвы в первые месяцы 1924 г., переговорам мешало намеренное непонимание, либо стремление каждой стороны перехитрить другую. Хотя Тодоров и пытался найти новые источники помощи, он не намеревался отказываться от существующих и, возможно, более надежных источников — правительств Югославии и Чехословакии. Однако в тот момент его левая рука могла отказаться от ответственности за то, что делала правая. Коммунисты хотели в качестве одного из условий оказания помощи оторвать Крестьянский союз от его буржуазной финансовой базы; возможно, они полагали, что этого можно добиться автоматически, если в достаточной мере скомпрометировать Тодорова альянсом с коммунистами. Столкновение интересов, по-видимому, достигло своего пика, когда Тодоров и Димитров вновь встретились в Вене в августе 1924 г. и договорились возобновить переговоры в Праге позднее в том же месяце. В это время в Крестьянском союзе произошел раскол среди его лидеров: Тодоров и Оббов хотели на худой конец пожертвовать поддержкой Москвы в пользу помощи со стороны буржуазных правительств, а Атанасов и Стоянов, которые, как сообщалось, совершили побег из болгарской тюрьмы при содействии подпольной коммунистической организации, выступали за противоположный подход. В результате переговоров в Праге, на которых Крестьянский союз представляли Оббов, Атанасов и Стоянов, было достигнуто соглашение, которое предусматривало распределение между Крестьянским союзом и БКП функций в правительстве Болгарии, которое будет сформировано после свержения режима Цанкова. Однако впоследствии оно было отвергнуто Тодоровым. Кто-то информировал правительства Югославии и Чехословакии о флирте Тодорова с Москвой, и последний под нажимом с обеих сторон сделал все, что было в его силах, чтобы отмежеваться от союза с коммунистами. В итоге, когда из-за непрекращавшихся нелицеприятных обвинений с обеих сторон стало ясно, что проект альянса между БКП и Крестьянским союзом оказался похороненным, и после того как Тодоров и Оббов, с одной стороны, и Атанасов и Стоянов, с другой, обрушились с нападками друг на друга в югославской и болгарской прессе, Димитров в апреле 1925 г. опубликовал в одной из болгарских газет свою версию случившегося, по которой основным виновником был Тодоров⁴⁴⁶.

Отношения между БКП и ВМРО имели более важное значение, поскольку ВМРО обладала действительной властью в Болгарии, которой был лишен Крестьянский союз. Вместе с тем перед лидерами ВМРО встала та же дилемма, что и перед лидерами Крестьянского союза: альянс с Москвой был в конце концов несовместим с зависимостью от субсидий со стороны ее нынешнего хозяина — правительства Болгарии. Трудно сказать, предпо-

лагал ли Александров в момент заключения соглашения в Вене, что появится необходимость отказаться от него, и поэтому он предоставил своим двум коллегам возможность его подписать, или же он слишком поздно пожалел о том, что было сделано⁴⁴⁷. Известно лишь, что после своего возвращения в Болгарию 5 июня 1924 г. он направил письмо Влахову в Вену, настоятельно призывая его остановить публикацию воззвания и начать издание журнала «Балканская федерация». Несмотря на этот призыв, Влахов при поддержке Чаулева, который оставался в Вене, опубликовал 15 июля 1924 г. первый номер «Балканской федерации» с воззванием. Две недели спустя Александров и Протогеров, которые оставались в Болгарии, объявили воззвание фальшивкой, проявляя колебания лишь в том, какую версию принять — о подделке подписи или что Чаулев и Влахов заключили соглашения без их согласия. Во втором номере «Балканской федерации», вышедшем 15 августа 1924 г., Влахов осудил Александрова и Протогерева и представил убедительные доказательства подлинности документа. 31 августа 1924 г. Александров был убит. Виновные в убийстве так и не были установлены. Однако можно предполагать соучастие правительства Болгарии. Никаких попыток установить убийц предпринято не было, и болгарское правительство распространило версию о плане БКП и секции ВМРО начать восстание 15 сентября 1924 г., которая была сразу же опровергнута БКП, но ее можно было рассматривать как попытку оправдать убийство Александрова. На первом этапе лидеры БКП пытались преуменьшить масштабы раскола и выступили с заявлением, что партия поддерживает ВМРО и политику независимости Македонии, но остается организованно независимой и не вмешивается во внутренние разногласия в рамках ВМРО⁴⁴⁸. Однако скандал разрастался. 13 сентября 1924 г. в Софии был убит Димов, а три месяца спустя в Милане — Чаулев. Эти события привели к целой цепи убийств в рядах ВМРО, жертвами которых сначала были лица, подозреваемые в симпатиях к коммунистам, но затем эти акции переросли в личную месть, в которой ведущую роль играл преемник Александрова Михайлов. Последние надежды Москвы на сотрудничество с ВМРО были рассеяны заявлением ВМРО в марте 1925 г., в котором она подтвердила свою лояльность болгарскому правительству⁴⁴⁹. Очередной амбициозный эксперимент Коминтерна закончился неудачей, и зимой 1924—1925 гг. фортуна вновь отвернулась от БКП.

з) Коммунистическая партия Югославии (КПЮ)

То обстоятельство, что Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) была объявлена вне закона и официально подвергалась преследованиям, положило конец ее легальной деятельности на югославской территории осенью 1921 г.⁴⁵⁰ В июле 1922 г. она про-

вела в Вене мероприятие, которое впоследствии называлось либо расширенной сессией Центрального комитета, либо первой партийной конференцией (два полномасштабных съезда партии были легально проведены в 1919 и 1920 гг.). Конференция проходила бурно, и три лидера «левой» оппозиции покинули заседание после того, как их критика в адрес Марковича, секретаря партии и ее фактического руководителя, была отвергнута. Несмотря на то что Маркович сохранил свой пост лишь самым минимальным числом голосов, вновь избранный Центральный комитет состоял исключительно из его сторонников ⁴⁵¹. После получения отчета о конференции Коминтерн настоял, в соответствии со своей обычной тогдашней тактикой, на включении одного из лидеров меньшинства, Кацлеровича, в Центральный комитет и на исключении из партии, за нарушение дисциплины, Милкича, одного из главных сторонников Марковича ⁴⁵². На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. проявилось то же самое стремление сохранить равновесие в югославской партии. Кон, польский делегат, выступавший докладчиком по данному вопросу, настаивал на необходимости изменить традиции II Интернационала (что прозвучало как критика в адрес большинства), но резко осудил требования меньшинства о том, чтобы объявить решения Венской конференции недействительными, поскольку та не смогла, да это и было неизбежно в условиях подполья, в которых теперь работала партия, соблюдать некоторые положения Устава партии ⁴⁵³. В резолюции конгресса осуждалась пассивность, проявленная партией в отношении официальных репрессий, но одобрялись решения Венской конференции. Как и во всех других случаях, было налицо стремление предотвратить расколы и отпадения, и поэтому было заявлено о том, что принципиальные вопросы совершенно не были затронуты, а разногласия на конференции были вызваны «исключительно причинами личного свойства», и что необходимо «привлечь к ответственной работе активных товарищей из рядов меньшинства» ⁴⁵⁴. Когда резолюция была представлена на пленарное заседание, один из делегатов меньшинства в составе югославской делегации, утверждавший, что он представляет «левую» и «антиоппортунистическую» точку зрения, заявил, что так называемое меньшинство в действительности пользуется поддержкой большинства партии, и предложил, чтобы руководство было поровну разделено между двумя фракциями. На это один из делегатов большинства ответил, что новый Центральный комитет уже избран на Венской конференции и утвержден ИККИ. После такой перепалки, которая не предвещала ничего хорошего для будущей гармонии в партии, резолюция была принята единогласно ⁴⁵⁵.

Это решение, которое, несомненно, являлось важнейшим в отношении югославских дел, не было оформлено каким-либо органом конгресса и не было — по очевидным причинам — опубликовано. Было предложено создать легальную югославскую рабочую партию, которая, не будучи явно коммунистической, сможет избе-

жать юридического запрещения, но тем не менее в ней будут доминировать члены нелегальной партии и она будет служить целям коммунизма. Это было подтверждено официальной резолюцией Центрального комитета КПЮ, который также подготовил проект устава и программы для новой партии⁴⁵⁶. Создание легальной партии явилось ответом на упрек в пассивности и неумении охватить массы, обращенный к нелегальной партии, а также на возрастающее давление со стороны Коминтерна, требовавшего проводить тактику единого фронта. Это нашло свое выражение в программе, где усиленно подчеркивались практические требования рабочих и преуменьшались потенциальные революционные последствия. 13—14 января 1923 г. провела свой учредительный съезд в Белграде и приняла программу и устав Независимая рабочая партия Югославии (НРПЮ)⁴⁵⁷. Она также начала выпускать в Белграде еженедельник «Радник» («Рабочий»), на титульном листе которого были напечатаны лозунги «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Освобождение рабочих — дело самих рабочих». Кроме того, стало выходить несколько местных журналов. Неизвестно, обманул ли такой камуфляж власти, но тем не менее они терпели новую партию и дали ей возможность пользоваться юридическим статусом на протяжении восемнадцати месяцев. Одновременно была предпринята попытка оживить юридически признанное независимое профсоюзное движение. Югославские профсоюзы пострадали от тех же репрессивных мер, что и партия. Считается, что членами Центрального совета югославских профсоюзов состояло 200 тыс. рабочих; он симпатизировал Москве и направил делегатов на профсоюзную конференцию в Софии, организованную Межсовпрофом в ноябре того же года⁴⁵⁸. Этот совет был распущен и объявлен вне закона тогда же, как и КПЮ, в 1920 или 1921 г. Независимые профсоюзы постепенно возродились и в начале 1923 г. создали совет и провели конференцию, которая приняла устав и программу, составленные по образцу Профинтерна. Новая организация приняла прежнее название и стала именоваться Югославским центральным советом профсоюзов. Однако, по ее собственным данным, она состояла всего из 24 тыс. членов. Кроме того, несколько профсоюзов примыкало к МФП, несколько не входило ни в Профинтерн, ни в МФП, тогда как некоторые хорватские профсоюзы были связаны с партией Радича⁴⁵⁹. Но если не считать небольшую группу промышленных рабочих в Белграде, то профсоюзное движение оставалось незначительным.

Впервые новая партия появилась на югославских выборах 18 марта 1923 г. Если на выборах в ноябре 1920 г. легальная КПЮ обеспечила себе почти 200 тыс. голосов и 58 мест, то теперь НРПЮ получила только 24 тыс. голосов и не имела ни одного депутата. Поражение пытались объяснить не только длительным периодом нелегального положения и преследований, но и изолированностью партии от масс и ее неумением приобрести популярность среди крестьянства и угнетенных национальностей⁴⁶⁰, и это

были как раз те вопросы, которые вышли на первый план в партийных дискуссиях в последующие несколько лет. Кроме того, создание легальной партии не положило конец разногласиям в КПЮ. II партийная конференция, состоявшаяся в Вене в мае 1923 г., собрала 37 делегатов, на ней присутствовали Милютин и Шмераль в качестве представителей Коминтерна. На конференции были приняты резолюции по всем основным вопросам, стоявшим перед партией, старым и новым: политическое положение, проблема фашизма, аграрный вопрос, профсоюзный вопрос, а также отношения между легальными и нелегальными партиями. Все эти вопросы стали полем боя между доминировавшей до этого группой Марковича (сам Маркович находился в тюрьме) и мощной «левой» оппозицией. Хотя Милютин, как утверждалось, поддерживал Марковича, левые одержали победу с большим преимуществом, и был избран новый Центральный комитет преимущественно левого состава, причем Кацлерович стал генеральным секретарем вместо Марковича. Однако знамением времени явилось то, что многие — пожалуй, даже большинство — члены Центрального комитета не были сербами, а один хорват по фамилии Цвийич был назначен делегатом партии для участия в расширенном пленуме ИККИ в Москве в июне 1923 г.⁴⁶¹ Цвийич присутствовал на заседании под фамилией Владетич, и когда Зиновьев упрекнул КПЮ за ошибочные взгляды по национальному вопросу, он вызывающе ответил, что беда не в ошибочных взглядах, а в полицейских преследованиях, которым подвергается партия⁴⁶².

Национальный вопрос, который вскоре стал главным камнем преткновения и яблоком раздора в делах КПЮ, не играл никакой роли в ее ранней истории⁴⁶³. КПЮ образовалась из двух совершенно различных элементов. Сербская социал-демократическая партия до 1914 г. была партией II Интернационала. В отличие от всех других социал-демократических партий Центральной и Западной Европы она голосовала против военных кредитов в сербском парламенте в 1914 г., благодаря чему завоевала в значительной степени незаслуженную репутацию крайне левой партии; она, по-видимому, не предпринимала никаких других действий против войны. Ее ядро составляла относительно небольшая группа квалифицированных и организованных рабочих Белграда. Входившие в нее представители интеллигенции были марксистами, придерживавшимися люксембургской традиции, то есть отвергали национализм как устаревший предрассудок. Бывшие сербские социал-демократы образовали основу КПЮ при ее создании и вплоть до 1923 г. продолжали в ней доминировать. Хорватские и словенские социал-демократы до 1924 г. были малочисленны и разделяли умеренные «правые» традиции австрийской социал-демократии. Они не стали вступать в КПЮ, а также не сумели оказать на нее какое-либо влияние. Члены же этой партии из числа хорватов и словенцев были в основном либо крестьянами, либо националистически настроенными интеллигентами, возмущенными тем, что но-

вому государству и его институтам навязывается верховенство сербов. Хорватские и словенские элементы в партии были первоначально слабыми и оказывали незначительное влияние на ее политику. Ее руководителями были преимущественно сербы, возглавляемые Марковичем, которые считали призывы к национализму буржуазными и немарксистскими; это давало им возможность отвергать как не имеющие отношения к доктрине партии нападки хорватов и словенцев на единство сербско-хорватско-словенского государства, утверждая в то же время преимущественное положение сербов в партии. Кроме того, такое преимущественное положение можно было оправдать самой доктриной, указывая на пролетарский и профсоюзный характер белградской партийной организации, который делал ее более определенно пролетарской, чем другие секции партии. Зиновьев, выступая на расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г., хотя и защищал лично Марковича от обвинения в ошибке, все же подчеркнул, что другие вожди партии заявляли, что пролетарии не имеют отечества и что им нет дела до национального вопроса ⁴⁶⁴. Эти взгляды вполне можно было охарактеризовать, используя лексикон Коминтерна, либо как правые, либо как ультралевые. Однако, когда осенью 1923 г. фиаско в Германии и дискуссия по поводу взглядов Троцкого в русской партии вызвали кризис в Коминтерне и нападки на правое руководство в германской, польской и чехословацкой партиях вошли в моду, Маркович и его коллеги тоже были объявлены правыми, причем Москва скрыто стала поддерживать оппозицию, которая хотя и имела сербских руководителей, но в значительной степени опиралась на поддержку хорватов и словенцев.

Раскол между левыми и правыми в КПЮ, как только он вышел наружу, быстро распространился на все текущие вопросы, обсуждавшиеся в Коминтерне: единый фронт, отношение к крестьянству, профсоюзное единство, партийная организация, а также связь между легальной и нелегальной партией. Дискуссия достигла кульминации на II партийной конференции, проводившейся нелегально в Белграде в декабре 1923 г. с участием 65 делегатов, на которой левым принадлежало значительное большинство ⁴⁶⁵. Самой важной и спорной из резолюций, принятых конференцией, была резолюция, относящаяся к национальному вопросу. В ней резко осуждалась «диктатура империалистической политики Антанты и сербского правящего класса», перед которой капитулировала хорватская и словенская буржуазия. Резолюция признавала «право на самоопределение вплоть до отделения», хотя, признавая принцип, она умалчивала о его применении. Признание права не было несовместимо с «агитацией против отделения»; объединение сербского, хорватского и словенского народов в едином государстве являлось результатом географических и экономических факторов и служило «делу исторического прогресса и интересам классово-борьбы пролетариата». С другой стороны, «борьба за независимость Македонии» безоговорочно одобрялась. Отдельная резолюция была

посвящена Македонии и Фракии. Притязания этих территорий на автономию подтверждались (в партийной терминологии не проводилось четкого различия между «автономией» и «независимостью»), а «добровольный союз независимых балканских республик» провозглашался как цель. Были также приняты резолюции по внутреннему и международному положению, по аграрному вопросу, о фашизме, а также о профсоюзах (которые были охарактеризованы как «живые органы единого фронта»). Прибегнув к какой-то странной процедуре, НРПЮ опубликовала эти резолюции в «Раднике» как проект и представила их на партийный референдум⁴⁶⁶.

Результатом создания легальной НРПЮ явилось то, что на протяжении 1924 г. она стала эффективно действующей Коммунистической партией Югославии, но, кроме того, она унаследовала и разногласия, существовавшие ранее в КПЮ. Во время референдума, который был проведен в феврале 1924 г., члены КПЮ одобрили подавляющим большинством представленные им резолюции, а также избрали Центральный комитет, из которого, по-видимому, полностью были исключены правые⁴⁶⁷. Это вызвало создание внутри белградской партийной организации оппозиционной группы, которая заявила, что референдум является мошенническим, и угрожала расколоть партию⁴⁶⁸. На V конгрессе Коминтерна в июне-июле 1924 г. национальный вопрос стал жгучей проблемой в югославской партии. Мануильский упрекал правых сербских руководителей, Марковича и Милойковича, не присутствовавших на конгрессе, за безразличие к этому вопросу, напоминая позицию II Интернационала и австромарксизма. Маркович, заявил он, считает вопрос о том, представляют ли сербы, словенцы и хорваты одну нацию или три, чисто академическим и утверждает, что ничто помимо пролетарской революции в Европе не в состоянии решить македонскую проблему; Милойкович шел еще дальше, отрицая, что сербы, хорваты и словенцы представляют собой различные нации, и утверждал, что необходим всего лишь пересмотр конституции⁴⁶⁹. Официальный представитель партии ограничился кратким изложением партийной резолюции от декабря 1923 г. и добавил, что представитель «крохотной секции КПЮ», выступившей против резолюции, зачитает на заседании комиссии заявление, разъясняющее точку зрения оппозиции⁴⁷⁰. Подобное заявление, если оно и было сделано, не зафиксировано в документах и, очевидно, не возымело никакого действия. Мануильский, докладывая конгрессу о работе комиссии, полностью проигнорировал югославский вопрос⁴⁷¹; а резолюция, подготовленная президиумом ИККИ, была совершенно бескомпромиссной. «Сербь, хорваты и словенцы,— говорилось в ней,— являются тремя различными нациями»; любые противоположные утверждения представляют собой «маску сербского империализма»; национальный вопрос в Югославии не является конституционным вопросом, но несмотря на это КПЮ должна принимать активное участие в кампании за пересмотр конституции; лозунгом КПЮ должно стать «право на самоопреде-

ление в форме требования отделения Хорватии, Словении и Македонии» и их преобразования в «независимые республики»⁴⁷². Конференция Балканской федерации, проведенная в Москве сразу после конгресса, указала на тесную связь между национально-революционными движениями и крестьянским вопросом, а также осудила «оппортунистическую» точку зрения Марковича, Милойковича и их сторонников в югославской партии⁴⁷³.

Поездка Радича в Москву и присоединение Хорватской республиканской крестьянской партии к Крестьянскому Интернационалу⁴⁷⁴ произошли еще во время работы V конгресса. Это не означало принятия коммунизма и не имело, строго говоря, никакого отношения к Коминтерну; никто не упомянул об этом на конгрессе. Но это вызвало обострение антагонизмов в рядах КПЮ. С одной стороны, такое событие побуждало Коминтерн и партийных руководителей, следовавших линии Коминтерна, более внимательно отнестись к национальным чаяниям несербских составных частей югославского государства и в большей степени осознать, какие услуги они могут оказать делу революции. Возможно, именно этим объясняются те красноречивые выражения, в которых было сформулировано требование об отделении Хорватии и Словении. С другой стороны, успех, которым пользовался в Москве Радич, и достигнутое им соглашение относительно программы, рассчитанной на то, чтобы покончить с верховенством сербов и вызвать в конечном счете распад югославского государства, возбудил острое чувство зависти и обиды в сербской секции партии; защитникам линии Коминтерна приходилось вести тяжелые бои против все усиливавшихся нападков оппозиции. Однако заигрывания Радича с Москвой вызвали также усиление правительственных репрессий. Еще и до этого терпимость к НРПЮ стала уменьшаться. Согласно докладу ИККИ V конгрессу Коминтерна, эта партия «не является легальной во всех частях Югославии, и ее деятельность часто нарушается волнами полицейских преследований»⁴⁷⁵. 12 июля 1924 г. НРПЮ и ее журнал «Радник» были официально запрещены, и с фикцией относительно различия между легальными и нелегальными партиями было покончено⁴⁷⁶. Была предпринята попытка обойти запрещение «Радника» посредством выпуска журнала под названием «Оковани радник» («Рабочий в цепях»), и на протяжении двух месяцев «Радник» и «Оковани радник» выходили поочередно и сосуществовали. Однако еще до конца года оба были окончательно закрыты⁴⁷⁷. Между тем в конце июля 1924 г. сербское правительство правого толка, возглавлявшееся Пашичем, пало, и на смену ему пришла более либеральная коалиция во главе с Давидовичем. В кругах Коминтерна это приветствовалось как югославское выражение «демократическо-пацифистской» эры. Но смена правительства произошла слишком поздно и уже не могла пойти на пользу югославским коммунистам.

Борьба в партийных рядах приобретала все более ожесточенный характер. Большинство в Центральном комитете НРПЮ опуб-

ликовало свои тезисы относительно полемики в последнем номере нелегального «Радника» 28 сентября 1924 г.⁴⁷⁸ В контррезисах оппозиции, опубликованных 3 октября 1924 г., говорилось, что решение принципиальных вопросов следует предоставить съезду партии, но в то же время опровергалось обвинение в «правом уклоне». С национальным вопросом поступили решительно: «...оппозиция защищает и представляет собою ту точку зрения, что национальному вопросу нельзя придавать такое значение, чтобы социально-экономические и классовые интересы отодвинулись на второй план. Оппозиция утверждает, что задача марксистского пролетариата чисто отрицательна и что пролетариат в своей национальной политике не должен занимать позицию так называемого практицизма, ибо тогда угрожает опасность, что его классовая борьба сведется к буржуазно-националистической политике»⁴⁷⁹.

Большинство ответило в «окончательном заявлении», а Союз югославской рабочей молодежи (СРОЮ), который был создан одновременно с НРПЮ и был запрещен вместе с ней в июле 1924 г., также выступил с пространной резолюцией, поддерживавшей Центральный комитет и осуждавшей оппозицию⁴⁸⁰. Основной опорой оппозиции были промышленные рабочие Белграда. Профсоюзный журнал «Организовани радник» служил рупором оппозиции и выступал против решений V конгресса Коминтерна и VII конференции Балканской федерации, которая одобрила резолюцию этого конгресса по национальному вопросу и порицала югославскую оппозицию⁴⁸¹. Однако в этот момент временно взяли верх призывы к умеренности и компромиссу. В начале ноября 1924 г. была подготовлена «платформа для соглашения» между большинством и оппозицией в НРПЮ, которая была принята обеими сторонами. В ней в значительной степени была отражена официальная позиция. Что же касается жгучего национального вопроса, то было окончательно заявлено, что сербы, хорваты и словенцы являются «тремя различными нациями» и что «теория единой нации под тремя названиями является маской великосербского империализма». Говорилось, что партия совершила ошибку, не сумев «сделать конкретной идею борьбы за право на независимую хорватскую или словенскую республику», а оппозиция осуждалась за то, что она «недостаточно оценила значение национального вопроса». По поводу фиаско Радича была сказано всего одна осторожная и загадочная фраза: «Лозунг рабоче-крестьянского правительства никогда не был сделан достаточно конкретным, особенно в то время, когда Радич со своей стороны делал упор на лозунг рабоче-крестьянского правительства, что затрудняло практическую работу среди хорватских трудящихся классов». Оппозиция также походила критиковалась за ее позицию по вопросам о партийной организации и о профсоюзах⁴⁸².

Так и остается непонятным, почему эта попытка достичь компромисса оказалась тщетной. Косвенные данные наводят на мысль, что было оказано давление со стороны Москвы или же, более кон-

кретно, со стороны болгарских лидеров Балканской федерации, которая не упоминалась в проекте платформы. В середине ноября 1924 г. вмешался Центральный комитет КПЮ с целью отвергнуть платформу⁴⁸³. НРПЮ, никогда не являвшаяся независимой организацией и утратившая самый смысл своего существования после того, как она потеряла легальный статус, могла лишь последовать этому примеру. На партийной конференции 25 ноября 1924 г. ее руководители предложили резолюцию, в которой хотя и повторялась в значительной степени платформа, но в большей степени акцентировались пункты, вызывавшие расхождения с оппозицией, а также было добавлено несколько абзацев, чтобы придать этой резолюции более ярко выраженный левый характер. В одном из этих абзацев заявлялось, что положение, сложившееся на Балканах, является революционным, и говорилось о необходимости «создания единого балканского боевого фронта» и о перспективе «возможной контрреволюционной интервенции и возможной войны на Балканах»; это вызовет «борьбу за правительство рабочих и крестьян и за федерацию рабоче-крестьянских балканских республик». В другом абзаце провозглашалось, что партия считает своим долгом требовать «создания независимых государств» в Хорватии, Словении, Македонии и Черногории. Оппозиция также была подвергнута резкой критике за использование журнала «Организовани радник» в своей кампании «против политической линии партии». Заявлялось, что данная резолюция прекращает партийную дискуссию, а сама резолюция явно была представлена оппозиции как ультиматум⁴⁸⁴. Из 88 партийных организаций, которым было предложено высказаться по поводу резолюции, 79 поддержали Центральный комитет и только одна (белградская) — оппозицию; восемь не высказали своего мнения. Из тех, кто поддержал Центральный комитет, 16 предложили отложить окончательное решение конфликта до следующего съезда партии; 57 организаций предложили исключить оппозиционеров из партии, 30 — безоговорочно, 37 — только в случае их нового отказа «подчиниться решениям партии»⁴⁸⁵. После этого Милойкович и несколько членов оппозиции «покинули партию»; произошло ли это добровольно или их официально исключили — неясно⁴⁸⁶. Маркович, только что освобожденный из тюрьмы⁴⁸⁷, по-видимому, не участвовал в конференции.

Эти события произошли на фоне дальнейших политических перемен в Югославии. 6 ноября 1924 г. компромиссное правительство Давидовича было свергнуто, и к власти вернулся обладавший крутым нравом Пашич, заклятый враг как Радича, так и коммунистов. Поскольку уступки, сделанные или обещанные Давидовичем хорватским и словенским националистам, фигурировали в качестве главных обвинений против него, яростная атака на Радича и его партию была очевидным следствием этого. Важным элементом кампании была публикация «письма Зиновьева» в виде якобы имевшего место соглашения, подписанного Зиновьевым и Смир-

новым (секретарем Международного крестьянского совета) от имени Коминтерна и Радичем от имени Хорватской республиканской крестьянской партии. В одном из пунктов соглашения говорилось, что пропаганда партии должна носить «действительно коммунистический характер и соответствовать программе и постановлениям III Интернационала»⁴⁸⁸. Этот документ был наглой фальшивкой, и за протестами Коминтерна последовали протесты Балканской федерации и Международного крестьянского совета⁴⁸⁹.

В разгар шумихи, вызванной этой публикацией, в первые дни января 1925 г., Радич был арестован и брошен в тюрьму. Правительством воспользовалось этой благоприятной возможностью для проведения выборов, которые были назначены на 8 февраля 1925 г. Они проходили в атмосфере запугивания: по рассказу одного коммуниста, страна в день выборов «была похожа на большой военный лагерь». Из почти трех миллионов голосов «национальный блок», поддерживавший правительство Пашича, получил чуть больше миллиона. Хорватская республиканская крестьянская партия Радича обеспечила себе 530 тыс. голосов (увеличение на 60 тыс. по сравнению с цифрой 1923 г.). Остальные голоса разделились между небольшими национальными партиями и раскольническими группировками, причем «независимая рабочая партия» (попытка возродить запрещенную НРПЮ) получила 18 тыс.⁴⁹⁰ Самым внушительным достижением было, пожалуй, увеличение числа голосов, несмотря на жестокие репрессии и заключение в тюрьму ее лидера, поданных за Хорватскую республиканскую крестьянскую партию. Но это было слабым утешением для коммунистов, которым пришлось призадуматься над тем, что благодаря их ошибкам буржуазия заручилась поддержкой большого числа крестьян⁴⁹¹. В данном случае, как и в других коммунистических партиях, поворот влево привел к сектантству и изоляции. Зимой 1924/25 г. КПЮ, терзаемая внутренними раздорами и не выдержавшая конкуренции со своими противниками, была полностью вытеснена с политической арены.

и) Коммунистическая партия Швеции

Из числа менее крупных национальных коммунистических партий ни одна не доставила большего беспокойства в период V конгресса Коминтерна, чем шведская. Она образовалась в 1921 г. в результате раскола в Лево́й социал-демократической партии Швеции по поводу 21 условия. Ее руководитель Хеглунд пользовался особенным престижем как один из героев Циммервальда и как участник конгресса, на котором был создан Коминтерн в 1919 г. Но революция не была животрепещущим вопросом в Швеции, а традиционные взгляды пользовались большой популярностью. На расширенном пленуме ИККИ в Москве в июне 1923 г. из-за Хеглунда возникла необычная дискуссия по вопросу о религии.

И Зиновьев и Бухарин подвергли резкой критике его статью, в которой он утверждал, что «теперь менее важно критиковать небо, чем землю», и что религиозные убеждения члена партии безразличны партии⁴⁹². Хеглунд ответил, что он не против антирелигиозной работы как таковой, но хотел бы избежать «грубой антирелигиозной пропаганды, которая приносит вред партии», и проявлять осторожность в отношении нападок «на верующих в партии». Он утверждал, что это соответствует практике, если не теории, русской партии⁴⁹³. В специальной резолюции расширенного пленума ИККИ позиция коммунистических партий в отношении религии определялась в довольно умеренных выражениях. Признавалось, что «в массовой коммунистической партии иногда найдутся рядовые члены, еще не вполне освободившиеся от религиозных настроений и предрассудков». Но тем не менее партийные руководители обязаны «бороться против религиозных предрассудков и в должной мере проповедовать атеизм». Вне партии следует стремиться к сотрудничеству со всеми трудящимися на широком фронте, независимо от религиозных убеждений⁴⁹⁴.

Но не успели еще забыть об этом скандале, как Хеглунд устроил новый. В ноябре 1923 г., после раскола в Коммунистической партии Норвегии, он поместил в партийной газете «Политикен» статью, в которой протестовал против тактики ИККИ, исключившего Транмеля⁴⁹⁵. После столь вызывающего поступка его пригласили в Москву, где довольно неожиданно удалось прийти к компромиссу⁴⁹⁶. Однако Хеглунд продолжал нарушать дисциплину Коминтерна, отказываясь стать на чью-либо сторону в спорах между русской и германской партиями и провозглашая нейтралитет шведской партии по отношению к расколу в норвежской партии⁴⁹⁷. К этому времени — быть может, не без поощрения Москвы, — в самой шведской партии стала проявляться оппозиция к Хеглунду, хотя его все еще поддерживало подавляющее большинство, и Зиновьев признавал, что оппозиция, выступавшая против него, не имела поддержки за пределами Стокгольма⁴⁹⁸.

Позиция Хеглунда выглядела как классический пример «правого уклона» в стиле Брандлера, и руководители Коминтерна решили использовать V конгресс, чтобы лишить его контроля над шведской партией. Он выступил в общей дискуссии, употребляя умеренные выражения, и сказал, что тактика единого фронта зависит от обстоятельств и что в шведской партии нет принципиальных разногласий, но что некоторые «грубые нарушения дисциплины» членами меньшинства будут рассмотрены на ближайшем съезде партии. Это вызвало яростные личные нападки на Хеглунда с уже известной мотивировкой со стороны Куусинена, выступавшего в качестве финского делегата, а также со стороны делегата норвежской партии⁴⁹⁹. Теперь произошел раскол уже в самой шведской делегации. Большинство делегатов подало заявление с протестом против нападок финского и норвежского делегатов; однако меньшинство из трех человек выступило против протеста⁵⁰⁰. Тем вре-

менем дела шведской партии были переданы в скандинавскую комиссию, в которой Бухарин и Куусинен были доминирующими фигурами⁵⁰¹. Был подготовлен проект резолюции, где «правое крыло» партии осуждалось за отказ следовать директивам Коминтерна, а также были перечислены прошлые ошибки Хеглунда. Шведской партии было запрещено проводить свой съезд до тех пор, пока все ее члены не будут иметь время заявить посредством референдума о своем отношении к резолюциям V конгресса Коминтерна. В заключение говорилось, что ИККИ направит своего представителя в Коммунистическую партию Швеции, чтобы помочь ей выполнить эти резолюции и подготовиться к съезду партии⁵⁰².

Резолюция по шведскому вопросу, хотя она находится среди резолюций V конгресса, фактически была представлена не конгрессу, а заседанию ИККИ, которое последовало сразу за ним. Здесь дело достигло кульминации. Хеглунд заявил, что резолюция представляет собой «вотум недоверия нынешнему руководству партии», уклонившись в то же время от прямого ответа на вопрос, готов ли он ей подчиниться. После нападок Бухарина и дальнейших призывов Зиновьева безоговорочно принять резолюцию Тельман без обиняков заявил, что Хеглунд не может оставаться в Коминтерне (или, как это подразумевается, во входящей в него партии), если не согласится с резолюцией. Заседание закончилось тем, что Хеглунд снова отказался добавить что-либо к уже сказанному, и официальным принятием резолюции⁵⁰³. Но даже и теперь руководство необычайно медлило с принятием крайних мер и надеялось вопреки всему на компромисс. 23 июля 1924 г., через неделю после этой финальной сцены, в письме ИККИ, адресованном шведской партии, был высказан протест против позиции «правого большинства» в ее Центральном комитете и выражалось сожаление по поводу того, что Хеглунд не дал ответа на вопрос о том, подчинится ли он решениям конгресса. «ИККИ не хочет, — заканчивалось письмо, — выводить товарища Хеглунда из центрального органа партии, если только он сам не отвергает интернациональное единство в борьбе»⁵⁰⁴. Однако письмо не дало никаких результатов. Через три недели, 11 августа 1924 г. Президиум ИККИ принял резолюцию, предупреждавшую Хеглунда «в последний раз» о роковых последствиях для него самого, к которым неизбежно приведет дальнейшая борьба против Коминтерна. В резолюции снова перечислялись его прошлые ошибки, отмечалось, что после своего возвращения в Стокгольм он осудил резолюции V конгресса как «иезуитскую комедию», а шведскую партию призывали положить конец такому беспорядку⁵⁰⁵.

Теперь действие перенеслось в Стокгольм, куда представители ИККИ прибыли в середине августа с наказом настаивать на проведении предложенного референдума среди всех членов партии относительно резолюций V конгресса. 18 августа 1924 г. Хеглунд,

по-прежнему поддерживаемый большинством Центрального комитета, опубликовал заявление, в котором отвергал требование о референдуме. На следующий день на заседании Центрального комитета делегаты ИККИ настаивали на немедленном проведении референдума и на передаче партийной газеты «Политикен» редакционной коллегии, в которую должен был войти один представитель группы Хеглунда, один представитель оппозиции и один представитель Коминтерна. Эти требования были снова отвергнуты. Затем в ночь с 20 на 21 августа 1924 г. оппозиция организовала «переворот» и захватила служебные помещения газеты «Политикен». Было опубликовано заявление от имени ИККИ о том, что Хеглунд поставил себя вне партии. Хеглунд решил, что с него хватит. Он вышел из партии вместе со своими ближайшими соратниками и создал новую партию и новый партийный орган «Нью политикен». Референдум в партии был наконец проведен 6 сентября 1924 г. и показал, что «подавляющее большинство» высказалось за принятие резолюции V конгресса⁵⁰⁶. Тем временем в официальном письме ИККИ, адресованном шведской партии, Хеглунд и его сторонники клеймились как «ренегаты и враги коммунизма», а партия, возглавлявшаяся Кильбомом, Самуэльсоном и другими членами оппозиции, признавалась «единственной шведской коммунистической партией»⁵⁰⁷. Когда, так сказать, пыль конфликта осела, стали утверждать, что партия сохранила шесть тысяч членов из своих прежних восьми тысяч и что новая партия Хеглунда насчитывает 1500 членов. На выборах в риксдаг в октябре 1924 г. шведская коммунистическая партия получила 65 тыс. голосов, а партия Хеглунда — 24 тыс.⁵⁰⁸ После этого шведская партия, как и норвежская после исключения Транмеля, сделалась послушной и уже не играла сколь-нибудь заметной роли.

В разгар дискуссии с Хеглундом предпринималась попытка создать федерацию скандинавских коммунистических партий, по аналогии с Балканской федерацией, охватывающую партии Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии. Это было осуществлено на конференции, проведенной в Осло 20—22 января 1924 г., хотя делегаты финской партии не прибыли. Хансен, глава норвежской делегации, был избран секретарем федерации, штаб-квартира которой разместилась в Осло. Предусматривалось проведение ежегодных конференций⁵⁰⁹. На заседании ИККИ, проведенном сразу же после V конгресса Коминтерна, было осуждено поведение Хеглунда и выражено официальное одобрение новой федерации⁵¹⁰. Последующие конференции федерации были проведены в ноябре 1924 г. и в апреле 1925 г.; основным вопросом последней конференции было содействие развитию левого движения в профсоюзах⁵¹¹. После этого активность федерации, по-видимому, уменьшилась. Когда в марте 1926 г. ИККИ решил создать «национальные секретариаты» в Москве⁵¹², то Финляндия оказалась в ведении другого секретариата, чем три другие скандинавские страны.

к) Рабочая партия Америки

В Соединенных Штатах легальная Рабочая партия Америки полностью вытеснила нелегальную партию, которая в конце концов была ликвидирована в начале 1923 г.⁵¹³ Между 1923 и 1926 гг. она с необыкновенной точностью отражала все сдвиги и вариации в линии Коминтерна. Это было естественным следствием ее отдаленности от американской политической реальности. В отличие от большинства европейских партий, у которых были иногда многочисленные приверженцы, требования и интересы которых приводили к тому, что у партии возникала какая-то собственная жизнь, в отличие даже от английской партии, которая, хотя сама была слабой и численно небольшой, пользовалась поддержкой со стороны значительной массы сочувствующих в профсоюзах, американская партия была почти полностью изолирована на американской сцене, и источником животворной крови для нее являлись непрерывные переливания из Москвы. Наиболее прямой контакт с рабочими она осуществляла через Лигу профсоюзной пропаганды (ТЮЭЛ) — организацию, созданную в 1920 г. в Чикаго Фостером, радикальным профсоюзным лидером. В конце 1920 г., после того как Фостер стал коммунистом, Лига примкнула к Коммунистической партии Америки и получила статус Американского бюро Профинтерна⁵¹⁴. Она выпускала ежемесячный журнал «Лейбор геральд». Однако ее успехи по просачиванию в профсоюзы были ограниченными, и ее статус как профсоюзной секции партии оставался неопределенным.

Летом 1922 г. делегация Коминтерна в составе трех человек — венгр Погани, поляк Велецкий и американец русского происхождения Рейнштейн⁵¹⁵ — прибыла из Москвы, чтобы попытаться привести в порядок дела партии, и в августе 1922 г. присутствовала на злополучном съезде нелегальной партии в Бриджмене (штат Мичиган), который был разогнан полицией. После отъезда двух других делегатов Погани остался в Соединенных Штатах в качестве представителя Коминтерна⁵¹⁶, принял новую фамилию Пеппер и на протяжении нескольких лет играл важную роль в делах американской партии. На съезде в Бриджмене он был избран в состав Центрального исполнительного комитета и вскоре занял ключевой пост секретаря его политического комитета (американский эквивалент Политбюро)⁵¹⁷. Если он оказался более влиятельным, чем Гуральский или Мануильский в Германии, чем Эмбер-Дро во Франции и Италии, или даже Беннет в Великобритании, то это было благодаря не столько его личным качествам, сколько большей готовности и рвению со стороны американской партии слушаться голоса Москвы. Помимо малочисленности, американской партии мешал стать организационно действенной ее многоязычный характер. В начале 20-х годов не более одной десятой ее членов говорило на английском языке, и партия была разделена

на языковые федерации, причем финский контингент был в то время гораздо многочисленнее других ⁵¹⁸.

Когда Пеппер впервые стал силой в американской партии, энтузиазм в отношении «единого фронта» достиг максимума, а то обстоятельство, что американская партия отказалась от нелегальных методов, которые привели к бриджменскому фиаско, должно было вывести ее из изоляции и помочь завоевать симпатии других групп, составлявших левое крыло в американской политике. В октябре 1922 г. у Пеппера состоялся дебют: он выпустил брошюру «За рабочую партию», агитируя за создание новой массовой партии совместными усилиями коммунистов и других групп левого направления. Его бойкое перо вскоре дало ему возможность затмить коренных, но менее красноречивых американцев. В годы войны появились различные радикальные группы, особенно на Среднем Западе, именовавшие себя сначала рабочими, а затем фермерско-рабочими партиями. В 1919 г. возникла Национальная фермерско-рабочая партия; а один фермерско-рабочий кандидат даже участвовал в президентских выборах 1920 г. После многочисленных переговоров и интриг фермерско-рабочая партия Чикаго созвала съезд, который должен был пройти в Чикаго 3 июля 1923 г., с целью создания широкой коалиции левых сил: Рабочая партия Америки, как и другие левые партии, получила предложение прислать делегатов. Для Пеппера это представлялось перво-классной возможностью для применения тактики единого фронта. Он занялся активной пропагандой в рядах партии за проведение нового мероприятия и сумел привлечь на свою сторону большинство членов колебавшегося Центрального исполнительного комитета. На съезде коммунисты употребили всю мощь своей организации и ораторское искусство в поддержку предложения о немедленном создании федеративной фермерско-рабочей партии, и оно было принято значительным большинством. В атмосфере царившего в тот момент энтузиазма коммунисты с общего согласия (возражавшие покинули съезд) взяли на себя руководство. Коммунист по фамилии Мэнли был назначен секретарем Федеративной фермерско-рабочей партии, а чикагский орган Рабочей партии «Войс оф лейбор» («Голос рабочих») был переименован в «Фармер-лейбор войс» («Голос фермеров и рабочих») и стал органом новой партии ⁵¹⁹.

Столь шумный успех, однако, быстро ударил бумерангом по победителям. Хотя напористость и энергичность коммунистов захватили большинство делегатов съезда, господствующее положение коммунистов в новой партии стало по размышлению неприятным для всех, кроме нескольких экстремистов в старых фермерско-рабочих группах. После съезда начался массовый выход из рядов Федеративной фермерско-рабочей партии, которая вскоре превратилась в простой придаток Рабочей партии, без серьезных претензий на независимый статус. Пиррова победа в Чикаго также оказала парадоксальное действие, ослабив сплоченность ком-

мунистического руководства. Фостер, по-видимому, с самого начала не одобрял энергичную политику, проводившуюся Пеппером на чикагском съезде, которая привела к губительному отчуждению умеренных в фермерско-рабочей группе. Пеппер и Рутенберг, работавшие теперь в полной гармонии, решили ликвидировать оппозицию раз и навсегда. На заседании Центрального исполнительного комитета 23 августа 1923 г. они предложили резолюцию, в которой не только с энтузиазмом подтверждались перспективы Федеральной фермерско-рабочей партии, но и выражалось недовольство «профсоюзной работой нашей партии», которая не сумела оказать поддержку политике Исполкома. Эта резолюция, содержащая завуалированное порицание Фостера, была принята большинством в девять голосов против трех. Фостер, родившийся в России нью-йоркский марксист по фамилии Биттельман, и Кеннон, еще один умеренный, голосовали против нее. Однако соотношение сил между противостоящими сторонами было косвенно и неощутимо выправлено вследствие еще одного шага, предпринятого в это время. Национальная штаб-квартира партии, находившаяся в Нью-Йорке, переехала 1 сентября 1923 г. в Чикаго как в центр, где была сосредоточена в значительной степени та массовая поддержка, которой пользовалась или надеялась пользоваться партия⁵²⁰, а последователи Фостера, незначительные в Нью-Йорке, и его влияние, не игравшее там особой роли, были наиболее сильны в Чикаго.

Открытый разрыв в партийном руководстве должен был теперь вот-вот произойти, и об этом свидетельствовала перепалка между Пеппером, представлявшим одну группу, и Кенноном, представлявшим другую, в партийной печати. Пеппер превозносил добродетели партийной дисциплины и единого фронта, а Кеннон ехидно отвечал, что марксизм дает только «некоторые общие принципы, которыми следует руководствоваться», и что «нет готового образца на основании европейского опыта, который подходит сегодня Америке»⁵²¹. Но в этот момент Фостер потерпел новую неудачу. Мощная профсоюзная организация, Американская федерация труда (АФТ), была встревожена кажущейся легкостью, с какой коммунисты овладели фермерско-рабочим движением, и решила принять контрмеры. На ежегодном съезде АФТ, проводившемся в Портленде в октябре 1923 г., она не допустила к участию Дэнна, известного члена Рабочей партии, который имел профсоюзный мандат, а также запретила все контакты между входящими в нее профсоюзами и ТЮЭЛ. Естественным ответом на это явилось указание Фостера членам ТЮЭЛ о том, чтобы они отрицали свое членство в этой организации, когда их об этом будут спрашивать⁵²². Однако это привело к тому, что ТЮЭЛ превратилась в конспиративную подпольную организацию, вследствие чего она утратила свою полезность как пропагандистский орган.

Новый поворот приняли дела американской партии, когда осенью 1923 г. имя сенатора Ла-Фоллетта из Висконсина стало

фигурировать в качестве возможного «фермерско-рабочего» кандидата или кандидата «третьей партии» на президентских выборах, предстоявших в следующем году. Пеппер импульсивно увидел в Ла-Фоллетте потенциального американского Керенского, который станет во главе первой революции против существующего реакционного строя в Соединенных Штатах и тем самым подготовит путь ко второй, пролетарской революции, и он начал смело писать о «ла-фоллеттовской революции»⁵²³. Здесь прежде всего была ниспосланная небом возможность применить тактику единого фронта и установить контакт между Рабочей партией и массовым популистским движением. Фостер и Кеннон, хотя они были менее восторженно настроены в отношении будущей кампании Ла-Фоллетта за избрание его президентом, согласились, что партия должна оказать ему поддержку, и когда в декабре 1923 г. в Чикаго проходил III съезд Рабочей партии, представлялось, что ни один принципиальный вопрос не разделяет эти группы. Письмо, адресованное Коминтерном съезду, по-видимому, было инспирировано докладами Пеппера, но этот документ был благоразумно составлен в туманных выражениях. В нем восхвалялось создание Федеративной фермерско-рабочей партии как «достижение первостепенной важности», но высказывалась мысль, что все еще существует необходимость «единого фронта всех пролетарских и крестьянских партий и организаций»⁵²⁴. Однако имелся нерешенный вопрос, который встал перед съездом, — скрытая борьба за руководящую роль. Число делегатов, поддерживавших группы Пеппера — Рутенберга и Фостера — Кеннона, было примерно равным; равновесие зависело от лидера нью-йоркских коммунистов-немцев Лоре, который имел в своем распоряжении 15 голосов немецкой федерации партии и был ярым противником политики оказания поддержки Ла-Фоллетту. Не имея возможности положить конец этой политике, он предпочел отдать свои голоса той группе, которая в меньшей степени симпатизировала этому курсу. Возможно также, что он лично предпочитал Фостера Пепперу. В такой ситуации группа Пеппера — Рутенберга, оказавшись в меньшинстве, решила не представлять съезду тезисы в поддержку политики Ла-Фоллетта и внесла предложение о том, чтобы этот вопрос был передан на решение Коминтерну; это было принято без возражений. Однако вотум недоверия по поводу того, как Фостер осуществляет руководство ТЮЭЛ, не прошел, благодаря совместным усилиям групп Фостера — Кеннона и Лоре. А когда были проведены выборы, то же самое большинство эффективно вытеснило прежнее руководство. Победители не стали злоупотреблять плодами своей победы. Новый Центральный исполнительный комитет был составлен из восьми «фостеритов» (включая Лоре) и пяти «пепперитов»; Фостер стал председателем, а Кеннон — его заместителем, однако Рутенберг сохранил свой пост секретаря. Политический комитет состоял из четырех «фостеритов» и трех «пепперитов»⁵²⁵. Съезд, по-видимому, не совершил ничего непоправимого. Однако на нем

явственно обозначилась глубокая трещина в американской партии, существовавшая и расширявшаяся во все последующие годы этого десятилетия.

После периода относительной независимости американская партия снова попала в тень Москвы. Пеппер, хорошо знакомый с советской сценой, имел благодаря этому огромные преимущества и понял, как он может использовать дело Троцкого в своих целях. Лоре, встретившийся с Троцким в Нью-Йорке в 1917 г., был ревностным троцкистом, и в своей газете, издававшейся в Нью-Йорке на немецком языке, утверждал, что результаты III съезда партии являются победой дела Троцкого. Пеппер теперь потребовал от Центрального исполнительного комитета вотума доверия русскому Центральному Комитету и русской партии; тем самым он поставил Фостера и Кеннона в такое положение, что они должны были либо отречься от своего союзника Лоре, либо выступить на стороне Троцкого. Фостер и Кеннон отразили атаку, сославшись на то, что комитет не располагает достаточной информацией и что его не просили высказываться относительно спора в русской партии. Борьба продолжалась на двух заседаниях Центрального исполнительного комитета, 7 и 18 марта 1924 г., почти через два месяца после осуждения взглядов Троцкого в Москве⁵²⁶, а вскоре после этого делегация в составе Фостера, Пеппера и Ольгина (члена группы Лоре) была направлена в Москву, чтобы получить консультацию Коминтерна относительно политики американской партии. Непосредственным спорным вопросом была позиция, которую следовало занять на предстоящем съезде Фермерско-рабочей партии в г. Сент-Пол 17 июня 1924 г. относительно кандидатуры Ла-Фоллетта и возможных альтернатив⁵²⁷.

Первой неожиданностью, с которой столкнулась делегация по прибытии в Москву, было решение отозвать Пеппера с работы в американской партии и использовать его в Москве — решение, которое, несомненно, доставило огромное удовлетворение Фостеру, независимо от того, было ли оно инспирировано им самим или нет⁵²⁸.

Решений по существу вопросов, стоявших перед американской партией, оказалось достичь гораздо труднее. «Поворот влево», который теперь готовился совершить Коминтерн, а также растущее разочарование в Москве английским правительством лейбористов, делали единый фронт с буржуазным кандидатом в президенты все более подозрительным. Но никакого четкого решения не вырисовывалось. Только в середине мая 1924 г. Коминтерн послал уклончивую телеграмму в Чикаго, в которой говорилось, что съезд в Сент-Поле, намечавшийся на 17 июня, будет иметь «важное значение для Рабочей партии», и предлагалось приложить все усилия для того, чтобы он стал «большим авторитетным собранием представителей трудящихся и левого крыла»⁵²⁹. В следующие несколько дней находившуюся в Москве делегацию очистили от троцкистского налета и призвали к порядку. Рутенберг выбил у делегации

почву из-под ног, прислав по телеграфу XIII съезду русской партии, который тогда проходил, заверения в поддержке американской партией «руководства старых большевиков»⁵³⁰. В Москве американский вопрос обсуждался в одной из комиссий ИККИ под председательством Радека — симптом того, что он не имел первостепенного значения. Главное затруднение заключалось в том, что Троцкий резко возражал против политики оказания поддержки Ла-Фоллетту, которую он считал образцом «чудовищного оппортунизма» и потаканием «худшим иллюзиям мелкой буржуазии»⁵³¹. Было необходимо одновременно отречься от Троцкого и принять его точку зрения как в основном правильную. Эта задача была должна образом выполнена комиссией; Фостера и Ольгина уговорили поддержать предложение, осуждавшее Лоре⁵³²; выговор в то время сочли достаточным, и не было сделано предложения о выводе его из Центрального исполнительного комитета. Вместе с тем союз с Ла-Фоллеттом был успешно выброшен за борт. В резолюции, принятой Президиумом ИККИ 20 мая 1924 г., рекомендовалось, чтобы Федеративная фермерско-рабочая партия предложила Ла-Фоллетту свою поддержку при условии, что тот примет ее программу целиком и передаст все организационное проведение кампании в ее руки. Столь нелепое предложение обязательно должно было быть отвергнуто и тем самым было равносильно отказу в поддержке. После того как Ла-Фоллетт его отверг, Рабочая партия могла публично отречься от него и выдвинуть собственного кандидата в президенты⁵³³. Еще одна подробность, касающаяся пребывания Фостера в Москве, проливает свет на ситуацию. Он вместе с Лозовским подготовил новый проект программы для ТЮЭЛ; проект был датирован 17 мая 1924 г.⁵³⁴ Представляется совершенно очевидным, что на протяжении всего этого периода Лозовский и Профинтерн поддерживали Фостера и что эта поддержка помогла создать противовес тому предпочтению, которое Коминтерн оказывал группе Рутенберга⁵³⁵.

Фостер поспешил обратно в Соединенные Штаты, имея в кармане все еще неопубликованную резолюцию от 20 мая 1924 г. По-видимому, оказалось простым совпадением, что Ла-Фоллетт выбрал именно этот момент, чтобы совершить шаг, который был неминуем и вполне мог быть сделан раньше. Обеспокоенный компрометирующим характером коммунистического влияния в фермерско-рабочем движении и поддержкой его кандидатуры Рабочей партией, он сделал для прессы 28 мая 1924 г., когда Фостер был еще в открытом море, заявление, в котором осуждал коммунизм как «врага прогрессивного движения и демократических идеалов» и утверждал, что Рабочая партия действует по инструкциям из Москвы. Рабочая партия теперь получила возможность в какой-то мере выйти из затруднительного положения, изобразив свою новую линию враждебности к Ла-Фоллетту как ответ на его нападки⁵³⁶. Сент-польский съезд закончился в обстановке сумятицы. 4 июля 1924 г. съезд в Кливленде, на который категорически

не были допущены коммунисты и их союзники, выдвинул Ла-Фоллетта кандидатом в президенты. 8 июля 1924 г. Политический комитет Рабочей партии большинством, в которое на этот раз входил и Рутенберг, решил выполнить наказ Коминтерна и выдвинуть своего собственного кандидата. Через несколько дней в качестве коммунистических кандидатов на посты президента и вице-президента были выдвинуты Фостер и Гитлоу⁵³⁷. К этому времени в Москве как раз проходил V конгресс Коминтерна. Однако поскольку «поворот влево» в американской партии уже был проведен в резолюции от 20 мая 1924 г., то делать ничего было не надо. Зиновьев откровенно признал, что по этому вопросу «мы несколько колебались, так как слишком мало знаем Америку», и добавил, что «в конечном счете» ИККИ решил выступить против тактики сотрудничества⁵³⁸. Пеппер, все еще фигурировавший в качестве одного из делегатов американской партии, пространно говорил о различии между рабочим движением в «англо-саксонской» стране и континентальных странах, утверждая, что английский пример единого фронта с рабочим движением может быть применен и в Соединенных Штатах, и без особой убежденности согласился с тем, что уже было сделано. Два других делегата, Дэнн и Эмтер, первый из которых был сторонником Фостера, а второй — Рутенберга, высказались «за» и «против» в отношении отказа от попытки наладить сотрудничество с рабочими и прогрессивными партиями⁵³⁹. Коларов несколько запоздало сказал, что фермерская партия становится более радикальной и «все больше и больше склоняется к идее создания рабоче-крестьянского правительства в Соединенных Штатах»⁵⁴⁰. Зиновьев, резюмируя, выразил полное доверие как Фостеру, так и Рутенбергу и предложил обеим группам «объединиться и совместно работать без фракционных разногласий»⁵⁴¹. Конгресс в целом ничего не понял в ситуации и не проявил к ней особого интереса; она вызывала смущение лишь постольку, поскольку отражала принципиальные разногласия по поводу единого фронта и рабочего правительства. Отношения американской партии с ИККИ были перевернутым отражением обычной схемы: партия была всецело готова получать категорические директивы от ИККИ, которые тот не хотел и не мог ей давать. Парадокс был только кажущимся. Американская партия была слишком далека от реалий американской политики и поэтому была не в состоянии выработать для себя здравую политику. Но по той же причине ИККИ — даже если бы он понимал американские условия — не мог выработать для нее политику. В стране, где теория презиралась, а действие было главным, партия не испытывала искушения превратиться в теоретическую секцию. Однако никаких перспектив на эффективный курс действий перед ней не открывалось.

Когда в ноябре 1924 г. были проведены выборы, Ла-Фоллетт получил 4,3 млн. голосов, тогда как за добившегося успеха республиканца Кулиджа было подано 14 млн., за кандидата от де-

мократов голосовало 8 млн.; число же голосов, поданных за коммунистов, едва превышало 33 тыс. (Дебс получил 800 тыс. голосов на президентских выборах в 1912 г.). Хотя вряд ли можно было ожидать лучшего результата, это позорное поражение вызвало новый взрыв взаимных обвинений в партии между фракциями. Большинство, возглавлявшееся Фостером, который хотел отказаться от всякого политического сотрудничества с некоммунистическими левыми и снова начать опираться на свою старую профсоюзную базу, маскировало свою бескомпромиссную политику лозунгом единого фронта исключительно «снизу». Меньшинство, во главе с Рутенбергом и Пеппером, хотело продолжать сотрудничество с умирающим фермерско-рабочим движением⁵⁴². Даже после фиаско на президентских выборах Пеппер в статье, опубликованной в журнале Коминтерна в январе 1925 г., в теплых выражениях охарактеризовал партию Ла-Фоллетта как «неизбежный этап процесса революционизирования американского пролетариата». Два месяца спустя в этом же журнале была помещена статья Фостера и Кеннона, выступавших против утверждений меньшинства о том, что настало время для «развития кампании за „классовую” фермерско-рабочую партию». После этого немедленно последовала статья Рутенберга в поддержку Пеппера⁵⁴³. На родине картина выглядела несколько иначе. Центральный исполнительный комитет, говоривший голосом фостерско-кеннонского большинства, опубликовал бескомпромиссное заявление относительно результатов дискуссии в партии. Во всех крупных городах «фермерско-рабочая политика меньшинства» потерпела поражение. В Нью-Йорке группа большинства одержала победу над меньшинством и над группой Лоре, выступавшими совместно. Несмотря на насмешки меньшинства над «полуобразованными рабочими» и «синдикалистами», руководители утверждали, что они пользуются полным доверием партии. Пеппера и Лавстоуна критиковали, называя их фамилии; Рутенберга, как секретаря партии, пощадили. Заявление заканчивалось призывом к «быстрейшей ликвидации фракционности»⁵⁴⁴. Однако Коминтерн все еще не хотел оказывать безоговорочную поддержку Фостеру. На предложение большинства о немедленном проведении партийного съезда, который должен был ратифицировать его победу, Москва наложила вето, по-видимому, под влиянием Пеппера⁵⁴⁵, и представителям обеих фракций было предписано присутствовать на расширенном пленуме ИККИ в Москве в марте 1925 г.

ГОД ЛОКАРНО

Разочарованность по поводу отношений Советского Союза с западным миром, которая стала ощущаться к концу 1924 г., представляла собой острую реакцию на тот факт, что не оправдались надежды, вызванные потоком дипломатических признаний и кажущимся сдвигом влево в Западной Европе ранее в этом году. Вначале каждый удар, по-видимому, смягчался каким-то новым достижением: принятие Германией плана Дауэса в августе — подписание англо-советского договора, скандал из-за письма Зиновьева в октябре — признанием со стороны Франции. Однако вскоре стало выясняться, что удары были реальными, а компенсирующие успехи — иллюзорными. Когда Чичерин выступал на заседании ЦИК 18 октября 1924 г. по международному положению, он мог еще приветствовать с ноткой самовосхваления «полосу признаний СССР». Предстоявшее дипломатическое признание со стороны Франции было новым лучом света на западном горизонте. Но оно лишь в незначительной мере рассеяло мрак в этой части дипломатического небосвода. Делая особый упор на западную поддержку неудачного восстания в Грузии в августе и на падение лейбористского правительства в Англии с сопутствующим «взрывом враждебных настроений против Союза ССР в английских имущих классах», Чичерин говорил о «начавшемся недавно мировом наступлении империализма» и о «едином фронте буржуазных правительств против Союза ССР». Далее Чичерин дополнил общую картину, сказав об усилении «западофильских тенденций» в Германии и «стремлении значительной части правящих кругов Германии ко вступлению в Лигу Наций»¹.

Зимой 1924/25 г. отношения Москвы с Западом продолжали ухудшаться. Еще до окончания 1924 г. советские наблюдатели отмечали признаки рождения англо-франко-американского блока, направленного против Советского Союза, — блока, символом которого был план Дауэса и в который наполовину неохотно, наполовину бессознательно втягивалась Германия. В ноябре 1924 г. на VI съезде советских профсоюзов Зиновьев говорил, что непродолжительный «демократическо-пацифистский» период миновал и сменился на Западе «самой черной буржуазной реакцией», о чем свидетельствуют победа консерваторов в Англии и победа респуб-

ликанцев на президентских выборах в Соединенных Штатах². Радек в статье в «Правде» от 1 января 1925 г. проанализировал создавшееся положение со своей обычной пронизательностью и блеском. «Эра пацифизма и демократии», писал он, сменилась новым империалистическим фронтом против Советского Союза. «Дождь признаний СССР уступил место дождю неприятельских актов по отношению к СССР», поворотным пунктом явился разрыв английским правительством англо-советского договора. «Но можно ли допустить, — спрашивал Радек, — что *Соединенные Штаты Америки и Англия готовят уже теперь реально войну против СССР?*». Он так не думает. Однако «мы имеем дело с организацией *большого шантажа*», цель которого — вырвать уступки. В заключение он писал, что *«было бы глубочайшей легкомысленностью не сознавать, что Союз Советских Республик входит в полосу международных опасностей»*³.

Нота тревоги стала звучать настойчивее вследствие осознаваемой теперь военной слабости Советского Союза. Никогда еще после гражданской войны — даже во время ультиматума Керзона — никто в Советской России не помышлял серьезно о возможности войны с Западной Европой. Фрунзе в начале 1924 г., когда он впервые принял на себя ответственность за военные дела, публично заявил, что Красная Армия не уступает армиям окружающих стран, но не стоит наравне с армиями больших капиталистических стран⁴. Первым результатом военных реформ 1924 г., хотя они и заложили основу для Красной Армии будущего, явилось то, что они привлекли внимание к ее нынешним недостаткам: советские руководители, полностью, и возможно впервые, осознали, что Красная Армия в ее теперешнем состоянии не представляет собой серьезной военной силы⁵. Фрунзе в своей речи 7 декабря 1924 г. обнаружил тучи, которые «вновь начинают сгущаться» над советским горизонтом, и обвинял Англию в том, что она подстрекает «в сторону возврата к старым методам прямого нажима»⁶. Эти искренние опасения удачно совпали со стремлением поднять авторитет Фрунзе, который в январе 1925 г. сменил Троцкого на посту народного комиссара по военным делам и председателя Реввоенсовета⁷. Сталин, выступая на пленуме Центрального Комитета партии через несколько дней после снятия Троцкого с этих постов, заявил, что «международная обстановка начинает в корне меняться» и что «...вопрос об интервенции вновь становится актуальным»; а в заключительной части выступления указал на необходимость «быть готовыми ко всему, готовить свою армию... и вообще поднять нашу Красную Армию на должную высоту»⁸. Фрунзе в нескольких речах, произнесенных в первые месяцы 1925 г.⁹, неоднократно останавливался на трех темах: растущая опасность со стороны капиталистического мира; растущая военная мощь Советского Союза и необходимость крепить ее, чтобы отразить эту угрозу, а также мирные намерения Советского Союза. Что касается этого последнего пункта, то Фрунзе чувствовал себя лично

уязвимым в связи с обвинением в том, что он якобы желает войны с Румынией, чтобы вернуть Бессарабию; в речи 16 февраля 1925 г. он попытался отвести от себя такое обвинение. Он признался, что не питает любви к правящим румынским кругам. «Мы глубоко уверены, что сохранение мира и факт наших мирных успехов приведет к разрешению целого ряда вопросов, в том числе и вопроса о Бессарабии»¹⁰.

Эти три темы были демонстративно соединены между собой на III Всесоюзном съезде Советов, который собрался в мае 1925 г. Чичерин начал с выразительного заявления о мирных намерениях: «Основное содержание нашей международной политики, ее первый постулат, ее первое требование, это есть ее глубокое стремление к миру... Трудящиеся массы хотят мира, и не только трудящиеся массы у нас, в нашем Союзе, но трудящиеся массы во всем мире».

Однако он признал, что «элементы неблагоприятные, элементы объединения мировой реакции, все же за последнее время являются более сильными» и что «теперешний момент является для нас более трудным, чем предшествующий период»¹¹. Съезд заслушал подробный доклад Фрунзе об организации Красной Армии; такого рода доклады ни разу не делались ни на одном советском съезде после докладов Троцкого во время гражданской войны. Фрунзе остановился на растущей опасности со стороны капиталистических стран — на враждебной позиции Польши и Румынии, а также на сообщениях о том, что Эстония намеревается уступить Англии балтийские острова Эзель и Даго. Отсюда следовала мораль — «больше внимания уделить вопросу обороны страны, чем это делалось до сих пор», а «сильная и мощная Красная Армия» была охарактеризована как лучшая гарантия мира. Советский Союз тратит на вооружение меньше, чем любая крупная европейская страна, и пропорционально меньше, чем малые страны¹². Съезд в своей общей резолюции по докладу правительства констатировал появление «опасных попыток... разными путями вновь создать враждебное окружение нашего Союза» и поручил правительству проявлять «должную заботу о Красной Армии и Красных морском и военно-воздушном флотах, памятуя, что фактическая мощь вооруженных сил Союза есть, как показал опыт всей борьбы за существование советского государства, основная гарантия против нападений на государство трудящихся». Съезд также принял обстоятельную резолюцию об укреплении Красной Армии¹³. Подобные высказывания помогали создать атмосферу национального энтузиазма, способствующую построению «социализма в одной стране», — что само по себе являлось продуктом растущей антипатии к Западу и боязни Запада, которыми был отмечен период Локарно¹⁴.

Год 1925-й был в Советском Союзе годом восстановления промышленности, растущего национального самоутверждения, которое символизировалось и стимулировалось доктриной о «социализме в одной стране». Тогда же была начата и эффективная реорга-

низация Красной Армии. Фрунзе в своей речи 16 февраля 1925 г. отметил растущую экономическую и политическую консолидацию Советского Союза. Это, однако, не означало, что опасность войны уменьшилась. Она скорее увеличилась, поскольку растущая мощь Советского Союза усилила тревогу буржуазных капиталистических стран и их стремление создать единый фронт против него¹⁵.

Сокольников через несколько недель высказался аналогичным образом в докладе на всесоюзном финансовом совещании¹⁶. Зиновьев, выступая в августе 1925 г. на заседании германской комиссии ИККИ, красноречиво развил тот же аргумент: «Именно эти пять лет являются критическими, поскольку именно сейчас Россия растет, а буржуазия прекрасно понимает, что если она пропустит эти пять лет, то она пропустит все, поскольку наш красный единый фронт также растет». И он эффективно закончил, сказав, что «годы с 1925 по 1930 являются абсолютно решающими для судьбы социалистической республики в России»¹⁷. Несколько позже Каменев вернулся к этой теме, выразив на московской областной партийной конференции 22 ноября 1925 г. убеждение, что капиталистические страны побуждают организовать интервенцию против Советского Союза мысль о том, что «через несколько лет мы будем если не самой богатой, то одной из самых богатых, самых сплоченных, самых энергичных, самых сознательных стран мира»¹⁸. Страх перед интервенцией со стороны капиталистического мира сочетался с быстро растущей уверенностью в советской мощи. Однако, по странному парадоксу, эта уверенность способствовала также тому, что этот страх становился более реальным, поскольку подобная уверенность, по-видимому, предоставляла противнику убедительный повод для того, что осуществить интервенцию пока еще не поздно. «Вся наша политика протекших лет революции, — сказал Зиновьев, обращаясь к съезду профсоюза металлистов 25 ноября 1925 г., — продиктована, главным образом, стремлением выиграть время»¹⁹. Выиграть время и отвести беду до тех пор, пока советская оборона не станет несокрушимой, стало теперь целью советской внешней политики. Таким было настроение в тревожный год Локарно.

Зимой 1924/25 г. проявилась все возрастающая озабоченность Москвы необходимостью отговорить Германию от зарождавшейся ориентации ее на Запад. Переговоры о заключении советско-германского торгового договора, предусмотренного в соглашении от 29 июля 1924 г.²⁰, наконец, начались в Москве 15 ноября 1924 г. Вступительная речь Красина была важным заявлением о советской экономической политике. Он выступил против общепринятой концепции разделения труда между индустриальными и аграрными странами, к которым (то есть к аграрным) относился и Советский Союз. После того как он показал, что русское промышленное развитие шло полным ходом даже до революции и что это укре-

пило торговые связи между Россией и Германией, он продолжал: «Развитие промышленности во что бы то ни стало является для нашей страны требованием, которое обуславливается не только необъятными размерами нашего государства и величиной его населения, и, в первую очередь, также непосредственными потребностями крестьянства, но его необходимость стоит также в прямой связи с политическими завоеваниями рабочего класса в Октябрьской революции». Речь заканчивалась пространной защитой монополии внешней торговли. Советский Союз как «государство, экономически слабое» был обязан рассматривать сохранение монополии «не только как технический вопрос о способах осуществления внешнеторговых сношений, но как важнейший принципиальный вопрос, до известной степени как вопрос существования Советского Союза». Это были пункты, по которым всякий компромисс исключался и которые должны были стать краеугольным камнем всякого договора²¹.

Что касается политической стороны проблемы, то советские представители не упустили ни одной возможности еще и еще раз выразить свое недовольство новым поворотом к Западу в германской политике. Официальная экономическая газета призывала Германию рассеять «эту психологическую аберрацию», которая охватила германскую политику после принятия плана Дауэса, а Красин в интервью той же газете несколько дней спустя выразил опасения по поводу того, что Германия отказалась от своей традиционной экономической позиции в отношении России «под давлением гегемонии англо-американского капитала»²². Заключение англо-германского торгового договора 2 декабря 1924 г., хотя оно и давно ожидалось, не уменьшило этих опасений.

Что касается советской стороны, то для нее этот же месяц был насыщен политической активностью, рассчитанной на то, чтобы противодействовать растущему давлению на Германию с Запада. 4 декабря 1924 г. Копп, бывший советский представитель в Германии, который имел самое непосредственное отношение к проведению первых стадий заключения секретных военных соглашений²³ и был теперь членом коллегии Наркоминдела, обратил внимание Брокдорф-Ранцау на необходимость достичь понимания относительно Польши и намекнул, что «можно применить совместное германо-советское давление для воздействия на Польшу» по вопросу о германо-польских границах. Он просил о «взаимном обмене взглядами». Брокдорф-Ранцау, сообщая об этом разговоре в Берлин, выразил также свою собственную просьбу о немедленном обмене взглядами с Советским Союзом по польскому вопросу «в конкретной форме» до прибытия нового французского посла²⁴. 13 декабря 1924 г. министерство иностранных дел уполномочило посла провести конфиденциальное обсуждение с Чичериным и информировать его, что Германия хочет поддерживать постоянный контакт с Советским Союзом по польским делам. Было предоставлено на усмотрение посла, если требуется, добавить, что общая

цель германской и советской политики должна заключаться в том, чтобы «оттеснить Польшу к ее этнографическим границам»²⁵.

Но еще до того, как посол смог приступить к исполнению этой инструкции, в Москву из Берлина пришла менее желанная весть. Мальцан, убежденный сторонник германо-советского сотрудничества, который в период Рапалло был руководителем восточного отдела министерства иностранных дел²⁶, а с конца 1922 г. — статс-секретарем (то есть главным и непременным должностным лицом) министерства, был назначен послом в Вашингтон. При подобной конъюнктуре данное назначение неизбежно выглядело как новый ход в направлении переориентации германской политики. Радек в статье в «Правде» охарактеризовал перемещение Мальцана как «вашингтонскую Каноссу» — капитуляцию Германии перед англо-американским капиталом — и без обиняков обозвал Карла фон Шуберта, назначенного преемником Мальцана, «вульгарным англо-филом»²⁷. Для Брокдорф-Ранцау отъезд Мальцана означал утрату его главного друга и наперсника в министерстве иностранных дел. Это также обострило его недоверие к Штреземану и его откровенную враждебность к западной ориентации. Во время дискуссий в 1925 г. он чаще симпатизировал взглядам того правительства, при котором он был аккредитован, чем правительства, которое представлял. Расхождения, обнаружившиеся в это время между ним и Штреземаном, скорее были вызваны различной расстановкой акцентов и личным соперничеством и не носили принципиального характера. Ни один из них не отрицал того, что Германии необходима политика, принимающая во внимание как Восток, так и Запад. Но если Штреземан, поглощенный трудными переговорами с Западом, взирал с возрастающим раздражением на непрерывный поток протестов с Востока²⁸, Брокдорф-Ранцау, который теперь считал поддержание тесного сотрудничества между Германией и Советским Союзом делом своей жизни, был все более недоволен политикой, которая, по-видимому, либо игнорировала этот важнейший фактор, либо отводила ему второстепенное место.

Именно в этих обстоятельствах Брокдорф-Ранцау 20 декабря 1924 г., действуя в соответствии с инструкциями, полученными неделей раньше, заверил Чичерина в том, что германское правительство желает поддерживать с ним контакт по польскому вопросу, ссылаясь, в частности, на «исчерпывающую беседу» с Коппом, который первым поднял этот вопрос. Этот разговор показывает в причудливом освещении суть советско-германских отношений в то время. Каждая из сторон была готова в моменты напряженности и с целью произвести впечатление или повлиять на партнера «разыграть польскую карту»²⁹. Но ни одна сторона не считала, что позитивные действия против Польши вписываются в практическую политику того времени, и ни одна не доверяла другой в достаточной степени, чтобы связать себя конкретными обязательствами. Вот почему любая попытка одного из партнеров

приступить к обсуждению этого вопроса неизменно вызывала нерешительные реакции другой. На сей раз Чичерин принял сообщение германской стороны «с большим интересом, но все же не без некоторой нервозности». Он жаловался, что хотя Советское правительство предложило «постоянный обмен мнениями по политическим вопросам вообще», германское правительство, по-видимому, ограничивает этот обмен польским вопросом. Тем не менее когда Брокдорф-Ранцау, в соответствии со своими инструкциями, намекнул на общую цель, заключающуюся в том, чтобы «оттеснить Польшу к ее этнографическим границам», Чичерин «приветствовал этот намек и сказал, что это имеет особое значение». Беседа закончилась обещанием Чичерина проконсультироваться с высшими инстанциями относительно выявившихся расхождений и возобновить обсуждение позже³⁰. Когда доклад об этой беседе был получен в Берлине, для Брокдорф-Ранцау был послан 29 декабря 1924 г. ответ, в котором проявилась некоторая склонность переложить на Коппа ответственность за то, что тот первым поднял этот вопрос, но одобрялось все, что говорил посол. В частности, «ваше упоминание о нашем намерении совместно с Россией оттеснить Польшу к ее этнографическим границам соответствует тем взглядам, которых мы здесь придерживаемся»³¹.

Но еще до того, как он получил этот комментарий к своей предыдущей беседе, Брокдорф-Ранцау имел еще одну встречу с Чичериным в ночь с 25 на 26 декабря 1924 г. На этот раз, когда Брокдорф-Ранцау снова упомянул о высказываниях Коппа, Чичерин резко ответил, что Копп говорил в качестве частного лица и превысил свои полномочия³². Получив санкцию Политбюро, Чичерин теперь представил послу официальное предложение о заключении между двумя странами договора о нейтралитете, по которому каждая сторона обязуется «не заключать никаких политических или экономических союзов или соглашений с третьими сторонами, направленных против другой», а также координировать свои действия с действиями другой в отношении вступления в Лигу Наций или направления туда наблюдателя. Договор о нейтралитете, хотя он и не представлял собой новой концепции, приобретал в германском контексте особое значение соглашения с Германией, чтобы противодействовать ее сдвигу к Западу. Чичерин добавил, играя на том, что немцы хронически боятся советского сближения с Францией, что Советский Союз примет на себя обязательство не заключать никакого соглашения с Францией против Германии при условии, что Германия примет аналогичное обязательство применительно к Англии в отношении Советского Союза. «Мы не будем иметь дела с Эрбеттом (новым французским послом), — заявил он в заключение, — если вы не будете иметь дела с Чемберленом»³³.

Из-за неустойчивого характера начинавшегося германского сближения с западными державами, предложение о советско-германском договоре о нейтралитете вызвало в Берлине большое

замешательство. Штреземан, вполне сознававший его смысл и цель, отложил его дальнейшее рассмотрение до тех пор, пока он не выработает своих предложений о безопасности, предназначенных для Запада. Наконец они были изложены в его меморандуме французскому правительству от 9 февраля 1925 г. На этот меморандум нужно было ждать ответа. Штреземан фактически выполнял эквилибристский трюк. Выступая на одной неофициальной встрече 16 февраля 1925 г. в поддержку продолжения экономических переговоров с Советским Союзом, он разъяснил, что «то обстоятельство, что западные державы все еще испытывают опасения по поводу возможного русско-германского политического соглашения, является весьма ценным политическим активом для Германии»³⁴. Однако уклончивая тактика Штреземана вскоре вызвала нетерпение в Москве. В конце февраля 1925 г. Брокдорф-Ранцау попросил своего брата в Берлине посетить Шуберта и передать тому просьбу о скорейшем ответе на «предложения от 29 февраля». Но это ни к чему, кроме дальнейших объяснений и извинений, не привело³⁵.

Боязнь германского сближения с Западом сделала советских политических деятелей более общительными. Рыков в сумбурной беседе с Брокдорф-Ранцау 24 февраля 1925 г. говорил о необходимости советско-германского военного союза³⁶. Чичерин через четыре дня тактично напомнил послу, что «Россия нуждается в Германии для восстановления своей военной мощи, а Германии Россия нужна как арсенал». Во многом повторив прежние рассуждения, Чичерин выдвинул новую мысль. Советская политика, сказал он, теперь все больше и больше поворачивается к Азии. Это неизбежно вызовет конфликт с Англией, а поскольку Франция станет на сторону Англии, «нельзя исключать русско-германского военного сотрудничества»³⁷. Несколько дней спустя, когда Чичерин выступал на сессии ЦИК в Тифлисе, в его речи прозвучали предостерегающие ноты: «...Объективная действительность показывала, что в тот момент за кулисами происходило что-то такое, сводившееся к стремлению создать единый фронт против Советской Республики». В том месте речи, которое относилось к Германии, все еще звучала нота оптимизма: «Можно сказать — и наверняка, — что в конечном счете, какие бы ни были соглашения Германии с западными державами, германские политические деятели всегда будут признавать необходимость для себя обеспечения тыла с востока. Можно быть уверенными, что какие бы колебания в германской политике ни были — в конечном счете Германия все-таки не порвет с нами, не ликвидирует той политики дружественных отношений с нами, которые утвердились уже несколько лет»³⁸. Еще раз необходимость «обеспечения тыла» для немецких творцов политики и стратегов, которые хотели заручиться советской поддержкой против возможной польской агрессии, была использована в качестве коронного аргумента против чрезмерного сближения Германии с Западом. Однако речь закончилась мрачной но-

той, поскольку не исключалась возможность того, что «в результате каких-либо неблагоприятных обстоятельств может сразу снова создаться единый фронт империалистических государств против Советской Республики»³⁹.

С этого времени спор между Москвой и Берлином продолжал обостряться, сопровождаясь частыми вспышками обоюдного раздражения. 10 марта 1925 г. Крестинский потребовал у Штреземана ответа на декабрьские предложения Советского правительства: поскольку Штреземан неоднократно повторял, что общение Германии с Западом ничего не изменило в отношениях Германии с Советским Союзом, трудно понять, почему эти отношения должны препятствовать переговорам относительно предлагаемого советско-германского договора. Штреземан неубедительно пытался мотивировать задержку обстоятельствами, вызванными кончиной Эберта 28 февраля 1925 г., и обещал незамедлительно дать ответ. Он сообщил Крестинскому содержание германского меморандума от 9 февраля, который хотя еще и не был опубликован, но широко обсуждался в европейской печати, и повторил обычные оправдания в защиту германской политики⁴⁰. Через три дня Штреземан получил от генерального секретаря Лиги Наций давно ожидаемый и благоприятный ответ по поводу юридических обязательств, которые должна будет принять на себя Германия в качестве члена Лиги⁴¹; благодаря этому он упрочил свою позицию для дальнейших переговоров с Москвой. 19 марта 1925 г. в инструкциях, направленных Брокдорф-Ранцау, Штреземан давал для сообщения Советскому правительству наиболее полное, нежели когда-либо, официальное изложение возможных последствий для Советского Союза вступления Германии в Лигу Наций. Если Советское правительство, утверждал Штреземан, действительно заинтересовано в «углублении германо-советских отношений», то оно должно приветствовать шаг, который укрепит позицию Германии в европейской политике. Даже с учетом условий статей 16 и 17 Устава Лиги Наций Германия будет в состоянии защитить свой нейтралитет путем осуществления права вето. Правда, членство в Лиге будет препятствием для активного выступления Германии против Польши. Однако политика «оттеснения Польши к ее этнографическим границам во всяком случае едва ли является практичной политикой в обозримом будущем». И наконец, положение Германии в Лиге как члена ее Совета даст ей возможность противодействовать «всем антирусским тенденциям». В заключение Штреземан предложил детально обсудить с Советским правительством последствия для советско-германских отношений возможного вступления Германии в Лигу⁴².

Получив эти инструкции, Брокдорф-Ранцау был повергнут в ужас. Они, как он указывал Штреземану в протестующей телеграмме, неизбежно будут восприняты Советским правительством как «косвенное отклонение» советских предложений. В пространном и снабженном многими аргументами ответе Штреземан на-

стаивал на выполнении первоначальных инструкций⁴³. Они были выполнены в беседе с Литвиновым (поскольку Чичерин заболел) 7 апреля 1925 г.; основное содержание этих инструкций было изложено в меморандуме, переданном ему впоследствии по его просьбе. Сначала в меморандуме повторялись аргументы Штреземана, а заканчивался он предложением конфиденциально обсудить с Советским правительством возможные последствия для отношений Германии с Советским Союзом вступления ее в Лигу, после чего высказывалось зондирующее предположение о том, что такое обсуждение могло бы стать первым шагом к заключению договора, столь желанного для Советского правительства: «Если Правительство СССР согласно с подобной аргументацией, то это одновременно даст возможность выработать подход к разъяснению вопроса, может ли, и каким образом, быть достигнуто позитивное понимание общих политических целей».

Литвинов принял это с огорчением, но безропотно. Если Германия вступит в Лигу, Советское правительство «не объявит войны и не разорвет дипломатических отношений» и даже «будет готово, как и раньше, получить любые конкретные предложения от германского правительства». Но в этом случае он «не видит возможности достичь какого-либо положительного результата по важнейшим вопросам, таким, как этнографические границы Польши»⁴⁴. Аргументы Штреземана по-прежнему представлялись Брокдорф-Ранцау столь же неубедительными, как и Литвинову. 10 апреля 1925 г., через три дня после беседы с Литвиновым, он поспешил в Берлин⁴⁵, пытаясь устранить ущерб, который политика Штреземана приносила советско-германским отношениям, причем в дороге он написал меморандум, где дал волю своему пессимизму по поводу нового поворота в германской политике⁴⁶. 15 апреля Штреземан ехидно записал в своем дневнике, что пока он ведет переговоры с Крестинским в одном кабинете, Шуберт ведет в соседнем кабинете переговоры такого же рода с Брокдорф-Ранцау⁴⁷. Переговоры между Штреземаном и Крестинским были продолжены в беседах в этот день, и 25 апреля 1925 г. Крестинский выразил недовольство тем, что в то время как Германия открыто проявляет инициативу в отношении переговоров с Западом, обсуждение советских предложений все время откладывается. Теперь Штреземан впервые признал приоритет переговоров с Западом, объясняя задержку с обсуждением советских предложений тем, что западные державы медлят с ответом на германский меморандум от 9 февраля 1925 г. Он повторил, что Германия отказывается как признавать свои нынешние восточные границы, так и принимать безоговорочное обязательство по статье 16, и что гарантийный договор «не направлен против России». Однако заключение какого-либо секретного договора с Россией до подписания гарантийного договора явилось бы актом вероломства в отношении Запада, чего Германии следует избегать⁴⁸. Как только Штреземану удастся договориться с Западом, он сможет перестрахо-

ваться посредством какого-нибудь нового соглашения с Востоком. Сейчас надо было просто постараться, чтобы русские представители продолжали участвовать в игре.

Подобная политика проволок, а также продолжавшееся отсутствие немецкого посла в месте его аккредитации отнюдь не уменьшили беспокойство в Москве. Взрыв бомбы в кафедральном соборе в Софии 8 апреля 1925 г.⁴⁹ дал толчок к возобновлению широкой антисоветской кампании в европейской печати. Позднее, в тот же месяц, когда Гинденбург был избран президентом германского рейха, в Москве прокатилась новая волна тревоги. Зиновьев выразил опасение, что «по линии Германия — Франция, Германия — Польша это есть создание неуверенного, беспокойного положения», при котором Антанта будет всячески стараться «противопоставить гинденбурговскую Германию Советскому Союзу»⁵⁰. Явное беспокойство, вызванное в Западной Европе избранием Гинденбурга, усиливало эту неуверенность⁵¹. По мере того как рука Англии стала все более ясно ощущаться в качестве движущей силы за кулисами переговоров относительно гарантийного договора, сам договор все определеннее воспринимался Советским Союзом как орудие, с помощью которого правительство консерваторов в Лондоне, непримиримо враждебное Советскому Союзу, хочет организовать антисоветский фронт и завершить изоляцию Советского Союза в Европе. Американская печать незадолго до этого опубликовала документ, якобы являющийся меморандумом относительно переговоров о гарантийном договоре, представленном Остином Чемберленом английскому кабинету министров в феврале 1925 г. В меморандуме сначала говорилось о «русской проблеме» как о «постоянной, хотя и бесформенной угрозе», а затем она обсуждалась в контексте европейской безопасности:

«Таким образом, Россия, в определенном смысле, не является фактором стабильности. В действительности она представляет собой наиболее угрожающий из неизвестных нам элементов, и именно несмотря на Россию, возможно, даже из-за России, необходимо выработать политику безопасности»⁵².

Чичерин в своей речи о международных отношениях на III Всесоюзном съезде Советов в мае 1925 г. отметил, что «жневская печать... начинает требовать превращения Лиги Наций в нечто вроде всеобщего союза против Союза ССР», и выразил, возможно, искреннюю неуверенность относительно намерений Англии:

«Политика Англии заключается в том, что Англия официально отрицает враждебные замыслы против нас, а фактически мы встречаем повсюду на нашем пути противодействие английских агентов... Стремится ли английское правительство к тому, чтобы подготвить наше удушение, или оно стремится, наоборот, к тому, чтобы, изолируя нас, легче столкнуться с нами? Подготавливает ли английское правительство против нас новый поход или переговоры в более выгодной для себя обстановке?»⁵³ В этой же речи Чичерин снова заговорил о позиции Германии и предсказал, что как только

Германия сядет за один стол со своими бывшими врагами в Женеве, те окажутся достаточно сильными, чтобы, несмотря на желание германского правительства, помешать ему продолжать дружественные отношения с Советским Союзом⁵⁴.

После окончания съезда в передовой статье «Известий» развивалась эта же тема: «Логика вещей сильнее всяких субъективных намерений; и не может подлежать никакому сомнению, что, вступив в Лигу Наций, т. е. подчинившись команде западных империалистических держав, Германия рано или поздно станет безвольной игрушкой в их руках... Само собой разумеется, что для Советского Союза избрание Германией определенно западной ориентации и вступление ее в Лигу Наций объективно не могут привести ни к чему иному, как к ухудшению взаимоотношений ее с Советской Республикой»⁵⁵.

Пресса Коминтерна нажила некоторый капитал благодаря «Международному союзу против Третьего Интернационала», организовавшему свой конгресс в Женеве в конце мая 1925 г., на котором английское влияние, по-видимому, преобладало⁵⁶. Коминтерн также без промедления стал проводить указание Сталина о том, что коммунисты должны использовать план Дауэса, — «...использовать до дна все и всякие противоречия в лагере буржуазии на предмет разложения и ослабления ее сил»⁵⁷. КПГ, вторя Москве, стала основывать свою пропаганду на теме о том, что план Дауэса является орудием двойной эксплуатации — Германии западными державами и немецкого пролетариата мировым капитализмом, и предложила выбор «Лондон или Москва»⁵⁸. На заседании Центрального комитета партии в мае 1925 г. Рут Фишер назвала Гинденбурга «кандидатом Англии» на пост президента, а в резолюции, принятой ЦК, поддержка, оказанная немецкой буржуазией гарантийному пакту и вступлению Германии в Лигу Наций, была охарактеризована как «британская империалистическая политика»⁵⁹.

В этой атмосфере подозрительности официальные переговоры шли вяло несколько недель и оживились лишь после того, как Крестинский передал официальный ответ Советского правительства на меморандум Брокдорф-Ранцау от 7 апреля⁶⁰. Тон ответа был примирительным, но непреклонным. Добрые намерения германского правительства признавались, но в то же время высказывалась мысль, что если будет заключен договор с Западом, то логика событий «постепенно приведет к полной переориентации в сторону Запада и к втягиванию Германии в комбинации той или иной группы держав Антанты против СССР». Если Германия не откажется от своих планов, то Советскому Союзу придется «искать другие пути», хотя у него «нет ни подобных намерений, ни желаний в настоящее время»⁶¹.

Этот нарек произвел некоторое впечатление. 29 мая 1925 г. германское министерство иностранных дел составило меморандум, озаглавленный «Проект директив для проведения дальнейших по-

литических дискуссий с Россией». Директивы были рассчитаны на то, чтобы удовлетворить советские требования, не нанося в то же время обиды западным державам политическим договором с Советским Союзом. Согласно предлагаемой теперь новой схеме, договор о нейтралитете, которого желало Советское правительство, надо было заменить преамбулой к проектируемому торговому договору. Эта преамбула представляла собой совершенно безобидный документ, который обязывал стороны «проводить свои взаимоотношения в духе рапалльского договора» и воздерживаться от каких-либо мер, которые могли бы угрожать миру в Европе⁶². Одним из преимуществ этого документа было то, что его проектируемое включение в торговый договор, относительно которого еще предстояло вести переговоры, давало достаточную гарантию длительной задержки. 10 июня 1925 г. Штреземан сказал Крестинскому, что он никогда не отказывался вести переговоры с Россией, но повторил, что он «не расположен заключать договор с Россией до тех пор, пока наша политическая ситуация в другом направлении не прояснилась»; он, по-видимому, не упомянул о проекте преамбулы⁶³. Этот документ тоже еще не был готов для вручения Литвинову, который, будучи проездом в Берлине, имел беседу со Штреземаном 13 июня 1925 г. Литвинов прямо заявил, что он «весьма обеспокоен состоянием русско-германских отношений» и что, по его мнению, отношение Германии к переговорам о заключении торгового договора производит «весьма странное впечатление». Он охарактеризовал английскую внешнюю политику как «полностью антирусскую» и выразил опасение, что Германия «окажется втянутой в заклочдованный круг английской политики». Но он получил лишь уклончивый ответ на решающий вопрос о том, «не зависят ли эти переговоры между Германией и Россией от предшествующего согласия о договоре с Западом»⁶⁴.

16 июня 1925 г. французский ответ на германский меморандум от 9 февраля 1925 г. был наконец получен в Берлине. Его тон был достаточно благоприятен, и можно было считать, что он предвещает успех переговоров с Западом. Штреземан вздохнул с облегчением и мог теперь себе позволить повернуться к Востоку. Задача ускорения застопорившихся переговоров о торговом договоре с его новой политической преамбулой перешла к Брокдорф-Ранцау. После почти двухмесячного пребывания в бездействии в Берлине посол был в самом худшем настроении. Он поссорился с Шубертом, угрожал подать Гинденбургу прошение об отставке и настаивал на том, что если он вернется в Москву, то его должен сопровождать Дирксен, который ведал русскими делами в восточном отделе министерства иностранных дел и мог взять на себя неприятную задачу изложить официальную точку зрения на этот договор Наркоминделу и вдохнуть новую жизнь в затянувшиеся переговоры о торговом договоре. 21 июня 1925 г. у него был длительный разговор со Штреземаном, который угова-

ривал его незамедлительно вернуться в Москву. Брокдорф-Ранцау все еще симулировал сопротивление. Он охарактеризовал преамбулу к договору как «бесполезную» и сыграл на опасениях Штреземана, указав, «что русские с их темпераментом способны увлечься и заключить соглашение с Польшей, которое будет гарантировать польские границы». Он заявил, что отправится в Москву через три дня, но поедет морем из-за состояния своего здоровья. Штреземан предложил ему специальный салон-вагон для путешествия по железной дороге, и это предложение, по-видимому, было принято⁶⁵. Еще до конца июня Брокдорф-Ранцау и Дирксен были в Москве.

В тот момент, когда Брокдорф-Ранцау собирался выехать из Берлина, Советское правительство, так сказать, взорвало в Москве мину. Эта операция долго подготавливалась и должна была явиться демонстрацией недовольства поведением германского правительства. В середине октября 1924 г. два молодых немецких студента, фамилии их были Вольшт и Киндерман, прибыли в Москву, намереваясь осуществить несуразную и хитроумную идею — посетить самые удаленные уголки Советского Союза. Хильгер, один из сотрудников германского посольства в Москве⁶⁶, возвращаясь из отпуска, проведенного в Германии, случайно встретился с ними в поезде Москва — Рига и дал им свою визитную карточку с адресом, пригласив их навестить его по их прибытии. Этого они не сделали и ночью 26 октября 1924 г. были арестованы по обвинению в шпионаже. Визитная карточка Хильгера, найденная у одного из них, была сочтена ОГПУ достаточным доказательством причастности посольства⁶⁷. Третий студент, по фамилии Дитмар, гражданин одного из прибалтийских государств, который присоединился к ним в Москве и которого впоследствии подозревали в том, что он был провокатором, был арестован вместе с ними. Молодые люди, несмотря на официальные протесты, находились в тюрьме и под следствием больше трех месяцев, когда 10 февраля 1925 г. в Лейпциге начался процесс над несколькими предполагаемыми агентами ОГПУ, обвинявшимися в совершении убийств и других преступлений на территории Германии. Главным обвиняемым был Скоблевский, который играл ведущую роль в организации неудачного коммунистического восстания в октябре 1923 г. В числе предъявленных ему обвинений было убийство одного немецкого ренегата-коммуниста и подготовка заговоров с целью убийства Зеекта и Стиннеса⁶⁸. Процесс широко освещался в немецкой печати. Свидетели и улики показывали, что КППГ замешана в кампании насилия и террора, и наводили на мысль, что иногда имел место сговор между обвиняемыми и советскими должностными лицами в Берлине. 22 апреля 1925 г. процесс закончился вынесением смертного приговора Скоблевскому и менее суровых приговоров другим обвиняемым⁶⁹. Крестинский, который до начала процесса предупреждал Штреземана о возможных неприятных последствиях его для советско-

германских отношений и тщетно просил, чтобы это не попало в газеты ⁷⁰, теперь уговаривал Штреземана в беседе с ним 25 апреля 1925 г. вмешаться от имени осужденных; эта просьба была категорически отвергнута ⁷¹.

Теперь стало ясно, что Вольшт и Киндерман предоставили ОГПУ ниспосланную небесами возможность устроить процесс, аналогичный лейпцигскому, и что их можно со временем использовать как заложников за Скоблевского. Медлительность ОГПУ по реализации такой возможности, вероятно, объясняется общими соображениями внешней политики. Первоначально ни одна сторона не стремилась к тому, чтобы дело этих двух безрассудных молодых людей внесло новый элемент раздора в советско-германские отношения. Только когда летом 1925 г. масштабы и необратимость обязательств Штреземана в отношении Запада стали постепенно вырисовываться, в Москве было принято решение устроить публичный процесс над молодыми людьми. 19 июня 1925 г., когда Штреземан все еще препирался с Брокдорф-Ранцау в Берлине, советская печать опубликовала длинный и подробный обвинительный акт против Вольшта и Киндермана, которые теперь обвинялись не только в шпионаже, но и в подготовке заговора с целью убийства Сталина и Троцкого, причем это обвинение в точности соответствовало обвинению, предъявленному Скоблевскому. В обвинительном акте особенно подчеркивалось, что они пользовались помощью и советами Хильгера. Процесс начался 28 июня 1925 г. — в тот день, когда Брокдорф-Ранцау в сопровождении Дирксена отправился из Берлина обратно в Москву. Председателем суда был Ульрих, государственным обвинителем — Крыленко ⁷². Свидетели, в том числе и обвиняемые, в своих признаниях продолжали говорить о причастности Хильгера. Когда посол, прибывший в Москву, сделал соответствующее представление Чичерину, личные нападки на Хильгера прекратились, но этого было недостаточно для того, чтобы спасти Вольшта и Киндермана, которые 3 июля 1925 г. были признаны виновными и приговорены к смертной казни. Счет теперь был равным. Жизни молодых людей были вне опасности до тех пор, пока не был казнен Скоблевский, и теперь можно было произвести обмен. 8 июля 1925 г. Наркоминдел проинформировал Брокдорф-Ранцау, что смертный приговор двум молодым людям не будет приведен в исполнение и что вопрос может быть улажен между двумя государствами «дружественным образом» ⁷³. Горячность, проявленная немецкой стороной, озадачила Москву и была истолкована как политическая демонстрация.

Тем временем переговоры о заключении задержавшегося торгового договора возобновились, параллельно с обсуждением требования Брокдорф-Ранцау о снятии обвинений с Хильгера и с германского посольства. Немецкая сторона уже давно уяснила, что успех торговых переговоров зависит от состояния политических отношений между двумя странами ⁷⁴. 1 июля 1925 г. Дирк-

сен в присутствии Брокдорф-Ранцау изложил Чичерину взгляды германского правительства на предлагаемый торговый договор и преамбулу⁷⁵. Принципиальные разногласия относительно торгового договора были четко определены⁷⁶. Германское правительство стремилось обойти монополию внешней торговли и получить непосредственный доступ к советским промышленным и торговым предприятиям; по этому пункту никаких уступок сделано не было. Несмотря на то, что наличие монополии внешней торговли делало почти бесполезными обычные формулировки по поводу наиболее благоприятствуемой нации, переговоры в значительной степени были посвящены утверждению этого принципа. Рапалльским договором допускалось исключение из этого принципа в пользу советской торговли со странами, «которые являлись частью бывшей Российской империи»; это исключение было снова подтверждено. Советское правительство теперь претендовало на распространение исключения на советскую торговлю с малыми азиатскими странами — Турцией, Персией, Афганистаном, Синьцзяном и Внешней Монголией. На практике советская торговля с этими странами велась на совершенно иной основе, чем советская европейская и заокеанская торговля, и здесь почти полностью избегались ограничения монополии внешней торговли⁷⁷. Это требование встретило резкое противодействие со стороны немецких участников переговоров. Вальрот в письме Шлезингеру, немецкому представителю на переговорах, разъяснил 24 июня 1925 г., что германское правительство может согласиться на исключения из принципа наиболее благоприятствуемой нации в торговле с Прибалтийскими государствами, Персией, Афганистаном, Синьцзяном и Внешней Монголией, но не с Польшей, Финляндией, Турцией или Китаем⁷⁸. Штреземан сам после беседы в Крестинском в Берлине 22 июня 1925 г. жаловался, что Советский Союз хочет лишить Германию прав наиболее благоприятствуемой нации в торговле с «Китаем и другими», как будто бы эти страны принадлежали России, и саркастически высказался по поводу ограниченного толкования, которое Советский Союз давал принципу наиболее благоприятствуемой нации⁷⁹. Советские участники переговоров добивались распространения прав экстерриториальности на помещения торгового представительства в Гамбурге и требовали кредитов, чтобы облегчить немецкий экспорт в Советский Союз: это было одним из важнейших условий расширения советско-германской торговли⁸⁰. Однако было ясно, что подлинные препятствия имеют политический характер. Соглашение будет достигнуто по этим второстепенным вопросам, как только удастся преодолеть политические сложности.

Преамбула, как и следовало ожидать, доставляла беспокойство. Чичерин все время издевался над ее бессодержательными банальностями и иронически сказал Дирксену, что ее «можно было бы использовать в качестве преамбулы к соглашению по ветеринарии»⁸¹. В более официальной беседе с Брокдорф-Ранцау

несколько дней спустя он, характеризуя преамбулу, заявил, что она состоит из «туманных намеков и красивых фраз», более подходящих для послеобеденного тоста, чем для договора. Он также представил альтернативный проект, который по своему содержанию был идентичен договору о нейтралитете, предложенному в декабре 1924 г., и был несовместим с членством Германии в Лиге Наций⁸². Он угрожал опубликовать этот проект, что, по-видимому, привело в замешательство германскую делегацию⁸³. «Правда» добавила жару в одной из передовых статей, где было сказано, что значительные круги немецкой буржуазии все больше «бегают петушком» перед английской имперской политикой и что даже немецкие националисты стали «наемниками этой Англии»⁸⁴.

В середине июля в Берлине серьезно рассматривалось предложение о том, чтобы прервать переговоры. Штреземан в меморандуме кабинету от 13 июля 1925 г. разъяснил, что оказалось невозможным достичь соглашения в соответствии с установками, изложенными в директивах германской делегации. Предложение отложить дальнейшие переговоры до осени немедленно вызвало «подозрения у Советского правительства, которые и так достигли самой высокой точки вследствие переговоров Германии с Западом», и откладывание может быть истолковано как «попытка переориентировать германскую политику от России в сторону Запада». Кроме того, напряженное состояние германских торговых отношений с Францией и Польшей также делало германо-советское соглашение весьма желательным. Договор был необходим Германии как политически, так и экономически, а для того чтобы его добиться, требовались уступки по спорным вопросам. Однако было столь же необходимо, не прекращая переговоров, оттянуть его подписание до тех пор, пока не будет окончательно заключено соглашение с Западом⁸⁵. В германском кабинете началась борьба, и этот вопрос обсуждался там не менее четырех раз между 14 и 22 июля 1925 г.⁸⁶ Наконец, 28 июля 1925 г. Штреземан был в состоянии дать инструкции нетерпеливому Брокдорф-Ранцау относительно того, что германское правительство, «вероятно», согласится предоставить экстерриториальность всем помещениям советского торгпредства в Берлине, при условии, если все остальные спорные советские требования, в том числе и об экстерриториальности помещений торгпредства в Гамбурге, будут сняты⁸⁷. Это, очевидно, рассматривалось как завершение переговоров, и в конце июля 1925 г. Дирксен вернулся в Берлин⁸⁸.

Тем временем упорная борьба между Брокдорф-Ранцау и Наркоминделом по поводу дела Вольшта и Киндермана велась параллельно с торговыми переговорами⁸⁹ и закончилась соглашением, которое в виде коммюнике «от Народного комиссариата по иностранным делам» было опубликовано в «Правде» и в «Известиях» 8 августа 1925 г. В коммюнике пересказывалось заявление, полученное «некоторое время тому назад» от германского посоль-

ства, в котором говорилось о случайном характере связей Хильгера с двумя молодыми людьми. К этому было сделано только лаконичное добавление, где обращалось внимание на то, что в приговоре суда Хильгер не упоминается. Коммюнике заканчивалось сообщением о том, что оба правительства договорились считать инцидент исчерпанным. Однако эта частичная уступка, сделанная в Москве, не устраняла главной трудности советской позиции в отношении переговоров Германии с Западом. Советские возражения против них не стихали и выражались все более открыто. Литвинов, возвращаясь через Берлин после своего «лечения» в Западной Европе, снова увиделся со Штреземаном 8 августа 1925 г. Штреземан еще раз попытался отстоять преамбулу и полагал, что Чичерин недооценивает ее ценности как гарантии против любого ущерба, которого может опасаться Советский Союз от договора Германии с Западом⁹⁰. Красин в интервью, данном в Париже, едко заметил, что «поскольку переговоры относительно договора и вступления Германии в Лигу Наций явно рассчитаны на то, чтобы изолировать СССР и создать блок всех европейских государств против него, народ и правительство СССР не могут сочувственно взирать на подобные попытки, так сказать, укрепления мира»⁹¹. В конце августа 1925 г. в Берлине повеял ветерок тревоги, когда восемь советских военных в высоких чинах проследовали через этот город по пути в Париж: предположительно, эта поездка явилась результатом переговоров с французским послом в Москве⁹². Но именно Литвинов, который после возвращения в Москву, по-видимому, стал вести германо-советскими переговорами, сделал следующий ход, сказав как бы невзначай Брокдорф-Ранцау 26 августа 1925 г., что злополучная преамбула «не должна быть связана с договором, который сейчас здесь обсуждается»⁹³. Штреземан, который хотел заключения торгового договора, при условии, что ему сначала удастся обеспечить договор с Западом, и не хотел вообще политической преамбулы, поспешно согласился на разделение этих двух документов⁹⁴.

Переговоры с Западом теперь приближались к своему триумфальному завершению. Италия, к неудовольствию и разочарованию наблюдателей из Москвы, была втянута в эту западную сеть⁹⁵. 15 сентября 1925 г. были посланы приглашения Англии, Франции, Италии и Германии, а также Польше и Чехословакии встретиться на конференции в Локарно 5 октября. Было ясно, что имеется в виду соглашение относительно гарантийного договора. Эта новость дала толчок переговорам в Москве о торговом договоре. Неделью спустя Брокдорф-Ранцау был в состоянии объявить, что предвидится «положительный результат» и что обе стороны работают над окончательным текстом⁹⁶. Однако это не помешало продолжению в печати сильного артиллерийского обстрела, мишенью которого был предлагаемый гарантийный пакт. 22 сентября 1925 г. «Правда» поместила передовую статью «Об

угрозе войны», которая заканчивалась словами, что действия Англии «объективно представляют собой именно систематическую и длительную подготовку войны против СССР». Через два дня в особенно яростной статье в «Известиях», озаглавленной «Перед опасностью непоправимого шага», говорилось о «двух лицах» Лиги и делался вывод, что «в любой день может создаться такое положение, при котором, в соответствии с уставом Лиги Наций, Германия будет обязана присоединиться к лагерю, враждебному Советскому Союзу». В тот же день Чичерин информировал посла о своем отъезде на следующий вечер в Варшаву по пути в Берлин, где он проведет несколько дней и обратится за медицинской консультацией, после чего проследует на какой-нибудь курорт с минеральными водами в Западной Европе. Советский поверенный в делах в Берлине передал эту же информацию Шуберту, сделав дополнительное замечание — одно из тех замечаний, которые явно означают обратное тому, что в них говорится, — что визит в Варшаву «не имеет никакого политического значения»⁹⁷. И хотя неоднократно повторялось, что поездка Чичерина носит частный характер, он отбыл из Москвы с полным церемониалом, был выстроен почетный караул и весь дипломатический корпус провожал его на вокзале⁹⁸.

Трехдневное пребывание Чичерина в Варшаве не привело ни к каким конкретным результатам⁹⁹. Но несмотря на официальное опровержение в «Известиях»¹⁰⁰, все сознавали его значение как предупреждение в адрес Германии, до сведения которой доводилось, что если она ищет новых друзей на Западе, то она не может рассчитывать на советскую поддержку против своего главного пугала на Востоке. Чичерин прибыл в Берлин из Варшавы вечером 30 сентября 1925 г., за два дня до того, как германская делегация должна была выехать в Локарно, и в тот же вечер, в 10 час. 30 мин., приступил к беседе со Штреземаном, которая продолжалась четыре часа. После своего обычного тактического вступления, посвященного деятельности Коминтерна, Штреземан заявил о своей готовности перейти в ближайшее время к заключению торгового соглашения, «с тем чтобы пресечь разговоры относительно западной ориентации». Подготовив подобным образом почву, Штреземан попытался опровергнуть обвинение насчет «англо-германского союза против России», и беседа приняла привычное направление. Чичерин внес некоторое разнообразие, упомянув о предложении Брокдорф-Ранцау от декабря 1924 г. относительно совместных действий, направленных на то, чтобы «оттеснить Польшу к ее этнографическим границам». Штреземан выразил удивление и беспокойство по поводу такого предложения, которое, сказал он, было ему совершенно неизвестно, и послал за Шубертом, который, после формального поиска, был также не в состоянии подтвердить это. Пока наводились справки, Чичерин заснул, и на этой незавершенной ноте беседа, по-видимому, закончилась¹⁰¹. На следующий день, 1 октября 1925 г., германское

правительство решило в принципе принять предлагаемый торговый договор, спорные же вопросы предстояло уладить в Москве. В связи с этим было опубликовано коммюнике со следующим заключительным абзацем: «По особенно счастливому совпадению обстоятельств, решение правительства рейха о заключении договора могло быть лично сообщено народному комиссару Чичерину, который находится в Берлине»¹⁰². О еще более счастливом совпадении, то есть о том, что это решение было оглашено накануне переговоров в Локарно, не упоминалось. Наиболее важным пунктом решения (хотя он тоже не оглашался) было одобрение кредита в 100 млн. марок для Советского правительства, который подлежало оформить через германские банки¹⁰³. Эта уступка была окончательным сигналом о том, что германское правительство наконец перешло к делу.

Тем временем прилагались всяческие усилия, чтобы выразить уважение Чичерину и правительству, которое он представлял. Его принял канцлер на следующий день после его прибытия, пригласив на завтрак, на котором также присутствовали Штреземан, Зедек и Гесслер¹⁰⁴, и по его просьбе была достигнута договоренность о том, что его примет Гинденбург¹⁰⁵. Вечером 2 октября, за несколько часов до отбытия германской делегации в Локарно, между Штреземаном и Чичериным состоялась еще одна встреча. В этот раз Штреземан, явно находившийся в замешательстве, был вынужден признать, что фраза о том, чтобы «оттеснить Польшу к ее этнографическим границам», действительно содержалась в инструкциях, отправленных Брокдорф-Ранцау в декабре 1924 г., хотя он пытался переложить ответственность за это на Коппа и вообще всячески уменьшить значение этой фразы. Он явно был встревожен возможностью публичного разоблачения подобного демарша накануне Локарнской конференции. Штреземан разъяснил Чичерину, что он не может себе позволить заключить соглашение, которое способно вызвать подозрение в том, что оно прикрывает «огромные секретные военные приготовления Германии», и за которое «мы получим подзатыльник (Nackenschlag) на западной границе». Остальная часть беседы была в основном посвящена тому, как увязывается вступление Германии в Лигу Наций со статьей 16 Устава Лиги. Штреземан объяснил разницу между «исключением де-юре из сферы действия статьи 16», для которого требуется внести поправку в Устав по требованию большинства членов Лиги, «и исключением де-факто», которое будет обеспечено авторитетным «истолкованием» этой статьи. Он повторил, что Германия не имеет намерения вступать в Лигу безоговорочно¹⁰⁶. В последний момент, чтобы обеспечить или продемонстрировать, что восточный аспект германской политики не будет упущен из виду, в германскую делегацию, направлявшуюся в Локарно, был включен Дирксен¹⁰⁷.

На всем протяжении переговоров в Локарно Чичерин оставался в Берлине. 2 октября 1925 г. он устроил общий прием для

представителей прессы и вновь выразил свои опасения по поводу того, что Англии удастся с помощью гарантийного пакта и Лиги Наций направить Германию на антисоветский путь. Англия, заявил он, не упускает ни малейшей возможности, без того чтобы использовать ее в своих антисоветских целях. «Германия из-за этой статьи (статья 16) попадает в положение, когда Англия может, с одной стороны, с помощью Франции оказывать сильнейшее давление на Германию, с другой — Англия может по отношению к Франции выступать в качестве защитницы Германии. Если к этому добавить... что Англия может обещать Германии большие выгоды за счет Польши, то получится политика „пряника и кнута”»¹⁰⁸.

6 октября 1925 г. Чичерина принял Гинденбург. Никакого серьезного политического разговора не произошло. Чичерин несколько раз подчеркивал важность тесных отношений между Советским Союзом и Германией, а Гинденбург упорно избегал этой темы¹⁰⁹. Чичерин также воспользовался своим пребыванием в Берлине, чтобы нанести визит французскому послу и обсудить возможность визита в Париж во время своего пребывания в Западной Европе¹¹⁰; сведения об этом намерении должным образом просочились в дипломатические круги как еще один намек для германского правительства¹¹¹. Чичерин оставался в Берлине до дня, предшествовавшего возвращению германской делегации из Локарно, а затем отправился в Висбаден. В качестве прощального привета с подтекстом он дал интервью для прессы 15 октября, в котором, признав, что советский наблюдатель может при некоторых обстоятельствах быть послан в Женеву, он еще раз заявил, что «членство в Лиге Наций абсолютно неприемлемо» для СССР¹¹².

Тем временем Штреземан показал в Локарно, что он не забывает об отношениях со своим великим соседом на Востоке. Сразу же после своего прибытия он нейтрализовал имевшее широкий резонанс интервью Чичерина в Берлине, сделав заявление для прессы, в котором отвергал наличие западной ориентации в германской политике, и сказал, что он наглядно продемонстрировал своей готовностью заключить торговый договор «намерение Германии держать путь в Россию открытым»¹¹³. Значительная часть дискуссий в Локарно была посвящена статье 16 Устава. Во время этих дискуссий Остин Чемберлен еще раз заявил «открыто и категорически», что «английскому правительству никогда не приходила в голову мысль каким-либо образом посредством этого пакта создать пакт, направленный против России»¹¹⁴. Штреземан, сопротивление которого Западу, возможно, получило подкрепление благодаря протестам Чичерина, а также оппозиции у себя на родине, упорно не поддавался французскому и английскому нажиму в отношении принятия военных обязательств. Выход был найден в виде фразы, заимствованной из не существовавшего более Женевского протокола 1924 г.; главные державы

заявили Германии, что член Лиги обязан сотрудничать при оказании сопротивления агрессии только «в такой степени, которая сопоставима с его военным положением и учитывает его географическое положение». Это была одна из тех фраз, незаменимых в дипломатических переговорах, в которой можно вычитать огромное количество значений и которая поэтому давала предлог для соглашения. Гарантийный пакт и сопроводительные документы, включая декларацию об истолковании статьи 16, были парафированы в Локарно 16 октября 1925 г. Они были официально подписаны в Лондоне 1 декабря 1925 г.

12 октября 1925 г., пока все еще шли переговоры в Локарно, советско-германский торговый договор был подписан в Москве Литвиновым и Брокдорф-Ранцау. Его политическое значение было отмечено заявлением о том, что Рапалльский договор будет по-прежнему считаться основой для регулирования германо-советских отношений. Главным документом было общее торговое соглашение, в которое была включена специальная фраза о советской монополии внешней торговли. Стороны заявляли, что они стремятся «восстановить довоенный уровень доли обеих стран во взаимном импорте и экспорте». Пункт о предоставлении статуса наиболее благоприятствуемой нации исключал из сферы его действия «льготы, предоставляемые СССР Персии, Афганистану и Монголии», и «льготы, предоставляемые СССР Турции и Китаю в отношении приграничной торговли»; это исключение не распространялось на заморскую торговлю с Китаем. Договор включал семь дополнительных соглашений, в том числе консульскую конвенцию, а также соглашение о юридической помощи при гражданских спорах¹¹⁵. За несколько дней до подписания Сокольников сообщил об условиях кредита, предоставляемого Советскому правительству группой германских банков, действовавших фактически — хотя и не от имени — по поручению германского правительства¹¹⁶. Это был краткосрочный кредит, выплачиваемый в виде двух взносов в январе и феврале 1926 г.; ставка составляла 8,5%. Помимо своего политического значения этот договор давал Советскому правительству практическое преимущество, позволяя ему немедленно произвести закупки в Германии, уплачивая за них только тогда, когда будет в наличии зерно на экспорт¹¹⁷. Итогом этих соглашений явились нормализация и расширение экономических связей между Советским Союзом и Германией, а время подписания имело явное политическое значение. В коммерческом и финансовом отношении больше выиграл Советский Союз. Это не было компенсацией за новую политическую связь Германии с Западом. Жгучий политический вопрос о том, как скажется Локарно на будущности советско-германских отношений, был оставлен для последующих переговоров.

Невзирая на смягчающее воздействие советско-германского торгового договора, Локарнские договоры были восприняты в Советском Союзе со взрывом яростного возмущения, не лишённого

мрачных предчувствий. Германские протесты, в которых указывалось, что согласованное истолкование статьи 16 Устава предоставляет Германии право не допустить прохода французских войск через ее территорию в случае советско-польской войны и что договоры об арбитраже с Польшей и Чехословакией не означают отказа от территориальных претензий Германии¹¹⁸, оставались без внимания. Зиновьев осуждал их как «прямую попытку прорыва, непосредственную подготовку войны против Советского Союза»; Англия не осмеливается начать войну в одиночку, но всячески старается создать антисоветскую коалицию, пока не поздно¹¹⁹. Радек в пространной работе, построенной на тезисе о том, что «подчинение Германии Лиге Наций представляет собою первый шаг вперед на пути создания в Европе капиталистического концерта держав, направленного против СССР», анализировал со своей обычной проницательностью изменения в позициях ведущих держав, обнаружившиеся или вызванные Локарно¹²⁰. Каменев на собрании Московской партийной организации в ноябре 1925 г. назвал Локарно «первой попыткой к соглашению, которое откроет английским и французским капиталистам дорогу к границам Советского Союза через Германию»¹²¹. Зиновьев, обращаясь к съезду профсоюза металлистов, охарактеризовал Локарно как «фактор, угрожающий миру», и сказал, что это «тихая сапа под СССР»¹²². Конференция коммунистов — парламентариев европейских стран, проведенная в Брюсселе 10—12 ноября 1925 г., приняла декларацию, в которой говорилось, что Локарнский договор является «не только ужасной опасностью для Советской России, но также и новой и серьезной угрозой для всех трудящихся масс, страдающих от капиталистической эксплуатации и угнетения». Один из выступавших внес новую ноту, сказав, что это «также договор против пробуждающихся колониальных народов Азии и Африки»¹²³. Накануне официального подписания «Известия» снова выразили опасение по поводу того, что Лига Наций является орудием в руках великих держав: «Она всегда в моменты международных осложнений может в интересах одного или группы крупных хищников заставить все остальные малые и слабые государства выполнять ее державную волю»¹²⁴. Тельман в дискуссии о Локарно в германском рейхстаге 24 ноября 1925 г. назвал его попыткой «английского империализма» «организовать Европу как английский фронт против Советской России» и утверждал, что Германия, приняв этот договор, «переходит в ряды врагов Советской России»¹²⁵. Это были только основные моменты кампании, которая повсеместно изображала Англию как главного организатора широкой коалиции, угрожавшей Советскому Союзу войной и разрушением.

Однако, хотя Локарно по-прежнему увеличивало напряженность между Советским Союзом и Англией, его воздействие на советско-германские отношения было проблематичным, поскольку Советское правительство относилось к Германии то как к глав-

ному злодею, то как к главной жертве. Английский поверенный в делах в Москве Ходжсон не считал, что «присоединение Германии к гарантийному пакту и вступление в Лигу Наций приведет к каким-либо бурным разногласиям в русско-германских отношениях»¹²⁶. На первый взгляд это предсказание оправдывалось. Заключение локарнских договоров сопровождалось подписанием советско-германского торгового договора и предоставлением значительного кредита Советскому правительству. За этим последовало развитие как советско-германской торговли, так и советско-германского военного сотрудничества. Никогда отношения между двумя странами так активно не поддерживались, как в первые два года после Локарно. Истина, гласившая, что Германия и Советский Союз нуждаются друг в друге, по-видимому, полностью подтвердилась и восторжествовала над преходящим взаимным раздражением, вызванным локарнским эпизодом. Тем не менее после Локарно уже ничто не было таким же, как раньше. Брокдорф-Ранцау довольно жеманно сокрушался, что «прежнее очарование наших отношений с Россией исчезло»¹²⁷, а Дирксен сожалел, что «Рапалло утратило свой романтический ореол»¹²⁸. Исчезло прежнее ощущение общей судьбы как изгоев из европейского сообщества: в этом была сущность «духа Рапалло». Германия, возможно, все еще нуждалась в Советском Союзе так же, как раньше, но она уже нуждалась в нем не как в единственном партнере, а как в противовесе другим, фактическим или потенциальным партнерам, как в гарантии от чрезмерной зависимости от Запада. Во всем, что касается практических целей, сотрудничество могло продолжаться и расширяться. Однако мотив для него с германской стороны претерпел качественное изменение. И осознание этого изменения быстро сказалось на советской политике. Советское правительство, несмотря на всю практическую ценность, которую оно еще придавало дружбе Германии, все больше ощущало определенную холодность и пустоту в этой дружбе и все больше стремилось найти компенсацию где-либо в другом месте. Будучи не в состоянии пробить прочный фронт английской враждебности, оно обратилось, скорее от отчаяния, к Франции и Польше. Хотя и продолжая демонстрировать свое вечное неодобрение Лиги Наций, оно стало относиться к тому, что делалось в Женеве, более заинтересованно и менее предвзято. Более всего, пожалуй, оно увеличило свои усилия, уже явственные в советской политике до Локарно, направленные на то, чтобы привлечь новый мир Азии с целью восстановить равновесие в старом мире.

КОМИНТЕРН: V ПЛЕНУМ ИККИ

Международные дела, которыми были озабочены советские руководители в первые месяцы 1925 г., быстро отразились на деятельности Коминтерна. Во время работы совещания, которое известно как «V расширенный пленум ИККИ»¹, собравшийся в Москве 21 марта 1925 г., доминировали два ключевых слова: «стабилизация» и «большевизация». Стабилизация была временно достигнута западным капитализмом после того, как были преодолены революционные потрясения первого послевоенного периода, хотя признание этого смягчалось признанием аналогичной стабилизации советского режима. Большевизация коммунистических партий была провозглашена в качестве одной из задач на V конгрессе. Теперь этот призыв повторялся со все большей силой, и в новой ситуации предпринималась довольно искусственная попытка связать большевизацию со стабилизацией.

Атмосфера на V расширенном пленуме ИККИ разительно отличалась от той, в которой проходил V конгресс Коминтерна в июне-июле предыдущего года. Разочарования, испытанные советской дипломатией в конце 1924 г., имели свою параллель и в Коминтерне. Несмотря на предшествовавшие прогнозы революционный прилив в Европе продолжал спадать. Единичные крестьянские восстания в восточных воеводствах Польши ни к чему не привели и становились источником замешательства². Конец 1924 г. был отмечен еще одним событием, которое, хотя оно и имело второстепенное значение само по себе, было, по-видимому, четким показателем угасающих перспектив революции в Европе. На всем протяжении года небольшая, но энергичная эстонская коммунистическая партия привлекала внимание полиции. В январе 1924 г. поступило сообщение из Ревеля, столицы Эстонии, «о массовых арестах коммунистов»³. В августе 1924 г. власти «предприняли новое наступление на рабочий класс» — были произведены многочисленные аресты и разогнаны партийные организации⁴. После этого власти, по-видимому, решили наглядно показать коммунистическую угрозу и 10 ноября 1924 г. организовали массовый процесс 149 коммунистов в Ревеле⁵. 15 ноября 1924 г. один из главных обвиняемых, по фамилии Томп, проявил публичное неповиновение суду и поносил его. В результате его

казнили этой же ночью. ИККИ опубликовал заявление, осуждавшее «эстонских палачей», а делегаты VI съезда советских профсоюзов, заседавшего тогда в Москве, встали, чтобы почтить память замученного руководителя⁶. Процесс закончился 27 ноября 1924 г.; были осуждены фактически все обвиняемые, а сроки тюремного заключения составляли от пожизненного до четырех лет⁷. Эти суровые меры вызвали в партии отчаяние. 1 декабря 1924 г. в Ревеле произошло вооруженное коммунистическое восстание, и повстанцы на протяжении нескольких часов удерживали в городе ключевые позиции. Однако армия и полиция остались лояльными, и восстановление порядка было всего лишь вопросом времени. Теперь начались аресты и казни по суду и без суда. «Кровь рабочих льется в Эстонии», заявил ИККИ 11 декабря 1924 г.⁸ Что касается числа жертв, то здесь наблюдается обычная неуверенность. Тем не менее последняя оценка, согласно которой 300 человек было казнено и 500 заключено в тюрьму⁹, вероятно, не является преувеличенной. Непосредственная ответственность за эту неудавшуюся попытку переворота была сразу же предположительно или определенно возложена на Коминтерн или даже на Советское правительство. Но это никогда не было окончательно установлено. Восстание, несомненно запланированное после консультации с Москвой, вполне могло быть начато в роковой момент по местной инициативе¹⁰. Однако независимо от причины, его результат оказался совершенно обескураживающим. Оно повторило урок, уже преподанный германской и болгарской катастрофами в 1923 г.¹¹ Была предпринята еще одна попытка революционного переворота, но она не удалась. Уродливое слово «путч», примененное к нему его противниками, было само по себе критикой в адрес тех в Коминтерне, кто поддерживал преждевременную и авантюристическую политику, и являлось энергичным призывом к изменению линии Коминтерна. Ни предсказания скорого революционного переворота, ни требования нового сдвига влево в коммунистических партиях, которые выдвигались на V конгрессе за шесть месяцев до того, уже не звучали как убедительные или подходящие лозунги.

Не было удивительно, что Сталин, всегда скептически относившийся к перспективе революции в Европе¹², был первым, кто подверг оптимистические иллюзии лета и осени 1924 г. трезвой переоценке. В январе 1925 г. на Московской областной партийной конференции он дал характеристику «союзникам» Советской власти. Он поочередно отверг как не могущих быть союзниками «пролетариат развитых стран» (который, хотя и «наиболее верный, наиболее важный союзник», не в состоянии в настоящее время оказать «прямую решающую помощь»), «угнетенные народы в малоразвитых странах» (хотя они и представляют собой «величайший резерв нашей революции», но этот резерв «медленно раскачивается»), а также «крестьянство капиталистических развитых стран (которое не «такой надежный союзник, как пролетариат»)). Остаю-

щийся «союзник», невидимый, но важнейший из всех, — «борьба, конфликты и войны между нашими врагами», противоречия в капиталистическом мире¹³. Отсюда напрашивался вывод о том, что враждебную силу капиталистического мира можно подорвать не медленным процессом революции, а дипломатическими маневрами. Таким образом, Сталин одним из первых осознал факт «стабилизации капитализма», хотя он в это время, возможно, еще не представлял себе, в какой мере это можно будет использовать для подкрепления его новой доктрины о социализме в одной стране. В феврале 1925 г. он признал в беседе с одним немецким коммунистом, что план Дауэса «уже дал некоторые результаты, приведшие к относительной устойчивости положения»¹⁴.

То, что было сказано, не отличалось существенно от признания на III конгрессе Коминтерна в 1921 г., что капитализм добился временного «равновесия»¹⁵. Однако само равновесие характеризовалось как «неустойчивое», а допущение в словарь Коминтерна понятия «стабилизация» применительно к капитализму, какой бы частичной и временной она ни была, вызвало нечто вроде сенсации, так что большевистские лидеры первоначально стеснялись прибегать к этому понятию. Сталин в статье, опубликованной в «Правде» на следующий день после того, как собрался V пленум ИККИ, и, очевидно, рассчитанной на то, чтобы произвести впечатление на делегатов, избегал этого слова, употребляя его лишь в специфическом контексте, когда речь шла о стабилизации валюты. Но по сути в его высказываниях было мало недоговоренного: «Несомненно, что капиталу удалось выкарабкаться из трясины послевоенного кризиса. Стабилизация валюты в ряде капиталистических стран, рост мировой торговли и расширение производства в отдельных странах, вывоз и внедрение капитала, особенно англо-американского, в страны Европы и Азии, — все это говорит об успехах «строительной работы» капитала... Несомненно также, что в центре Европы, в Германии, уже закончился период революционного подъема»¹⁶. Никакой упор в последних разделах статьи на продолжающиеся противоречия капитализма и на ненадежные и краткосрочные перспективы его восстановления не могли снизить впечатление от этого откровенного признания. Диагноз политического положения и осуждение «демократических» иллюзий более раннего периода были не менее бескомпромиссными: «отцвел так называемый пацифизм, не успев расцвести и не сделав из себя ни „эры“, ни „эпохи“, ни „периода“»¹⁷. В заключение Сталин перечислил «задачи коммунистических партий», причем ни в одной из пяти перечисленных задач не предполагалось приближение — или хотя бы возможность — непосредственно революционной ситуации¹⁸.

Когда открылся V пленум ИККИ, Зиновьев более теоретическим и менее конкретным языком предложил тот же диагноз. В своей короткой приветственной речи, обращенной к делегатам, он с сожалением отметил, что Коминтерн ничего не может «вписать

в приход крупных успехов» после V конгресса¹⁹. Его основной доклад был посвящен всестороннему анализу положения. Он начал с вопроса, который усиленно дискутировался в то время, — о предполагаемом «пути», которым пойдет революция, однако ограничился на этот раз тем, что подверг сомнению давно принятое предположение о том, что этот путь пройдет прежде всего через Германию. Зиновьев сказал, что не правы «люди, фаталистически уверовавшие в совершившуюся, якобы на 100 проц., стабилизацию капитализма». Действительно, «буржуазия получила передышку», и экономическое положение улучшилось в ведущих капиталистических странах. Однако насколько неустойчива эта стабилизация, можно продемонстрировать на примере живучести острых антагонизмов в капиталистическом мире, особенно антагонизма между Англией и Соединенными Штатами, в основе которого лежит глубокое расхождение интересов, а также противоречия внутри самой Европы — в особенности враждебность между Англией и Францией. Несмотря, следовательно, на отсутствие в некоторых странах «острой революционной ситуации» мировое положение в целом «остается объективно революционным». «Демократическо-пацифистская эра», диагностированная на V конгрессе, была объявлена заканчивающейся, она представляла собой «лишь эпизод в эпохе империалистических войн и подготовки пролетарской революции». Социал-демократы и Радек снова подверглись нападкам, хотя этому было уделено гораздо меньше внимания, чем на V конгрессе в предыдущем году. О социал-демократии снова было сказано, что она оказалась «крылом фашизма», заняв «мелкобуржуазную позицию и став крылом буржуазной „демократии”»²⁰.

В прениях по докладу Зиновьева делегаты иностранных партий больше заботились о том, чтобы продемонстрировать свою лояльность Коминтерну, чем разобраться в сути «стабилизации». Только Варга, который, возможно, был автором этого выражения, прямо сказал о «стабилизации капитализма». Но даже и он думал, что ее масштабы и длительность «в наших рядах немного переоценивают» и что относительная социальная стабилизация («В социальном отношении буржуазии удалось стабилизировать свое господство») не сопровождается таким же уровнем экономической стабилизации²¹. Зиновьев, отвечая на вопросы после прений, считал принципиально важным опровергнуть тех, не имеющих отношения ни к партии, ни к Советскому Союзу, кто придает слишком большое значение заявлению о «стабилизации». Этим любителям преувеличивать было сказано, что «мы несколько не отказываемся от общей нашей концепции, признававшей, что с 1917 года мы вступили в период мировой революции», и что не только «Германия — не вся Европа», но и «Европа еще не весь свет»²². Это был намек на то, что в графике европейской революции медлительная Германия может быть заменена Англией, и он был характерен для надежд, которые лелеялись в Москве

в то время²³. Это был также намек на то, что на помощь спотыкающейся Европе может прийти Азия, что вскоре стало любимой темой коминтерновских ораторов. Зиновьев с довольно большой натяжкой привел аргумент о том, что стабилизация капитализма ведет за собой и соответствующую стабилизацию советского строя, но не остановился на этом подробнее²⁴. Не было предложено никакой резолюции по поводу «стабилизации» и не было сделано никакого анализа мировых экономических перспектив. В тезисах о большевизации коротко упоминалось в качестве вступления о том, что «мы стоим перед полосой более или менее затяжного развития мировой революции»²⁵. Были приложены все старания, чтобы исключить всякий намек на то, что предлагается новый диагноз или придается новый поворот линии Коминтерна.

Независимо от того, какое впечатление это произвело в то время, перемена позиции, отмеченная на V расширенном пленуме ИККИ, была реальной и удачно обозначалась словом «стабилизация». Те, кто были более тесно связаны с выработкой политики Коминтерна, более всего осознавали перемену. «Основной вопрос», обсуждавшийся на V пленуме ИККИ, писал Мануильский вскоре после окончания сессии, был вопросом о стабилизации²⁶; а Зиновьев год спустя ретроспективно сказал, что слово «стабилизация» определило характер пленума²⁷. В долговременной перспективе это истолкование было правильным. Весна 1925 г. была периодом острого осознания изоляции Советского Союза во враждебном капиталистическом мире и мрачных предчувствий по этому поводу, когда капитализм, пережив все революционные штурмы первых послевоенных лет, снова перешел в наступление. Это был период рождения доктрины «социализма в одной стране» и национальной самостоятельности, когда русское настоящее уже нельзя было считать зависящим прежде всего от революционного будущего, которое принесет спасение не только России, но и всему человечеству. Это был период поворота вправо в аграрной политике и попытки обрести обеспеченность посредством компромисса с зажиточным крестьянином — «ставка на кулака». Такие настроения не смогли не сказаться на Коминтерне. V расширенный пленум ИККИ, с его упором на возросшую стабильность и капиталистического и советского мира, предвещал как более сознательный и осторожный отход от революционных иллюзий и авантур прошлого, так и более ревностную заботу о безопасности и интересах Советского Союза как великого оплота социализма. Более конкретно, он предвещал отлучение тех левых лидеров иностранных коммунистических партий, авторитет которых был с таким энтузиазмом подтвержден на V конгрессе летом 1924 г.

Тема стабилизации была вновь поднята на XIV конференции русской партии, состоявшейся через три недели после пленума ИККИ. На закрытой по своему характеру партийной конферен-

ции было не столь важно учитывать впечатления, производимые на иностранные коммунистические партии или на коммунистический мир. И Сталин, и Бухарин к этому времени открыли, что стабилизация капитализма и соответствующая стабилизация самого Советского Союза являются одним из звеньев, которые могут выковать цепь социализма в одной стране. Зиновьев в своем докладе о работе ИККИ смело констатировал широкое распространение «стабилизации». «Элементы неустойчивости» наличествовали в ситуации; однако замена Чемберленом, Гинденбургом и Брианом Макдональда, Эберта и Эррио означала определенный поворот вправо. Тем не менее было «нужно говорить не об одной, а о *двух стабилизациях*» — капиталистической стабилизации и стабилизации Советского Союза. И когда Зиновьев стал делать вывод в отношении того, какие указания Коминтерн должен давать «международному пролетариату», он говорил с большей откровенностью, чем на расширенном пленуме ИККИ: «Конечно, каждому из нас было бы гораздо легче говорить в мажорных тонах, поднимать массы на борьбу, звать их непосредственно к штурму, к бою и т. д. Гораздо труднее международную организацию удерживать от необдуманных шагов, сдерживать в ее революционном порыве, указывать ей на все трудности положения, чтобы добиться необходимого результата»²⁸.

В резолюции, принятой конференцией, говорилось, что «важнейшими темами», поставленными на пленуме ИККИ, были вопросы о «стабилизации капитализма» и о «дальнейших судьбах СССР в связи с замедлением международной революции». Проводилось различие между: «а) революционной ситуацией вообще, б) *непосредственно-революционной ситуацией* и в) *прямой революцией*». В настоящее время в Европе вообще и в Германии в частности «б» не существует, хотя «а» остается прежней. Это привело к осторожному провозглашению доктрины социализма в одной стране²⁹. Через несколько дней Сталин вернулся в своей речи на собрании московской партийной организации к теме «временной стабилизации капитализма». Он тщательно старался уравновесить ее, уделив одинаковое внимание «двум стабилизациям»: «На одном полюсе стабилизируется капитализм, закрепляя достигнутое положение и развиваясь дальше. На другом полюсе стабилизируется советский строй, закрепляя за собой завоеванные позиции и двигаясь вперед по пути к победе». Мир необратимо «раскололся на два лагеря»³⁰. Но даже в такой форме признание стабилизации капитализма все еще шокировало самоуверенные умы в партии.

На собрании в клубе Госплана 25 мая 1925 г. выступили Варга, Троцкий и Радек, причем все они старались смягчить впечатление, созданное заявлениями партии о стабилизации³¹. Варга указал на отсутствие накопления капитала во время и после войны, исчезновение рантье, рост безработицы и неспособность восстановить производство до довоенного уровня как на доказатель-

ство того, что для стабилизации не был создан прочный базис. Троцкий сел на своего любимого конька этого периода, говоря, что надо считаться с «антагонизмом американской и европейской продукции»³², а также с антагонизмами внутри Европы. Экономическое положение все еще ухудшается, несмотря на некоторые признаки восстановления, например стабилизацию валюты. Большевики допустили просчет в 1918—1919 гг. в своей оценке не экономического, а политического положения. «Объективные условия» созрели для революции, хотя рабочий класс не нашел «своевременного боевого руководства»³³. Из трех ораторов наибольшее впечатление степень достигнутой капитализмом стабилизации произвела на Радека, который признал, что экспорт американского капитала в Европу укрепит европейский капитализм и даст ему передышку в борьбе против социализма. Но даже он утверждал, что противоречия капитализма в конечном счете обострятся вследствие этого процесса. Такое заверение, по-видимому, показалось совершенно неубедительным. Бухарин, обращаясь к конференции комсомола в июне 1925 г., сказал: «Эта стабилизация, я думаю, вам в высшей степени надоела», — и постарался отделить ее от гильфердинговской теории равновесия и от «меньшевистской теории о мирной стадии развития капитализма»³⁴. Среди молодых коммунистов «стабилизация» никогда не была особенно популярным словом.

Гораздо больше можно было извлечь из другого имевшего широкое хождение термина в лексиконе Коминтерна 1925 г. — «большевизация». Требование «большевизации партий», впервые высказанное на V конгрессе в июне 1924 г., было первоначально следствием полемики с Троцким, и большевизация рассматривалась как символ противостояния троцкизму³⁵. Большевизация была конкретной формой, в которой ленинизм применялся к Коминтерну и к иностранным партиям. Коммунистические партии, как разъяснил Сталин в своей статье в сентябре 1924 г., состояли в значительной степени из «бывших социал-демократов, прошедших старую школу, и молодых членов партии, не имеющих еще достаточного революционного закала». Однако последнее полугодие стало свидетелем «ликвидации социал-демократических пережитков», «большевизации партийных кадров», а также «изоляции оппортунистических элементов» (здесь подразумевались, в частности, Брандлер и Суварин); «Процесс окончательного оформления действительно большевистских партий на Западе... начался». Все это было связано с победой революционного крыла «ведущих партий», то есть с поворотом влево, который отмечался на V конгрессе Коминтерна³⁶. Большевизация в этом смысле являлась продуктом оптимистического настроения и подразумеваемой готовности использовать преимущества революционной ситуации, которая может возникнуть в ближайшем будущем. В 1924 г. было бы трудно придавать ей какое-либо иное значение или отличать

ее от политики, впервые воплощенной в 21 условии 1920 г. — политики сплочения всех коммунистических партий, по образцу испытанной и дисциплинированной русской партии, в единую боевую организацию, вышколенную для революционного наступления³⁷.

В январе 1925 г. Зиновьев обратился с широко разрекламированным письмом ко всем входившим в Коминтерн партиям, убеждая их в необходимости большевизации³⁸. На первый взгляд, в этом письме не содержалось ничего нового. Было сказано еще раз, что большевизация в русской партии сводится к «идейной борьбе против троцкизма, к ликвидации троцкизма», и подчеркивалось, что большевизация не есть «механическое перенесение опыта русского большевизма в обстановку других стран», причем такое утверждение сочеталось с упором на необходимость учиться на этом опыте. Призывы стать «массовой партией» и «партией воинствующего большевизма»^{*} также были знакомы. Новым были настойчивый тон и контекст, в котором выдвигалось требование большевизации. В начале 1925 г., когда ближайшие перспективы на непосредственно революционную ситуацию исчезли и когда капиталистические державы под предводительством Англии предприняли наступление, которое могло угрожать безопасности Советского Союза, большевизация стала выражением иных условий и иной цели. Как теперь утверждалось, она была особенно необходима в период, когда капитализм проявляет больше способности к сопротивлению, чем ожидалось, в момент быстрой смены «демократическо-пацифистской полосы новой полосой всемирной реакции». Теперь речь шла уже не о подготовке партий к скорому захвату власти, а о том, чтобы сомкнуть ряды для отражения наступления противника. Кроме того, изменилось положение и внутри партий. Только в Англии, где старые лидеры не были изгнаны, можно было с долей правдоподобия утверждать, что конгресс подготовил путь к массовому движению влево. В Германии, Франции, Польше и Чехословакии устранение бывших социал-демократов с руководящих постов в коммунистических партиях вогнало клин между партиями и профсоюзами и ослабило влияние партий на массы. Новые, не испытанные лидеры левых, появившиеся после V конгресса, как оказалось, пользовались меньшим влиянием у рабочих, чем старые, более опытные лидеры правых³⁹. Большевизация весной 1925 г., считавшаяся попыткой способствовать созданию массовых партий, требовала, по-видимому, изменения или коренного пересмотра способа действий, применявшегося под этим же названием летом 1924 г.

В расширенный пленум ИККИ в марте 1925 г. предоставил Зиновьеву превосходную возможность разъяснить этот лозунг во всех его аспектах большой и представительной коминтерновской

^{*} Ошибка автора. В русском тексте «воинствующего ленинизма». — *Прим. ред.*

аудитории. «Эра демократического пацифизма» породила убеждение, что «другие страны будут переживать свой период керенщины»⁴⁰. Это убеждение Зиновьев отверг как иллюзию, и такое отклонение должно было логически означать, что партиям необходимо теперь подготовиться к прямому захвату власти. Но не это было главным впечатлением от сделанного Зиновьевым анализа с его повторными заявлениями о том, что не имеется «непосредственно революционной ситуации». Зиновьев пытался устранить впечатление, будто большевизация представляет собой чисто механический процесс: требовалась «подлинная большевизация умов, партий, рабочего движения»⁴¹. Делая упор на необходимости партийной дисциплины, он пытался предвосхитить критику, ссылаясь на статьи Крейбиха и Тальгеймера, «к сожалению, по сей день еще не опубликованные», в которых критиковались нынешние методы подбора вождей в партиях. Старые и испытанные вожди, как намекалось, были отстранены потому, что они недостаточно раболепствовали перед руководством Коминтерна, и заменены на «неисписанные листы», полностью восприимчивые к руководству Москвы⁴². Но здесь так ничего и не было сказано о сути большевизации. Длинный, велеречивый и сумбурный призыв, которым Зиновьев закончил свою речь, содержал одну многозначительную деталь: «Лозунг большевизации возник в борьбе и против правых тенденций. Он и в дальнейшем будет стоять главным образом под знаком борьбы против правых — разумеется, и против ультралевых — уклонов, против упадочности, которая местами начинает над нами тяготеть»⁴³.

Большевизация будет все больше и больше означать жесткое следование повседневному требованиям партийной линии, а упадочность, проявляемая ультралевыми, будет в ближайшие месяцы относиться, как, возможно, подразумевалось в этом месте его речи, не к перспективам революции, а к эффективности политики Коминтерна и к осуществимости «социализма в одной стране».

В последовавших прениях Куусинен почти в одиночку попытался дать какое-то объяснение целей и способов большевизации. «Наш лозунг большевизации — лозунг борьбы против оппортунистического направления, но он отнюдь не благоприятен к сектантским тенденциям». Она включает в себя подбор новых организаторов из рядов «рабочих от станка», а также задачу выработать «новый революционный тип партработника-функционера». Большевизация требует «большего, чем лояльное подчинение», но в то же самое время не следует пренебрегать «применением метода внутрипартийной демократии». Куусинен закончил эту часть своего выступления удивительной фразой: партия установит свое руководство преимущественно «способами внутрипартийной демократии, путем проверки, разъяснения и убеждения, путем «массажа» членов партии»⁴⁴. Крейбих выступил с наиболее убедительной критикой этого лозунга. Он ополчился против «комиссарских

способов», применяемых руководителями Коминтерна в отношении иностранных партий, и заявил, что «чешский рабочий на себе познал, каково австрийское правление, и что ...бунт против всякого авторитета и дисциплины был неотъемлемой частью борьбы за национальное освобождение»⁴⁵. Зиновьев в своем ответе в прениях всячески старался оставить любую альтернативу открытой. Большевизация, заявил он, «означает подготовку авангарда пролетариата к пролетарской революции»; капитализм может найти выход только «при отсутствии или при бездействии этого авангарда»⁴⁶. Теперь он призывал: «бейте правых, не делая никаких политических уступок „ультралевым“». Зиновьев предпринял героическую попытку приравнять друг к другу два лозунга — стабилизации и большевизации, но запутался в тумане риторики: «Мы должны думать о том, что *самим нам нужно стабилизироваться*, т. е. *большевизировать* свои партии, удерживать свои позиции, работать и выжидать момента, когда мы, наконец, возьмем за горло буржуазию и, покончив с ней, станем строить коммунизм!.. Тот, кто пытается состряпать противоречия между V всемирным конгрессом и расширенным пленумом, либо стоит на ложном пути, либо же он заинтересован в том, чтобы исказить истину... Данный расширенный пленум Исполкома продолжает и дает дальнейшее развитие прежним решениям»⁴⁷. А когда в своем заключительном слове в конце заседания Зиновьев стал перечислять четыре лозунга, которые подытоживали работу пленума, он выдвинул на главное место «наш первый лозунг: против иллюзий „ультралевых“»⁴⁸.

В основной резолюции пленума, в которой благоразумно не затрагивалась стабилизация, пространно говорилось о всех аспектах большевизации: «При медленном и затаянном темпе развития революции лозунг большевизации получает не меньшее, а большее значение... если темп революционного развития замедляется, если в связи с этим колебания в известных слоях пролетариата увеличиваются и настроения в пользу контрреволюционной социал-демократии растут, то отсюда *с еще большей необходимостью* вытекает лозунг большевизации партий». Мораль была ясна: именно стабилизация указывала путь к большевизации. Большевизация же, хотя этот лозунг «возник *в борьбе с правой опасностью*», «невозможна без борьбы и против ультралевых уклонов». Обе главные ее особенности — соответствие русской модели и централизованное руководство — были показаны четко. Большевизация определялась как «умение применить общие принципы ленинизма к данной *конкретной* обстановке в той или другой стране». Большевизация партий представляла собой «учет и применение ими к делу опыта РКП(б) в трех русских революциях, а также, разумеется, и опыта любой другой секции, имеющей за собой серьезные битвы», а таких партий, как хорошо известно, не существовало. В последнем разделе резолюции речь шла о «большевизации и интернациональном руководстве». За-

ключительные слова были, пожалуй, самыми важными: «Необходимо внедрять в сознание самых широких масс, что в переживаемую нами эпоху серьезные экономические и политические бои рабочего класса могут быть выиграны только в том случае, если во всем основном они руководятся из одного центра в международном масштабе»⁴⁹.

Тем не менее, несмотря на эти солидные тезисы, большевизация, как представляется, привлекла мало внимания за пределами ближайшего окружения Коминтерна⁵⁰. Позднее в этом же месяце на XIV партийной конференции, которая детально занималась стабилизацией⁵¹, Зиновьев не упомянул о большевизации, а Мануильский в своей статье о V пленуме ИККИ в журнале Коминтерна хотя и обсуждал тактику партий по отношению к стабилизации, избегал этого слова⁵².

За общими прениями относительно стабилизации и большевизации на V расширенном пленуме ИККИ последовало короткое заседание, посвященное дискуссиям в русской партии. Его открыл Бухарин, начавший свой доклад с указания на то, что все руководители оппозиции в зарубежных коммунистических партиях, независимо от того, принадлежат ли они к правым (как Крейбих в чехословацкой партии), или к ультралевым (как Бордига в итальянской партии), заявили о своем сочувствии Троцкому. Отождествив, таким образом, Троцкого с наличием инакомыслия и раскола в Коминтерне, Бухарин перешел к сравнительно мягкому и неэмоциональному анализу троцкизма, сущность которого заключалась в недооценке крестьянства и в требовании диктатуры промышленности⁵³. Ни один сторонник Троцкого не вышел на арену. Прения по докладу Бухарина приняли форму заявлений итальянского, французского, английского, германского и американского делегатов, которые все поочередно связывали троцкизм с оппозиционными движениями в своих собственных партиях. Этот парад единодушного согласия можно было бы описать как первый показ большевизации на практике. Троцкизм стал сущностью оппозиции, а большевизация — символом лояльности в отношении линии Коминтерна. Если ленинизм был доктриной универсального применения, то это относилось и к троцкизму. В таком духе выступил Нейман, один из германских представителей: «Мы согласны, что троцкизм явление не русское, а международное.... Троцкизм особенно опасен сейчас, и, быть может, после того, как он в процессе закончившейся дискуссии разбит в РКП, он тем опаснее становится в Западной Европе»⁵⁴.

Резолюция, принятая пленумом ИККИ, осуждала нападки Троцкого как «попытку ревизии ленинизма и дезорганизации руководства в РКП(б)»; они были поддержаны только «рядом лиц, исключенных из коммунистических рядов (Леви, Росмер, Монатт, Балабанова, Хеглунд и т. д.)», а также социал-демократической и буржуазной прессой. ИККИ полностью одобрил осуждение Центральным Комитетом русской партии выступления Троцкого,

которое «принесло крупнейший вред всему Коммунистическому Интернационалу», и меры, предложенные для борьбы с троцкизмом⁵⁵. Троцкизм, в смысле открытой и признаваемой поддержки дела Троцкого, был искоренен в Коминтерне.

Материалы V расширенного пленума ИККИ фактически не дали ответа на вопрос, что будет означать большевизация в ее применении к отдельным партиям. Тезисы о большевизации содержали краткие указания всем ведущим партиям, названия которых приводились. Кроме того, проблемы некоторых партий были настолько острыми, что требовали отдельного подхода. Были учреждены специальные комиссии для изучения положения дел в чехословацкой, американской, югославской и итальянской партиях. Эти комиссии подготовили резолюции, которые затем были представлены на пленарное заседание. Хотя отдельные вопросы обсуждались по существу, никто открыто не ставил под сомнение желательность большевизации, а как ее применять, должна была показать практика. Тем не менее, несмотря на то, что ее применение было различным, обстоятельства и метод ее провозглашения на V расширенном пленуме ИККИ в марте-апреле 1925 г. явились вехой в истории Коминтерна и оказались важными в трех отношениях.

Во-первых, большевизация сыграла во многом в Коминтерне ту же роль, которую сыграл культ ленинизма в русской партии. Борьба против троцкизма была неотъемлемой частью этого же процесса: большевизация принесла с собой более настоятельное требование доктринальной ортодоксии и партийной дисциплины, которое стало делом русской партии после поражения Троцкого⁵⁶. В момент, когда затухающие перспективы мировой революции делали еще более наглядным престиж Советского Союза, а также и то, что Советская власть и советская безопасность нуждались в лояльной поддержке коммунистических партий всего мира, необходимость дисциплинированной организации, чутко реагирующей на меняющиеся директивы, поступающие от центрального органа власти, вырабатывающего политику, была совершенно очевидна. Утверждение о «монолитности» русской партии, явившееся продуктом кампании против Троцкого и датированное январем 1924 г.⁵⁷, означало новое настоятельное требование монолитного характера Коминтерна. В 21 условии 1920 г. Коминтерн уже считался мировой партией, в которой национальные партии были «секциями», а штамп русской партии был проставлен на его сочленах⁵⁸. То, что первоначально оправдывалось престижем русской партии, теперь могло быть подкреплено культом скончавшегося вождя. «Только один совет, — писал Гуральский в журнале германской партии накануне V конгресса, — может быть дан товарищам: изучайте историю большевистской партии России, единственной победоносной партии в мире, изучайте Ленина, величай-

шего революционного лидера, которого когда-либо в истории имел рабочий класс»⁵⁹.

Зиновьев высказался аналогичным образом в заключительной части своей главной речи на V конгрессе: «Если мы не хотим только на словах быть преданными учению Ленина, если мы хотим создать подлинного коммуниста, ленинца-интернационалиста, если резолюция о большевизации партий не должна остаться пустой фразой, то тогда мы нуждаемся в железной дисциплине, тогда мы должны искоренить все остатки и пережитки социал-демократизма, федерализма, «автономии» и т. п.»⁶⁰. А в резолюции конгресса по докладу ИККИ, чтобы не оставалось никаких сомнений, об этом говорилось уже без обиняков: «Конгресс поручает Исполнительному комитету [то есть ИККИ] еще строже прежнего требовать от всех секций и от всех партийных вождей *железной дисциплины*. Конгресс констатирует, что в некоторых случаях Исполнительный комитет, щадя *престиж заслуженных товарищей*, недостаточно энергично выступал против нарушений дисциплины; *конгресс уполномочивает Исполнительный комитет действовать, когда это необходимо, более решительно, не останавливаясь перед крайними мерами*»⁶¹.

Нельзя сказать, что эта концепция дисциплинарного контроля из центра встретила сколько-нибудь широкое противодействие. «В настоящее время идет небольшой спор по поводу вмешательства Москвы», — сообщил Мэрфи VII съезду КПВ в мае 1925 г.; «все секции Интернационала теперь смотрят на Исполнительный комитет [то есть ИККИ] как на своего лидера»⁶². По мере того как победоносная русская партия укрепляла свою власть, а другим партиям явно не удавалось добиться какого-либо продвижения к их революционной цели, несоответствие между ними по престижу и материальным ресурсам непрерывно увеличивалось, и доминирующую роль Москвы в Коминтерне уже невозможно было больше отрицать. Процесс большевизации был кульминационной стадией в теперь уже непреодолимой прогрессии. Любой вопрос, независимо от того, касался ли он политики или отдельных личностей, который возникал в любой коммунистической партии, автоматически становился вопросом — за Москву или против нее. Лояльность по отношению к линии, установленной Коминтерном, была проверкой для хорошего члена партии.

Во-вторых, указание «большевизироваться» увязывалось уже не с ближайшей перспективой революционного наступления, а с необходимостью консолидироваться и стабилизироваться, удерживать имеющиеся позиции против наступления капиталистических держав, и оно стало легко отождествляться с указанием защищать Советский Союз, единственную страну, имеющую революционные достижения, которые надо укреплять и сохранять. Это требование не было новым⁶³. Однако, несмотря на то, что оно еще раз могло послужить поводом для упрека в том, что интересы коммунистических партий и Коминтерна подчинены интересам

советской внешней политики, оно было неизбежно присуще ситуации, когда другие коммунистические партии были слишком слабы, чтобы оказать сколько-нибудь независимое влияние или проводить независимую политику, и поэтому оно никогда не отменялось. С самого начала оно было неотъемлемым элементом большевизации. Сталин в своей статье в «Правде» по случаю открытия V пленума ИККИ, хотя и не использовал слово «большевизация», включил в число «задач» зарубежных коммунистических партий указание, в котором все говорилось без оговорок: «Поддерживать Советскую власть и расстраивать интервенционистские махинации империализма против Советского Союза, памятуя, что Советский Союз является оплотом революционного движения всех стран, что сохранение и усиление Советского Союза означает ускорение победы рабочего класса над мировой буржуазией»⁶⁴.

Также не было случайным, что именно этот аспект большевизации был особо подчеркнут протагонистом социализма в одной стране. Сущность этой доктрины заключалась в том, чтобы отдавать преимущество укреплению социалистического режима в Советском Союзе, а не завоеванию власти где-либо в другом месте, считать это первым и важнейшим условием продвижения к мировой революции, а оказание сопротивления интервенции капиталистических держав против советского строя — главной обязанностью зарубежных коммунистических партий⁶⁵. Как раз в этот момент Сталин и Бухарин выступили в Политбюро против Зиновьева и Каменева, утверждая, что угроза капиталистической интервенции является сейчас *единственным* препятствием к окончательному достижению социализма в СССР⁶⁶.

В-третьих, V конгресс 1924 г. явился вехой в организации работы Коминтерна. Начиная с 1921 г. делегаты ИККИ, штаб-квартиры Коминтерна, регулярно направлялись на съезды наиболее значительных партий, в особенности когда обсуждались принципиальные вопросы, и открыто вмешивались в ход заседаний для поддержки политики и решений, одобренных ИККИ. Летом 1922 г. в Англию с целью консультации по реорганизации КПВ был послан Бородин⁶⁷. Зимой 1923/24 г. ИККИ сыграл большую роль в изменениях в руководстве германской и польской партий. Однако до 1924 г. деловые отношения Коминтерна с партиями были еще случайными и нерегулярными и сводились обычно к реакции на отдельные чрезвычайные происшествия, не представляя собой упорядоченной системы. Эти недостатки не исчезли и после V конгресса. Организация отдельных партий еще оставляла желать много лучшего. Но с 1924 г. в Москве существовал многочисленный аппарат Коминтерна под умелым руководством Пятницкого и был организован регулярный поток как инструкций, так и субсидий основным партиям, входившим в Коминтерн⁶⁸. Ко времени, когда Зиновьев начал свою кампанию за большевизацию, Коминтерн впервые располагал средствами и организацией

для ее осуществления, и уже одного этого было довольно, чтобы эта кампания отличалась от предыдущих попыток, проводившихся под различными лозунгами с целью призвать зарубежные партии к порядку. Аналогично тому, как это имело место в русской партии и в советских учреждениях, в Коминтерне осуществлялись принципы демократического централизма и двойного подчинения; центральные комитеты коммунистических партий несли ответственность как перед своими собственными съездами, так и перед ИККИ. Однако от них требовалось безоговорочно выполнять все решения не только самого ИККИ, но и его Президиума и Секретариата, а также региональных бюро, создаваемых ИККИ время от времени⁶⁹.

Если даже после 1924 г. формальная организация Коминтерна как единого, централизованного, дисциплинированного учреждения, управляемого из Москвы, неизбежно предполагала централизованное руководство, которое во всех важнейших аспектах было русским и осуществлялось в соответствии с тем или иным направлением советской внешней политики, то факты показывают, что такая эволюция была скорее бессознательно воспринята, а не планировалась намеренно большевистскими лидерами. Постоянно выражалось желание сделать центральную организацию Коминтерна подлинно интернациональной. На V конгрессе в июне 1924 г. Зиновьев риторически обратился к партиям с призывом, что поскольку «Ленина больше нет», надо попытаться «заменить его, хотя бы в некоторой степени, нашими совместными силами», и говорил о «коллективном руководстве»⁷⁰. Тезисы о большевизации партии, принятые V расширенным пленумом ИККИ в апреле 1925 г., требовали от каждой из иностранных партий «отдавать делу международного руководства лучшие свои силы»⁷¹. Зиновьев сообщил германской рабочей делегации в Москве летом 1925 г., что из 45 членов ИККИ только 5 были русскими⁷². XIV съезд русской партии в декабре 1925 г. в своей краткой резолюции о Коминтерне выразил пожелание «добиться усиления аппарата Коммунистического Интернационала, проводя при этом линию возрастающего влияния иностранных компартий в руководстве»⁷³. Тем не менее это пожелание, хотя в значительной мере искреннее, на практике оказалось нереальным и невыполнимым. До тех пор, пока Коминтерн оставался, в соответствии с принципами, сформулированными на его II конгрессе в 1920 г., объединенной организацией, руководимой из единого центра, а центр этот находился в Москве, ничто не могло воспрепятствовать тенденции к большей административной эффективности, нашедшей свое выражение в большей степени централизации и в более полном восприятии русской модели. По этим причинам большевизация, хотя и не являвшаяся новой концепцией, означала новую стадию, которая отличалась от прежней если не по типу, то по уровню отношений Коминтерна с партиями.

Но наиболее, пожалуй, знаменательной была перемена в характере, составе и руководстве партий, к которым был применен процесс большевизации. Несмотря на то что условия были различными в разных странах, главные партии первоначально были созданы, в основном между 1919 и 1921 гг., из сочетания двух элементов — движений, отколовшихся от массовых рабочих партий, и небольших независимых групп экстремистов левого крыла, частью состоявших из рабочих, частью из интеллигентов. Эти элементы медленно смешивались. Во всяком случае вплоть до 1925 г. во многих партиях можно было заметить определенную напряженность между «массовым» характером первых и «сектантскими» тенденциями вторых, и иногда это находило свое выражение в разногласиях между «рабочими» и «интеллигентами»⁷⁴. Когда после III конгресса Коминтерна в 1921 г. всерьез взялись за организацию «массовых» коммунистических партий, самые главные роли в партиях автоматически достались людям, чья прошлая деятельность и опыт научили их, как вербовать новых членов и как руководить массами; и они были по необходимости новообращенными, перешедшими в коммунизм из социалистических или социал-демократических массовых партий. Брандлер в Германии, Фроссар во Франции, Кабакчиев в Болгарии, Шмераль в Чехословакии, Галлахер и Макманус в Англии, три «В» в Польше, Хеглунд в Швеции — все они относились к этой категории. Однако после катастрофы 1923 г. (в случае Фроссара это произошло еще раньше⁷⁵) то обстоятельство, что партии не сумели использовать в своих интересах революционные возможности этого бурного года, было отнесено на счет неспособности отбросить предубеждения и запреты их социал-демократического прошлого и сыграть подлинно революционную, или «большевистскую», роль. Такая реакция, отмеченная на V конгрессе Коминтерна в 1924 г., привела к власти и к видному положению, зачастую без необходимости в особой подсказке со стороны Москвы, новых лидеров «левой» — Трэна, Рут Фишер и Маслова, Нейрата, позднее Домского, — которые, как предполагалось, были свободны от социал-демократического влияния и преданы задаче «большевизации» своих партий. Однако этот эксперимент тоже потерпел неудачу, частично потому, что революционные перспективы не материализовались, но кроме того и потому, что реакция против «массовых» традиций старой социал-демократии означала возрождение тех «сектантских» тенденций, присущих крайне левым, с которыми, как предполагалось, обращение к массам должно было покончить. Как впоследствии писал Эмбер-Дро, «выдвинутый V конгрессом лозунг большевизации в целом ряде крупных секций дал толчок к борьбе с правыми уклонами и косвенно открыл путь уклонам ультралевым»⁷⁶. Получилось так, что большевизация, которая на V конгрессе была направлена преимущественно против правых, была повернута на V расширенном пленуме ИККИ девять меся-

цев спустя главным образом против тех, кто являлся противоположностью им ⁷⁷.

Тем временем, однако, состав членов партии претерпел значительные изменения. Хотя точных статистических данных не имеется, известно, что текучесть во многих партиях была велика, и к 1925 г. члены-учредители, пожалуй, повсеместно были в меньшинстве ⁷⁸. Если большевизация в некоторых случаях была связана с выходом из партии, то новые члены, теперь вступившие в партию, были, как правило, не отягощены никакими стеснительными или противоречивыми традициями или убеждениями. В то время, когда стало распространенным разочарование послевоенным миром и тем вкладом, который в него внесли старые рабочие партии, имя и престиж Советского Союза все еще оказывали мощное притягательное воздействие, а большевизация партий, которые теперь частично, если не преимущественно, пополнялись под воздействием этого стимула, влекла за собой менее резкие изменения, чем, по-видимому, предвещало это слово. Изменения в составе партий привели к соответствующим изменениям в руководстве. Кампания за большевизацию, достигшая апогея на V расширенном пленуме ИККИ в марте-апреле 1925 г., с упором на «стабилизацию» и с возросшей подозрительностью к «ультралевым», означала начало резкой реакции против «левых» лидеров, получивших одобрение менее года назад на V конгрессе, которые, не имея в прошлом опыта деятельности в рабочем движении, не сумели сохранить влияние своих партий среди масс и особенно среди профсоюзов и быстро утратили доверие, опрометчиво оказанное им в Москве.

В свете этих событий еще раз ясно обнаружилась фундаментальная дилемма политики Коминтерна. В коммунистических партиях, которые могли претендовать на какую-то массовую поддержку, большинство рабочих в партии, несмотря на готовность участвовать в революционных демонстрациях, не хотели связывать себя порукой, принимая участие в революционных действиях; а крен вправо, вследствие воздействия рабочих, не состоявших в партии, на рабочих — членов партии, оставался хронической опасностью. В этом смысле партия постоянно сталкивалась с правой оппозицией, и ей всегда приходилось отражать угрозу справа; борьба против социал-демократии никогда не снималась с повестки дня Коминтерна ⁷⁹. Но если политика Коминтерна заключалась в том, чтобы любой ценой не утратить контакта с массами, то политика Советского правительства требовала поддержки максимального числа сочувствующих в ведущих капиталистических странах, и этот курс мог быть эффективным только в том случае, если будет проводиться определенное умиротворение правых в соответствующих коммунистических партиях. Это, в свою очередь, вызвало определенное беспокойство и несогласие левого крыла партий, чем и был вызван феномен ультралевых уклонов. Несмотря на то, что основной упор в партийной пропаганде по-прежнему

должен был делаться на борьбе с «главной опасностью» справа, самая деликатная задача лидеров и администраторов Коминтерна в Москве заключалась в том, чтобы создать и сохранить ядро из умеренных левых, которое можно было бы использовать для пополнения партийного руководства. Дело в том, что такое руководство, при проведении пропаганды против правых, должно было на практике проявлять достаточную умеренность и делать достаточные уступки правым, чтобы сохранить поддержку масс, и в то же самое время отражать нападки со стороны ультралевых, представлявших в некоторых отношениях большую, хотя и менее признаваемую опасность, чем правые. Этот трюк балансирования на натянутом канате⁸⁰ мог, по существу, быть выполнен только партийными лидерами, которые пользовались постоянными подсказками и твердой поддержкой Москвы. Было важно, чтобы лидеры соответствующих партий не были людьми, безоговорочно преданными какой-либо политике, будь то левая или правая, а были людьми, на несомненную лояльность которых могли бы рассчитывать центральные органы Коминтерна. Случаи вмешательства этих органов в дела отдельных партий в те годы почти всегда касались выбора лидеров. Вопросы политики могли служить ширмой для борьбы за власть, но в значительной степени не зависели от этой борьбы.

Во время работы расширенного пленума ИККИ в марте-апреле 1925 г. настолько доминировали темы стабилизации и большевизации партий, что другим вопросам, стоявшим на повестке дня, было уделено мало внимания. Два заседания были посвящены обсуждению доклада Лозовского о единстве профсоюзного движения⁸¹, одно — дискуссии по аграрному вопросу, начатой Бухариным. Это был момент, когда политика умиротворения крестьянина, главным защитником которой был Бухарин, достигла своего апогея в Советском Союзе⁸². Целью доклада Бухарина, как и тезисов, которые он представил, была популяризация среди иностранных коммунистов взгляда, что путь к революции лежит через действенный союз с крестьянством⁸³. Эти тезисы были попыткой примирить марксистскую доктрину с современными требованиями политики. Это достигалось проведением различия между историческими периодами.

Конечной целью явились «организация крупного коллективного сельскохозяйственного производства» и «преодоление отсталости сельского хозяйства». Однако в нынешний период «все решительно должно быть соподчинено задаче захвата власти, осуществления диктатуры пролетариата». При этом «положение о технико-экономическом превосходстве крупного производства в земледелии не должно останавливать коммунистов перед раздроблением части крупных имений... в пользу мелких, а иногда и средних крестьян, поскольку это вызывается революционной необходимостью». Крестьянские партии и организации заслуживают из-

вестной поддержки и следует поощрять их вступление в Международный крестьянский совет. Смычка «между рабочим классом и мелкими сельскохозяйственными производителями» — это та «почва, на которой и возможно лишь успешное продвижение к социализму в условиях пролетарской диктатуры»⁸⁴. Ни один из лидеров других партий не принял участия в формальном обсуждении тезисов. Единственный существенный вопрос был поднят Варгой и Домбалем, которые предложили создать политические крестьянские партии. Это было отвергнуто Бухариным, высказавшимся в поддержку «крестьянских союзов» непартийного характера, в которых коммунисты могли бы объединиться с крестьянами на неполитической основе. Было бы безнадежно рассчитывать, что удастся сразу превратить крестьян в коммунистов, но можно обеспечить их сотрудничество по какой-либо конкретной программе. Таким образом, союз с крестьянством стал одним из аспектов политики единого фронта и вполне соответствовал повороту в Коминтерне в сторону правых⁸⁵.

Национальный вопрос в его европейском аспекте, который уже девять месяцев назад разбирался в одной из резолюций V конгресса⁸⁶, занял внимание V пленума ИККИ лишь применительно к Чехословакии и Югославии. Рассмотрение этих проблем было поручено соответствующим комиссиям, и им были посвящены отдельные резолюции⁸⁷. «Колониальный» вопрос, хотя он также не обсуждался на пленарном заседании, был передан комиссии под председательством Фостера, американского делегата, который представил заключительному пленарному заседанию проекты четырех резолюций — по Яве, по Египту, по Индии и по «американским колониям». Было разъяснено, что резолюции приняты только по тем вопросам, по которым коммунистическим партиям могут быть даны практические директивы. Резолюции были приняты единогласно без обсуждения. Однако, когда наступило время публикации материалов пленума, отношения Советского Союза с западными державами были напряженными, а события в Китае внесли в них новый элемент горечи⁸⁸. В Москве преобладало настроение осторожности. Четыре «колониальные» резолюции V пленума ИККИ никогда не были полностью опубликованы, хотя цитаты из них появлялись в коминтерновской литературе⁸⁹.

КОМИНТЕРН И КОМПАРТИИ (2)

а) Коммунистическая партия Германии (КПГ)

При всей значимости, которую в 1924—1925 гг. приобрело в планах Коминтерна левое крыло в британской политике, и несмотря на терпимость Коминтерна к КПВ, компартия Германии по-прежнему оставалась партией, поддерживавшей наиболее близкие отношения с советскими руководителями, — партией, судьбы которой были теснейшим образом связаны с судьбами самого Коммунистического Интернационала. Начало 1925 г. стало критическим поворотным пунктом в ее политике. Конечно, потерю КПГ голосов на выборах можно было объяснить общим раскладом сил на германской политической арене, а не ошибками коммунистов. И все же результаты выборов способствовали подрыву престижа руководства КПГ. К тому же у все еще находившегося в тюрьме Маслова, равно как и у Рут Фишер, сложились плохие отношения с Тельманом, третьим видным деятелем левого крыла, которое устранило от руководства Брандлера.

В письме Зиновьева, разосланном партиям в январе 1925 г.¹, указывалось, что решающая проблема, от которой зависит большевизация КПГ, — работа в профсоюзах. В этой области Маслов пользовался особенно плохой репутацией², а выступление Рут Фишер на V конгрессе Коминтерна прозвучало скорее оправданием, чем осуждением ошибочной позиции КПГ в профсоюзном вопросе. Поскольку и Маслов, и Рут Фишер принадлежали к интеллигенции, их было легко обвинить в отсутствии симпатий к курсу на сближение с массами через профсоюзы и к единому фронту. В такой ситуации, когда примыкавших к левому и ультралевому крылу интеллигентов отождествляли с участниками кампании сопротивления политике Москвы и когда большевизацию партии можно было рассматривать как обращение к массам, Тельман, будучи истинным рабочим, стал более приемлемым лидером, нежели Маслов или Рут Фишер. Именно эти личностные соображения определяли в 1925 г. эволюцию КПГ.

В начале 1925 г. произошли два события, позволивших предположить, что левое руководство уже не пользуется неограниченным доверием в Москве и что большевизацию КПГ можно интерпретировать как отход от левых. В начале февраля 1925 г. Сталин дал журналисту из КПГ Герцогу довольно загадочное

интервью. Подобно сталинскому письму от ноября 1924 г.³, оно было бесцветным и расплывчатым. Более важным было то, о чем в нем умалчивалось. Сталин, естественно, упомянул о катастрофе 1923 г. Однако он воздержался от привычного осуждения правых и объяснил поражение не промахами партии, а политической обстановкой в Германии. Сталин раскритиковал взгляды «некоторых товарищей», утверждавших, что большевизация — это изгнание из партии «всех тех, кто мыслит по-иному». Он проявил осторожность и не обвинил партию за результаты выборов в рейхстаг в декабре 1924 г. Тем не менее Сталин явно уклонился от выражения доверия руководству партии. Он даже вообще не упомянул о нем⁴. Своим интервью Сталин хотел дать понять, что он все еще не стал на сторону той или иной группы в КППГ.

Неделей позже — конечно, совершенно независимо от шага, предпринятого Сталиным, — лидеры КППГ попытались побудить русскую партию встать на путь репрессий против правых. После окончания V конгресса Коминтерна Брандлер, Тальгеймер и четыре других смещенных правых лидера КППГ были оставлены в Москве под наблюдением Коминтерна, с тем чтобы воспрепятствовать их вмешательству в дела КППГ. В соответствии с действующим правилом, позволяющим переходить в партии, входящие в Коминтерн, они стали членами русской партии. В опубликованном в «Правде» 29 ноября 1924 г., в ходе кампании против Троцкого, заявлении Брандлера и Тальгеймера содержалась критика тогдашних лидеров КППГ. Публикация эта была встречена в Берлине с гневом, который все еще давал о себе знать⁵. 11 февраля 1925 г. ЦК КППГ направил ЦК русской партии письмо, в котором настаивал на официальном осуждении шести бывших лидеров КППГ и Радека за их прошлые ошибки и на их исключении из партии⁶. Вслед за этим нажимом Маслов, находившийся в тюремной камере и явно обеспокоенный последствиями интервью, данного Сталиным Герцогу, написал 20 февраля 1925 г. письмо, в котором обвинил Коминтерн — и косвенно Сталина — в попустительстве правым⁷.

Подобные вылазки, предпринимаемые из Берлина, обнаружили независимость позиции и критический дух, наносившие ущерб официальному взгляду на «большевизацию», и были встречены в Москве отнюдь не благосклонно. Быстрый ответ Сталина Маслову, датированный 28 февраля 1925 г., был сформулирован столь же осторожно и корректно, как и его первоначальное интервью. Однако в нем был едкий подтекст. Если бы только члены Центрального Комитета русской партии, «особенно Зиновьев и Бухарин», знали, заявил Сталин, что их подозревают в симпатиях Брандлеру и в скольжении вправо, то они умерли бы от смеха. Маслову следовало бы осторожней выдвигать дикие обвинения. Массовое же исключение уклонистов из партии лишь доказало бы, что лидеры партии «боятся, а не уважают». Внутренняя политика КППГ должна быть «более гибкой». В заключение Сталин

просил извинить его за «прямоту и остроту»⁸. Двумя днями позже, 2 марта 1925 г., Политбюро русской партии рассмотрело просьбу лидеров КППГ об осуждении и исключении из русской партии их потерпевших поражение соперников. Оно решило передать этот вопрос в комитет Центральной Контрольной Комиссии партии, включив в него представителей Контрольной комиссии Коминтерна⁹. Такая формально правильная, но затяжная процедура вряд ли могла означать что-нибудь иное, чем пренебрежительное отношение к лидерам КППГ. Фактически весь вопрос откладывался до расширенного пленума ИККИ, который должен был состояться в конце марта.

Маслов, почувствовав перемену климата в Москве и осознав, что он зашел слишком далеко, поспешно отказался от начатой им вендетты против правых и предпринял тщательно разработанную попытку изменить курс КППГ в желательном ему направлении. Он предложил создать единый фронт не только с СДПГ, но и с Партией центра с целью защиты Республики от рейхсвера и всех правых партий¹⁰. Такая вынужденная уступка встретила резкую критику со стороны новой левой оппозиции, возглавляемой Шолемом и Розенбергом.

Вскоре возникла ситуация, в которой эта проблема должна была быть проверена на практике. 28 февраля 1925 г. скончался рейхс-президент Эберт. Согласно конституции, новый президент должен был быть избран всенародным голосованием. В первом туре кандидат считался избранным лишь в случае получения им абсолютного большинства. Во втором туре побеждал кандидат, набравший относительное большинство голосов. Решение вопроса уже в первом туре было весьма маловероятно, и поэтому так или иначе выдвижение кандидата не нанесло бы никакого ущерба. Центральный комитет КППГ выдвинул кандидатуру Тельмана. Следуя своей новой политике, Маслов предложил, чтобы партия сняла кандидатуру Тельмана и поддержала Брауна, выдвинутого СДПГ. Однако большинством голосов предложение Маслова было отклонено. Главным же результатом его шага стал длительный разрыв с Тельманом. Первый тур состоялся 29 марта 1925 г. Тельман получил 1870 тыс. голосов — на 800 тыс. меньше того, что собрала партия на выборах в рейхстаг в декабре 1924 г. Наибольшее число голосов — 10 400 тыс. — собрал Яррес, кандидат правых. За Брауна высказалось 7800 тыс. избирателей, и за кандидата Партии центра, Маркса, — 3900 тыс.

21 марта 1925 г., то есть уже после принятого в Берлине решения выдвинуть кандидатуру Тельмана, но за несколько дней до самих выборов, в Москве открылся V расширенный пленум ИККИ. К моменту его начала в Москве были склонны приглушить германский вопрос. «Германия несколько отходит назад, — указала передовая статья, опубликованная по этому случаю в русском партийном журнале. — Поднимается — но куда более осторожно — Англия»¹¹. В своем главном докладе Зиновьев, гово-

ря о Германии, ограничился лишь ставшим уже привычным признанием отсутствия там непосредственной революционной ситуации и протестом против плана Дауэса¹².

При обсуждении профсоюзного вопроса делегаты КПП вновь попытались предотвратить критику и ограничились рассуждениями об особых трудностях, с которыми встречается политика единства в Германии. Они утверждали, что вновь вовлекают рабочих в профсоюзы¹³. Им, однако, не удалось помешать косвенному упоминанию этой проблемы в резолюции. В последней многозначительно указывалось на большую ошибку Розы Люксембург, настаивавшей на всецело партийном характере профсоюзов, и на «ошибку аналогичного порядка», допущенную некоторыми немецкими коммунистами в 1924 г. Резолюция вновь подчеркнула, что «одной из важнейших составных частей учения ленинизма является его учение о работе коммунистов даже в самых реакционных профессиональных союзах»¹⁴. Никаких попыток смягчить столь неприятную для непримиримых элементов в германской компартии констатацию сделано не было.

Результаты первого тура президентских выборов в Германии свидетельствовали о новой потере КПП голосов в пользу СДПГ. Они стали известны еще во время пленума ИККИ. Независимо от того, что было сказано по этому поводу или о чем умолчали, престижу КПП и ее лидеров был нанесен удар.

Случилось так, что Клара Цеткин, хотя уже и отошедшая от активной деятельности, но по-прежнему остававшаяся «великой старухой» в КПП, выступала на пленуме именно в тот день, когда информация об итогах выборов поступила в Москву. Назвав цифры, она не сделала на них чрезмерного упора. Президентские выборы, заметила Клара Цеткин, не поддаются точному сравнению с выборами в рейхстаг. Главной темой ее речи была осторожная защита правых. Исключенным товарищам, сказала она, должна быть предоставлена возможность реабилитировать себя и вернуться в партию. Нужно ли, спросила Клара Цеткин, чтобы «исключения и дисциплинарные наказания» носили в дальнейшем столь «механический» характер?¹⁵ Однако эта попытка прийти на помощь Брандлеру и его товарищам оказалась безуспешной. Как бы ни уменьшился энтузиазм в отношении к левому крылу в германской партии, оправдать прошлые ошибки правых было невозможно, особенно если учесть, что это означало бы и реабилитацию Радека.

Совместный комитет контрольных комиссий русской партии и Коминтерна подготовил доклад, предлагавший исключить Брандлера и его сторонников из партии. Он был одобрен Политбюро и Центральным Комитетом русской партии и представлен на рассмотрение пленума ИККИ, который утвердил его без обсуждения¹⁶. Комитет, рассматривший дела всех обвиненных в уклоне, сообщил, что «группа Брандлера — Радека — Тальгеймера» проводила в Москве совещания, или «беседы», на которых рассматри-

валось положение в КППГ, и установила тайные связи со своими единомышленниками в Германии. В частности, Радек направил «100 фунтов стерлингов» для поддержки правым, исключенным из германской партии. Комитет вынес обвиненным серьезное порицание, запретил им всякую деятельность, связанную с германской партией, и предупредил, что любое нарушение такого запрета повлечет за собой их исключение из русской партии. Комитет также запретил Брандлеру, Тальгеймеру и Радеку участвовать в любой форме в деятельности Коминтерна¹⁷. К ним, таким образом, были применены все санкции, за исключением той, на которой специально настаивал Центральный комитет КППГ, а именно — исключение из русской партии.

После одобрения доклада пленумом была зачитана декларация, направленная Брандлером, Радеком и Тальгеймером в Политбюро русской партии. В ней они утверждали, что противоречия, существовавшие в прошлом между ними и ИККИ, себя «исторически исчерпали». Они признали, что видят в тезисах Зиновьева о большевизации подтверждение своих взглядов и безоговорочно их принимают. Они обратились с просьбой восстановить в КППГ членов партии — пролетариев, исключенных из нее по обвинению в правом уклоне¹⁸. На декларацию было дано два ответа. Первый, подготовленный русской делегацией и официально принятый ИККИ в качестве резолюции, характеризовал декларацию как «политически неискреннюю» и отказался рассматривать ее¹⁹. Второй, предложенный немецкой делегацией, был зачитан на пленарном заседании. Он осудил декларацию Брандлера, Радека и Тальгеймера в еще более резких выражениях и вновь выразил мнение, что «партия не должна уклоняться от исключения небольшой группы, состоящей из опасных оппозиционеров и, частично, предателей»²⁰. Обсуждение завершилось на неопределенной ноте. Расширенный пленум ИККИ, действуя по директивам русской партии, согласился в принципе с тогдашними руководителями КППГ, отказавшись, однако, принять их крайние предложения. Отклонение требования Рут Фишер исключить Брандлера и Тальгеймера напоминало отклонение требования Зиновьева и Каменева исключить Троцкого²¹. За тем и другим можно было различить руку Сталина. Оба эти отклонения имели значение для будущего.

Для немецкой делегации последние дни пленума были омрачены проблемой президентских выборов в Германии. Их второй тур, победителем которого считался кандидат, получивший наибольшее число голосов, должен был состояться 26 апреля 1926 г. Одержав верх в первом туре, правые имели все основания рассчитывать на конечный успех. Вместе с тем центр и левые не могли не понимать, что, объединившись против правых, они способны добиться избрания своего совместного кандидата: в первом туре, даже не считая голосов, полученных КППГ, за них проголосовало больше избирателей, чем за правых.

В заключительном слове на пленуме Зиновьев высказал мнение, что Германия оказалась перед альтернативой — быть ли ей «буржуазной республикой или монархией» — и что на нынешнем этапе большинство немецких рабочих поддержат СДПГ. Таким образом, для КПП возникла «опасность отчуждения от некоторых слоев самого пролетариата». Зиновьев не согласился с тем, что для КПП нет разницы между черно-красно-золотым знаменем буржуазной республики и «черно-бело-красным знаменем монархии». При выборе между буржуазной республикой и монархией, КПП должна предпочесть первую²². Смысл слов Зиновьева не вызывал сомнений: во втором туре КПП должна выступить вместе с СДПГ. И если он воздержался от публичного совета немецким руководителям, то вряд ли был столь же сдержан в частных беседах.

Рут Фишер, по-видимому, согласилась с Зиновьевым. Маслов, все еще остававшийся за тюремной решеткой в Берлине, понял, в каком направлении развивается мышление в Москве, и написал для партийного журнала осторожно сформулированную статью. В ней он привлек внимание к «монархической опасности», порожденной правыми, и высказал мнение, что «демократическая республика лучше, удобней, *выгодней для борьбы за освобождение*, чем конституционная монархия»²³.

9 апреля 1925 г. — через три дня после завершения расширенного пленума ИККИ — Гинденбург объявил о согласии баллотироваться в качестве кандидата правых. Его решение произвело на все партии эффект взрыва бомбы. Учитывая хорошо известные взгляды Гинденбурга на монархию, оно создавало прямую угрозу республике. Правые получили такого кандидата, личные популярность и престиж которого гарантировали получение большого числа голосов. Стало ясно: если только все республиканцы не придут к согласию о едином кандидате, то их шансы на успех будут весьма незначительны.

В сложившихся условиях весомое значение приобрели 1800 тыс. голосов, полученных КПП. Зиновьев, хотя он отрицал какое-либо желание ИККИ вмешиваться в немецкие дела, «категорически советовал КПП» — ее руководители все еще не выехали из Москвы в Берлин — публично заявить о своей готовности поддерживать кандидата СДПГ²⁴. Такой совет создал серьезные затруднения для левого крыла КПП. Рут Фишер и Маслов искренне поддерживали Зиновьева. Но новые «ультралевые», возглавляемые Шолемом и Розенбергом, выступили против любых сделок с лидерами других партий ради создания «единого фронта». Они назвали подобные сделки беспринципными и, невзирая на последствия, хотели и во втором туре выдвинуть кандидатуру Тельмана. Тельман, гордившийся ролью кандидата на пост президента, поддержал этот курс.

После острых дискуссий, развернувшихся в Берлине, значительным большинством было решено снять кандидатуру Тельма-

на и поддержать кандидата СДПГ²⁵. Тем временем, однако, возникли новые осложнения. Партия центра решительно отказалась снять кандидатуру Маркса, а СДПГ, понимая, что Маркс — единственный «республиканский» кандидат, способный объединить голоса центра и левых против Гинденбурга, без большого энтузиазма решила поддержать его. В результате к тому моменту, когда КППГ убедили выступить с предложением усилить позиции кандидата от СДПГ, последний уже в бюллетенях не фигурировал²⁶. В Москве на подобный оборот событий не рассчитывали²⁷. Некоторые члены ЦК КППГ, неохотно согласившиеся снять кандидатуру Тельмана в пользу СДПГ, были бы возмущены, если бы им предложили поддержать буржуазный католический центр.

Выборы состоялись 26 апреля 1925 г. В избирательные бюллетени были внесены Гинденбург, Маркс и Тельман. Рейхспрезидентом стал Гинденбург, собравший 14 650 тыс. голосов. Маркс получил 13 750 тыс., Тельман — 1930 тыс. Некоторое увеличение голосов, поданных за Тельмана, объясняли тем, что в Саксонии за него голосовала часть рабочих — социал-демократов. Но поскольку во втором туре приняло участие в выборах больше избирателей, чем в первом, доля голосов за КППГ была фактически ниже.

Эти события нанесли еще один удар по КППГ и авторитету ее руководителей, сделавших партию объектом насмешек со стороны СДПГ, обвинившей коммунистов в том, что они помогли победе Гинденбурга²⁸. В особенно уязвимом положении оказались Рут Фишер и Маслов. С точки зрения правых в КППГ, они помешали использовать ниспосланную небом возможность вместе с другими левыми партиями нанести поражение Гинденбургу. С точки зрения левых, они пошли на компромисс, пожертвовав основополагающими принципами ради сотрудничества с СДПГ и не добившись при этом никаких результатов.

В этот момент случилась еще одна неприятность, правда, меньшего масштаба. С декабря 1924 г. КППГ, имевшая 23 мандата в прусском ландтаге, поддерживала в нем равновесие между СДПГ, которая контролировала правительство, и находившимся в оппозиции блоком правых партий. 27 апреля 1925 г., на другой день после избрания Гинденбурга, коммунистическая фракция в ландтаге в открытом письме СДПГ официально предложила последней поддержку для быстрого проведения законодательных актов по таким вопросам, как восьмичасовой рабочий день, амнистия для осужденных по политическим мотивам и конфискация принадлежащего Гогенцоллернам имущества²⁹. СДПГ отклонила «данайский дар» коммунистов. Но при решающем голосовании 8 мая 1925 г., когда коммунисты в отместку подали голоса против правительства, правительству все же удалось удержаться минимальным большинством голосов; несколько правых депутатов, не желая голосовать вместе с коммунистами, предпочли воздер-

жаться. Таким образом, тактика КПГ вновь обернулась позорным поражением³⁰.

Под влиянием описанных событий состоявшееся 9—10 мая 1925 г. заседание Центрального комитета КПГ проходило в мрачной атмосфере. За несколько дней до этого на совещании партийных функционеров Розенберг, Шолем и Катц, возражавшие против кандидатуры Тельмана, равно как и против шагов, предпринятых в Пруссии, обвинили партийное руководство в провале наступления на правящую буржуазию и в том, что оно ограничилось «более или менее ловкой перепалкой с СДПГ»³¹. На заседании ЦК эта группа перешла в наступление. Представители большинства контратаковали и объяснили недавние ошибки неспособностью партии, которая оказалась под влиянием ультралевых, правильно оценить монархическую опасность, осуществить сильный нажим в пользу профсоюзного единства и использовать достаточно гибкую тактику. Речь фактически шла о полном одобрении взглядов ИККИ, и это было реальным сдвигом руководства вправо. Теперь высказывали мнение, что ошибка брандлеровцев состояла лишь в том, что их тактика годна в революционной ситуации, а теперь таковой уже нет. Из 50 участников заседания 15 голосовали против резолюции, предложенной Центральным комитетом. Это был первый открытый бунт со времени состоявшегося годом раньше франкфуртского съезда³².

Лидеры партии были вознаграждены: их позиция получила одобрение ИККИ, который осудил «неверную тактику» меньшинства. Одновременно было указано, что «борьба против ошибочной позиции группы Катц — Шолем — Розенберг должна вестись в порядке открытой разъяснительной дискуссии». Руководство отнюдь не поощрялось к применению дисциплинарных мер³³. Подобные меры все больше рассматривались как исключительная прерогатива властей в Москве.

Эта прелюдия все явственней предвещала, что X съезд КПГ, который должен был открыться 12 июля в Берлине, окажется далеко не легким делом и вызовет трудности. Традиционное письмо, направленное партии Зиновьевым перед съездом от имени ИККИ, повторило сделанный в Москве в апреле вывод о наступлении периода относительной стабилизации: план Дауэса представил немецкой буржуазии «существенную передышку». В письме пространно рассматривался профсоюзный вопрос, который был охарактеризован как «ахиллесова пята КПГ». Указывалось, что 75 процентов своей работы партия должна посвятить профсоюзам. Новым элементом был нескрываемый упор на описание опасности слева. Письмо заканчивалось обычным упоминанием о «брандлеризме», который определялся как «остаток традиционной социал-демократической идеологии в лагере коммунизма». При этом в числе неоднократно упоминаемых по имени врагов были приверженцы левых и ультралевых — Розенберг, Шолем, Катц и Корш. Партию призывали при выборах нового Централь-

ного комитета «не бояться привлечь к работе лучших товарищей из бывших групп, не примыкавших к левым». Это был примирительный жест в отношении правых в целях отражения угрозы со стороны ультралевых³⁴.

Еще одно письмо с приложением тщательно разработанных эссе и тезисов было направлено съезду тремя пожилыми членами партии, связанными с ее правым крылом, — Эрнстом Мейером, Фрелихом и Беккером. Начинали они письмо мрачной картиной находящейся в состоянии уныния и зашедшей в тупик партии, причиной чего они считали тот факт, что Центральный комитет «стал пленником ультралевых». После принятия Германией плана Дауэса и победы Гинденбурга соответствовавший положению, сложившемуся ко времени V конгресса Коминтерна, лозунг «Единый фронт снизу» потерял свою силу. О необходимости поворота вправо прямо не говорилось, но мысль эта с совершенной определенностью следовала из аргументов, приведенных в письме³⁵.

Поскольку именно в итальянской партии благодаря Бордиге, борьба против фракционной оппозиции наиболее явно приняла форму борьбы против ультралевых³⁶ — вероятно, отнюдь не случайно и не без молчаливого согласия Коминтерна, — выступавший на съезде КПГ в качестве делегата братской партии итальянский коммунист пылко критиковал Бордигу и его левых сторонников, защищавших троцкизм и отвергавших ленинскую партию³⁷. На этот раз Мануильский участвовал в работе съезда не как представитель ИККИ, а как делегат русской партии. Такая смена роли была показательна. Поскольку партии, входящие в Коминтерн, побуждались обсуждать дела друг друга, это теоретически позволяло ему давать советы таким образом, чтобы они не принимали специфической формы диктата со стороны центрального органа. На практике же, поскольку Мануильский выполнял те же самые функции, что и на предшествующем съезде, когда он был делегатом ИККИ, изменение его статуса свидетельствовало о явном превращении русской партии в реально руководящую силу в Коминтерне и о передаче ИККИ второстепенных и церемониальных функций³⁸.

Первую часть своей речи Мануильский посвятил международному положению и военной опасности. Это позволяло ему подвергнуть нападкам немецких ультралевых, которые утверждали, что «новая тактическая линия КПГ представляет собой жертву немецкого пролетариата, приносимую во имя интересов самосохранения СССР». Оратор едко заметил, что, «если германские ультралевые не в состоянии наступить на глотку германских капиталистов, то русская Коммунистическая партия обязана защищать себя от наступления международного капитала». Это означало то, что она должна полагаться на Красную Армию, а следовательно, на связь с крестьянством. «Новую крестьянскую политику» Советского Союза Мануильский охарактеризовал как

«прежде всего политику обороны против Чемберлена». Он сформулировал новые критерии политики: «Все, что в нынешних условиях служит отражению наступления Чемберлена на пролетарскую революцию, все это и представляет собой революционную, коммунистическую, пролетарскую политику». Затем Мануильский рассмотрел профсоюзную проблему и вновь осудил ультралевых. КПП, сказал он, можно критиковать с совсем противоположной стороны, чем это делают ультралевые. Будучи менее всего повинной в «коалиционной политике», она на самом деле не сумела создать единый фронт с рабочими-социал-демократами. КПП не хватило понимания необходимости «проникновения в массы». Вся профсоюзная политика партии «несет на себе штамп ее фундаментальной ошибки». В своей речи Мануильский резко критиковал Катца и Розенберга, назвав их по имени. Походя был упомянут Бордига как образец «левого сектанта». Никого больше Мануильский конкретно не назвал. Наконец, он охарактеризовал как «опасный анахронизм» требование ультралевых, чтобы в партийные органы избирались лишь те члены КПП, которые в прошлом выступали против Брандлера³⁹.

Мануильский прибыл в Германию нелегально (он выступал на съезде под именем Самуэли) и находился под угрозой ареста. Поэтому в последующих заседаниях он не участвовал⁴⁰. Мейер, ставший теперь главным представителем правых, обвинил все левое крыло в том, что оно проводит «фракционную» политику и напроць отвергает единый фронт⁴¹. С наиболее громогласной и наилучшим образом обоснованной критикой выступили ультралевые — Розенберг и Шолем. Отражая их нападки, Рут Фишер и Тельман почти неизбежно выглядели так, будто бы сделали шаг вправо — а именно это утверждали ультралевые. Однако на самом деле они не пошли дальше попытки сохранить ставшее весьма неустойчивым равновесие в партийном руководстве и отразить наносимые со всех сторон удары. Все меньшим числом вариаций и все менее убедительно повторялись стереотипные формулы о едином фронте и профсоюзном единстве. Одна из резолюций съезда касалась «работы коммунистов в свободных профсоюзах». Другая напомнила о правиле, по которому каждый член партии должен состоять в каком-либо профсоюзе. Тельман послушно повторил требование ИККИ уделять 75 процентов работы партии профсоюзам⁴². На начальном этапе работы съезда несколько ультралевых проголосовали против некоторых разделов доклада Центрального комитета о проделанной после предыдущего съезда работе, но в конце концов он был одобрен в целом при трех воздержавшихся⁴³. В заключение был достигнут компромисс, который явился результатом скорее усталости, нежели истинного согласия. Неожиданное единодушие обнаружилось при одобрении главных тезисов и резолюции о политической деятельности партии, а также резолюции о работе членов партии в «свободных» профсою-

зах⁴⁴. Наконец, не без закулисного торга, был без голосования избран Центральный комитет⁴⁵.

В Берлине, по-видимому, не осознавали, как мало понравится руководителям Коминтерна такой результат. Ведь там ожидали, что съезд решительно выскажется против ультралевых критиков и одобрит дальнейшее наступление за единый фронт, против плана Дауэса и сближения Германии с Западом. Предельную остроту и жесточенность нападков из Москвы на КПП и ее руководителей можно объяснить лишь привнесением в спор новой, вызывающей расхождения проблемы — вопросов идеологических, а также организационных отношений русской партии с другими партиями, входившими в Коминтерн.

Было весьма вероятно, что именно в КПП завоюет сторонников концепция западного восстания против русского руководства в Коминтерне — руководства, которое придерживалось специфически русской, или ленинской, интерпретации марксизма. Ведь КПП были присущи традиционное недоверие к русской партии и ревнивое отношение к ее господствующему положению, что сочеталось с врожденным чувством тевтонского превосходства над славянами. Русские же лидеры были в это время чрезвычайно чувствительны к вызову, брошенному их руководству в Коминтерне. Именно в подобных аргументах мог найти идеологическое оправдание такой вызов.

Летом 1928 г. находившийся в заключении Маслов опубликовал брошюру «Две революции 1917 г.». В предисловии к ней он откровенно критиковал совершенную Лениным в 1921 г. ошибку, именно — выдвижение лозунга «В массы!» и призыв к политике «единого фронта». Политическая линия, вызвавшая возражения Маслова, не была специфически русской, и существует мало свидетельств, что он пытался противопоставить западный марксизм специфически русскому, или ленинскому, марксизму. Но тенденция сделать это была в сильной степени присуща КПП, особенно среди так называемых ультралевых⁴⁶. Маслова же, который не скрывал личной неприязни ко многим русским руководителям, сделали за нее козлом отпущения. Уже впоследствии в легенду о компартии Германии включили утверждение, будто «во время руководства партией Рут Фишер и Масловым была предпринята сознательная попытка обеспечить независимость немецкой партии от Коминтерна»⁴⁷.

29 июля 1925 г., через десять дней после завершения берлинского съезда, Президиум ИККИ одобрил линию своих представителей на съезде. Он строго осудил ультралевые тенденции в КПП и предложил партии немедленно направить делегацию в Москву, где возникшие проблемы были бы обсуждены в германской комиссии ИККИ. Получив такое, звучащее как ультиматум, приглашение, ЦК КПП четырьмя голосами против трех решил принять его⁴⁸. Отклонение приглашения было бы равносильно открытому бунту. Делегацию из девяти членов возглавили Тель-

ман и Рут Фишер. В ее состав был включен молодой активный левый Гейнц Нейман, которому предстояло возглавить авангард идеологической атаки на руководящую группу Маслов — Фишер⁴⁹.

Германская комиссия ИККИ собралась 12 августа. Ее заседание открылось докладом Бухарина. Не менее трех раз выступал Зиновьев. На высказанные в прениях замечания ответил Бухарин⁵⁰. У Бухарина и Зиновьева создалось впечатление, что вопреки всему, немецкие делегаты намерились добиться «дезаурирования» представителей ИККИ на съезде и предотвратить принятие Коминтерном новых мер против левого крыла КПГ⁵¹.

Если дело обстояло именно так, то они смогли быстро убедиться в ошибочности своих расчетов. Осуждению подверглись все уязвимые моменты в деятельности партии, не исключая и «наиболее деликатные вопросы». В своем докладе Бухарин назвал «сознательной ложью» все утверждения о том, что Коминтерн подталкивает КПГ вправо. Он осудил «антимосковскую тенденцию» в КПГ как составную часть угрозы западной ориентации во внешней политике Германии. Рут Фишер не только не смогла противостоять такой тенденции, сказал он, но даже раздувала ее. В этом контексте подверглась резкой критике брошюра Маслова, осуждавшая Ленина. Его обвинили как в нападках на Ленина, так и в попытке создать «личную диктатуру» в КПГ⁵². Зиновьев назвал Рут Фишер и Маслова интеллектуалами левого крыла: «Эти интеллектуалы претендуют на руководство не только КПГ, но и Коминтерном»⁵³. Дебаты обострились. Рут Фишер, заявил Зиновьев, приехала в Москву и сказала: «Я фактически согласна, но те, кто имеет вес в партии, против». С другой стороны, рассказывая о съезде, она сказала: «Я фактически согласна, но сила за Москвой, и с этим надо считаться». Это, заявил Зиновьев, карикатура на руководство⁵⁴. В своей заключительной речи Бухарин вновь сказал, что бесполезно поворять резолюции и заверения, которым не следовали в прошлом, что он «не испытывает доверия к таким декларациям» и что Рут Фишер придерживается методов «двойной бухгалтерии»⁵⁵. Тактика советских лидеров теперь стала ясной. Нападки сконцентрировались лично на Маслове и Рут Фишер. Тельман, который, по-видимому, был более податлив руководящему нажиму, оказался выведенным из-под критики. Он отнюдь не был недоволен перспективой стать единственным и неоспоримым руководителем партии. Другие члены делегации были готовы проявить свою лояльность к «новой звезде».

Итогом обсуждения в германской комиссии стало Открытое письмо ИККИ, адресованное всем членам КПГ. В своих формулировках оно представляло собой резкую критику Маслова и Рут Фишер, притом лично в их адрес. Письмо осудило рост в КПГ «антимосковских тенденций»: оба руководителя, говорилось в нем, не боролись достаточно энергично против ультралевых, а фактически — «антикоммунистических» маневров. Некоторые груп-

пы в КПГ всегда находились под влиянием социал-демократических и «западноевропейских» традиций и заняли позицию, враждебную Коминтерну и Советскому Союзу. В качестве примера письмо сослалось на недавние нападки Маслова на ленинизм. Не осуществлялось сколько-нибудь эффективное руководство в такой решающей сфере, как проникновение партии в социал-демократические профсоюзы и в трудящиеся массы. В письме содержалось требование развернуть «крупномасштабную агитационную кампанию на основе визита в Советскую Россию первой делегации рабочих», «оказать нажим на рабочих в пользу профсоюзного единства», цель которого — *создание в профсоюзах левого крыла по образцу движения английских трудящихся*, а также создать при Центральном комитете КПГ «сильный профсоюзный отдел»⁵⁶. Далее письмо перешло к прямым нападкам на Маслова и Рут Фишер, обвиненных «в плохом руководстве и непринципиальном подходе»; они не заняли твердой позиции по отношению ни к правым, ни к левым. Было вновь с негодованием отвергнуто утверждение, будто Коминтерн подталкивает партию вправо. Противоречия между ИККИ и «группой Рут Фишер — Маслов», указывалось в письме, носят давнишний характер. Стали настоятельно необходимы изменения в руководстве.

Проект письма был одобрен всеми негерманскими членами Президиума ИККИ и всей делегацией КПГ, за исключением самой Рут Фишер. Зиновьев, в прошлом ее горячий сторонник, оказал на Фишер сильное давление, убеждая ее подписать письмо. Она имеет право проголосовать против него, говорил Зиновьев, но поскольку большинство письмо одобрило, партийная дисциплина требует от нее присоединиться к решению⁵⁷. Рут Фишер подчинилась, и под письмом стояла и ее подпись. Открытое письмо и «критика, направленная против нынешней руководящей группы Рут Фишер — Маслов», были немедленно и «без каких-либо оговорок» одобрены ЦК КПГ лишь при одном голосе против и одним воздержавшемся⁵⁸.

1 сентября 1925 г. Открытое письмо было опубликовано в партийной газете и получило широчайшую огласку в советской и немецкой партийной прессе⁵⁹. Статья в «Правде» обвинила «группу Рут Фишер — Маслов» в желании быть «левее ленинизма» и в неспособности завоевать на свою сторону рабочих-социал-демократов в профсоюзах: «Ближе к социал-демократическим рабочим! Проведение настоящее, подлинное, не на словах, а на деле, тактики единого фронта, энергичное укрепление профработы — такова политическая суть письма Исполкома Коминтерна»⁶⁰.

Содержавшаяся в Открытом письме критика неудач партии в профсоюзах была драматически подтверждена на съезде Всеобщего германского объединения профсоюзов, проведенном в Бреслау 31 августа — 4 сентября 1925 г. Из 692 делегатов прошлого съезда 88 принадлежали к КПГ. На нынешнем съезде лишь три делегата из 350 были коммунистами⁶¹. Результаты съезда Лозов-

ский резюмировал кратко: «От Бебеля к Гомперсу», а затем добавил горький комментарий: «В настоящий момент греманское профсоюзное движение составляет главную опору Амстердама»⁶². В статье, опубликованной в журнале КПГ, съезд в Бреслау противопоставлялся конгрессу британских тред-юнионов, состоявшемуся несколькими днями позже в Скарборо. Крупное коммунистическое и околокоммунистическое меньшинство на этом конгрессе вело себя активно и громко заявило о себе⁶³. В докладе о деятельности Коминтерна, сделанном вскоре после этого в Центральном Комитете русской партии, Зиновьев многозначительно говорил о контрасте между КПВ, насчитывающей 6 тыс. членов, которая «идет вперед, ведет за собой массы и поднимается на гребне волны», и КПГ, с ее 150 тыс. членов, которая «в настоящее время переживает острейший кризис руководства и за последнее время уменьшила свое влияние в массах»⁶⁴.

Хотя беспокойство и чувство неуверенности уже давно охватили КПГ, тем не менее Открытое письмо — и особенно его одобрение фактически всем Центральным комитетом партии и самой Рут Фишер — оказалось внезапным и неожиданным ударом. Его немедленно восприняли как предвестие конца руководства Маслова и Рут Фишер⁶⁵. Опубликованная в «Роте фане» 8 и 9 сентября 1925 г. пространная статья, озаглавленная «Всеми нашими силами — за линию Коминтерна!», резко критиковала Маслова и Рут Фишер за «небольшевистское отношение к Коминтерну», что проявилось в глубоком неверии «в силу и классовое самосознание германского пролетариата», в пессимизме в вопросе о перспективах революции (Маслов заявлял, что «в ближайшие десять лет революция в Германии невозможна»), а также в кампании против тактики Коминтерна и в распространении легенды о «московском оппортунизме». Сама Рут Фишер после возвращения из Москвы заняла двусмысленную позицию. Хотя ее подпись и стояла под письмом, она, согласно ее более поздним оценкам, критиковала его в Берлине, Эссене и Штутгарте и обнаружила «существенную и нарастающую поддержку антимосковской позиции»⁶⁶. Несомненно, что именно поэтому она была в конце сентября вновь вызвана в Москву под предлогом дальнейших консультаций.

Ультралевые — в лице Шолема и Розенберга — с жаром набросились на Открытое письмо, оценив его как сброшенную правым «платформу для захвата вновь партии», и призвали партию защитить себя «от атак брандлеровской фракции»⁶⁷. При Тельмане, ставшем теперь признанным лидером, Гейнц Нейман выдвинулся в качестве главного теоретика и пропагандиста партии. В первом же номере партийного журнала, вышедшем после перемен, была опубликована написанная им статья, в которой повторялись аргументы и обвинения, содержащиеся в Открытом письме. Ядро статьи составлял исторический обзор, в котором прослеживались «антимосковские тенденции в нашей партии», начиная от Корша, через Розенберга и Шолема вплоть до Ленце,

который принадлежал к группе Фишер — Маслов и отстаивал «свободу мнений», обрушивался на «догму непогрешимости ИККИ». Суть всей этой линии была антикоминтерновской⁶⁸. Широкое распространение в партии получила брошюра Неймана «Наступление Маслова на ленинизм», представлявшая собой ответ на критику Масловым Ленина⁶⁹.

Политика и руководство КПП были, таким образом, надежно ориентированы на линию Коминтерна. Оставалось лишь официально одобрить это. На заседании Центрального Комитета русской партии 10 октября 1925 г. Зиновьев отстаивал позицию ИККИ в отношении КПП в выражениях, позволяющих предположить, что его легкий отказ от поддержки своего протеже вызвал критику в Москве. Повторив тезис о связях Рут Фишер и Маслова с прошлой оппозицией ИККИ, он говорил об «ультралевых интеллектуалах типа Маслова и Рут Фишер, Шолема и Розенберга». Зиновьев утверждал, что на франкфуртском съезде в марте 1924 г., когда «мы решили помочь левым взять руководство», полностью отдавался отчет в слабостях Рут Фишер и Маслова, и лишь в силу ошибок и провалов Брандлера «у нас не оставалось иной альтернативы». «Группу Рут Фишер» вновь обвинили в двурушничестве, поскольку она не следовала советам ИККИ и соглашалась с ними «лишь на бумаге»⁷⁰.

В пространной статье Мануильский разъяснил, что враждебность к Москве, дающая о себе знать в КПП, отражает «влияние мелкобуржуазного германского национализма и недоверие к методам пролетарской революции в Советском Союзе, а также является эхом «западной ориентации» капиталистических классов в Германии»⁷¹. Быстро призвали к порядку Германскую коммунистическую молодежную лигу. В октябре 1925 г. на ее съезде в Галле резолюция, одобряющая линию Коминтерна в КПП, была утверждена пятью шестыми голосов. Лига осудила себя за сектантскую изоляцию и отсутствие контакта с массами⁷². Однако незаживающей раной оставалась профсоюзная проблема. 18 октября 1925 г. в газете «Роте Фане» была опубликована расплывчатая статья, в которой хотя и заявлялось о долге членов партии оставаться в «желтых» профсоюзах, но вместе с тем утверждалось, что в тех случаях, когда коммунистическая фракция на том или ином предприятии достаточно сильна, перед рабочими должна выдвигаться альтернатива — либо они вступят в свободные профсоюзы, либо уйдут с завода⁷³.

Положение в КПП обсуждалось на партийной конференции в Берлине 31 октября — 1 ноября 1925 года⁷⁴. Основной доклад сделал Тельман. От оппозиции выступил Шолем. Эрнст Мейер представлял тех бывших приверженцев правых, которые, разорвав с Брандлером, стремились завоевать расположение нового руководства. Поскольку Рут Фишер была в Москве, ее ближайшие сторонники в замешательстве молчали. Оставшийся анонимным представитель ИККИ — по видимому, Мануильский — сфор-

мулировал тройственную программу: отношение партии к трудящимся массам, партийного руководства к рядовым членам партии и партии к Коминтерну. Главная резолюция конференции, принятая 217 голосами против 30, осудила как ультралевых, так и правых, стремясь обнаружить скрытые связи между ними. Осудила она и группу Рут Фишер — Маслов, пытавшуюся «маневрировать между двумя точками зрения» и продолжать вести «двойную бухгалтерию» в отношениях с Коминтерном даже после опубликования Открытого письма. Существенно важно, указывалось в резолюции, чтобы эта группа была отстранена от руководства партией и ее берлинской организацией⁷⁵. Шолем был выведен из Центрального комитета: это была единственная официальная санкция. Однако, несмотря на такую демонстрацию единства, спор по профсоюзному вопросу продолжался. На заседании Оргбюро ИККИ в Москве в начале декабря 1925 г. Ульбрихт сообщил, что КПГ все еще придает профсоюзной проблеме второстепенное значение. А после того, как другой немецкий делегат указал вновь на тщетность попыток проникнуть в социал-демократические профсоюзы, Пятницкий сурово повторил, что члены партии обязаны оставаться не только в социал-демократических, но и в католических профсоюзах, в случае необходимости даже вступать в них⁷⁶.

Тем временем личная дискредитация Маслова усилила кампанию против старого руководства. После более чем годичного пребывания под арестом Маслов наконец предстал в сентябре 1925 г. перед судом по обвинению в заговоре против государства. Либо из-за своего раздражения недавним развитием событий в партии, либо желая смягчить приговор, который, по-видимому, навис над ним, Маслов откровенно рассказал на суде о дискуссиях в партии, отмежевался от многого того, что было им сделано, а когда его личная ответственность была доказана, назвал в качестве своих сообщников других членов партии⁷⁷. Суд приговорил его к четырем годам заключения. В партийных кругах Маслов навлек на себя обвинения в трусости и нарушении партийной дисциплины. Дело было передано в Контрольную комиссию ИККИ, которая 22 октября 1925 г. приняла решение о его «недостойном» поведении, но отказалась вынести окончательное решение о положении Маслова в партии, отложив его до тех пор, пока партия не сможет его выслушать⁷⁸. 31 октября 1925 г. партийная конференция в Берлине приняла резолюцию, которая подтвердила решение о «недостойном» поведении, назвала методы, использованные Масловым для своей защиты, «недопустимыми» и запретила публичное обсуждение вопроса в партии до принятия Контрольной комиссией ИККИ окончательного решения⁷⁹. Вскоре после этого Наркоминдел предложил германскому поверенному в делах обменять одного находившегося в Москве под арестом немца на Маслова⁸⁰. Однако эта попытка вернуть Маслова в Советский Союз, где его можно было бы обезвредить на будущее, по-

видимому, кончилась ничем. Уничижительные замечания Мануильского и Ломинадзе на XIV русском партийном съезде в декабре 1925 г. в отношении поведения Маслова вынудили Рут Фишер, все еще задерживаемую в Москве по приказу ИККИ⁸¹, выступить с письмом протеста, адресованным съезду. В нем она назвала позицию Маслова в суде «безупречной» и говорила, что обвинения против него предопределяются «политическими мотивами». В ответ быстро последовало заявление Кюне и Неймана, выступившими в качестве «делегации ЦК КПП при ИККИ», С личным заявлением выступил также Ломинадзе, сославшийся на решение Контрольной комиссии ИККИ от 22 ноября (!) 1925 г.⁸²

В результате этого обмена мнениями дискуссия по данному вопросу вспыхнула вновь в начале 1926 г. 6 января 1926 г. Политбюро КПП приняло резолюцию, которая двумя днями позже была подтверждена Центральным комитетом. В ней одобрялось заявление Кюне и Неймана и осуждалось письмо Рут Фишер. В партийной прессе была опубликована статья, в которой и Маслов, и Рут Фишер в равной степени обвинялись в «беспринципности и бесхарактерности». Вслед за этим 13 января 1926 г. Президиум ИККИ формально одобрил решение, принятое в октябре Контрольной комиссией ИККИ. Против этого одобрения голосовала лишь Рут Фишер⁸³. Контрольная комиссия не почилла на лаврах и в ответ на протест Рут Фишер приняла новое решение. Комиссия повторила свое октябрьское суждение, не внося в него каких-либо изменений, но добавила пространную и детальную мотивировку, которая по своей сути безоговорочно осудила поведение Маслова на процессе⁸⁴. На этом обсуждение вопроса на несколько месяцев прекратилось, а Маслов все еще оставался в тюрьме. Если не считать незапротоколированного замечания выступившего в германской комиссии норвежского делегата Гансена, вызвавшего краткий ответ, данный на пленарном заседании Мануильским⁸⁵, VI расширенный пленум ИККИ (февраль-март 1926 г.) дело Маслова не рассматривал.

Состоявшаяся 31 октября 1925 года конференция КПП, одобрив политику, изложенную в Открытом письме, формально прекратила дебаты в партии. Левое крыло партии раскололось, а руководство развалилось. Рут Фишер и ее ближайшие сторонники, изолированные, с одной стороны, от группы Тельман — Нейман, которая теперь пользовалась доверием Москвы, и, с другой стороны, от старой ультралевой группы Шолема, Розенберга и Катца, потеряли всякое влияние, хотя и оставались членами Центрального комитета. Тем не менее сила левых и ультралевых диссидентов, особенно в берлинской организации, продолжала вызывать тревогу. Говорят, что 21 декабря 1921 г. на совещании делегатов в Берлине ряд ультралевых предложений был отклонен лишь небольшим числом голосов⁸⁶.

Вспышка противоборства в русской партии между Сталиным и Зиновьевым нанесла новый удар по ультралевым в КПП, по-

скольку и тот, и другой соревновались друг с другом в осуждении последних. Докладывая на XIV съезде русской партии, Зиновьев строжайшим образом придерживался тогдашней партийной ортодоксальности. Левое крыло КППГ, заявил он, разделено на две группы — группу Тельмана, состоявшую, главным образом, из берлинских и гамбургских рабочих, которая «возглавляет все здоровое в германской компартии», и группу интеллектуалов, руководимую Рут Фишер и Масловым, которые, «имея некоторые положительные стороны», пробрались к власти, используя ошибки правых. Коминтерн, сказал Зиновьев, сделал недвусмысленный выбор: «Мы целиком солидарны с ЦК германской компартии, возглавляемой тов. Тельманом»⁸⁷. Такое заявление не помешало Мануильскому косвенным образом связать Зиновьева с ультралевыми. Немецкие ультралевые, сказал он, утверждают, что они следуют чисто пролетарской линии. Русская же партия, по их словам, находится под крестьянским влиянием и проводит политику, отвечающую интересам преимущественно крестьянского государства. Далее немецкие ультралевые, заметил Мануильский, утверждают, что Коминтерн — это орудие советской политики и что русская партия пришла в упадок. Формально не заявив, что Зиновьев разделяет такую точку зрения, Мануильский вместе с тем доказывал, что отступничество Зиновьева ободрит людей, придерживающихся подобных взглядов. Более четкую позицию занял Ломинадзе, который отметил «сходство... между немецкими левыми и ленинградскими товарищами»⁸⁸.

В речи на заседании Президиума ИККИ (январь 1926 г.) Сталин был осторожнее. Выиграв битву, он воздержался от новых обвинений против Зиновьева. Сталин, однако, критиковал «группу Рут Фишер — Маслов», которая, как он выразился, «дипломатически прикрывает «ультралевую» группу Шолема» и «мешает, таким образом, Центральному комитету германской компартии преодолеть и ликвидировать «ультралевые» предрассудки германской компартии»⁸⁹.

Утверждения о связях Зиновьева с немецкими левыми, на которые намекали Мануильский и Ломинадзе на XIV съезде русской партии, желая скомпрометировать Зиновьева, не были лишены оснований. Период, когда Рут Фишер и Маслов занимали господствующее положение в КППГ — от франкфуртского съезда в марте 1924 г. до берлинского съезда в июле 1925 г., — совпадал со временем бесспорного верховенства Зиновьева в Коминтерне. Они вместе достигли вершины и вместе пошли под уклон. С другой стороны, Зиновьев был одним из авторов Открытого письма. На протяжении осени 1925 г. и на XIV съезде в декабре Зиновьев вновь и вновь поносил в самых откровенных выражениях группу Маслова — Рут Фишер. Маловероятно, что он скомпрометировал бы себя сближением с левым крылом КППГ, если бы на съезде не произошло фактического раскола. После поражения Зиновьева положение изменилось. Его прошлые продолжительные связи с

Рут Фишер, а также сходство их теперешнего положения изгнанников из руководства своих партий неизбежно подталкивали их друг к другу. Через несколько дней после съезда Рут Фишер беседовала с Зиновьевым. Разговор впервые шел на откровенном языке, «неосложненном большевистской риторикой». Зиновьев все еще надеялся, что в далекой перспективе ему удастся одержать верх над Сталиным, и повсюду отчаянно искал поддержку. Помочь ему могли руководители иностранных партий. Цель состояла в том, чтобы «побудить их перегруппироваться и бороться против Сталина». На основе такого плана и состоялось несколько «почти нелегальных встреч» Зиновьева и Рут Фишер. Такие контакты продолжались по-видимому, несколько недель⁹⁰. Это начавшееся примирение не осталось незамеченным в других кругах, и опасения усилились в связи с тем, что КПГ выступила в поддержку ленинградской оппозиции⁹¹. В начале февраля 1926 г. Сталин, вызвав Рут Фишер для беседы, предложил ей вернуться в Германию и быть вновь допущенной в руководство КПГ при условии, что она подчинится линии Коминтерна и нынешнего руководства КПГ⁹². Предложение принято не было. Беседы с Зиновьевым продолжались. Прошло немного времени, и Рут Фишер приняла на себя обязательство быть агентом русской оппозиции в немецкой компартии. Парадоксальный результат большевизации зарубежных партий состоял в том, что она воспроизводила в них разлады и соперничество, возникавшие в самой русской партии.

Тем временем в КПГ произошло два события. 11 января 1926 г. честолюбивый ультралевый деятель Катц, по-видимому, предполагая, что дискуссии в Москве наносят ущерб власти и престижу Коминтерна, а, следовательно, и власти и престижу руководства Тельмана — Неймана, поднял смелый мятеж. Собрав вокруг себя небольшую группу верных рабочих, он попытался захватить силой штаб-квартиру партии в Ганновере и помещение местной партийной газеты⁹³. Нападение, напоминающее методы, использованные полтора годами раньше в Стокгольме против Хеглунда⁹⁴, провалилось. Катц и его двенадцать сторонников были исключены из партии. Описанный эпизод дискредитировал в партии ультралевых, которые попытались отмежеваться от Катца, не добившись при этом полного успеха. Он привел к возникновению вне партии ультралевой группы, ставшей центром притяжения для партийных оппозиционеров.

Другим событием было необычайно успешное использование тактики единого фронта. Правительство предложило выплатить членам бывшего германского императорского дома компенсацию за собственность, конфискованную у них в результате провозглашения республики. 4 декабря 1925 г. КПГ направила СДПГ и Всеобщему германскому объединению профсоюзов открытое письмо с предложением выдвинуть совместное требование провести по этому вопросу, в соответствии с конституцией, национальный пле-

биссит. Руководители СДПГ, помышлявшие о возможности коалиции с буржуазными партиями и не желавшие скомпрометировать себя альянсом с коммунистами, пропустили этот призыв мимо ушей. Газета «Форвертс» назвала его «коммунистической уловкой». Несмотря на столь резкий отпор рядовые социал-демократы отнеслись с симпатией к предложенной кампании. К марту 1926 г. в поддержку требования о плебисците высказалось 12,5 миллиона избирателей. И хотя это было недостаточно для того, чтобы вынудить правительство провести его, стало ясно, что многие социал-демократические рабочие готовы, вопреки позиции своего руководства, последовать за КПГ⁹⁵.

Успех этой инициативы совпал с зарождением в Москве надежды на возникновение в СДПГ и в социал-демократических профсоюзах революционного левого крыла, аналогичного левому крылу в британских тред-юнионах. Он также способствовал дальнейшей дискредитации ультралевых, равнодушно и скептически относившихся к идее единого фронта. Когда на заседании Президиума ИККИ в январе 1926 г. Рут Фишер потребовала, чтобы ошибки правого крыла КПГ осуждались столь же сурово, как и ошибки ультралевых, она встретила твердое противодействие Сталина, который разъяснил, что, каково бы ни было положение в других партиях, «сейчас от германской компартии требуется переход к методу обходных движений, имеющих своей целью овладение большинством рабочего класса в Германии»⁹⁶. Но это не заставило замолчать ультралевых критиков, возражавших, что большевизация, по-видимому, несет с собой отсрочку революционных действий. Выдвигаемые вместо этого требования, хотя и рассчитаны на то, чтобы создать затруднения для буржуазных правительств и оказать на них давление, тем не менее лишены непосредственного революционного содержания⁹⁷.

б) Коммунистическая партия Великобритании (КПВ)

На V расширенном пленуме ИККИ, состоявшемся в марте-апреле 1925 г., положение в КПВ привлекло мало внимания. Зиновьев с энтузиазмом говорил об успешном проникновении левого крыла в профсоюзах в до сих пор неприступные массы британских рабочих⁹⁸. Он выразил осторожно сформулированную веру в то, что «мы в начале периода, когда центр тяжести дальнейшего развития мировой революции может начать постепенно передвигаться в Англию»⁹⁹. Главный британский делегат Галлахер произнес шаблонную речь, лишенную малейшего намека на энтузиазм¹⁰⁰, а Белл, выступая от имени партии, в традиционной декларации осудил троцкизм¹⁰¹. В заключительной резолюции о большевизации перечислялись такие задачи КПВ, как развитие в профсоюзах движения меньшинства, агитация против империализма, создание централизованной партийной организации и проведение тактики единого фронта¹⁰². Но если эпизод с лейбо-

ристским правительством наводил на мысль, что впредь британское рабочее движение приобретет прежде всего политические формы, то такие иллюзии вскоре рассеялись. На передний план вернулись профсоюзы. В глазах Москвы самым важным событием в британском движении весной 1925 г. стало формирование в Лондоне в апреле в соответствии с линией, предложенной в Москве в ноябре предшествовавшего года, англо-русского совместного совета для содействия делу единства международно-го профсоюзного движения¹⁰³. Казалось, что профсоюзы вновь открыли дверь, через которую коммунизм сможет со временем внедриться в сознание британских рабочих.

VII съезд КПВ, проведенный в Глазго в конце мая 1925 г., сделал все от него зависящее, что подтвердить эти надежды — и выполнить предписания V пленума ИККИ. Он принял тезисы о «международном профсоюзном единстве», которые благословили недавно созданный англо-русский совместный совет, и высказался за развитие Национального движения меньшинства в качестве средства обеспечения единства¹⁰⁴. Был принят также документ о большевизации, главными элементами которой были провозглашены теоретическое освоение ленинизма и организация партии на основе заводских ячеек¹⁰⁵. Поллит, который был старшим членом президиума, избранного при открытии съезда, и оказывал доминирующее воздействие на протяжении всей его работы, в своем заключительном слове заявил, что «этот съезд был самым лучшим из всех»¹⁰⁶.

Однако за кулисами съезда такое благодушие было несколько приглушено нотой скептицизма. В статье, написанной накануне съезда и опубликованной сразу же после него в издававшемся в Москве коминтерновском журнале, Палм Датт энергично предостерегал — и не впервые — против искушения слишком серьезно относиться к левому крылу в британском рабочем движении. В примечании он попытался смягчить резкость своей критики, разъясняя, что он ведет речь лишь о лидерах, а не о массах рабочих. Но это фактически ничего не меняло. По своей сути статья была едва прикрытым осуждением не критической позиции, занятой в некоторых партийных кругах по отношению к единому фронту, смысл которого сводился попросту к сотрудничеству с якобы существующим в лейбористской партии левым крылом. «Левое крыло, — писал Датт, — не является для нас самоцелью, а лишь средством. Наша цель состоит в революционизировании рабочего класса»¹⁰⁷. Датт, по-видимому, в это время лучше, нежели другие лидеры в Москве или Глазго, понимал, сколь мал прогресс, достигнутый на пути к этой цели. В следующем номере журнала была опубликована за подписью Робака — очевидно, псевдоним — другая статья, написанная после съезда. В ней развивалась аргументация Датта. Автор саркастически критиковал вялость так называемых левых профсоюзных лидеров в вопросах профсоюзного единства — в национальных и международных рамках, а так-

же по китайской проблеме. В заключение он утверждал, что ни левые лидеры, ни рабочие «не понимают позиции нашей партии»¹⁰⁸. Статья сопровождалась редакционным комментарием, осуждавшим автора за недооценку значимости левого крыла британского рабочего движения и важности сотрудничества с ним.

Несмотря на эти предупреждения успехи левых лейбористов в профсоюзах летом 1925 г. внушили новые надежды. 15 марта 1925 г. вышел первый номер еженедельной газеты «Санди уоркер». Ее редактор Пол был видным членом КПВ, и газета, по всей видимости, финансировалась из партийных фондов. Но она не была партийной газетой. Она предназначалась для обращения к левым в лейбористской партии и профсоюзах и ее часто называли — хотя это официально и не признавалось — органом Национального движения меньшинства. Газета пользовалась значительным успехом. На VII съезде КПВ уже утверждали, что ее тираж достиг 100 тыс. экземпляров¹⁰⁹.

События «красной пятницы» (31 июля 1925 г.) дали новый импульс всему левому крылу в Великобритании. В этот день консервативное правительство под нажимом Федерации шахтеров предоставило угольной промышленности 20 млн. фунтов стерлингов в качестве субсидии, призванной в течение девяти месяцев сохранить заработную плату на прежнем уровне. Рост влияния Национального движения меньшинства в британских профсоюзах был продемонстрирован на его второй ежегодной конференции (29—30 августа 1925 г.). В ней участвовало 683 делегата, утверждавших, что представляют 750 тыс. рабочих (это более чем в три раза превышало цифру предыдущего года). Тон конференции был задан обращением, полученным от Тома Манна, и телеграммой Профинтерна, призвавшего конференцию «стать примером для предстоящего конгресса тред-юнионов и помочь повести британский рабочий класс к победе». Манн в своем обращении призвал поддержать «Санди уоркер». От имени газеты выступил и Джексон. Никаких новинок конференция не принесла, повторив резолюцию о «намерениях и целях», принятую ее предшественницей, и одобрив более тщательно разработанную «программу действий»¹¹⁰.

Ежегодный конгресс тред-юнионов, открывшийся 7 сентября в Скарборо, на котором вновь в качестве братского делегата присутствовал Томский, стал еще одной демонстрацией англо-советской солидарности. Вновь избранный президент БКТ Суэлс саркастически говорил в своем докладе о «подлинной ненависти и враждебности к России» со стороны консервативного правительства. Перселл предупредил правительство, что «любая попытка разорвать дипломатические отношения с Союзом Советских Социалистических Республик встретит сопротивление... всего профсоюзного движения нашей страны». Томский призвал членов профсоюзов сомкнуть ряды в становящемся все более опасном мире, сославшись при этом на войны в Марокко и Китае¹¹¹. Бу-

лучи менее сдержанным в оценке правительственной политики, чем конгресс, проведенный годом раньше в Гулле, поскольку лейбористское правительство уже не находилось у власти, конгресс в Скарборо значительным большинством голосов принял резолюцию, осуждавшую план Дауэса. Поллит и Кук ее поддержали¹¹². Конгресс единогласно принял резолюцию о международном профсоюзном единстве, одобрил усилия совместного англо-русского совета. Подавляющим большинством голосов была утверждена резолюция, поддержанная Перселлом и встретившая возражения Дж. Х. Томаса, в которой осуждалось «господство британского правительства над небританскими народами», представляющее собой «одну из форм капиталистической эксплуатации», и провозглашалась «полная враждебность империализму»¹¹³. Лозовский, наблюдавший за событиями из Москвы и настроенный осторожнее Томского в оценке англо-советского сближения, признал, что «ряд больших профсоюзов категорически против новой тактики, порожденной обострением классовой борьбы». Однако и он приветствовал конгресс в Скарборо, считая его «движением влево»¹¹⁴.

С этого момента, однако, быстро начались ответные действия. Как и в предшествующем году, ежегодная конференция лейбористской партии, открывшаяся в Ливерпуле тремя неделями спустя после конгресса в Скарборо, отнюдь не разделила просоветский энтузиазм профсоюзного конгресса и постаралась аннулировать его результаты. В связи с этим коммунисты впервые разработали план использования тактики, к которой прибегало Национальное движение меньшинства по отношению к самой лейбористской партии. Доклад Исполкома партии VII съезду констатировал рост в лейбористской партии группы левых оппозиционеров. «Партия, — указывалось в докладе, — рассматривает выкристаллизовывание этого движения левого крыла в организованную оппозицию внутри лейбористской партии как одну из важнейших задач, стоящих перед нами»¹¹⁵. Создание в лейбористской партии движения просоветского меньшинства оказалось трудной задачей. Более значительным, нежели прежде, числом голосов ливерпульская конференция подтвердила нежелательность вступления коммунистов в любую секцию лейбористской партии и одобрила призыв Исполкома к профсоюзам не избирать коммунистов делегатами конференции лейбористской партии¹¹⁶. На страницах русского партийного журнала Беннет попытался разъяснить различия между конгрессом в Скарборо и ливерпульской конференцией. В заключение он указал, что определять политику лейбористской партии будут в конечном счете именно профсоюзы, которые «под ударами молота капиталистического наступления сдвигаются влево»¹¹⁷.

Симптомом дальнейшего обострения ситуации стали требования запретить КПВ и арестовать ее руководителей, прозвучавшие в Брайтоне на конференции консервативной партии, открывшей-

ся 8 октября 1925 г. Правительство, воодушевленное такими проявлениями враждебности, решило арестовать и предать суду двенадцать коммунистических лидеров, включая Кемпбелла, Галлахера, Поллита, Инкпина, Ханнингтона. Все они были признаны виновными в распространении злостной клеветы и в подстрекательстве к мятежу. Пять из них были приговорены к годичному тюремному заключению, остальные семь — к шести месяцам тюрьмы¹¹⁸. Была опубликована Белая книга, содержащая ряд документов, «добытых» при обыске в штаб-квартире КПВ¹¹⁹. Их содержание еще более усилило народный гнев против коммунистов.

Столь сокрушительные удары свидетельствовали о тревоге британских правящих кругов в обстановке все большего обострения положения на трудовом фронте и усиления конфликта с шахтерами. Зимой 1925/26 г. уже не только коммунистам стали ясны признаки того, что назревающее столкновение между трудом и капиталом вполне может приобрести революционный характер. Осенью 1925 г. возникла Организация обеспечения снабжения, цель которой состояла в том, чтобы противостоять угрозе всеобщей забастовки. Появилась на свет и партия британских фашистов, в составе которой оказалось немало широко известных деятелей.

Такая тенденция уравнивалась экстремизмом на левом крыле. В числе документов, захваченных при аресте руководителей КПВ, было письмо индийца Саклатвалы — коммуниста и бывшего члена палаты общин. В этом письме высказывалось мнение, что «не приняв решительных мер для усиления партии, мы потеряем всякое значение в Великобритании»¹²⁰. Широкое распространение получила брошюра Троцкого «Куда идет Англия?», первоначально опубликованная на русском языке летом 1925 г.¹²¹ Троцкий в своих выводах исходил из того, что в то время в качестве интеллектуального авангарда и движущей силы лейбористской партии выступала Независимая лейбористская партия и что в дальнейшем эта роль должна перейти к КПВ. Однако, писал он, КПВ «лишь в той мере может встать во главе рабочего класса, в какой этот последний придет в непримиримое противоречие с консервативной бюрократией в тред-юнионах и в рабочей партии», и она (КПВ) сможет «подготовиться к руководящей роли только беспощадной критикой всего руководящего персонала английского рабочего движения». Столкновение во всемирном масштабе, утверждал Троцкий, приведет коммунистическую партию к власти «как партию пролетарской диктатуры»¹²².

Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд русской партии предоставил Зиновьеву возможность подвергнуть анализу состояние британского движения под московским углом зрения. Он развил часто повторявшийся в то время аргумент, согласно которому «падение влияния Англии в колониях» привело к сокращению сверхприбылей империализма, а следовательно, к уменьше-

нию возможностей буржуазии для «дальнейшего подкупа значительной прослойки рабочего класса, так называемой рабочей аристократии». Это вызвало «полевение целого ряда руководителей английского профдвижения» и позволило Зиновьеву с оптимизмом ожидать «громадного конфликта» с шахтерами, который должен был вспыхнуть в Великобритании в мае следующего года и который «приобретает необычайный размах, еще невиданный до сих пор». Зиновьев защищал англо-русский совет от нападков Рут Фишер и немецких левых, а также от «многих товарищей», которые посчитали его примером оппортунизма. Сближению между британскими и советскими профсоюзами Зиновьев предсказал «громадное историческое будущее»¹²³.

В новом, 1926 г. Центральный исполнительный комитет КПВ принял дерзкую резолюцию: «Мы полагаем, что британские рабочие в силах перейти от *обороны к наступлению* и отстоять свое требование обеспечить им лучшие условия, что станет прелюдией к полной победе над капиталистами»¹²⁴. Месяцем позже был опубликован манифест, провозглашавший, что, по мнению КПВ, «для рабочих единственно возможная оборона — это мощная контратака»¹²⁵. Проведенная в Лондоне 21 марта 1926 г. Национальным движением меньшинства «Конференция действий» явила собой внушительную силу из более чем 800 делегатов, представлявших около миллиона рабочих. Она отвергала доклад Сэмуэла о положении на шахтах и потребовала, чтобы был разработан план прямых действий, включая создание заводских и шахтных комитетов. Одновременно она заявила о лояльности по отношению к Генеральному совету БКТ¹²⁶. Однако никакие неясности не смогли омрачить нарисованную в Москве картину британского профсоюзного движения, которое под нажимом работодателей-капиталистов неумолимо смещается влево.

Тем временем попытки организовать левое оппозиционное движение внутри самой лейбористской партии, возможность чего была предсказана на VII съезде КПВ в мае 1925 г.¹²⁷, давали осечку вплоть до того момента, когда враждебная позиция, занятая лейбористской партией на конференции в Ливерпуле, не побудила коммунистов к действию. В ноябре 1925 г. КПВ собрал в Лондоне конференцию, где и был создан комитет для организации Национального левого движения в качестве ударного отряда оппозиции¹²⁸.

20 января 1926 г. Президиум ИККИ обсудил ситуацию, в которой оказалась КПВ в результате «преследований», и одобрил ее попытки, с одной стороны, сохранить легальный статус партии, а с другой — «выкристаллизовать в лейбористской партии левое крыло»¹²⁹. Однако новое движение, хотя и остававшееся несколько лет занозой в теле лейбористской партии, так и не смогло добиться успеха и завоевать престиж, равный престижу Национального движения меньшинства. Не смогло оно и сломить упорное сопротивление лейбористской партии коммунизму.

Его относительная малозначимость вновь продемонстрировала, что ключ к британскому рабочему движению находится в руках профсоюзов. Именно в профсоюзах, а не на политической арене шла и была проиграна битва за коммунизм в Великобритании.

в) Французская коммунистическая партия (ФКП)

За время между съездом ФКП в Клиши (января 1925 г.) и состоявшимся двумя месяцами спустя V расширенным Пленумом ИККИ во французской партии выкристаллизовалась оппозиция. В январе 1925 г. исключенные из партии Росмер и Монатт основали ежемесячник «Революсьон пролетарьен», провозгласив своей целью защиту истинных принципов Маркса, Ленина и Троцкого от искажений того времени. Журнал был призван стать центром притяжения для тех оппозиционеров, которые все еще не порывали с партией.

9 февраля 1925 г. в ИККИ было направлено письмо, подписанное 80-ю членами ФКП. В нем они жаловались на «подавление в партии всякой критики и самокритики». На съезде в Клиши, указывали авторы письма, представителей оппозиции освистывали и оскорбляли, содержание их выступлений искажалось в печати. В письме выражался протест против исключения из партии Росмера, Монатта и Делагарда. Даже Суварин при всех допущенных им «нарушениях дисциплины» не заслуживал столь серьезного наказания, как исключение. Ленин, например, колебался, стоит ли исключать Леви, а ведь проступки Суварина были «куда менее серьезными».

Письмо 80-ти объясняло кризис причинами не личного, а национального и международного характера. Суть их не уточнялась. Далее авторы указывали, что кризис в русской партии, любое обсуждение которого запрещалось, а также требование «во чтобы то ни стало занять позицию» вызвали «невероятную пассивность» рядовых членов партии. Через пять дней в личном письме Зиновьеву Лорио полностью поддержал письмо 80-ти, добавив, что если бы оно было предано огласке, то числе подписей выросло бы десятикратно¹³⁰. Спустя месяц в тезисах, представленных оппозицией в ФКП V расширенному пленуму ИККИ¹³¹, утверждалось, что «вместо сближения с массами партия отходит от них» и что «руководство партии обанкротилось». В них содержалась та точка зрения — излюбленная точка зрения Троцкого в тот период¹³², — что конфликт между американским и британским империализмом, по-видимому, обострился «до грани войны», и это «ускоряет всеобщую революцию». В тезисах критиковалась абсурдность утверждения «фашизм здесь» применительно к Франции и доказывалось, что социал-демократия есть «левое крыло» буржуазии, а не фашизма. Наконец, в них открыто осуждались решения V конгресса Коминтерна, который отказался от цели «захвата большинства» и заменил ее лозунгом большевизации,

«интерпретируемой в духе сектантства». Провозглашенный V конгрессом тезис: «Единый фронт *исключительно* с массами» — равнозначен отказу от политики единого фронта и рабочего правительства.

Руководители Коминтерна, очевидно, посчитали что молчание — лучший ответ на протесты французской партийной оппозиции. Письмо 80-ти не было опубликовано и не обсуждалось на V расширенном пленуме ИККИ. Состоявшийся в марте-апреле 1925 г. V пленум ИККИ вообще не имел особого повода заняться делами ФКП. Хотя лично Трэн мог и потерять неограниченное доверие Москвы¹³³, он оказался послушным любой подсказке штаб-квартиры. Процесс большевизации успешно развивался во французской партии, и на горизонте не было никакого другого альтернативного руководителя. Зиновьев высказал радость по поводу развала явно находившегося при последнем издыхании правительства Эррио. В этом он видел иллюстрацию окончания демократическо-пацифистской эры. Трэн вновь надоедливо твердил о продвижении фашизма во Франции, хотя и с некоторыми вариациями, в пределах, позволяющих не отклоняться от линии Коминтерна¹³⁴. Общая резолюция пленума (в том, что касалось ФКП) содержала традиционные инструкции. В ней были, правда, два пункта, имевшие в свете дальнейших событий определенную значимость. Речь идет об «антимилитаристской пропаганде» и «энергичной работе в колониях»¹³⁵.

Уже под конец пленума Сепар поставил вопрос о журнале «Революсьон пролетарьен», указав, что в нем публикуются статьи Троцкого и что журнал часто соглашается с последним. Некоторые члены партии, сказал Сепар, делают вывод, что Росмер и Монатт опираются на поддержку Троцкого. По-видимому, было бы целесообразно попросить Троцкого разъяснить, использует ли журнал его имя с его разрешения¹³⁶. За несколько недель до этого было выдвинуто более щекотливое для Троцкого требование — дезавуировать работы Макса Истмена¹³⁷. Прошло несколько месяцев, прежде чем Троцкий отмежевался от своих французских сторонников¹³⁸.

Несомненно, в Москве Трэна предупредили в частном порядке об опасностях установления в партии чересчур репрессивного режима. Теперь было предложено видному представителю правой оппозиции в ФКП Лорио опубликовать в «Кайе дю большевисм» статью с изложением взглядов оппозиции. В номере от 1 мая 1925 г. там появились пространные тезисы, подготовленные Лорио. В них указывалось на отсутствие перспектив на революцию в близком будущем. Лорио сетовал на упорное преувеличение опасности фашизма, на попытки называть фашистским все то, что не является коммунистическим. А это, писал он, ведет к ложному выводу об идентичности социал-демократии и фашизма. Он протестовал против подавления свободной дискуссии и навязывания национальным руководством и ИККИ своего мнения. Большеви-

зация, заявил Лорио, на практике сводится к сектантству в партии и разрыву с массами¹³⁹. Однако такое гласное обсуждение противоречий не умиротворило оппозицию и не укрепило духа партии.

Тем временем Эррио ушел в отставку и его сменил Пенлеве. В соответствии с утвержденной Парижским съездом программой ФКП участвовала в состоявшихся 3 и 10 мая 1925 г. муниципальных выборах. Во втором туре она сняла своих кандидатов во всех тех округах, где их участие создавало угрозу победы Национального блока над Левым блоком. Результаты выборов оказались тем не менее разочаровывающими. Хотя точное сравнение и затруднительно, однако можно считать, что коммунисты получили значительно меньше голосов, чем на парламентских выборах 1924 г.

Противники любых уступок Левому блоку и сторонники более настойчивого проведения политики единого фронта продолжали обмениваться обвинениями. 11 мая 1925 г. в ИККИ было направлено еще одно письмо. Его подписали 130 членов партии. Они проанализировали поражение на выборах и вновь осудили официальный оптимизм, а также вводящую в заблуждение политику руководства¹⁴⁰.

В этот момент произошло событие, которое на несколько месяцев омрачило жизнь партии. В середине мая 1925 г. в пограничном районе Французского Марокко (район этот известен как Риф) вспыхнули военные действия между французскими войсками и мятежным вождем Абд-эль-Кримом, который со своими людьми осенью 1924 г. пронесся вихрем через Испанское Марокко, нанеся тяжелые потери испанским войскам. Когда в сентябре 1924 г. мятежники в Испанском Марокко одержали первые успехи, Семар и Дорио направили Абд-эль-Криму от имени ФКП и Лиги коммунистической молодежи телеграмму. В ней они приветствовали «блестящую победу марокканского народа над испанскими империалистами» и обещали поддержку со стороны испанского и европейского пролетариата в его борьбе против «всех империалистов, включая французских». В телеграмме указывалось, что французский и испанский союзы коммунистической молодежи создали совместный «комитет действий». Французских и испанских солдат призвали брататься с арабами¹⁴¹. 7 декабря 1924 г. в Париже была проведена под эгидой ФКП и УВКТ первая конференция североафриканских рабочих Парижского района. В ней участвовали 150 делегатов¹⁴².

В резолюции по колониальному вопросу, принятой в январе 1925 г. IV партсъездом, подчеркивалась необходимость уделять больше внимания этому вопросу со стороны колониальной комиссии партии. Однако резолюция уклонилась от обсуждения вопроса по существу, сославшись на решения «всемирных конгрессов» Коминтерна. Съезд также принял обращение к «рифскому народу», заявив о симпатии к нему «в его борьбе за освобождение

против армии Примо де Ривера»¹⁴³. 4 февраля 1925 г., когда восстание уже распространилось на Французское Марокко, Дорио зачитал разгневанной палате депутатов сентябрьскую телеграмму и потребовал от имени ФКП немедленно уйти из Марокко и предоставить ему «полную независимость»¹⁴⁴. Вспышка военных действий во Французском Марокко в мае 1925 г. сделала необходимым опубликование ФКП манифеста, в котором повторялись призывы к эвакуации из Марокко и братанию. Он был помещен в «Юманите» 14 мая 1925 года. Днем позже массовый митинг, в котором участвовали 15 тыс. рабочих, провозгласил «солидарность с Республикой Риф»¹⁴⁵. В открытом письме УВКТ вновь обратилась к ВКТ с предложением о совместных действиях¹⁴⁶.

Прошедшие летом демонстрации показали, сколь непопулярна война у рабочих Парижского района. Это, однако, не поколебало официальную позицию. Французские социалисты, хотя и заявившие в осторожных выражениях о своем отрицательном отношении к войне, тем не менее упорно противились совместным действиям с коммунистами. 8 июня 1925 г. Восточное бюро ИККИ опубликовало в Москве манифест «Против рифской войны». В нем критиковалось как правительство Пенлеве, «развязавшее» войну, так и правительство Эррио, которое ее «подготовило». Манифест заканчивался призывом к «братанию французских солдат с рифами путем быстрого заключения мира» и к «полной независимости колониальных народов»¹⁴⁷. На первый взгляд манифест казался признаком одобрения действий ФКП, а также приказом и дальше двигаться по взятому курсу. Но при более тщательном изучении документа люди, знакомые с тонкостями коминтерновской фразеологии, обнаруживали едва различимые колебания и сдержанность. Так, вместо призыва к братанию на фронте в нем говорилось о «братании путем быстрого заключения мира», а выдвинутое в манифесте требование «полной независимости колониальных народов» звучало не так провокационно, как лозунг о немедленной эвакуации Франции из Марокко. Манифест ИККИ ознаменовал, таким образом, перемену тенденции, в основе чего лежали две взаимосвязанные причины.

Во-первых, это были неудача в декабре 1924 г. в Эстонии и завершившаяся катастрофой попытка переворота в Болгарии в апреле 1925 г. Оба эти события усилили в умах советских руководителей опасения, уже порожденные фиаско в Германии в 1923 г. В Москве боялись новых поспешных революционных выступлений. А ведь именно на этот курс неуклонно сползала ФКП, осуждая войну в Марокко и саботируя военные усилия. Трэн, в частности, так и не понял намека, сделанного ему во время визита в Москву в январе 1925 г.¹⁴⁸ В своем стремлении следовать классической революционной стратегии превращения войны империалистической в войну гражданскую он, по всей видимости, откасался от установки на создание единого фронта, изолировав тем самым партию от умеренного общественного мнения, даже в

рабочей среде, и занял «ультралевую» позицию, которую Коминтерн теперь старался повсюду осудить. Во-вторых, советские руководители были всерьез встревожены международной обстановкой. Возникла угроза объединения Западной Европы против Советского Союза. А в условиях, когда Германия под сильным нажимом Великобритании продвигалась курсом, ведущим в Локарно, советская дипломатия мечтала об отрыве Франции от новой комбинации держав и о сближении ее с Советским Союзом¹⁴⁹. Особое неудобство вызвало то, что громогласные выступления Коминтерна и ФКП против войны в Марокко вызвали бы острую враждебность со стороны французского правительства и значительной части французской общественности.

В начале июля 1925 г. УВКТ провела огромный митинг, на котором выступил Барбюс. Был принят протест против войны в Марокко и налогов, введенных Кайо¹⁵⁰. Активизировалась антивоенная пропаганда «комитетов действий», вдохновляемых и руководимых ФКП. В конце июля 1925 г. «центральный комитет действий» распространил прокламацию, направленную против «колониальных войн и колонизации». В ней открыто поощрялось восстание на всех территориях, входящих во Французскую империю¹⁵¹. 21—22 июля 1925 г. в Берлине под эгидой КИМ была проведена международная молодежная конференция. Она одобрила тезисы о войне в Марокко, в том числе требование «всеми средствами добиваться поражения французской буржуазии в ее разбойничьей войне против народов Рифа» и призыв «использовать в целях агитации первые же случаи учиненных армией и флотом массовых убийств»¹⁵².

Французская пресса гневно осудила подстрекательства коммунистическими газетами и ораторами к мятежу и предательству. Вполне вероятно, что негодование, вызванное ими, стало одной из причин медленного развития франко-советских переговоров. Опровержение сообщений об оказании Абд-эль-Криму советской помощи было сделано Красиным слишком поздно и предотвратить ущерб не смогло¹⁵³. К августу или сентябрю 1925 г. по крайней мере некоторые советские руководители были бы рады избавиться от создающего трудности обязательства бороться за освобождение колониальных территорий. Однако эта задача слишком глубоко укоренилась в советской идеологии, и об отказе от нее нельзя было даже помыслить. Самое большее, можно было рассчитывать лишь на определенный такт и сдержанность при ее реализации на практике.

Готовность Трэна подчиняться приказам отнюдь не означала, что он был способен предвосхищать их. 1 августа 1925 г., пребывая в счастливом заблуждении, будто он пользуется искренней поддержкой Москвы, Трэн опубликовал в «Кайе дю большевизм» пространный проект тезисов, в котором систематизированно изложил отношение ФКП к войне. В тезисах кратко упоминались и тут же отвергались как несостоятельные предлагаемые другими

силами методы предотвращения войны, а именно: коллективное сопротивление «агрессору», гуманитарный пацифизм, синдикалистская всеобщая забастовка. Единственный, с точки зрения Трэна, приемлемый путь — это «революционные действия масс, направляемые пролетариатом и его коммунистической партией». Нет никаких гарантий, писал он, что война в Марокко создаст «непосредственную революционную ситуацию», но коммунисты должны добиваться этого. Он предлагал развернуть «пораженческую агитацию» и призывал к братанию: «Чем больше солдат братается и чем большую поддержку получают они, тем меньше их будет убито, тем быстрее будет сброшен в море генеральный штаб». Наконец, утверждал Трэн, «даже если большинство масс, как это было в 1914 г., поддержит империализм и выступит против своих интересов, долг партии — идти против течения»¹⁵⁴. Тем самым он откровенно и дерзко ссылался на сборник статей Ленина и Зиновьева под названием «Против течения», опубликованный в Швейцарии в 1916 г.

В последующий месяц деятельность партии развивалась по двум новым направлениям. Во-первых, Франция оказалась вовлеченной во вторую колониальную войну — в Сирии, и партийная пропаганда соединила ее с марокканской войной. Во-вторых, ФКП использовала съезд Блока рабочих и крестьян в Страсбурге 20 сентября 1925 г., чтобы обратиться с призывом поддержать «право населения Эльзаса и Лотарингии на самоопределение вплоть до отделения от Франции, если оно того пожелает». Она потребовала, чтобы французские военные и гражданские власти были бы полностью выведены с территории еще до плебисцита¹⁵⁵. Съезд, не раздумывая, провозгласил себя «единственным подлинным представителем трудящихся масс нашей страны». Он потребовал от министров иностранных дел главных держав, совещание которых намечалось в Локарно, принять решение о проведении в Эльзас-Лотарингии плебисцита¹⁵⁶. Было, таким образом, сделано все возможное, чтобы возбудить французское общественное мнение против коммунистов и Москвы.

Не менее тревожной была ситуация и на профсоюзном фронте. По указанию Профинтерна и съезда французской партии, состоявшегося в январе 1925 г.¹⁵⁷, УВКТ предложила ВКТ провести совместную конференцию для обсуждения проблем профсоюзного единства. Хорошо разбиравшаяся в ситуации ВКТ ответила, что она сформулирует официально свою позицию на сентябрьском съезде, но что единство можно обеспечить лишь в случае возвращения рабочих в профсоюзы, входящие в ВКТ¹⁵⁸. Ничуть не смутившись столь резким отказом, УВКТ в новом послании изложила проект проведения совместного съезда. Она предложила подготовить его на совещании профсоюзов, входящих в обе федерации, с помощью объединенного комитета их представителей¹⁵⁹. ВКТ ответила на такую назойливость молчанием. Однако возник-

новение в ней левого крыла поощрило УВКТ продолжить кампанию. На июльском митинге парижских рабочих против марокканской войны также была принята резолюция, требовавшая единства действий УВКТ и ВКТ и «слияния всех профсоюзов»¹⁶⁰. С этой целью УВКТ назначила дату своего сентябрьского съезда на тот же день, когда предполагала открыть свой съезд ВКТ. Тогда ВКТ перенесла съезд на август, что сделала и УВКТ.

Оба съезда проходили в Париже между 26 и 31 августа 1925 г. Съезд УВКТ первым делом назначил делегацию, которой было поручено обратиться к съезду ВКТ. Последний, вопреки рекомендациям руководителей, большинством голосов решил выслушать делегацию, которая предложила провести съезд единства. Руководители ВКТ вновь отклонили это предложение, и съезд поддержал их. Правда, за него проголосовало внушительное меньшинство — представители трехсот профсоюзов. Руководители ВКТ предупредили, что исключат из федерации любой профсоюз, направивший на этот съезд своих делегатов.

На съезде единства, состоявшемся в первую неделю сентября 1925 г., присутствовало не более 23 делегатов от профсоюзов, принадлежавших к ВКТ. Некоторые из них покинули съезд еще до его окончания¹⁶¹. Хотя лозунг профсоюзного единства не был снят, фиаско съезда породило пессимизм в УВКТ в отношении шансов на его достижение. Коммунисты, выразив возмущение «систематической политикой раскола», проводимой ВКТ, решили сконцентрировать внимание на красных профсоюзах и «пренебречь работой в реформистских союзах»¹⁶².

Тем временем по своей воинственности УВКТ сравнялась с ФКП. Кульминацией партийной кампании против войны в Марокко и Сирии стала всеобщая 24-часовая забастовка, проведенная 12 октября 1925 г. по призыву УВКТ, после того как ВКТ отклонила традиционное приглашение сотрудничать. На этот раз лозунг «Долой войну!» был подкреплён — возможно, в качестве признания уменьшения силы его воздействия — лозунгом «Долой налоги Кайо!». Несмотря на официальный бойкот со стороны ВКТ и социалистов, на призыв ответило 900 тыс. рабочих¹⁶³. Для оценки ситуации 15—20 октября 1925 г. в пригороде Парижа Иври собралась партийная конференция. Она осудила правую оппозицию, одобрила все меры, принятые партийными органами, и приняла резолюции об опасности войны, о войне в Марокко (рекомендуя лозунги «братания» и «немедленной эвакуации»), о международном положении, о профсоюзах и об организационных задачах партии¹⁶⁴.

На конференции в Иври тогдашнее партийное руководство в последний раз получило вотум доверия, хотя на самой конференции открытых расхождений, по-видимому, не было. Чувство неудовлетворенности распространилось настолько широко, что игнорировать его было уже нельзя. Забастовка 12 октября 1925 г. официально превозносилась как успех, однако единственным ее

результатом был арест большого числа коммунистов — впервые после рурского периода — по обвинению в подстрекательстве к мятежу. Лояльность армии поколебать не удалось, и хотя борьба вяло продолжалась, правительство, по всей видимости, сохраняло контроль над ситуацией. Участники борьбы устали и лишились доверия. Число членов партии угрожающе снижалось¹⁶⁵. Вслед за конференцией в Иври произошли два тревожных события. Первым было возрождение Сувариним в качестве частного издания журнала «Бюллетэн коммунист», который он прежде издавал как партийный орган. Вновь возникнув в конце октября 1925 г., журнал выходил еженедельно на протяжении более чем трех месяцев. Суварин привлек к сотрудничеству несколько недовольных членов партии, и его едкие комментарии стали в критический момент занозой в боку руководства. Второе событие — возрождение в партии организованной оппозиции. Исключение Суварина, Монатта и Росмера не заставило замолчать критические голоса. Оппозиция нашла новых выразителей ее мнения в лице Лорио, Дюнуа и Паза, которые повторяли старую критику по поводу ошибочной политики партийных лидеров и их методов. 25 октября 1925 г. 250 членов ФКП опубликовали протест против авторитарного режима в партии, который насаждали «страдающие манией величина члены Политбюро и Центрального комитета». Авторы письма бичевали почти все политические акции минувшего года — неуклюжее применение тактики единого фронта, лозунги, используемые в кампании против войны в Марокко и по вопросу об Эльзас-Лотарингии («Почему не требовать тогда эвакуации Ниццы, Савойи или Корсики?»), а также требование организации партии на принципе ячеек. Указывалось, что в числе подписавших письмо были одиннадцать коммунистов-депутатов¹⁶⁶. Удар такого масштаба не мог остаться без последствий.

Было ли уже известно Политбюро содержание письма 250-ти или нет, но на состоявшемся в начале ноября 1925 г. заседании оно заняло оборонительную позицию. Была принята резолюция, одобрявшая выводы конференции в Иври. Однако после нескольких трафаретных поздравительных фраз ее авторы перешли к неожиданным уступкам. Было бы ошибочно, указывалось в ней, называть всех, высказывающих несогласие, правыми. Страх перед подобным осуждением, говорилось далее, вынуждал некоторых делегатов воздерживаться от высказывания своего мнения. Некоторые товарищи жаловались на «слишком механические методы работы и на дисциплину, насаждаемую на неразумный манер»¹⁶⁷. Такое неблагополучие вряд ли можно устранить простыми заверениями, что партия всегда поощряла «свободную дискуссию».

По-видимому, примерно в это время Трэн заметил сигнал опасности и вместе с Дорио попытался предложить другим партийным лидерам, включая Семара и Сюзанну Жиро, несколько

разбавить водой вино партийной доктрины. Но эти предложения немедленного благожелательного отклика не встретили¹⁶⁸. Привычка Трэна сохранять весь контроль в своих руках сделала его непопулярным среди его коллег. И когда наконец наступили перемены, то он не только не сумел извлечь какие-либо дивиденды, но стал козлом отпущения за грехи прошлого и удобным объектом для любого недовольства. В феврале предшествовавшего года Центральный комитет по указанию Трэна разработал несколько пропагандистских лозунгов, в числе которых было требование «создать революционный трибунал для рассмотрения дел всех ответственных за высокую стоимость жизни, империалистические войны, организацию фашизма или за агрессию против Советской России»¹⁶⁹. В то время это не привлекло особого внимания. Но теперь об этом вспомнили, равно как и о требовании братания и превращения войны в Марокко в гражданскую войну¹⁷⁰. Это посчитали элементами экстремистской или ультралевой политики, которая, хотя и может быть оправдана теоретически, но не подходит для ситуации, не являющейся «непосредственно революционной», а также в момент, когда на повестку дня встала тактика единого фронта. Как указывалось, предложенный совместный съезд профсоюзов Эльзас-Лотарингии, примыкавших к УВКТ и ВКТ, не смог состояться из-за требования коммунистов добиваться самоопределения этой территории¹⁷¹. Было трудно опровергнуть, что подобное требование возбудило общественное мнение против ФКП и изолировало ее даже от более умеренных элементов левого крыла. Когда падение кабинета Пенлеве, последнего правительства, опиравшегося на Блок левых, вызвало обычный министерский кризис, ФКП 8 ноября 1925 г. выступила с тривиальным предложением к социалистической партии создать единый фронт для достижения ближайших целей. На протяжении следующих двух недель предложение это неоднократно повторялось. Привлек к себе внимание тот факт, что в переданном социалистам приглашении отсутствовали лозунги братания и эвакуации, а также какое-либо упоминание об Эльзас-Лотарингии. Говорилось лишь о сотрудничестве в интересах прекращения войн в Марокко и Сирии и для поддержки таких относительно безобидных требований, как национализация «крупных капиталистических монополий», учреждение монополии внешней торговли, установление прогрессивного налога на капитал и рабочего контроля над производством¹⁷².

Такой поворот в сторону умеренности произошел, однако, слишком поздно, чтобы можно было вернуть доверие руководителей Коминтерна, развернувших в то время повсеместную кампанию против «ультралевых». Еще в январе 1925 г. в Москве ходили слухи, что руководство ФКП будет смещено, если только Коминтерну удастся найти альтернативную «команду»¹⁷³. Было хорошо известно, что между Трэном и Эмбер-Дро существует давняя неприязнь¹⁷⁴. Более важным было то, что Трэн, если рассматривать

проблему под углом зрения разногласий в русской партии, был Зиновьевцем. И хотя в то время разногласия между Сталиным и Зиновьевым не распространялись на внешнеполитические вопросы, тем не менее престиж Трэна зависел от престижа его патрона. В конце ноября обладавший тонким нюхом Суварин задавался в журнале «Бюллетэн коммунист» вопросом, когда же ФКП ощутит «освежающее подстегивание»¹⁷⁵.

1 декабря 1925 г., то есть на другой день после прибытия Чичерина в Париж для переговоров с французским правительством¹⁷⁶ и в день подписания в Лондоне Локарнских договоров, было срочно созвано заседание Центрального комитета ФКП с участием секретарей региональных организаций партии и представителя ИККИ Эмбер-Дро. Центральный комитет принял решения, которые впоследствии стали рассматривать как поворотные в истории французской компартии.

Трудность положения состояла в том, что возникла необходимость отказаться от экстремистских и ультралевых тенденций, поскольку они оказались неэффективными и создали неудобства, при этом не признавая положительных сторон правой оппозиции, которая на протяжении многих месяцев критиковала такой курс. Задачу решили посредством Открытого письма ко всем членам партии, которое было опубликовано в «Юманите» 6 декабря 1925 г.¹⁷⁷ Оно свидетельствовало о гибкости, на которую был способен Трэн, оказавшийся под огнем критики.

Письмо начиналось излюбленной темой Трэна — осуждением фашизма. «Фашистские призывы, — отмечалось в нем, — встречают определенный отклик». Опасность фашизма столь велика, что «партия обязана мобилизовать все свои силы для объединения и организации широчайших масс, чтобы преодолеть кризис революционным путем». Но такая риторика лишь маскировала серьезное отступление. Письмо призывало в полную силу использовать тактику единого фронта «от основания до верхушки» — привычная корректировка ленинской политики единого фронта «снизу». Была признана «неточность» и непопулярность лозунгов, сформулированных в связи с войной в Марокко. Так, было ошибочным представлять братание «непременным условием создания единого фронта». Подчеркивалась неотложность разработки «конкретной и ограниченной по целям программы немедленных действий». При этом, однако, подчеркивалось, что существует «пропасть» между «корректировкой нашей практики единого фронта» и «оппортунистическими концепциями правых». Письмо содержало и другие критические замечания. Оно, например, признавало необходимость более активного использования «кадров старшего поколения» и указывало, что в ходе кампании за профсоюзное единство уделялось недостаточно внимания «ближайшим требованиям». Наконец, в письме говорилось о желательности такой внутренней политики и такого руководства партии, «которые собрали бы вокруг себя огромное большинство партии», а также о необходимо-

сти создания «прочной и гибкой организационной структуры». Неприятный привкус носило оставленное для заключительной фразы осуждение «кучки оппозиционно настроенных интеллектуалов, вступающих в союз с врагами партии и Интернационала». Не вызвало сомнений, что письмо звучало как предупреждение ультралевым¹⁷⁸.

По вопросу о руководстве какого-либо формального решения принято не было. Осуждение политических решений, с которыми были связаны имена Трэна и Дорио, конечно, подорвало их престиж. Назначение Трэна редактором «Кайе дю большевизм» можно было легко объяснить стремлением отстранить его от выполнения более прямых политических функций. Первым шагом Трэна в качестве руководителя партийного журнала стало изменение собственной позиции и опубликование статьи, в которой признавалась «излишняя прогрессивность» лозунгов братания и эвакуации. В интересах единого фронта, указывалось в ней, к ним теперь прибегать не следует¹⁷⁹.

Если бы оппозицию волновали исключительно проблемы партийной политики, то она могла бы испытывать чуть ли не полное удовлетворение. Однако ее интересовало главным образом установление своего — прямого или косвенного — контроля в руководстве партии и восстановление в правах изгнанных из партии оппозиционеров. В этом же вопросе почти ничего не изменилось, а уступки, содержащиеся в Открытом письме, лишь еще больше разожгли аппетит оппозиции.

15 декабря 1925 г. 24 коммуниста направили Центральному комитету ответ на Открытое письмо. В нем указывалось, что проведенная 1—2 декабря конференция была созвана, а затем приняла решения за спиной партии, узнавшей о ней только из Открытого письма. Ответ содержал также старые жалобы на существующий в партии режим «механического давления, запугивания и административной замкнутости»¹⁸⁰. Поскольку было совершенно ясно, что оппозиция не намерена разоружаться и продолжает вести огонь, Секретариат партии опубликовал в «Юманите» (3 января 1926 г.) письмо, в котором потребовал, чтобы члены партии, поддерживающие контакты с «Бюллетэн коммунист» и «Революсьон пролетарьен», прекратили всякое сотрудничество с этими контрреволюционными журналами¹⁸¹. Такое требование вызвало дерзкий ответ семи коммунистов — членов редколлегии «Бюллетэн коммунист», на страницах которого он и был опубликован. Мятежники открыто заявили, что «Бюллетэн коммунист» и «Революсьон пролетарьен» — единственные органы печати, которые дают «возможность заявить о себе уцелевшему в партии революционному духу». Авторы письма выступили против исключения из партии основателей этих журналов¹⁸². Можно было предположить, что в ФКП назревает кризис и что массовые выходы из партии и исключения из нее вряд ли удастся предотвратить.

На XIV съезде русской партии в декабре 1925 г. Зиновьев осудил лидеров ФКП за неспособность использовать благоприятную ситуацию. Однако он тут же добавил, что «громадную роль» в этой неудаче сыграла группа «правых вождей во главе с Росмером, Сувариним, стариком Лорио и другими». Они, сказал Зиновьев, «сыграли... ренегатскую и штрейкбрехерскую роль»¹⁸³.

Сплачивая исключенных из партии и остающихся в ней оппозиционеров, противники руководства вели дело к новым исключениям. Однако вскоре стало ясно, что никто — будь то в Москве или в Париже — на самом деле не хотел доводить дело до крайности. 16 января 1926 г. в «Юманите» было опубликовано новое письмо Секретариата партии к коммунистам — членам редколлегии журнала «Бюллетэн коммюнист», отклонившим его прежний призыв, содержащийся в письме от 3 января. На этот раз Секретариат, уходя от сколько-нибудь существенных проблем, утверждал, что на карту поставлена «минимальная дисциплина, без которой не может существовать ни одна истинно пролетарская партия», и что журналисты «могут пользоваться правами членов партии, лишь соблюдая самую элементарную дисциплину». Намекнув таким образом на санкции, письмо, однако, завершалось адресованным мятежникам предложением — «еще одним и последним» — прекратить сотрудничество с обоими журналами. Последствия были неожиданными. В номере от 29 ноября 1926 г. журнал «Бюллетэн коммюнист» объявил, что он прекращает свое издание, желая посмотреть, как будет развиваться ситуация, и что его редакционная коллегия распускается¹⁸⁴. В конце концов два или три вожака мятежников были исключены из партии, а в отношении остальных не было принято никаких мер.

Тем временем на заседаниях Президиума ИККИ 13 и 20 января 1926 г. была обсуждена проблема ФКП¹⁸⁵. Две принятые резолюции, касающиеся ФКП, — они были опубликованы 23 января 1926 г. в «Юманите» — носили противоречивый характер. С одной стороны, Президиум ИККИ осудил «контрреволюционную» позицию и «преступную деятельность» оппозиции и дал указание членам партии порвать всякие отношения с «антикоммунистическим» журналом Суварина. С другой стороны, Президиум ИККИ демонстративно отказался поддерживать в споре ту или иную сторону и слегка намекнул на то, что инакомыслящие должны «иметь возможность» обсуждать свои взгляды в партийной печати. Однако такие двусмысленные уступки не умиротворили оппозицию: 24 автора письма от 15 декабря 1925 г. выпустили новую листовку, протестуя против фальсификации или замалчивания их заявлений в партийной печати и против отказа ИККИ ответить на прежние письма оппозиции. Но завершалась листовка на более низкой ноте: оппозиция не уйдет из партии. Было заявлено, что она протестует «в последний раз перед тем, как вновь впасть в навязанные ей молчание и бездействие»¹⁸⁶.

Не все, однако, складывалось благополучно даже в партийном руководстве. С 31 января по 2 февраля 1926 г. проходило еще одно расширенное заседание Центрального комитета. Были заслушаны три доклада. Первый — он был подготовлен Трэнсом — рассмотрел текущее положение и проблемы единого фронта. Его содержание было довольно тривиальным. Во втором докладе — Дорио — вновь осуждалась оппозиция и одобрялись меры, принятые против авторов «письма 250-ти» и членов партии, сотрудничавших с «Бюллетэн коммунист» и «Революсьон пролетарьен». В третьем докладе Торез, растущий молодой человек, активно участвовавший в кампании против войны в Марокко, обсудил организационные проблемы партии, в частности создание ячеек, а также вопрос о фракциях¹⁸⁷. Резолюции по первым двум докладам были приняты единогласно. При голосовании резолюции по третьему вопросу один был против и двое воздержались¹⁸⁸. Однако в принятой несколькими днями спустя резолюции Политбюро партии, хотя оно и заявило об общем одобрении этих решений, указало на различие во мнениях по вопросу о едином фронте и подчеркнуло, что цель тактики единого фронта состоит не в том, чтобы добиться выхода нескольких человек из других партий, а в том, чтобы «революционизировать» массы рабочих, все еще находящиеся под влиянием социалистической партии. Это был явный щелчок по Трэнсу, который нес ответственность за резолюции по данному вопросу. В заключение резолюция Политбюро обращала внимание на важность двух последних расширенных заседаний Центрального комитета — намек на решительное отклонение ультралевой политики предшествовавших лет¹⁸⁹. Разногласия оставались обычным явлением в партии. Но создавалось впечатление, что она преодолела опасный поворот. Все было заморожено в ожидании VI расширенного пленума ИККИ, назначенного на середину февраля 1926 г. в Москве.

г) Итальянская коммунистическая партия (ИКП)

Мир между фракциями в Итальянской коммунистической партии, сработанный на скорую руку на V конгрессе Коминтерна¹⁹⁰, существа дела фактически не изменил. Если после 1924 г. битвы между фракциями в ИКП, а также противоречия между ИКП и Коминтерном и стали не такими яростными и разрушительными, то объяснение этому следует искать не в большей убедительности увещаний Коминтерна и не в достижении реального согласия. Дело заключалось в том, что фашистские репрессии, направленные против любой политической активности, тормозили резкое обострение разногласий¹⁹¹.

Съезд партии созвать было невозможно. Бордига и его группа по-прежнему отказывались войти в ЦК партии. Бордига продолжал критиковать политику партии и Коминтерна, считая ее оппортунистической и немарксистской. Хотя Бордига на V конгрессе и

был избран членом ИККИ, он отказался приехать в Москву на V расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в марте 1925 г.

В его отсутствие обсуждение итальянского вопроса прошло бесцветно и безрезультатно. Руководитель итальянской делегации Скоччимарро, примыкавший к центристской группировке, посвятил больше половины своей невероятно долгой речи нападкам на Бордигу. Он с сожалением признал, что последний оказывает влияние на «партийные массы», и резко его критиковал. Скоччимарро назвал Бордигу абстрактным теоретиком, который не принимает в расчет особенности конкретной фазы развития и лишает партию свободы маневра; прежде всего он отвергает необходимость партийной дисциплины¹⁹². Гриеко, который, по-видимому, представлял позицию группы Бордиги, ответил на эти нападки в итальянской комиссии. Он заявил о готовности перед следующим съездом партии рассмотреть «некоторые взгляды крайне левых». Позже он повторил свое обещание и на пленарном заседании¹⁹³. Эмбер-Дро, докладчик комиссии, выступая там же, поздравил ИКП с тем, что «приверженностью программе действий, разработанной V конгрессом», она «укрепила партию» и вовлекла в практическую работу «товарищей из крайне левого крыла». Следующая задача, сказал он, внесение идеологической ясности. Эмбер-Дро расширил нападки на Бордигу, который, по его словам, «повел борьбу против Коммунистического Интернационала», когда заявил, что «он (Бордига) вполне солидаризируется с Троцким». И в данном случае, заметил Эмбер-Дро, вновь оказалось, что крайне левый «становится правым»¹⁹⁴. Эту же тему, но в более осторожных выражениях, затронула резолюция. Ее вывод свелся к тому, что партия должна добиться «полной идеологической ясности в своих рядах» и что предстоящему съезду предстоит «сделать выбор между тактикой Бордиги и ленинизмом»¹⁹⁵. В этом, возможно, выявилась суть новейшего этапа большевизации, направленной против ультралевых. После пленума ИККИ в ИКП вспыхнула острая борьба. Бордига создал «левую фракцию», выступившую под именем «Комитета примирения». В мае 1925 г. в Неаполе, издавна считавшемся оплотом Бордиги, комитет провел подпольную конференцию. В начале июня 1925 г. он обратился к ЦК партии с официальным предложением обсудить возникшие разногласия¹⁹⁶. На протяжении лета отзвук противоречий давал о себе знать в «Уните».

В докладе Центральному комитету партии Грамши резко критиковал Бордигу за отказ занять место в ИККИ, за его отношение к Троцкому и за «сектантскую тактику». Подобно тому как это сделал после II конгресса Коминтерна Серрати, говорил Грамши, Бордига «породил некий местный патриотизм, противоречащий дисциплине всемирной организации». Грамши признал, что вступление в ИКП группы Терцини усилило правую опасность. Однако опасность справа имела лишь потенциальный ха-

ракти. Опасность слева была реальной¹⁹⁷. Бордига и его сторонники выступили с протестом против вмешательства ИККИ и его попыток навязать «механическую дисциплину»¹⁹⁸. В это же время журнал Коминтерна опубликовал пространную статью, анализирующую ошибки, совершенные Бордигой со времени основания партии¹⁹⁹. В другой статье, по-видимому, также исходящей от Коминтерна и вдохновленной в Москве, критиковалось «самоустранение» Бордиги и продолжение им кампании против Центрального комитета и ИККИ²⁰⁰. Делегат ИКП на состоявшемся в июле 1925 г. съезде КПГ пустился в пространное осуждение Бордиги, отвергающего всю концепцию дисциплинированной ленинской партии: на призыв Центрального комитета ИКП распустить их фракцию Бордига и его ультралевые сторонники дали «полемический» ответ²⁰¹. В течение осени 1925 г. ИККИ и его Президиум непрерывно занимались делами ИКП. 4 сентября 1925 г. было распространено Открытое письмо членам партии, критиковавшее всю политику партии после V конгресса Коминтерна и обвинявшее Бордигу в «самоустранении» и «фатализме», а также в неправильной оценке фашизма. 19 ноября 1925 г. Президиум ИККИ одобрил обращение к итальянским рабочим и крестьянам, призывавшее создать «единый оборонительный фронт», а неделей позже опубликовал еще одно Открытое письмо к партии по вопросам единого фронта и профсоюзов²⁰².

Лишь 21 января 1926 г. удалось собрать III съезд ИКП — первый достаточно представительный съезд после 1922 г. Он заседал на территории Франции — в Лионе. Докладчиком по главному политическому вопросу был Грамши. Тольятти выступил по профсоюзному вопросу²⁰³. На рассмотрение съезда Центральный комитет вынес чрезвычайно пространные тезисы²⁰⁴. В них излагалась тогдашняя коминтерновская доктрина по таким вопросам, как большевизация партии, признание заводских ячеек организационной основой партии, тактика единого фронта, осуждение ультралевых и конкретно Бордиги как порождения мелкобуржуазных тенденций в стране с численно слабым пролетариатом. Бордига представил контртезисы, в которых отвергал политику единого фронта, лозунг рабоче-крестьянского правительства и кампанию за профсоюзное единство, хотя и согласился с предложением о «едином фронте» по конкретным профсоюзным вопросам. Контртезисы резко критиковали Центральный комитет. Они требовали утверждения программы действий, основанной на предложениях, выдвинутых Бордигой на IV и V конгрессах Коминтерна²⁰⁵. Бордига вновь активно и неумолимо отстаивал взгляды оппозиции и оказывал сопротивление любой политике, предусматривающей обращение к массам, включая создание коммунистических фракций в не примыкающих к партии организациях. Его главная речь продолжалась шесть часов, а на долю спровоцированной им дискуссии по вопросам тактики пришлось две трети

времени съезда. В конце концов контртезисы были отклонены, а официальные тезисы, которые умело остаивали на съезде Грамши и Тольятти, получили значительное большинство голосов²⁰⁶.

В профсоюзном вопросе съезд вновь предпочел средний курс. Он одобрил как кампанию в поддержку массовых профсоюзов в противовес официальным и пользовавшимся покровительством фашистским профсоюзам, так и создание комитетов коммунистической партии для агитации на предприятиях. Бордига и левые возражали против первого предложения. Они утверждали, что в условиях фашизма профсоюзы не способны выполнять свои прежние функции. Таска и правые возражали против второго²⁰⁷. Принятая съездом «программа действий» сделала упор на необходимость сотрудничества с крестьянством с целью его изоляции от руководства буржуазных партий. Она повторяла бытовавшую тогда трактовку большевизации с соответствующим акцентом на «опасность фракционной деятельности ультралевых внутри партии», а также на «опасности правого уклона»²⁰⁸. Несмотря на занятую им позицию, Бордиге, по-видимому, предложили вернуться в Центральный комитет. Как говорят, он ответил, что ему антипатична идея «сотрудничества с руководством этой партии»²⁰⁹.

Важным последствием III съезда ИКП стал перевод Тольятти в Москву в качестве делегата ИКП в Коминтерн²¹⁰. На следующие несколько лет Тольятти прочно обосновался в Москве. Началом его деятельности там стала статья в коминтерновском журнале, разоблачавшая «идеалистические основы бордигизма»²¹¹. На VI расширенном пленуме ИККИ, который открылся в феврале 1926 г., в составе итальянской делегации появился Бордига. В ходе пленума он играл заметную роль в качестве главного представителя ультралевых²¹². Но его главные сторонники были не в итальянской, а в других партиях, и его выступления не имели прямого отношения к итальянским делам. Пленум итальянскую комиссию не создал. Никакой резолюции, касающейся итальянской партии, выдвинуто не было. О ее успехах с окрашенной самодовольством риторикой сказал в своем общем докладе Зиновьев: «Партия срослась с массами. Разумеется, фашизм может убивать еще наших товарищей сотнями, но убить компартию никому уже не удастся»²¹³. Фактически же после кризиса, вызванного в 1924 г. убийством Маттеотти, фашизм обеспечил себе значительную политическую и экономическую стабилизацию. Исчезла конституционная оппозиция. Были изолированы и подавлены коммунисты. Учитывая, что в штаб-квартире Коминтерна под рукой всегда находился надежный итальянский представитель, а также и то, что железная пята Муссолини напрочь сокрушила политическую активность в Италии, положение в ИКП в предстоявшие несколько лет не вызывало в Москве сколько-нибудь серьезного беспокойства.

д) Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ)

Разногласия в чехословацкой партии по-прежнему порождали растерянность и создавали трудноразрешимую проблему. В ноябре 1924 г. II съезд партии, не без вмешательства ИККИ, поставил ее под контроль таких Центрального комитета и Политбюро, в которых незначительное большинство принадлежало левым при сохранении правыми лидерами своих постов²¹⁴. Отношения между ними не переходили в открытую ссору вплоть до февраля 1925 г., когда партия организовала протесты против дороговизны жизни. Крайне правая группа в партии, которая в Центральном комитете своих представителей не имела, осудила этот шаг как опасную провокацию. Лидер этой группы Бубник, контролировавший крупную партийную организацию в Брно, уже давно пользовался репутацией возмутителя спокойствия в партии. Политбюро рекомендовало исключить из партии Бубника и его главного подручного. Центральный комитет, одобряя эту рекомендацию, добавил в список исключенных несколько других диссидентов. Решение ЦК было принято 19 голосами против 11. К меньшинству принадлежали Шмераль, Запотоцкий и другие правые члены Центрального комитета, которые, отмежевываясь от акции Бубника, тем не менее считали меру наказания слишком суровой²¹⁵. Вопрос был передан на рассмотрение состоявшегося в марте 1925 г. расширенного пленума ИККИ. Но сделали это не Шмераль и его коллеги, подчинившиеся воле большинства, а партийная организация Брно, выступившая в своем меморандуме против решения о проведении демонстраций и исключения из партии Бубника и его сторонников²¹⁶. Протоколы ИККИ свидетельствуют, что Бубник никого понастоящему не интересовал, а эпизод этот был использован лишь как предлог для обсуждения проблемы враждебных отношений между левым большинством и правым меньшинством в Центральном комитете. Один маловлиятельный представитель левого крыла резко критиковал Шмералья и Запотоцкого. Крейбих нападал на Зиновьева и авторитарную позицию Коминтерна. Ему ответил Нейрат, который одновременно подверг критике Шмералья²¹⁷.

Препирательства на пленарных заседаниях сопровождались более активными стычками в чехословацкой комиссии, протоколы которой, вопреки сложившейся практике, были опубликованы в подробном изложении²¹⁸. Нейрат начал с критики Шмералья, осудив последнего за его протест против исключения из партии Бубника. Следуя своей обычной тактике, Шмераль остался в тени, а его главный сподвижник Муна заявил, что большинство, сложившееся в Центральном комитете, хотя оно и пользуется расположением ИККИ, опирается лишь на меньшинство членов партии. Он обвинил ИККИ в пассивном отношении к нападкам на Шмералья, а Нейрата — в развертывании кампании «личных клеветнических измышлений и инсинуаций»²¹⁹. В обстановке столь яростных взаимных обвинений русские руководители, все еще стремившиеся

предотвратить раскол в КПЧ, оказались в замешательстве. Зиновьев утверждал, что никаких принципиальных разногласий между двумя сторонами не существует. Бухарин же, подводя итог первому дню заседания, без особого энтузиазма поддержал Нейрата и пожурил Шмераль за отмалчивание²²⁰. На следующий день Шмераль ответил на брошенное ему обвинение пространной речью. Хотя она и была по форме осторожной и корректной и не свободна от теоретической велеречивости, тем не менее главная проблема рассматривалась в ней откровеннее, чем это когда-либо делалось до сих пор в ходе открытых дебатов. Шмераль согласился с тем, что противоречия не носят политического характера. Вопрос сводится к тому, указал он, «насколько исполнительный орган (то есть ИККИ), вправе вмешиваться во внутренние дела партий». Он в принципе не отвергал права на вмешательство. Но то, как это сделал Мануильский на состоявшемся предшествовавшей осенью партийном съезде, создало в партии, заметил он, «атмосферу паники», породило «у большой части членов партии страх, что их исключат из нее». Новый режим, укоровившийся в Центральном комитете, прибегает к «системе постоянного шпионажа». Подводя итог, Шмераль заявил: «Я отдаю себе отчет в том, что мы не можем руководить партией против воли и без поддержки и абсолютного доверия исполнительного органа. Однако товарищи, находящиеся ныне у руководства, неспособны руководить партией, даже опираясь на поддержку исполнительного органа»²²¹. Рут Фишер обвинила Шмераль в том, что он поддерживает точку зрения Радека, полагавшего, что «в случаях отсутствия революционной ситуации необходимо следовать реформистской политике». Мануильский говорил о «панических настроениях товарища Шмералья». Он оправдывал свое вмешательство на съезде партии тем, что равновесие, существовавшее между двумя фракциями, делало невозможным соглашение между ними без посторонней помощи²²².

Именно в этот момент, 27 марта 1925 г., Сталин выступил с речью, явно рассчитанной на то, чтобы положить конец дебатам и подготовить условия для одобрения согласованной резолюции. Он признал, что нынешний кризис в чехословацкой партии произошел от угрозы как справа, так и слева. Но в силу трех причин более серьезна опасность справа. Эти причины: неревolutionционный характер исторического этапа, сила старых социал-демократических традиций в чехословацкой партии (и Шмераль, и другие ораторы отмечали, что более 70% членов партии были в прошлом социал-демократами), а также национальные раздоры в партии, создающие почву для шовинизма. В вежливых, но язвительных выражениях Сталин перечислил ошибки Шмералья. Под предлогом «тонкой» и «деликатной» политики беспристрастного отношения к правым и левым, сказал Сталин, он, Шмераль, фактически сдвинулся вправо и защищает правых. В речи Сталина не было открытой угрозы. Но Шмераль получил предупреждение, что если он не откажется от своей «тонкой» тактики, то в конце концов окажется

в социал-демократическом стане²²³. Однако даже выступление Сталина не прекратило борьбы. Три дня спустя, отвечая на новые заявления Шмерала и Запотоцкого, Сталин вновь выступил, на этот раз в более резком тоне. Он утверждал, что правая группа «дискредитирует членов Центрального комитета, старается оправдать Бубника, угрожает расколом и т. д.». В заключение Сталин сказал: «Я не поклонник методов репрессий. Я думаю, что идейная борьба и идейная победа над правыми является решающим моментом. Но я против того, чтобы репрессии были исключены из нашего арсенала»²²⁴. Отвечая, Запотоцкий отмежевался от Шмерала и Крейбиха и уклончиво признал, что угрожать расколом уже поздно: «Чешский пролетариат хочет единства»²²⁵.

Резолюция, внесенная на рассмотрение V расширенного пленума ИККИ и одобренная им единогласно, объяснила природу кризиса причинами, перечисленными Сталиным в его речи 27 марта 1925 г. В резолюции подчеркивалась серьезность опасности справа. В ней сурово осуждался областной партийный комитет Брно за его противодействие политике ЦК и поддержку ренегата Бубника. Далее было выражено порицание Крейбиху, речь которого на пленарном заседании лишь усугубила его прошлые ошибки. В заключение резолюция призвала всех членов партии к единству, косвенно отвергнув, таким образом, курс на новые исключения из партии. Имя Шмерала в резолюции не упоминалось²²⁶. Большинство заявило, что оно будет голосовать за резолюцию. В заключительном слове Зиновьев поздравил всех, имевших отношение к этой проблеме, с тем, что они предотвратили раскол. Он выразил убеждение, что все делегаты, независимо от того, к какой группе они принадлежат, являются «верными и мужественными коммунистами, которые в случае действительной опасности окажутся на высоте»²²⁷. Таким образом, ИККИ вновь разрешил — или отложил — чехословацкий вопрос, одобрив левых, но отказавшись при этом сместить с руководящих постов влиятельное правое меньшинство. В тот момент значительно большим злом посчитали линию, которая расколола бы партию и накрепко связала Коминтерн с левым крылом.

После пленума было опубликовано обращение ко всем членам партии. Его подписали Зиновьев, а также лидеры большинства и меньшинства в ЦК чехословацкой партии. Обращение вновь осудило Бубника и авторов меморандума, принятого в Брно. В нем содержался призыв к единству партии и к дисциплине²²⁸. Мануильский сумел изобразить КПЧ как блестящий пример партии, которая преодолела внутренний кризис на пути к большевизации и сумела в результате остаться массовой организацией²²⁹.

Наряду с проблемой руководящих органов возник уже дебатировавшийся профсоюзный вопрос. На организационной конференции накануне V расширенного пленума ИККИ Пятницкий учуял опасность того, что чехословацкие красные профсоюзы могут «стать слишком независимыми и разойтись с партией, а затем бо-

роться против партии» путем выдвижения кандидатов в заводские советы и комитеты, «не проконсультировавшись с партией по поводу этого». Это было бы, сказал он, пагубным нарушением дисциплины²³⁰. Один из чехословацких делегатов на V пленуме ИККИ сетовал по поводу того, что немецкая секция профсоюза рабочих текстильной промышленности, присоединившись к Коминтерну, тем не менее отказалась вступить в Межнациональный общепрофсоюзный союз²³¹. С другой стороны, сообщалось, что чехословацкие «оппортунисты» призывали «освободиться от влияния Москвы», в результате чего у многих возникло «раздвоенное сознание», когда заходил вопрос об отношении к профсоюзам и о партийной лояльности.

В статье, написанной после II съезда КПЧ, президент Межнационального общепрофсоюзного союза Хейс отнесся откровенно скептически к лозунгу: «Назад в реформистские союзы!»²³². Его раскритиковали за отказ выполнить партийное решение и за попытку сохранить независимость красных профсоюзов²³³. Более откровенно говорили в чехословацкой комиссии. Там красные профсоюзы обвинялись в сопротивлении решениям V конгресса Коминтерна, указавшего, что члены партии не должны выходить из социал-демократических профсоюзов. Нейрат назвал Хейса чехословацким двойником Шумахера, а Сталин расценил требование «полной независимости союзов от партии» как правый уклон²³⁴. По мнению большинства, иронически заметил Шмераль, «чем меньше будет членов красных профсоюзов, тем лучше для единства»²³⁵.

В ходе V расширенного пленума ИККИ обнаружились новые примеры межнациональных трений в чехословацкой партии. В своей первой речи в чехословацкой комиссии Сталин говорил о роли национального фактора в партийных расколах: угнетенные национальные группы — немцы и словаки — «оказались на левом фланге, а чехи — на противоположном фланге»²³⁶. Делегат от Карпатской Руси обвинил в страданиях своей страны «гнет чешской буржуазии»; крестьяне знают, что «чехи хотят сделать нас рабами»²³⁷. Внося резолюцию по чехословацкому вопросу на рассмотрение пленарного заседания, Мануильский в своей речи отметил, что в то время как прежде Политбюро партии включало пять чехов, немца, словака, венгра и русина, теперь оно состоит из семи чехов и двух немцев²³⁸. В резолюции прямо указывалось на пережитки «националистических иллюзий и предрассудков» у рабочих-чехов, в среде которых большевизация проходила менее эффективно, чем в массе пролетариев, принадлежавших к национальным меньшинствам²³⁹.

В тот же период произошел еще один инцидент, продемонстрировавший активность скрытых форм словацкого национализма. В начале 1925 г. из партии были исключены два члена ее словацкой секции, Сейдлер и Верчик, которых обвинили в проступках личного и финансового порядка. Они подали апелляцию в Между-

народную контрольную комиссию в Москве. Последняя, по-видимому, признала справедливость их утверждений, что их наказали за словацкую национальную деятельность. Комиссия, заседавшая одновременно с V расширенным Пленумом ИККИ, отменила решение об исключении из партии Сейдлера и Верчика. Правда, рассмотрев дело Верчика, она посчитала его виновным в «серьезной политической ошибке» и вывела из ЦК и других партийных органов. Правое крыло партии резко критиковало отказ примерно наказать Сейдлера и Верчика²⁴⁰. В мае 1925 г. в Жилине (Словакия) состоялась местная партконференция. Хотя на ней и выступило несколько лидеров чешской национальности, в том числе Шмераль, конференция продемонстрировала поддержку Сейдлера и Верчика. Тон на ней задавал откровенный словацкий национализм, который выражал себя в ультралевой фразеологии и был направлен против партийных руководителей-чехов. Конференция расценила попытку исключения Сейдлера и Верчика как «классический пример методов, используемых в оппортунистической партии для удушения большевистской линии», как «попытку правых с помощью левых подовать в Коммунистической партии Чехословакии единственно правильную, большевистскую линию», как результат блока «так называемых левых» (Нейрата и его сторонников) и «так называемых правых» (Шмералья и Запотоцкого)²⁴¹. Партийное руководство оказалось бессильным перед столь решительным неповиновением.

В статье в «Правде» Зиновьев удивительно мягко писал о выпадах, допущенных на жилинской конференции. Нападки на «лево-центристский блок», захвативший руководство после V конгресса Коминтерна, он охарактеризовал как «полемическое увлечение» и «политическую ошибку». Статья предупреждала против опасности «ультралевых» уклонов. Но в ней ни слова не говорилось о репрессиях²⁴². В те времена, когда речь заходила об иностранных партиях, все еще призывали к терпимости, за исключением случаев, которые создавали прямую угрозу центральной власти Коминтерна.

Несмотря на подобные всплески раскольнического национализма — а быть может, и благодаря им, противоестественный альянс левых и правых в руководстве чехословацкой партии оказался прочней, чем того можно было ожидать. Старое крайне правое крыло безнадежно раскололось и разбилось вдребезги. В партии никто не выступил в защиту Бубника, и он, подобно Хеглунду в Швеции²⁴³, умудрился в течение нескольких месяцев сохранять независимую группу вне партии, а затем слился с социал-демократами. Другая группа, хотя она и отмежеввалась от Бубника и осталась в рядах партии, тем не менее осудила решения V расширенного пленума ИККИ, считая их несправедливыми в отношении правых²⁴⁴. Шмераль и его сторонники подчинились решениям ИККИ и согласились с ролью меньшинства в руководящих партийных органах. III съезд партии, проведенный в конце сентября 1925 г., ус-

пешно избегал возобновления дискуссии по сколько-нибудь трудным вопросам и вызвал полное одобрение в Москве. Как указывалось в исполненной энтузиазма резолюции ИККИ, которая была принята шестью месяцами спустя, II съезд КПЧ представил картину «полного единодушия, революционной стойкости и безусловной преданности Коммунистическому Интернационалу»²⁴⁵. В резолюции по профсоюзному вопросу съезд вновь осудил политику перехода «отдельных лиц или групп» из реформистских союзов (где в них нуждались для формирования «надежных коммунистических фракций») в красные союзы и запретил подобные переходы, если только они не будут одобрены Политбюро партии²⁴⁶.

Еще большее удовлетворение принесли выборы, состоявшиеся 18 ноября 1925 г. На предыдущих выборах в 1920 г. — еще до раскола социал-демократов, который привел к созданию КПЧ, — чешские социал-демократы собрали 1600 тыс. голосов, немецко-язычные социал-демократы — 690 тыс. На этот раз цифры снизились соответственно до 630 тыс. и 411 тыс. голосов. В результате первые получили 29 мандатов, вторые — 17. За КПЧ было подано 930 тыс. голосов, что обеспечило ей 41 место в парламенте. За коммунистов проголосовали 15% избирателей. При этом с гордостью подчеркивалось, что в мае 1924 г. КПГ, находившаяся тогда на вершине своих избирательных успехов, получила лишь 11% голосов, поданных на выборах в рейхстаг²⁴⁷. Надо учесть и то, что, согласно поступившим жалобам, в Карпатской Руси в результате избирательных махинаций у партии было «украдено» еще 100 тыс. голосов²⁴⁸. Столь поразительный успех, одержанный на выборах, помог противоестественной, порождающей трудности коалиции, которая находилась у руководства КПЧ, просуществовать дольше, чем это можно было с достаточными основаниями предполагать.

е) Коммунистическая партия Польши (КПП)

Состоявшийся в июне-июле 1924 г. V конгресс Коминтерна фактически отстранил трех «В» от руководства КПП и передал его в руки левой группы, возглавлявшейся Ленским и Домским²⁴⁹. Однако отсрочка формального утверждения этого решения партконференцией или партсъездом вызвала некоторые парадоксальные последствия.

Ко времени созыва III съезда польской партии, который наконец состоялся в марте 1925 г., международная ситуация радикально изменилась. Уже нельзя было уйти от признания факта «стабилизации капитализма». Коминтерн отходил от левого курса, провозглашенного V конгрессом, и когда съезд польской партии собрался, чтобы утвердить новое руководство, курс этот уже совсем изжил себя. Такая дилемма в конкретной форме дала о себе знать в связи с проблемой западнобелорусской партии. Как бы польская или советская партии ни поощряли беспорядки в польской Бело-

руссии, вспыхнувшие летом и осенью 1924 г.²⁵⁰, общественное мнение резко выступило против авантюристической политики. Надо было решить, стоит ли раздувать спорадически возникавшие беспорядки и пытаться превратить их в полномасштабное вооруженное восстание или следует затушить очаги пожара. Казалось, в Варшаве и в Москве преобладали аргументы в пользу осторожного отступления. Создавалось впечатление, что движение скорее отдает белорусским мелкобуржуазным национализмом, нежели коммунизмом. Оно не могло рассчитывать на сколько-нибудь значительную практическую помощь со стороны польской партии или польского рабочего движения. Да и Советское правительство, обескураженное и дискредитированное недавним провалом революционного восстания в Эстонии, отнюдь не было склонно еще более подрывать свои международные позиции поддержкой новой обреченной попытки вооруженного мятежа. Повстанческая политика в польской Белоруссии, хотя все еще и одобряемая Компартией Западной Белоруссии, встречала явное сопротивление со стороны компартии Западной Украины. Последняя сама готовилась поднять восстание на Волини, опираясь, как предполагалось, на поддержку харьковского ОГПУ²⁵¹. В числе активных организаторов волинского восстания, намеченного на конец марта 1925 г., были два украинца — депутата сейма от Волини — Приступа и Войтюк. В прошлом они принадлежали к Социал-демократической партии Украины и сделали много для ее союза с КПП. Но теперь авантюристическая политика уже не соответствовала линии Коминтерна, и из Москвы наложили вето на этот план²⁵².

В такой обстановке в марте 1925 г. вблизи Минска (Советская Белоруссия) открылся III съезд КПП²⁵³. В нем участвовали 49 делегатов — 31 с правом решающего и 18 с правом «совещательного» голоса. На съезде присутствовали десять гостей²⁵⁴. В их числе были Бухарин, представлявший русскую партию, а также Зиновьев и Мануильский — от Коминтерна. Подобное представительство подчеркивало значимость и шекотливость события²⁵⁵. Анализируя международную обстановку, Зиновьев придерживался более умеренного тона, чем на II съезде в августе-сентябре 1923 г., когда, как казалось, назревала революция в Германии, или на V конгрессе Коминтерна, на котором считалось уместным подчеркивать поворот влево. Зиновьев откровенно признал «упрочение буржуазин». Революционный процесс развивается медленнее, чем ожидалось, сказал он. Фашизм оказался не «кратковременным эпизодом», а специфическим феноменом всего периода²⁵⁶. Этот холодный душ несколько перепугал более решительные элементы в КПП. Говоря о Социал-демократической партии Польши, Домский использовал выражение «социал-фашисты». Скрыпник и Варский резко критиковали теорию «консолидации» польского буржуазного государства. Были и горячие головы, отстаивавшие дальнейший сдвиг влево, — в их числе делегат от Польской молодежной лиги и еще один-два человека. Они уклонились от упоминания о едином

фронте и рабоче-крестьянском правительстве²⁵⁷. Однако в целом добиться официального одобрения линии Коминтерна не составило каких-либо трудностей.

Белорусская проблема, которую изложил в своем докладе член Центрального комитета партии Пурман, оказалась тесно переплетенной с национальным вопросом, рассмотренным Мануильским. Они-то и стали самыми сложными на съезде. Изменил свою позицию Скульский, и Центральный комитет партии единодушно высказался против предлагаемого восстания. Пурман указал, что «с учетом ситуации в Польше и международного положения» любая подобная попытка оказалась бы изолированной и обреченной на неудачу. Еще категоричнее выступил Мануильский, предупредивший о невозможности рассчитывать на поддержку со стороны Красной Армии. Он говорил о «неблагоприятном международном положении», сославшись конкретно на болгарский и эстонский «эпизоды»²⁵⁸. Варский, который рассчитывал теперь на роль лидера оппозиции по отношению к новому левому руководству, высказался в пользу белорусского восстания, которое он еще до этого поддержал на страницах польского партийного журнала «Нови пшегляд»²⁵⁹. Однако в любом случае поддержка со стороны Варского не имела никакой ценности.

Общая дискуссия по национальному вопросу ничего нового не дала. Правда, Домский яростно обрушился на немецкое сепаратистское движение, охарактеризовав его как «преимущественно движение имущих классов», которые хотели бы и впредь эксплуатировать польского крестьянина и рабочего²⁶⁰. В резолюции по национальному вопросу нашли отражение две его формы. Требования украинского, белорусского и литовского населения пограничных районов Польши могли быть удовлетворены лишь путем самоуправления и выхода из нее. Требования же таких национальных меньшинств, как немцы или евреи, находились в тесной связи с «классовой борьбой польского пролетариата» и могли быть удовлетворены лишь в результате совместных действий. В резолюции вновь четко формулировался «лозунг отделения Западной Белоруссии и Западной Украины от Польши и их присоединения к соседним советским республикам». Вместе с тем в ней отмечалось, что «не может быть успешным изолированное восстание в Западной Белоруссии, не поддержанное революционным движением во всей Польше». Иными словами, освобождение этих районов зависело от революционного выступления поляков. Необходимо, указывалось далее в резолюции, обеспечить «координацию массового движения в Польше, в Западной Белоруссии и в Западной Украине и его слияние в единое целое»²⁶¹.

Преодолев это препятствие, съезд разрешил другие вопросы в соответствии с уже установившимися принципами. Резолюция о профсоюзах призвала к единству как на национальном, так и на международном уровнях. Сославшись на Англо-русский комитет, она делала вывод о «подъеме новых левых тенденций в Амстер-

дамском Интернационале», но осудила лидеров польских социал-демократических профсоюзов за их принадлежность к «малым реакционным амстердамским фракциям»²⁶². Пространная резолюция о большевизации партии соответствовала коминтерновским установкам о партийной организации²⁶³. В разделе, озаглавленном «О вооруженном восстании и организации самообороны», указывалось, что «партия должна создать — прежде всего в Западной Белоруссии и в Западной Украине — отделы самообороны для защиты от террора, который особенно распространен в этих районах». Однако нельзя допустить, говорилось далее в резолюции, чтобы эти отделы превратились в «профессиональные боевые отряды, которые легко становятся центрами авантюризма и создают угрозу для партии». Позиция съезда в отношении вооруженных действий в восточных пограничных областях породила кризис в Коммунистической партии Западной Белоруссии. «Националистически мыслящие элементы» (а именно так их охарактеризовали), близкие по своим воззрениям к эсерам и явно составлявшие большинство в партии, вышли из нее и сгруппировались под руководством члена Центрального комитета партии Гурыни, захватив партийные деньги и установив контроль над нелегальной партийной печатью²⁶⁴.

Несомненный успех III съезда КПП оказался вместе с тем началом ее новых трудностей. Его главная задача состояла в том, чтобы утвердить уже проведенную смену руководства. Домский стал теперь признанным лидером партии, а Скульский и Пурман (Ленский все еще находился в тюрьме) — его главными помощниками. Однако созыв съезда слишком долго откладывался. В марте 1925 г. утверждение в качестве руководителей представителей ультралевой группы уже не соответствовало тогдашним тенденциям в политике Коминтерна. Новые руководители не сумели завоевать доверие основной массы польских рабочих — как в партии, так и вне ее. Состоявшийся сразу же после польского съезда V расширенный пленум ИККИ уделил мало внимания польским проблемам. Домский произнес необычно короткую речь (а может быть, ее просто не опубликовали полностью). Ему удалось приглушить тезис Зиновьева о стабилизации капитализма и одновременно заявить о своем согласии с ним. Далее он критиковал Радека, Брандлера и вообще правых, а также оптимистично заявил, что «крестьянские массы находятся в таком процессе брожения, какого мы не наблюдали с 1918 г.»²⁶⁵. Все эти заявления оказались, однако, бесполезными. Как было признано позже, отстранение на III съезде польской партии правого руководства «до известной степени способствовало подъему ультралевых тенденций»²⁶⁶. Летом 1926 г. Коминтерн, более нежели когда-либо убежденный в необходимости тактики единого фронта и в благоприятных ее перспективах в эпоху «стабилизации» капитализма, повсюду предпринял акции против ультралевых. Домский тут же стал жертвой такой смены курса.

Первой очевидной ошибкой Домского был его отказ от участия в совместной с социал-демократами демонстрации 1 мая 1925 г., что подчеркнуло изоляцию КПП от масс²⁶⁷. Но фатальный просчет был допущен им в начале июня 1925 г., когда ЦК КПП по собственной инициативе принял резолюцию, обвинившую в правом уклоне немецкую, французскую и болгарскую партии. КПП была осуждена за готовность во втором туре президентских выборов снять свою кандидатуру в пользу социал-демократов, ФКП — за ее переговоры с социалистами об общих списках на муниципальных выборах, болгарская же партия — за «поиски компромисса с правительством Цанкова»²⁶⁸. Во всех трех случаях действия партий были одобрены Коминтерном, который оценил их не как проявление правого уклона, а как заслуживающее похвалы применение тактики единого фронта. Позиция же КПП — подобно тому, как это было с Бордигой на V конгрессе Коминтерна²⁶⁹ — была воспринята в Москве как попытка создать ультралевую оппозицию линии Коминтерна и вызвала там гнев. Состоявшийся в июле 1925 г. X съезд КПП осудил «группу польских товарищей во главе с Домским» за нападки на КПП²⁷⁰.

В это время КПП встретилась с новыми трудностями. Острая стычка вспыхнула между двумя подконтрольными ей партиями — западноукраинской (КПЗУ) и западнобелорусской (КПЗБ). Запрет III съездом революционных авантюр привел КПЗБ к выводу, что лучше иметь половину куска, чем вообще остаться без хлеба, и она — возможно, не без поощрения со стороны более националистически настроенных членов КПП — выдвинула лозунг «автономии в составе Польши». При этом она даже утверждала, что таково требование масс. Более стойкие лидеры КПЗУ, опасаясь, что лозунг автономии станет прецедентом для Западной Украины, выступили с громогласным протестом. Они настаивали, что V конгресс Коминтерна утвердил в качестве политической линии как для Западной Белоруссии, так и для Западной Украины курс на отделение от Польши и присоединение к Советскому Союзу и что ни одна из партий не должна отказываться от такого требования²⁷¹.

В сложившейся ситуации власти в Москве пришли к выводу, что руководители КПП больше не заслуживают доверия. Было решено вмешаться. В июле собралась польская комиссия ИККИ, во главе которой был поставлен Сталин. Она одобрила резолюцию и Открытое письмо ИККИ, адресованное «организации Коммунистической партии Польши». В письме, датированном 31 июля 1925 г., обстоятельно анализировались ошибки ЦК КПП по немецкому, французскому и болгарскому вопросам, по профсоюзной проблеме и в связи с первомайскими демонстрациями. Оно завершалось уничтожающей критикой прошлой деятельности Домского. В письме упоминалась статья Домского (июль 1920 г.), в которой он «выступил против боевых действий Красной Армии»²⁷². Это подавалось как симптом его сопротивления «русскому коммунизму» во имя «западного коммунизма». В 1923 г., говорилось далее, Дом-

ский выступал против «использования ленинизма на Западе» (в этом обвинении нашли отражение противоречия по поводу единого фронта). В 1925 г. Домский критиковал коминтерновский курс на большевизацию западных коммунистических партий. В призыве, обращенном, в соответствии с принятой в Коминтерне практикой, к польской партии, содержалось чуть ли не формальное требование отстранить Домского от руководства: «Ваша задача, товарищи, потребовать от Домского недвусмысленного и исчерпывающего разъяснения его общей точки зрения, учитывая его антибольшевистские выпады на протяжении последних лет»²⁷³.

Действия, предпринятые против КПП, предвосхищали, таким образом, Открытое письмо к КПП, направленное несколькими неделями позже²⁷⁴. Единственное различие между ними состояло в том, что от Домского не потребовали, как это было сделано в отношении Рут Фишер, подписать собственный смертный приговор. Через несколько дней, 3 августа 1925 г., Президиум ИККИ обсудил вопрос, который был слишком деликатен, чтобы его обсуждать в Открытом письме. Он осудил «террористический уклон в идеологических установках части польского партийного руководства» и приказал партии немедленно покончить с подобной «анти-марксистской тактикой»²⁷⁵.

Оказавшись под градом упреков, обрушившихся на него из Москвы, Центральный комитет КПП провел 10 августа 1925 г. заседание. Его протоколы опубликованы не были. Направленный им ответ на Открытое письмо впоследствии характеризовался как «нерешительная попытка отказаться от ультралевой позиции»²⁷⁶. Наибольшую непреклонность Центральный комитет КПП обнаружил в национальном вопросе. Он принял резолюцию, осуждающую оппозицию со стороны КПЗУ лозунгу автономии Западной Белоруссии²⁷⁷. Что произошло дальше, покрыто тайной. Ни о каких шагах, предпринятых в то время для устранения Домского, до сих пор не известно²⁷⁸. Но его престиж был поколеблен, и, по-видимому, он потерял контроль над партийным механизмом. В конце октября 1925 г. на конференции КПП выступил польский делегат, заявивший о намерении поддержать кампанию против ультралевых. Польский Центральный комитет, заявил он, признал «ультралевой ошибкой» свою июньскую резолюцию, осудившую три партии, и выступил против Домского, который «не отказался от своих ультралевых взглядов». Вряд ли есть нужда подчеркивать, что тем самым КПП была призвана последовать этому здравому примеру²⁷⁹.

Впечатляющий побег Ленского 19 октября 1925 г. из варшавской тюрьмы создал новые затруднения. Три недели он скрывался у друзей по партии, а затем перебрался через Закопане в Берлин и оттуда в Москву²⁸⁰. Значение этого события состояло в том, что усилилась взаимосвязь между польскими делами и борьбой, развернувшейся в русской партии. Домский, подобно Рут Фишер в КПП и Трэнэу в ФКП, был связан с Зиновьевым и ленинградской

оппозицией. Ленский же был сторонником Сталина и стал, таким образом, выразителем его взглядов в КПП.

Конференцию КПП, призванную закрепить перемены, удалось созвать лишь в декабре 1925 г. Поскольку она состоялась в самый разгар схватки в русской партии, обострившейся накануне ее XIV съезда, эта конференция привлекла в Москве мало внимания. Правда, впоследствии прозвучали серьезные упреки по поводу отсутствия на конференции «единой группы», которая могла бы «придать» ей направление, и по поводу того, что партия «осталась без всякого руководства»²⁸¹. Как говорили, тезисы для конференции были подготовлены совместно Домским, Ленским и Кроликовским. Основной доклад был сделан Ленским, поскольку в пору ультралевых эксцессов он находился в тюрьме и ему было легче, чем Домскому, отмежеваться от них. Однако в ходе прений по докладу Ленского выступил Варский. Его речь прозвучала безоговорочным осуждением ультралевых, и он явно повел конференцию за собой²⁸². Как признал в том же месяце на XIV съезде русской партии Мануильский, «на недавней конференции в Варшаве Варский, несмотря на всю критику ИККИ в прошлом, сумел завоевать доверие даже со стороны ультралевых рабочих»²⁸³. Ни Домскому, ни Ленскому не удалось заручиться сколько-нибудь значительной поддержкой. Варский, который с конца 1924 г. был депутатом сейма, неутомимо проповедовал союз рабочих и крестьян и критиковал проникновение западного капитала в Польшу. Оба эти тезиса были в то время по душе Москве и полностью соответствовали тактике «единого фронта». Осуждение ультралевого уклона на конференции в декабре 1925 г. почти автоматически привело к возвращению к руководству того самого лидера, который менее полутора лет назад был яростно осужден на V конгрессе Коминтерна как правый уклонист. В качестве вознаграждения за разоблачение тягчайших ошибок Домского Ленский был избран членом Центрального комитета, который теперь совершенно явно оказался под господством Варского и его сторонников²⁸⁴.

Конференция оказалась событием крупного масштаба. Она одобрила ряд резолюций, «принимавших во внимание важные идеи речи Варского»²⁸⁵. В основной резолюции, посвященной «деятельности Центрального комитета», перечислялись ошибки «ультралевой линии», личная ответственность за которые была возложена на Домского. Главной ошибкой была названа июньская резолюция 1925 г., критиковавшая французскую, болгарскую и немецкую партии. Она была истолкована как восстание против Коминтерна и справедливо осуждена, как указывалось в этой основной резолюции, в Открытом письме ИККИ от 31 июля. Отражая содержавшуюся в последнем критику, резолюция вновь подчеркнула, что наихудшей ошибкой была «фракционная» попытка обрушиться с нападка на «русский коммунизм» в интересах «западного коммунизма». О других ошибках говорилось более кратко. В их числе назывались отказ от участия в первомайских демонст-

рациях, неспособность развертывать в подходящих условиях политические акции, а также «резолуция августовского заседания Центрального комитета по вопросу о КПЗУ». Последняя была сурово осуждена как документ, «наносающий ущерб и несущий угрозу для объединения партии»²⁸⁶. Резолюция по профсоюзному вопросу повторяла тему профсоюзного единства, а в разделе, озаглавленном «Левая профсоюзная оппозиция», утверждалось, что деятельность партии при левом руководстве ошибочно ограничивалась усилиями создать «красные фракции, стоящие на открыто революционной платформе Профинтерна». Не предпринималось никаких попыток создать в рамках профсоюзов «широкое оппозиционное движение». В этом сказалась недооценка важности профсоюзов, что привело к разрыву партии с массами, профсоюзы оказались под влиянием социал-демократов²⁸⁷. Остальные из наиболее важных резолюций — о политической ситуации, о задачах партии в деревне и об организации партии²⁸⁸ — свелись к изложению коминтерновской линии. В целом порок ультралевого крыла в Польше, как и в Германии, состоял в «неумении подойти к рабочему классу в его повседневной борьбе, — проводить тактику единого фронта, завоевывать профсоюзы»²⁸⁹. Как и в 1921 г., первостепенное значение приобрело обращение к массам.

Результаты IV конференции КПП (декабрь 1925 г.) были благосклонно восприняты в Москве. 27 января 1926 г. Президиум ИККИ опубликовал резолюцию, одобрявшую «генеральную линию» ее решений и настаивавшую на том, чтобы КПП приняла активные меры для усиления своего влияния на массы рабочих и среди крестьян²⁹⁰. В феврале Центральный комитет КПП отреагировал на это указание пространной резолюцией, в которой вновь определялась позиция КПП по отношению к другим партиям и группам, в которых можно было найти людей, симпатизирующих идее борьбы за достижение ограниченных целей. Осложнению ситуации способствовала противоречивая фигура Пилсудского. Его престиж в левых кругах основывался, с одной стороны, на том, что в прошлом он возглавлял Социал-демократическую партию Польши, а с другой — на неизменно активной враждебности Пилсудского к национал-демократам из правого крыла. Это, однако, сочеталось с нараставшей реакционностью его внутренней и внешней политики. В февральской резолюции была предпринята попытка разграничить осуждение «отсутствия социальной программы и великодержавных устремлений пилсудчины» и курс на вовлечение в революционный лагерь «более радикальных и искренне идеалистических элементов». В таком подходе слышались искаженные отзвуки «линии Шлагетера», провозглашенной в Германии в 1923 г.²⁹¹

Через несколько дней после одобрения этой резолюции в Москве 17 февраля 1926 г. открылся VI расширенный пленум ИККИ. В первый день его работы «Правда» без комментариев опубликовала статью Валецкого. В ней он резко критиковал ультралевых

в КПП и призвал создать единый фронт со всеми организациями, в которые входят рабочие или крестьяне. Учитывая дальнейшие события, наиболее интересным в статье был прогноз: «Положение в Польше таково, что не исключена возможность, что из всех секций Коминтерна польская секция будет первой, которую ход событий в ее стране поставит перед необходимостью принять решение исключительной важности»²⁹².

В своей главной речи, произнесенной на следующий день после опубликования этой статьи, Зиновьев явно расценил предположение Валецкого как обнадеживающее предсказание: «Если и существует в настоящий момент страна, где в относительно недалеком будущем может выкристаллизироваться революционная ситуация, то это — Польша»²⁹³. Кроме сделанного мимоходом замечания, что ни Домский, ни Валецкий не способны возглавлять партию²⁹⁴, он ни словом не обмолвился о двух последовавших одна за другой переменам в руководстве КПП. Варского Зиновьев вообще не упомянул. Внесенный Зиновьевым проект резолюции содержал поздравление Коминтерну с тем, что в недавние годы ему удалось преодолеть «рецидив «ультралевых» уклонов в Германии, Италии, Польше», и было добавлено, что в Польше «ультралевые ошибки партийного руководства чуть было не погубили партию». В резолюции также указывалось на «опасность террористического уклона» в Польше и Болгарии²⁹⁵.

Выступление одного из польских делегатов, который отстаивал курс партии и в привычных выражениях критиковал ультралевых²⁹⁶, вынудило Домского перейти к активной обороне. Он выразил сожаление, что для изучения польской проблемы не создали комиссии, а также признал «ультралевые» ошибки, допущенные им в отдельных вопросах. Домский, однако, отверг обвинение, что его руководство «чуть было не погубило партию». Анализ Домским опасностей, угрожавших Польше и КПП, оказался самым глубоким из тех, которые предпринимались до тех пор любым коммунистическим лидером. «В недалеком будущем, — утверждал он, — мы предвидим лево-фашистский путч». Проявив озабоченность «значительным ростом польского фашизма», Домский провел различие между фашизмом правого и фашизмом левого толка. Последний возглавляет «демократ и бывший социалист Пилсудский», у которого есть многочисленные и разнообразные последователи. В заключение Домский заявил: «Ввиду надвигающейся грозной фашистской опасности, нависшей над партией, мы должны посмотреть ей в лицо, с тем чтобы в момент катастрофы нас не заставили пойти на поводу»²⁹⁷.

С обычными нападками на национальную политику КПП выступил Скрыпник. Он признал, что в условиях стабилизации капитализма необходимо перейти от тактики «непосредственного штурма» к «осадной кампании», что означало, если говорить о Западной Белоруссии и Западной Украине, отказ от подготовки восстания. Было бы закономерно, сказал он, выдвинуть «частичные тре-

бования». Это, однако, не оправдывает замены лозунга автономии на призыв к отделению от Польши и союзу с СССР. Ленский на это ответил, что требование автономии следует считать дополнительным и вспомогательным условием обеспечения полного национального самоопределения, а не заменой его. По более широким вопросам партийной политики Ленский, ставший теперь столпом ортодоксии, отмежевался от Домского, своего, как он сказал, «бывшего кратковременного соратника по борьбе с правой опасностью»²⁹⁸. Бухарин указал на «чрезвычайно вредные тенденции... тенденции индивидуального террора», процветавшие в партии в период руководства Домского²⁹⁹.

В ходе общей дискуссии Польша и КПП больше не упоминались. Не было внесено и какой-либо резолюции по этому вопросу. Однако при обсуждении доклада германской комиссии польский делегат воспользовался случаем для новых нападок на Домского, который попытался свести всю проблему к «отдельным ошибкам» и по-прежнему оставался сторонником «международной ультралево-вой»³⁰⁰.

После расширенного пленума ИККИ Ленский вновь попытался оценить перспективы и задачи КПП. К этому времени Пилсудский укрепил свое положение господствующей фигуры в польской политике, и возникла срочная необходимость определить отношение к нему партии. Это была деликатная проблема. Ленский всегда проводил различие между пилсудчиной, опиравшейся прежде всего на армию и тайную полицию, и фашизмом, социальную базу которого составлял реакционный капитализм. Он сформулировал тезис, который позволял не списывать сторонников Пилсудского полностью со счета: «Направляя единый фронт рабочих и крестьян против черной реакции и капиталистов и помещиков, компартия должна всячески разоблачать пилсудчину как одну из замаскированных форм буржуазной реакции и как орудие английского империализма против СССР, стараясь вырвать из под ее влияния массы и привлечь их на сторону пролетарской революции». В заключение он призвал создать «рабоче-крестьянское правительство, выдвинутое путем революционной борьбы»³⁰¹. Подобные расплывчатые рецепты оказались недостаточными для руководства в дни суровых испытаний, через которые вскоре предстояло пройти КПП.

ж) Болгарская коммунистическая партия (БКП)

Сложные проблемы, перед которыми оказалась БКП после фиаско, которое она потерпела в своих отношениях с македонской революционной организацией (ВМРО)³⁰², отнюдь не способствовали дискуссии на V расширенном Пленуме ИККИ, состоявшемся в Москве в марте-апреле 1925 г. Прежние обвинения «правых» косвенно способствовали возникновению в первые месяцы 1925 г. не менее предвзятого ультралевого уклона, притом не толь-

ко в Болгарии³⁰³. Пока Коларов и Димитров вели мучительные переговоры и маневрировали за рубежом, нетерпеливые умы в подпольной партии требовали немедленных действий. Димитров быстро понял серьезность риска и предпринял шаги для противодействия «надвигающейся опасности ультралевого уклона, грозящего катастрофой для партии и революционного движения»³⁰⁴. 1 февраля 1925 г. Центральный комитет БКП обратился к «труженикам города и деревни» с призывом не допустить, чтобы преследования, к которым прибегало правительство Цанкова, спровоцировали их на поспешные действия, способные стать предлогом для новых репрессий. Этот призыв был опубликован в коминтерновской печати и сопровождался комментарием Димитрова, заявившего о крайне отрицательном отношении БКП и Коминтерна в целом к «бессмысленному индивидуальному террору»³⁰⁵.

Когда в марте 1925 г. собрался V пленум ИККИ, Марек в привычных выражениях говорил о «белом терроре» на Балканах, в частности в Болгарии³⁰⁶. Пленум сосредоточил внимание на проблеме оппозиции в югославской партии³⁰⁷. Особого упора на македонский вопрос, однако, сделано не было, и положение в БКП публично не обсуждалось. Правда, в общей резолюции о большевизации партий в разделе, посвященном Балканам, указывалось на необходимость «координирования действий коммунистических партий путем укрепления Коммунистической балканской федерации»³⁰⁸. Во время пленума болгарские делегаты встретились в частном порядке с представителями ИККИ. После тщательного изучения положения и в согласии с Коминтерном они пришли к выводу, что «неизбежная в прошлом» политика вооруженного восстания не соответствует сложившейся теперь ситуации, а поэтому партия должна сосредоточить внимание на повседневных требованиях трудящихся масс и добиваться восстановления их политических прав³⁰⁹.

Однако столь запоздалое предостережение уже не смогло предупредить катастрофу. Болгарское правительство развернуло кампанию репрессий против БКП³¹⁰, и тут 4 апреля 1925 г. был убит один генерал — правый депутат парламента. Двумя днями позже болгарские официальные лица собрались в Софийском соборе на траурную церемонию. В соборе взорвалась бомба, уничтожившая более ста человек. Триста человек было ранено. Все члены правительства чудом уцелели. Вполне естественно, что гнев обрушился на коммунистов. Два ведущих члена военной организации БКП были при аресте убиты. Сотни коммунистов оказались в тюрьмах. Признания добывались под пытками. Многие арестованные были казнены (некоторые без суда).

Сразу же после взрыва последовали решительные опровержения участия в нем коммунистов. ИККИ опроверг эти обвинения от имени Коминтерна и «любой его секции», Коларов и Димитров — по поручению «зарубежной делегации» БКП, Чичерин — от имени Советского правительства³¹¹. Если говорить о выступивших

с этими заявлениями организациях, то их опровержения были, по-видимому, обоснованными. На протяжении длительного периода они повторялись во все более категоричной форме³¹². Однако в резолюции VI расширенного пленума ИККИ (февраль-март 1926 г.) признавалось, что, «несмотря на резко отрицательное отношение к индивидуальному террору со стороны ЦК Болгарской КП», некоторые рабочие испытывали «известное увлечение актами вроде взрыва Софийского собора»³¹³. А двадцать с лишним лет спустя Димитров впервые открыто заявил, что преступление было следствием «ультралевого уклона», одним из серии «безрассудных актов лидеров военной организации партии»³¹⁴. Подготовка акций подобного рода нуждается в соучастниках, занимающих высокие посты. Однако в той паутине заговоров, интриг и убийств, которая существовала в политической жизни Болгарии, с точностью установить ответственность можно лишь в крайне редких случаях.

Апрельский взрыв в 1925 г. и вызванные им репрессии на несколько лет фактически прекратили всякую деятельность БКП на болгарской земле. Никаких попыток возобновления контактов с ВМРО не предпринималось. Что касается этой организации, то она твердо заявила о верности болгарскому правительству и вновь посвятила себя делу Болгарской Македонии. В статье в коминтерновском журнале Коларов с горечью писал о «националистических элементах, которые под прикрытием Македонской организации стремились поддерживать болгарский завоевательный национализм»³¹⁵.

Нужно было, однако, что-то предпринимать, если не в самой Болгарии, то хотя бы за рубежом, чтобы противостоять авторитету ВМРО и подорвать его. При всей своей неудаче переговоры с ВМРО привели к одному полезному результату — появился журнал, который, не будучи откровенно коммунистическим, тем не менее симпатизировал политике Советского правительства. На протяжении семи с половиной лет «Федерасьон балканик», заявляя о своей независимости от Москвы (позже Влахов сообщил, что в 1925 г. он вступил в БКП³¹⁶, но тогда это не было известно), знакомил западное общественное мнение с балканским ревизионизмом и проблемами национальностей, угнетаемых балканскими режимами, которых опекали западные империалистические державы³¹⁷. В октябре 1926 г. Влахов основал в Вене — очевидно, хотя это и не признавалось, под эгидой коммунистов — новую организацию, названную «Объединенная ВМРО». Цель ее состояла в оказании поддержки делу независимости Македонии, от которого, по настоянию болгарского правительства, отошла старая ВМРО³¹⁸. В течение нескольких лет пропаганда этого дела велась на страницах «Федерасьон балканик» и в болгарском журнале «Македонско дело», который тоже издавался за пределами Болгарии. Тем временем Коммунистическая балканская федерация продолжала выступать за независимость Добруджи³¹⁹, а во второй

половине 1925 г. эмиссары БКП явно пытались разжечь революционное движение за «свободную и независимую Фракию»³²⁰. Однако все это оказалось не в состоянии расшатать жестокую репрессивную власть болгарского правительства и его сторонников из ВМРО. В начале 1926 г. ушедшего в отставку Цанкова сменил на посту премьер-министра Ляптев, более тесно связанной с ВМРО, чем его предшественник. Он был, по-видимому, более умным, но отнюдь не менее бесцеремонным дятлом, чем Цанков. В связи с переменами в правительстве Центральный комитет БКП опубликовал заявление, в котором оба деятеля характеризовались в одинаково оскорбительных выражениях³²¹.

Банкротство методов подпольной организации и прямых действий продиктовало необходимость возвращения к тактике единого фронта. В такой стране, как Болгария, это могло означать лишь попытку придать легальные формы закамуфлированной коммунистической пропаганде. В качестве главной задачи Балканской федерации Димитров выдвинул «создание общевалканского трудового фронта» (согласование рабочего, крестьянского и национально-революционного движения на Балканах)³²². В августе 1925 г. Центральный комитет БКП, собравшийся, по-видимому, в Москве в момент, когда коминтерновская политика повсюду ополчилась против ультралевых, опубликовал директиву в духе старой линии единого фронта. В ней излагалась программа профсоюзного единства, защиты гражданских прав и сотрудничества с радикальным крылом крестьянства³²³.

В соответствии с такой политикой была предпринята попытка возродить независимые профсоюзы, которые, после подавления красных профсоюзов в 1923 г., добились в 1924 г. права вернуться к жизни. Однако вслед за преступной акцией в Софийском соборе в апреле 1925 г. их сокрушили вновь³²⁴. В начале 1926 г. в Софии была создана Независимая профсоюзная федерация, начавшая выпускать журнал «Единство». Она не примыкала к Профинтерну и не была открыто связана с коммунистами, но находилась в оппозиции к Свободной федерации профсоюзов. Сразу же после своего создания она обратилась к конкурирующей федерации с предложением о совместных действиях и, получив директивы Профинтерна, развернула кампанию за профсоюзное единство³²⁵. Однако численность Независимой федерации, по-видимому, никогда не превышала нескольких тысяч человек³²⁶, и она оказала лишь незначительное влияние на политическое положение в Болгарии.

Ситуация в известной мере изменилась, когда 9—10 апреля 1926 г. Международная федерация профсоюзов провела в Софии конференцию входящих в нее профсоюзов. На нее были приглашены и «симпатизирующие» организации³²⁷. Отвечая на развернутую болгарской Независимой федерацией кампанию в пользу единства, конференция приняла резолюцию, уполномочившую Свободную федерацию вступить с ней в переговоры³²⁸.

Обе федерации 1 мая 1926 г. провели совместную демонстрацию в качестве первого шага к единству. В ходе последовавших за этим переговоров Независимая федерация с самого начала стремилась, по-видимому, добиться согласования таких мероприятий, которые свидетельствовали бы о впечатляющем успехе. 21 июля 1926 г. участники переговоров подписали протокол о созыве не позже чем через полгода конгресса единства. А пока Свободная федерация согласилась временно прервать свое членство в Международной федерации профсоюзов, а с Амстердамом сохранить лишь «информационные связи».

Когда, однако, этот протокол был передан Свободной федерации на ратификацию, влияние МФП стало вновь расти, и в такой обстановке выявилась двусмысленность достигнутого соглашения. Федерация выразила готовность его ратифицировать лишь при таком истолковании, которое предусматривало бы присоединение объединенной федерации, когда она будет создана, к Амстердамскому Интернационалу. Все дело завершилось взаимными упреками, и конгресс единства так и не состоялся³²⁹. Это были годы почти полного заката БКП. Лишь к декабрю 1927 г. находившимся в эмиграции лидерам партии удалось собрать кадры и приобрести необходимые средства для проведения партийной конференции.

з) Коммунистическая партия Югославии (КПЮ)

Ко времени открытия 21 марта 1925 г. V расширенного пленума ИККИ положение в Югославии давало мало оснований для оптимизма. После проведенных за полтора месяца до этого выборов правительство Пашича чувствовало себя прочнее, чем когда-либо. КПЮ и Независимая рабочая партия Югославии (НРПЮ) находились под запретом. Последняя же, послужив достижению кратковременной цели, прекратила свое существование. Не произошло ничего такого, что способствовало бы преодолению раскола в КПЮ. Коминтерн, который добивался единства там, где оно было совместимо с сохранением им своей власти, пригласил присутствовать на пленуме «товарищей из всех групп»³³⁰.

В составе югославской делегации оказался упрямый Маркович, скрывавшийся под именем Семича. Его присутствие гарантировало, что все спорные вопросы могут быть хорошо провентилированы. Однако чем меньше было бы сказано о сложной проблеме, тем лучше. Радич был в тюрьме, и положение его в партии было покрыто мраком неизвестности. В своем главном докладе Зиновьев, уделивший ситуации на Балканах один-единственный, к тому же лишенный логики пассаж, заметил: «На первый взгляд может казаться, что правительство в Югославии справилось с движением Радича»³³¹, но тезис этот не развил. Однако именно тогда племянник Радича, Павле Радич, вступил в переговоры, которые три

месяца спустя завершились его капитуляцией и примирением с Пашичем.

27 марта 1925 г., через два дня после выступления Зиновьева в Москве, Павле Радич заявил в парламенте в Белграде, что Хорватская республиканская крестьянская партия подтверждает свою лояльность конституции Югославии и монархии. Что касается Крестьянского Интернационала, заметил он, то в момент присоединения к нему он, Радич, будучи в Москве, действовал лишь на основе личных полномочий. Вот почему партия никакими обязательствами не связана. Центральный комитет партии, как только он сумеет собраться, примет решение о разрыве всяких отношений с Крестьянским Интернационалом³³². В результате попытки привязать Радича и Хорватскую республиканскую крестьянскую партию к коммунизму через Крестинтерн сорвались. На V расширенном пленуме ИККИ этот вопрос был окружен заговором молчания. Выступая по крестьянскому вопросу, Бошкович — он представлял большинство в КПЮ³³³ — подчеркнул чисто национальный характер партии Радича и указал, что в ее политике уделяется лишь небольшое внимание аграрным и иным социальным проблемам. Его замечание относительно принадлежности этой партии к Крестьянскому Интернационалу («лидеры теперь утверждают, что эта принадлежность носила чисто формальный характер») в официальный протокол включено не было³³⁴.

Обсуждение положения в югославской партии было перенесено в югославскую комиссию. Ожидалось, что председательствующий в ней болгарский лидер Коларов вряд ли проявит чрезмерную терпимость в отношении КПЮ, в частности к Марковичу³³⁵. Маркович вступил в бой как поборник антинационалистической точки зрения, которую отстаивала оппозиция. В подкрепление своих аргументов он ссылаясь на Ленина и на известную работу Сталина «Марксизм и национальный вопрос»³³⁶. Его критика дала повод выступить Сталину и Зиновьеву, хотя в числе членов комиссии они первоначально не значились³³⁷. Сталин обвинил Марковича в попытке отделить национальный вопрос от вопросов о революции и крестьянстве и свести дело к проблеме конституционной реформы. Ограничившись изложением этого тезиса, Сталин не внес никаких предложений. Что касается Зиновьева, то, подводя итоги дискуссии, он, уделив значительную часть речи опровержению Марковича, вместе с тем вновь проявил явное желание предотвратить раскол. Вывод Зиновьева свелся к тому, что, поскольку съезд или конференцию партии в Югославии провести невозможно, «мы должны отрегулировать общую работу здесь, в Москве». При этом, добавил он, «мы должны работать с Семичем и лучшими элементами оппозиции»³³⁸.

На пленарном заседании Коларов сообщил о возникших в комиссии противоречиях. Первое из них касалось проблемы стабилизации капитализма. Оппозиция, сказал он, преувеличивала ее масштабы. Центральный же комитет полагал, что она мало ска-

зывается в балканских условиях, а, быть может, вообще неприменима к ним (концепция «революционной ситуации» на Балканах) ³³⁹. Второе противоречие возникло по национальному вопросу. Оппозиция утверждала, что национальное движение есть движение буржуазное и как таковое рабочих не касается. Хорватский или словенский национализм столь же отвратителен, что и национализм сербский. Третье противоречие было связано с крестьянской проблемой. Оппозиция отклонила политику рабоче-крестьянского блока или единого фронта с крестьянами. Четвертым был вопрос о профсоюзах. Оппозиция подталкивала их на проведение независимой от партии политики и использовала в своей фракционной борьбе против партии. Главная задача, сделал вывод Коларов, состоит в том, чтобы «провести систематическую большевизацию партии», дав ей, таким образом, возможность «занять свое место на общевосточном фронте» ³⁴⁰.

Комиссия не смогла прийти к согласию по тексту резолюции, и ей не хватило времени для рассмотрения проекта, подготовленного подкомиссией. Единственное официальное предложение Коларова свелось к тому, чтобы поручить Президиуму ИККИ разработать резолюцию, которая урегулировала бы «все вопросы организационного и кадрового характера», касающиеся югославской партии. Вслед за его докладом было сделано три кратких югославских заявления. Представитель Центрального комитета партии согласился со всем, что было сделано, и призвал «все честные революционные элементы оппозиции» признать свои ошибки и подчиниться решению ИККИ. Представитель оппозиции, приняв проект резолюции в принципе, полагал, что «отдельные части таковой еще должны будут подвергнуться переработке». И, наконец, Маркович, который, как он заявил, не принадлежит «ни к ЦК партии, ни к выступившей из партии оппозиции», указал на «различные недостатки» проекта резолюции, но заранее согласился с решением Президиума ³⁴¹.

В конце концов резолюция по югославскому вопросу была принята. Она оказалась не более чем повторением прежних заявлений. Отметив перспективы «дальнейшего обострения кризиса на Балканах, и в частности кризиса в Югославии, до степени *глубокого революционного кризиса*», резолюция потребовала объединения всех революционных усилий «против главного врага — *против господствующей сербской буржуазии и ее милитаристской монархии*». В резолюции подробно рассматривались национальная и крестьянская проблемы. В ней настойчиво утверждалось, что югославская партия недооценивает революционный потенциал национального вопроса. Необходимо в качестве цели провозгласить самоопределение и право на отделение хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, добиваясь в конечном счете создания «*балканской федерации рабоче-крестьянских республик*». Нельзя осуждать национализм хорватской и словенской буржуазии в тех же самых выражениях, что и национализм сербской буржуазии: это

означало бы игнорирование ее потенциально революционного характера. «Никакие опасения разжечь национальные страсти, — указывалось в резолюции, — не должны помешать партии в этом наиважнейшем вопросе со всей энергией апеллировать к массам». «Союз пролетариата и крестьянских масс должен быть положен партией в основу всей ее деятельности». Партия ни в коем случае не может позволить себе «относиться безразлично к *крестьянским движениям и крестьянским организациям*». В самом конце резолюции — это выглядело как сделанное в последний момент дополнение — бегло упоминалось фиаско рискованной акции Радича: «Пример Радича, отказывающегося от основных программных требований своей партии, предваряет коммунистов о необходимости держать всегда наготове оружие жесточайшей критики в отношении мелкобуржуазных крестьянских вождей»³⁴². Наиболее значимое решение не было официально запротокколировано. Речь идет о подтверждении исключения из КПЮ Милойковича и о восстановлении в партии тех участников оппозиции, которые в ноябре 1924 г. вышли из партии, а теперь были готовы принять коминтерновскую линию³⁴³. В этом отношении желание Коминтерна преодолеть раскол было удовлетворено. Но едва ли было возможно превратить КПЮ в согласованный и эффективный механизм.

Через несколько дней после завершения работы V расширенного пленума ИККИ взрыв в Софийском соборе еще более усилил недоверие к коммунистическим партиям на Балканах, особенно к тем группам, которые предсказывали приближение революционной ситуации. Вскоре коммунистическое движение в Югославии запятнало себя еще одним позорным поступком. Принесли плоды переговоры между Пашичем и племянником Радича, выступавшим от имени Хорватской республиканской крестьянской партии. В июле 1925 г. Радич был освобожден из заключения, а в ноябре вошел в правительство. В речи, произнесенной в марте, Павле Радич сообщил цену, заплаченную за урегулирование: хорватская партия заявляет о признании конституции и монархии (вскоре она убирает из своего названия слово «республиканская») и разрывает связи с Крестинтерном и Москвой. Такой бесславный финал политики, которую всегда осуждала оппозиция, стал новым ударом по руководящей группировке в КПЮ и по авторитету Коминтерна. Центральный комитет партии опубликовал манифест, в котором назвал отступничество Радича «позорной капитуляцией» и «предательством элементарнейших интересов крестьянства». В его акции Центральный комитет усмотрел руку британского империализма, поддерживающего Цанкова в Болгарии, Зогу в Албании и «клику монархо-милитаристских банкиров в Белграде»³⁴⁴.

Однако атмосферу уныния и упадка духа нельзя было рассеять никакими протестами. Впоследствии был опубликован официальный анализ описанного эпизода. В нем констатировалось, что

длительное пребывание партии на нелегальном положении и «новые драконовские меры» породили опасные настроения «подавленности, пассивности и отчаяния» и обусловили «распад прежней руководящей группы в партии». Согласившись с резолюцией ИККИ, указывалось далее в анализе, оппозиция тем не менее продолжала распространять «дух сектантства и фракционности». Деятельность партии полностью застопорилась³⁴⁵. Предпринятая в январе 1926 г. попытка провести конференцию независимых профсоюзов привела к аресту 350 ведущих функционеров³⁴⁶. Состоявшийся в феврале-марте 1926 г. VI расширенный пленум ИККИ обошел своим вниманием проблемы КПЮ. Однако Президиум ИККИ принял резолюцию, говорившую о «соглашении Радича с сербской монархией». Президиум осудил КПЮ за то, что она не воспользовалась этой возможностью для привлечения на свою сторону крестьян и угнетенных масс, которых это соглашение предало. Он разработал директивы для «предстоящего съезда партии»³⁴⁷. В мае 1926 г. была, наконец, предпринята попытка вдохнуть новую жизнь в КПЮ. Этой цели призван был послужить созываемый в Вене съезд партии.

и) Рабочая партия Америки

В расширенному пленуму ИККИ (март 1925 г.) не удалось, подобно состоявшемуся за девять месяцев до этого V конгрессу Коминтерна, уйти от серьезного обсуждения американской партии и ее проблем: в работе пленума пригласили участвовать обе изготовившиеся к бою фракции³⁴⁸. Фостер и Кеннон представляли большинство, а Рутенберг и Лавстоун — меньшинство. Последние располагали могучим союзником в лице все еще сохранявшего им верность Пеппера, прочно обосновавшегося к тому времени в Москве. Фостер, Рутенберг и Лавстоун прибыли по фальшивым паспортам и участвовали в работе пленума под именами Дорси, Сэнборна и Пауэрса.

В общей дискуссии по докладу Зиновьева о стабилизации капитализма и большевизации Пеппер вновь продемонстрировал, сколь мастерски он защищает курс на поддержку, а если понадобится, то и на организацию рабочей партии («фермерский» элемент был без лишних разговоров опущен). Кеннон утверждал, что, не располагая массовой поддержкой в профсоюзах, такая партия эффективно действовать не сможет. Он предупредил, что нельзя допустить, чтобы она стала «жертвой теоретических экспериментов»³⁴⁹. Но если Кеннон и был лучше других знаком с американскими политическими реальностями, то лишь один Пеппер говорил — буквально и в переносном смысле — на языке, понятном в Москве. Он один понимал, что руководители Коминтерна, разочарованные и встревоженные тем, к чему привело поощрение ими на V конгрессе Коминтерна деятельности левых, теперь соверша-

ют, не признавая того официально, поворот вправо, и на повестке дня вновь оказалась тактика единого фронта в полном смысле этого слова.

Американская проблема была передана на рассмотрение комиссии, в ходе заседаний которой обе группы дали, по-видимому, полный выход своим взаимным упрекам³⁵⁰. В таких условиях можно было надеяться лишь на навязанное сверху соглашение. Решающее воздействие оказал вывод, вытекающий из аналогии с тактикой, используемой в Европе. Поскольку теперь политика Коминтерна нуждалась в осторожной поддержке коммунистами других левых партий, пусть даже откровенно буржуазных и кичащихся своей буржуазностью, ее следовало распространить и на Соединенные Штаты. Необходимо было преодолеть тот вызывающий замешательство факт, что деятели, обладавшие надежными контактами в американской рабочей среде, считали подобную политику непрактичной и что в американской партии ее поддерживало лишь меньшинство. Вновь подтвердилась истина: ни одна партийная фракция не в силах сколько-нибудь долго сопротивляться нажиму, оказываемому из Москвы.

Комиссия подготовила пространную резолюцию, в которой отмечалось, что американский капитализм, подобно капитализму в других частях света, преодолел непосредственную угрозу кризиса; что классовое самосознание рабочих растет, хотя и медленно; что поражение Рабочей партии на президентских выборах было закономерным и не подпежит осуждению; что порожденный этим отказ большинства поддерживать Рабочую партию или Фермерско-рабочую партию следует считать ошибочным. И хотя в одном из пунктов резолюции говорилось о чрезмерно «узких» взглядах меньшинства, в целом она одобрила их. Партия, указывалось в резолюции, по-прежнему должна быть нацелена на создание «лейбур партии», которая, не будучи революционной в прямом смысле слова, объединила бы всех симпатизирующих делу трудящихся. Одновременно, и это соответствовало взглядам группы Фостера — Кеннона, резолюция призвала активно поддерживать Лигу профсоюзного просвещения и сделать все возможное, чтобы превратить ее в «крупное оппозиционное движение левого блока». В заключении документ призвал обе фракции к совместной деятельности ради общей цели³⁵¹.

Работа американской комиссии совпала с единогласным внесением пленарным заседанием приговора Троцкому³⁵². Рутенберг охотно включился в поток осуждений и уделил особое внимание американскому троцкисту Лору. Его примеру последовал Фостер. Правда, оказавшись в затруднительном положении в силу своего прошлого союза с Лором, он сделал это осторожнее³⁵³. В резолюцию по американскому вопросу был включен абзац с обвинением Лора в некоммунистическом уклоне и призывом к очередному партсъезду принять в отношении его «определенное решение»³⁵⁴.

Нерешенным оставался, однако, более запутанный вопрос. Хотя ИККИ и одобрил в целом линию Рутенберга, группа Фостера по-прежнему располагала в партии большинством. Аналогичным образом сложилось положение и в главных партийных органах. Это предвещало перспективу полумер и взаимных трений. События, развивавшиеся в американской партии, мало интересовали руководителей Коминтерна, и на первых порах Зиновьев удовлетворялся решением предоставить на ее предстоящем съезде две трети мест в Центральном комитете меньшинству, то есть группе Рутенберга. Но это показалось недостаточным. Под нажимом Рутенберга или Пеппера — а быть может, и того и другого — Зиновьев изменил свою позицию и внес новое предложение. В ожидании съезда руководство партий должно быть передано «паритетной комиссии», состоящей из равного числа представителей обеих групп. В случае разделения голосов поровну решающее слово будет принадлежать ее «нейтральному» председателю. Независимо от результата съезда меньшинство должно иметь в ЦК «большое представительство». В заключительном слове на пленарном заседании Зиновьев откровенно признал, что изменил свое первоначальное мнение, и утверждал, что он занимает в отношении обеих фракций беспристрастную позицию. Резолюция была принята единогласно³⁵⁵. Ключ к ситуации оказывался в руках «нейтрального» председателя паритетной комиссии. Его кандидатуру предстояло одобрить Коминтерну, и он фактически становился неоспоримым арбитром в партийных делах вплоть до партсъезда. Им был назначен Гусев, беспощадный критик Троцкого в военных вопросах³⁵⁶. Связь Гусева с Коминтерном началась, по-видимому, с его участия в V расширенном пленуме ИККИ в марте 1925 г. Именно тогда он, член Центральной контрольной комиссии русской партии, вошел в объединенный комитет, призванный доложить о ереси Брандлера, Тальгеймера и Радека³⁵⁷. Это обстоятельство, несомненно, и предопределило выбор.

Как бы обе фракции ни демонстрировали в Москве свое примирение, на самом деле они остались на прежних позициях. До приезда Гусева в Чикаго Фостер сделал все возможное для укрепления своей власти, опираясь на все еще принадлежавшее ему большинство. Рутенберг же стремился отсрочить принятие решений до появления «нейтрального» председателя³⁵⁸. Гусев прибыл во второй половине июня 1925 г. Он приступил к руководству паритетной комиссией, членами которой были: от большинства — Фостер, Кеннон и Биттлмен, от меньшинства — Рутенберг, Лавстоун и Бедахт. Гусев, находившийся в Соединенных Штатах под фамилией Грина, не обладал даром речи Пеппера, да и не был столь же искусным деятелем. Но Гусев не нуждался в таких качествах. В американской партии он пользовался неограниченной властью и опирался на полную поддержку Коминтерна. Гусев справился со своей задачей настолько эффективно, что еще до партсъезда паритетная комиссия подготовила согласованные резолюции по

главным вопросам. Было также предусмотрено, что в Центральном исполкоме, который предстояло избрать на съезде, фракция Рутенберга получит 8 мест, а группа большинства — 13. Меньшинство будет иметь треть мест во всех остальных партийных органах. Однако в других центрах, на которые полномочия Гусева не распространялись, развернулась яростная борьба вокруг избрания делегатов съезда; почти все делегации раскололись на фракции³⁵⁹.

IV съезд Рабочей партии открылся в Чикаго 21 августа 1925 г. После затянувшихся взаимных обвинений в мандатной комиссии по поводу полномочий некоторых делегатов оказалось, что на съезд избрано около 40 сторонников Фостера и только 21 приверженец Рутенберга. Решительная победа явно вскружила Фостеру голову. Почувствовав себя, наконец, полновластным руководителем, он стал смело говорить о выведении Рутенберга из Секретариата и исключении Лавстоуна из Центрального комитета, а также о передаче его, Фостера, группе полного контроля над «Дейли уоркер», которая до тех пор оставалась общим органом обеих фракций.

Меньшинству такие требования казались чрезмерными. Чрезмерными они показались и Гусеву, который, по-видимому, информировал Москву о том, что, в случае уступки Фостеру, контроль над партией будет утерян. 28 августа 1925 г., когда распри на съезде длились уже целую неделю, Гусев вручил паритетной комиссии только что полученную им из Москвы телеграмму с инструкциями. В ней указывалось, что группа Рутенберга проявляет «большую лояльность решениям Коммунистического Интернационала» и «ближе к его взглядам», чем группа Фостера, которая обвинялась в «чрезмерно механических и ультрафракционных методах». Телеграмма предписывала обеспечить группе Рутенберга 40% мест в Центральном комитете и половину — во всех остальных партийных органах. Было наложено вето на предложение вывести Рутенберга из Секретариата, исключить Лавстоуна из Центрального комитета и передать Фостеру «Дейли уоркер». В случае оказания сопротивления этим инструкциям Гусеву было предложено объявить съезд недействительным на основании нарушений, допущенных при избрании делегатов. Он должен был бы восстановить паритетную комиссию под своим председательством и изгнать из партии всех тех, кто откажется подчиниться указанным решениям³⁶⁰. Ошеломленный столь неожиданным поворотом судьбы, Фостер сначала решил оказать сопротивление и угрожал бойкотом съезда. Однако Кеннон реалистичнее оценил бесперспективность отказа выполнить волю Москвы и расколол группу, убедив часть принадлежавших к ней делегатов выступить против Фостера. На следующий день, 29 августа 1925 г., Фостер вынужден был беспрекословно подчиниться. Собралась паритетная комиссия и единогласно решила, что Центральный исполком должен быть сформирован на паритетной основе и что съезду следует уполномо-

мочить «представителя Коммунистического Интернационала» председательствовать в исполкоме, обладая правом решающего голоса при разделении голосов поровну³⁶¹. Съезд завершил свою работу, сформировав комитет в соответствии с утвержденной линией. Однако Фостер и Кеннон, по-видимому, не предвидели логических следствий сложившейся ситуации. Благодаря решающему голосу, который принадлежал Гусеву в случае разделения голосов поровну, группа Рутенберга получила теперь эффективное большинство в Политической комиссии и в других партийных органах³⁶².

С помощью описанных методов удалось передать руководство американской партией в руки группы, которая хотя и поддерживалась лишь меньшинством, но казалась «более лояльной» в отношении Коминтерна и была «ближе к его взглядам». Исполнив свою миссию, Гусев уехал и больше в Соединенных Штатах не появлялся. В этом эпизоде вновь выявилось столкновение американской концепции принятия решений большинством голосов и коминтерновской концепции, согласно которой следует принимать такие решения, которые соответствуют правильной линии, разработанной центральной властью на основе теории и практики. Вновь победила точка зрения Москвы. С ней вновь согласилось большинство. Логика развития этих событий предопределялась чрезвычайной слабостью американского коммунистического движения. Обе фракции понимали, что партия существует милостью и при поддержке Москвы и что потеря расположения Коминтерна означает ликвидацию партии. Выбор лежал между конформистской партией и ее полным исчезновением.

Кроме указанных перемен в руководстве, IV съезд принял резолюцию о большевизации партии, а также устав, основанный на одобренном ИККИ примерном уставе иностранных партий. Это означало не только изменение названия партии: Рабочая (коммунистическая) партия Америки. Была утверждена ее новая структура: на смену языковым федерациям пришла система ячеек. Правда, небольшим лингвистическим группам было разрешено сохраниться под именем «лингвистических фракций»³⁶³. В течение трех месяцев 70% членов партии были организованы в ячейки³⁶⁴. Такая реорганизация — в сочетании с последними событиями — катастрофическим образом сказалась на численности партии. Число ее членов уменьшилось с 16 325 человек в первой половине 1925 г. и 14 037 человек в сентябре 1925 г. до 7213 человек в октябре 1925 г.³⁶⁵

В октябре 1925 г. Фостер и Биттелмен отправились в Москву, желая выяснить, можно ли что-нибудь спасти после кораблекрушения, которое они потерпели. Уже тот факт, что им разрешили такую поездку, свидетельствовал о нежелании Москвы списывать их полностью со счета. А то, что они провели там целую зиму, позволяет предположить, сколь нелегко им было завоевать расположение вышестоящих властей.

Во время их отсутствия Рутенберг развернул наступление на последний потенциальный оплот Фостера. Поскольку Лига профсоюзного просвещения осенью 1923 г. была объявлена Американской федерацией труда вне закона³⁶⁶, ее значение неуклонно падало. В ноябре 1924 г. было прекращено издание журнала «Лейбор геральд», и его слили с партийным органом «Уоркерс мансли»³⁶⁷. На конференции этой организации в Москве в марте 1925 г. Фостер признал, что в Лигу профсоюзного просвещения фактически принимали только коммунистов, хотя одновременно и утверждал, что она начала привлекать беспартийных рабочих³⁶⁸. Пока Фостер занимал в партии командные позиции, можно было, не испытывая при этом затруднений, не определять точную линию разграничения между партией и Лигой профсоюзного просвещения. Однако после состоявшегося в декабре 1925 г. IV партсъезда и после того, как Фостеру была отведена в партии подчиненная роль, независимость Лиги профсоюзного просвещения вновь стала камнем преткновения. В декабре 1925 г. на заседании Центрального комитета партии Рутенберг предложил создать для работы в профсоюзах новую партийную структуру, главная цель которой состояла в том, чтобы поглотить все, что осталось от Лиги профсоюзного просвещения.

Несколько сохранившихся сторонников Фостера — одним из них был Браудер — развили настолько успешную оппозиционную деятельность, что комитет, хотя и одоблив предложение Рутенберга значительным большинством голосов, согласился не проводить его в жизнь до получения согласия на это Коминтерна и Профинтерна. В это время Лозовский, несомненно информированный Фостером о происходящем, направил краткую телеграмму с просьбой выслать текст резолюции. Он также добавил, что поскольку Лига профсоюзного просвещения входит в Профинтерн, решения, касающиеся ее, в Чикаго принимать нельзя³⁶⁹. Можно легко понять гнев, испытанный Рутенбергом после того, как было наложено это вето. Но в силу своей полной зависимости от Коминтерна он едва ли мог поднять голос против московского диктата. Фостер и Биттлмен воспользовались удобным случаем и опубликовали пространное заявление в защиту Лиги профсоюзного просвещения, озаглавленное «Новая ориентация американского рабочего движения и проблема создания массового движения левого крыла»³⁷⁰. 13 января 1926 г. Президиум ИККИ создал комиссию, определив ее задачей решение вопроса о том, какой линии следует придерживаться на предстоящем расширенном пленуме ИККИ. Комиссии было дано указание консультироваться с членами партии³⁷¹. Теперь будущее Рабочей партии и Лиги профсоюзного просвещения зависело от решений VI расширенного пленума ИККИ, который намечалось провести в Москве в феврале 1926 г.

ПОСЛЕ ЛОКАРНО

а) Великобритания

Локарно стало вехой в дипломатической истории Европы и оказало важное, пусть иногда не очень ощутимое, воздействие на отношения Советского Союза со всеми ведущими странами континента. Наиболее непосредственным и очевидным образом оно сказалось на советской позиции в отношении Великобритании. Заключенный в августе 1924 г. договор был похоронен письмом Зиновьева и победой консерваторов на выборах. Локарно справедливо рассматривалось как триумф британской политики восстановления равновесия сил в Западной Европе путем возвращения Германии в сообщество западных государств. Частью такой политики — с британской точки зрения, вспомогательным ее элементом, но тем не менее необходимым — было вбивание клина между Германией и Советским Союзом, ослабление ее зависимости от восточной ориентации и, таким образом, изоляция Советского Союза в Европе. Вполне естественно, что именно этот элемент локарнской политики не могли не считать в Москве ее основной целью. В ходе своей прощальной беседы с Раковским 5 ноября 1925 г. Остин Чемберлен с раздражением говорил о «навязчивой идее» Чичерина, считавшего, что «вся моя политика направлена на изоляцию России»¹. Однако именно этот аспект британской политики тревожил и беспокоил Москву. «Локарно направлено против Советского Союза... острие его направлено против СССР», — вновь и вновь повторял Зиновьев на XIV партсъезде в декабре 1925 г.² Один лишь Сталин, выступая на том же съезде, с надеждой говорил о противоречиях в позиции «английских консерваторов», которые пытаются «и „статус-кво” сохранить против Германии, и использовать Германию против Советского Союза»³.

1925 г. оказался бы совершенно бесплодным для англо-советских отношений, если бы не было подписано самое объемное из всех заключенных к тому времени Советским правительством концессионных соглашений. Среди бывших владельцев собственности в царской России, предъявивших претензии в ходе англо-советских переговоров в 1924 г., заметное место занимала компания «Лена Голдфилдс». По контракту 1908 г. она получила арендное право на добычу золота и других металлов в обширном районе Сибири. В ходе переговоров с этой компанией, проведенных в

1924 г., родилось предложение о передаче Советским правительством указанного района в концессию «Лена Голдфилдс» при условии, что она вложит капитал в добычу и разработку в нем металлических руд. После долгих дискуссий — пока они тянулись, компания заручилась финансовой поддержкой банкирской конторы «Кун-Леб» (Нью-Йорк), — представители «Лена Голдфилдс» и Пятаков, председатель Главного концессионного комитета, подписали в Москве 30 апреля 1925 г. соответствующее соглашение. Пятаков при этом сообщил, что оно нуждается в утверждении Совнаркомом, на рассмотрение которого соглашение и было представлено. Главные районы добычи передавались в концессию на 30 лет, а вспомогательные предприятия — на 50. Соглашение касалось добычи всех «полезных минералов», за исключением платины, радия, гелия и вольфрама. Их разработка оставалась прерогативой Советского правительства. Компания обязалась добывать золото, серебро, медь и цинк. 25% добытого золота и серебра она могла экспортировать, а 75% должно было продаваться правительству по мировым ценам. На предприятиях разрешалось использовать не более 15% иностранных рабочих, а численность иностранного технического персонала не могла превышать 50%. Предусматривалась подготовка управленческого аппарата из числа советских граждан. Возникающие споры предполагалось разрешать арбитражным судом, возглавляемым швейцарским или шведским «суперарбитром». Для возобновления работ на шахтах и осуществления соглашения компания нуждалась в значительных капиталах. Они были получены через банкирскую контору «Кун-Леб», соглашение о чем было подписано ее представителем Лиманом Брауном⁴. В прошлом Браун сотрудничал с Гувером, который в то время, будучи министром торговли, пользовался наибольшим влиянием. Можно предположить, что он одобрил сделку⁵. Близкие связи с фирмой «Кун-Леб» поддерживал Гарриман, завершивший в то время переговоры с Советским правительством о концессии на добычу марганца⁶, что делало возможным и его прямую или косвенную причастность к предоставлению кредита компании «Лена Голдфилдс».

Участники переговоров с советской стороны вели себя осторожно, памятуя, возможно, о судьбе ранее заключенного концессионного соглашения⁷. В интервью газете «Правда» Пятаков объяснил необходимость соглашения потребностью в капиталовложениях в разработку природных ресурсов. Одновременно он сказал, что Советское правительство, предоставляя данную концессию, добилось более выгодных условий по сравнению с любым другим прежним соглашением⁸. Британская и американская стороны встретили соглашение с удовлетворением. Директора компании в публичном заявлении отдали должное «компетентности и беспристрастности, проявленной представителями Советского правительства при обсуждении условий этого соглашения». Они назвали его «практическим планом сотрудничества... к взаимной выгоде всех

сторон»⁹. 30 июля 1925 г. правление компании решило ввести в силу соглашение, а советские власти одобрили его 11 августа 1925 г.¹⁰ Гумберг информировал Красина из Нью-Йорка, что на Уолл-стрит соглашение считают «весьма выгодной сделкой»¹¹. Инженеры компании вступили во владение собственностью 1 октября 1925 г.¹²

И тем не менее, несмотря на этот практический шаг — надо заметить, что он мало обсуждался в британских официальных кругах и не получил с их стороны никакого поощрения, — политическая ситуация продолжала ухудшаться. Когда Раковский в апреле 1925 г. впервые после января попытался встретиться с Чемберленом для «рассмотрения всех возможных спорных проблем между нами в различных частях света», Чемберлен посчитал «общие беседы подобного рода» и «новые переговоры» бесполезными¹³. Выступая на III съезде Советов СССР в мае 1925 г., Чичерин с горечью отметил: «...мы во всякий момент готовы с величайшей готовностью эти переговоры начать и вести, мы хотели бы знать, в чем именно заключенный Макдональдом договор оказался для нового английского правительства неприемлемым. Мы не можем делать новых предложений, если мы не знаем, в чем прежние предложения оказались неприемлемыми». Далее в своей речи он совершенно искренне недоумевал: «Политика Англии заключается в том, что Англия официально отрицает враждебные замыслы против нас, а фактически мы встречаем повсюду на нашем пути противодействие английских агентов. В чем их стремления, чего они хотят? Стремится ли английское правительство к тому, чтобы подготовить наше удушение, или оно стремится, наоборот, к тому, чтобы, изолируя нас, легче столкнуться с нами?»¹⁴.

Однако реакция обеих сторон была скорее эмоциональной, чем рациональной. Встревоженные британские «твердолобые» упорно стремились увидеть руку Москвы за беспорядками, вспыхнувшими в Китае летом 1925 г.¹⁵ 29 июня 1925 г. государственный секретарь по делам Индии Биркенхед в присущей ему резкой манере высказался о советских действиях в Азии, особенно в Китае. Он открыто угрожал разрывом отношений. Помогали раздувать пламя два других министра — Джойнсон-Хикс и Черчилль, не скупившиеся на красноречивые антибольшевистские выпады. В интервью, опубликованном одновременно 2 июля 1925 г. в «Правде» и «Известиях», на эти нападки резко ответил Чичерин. В первые дни июля 1925 г. в Москве создавалось впечатление, будто «вопрос о разрыве отношений между Англией и СССР взвешивался на острие меча»¹⁶.

15 июля 1925 г. «Правда», комментируя распространявшиеся летом слухи, на видном месте опубликовала сообщение из Гельсингфорса, в котором со ссылкой на «абсолютно надежные источники» указывалось, что между британским и эстонским правительствами ведутся переговоры о долгосрочной аренде балтийских островов Даго и Эзель для использования их в качестве британ-

ской военно-морской базы¹⁷. На завершающем этапе локарнских переговоров в Великобритании уделяли мало внимания советским делам. Однако арест в октябре 1925 г. десяти британских коммунистических лидеров и конфискация документов, обнаруженных в штаб-квартире партии¹⁸, представлялись еще одним ударом в концентрированной антисоветской кампании. Когда Чемберлен заявил Раковскому, нанесшему ему 5 ноября 1925 г. визит в связи со своим переводом в Париж, что, «хотя у нас есть все основания для разрыва с Советским правительством», он, Чемберлен, «желает, если это возможно, избежать разрыва»¹⁹, слова британского деятеля прозвучали как преднамеренная угроза.

Ко времени подписания в Лондоне Локарнских договоров (1 декабря 1925 г.) Чемберлен оказался на вершине своей славы и в зените самонадеянности. Прибывший в тот момент в Париж Чичерин позволил себе намекнуть, что он приветствовал бы приглашение посетить Лондон. В ответ Чемберлен «уполномочил» Бриана, находившегося в Лондоне, «дать Чичерину знать, что если он пожелает встретиться, то я не отвергну такую беседу»²⁰. Уведомление это было сделано в столь холодном тоне, что Бриан предпочел не передавать его²¹, и визит Чичерина в Лондон не состоялся. После отъезда Раковского и вплоть до запоздалого приезда уже смертельно больного Красина, сменившего его в июле 1926 г., Советский Союз в Лондоне представлял глава торговой делегации Розенгольц. Отношений, однако, фактически не существовало. В речи на заседании ЦИК в апреле 1926 г. Литвинов вновь заявил, что после прихода к власти в Великобритании консерваторов Советское правительство не переставало заявлять о своей готовности вступить в переговоры. Он сказал, что дебаты в палате общин 1 марта 1926 г. породили в Москве слабую надежду на улучшение отношений, поскольку небольшая группа парламентариев-консерваторов присоединилась к оппозиции, проголосовавшей против отказа правительства предоставить Советскому Союзу экспортные кредиты²². Однако через несколько дней после речи Литвинова всеобщая забастовка в Великобритании внесла в англо-советские отношения новый, усложнивший ситуацию элемент.

б) Франция

Лето 1925 г., когда шли локарнские переговоры, мало по малу ухудшало перспективы франко-советского соглашения по вопросам, которые оставались нерешенными после признания Францией Советского Союза минувшей осенью²³. По мере ожесточения войны в Марокко и усиления по интенсивности и эффективности коммунистической антивоенной пропаганды нарастало и раздражение французских официальных кругов, направленное против Советского Союза. В августе 1925 г. Красин был вынужден опубликовать в прессе заявление с опровержением слухов о том, что СССР

«направил Абд-эль-Криму послов и оказал финансовую помощь вождю рифов». Он разъяснил, что в Советском Союзе повсеместно испытывается «самое искреннее желание наиболее удовлетворительного урегулирования вашей страной марокканской проблемы». Он добавил, что «если в советской прессе порой высказываются мнения, которые здесь не всеми разделяются, они тем не менее порождены желанием видеть Францию освобожденной от порождаемых марокканской проблемой беспокойств»²⁴. Это заявление, однако, особого успокоения не принесло.

Не было достигнуто никакого прогресса и в вопросе об урегулировании долгов. Премьер-министр Пенлеве оказался человеком более враждебно настроенным, чем Эррио, а министр иностранных дел Бриан — менее заинтересованным в устранении разногласий. Министр же финансов Кайо решительно возражал против любых финансовых уступок. Примерно в это время Красин принял представителей газеты «Тан». Они предложили направить в Москву корреспондента, опубликовать беспристрастные и более благоприятные сообщения, воздерживаться от негативных редакционных комментариев по советским проблемам и поддерживать «благоприятную в отношении Советского Союза линию в международных делах». За подобные услуги газета хотела бы получать по миллиону франков в год. Красин предложил 500 тыс., а затем 750 тыс. На этой стадии вопрос был передан на решение Политбюро, которое отказалось пойти выше указанной суммы. Сделка не состоялась, и пресса продолжала освещать Советский Союз в отрицательных тонах²⁵. В начале сентября 1925 г. зашли в тупик переговоры между советскими и французскими финансовыми экспертами, которые долго и вяло проходили в Париже. 1 сентября 1925 г. Красин обострил ситуацию, внося проект предполагаемого соглашения. В нем устанавливалась прочная зависимость между урегулированием долгов и предоставлением кредитов. Размер последних определялся суммой обязательств, которые принял бы на себя Советский Союз²⁶. Представленный Красиным документ был принят холодно, и он в знак протеста уехал в Москву.

В предвидении маячившего на горизонте Локарно, а также с учетом того обстоятельства, что Германия шагала в ногу с Великобританией, для советской политики было крайне нежелательно любое ухудшение франко-советских отношений. Оказавшись в Берлине как раз в момент, когда немецкая делегация выезжала в Локарно, Чичерин попросил своего друга Штейна устроить ему частную встречу с французским послом де Маржери (она состоялась 5 октября 1925 г.)²⁷. Остается неизвестным, вышла ли беседа за рамки общих рассуждений об улучшении франко-советских отношений и были ли новые встречи. Однако неделю спустя Чичерин попросил Штейна поговорить с де Маржери по поводу возможности нанесения визита Бриану в Париже после посещения Чичериным Висбадена²⁸. Возможно, что в центре беседы оказалась будущая роль Красина. Положение Красина в русской пар-

тии, не отличавшееся прочностью после смерти Ленина, становилось еще более шатким по мере ухудшения перспектив соглашения с Западом. Теперь его критиковали сторонники ослабления монополии внешней торговли²⁹. Французские друзья Раковского, в том числе де Монзи и Эрбетт, разделяли его разочарование тем, что он не получил назначения в качестве посла в Париж³⁰. Именно они, по-видимому, создали у Чичерина впечатление, будто откровенные высказывания Красина по поводу колониальной войны в Марокко нанесли ущерб его популярности в Париже и что у Раковского больше шансов для успешного завершения франко-советских переговоров. Вот почему объявленное в конце октября 1925 г. назначение Раковского преемником Красина удивления не вызвало³¹. Наделенный богатым воображением Брокдорф-Ранцау назвал это назначение «возмездием за Локарно», поскольку за Раковским закрепилась слава франкофила, однажды заявившего, что франко-русское взаимопонимание — лучшая гарантия мира в Европе³². В статье, посвященной первой годовщине признания СССР Францией, «Известия» язвительно отзывались о Франции как о стране, идущей в кильватере Великобритании и не имеющей «своей собственной, самостоятельной национальной политики»³³.

Раковский прибыл в Париж как раз вовремя, чтобы 1 ноября 1925 г. председательствовать на банкете в честь годовщины³⁴. Его прибытие ознаменовало собой начало интенсивной советской кампании за улучшение советско-французских отношений и серьезного обсуждения нерешенных проблем. Предложение Чичерина нанести визит в Париж во время его пребывания в Западной Европе было встречено благоприятно. Но когда он в последний день ноября 1925 г. прибыл во французскую столицу, Бриан выехал в Лондон для подписания Локарнских договоров, а Париж переживал муки министерского кризиса. Это вызвало некоторую задержку, и Чичерин тактично удалился на Ривьеру. 10 декабря 1925 г. Раковский с запозданием вручил президенту Франции свои верительные грамоты³⁵. На следующей неделе состоялась серия бесед между Чичериным и Раковским, с одной стороны, и Брианом и Бертело — с другой. И вновь возник тупик. Единственным положительным результатом этих встреч стала договоренность начать в первые месяцы наступающего года официальные переговоры.

Чичерин публично выразил чрезвычайное удовлетворение результатами своего визита. В интервью, опубликованном 17 декабря 1925 г. в газетах «Тан» и «Известия», он отметил «глубокие изменения», которые произошли «в общественном мнении Франции по отношению к нашей стране». Вместе с тем Чичерин признал наличие «враждебных нам течений», но высказал надежду, что они «все более будут терять свою силу»³⁶. В опубликованном днем позже прощальном интервью он откровеннее говорил о своих надеждах и даже уверенности, а также о движущих силах, определявших в то время позицию Советского Союза в отношении

Франции: «Взаимное доверие, уже давшее о себе знать в ходе наших бесед на протяжении этих нескольких дней, убедило меня в том, что Франция не вступит ни в какую группировку, направленную против моей страны»³⁷. Последней акцией Чичерина в Париже стало подписание с турецким послом договора о нейтралитете и ненападении с Турцией³⁸. Опубликование текста этого договора через несколько дней после отъезда Чичерина вызвало вспышку раздражения французской прессы.

Советское правительство, все еще встревоженное последствиями Локарно и испытывая недоверие к позиции Германии, продолжало выступать за франко-советское сближение. Сделав на своем пути в Москву остановку в Берлине, Чичерин дал еще одно интервью. Переговоры в Париже, сказал он, «выявили, что между Францией и СССР нет сколько-нибудь серьезных разногласий». Одновременно он противопоставил французской приветливости «постоянную враждебную позицию английского правительства»³⁹. Во время краткосрочной поездки в Советский Союз Раковский⁴⁰ выступил 10 декабря 1925 г. с речью, в которой сопоставил франко-советские и англо-советские переговоры. Он также назвал причины, позволявшие надеяться, что французское правительство окажется разумнее британского. Раковский откровенно говорил об изоляции Франции после Локарно и высказал предположение, что ключи к ситуации в Западной Европе находятся теперь в руках у французов. «Раньше дорога вела через Лондон в Париж, а теперь дорога ведет через Париж в Лондон»⁴¹. Несколькими днями позже в другой речи Раковский заявил, что Локарно обеспечило Германии «некоторое расширение свободы действий на Востоке». Это вызвало негодование парижской прессы, поскольку Раковский использовал свое утверждение как аргумент в пользу гарантий советско-польской границы⁴². Отказываясь возлагать «чрезвычайные надежды» на предстоящие франко-советские финансовые переговоры, Троцкий в статье (у нее был подзаголовок «Мысли вслух») высказал мнение, что Франции следовало бы предоставить Советскому Союзу кредит в 30 млн. рублей под 11% годовых, из которых 7% рассматривались бы как учетная ставка, а 4% шли бы на погашение кредита⁴³.

В начале февраля 1926 г. в Париж прибыла советская делегация для участия в переговорах по урегулированию проблемы долгов. В нее, наряду с другими деятелями, входили Пятаков и Преображенский⁴⁴. На первом заседании — оно состоялось 25 февраля 1926 г. — председательствовал сам Бриан. Переговоры приняли форму полноправной дипломатической конференции, а не неофициальной встречи экспертов. Раковский в своем довольно тактичном ответе на вступительную речь Бриана высказался за «чисто практический характер» подхода к проблеме долгов и кредитов. Он намекнул, что «большинство французов, заинтересованных в урегулировании спорных вопросов, принадлежит к менее обеспеченным классам»⁴⁵. Фактически ни одна из сторон не изменила

своей позиции. Советское правительство в принципе было готово признать долги. Но в любом случае выплата их зависела от французских кредитов. Найти же способ решения такой квадратуры круга оказалось невозможным. Важнейшим моментом конференции стали два меморандума, внесенные на обсуждение советскими делегатами 24 марта 1926 г. Один из них касался долгов, второй — кредитов. Однако ни в том, ни в другом никакие цифры не назывались. 30 марта 1926 г. последовал французский меморандум. В нем излагался подробный план погашения долга, который предусматривал ежегодные выплаты начиная с 30% причитающейся суммы при повышении до 50%. (Французы явно следовали прецеденту, созданному планом Дауэса.) 14 апреля 1926 г. советская делегация дала резкий ответ, назвав французские предложения «недопустимыми» и утопичными. И хотя после такого ответа советская делегация неделей позже направила новую ноту, содержащую приманку торгового обмена и советских заказов французской промышленности, было ясно, что переговоры вновь оказались в тупике ⁴⁶.

Откровенно непреклонный тон советской ноты от 14 апреля 1926 г. можно было объяснить политическими факторами. В марте 1926 г. Франция ратифицировала Локарнские договоры, и таким образом полностью исчезла даже слабая надежда на возможность отрыва Франции от ее партнеров, которую питали в Москве. В том же месяце потерпела фиаско первая попытка добиться приема Германии в Лигу Наций, и это, по-видимому, свидетельствовало, что место Германии в локарнской системе менее надежно, чем того опасались. Вместе с исчезновением и надежд и страхов получили благоприятный поворот тянувшиеся долгие месяцы советско-германские переговоры. К тому же, в отличие от Франции, Германия была готова предоставить кредиты.

К моменту вручения французской делегации 14 апреля 1926 г. советского ответа соглашение с Германией было близко к достижению. Десятью днями позже в Берлине был подписан советско-германский договор ⁴⁷. Недостатка в обычных дипломатических заверениях не наблюдалось. В речи на заседании ВЦИК, посвященной договору, Литвинов вновь заявил о том, что соглашению с Францией по-прежнему придается «величайшее значение» ⁴⁸. Раковский опроверг во французской печати утверждения, что советско-германский договор был в какой-то степени «ответом на Локарнский пакт» ⁴⁹. Французский посол в Берлине сказал д'Абернону, что договор, «по его мнению, скорее направлен против Англии, чем против Франции», и что франко-советские отношения «совершенно дружественные, если не считать вопроса о долгах» ⁵⁰.

Шок тем не менее был сильным. Так или иначе этот договор, хотя он по своей значимости и уступал Рапалло, означал известную смену курса. На протяжении всего 1925 г. в умах обеспокоенных творцов советской политики смутно виделась перспектива особых отношений с Францией, способных компенсировать ухуд-

шение отношений с Великобританией, с одной стороны, и с Германией — с другой. Такая возможность теперь стала маловероятной. Этот поворот событий немедленно, хотя и косвенно, сказался на переговорах о долгах, которые велись в Париже. Их участники, которые ранее старались замаскировать тупик потоком слов, теперь демонстрировали всем истинное положение вещей. Переговоры медленно тянулись до начала июня 1926 г., когда их официально отложили до ноября, договорившись при этом о продолжении неофициальных обсуждений⁵¹. Но еще до окончания перерыва назначение в июне 1926 г. Пуанкаре вновь на пост премьера, а также полученный им недвусмысленный мандат спасти франк вызвали новый кризис, что сделало соглашение еще менее вероятным, чем когда-либо до тех пор.

в) Германия

19 октября 1925 г., через два дня после возвращения немецкой делегации из Локарно в Берлин, Крестинский нанес визит Штреземану. Он напомнил ему, что по его, Штреземана, просьбе переговоры о советско-германском пакте о нейтралитете были отложены до достижения соглашения Германии с Западом. Теперь, когда оно достигнуто, переговоры могут быть, по-видимому, начаты⁵². Штреземан отложил обсуждение поставленного вопроса до следующей встречи, которая состоялась 29 октября 1925 г. В ходе этой беседы он сказал Крестинскому, что хотел бы подождать до ожидавшегося со дня на день приезда в Берлин германского посла в Москве⁵³.

Брокдорф-Ранцау прибыл 4 ноября 1925 г. Он развернул яростную кампанию против Локарнских договоров, обратился прямо к Гинденбургу и вновь заявил о готовности подать просьбу об отставке⁵⁴. Тем временем Крестинский нанес Штреземану еще два визита — 16 и 21 ноября 1925 г.⁵⁵ Во время второго он вручил Штреземану альтернативный советский проект злополучной преамбулы. Одновременно Крестинский сослался в качестве прецедента на советско-чехословацкий договор о торговле от 6 июня 1922 г., преамбула которого говорила о «необходимости взаимного соблюдения каждой из договаривающихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой». Значение этого прецедента состояло в том, что Чехословакия состояла в Лиге Наций⁵⁶, куда вскоре должны были принять и Германию. Штреземан дал понять, что хотел бы отложить дискуссию до формального подписания Локарнских договоров, которое должно было произойти в Лондоне 1 декабря 1925 г. В беседе со Штреземаном накануне отъезда германской делегации в Лондон Крестинский «засмеялся и сказал», что он надеется, что из Лондона мы вернемся «с несколько более твердым характером»⁵⁷.

Благополучно преодолев этот этап в отношениях с Западом, Штреземан был готов обратить внимание на Восток. 11 декабря 1925 г. он начал переговоры с Крестинским на основе последнего советского проекта договора. Следуя своей обычной тактике, Штреземан сразу же перешел в наступление. Он пожаловался на передовые статьи «Правды» и «Известий», которые извратили суть его речи в рейхстаге по поводу пакта о безопасности⁵⁸. Эти газеты представили дело так, сказал Штреземан, будто бы он признал, что в случае объявления Лигой Наций Советского Союза агрессором Германия окажется вынужденной отказаться от нейтралитета. На самом же деле, подчеркнул Штреземан, речь шла о том, что Германия оставляет за собой право решать, является ли агрессором другая держава, и в соответствии с этим определять свои действия. Заявление Штреземана привело к возобновлению спора о статье 16-й. Последовали долгие препирательства относительно советско-чехословацкого договора от 6 июня 1922 г. Штреземан установил, что этот договор не был зарегистрирован в Лиге Наций, а следовательно, не вступил в силу, поскольку, в соответствии со статьей 18-й Устава Лиги Наций, Чехословакия обязана регистрировать все действующие договоры. На это Крестинский не очень убедительно ответил, что если чехословацкий договор не создает прецедента, то тогда таковой могла бы создать Германия. Обращаясь к советскому проекту, Штреземан заметил, что, настаивая на сохранении нейтралитета, этот документ уж слишком явно предполагает возможность войны, в то время как суть проблемы состоит в принятии обеими державами совместных мер для сохранения мира. Предложенная им расплывчатая и сентиментальная формула ничем не могла привлечь советскую дипломатию. Не вселившая никаких надежд беседа завершилась заверением Штреземана, что «Германия стремится к достижению согласия с Россией» и что она внесет свои контрпредложения через Брокдорф-Ранцау по его возвращении в Москву⁵⁹.

Атмосфера несколько улучшилась, когда на обратном пути из Парижа Чичерин сделал остановку в Берлине во второй половине декабря 1925 г. На немецких участников переговоров, несомненно, оказывали давление опасения перед возможными результатами бесед Чичерина с французским правительством. Чичерин усилил свою позицию также и тем, что добился договора с Турцией о безоговорочном нейтралитете⁶⁰. Большая часть беседы Чичерина с Шубертом, которая состоялась 19 декабря 1925 г., была посвящена плохому состоянию советско-английских отношений. Чичерин опасался, что Великобритания, обеспечив себе господствующие позиции в Европе, использует это для отрыва Германии от Советского Союза. Будучи информирован о том, что немецкий контрпроект предполагаемого пакта находится в стадии подготовки, Чичерин пессимистически отзывался о возможных результатах⁶¹. Тремя днями позже Чичерин встретился со Штреземаном. Тот вновь попытался рассеять опасения Чичерина по поводу антисоветского

блока в Лиге Наций: «Англия — это не Лига. И если бы даже Англия вела антирусскую политику, то совершенно определенно, что Франция и Италия не последовали бы за ней. На чью поддержку может рассчитывать тогда Англия?» Такой аргумент, по-видимому, убедил Чичерина, находившегося под впечатлением недавней встречи с Брианом. Когда Штреземан зачитал ему предлагаемый протокол, в котором фиксировалась немецкая интерпретация обязательств Германии по статье 16-й Устава Лиги Наций, Чичерин выразил удовлетворение попыткой пойти навстречу советским пожеланиям. Он явно позволил себя убедить в том, что участие Германии в военных санкциях против Советского Союза представляет собой лишь отдаленное и нереальное предположение. Чичерин был, однако, все еще сильно обеспокоен возможностью ее участия в экономическом или финансовом бойкоте.

Штреземан расстался со своим визитером с впечатлением, что «кошмар континента, выстроившегося в боевых порядках против России, был рассеян»⁶². Однако заявление Чичерина представителям прессы перед отъездом в Москву совсем не подтвердило такого впечатления и позволило считать, что старые опасения все еще весьма живы: «Опасения Советского правительства относительно последствий Локарно ни в коем случае не распространяются на намерения германского правительства, добрая воля которого не подлежит сомнению. Эти опасения распространяются на те объективные отношения, которые создаются для Германии Локарнским договором»⁶³. Штреземан, однако, полагал, что кое-что достигнуто. 29 декабря 1925 г. он направил личное письмо Чичерину с проектом протокола, явно напоминающим прежнюю преамбулу⁶⁴. Это не помогло. В своем ответе от 12 января 1926 г. Чичерин критиковал как форму протокола, так и его содержание. Касаясь формы, Чичерин разъяснил, что, согласившись с предложением Штреземана о протоколе, он никоим образом не считал, что последний заменит договор. Советское правительство, продолжал он, желает, чтобы включенные в договор основные обязательства были в случае необходимости дополнены разъясняющим протоколом. Рассматривая же содержание проекта, представленного Штреземаном, Чичерин повторил прежнюю критику: проект протокола заполнен теоретическими аргументами и выводами и не содержит точных обязательств⁶⁵. Не будучи точно уверен, сколь далеко может идти «интерпретация» статьи 16-й Устава Лиги Наций, и не желая рисковать взрывом на Западе, Штреземан не торопился. Германию должны были принять в Лигу Наций в марте в Женеве. Штреземан надеялся отложить свой следующий благожелательный жест в сторону Востока до тех пор, пока Германия прочно не утвердится в Лиге Наций.

Произошли и другие события, которые способствовали тактике проволочек. Новые трения между Берлином и Москвой возникли в связи с арестом в декабре 1925 г. по обвинению в шпионаже трех немецких бизнесменов, функционировавших как герман-

ские «консульские агенты» в Баку, Потти и Батуме, хотя Советское правительство никогда не признавало их официально в качестве таковых. В разговоре с советским поверенным в делах 30 декабря 1925 г. Дирксен — соответствовало ли это действительности или нет — связал с этим инцидентом отсрочку возвращения Брокдорф-Ранцау в Москву⁶⁶.

В конце января 1926 г., когда проблема, поднятая эпизодом с консульскими агентами, приближалась к решению, Брокдорф-Ранцау принял наконец решение вернуться на свой пост. Шуберт, которому он нанес прощальный визит, полагал, что переговоры о протоколе следовало бы продолжать в Берлине. Совершенно неожиданно посол согласился с этим, хотя и высказал предположение, что переговоры можно было бы позже перенести в Москву, где и подписать соглашение⁶⁷. Прибывшего в Москву 3 февраля 1926 г. Брокдорф-Ранцау чрезвычайно тепло и с чувством облегчения приветствовал Чичерин⁶⁸. Продолжительное отсутствие посла усиливало опасения Чичерина, полагавшего, что после Локарно может наступить ухудшение советско-германских отношений. Испытываемая ими обоими враждебность к политике Локарно закрепила все возрастающую близость между немецким послом и народным комиссаром. На протяжении двух последующих лет они трудились в почти полном согласии в интересах германо-советской дружбы. 11 февраля 1926 г. в Берлине состоялся обмен ратификационными грамотами, вводившими в силу торговый договор, подписанный 12 октября 1925 г.⁶⁹ Крестинский воспользовался случаем, чтобы внушить Шуберту, сколь большое значение придаст Советское правительство предложенному договору⁷⁰. Теперь Штреземан уступил в отношении формы, и за несколько дней министерство иностранных дел переформулировало немецкие предложения, придав им вид договора и протокола к нему. 24 февраля 1926 г. эти предложения были обсуждены и одобрены кабинетом министров, а днем позже вручены Штреземаном Крестинскому в ходе продолжительной беседы⁷¹. После этой уступки из серьезных разногласий между сторонами осталось лишь одно. Советское правительство хотело, чтобы каждая сторона приняла на себя прямое и безоговорочное обязательство не участвовать ни в каких враждебных акциях или комбинациях, военных или экономических, направленных против одной из них. Германское правительство опасалось, что принятие столь всеохватывающего обязательства может оказаться в противоречии со статьей 16-й Устава Лиги Наций, даже в интерпретации, приданной ей Локарнскими договорами. Поэтому Берлин хотел ограничить обязательство такими случаями, когда другая сторона (то есть Советский Союз) будет вовлечена в военные действия в результате неспровоцированной агрессии, совершенной третьей стороной. Однако Советское правительство возражало против любых ограничений подобного рода. На это у него были две причины. Об одной оно говорило, вторую умалчивало. Первая состояла в том, что для Совет-

ского Союза было оскорбительно допускать возможность того, что он может быть вовлечен в военные действия как-нибудь иначе, чем в результате неспровоцированной агрессии со стороны другой державы. Вторая же причина сводилась к тому, что включение в текст договора слов «неспровоцированная агрессия» создало бы в критический момент возможность для бесконечных споров. К тому же Лига Наций, по всей вероятности, будет ссылаться на советскую провокацию, с тем чтобы оправдать любую агрессию членов Лиги Наций против Советского Союза. Последний немецкий проект пытался преодолеть эту трудность неуклюжей попыткой обойти ее. В него была внесена новая статья, в которой разъяснялось, что предположение возможности «вооруженного конфликта, спровоцированного нападением России на третью державу», представляет собой «чисто теоретическое допущение, не имеющее практического политического значения». Штреземан, направляя Брокдорф-Ранцау этот новый проект, а также запись своей беседы с Крестинским, успокаивал себя мыслью, что даже в том случае, если окончательное соглашение будет достигнуто, протокол сможет быть подписан лишь после назначенной на март сессии Лиги Наций⁷².

Одновременно с обсуждением договора и протокола к нему велись переговоры об увеличении объема и сроков кредитов, предоставленных Советскому правительству в октябре 1925 г.⁷³ В то самое время, когда пересмотренный проект договора был вручен советскому послу, германское правительство заявило о готовности гарантировать долгосрочные экспортные кредиты на сумму 300 млн. марок для покрытия 60% стоимости товаров, экспортируемых в Советский Союз (35% из них предоставлялось рейхом и 25% — землями). Остальные 40% должны были кредитоваться банками. Сообщая об этом решении Брокдорф-Ранцау, Дирксен разъяснил, что оно не является окончательным. Условия кредита должны быть еще обговорены с немецкими банками. Однако, указав он, «у правительства рейха нет никаких средств для оказания дальнейшего влияния на группу банков»⁷⁴. Теперь задержка в решении вопроса могла быть объяснена неуступчивостью немецких банков, которые требовали, чтобы учетная ставка составляла 11,75% в год. Советское правительство соглашалось на 8,5%, то есть на ставку по краткосрочным кредитам предшествовавшего года, с последующим увеличением до 10%⁷⁵. В это время в Берлин прибыл американский банкир Гарриман. В беседе с главой созданной здесь в 1921 г. советской торговой делегации Стомяковым⁷⁶ он дал понять, что Советское правительство может рассчитывать на получение кредитов от американских банков на более благоприятных условиях. Во второй половине 1926 г. Мальцан сообщил из Вашингтона, что там не видят каких-либо трудностей для совместного американо-германского финансирования русской торговли⁷⁷. По-видимому, позже Гарриман предложил кредитовать 40% немецкого экспорта в Советский Союз, то есть

тот объем, который не покрывался немецкими правительственными гарантиями. Немецкие банки, однако, выступили против этого предложения. Против такой сделки возражало и правительство Соединенных Штатов⁷⁸. Становилось все очевидней, что решение вопроса о кредитах затягивается по политическим мотивам и что соглашение с Москвой будет достигнуто только тогда, когда этого пожелает германское правительство.

Советско-германская дружба складывалась далеко не гладко. Март 1926 г., когда переговоры о договоре вступили в заключительную фазу, был отмечен почти непрерывным обменом взаимными обвинениями. 4 марта 1926 г. Чичерин сознательно намекнул Брокдорф-Ранцау, что Советское правительство, спорадически рассматривавшее с Польшей проблему «восточного Локарно», предложило Варшаве подписать пакт о ненападении, который включал бы и гарантию восточных границ Польши. Желая вместе с тем успокоить собеседника, он добавил, что у Советского правительства нет и мысли о гарантии западных границ Польши⁷⁹. Германское правительство, которое до тех пор, очевидно, ничего не знало о подобных советских предложениях, встретило это сообщение с чувством гнева и страха⁸⁰. Если Советское правительство, рассуждали в Берлине, потеряло интерес к пересмотру своих границ с Польшей, то вряд ли оно проявит большую настойчивость в попытках добиться пересмотра германо-польской границы. Если же Польша будет уверена в своей безопасности на Востоке, то у нее окажутся развязанными руки для сосредоточения усилий на оборону на Западе. 14 марта 1926 г., беседуя с Чичериным, Брокдорф-Ранцау назвал предполагаемый договор с Польшей документом «исключительно серьезным для наших отношений». Он напомнил о получивших известность беседах в декабре 1924 г., когда «оттеснение Польши к ее этнографическим границам» было признано общей целью двух государств. Чичерин пытался оправдать действия Советского правительства тем, что речь идет, дескать, не более чем о кратковременном пакте на срок от трех до пяти лет. Он официально заверил, что Советский Союз ни в коем случае не намерен выступить гарантом западной польской границы. В обозримом будущем, сказал он, переговоры с Польшей о пересмотре границ не являются предметом практической политики. В интересах своего экономического развития Советский Союз крайне нуждается в мире. Чичерин, однако, согласился с тем, что эта политика не должна наносить ущерб советско-германским политическим или экономическим отношениям, поскольку она приобрела бы для Москвы «критическую значимость, если бы дело дошло до заключения обсуждаемого в настоящее время между Москвой и Берлином договора». Брокдорф-Ранцау ответил, что предоставление Польше каких-либо гарантий свело бы на нет значимость германо-советского соглашения⁸¹.

Спор вокруг польской проблемы развивался параллельно с еще более острой дискуссией по другому трудному вопросу. 4 марта

1926 г. «Известия» опубликовали речь Ворошилова по поводу очередной годовщины Красной Армии, отмеченной 23 февраля. Пространно рассуждая о предложениях по разоружению, дебатировавшихся в то время в Женеве, он утверждал, что ни одна капиталистическая страна всерьез разоружаться не намерена, и в числе таких государств назвал Германию. Германия, заметил Ворошилов, энергично восстанавливает свой военный бюджет, который теперь уже составляет половину ассигнований 1913 г., хотя ее вооруженные силы номинально сокращены до одной седьмой тогдашнего уровня. Это означает, утверждал Ворошилов, что «Германия всякими правдами и неправдами содержит крупные вооруженные силы, которые насчитываются не десятками и не сотнями тысяч людей». Брокдорф-Ранцау немедленно заявил Чичерину «решительный протест» против такого «неслыханного скандала». Он иронически назвал Советский Союз «державой, заявляющей о дружеских отношениях с нами и подозреваемой нашими врагами в военном заговоре с нами». Явно обескураженный Чичерин смог объяснить такое неловкое заявление лишь наивностью Ворошилова — объяснение, быть может, и не лишнее оснований, но вряд ли способное убедить Берлин⁸². Опубликованное в «Известиях» 7 марта 1926 г. исправление к речи Ворошилова по поводу тайных германских вооруженных сил — эти обвинения теперь приписали «прессе стран Антанты» — лишь вновь привлекло внимание к нанесенному оскорблению, тем более что опубликованный двумя днями позже в коминтерновском журнале перевод этой речи на немецкий язык содержал вызвавший негодование пассаж⁸³. К несчастью, произошел новый инцидент, который по своему значению превзошел только что описанный. Примерно в то же время германскому правительству стало известно о полуофициальном издании военно-научного общества «Иностранные армии», которому была предпослана вступительная статья Ворошилова. Внимание к этой публикации было привлечено 11 декабря 1925 г. русской эмигрантской газетой «Руль» (Берлин)⁸⁴. С некоторой задержкой брошюра была получена из Москвы и переведена на немецкий язык в министерстве иностранных дел. Как обнаружилось, в разделе, посвященном немецкой армии, содержались прямые указания на тайные военные формирования и склады оружия⁸⁵. Брокдорф-Ранцау немедленно получил предписание заявить протест против этой «гнусности»⁸⁶. Желание советской стороны поставить германское правительство в затруднительное положение, приоткрыв завесу, маскирующую советско-германские военные отношения, вновь проявилось в статье об авиастроительном заводе «Юнкерса» в Филях, опубликованной в «Правде» 23 марта 1926 г. Хотя статья содержала жалобы на всякого рода недостатки, общий ее тон не был недружественным, и она заканчивалась выражением надежды на улучшение⁸⁷.

Описанные инциденты, однако, не исчерпали всех превратностей судьбы, выпавших на этот полный событиями месяц. 7 марта

в Женеву прибыла немецкая делегация в связи с церемонией приема Германии в Лигу Наций и ее предстоящим избранием в Совет Лиги. Однако этому событию неожиданно помешала позиция Польши и Бразилии, которые потребовали, чтобы и их ввели в состав Совета. Десять дней велись переговоры, но выход из тупика найден не был. 17 марта 1926 г. было объявлено о перерыве в работе специальной Ассамблеи, созванной по этому поводу. Униженная германская делегация в замешательстве покинула Женеву. 18 и 20 марта 1926 г. в передовых статьях «Правда» писала о «жестоким поражении локарнского духа» и предсказывала, что результатом женевского фиаско станет «усиление давления Соединенных Штатов на капиталистическую Европу». Весьма показательно, что советское общественное мнение расценило описанный эпизод как поражение не столько Германии, сколько Великобритании. Именно так говорилось в заключительном пассаже заявления Чичерина о внешней политике, которое было опубликовано в «Известиях» в начале апреля 1926 г. Провал в Женеве, указывал Чичерин, есть результат «внутренних противоречий» политики Чемберлена. Последний пытался втянуть в единый фронт против Советского Союза как Германию, так и Польшу, не принимая во внимание существующего между ними антагонизма. Это привело к «краху единого фронта, который мы теперь могли видеть в Женеве»⁸⁸. Вместе с тем развитие событий в Женеве неизбежно укрепляет советские позиции. Таким образом, внушавшее страх сближение между Германией и Западом потерпело драматичную неудачу. Германия теперь будет вынуждена, хочет она того или нет, вновь повернуться на Восток.

8 марта 1926 г., то есть до женевского фиаско, Чичерин ответил на предложения, сделанные Крестинскому 25 февраля⁸⁹. С некоторыми оговорками он принял немецкий проект договора и протокола. Но Чичерин по-прежнему решительно отказывался согласиться с любым упоминанием «неспровоцированной агрессии», а также хотел опустить в статье, запрещающей участие в экономическом бойкоте, слова «в мирное время», поскольку они, по-видимому, оставляли дверь открытой для экономических санкций в случае войны. Кроме того, Чичерин предложил заменить протокол обменом нотами⁹⁰. Крестинский официально уведомил об этом Штреземана 26 марта 1926 г. после его возвращения из Женевы. Он также предложил подписать договор до 10 апреля 1926 г., чтобы он мог быть ратифицирован на предстоящей сессии ЦИК. Штреземан уклонился от ответа, рассказав о сложностях последних недель, и попросил дать ему время для обдумывания деталей проекта. Сообщая Брокдорф-Ранцау об этой беседе, Штреземан раздраженно вновь упомянул польский вопрос и добавил: «Заклучение германо-советского договора абсолютно невозможно до тех пор, пока нет уверенности, что Россия ни в какой форме — будь то путем подписания договора о гарантиях, пакта о ненападении или договора об арбитраже — не удовлетворит испытывае-

мую Польшей потребность в обеспечении безопасности на своей восточной границе»⁹¹. Дурное настроение Штреземана, вызванное женевским опытом, ни в коей мере не сделало его более уступчивым на переговорах с Советским Союзом. 27 марта 1926 г. через два дня после встречи с Крестинским он вновь телеграфировал Брокдорф-Ранцау, жалуясь, что советский проект свяжет Германию с «безоговорочным нейтралитетом». В телеграмме он протестовал против советских переговоров с Польшей. В заключение Штреземан предложил — если бы его слова передали Чичерину, они привели бы его в ярость, — договор пока парафировать, а его подписание отложить до окончательного принятия Германией в Лигу Наций⁹². Однако мудрость все-таки возобладала. Несколькими днями позже Шуберт необычайно дружески беседовал с Крестинским. Он по-прежнему возражал против снятия слова «неспровоцированная», но принял два других предложения Чичерина. Шуберт укрепил надежду на подписание договора после возвращения Штреземана с пасхальных каникул, примерно 20 апреля. Сразу же после этого протоколу была придана форма обмена нотами⁹³.

Поражение на Западе усилило нажим немецких сторонников восточной ориентации на Штреземана⁹⁴. В начале апреля 1926 г. Дирксен писал, что если Германия не подпишет соглашения, «в Москве победят сильные французские и польские тенденции»⁹⁵. Фактически обе стороны осознали, что подписание договора неизбежно. И тем не менее ни Германия, ни Советский Союз не обнаруживали никаких признаков готовности сдвинуться с места в вопросе о формулировке «неспровоцированная агрессия». До самого последнего момента положение оставалось безвыходным. Новая беседа Шуберта с Крестинским 12 апреля 1926 г. дала лишь один результат: было зафиксировано, что остался только один нерешенный вопрос⁹⁶. Несколькими днями позже Литвинов заявил в Москве Брокдорф-Ранцау, что советский отказ согласиться с формулировкой «неспровоцированная агрессия» следует считать окончательным⁹⁷. Решение было найдено в Берлине. 21 апреля 1926 г. Штреземан предложил Крестинскому формулу, по которой обе стороны обязывались сохранять нейтралитет в войне, в которую будет вовлечена другая в результате акта агрессии, несмотря на ее «миролюбивый образ действий»⁹⁸. Такая формула оказалась для Москвы приемлемой. Договор был подписан 24 апреля 1926 г. Штреземаном и Крестинским в Берлине, а не Чичериным и Брокдорф-Ранцау в Москве, как это первоначально замышлялось последним⁹⁹. В статье 1-й содержалась ссылка на Рапалльский договор как на основу дружеских отношений между двумя партнерами. Статья 2-я предусматривала, что если любая из сторон, «несмотря на миролюбивый образ действий», станет жертвой агрессии, другая сторона сохранит нейтралитет. Статья 3-я исключала возможность участия любой из сторон в экономическом или финансовом бойкоте, направленном против другой стороны. Статья 4-я устанавливала пятилетний срок действия дого-

вора, но оговаривала, что до истечения этого срока стороны заключат новый договор для регулирования своих политических отношений. В нотах, которыми обменялись стороны вместо предлагавшегося раньше протокола, Штресман обязался, что в том случае, если в Лиге Наций — вопреки ожиданиям Германии — разовьются антисоветские тенденции, Германия будет «со всей энергией противодействовать таким стремлениям». Штресман зафиксировал в ноте, а Чичерин принял это к сведению, что Германия следующим образом интерпретирует свои обязательства по статьям 16-й и 17-й Устава Лиги Наций: поскольку эти статьи могут применяться лишь против страны, объявленной агрессором, и поскольку ни одна страна не может быть объявлена агрессором без согласия Германии, Германия не может быть обязана этими статьями автоматически участвовать в действиях против Советского Союза ради выполнения своего долга перед Лигой Наций. Наконец, обе стороны согласились вступить в переговоры о новом договоре, с тем чтобы все будущие конфликты между ними регулировались примирением или арбитражем¹⁰⁰. Все еще нерешенный к моменту подписания договора вопрос о кредите в 300 млн. марок был урегулирован через два месяца путем договоренности об учетной ставке в 9,4%¹⁰¹.

Договор расценивался всеми как победа советской дипломатии. Считалось, что он восстановил равновесие германской внешней политики, неправомерно нарушенное Локарнскими договорами в пользу Запада. Статья в «Известиях» назвала его вторым шагом — первым был советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г. — к созданию системы, которая продемонстрировала бы, «на какой базе может быть устроено сожительство его [Советского Союза] с этим [капиталистическим] миром»¹⁰². Выступая на сессии ЦИК в день подписания договора, Литвинов охарактеризовал его как «дополнение или, скорее, уточнение Рапалльского соглашения»¹⁰³. Документ этот, отмечал один официальный комментатор, «как и Рапалльский договор, явился ответом на желание Англии впутать Германию в сети антисоветской политики»¹⁰⁴. Сторонники восточной ориентации немецкой политики с энтузиазмом напоминали о «русском перестраховочном договоре» Бисмарка, заключенном в 1887 г.¹⁰⁵ Несколькими неделями позже германский канцлер, выступая в рейхстаге в поддержку ратификации договора, дал ему более точную и более осторожную характеристику. Он сказал, что этот документ представляет собой попытку приспособить установленные Рапалло германо-советские отношения к «новой политической ситуации, созданной Локарнскими договорами»¹⁰⁶.

Новый советско-германский договор проложил путь к дальнейшему развитию практического сотрудничества между двумя странами, и в этом смысле его можно было считать продолжением Рапалло. Столь же справедливо и утверждение, что политика Германии перестала быть обращенной исключительно или главным

образом на Восток, как это было в первый период после Рапалло. Теперь она зиждилась на устойчивом равновесии между Востоком и Западом. Таков был новый фактор, который должна была учитывать советская политика.

г) Западные приграничные страны

Советские отношения с Польшей, которые в целом задавали тон отношениям Советского Союза с малыми странами Восточной Европы, были вторичными по сравнению с его отношениями с Западной Европой, и последние оказывали мощное — хотя и не всегда последовательное — влияние на них. Советские связи с Германией все еще оставались сильным фактором в советской внешней политике, и отношения СССР с Польшей, этим наиболее упорным антагонистом Германии, имели тенденцию меняться в зависимости от степени сердечности советско-германских контактов в каждый данный момент. Аналогичные колебания были свойственны и позиции Польши. Когда польское правительство было уверено в западной поддержке, оно могло позволить себе непреклонность в своих сделках с великим восточным соседом. Но всякий раз, когда создавалось впечатление ориентации западных стран на сближение — будь то с Германией или с Советским Союзом, — Польшу охватывал страх перед изоляцией, и она искала гарантии в улучшении польско-советских отношений. Вот почему они, будучи подверженными воздействию множества неопределенных, а то и вступавших во взаимный конфликт интересов, оставались непоследовательными и непостоянными. С советской стороны все еще существовала скрытая враждебность, порожденная войной 1920 г. и мирным договором 1921 г. Однако отношения с Польшей и другими восточноевропейскими странами не являлись главным фактором советской внешней политики. И хотя в советско-германских отношениях все еще действовало стремление оттеснить Польшу к ее этнографическим границам, никто всерьез не стремился бросить вызов статус-кво в Восточной Европе, пожертвовав ради этого интересами в других районах.

Беспорядки в Германии в 1923 г. и неудачный революционный мятеж в октябре придали в тот год советско-польским отношениям нелегкий и опасный характер. 1924 год начался спокойнее. В Москву прибыл первый официально аккредитованный польский посланник¹⁰⁷. Переговоры о железнодорожном соглашении и консульской конвенции¹⁰⁸ свидетельствовали о нормализации отношений. Однако в течение всего 1924 г. происходили пограничные инциденты, вновь и вновь раздавались жалобы на преследования в Восточной Польше национальных меньшинств. Согласно статье 7-й Рижского мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г.¹⁰⁹, Польша заверила, что она «предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше,

все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов». Выступая на II съезде Советов в январе 1924 г., Скрыпник заявил протест против невыполнения Польшей ее обязательств в отношении «миллионов украинцев, белорусов и русских», включенных в польскую территорию по Рижскому договору¹¹⁰. Эта же тема прозвучала и в советской ноте польскому правительству от 10 мая 1924 г. 15 мая 1924 г. Варшава отклонила эту попытку Советского правительства вмешиваться в польские дела. 23 мая 1924 г. Советское правительство повторило обвинения¹¹¹. Дальнейшие протесты были выдержаны в той же жесткой тональности. В августе 1924 г. Раковский воспользовался подписанием в Лондоне англо-советского договора для того, чтобы осудить польское правительство за аннексию Восточной Галиции, населенной преимущественно украинцами¹¹². Последовал решительный протест польского правительства, на который отреагировал Наркоминдел¹¹³. На состоявшейся в следующем месяце Ассамблее Лиги Наций польская делегация своеобразно отомстила, осудив Советский Союз за подавление восстания в Грузии¹¹⁴.

Однако за этими раздорами нельзя было не заметить и более благоприятных признаков. «Демократическо-пацифистская» эра, которая в Великобритании привела к власти лейбористов, а во Франции — правительство радикала Эррио, отозвалась слабым и запоздалым эхом в Польше. В августе 1924 г. национально-демократический министр иностранных дел, верный приверженец Пуанкаре Дмовский был заменен Скрынским, занимавшим в польской политике не столь правые позиции и выступавшим за политику международного примирения.

Беспокойство, проявленное Москвой на первых порах по поводу сближения Германии с западными державами, нашло отражение в более мягкой позиции в отношении Польши. Выступая в октябре 1924 г. на заседании ЦИК, Чичерин благожелательно отозвался о перспективах «улучшения отношений с Польшей»¹¹⁵. Предварительные секретные переговоры в декабре 1924 г. между СССР и Германией, в ходе которых пересмотр границ с Польшей рассматривался в качестве общей цели¹¹⁶, выявили решимость Советского правительства не упускать благоприятных возможностей, но вместе с тем не брать на себя никаких обязательств, которые могли бы оказать необратимое воздействие на будущую советскую политику. На пороге нового года Скрынский был по-прежнему настроен примирительно в отношении Москвы. В заявлении прессы по случаю наступления 1925 г. он всячески старался провести различие между акциями Советского правительства и курсом Коминтерна, а также провозгласил, что комбинациям против большевиков он предпочел бы урегулирование с ними¹¹⁷.

Это заявление оказалось в явном противоречии с очередным ходом в игре. Стало очевидным, что польское правительство в не меньшей мере, чем правительство Советского Союза, склонно си-

деть на двух стульях. Хроническая напряженность в советско-польских отношениях еще более обострилась в связи с конференцией министров иностранных дел Финляндии, Польши, Латвии и Эстонии, проведенной в Гельсингфорсе 16 января 1925 г. Предпринимавшаяся ранее Польшей попытка создать блок Прибалтийских государств, направленный против Советского Союза, была сорвана отказом Финляндии ратифицировать договор, подписанный в Варшаве в марте 1922 г.¹¹⁸ Отношения Польши с другими Прибалтийскими государствами отягощались ее спором с Литвой. Да и экономически Польша была слишком слаба, чтобы поставлять этим странам необходимые товары и открыть им рынки сбыта для их экспортной торговли. Это и обусловило их зависимость от Запада, прежде всего от Великобритании. С советской точки зрения, три небольших Прибалтийских государства — Эстония, Латвия и Литва — с общим населением менее четырех миллионов человек были искусственно созданы западными державами, чтобы служить сторожевыми псами капиталистического мира, его аванпостами на границах Советской России¹¹⁹. В ноябре 1923 г. Латвия и Эстония заключили между собой договор о союзе, а также договор, предусматривавший создание ими таможенного союза¹²⁰. Даже этот шаг вызвал озлобленность Советского правительства, которое усмотрело в этих договорах руку Франции. Оно полагало, что «здоровое развитие» этих малых стран может быть обеспечено «лишь дружественным экономическим и политическим соглашением с Россией»¹²¹. К Гельсингфорсской конференции, проведенной в январе 1925 г., в Москве отнеслись весьма подозрительно, посчитав ее попыткой возрождения антисоветского прибалтийского блока. Ее участники в целом тщательно избегали откровенных антисоветских заявлений. Единственным официальным результатом конференции стал бесцветный договор об арбитраже¹²². В советских кругах, однако, полагали, что встреча в Гельсингфорсе была использована как предлог для переговоров между генеральными штабами. В марте 1925 г. в Риге состоялась конференция начальников генеральных штабов четырех государств, участие в которой принял также представитель Румынии. Советская печать громогласно осудила эту встречу¹²³.

К тому времени советско-польские отношения еще более ухудшились убийством — как утверждалось, с молчаливого согласия польской полиции — двух польских коммунистов, которых должны были обменять на двух польских политических заключенных, содержавшихся в Советском Союзе. Осложнению отношений способствовало и приписываемое польскому консулу в Минске участие в подрывной деятельности в Советской Белоруссии¹²⁴. В мае 1925 г., выступая на III съезде Советов, Рыков утверждал, что «со стороны польской границы мы до последнего времени имели почти не прекращающиеся набеги разных банд». Он также говорил о «совершенно исключительной травле, которая велась на страницах польских газет в отношении Союза ССР». Далее он

коснулся конференций в Гельсингфорсе и Риге и предупредил, что «поляки, литовцы, эстонцы, латыши и финны» должны «считаться с тем, что никакое другое правительство, кроме правительства Республики Советов, не только не дало бы самостоятельности, но уничтожило бы их при первой возможности»¹²⁵. В принятой съездом резолюции встреча начальников генеральных штабов и недавняя конференция Малой Антанты в Бухаресте рассматривались как симптомы агрессивных намерений, направленных против Советского Союза¹²⁶. Эти военные встречи, если учесть состояние отношений между участвовавшими в них странами, вряд ли могли иметь то зловещее значение, какое придавала им нервозность Москвы. Гельсингфорсская конференция в январе 1925 г. оказалась последней попыткой совместных действий Польши и Прибалтийских государств. Постепенное возрождение германской и советской мощи положило конец родившейся в 1919 г. идее создать силами приграничных государств под гегемонией Польши барьер между Германией и Советским Союзом.

Однако ни недовольство, испытанное по поводу польских попыток положить начало политическому или военному альянсу против Советского Союза, ни непрерывные протесты по поводу пограничных инцидентов и других враждебных проявлений Польши не мешали советской дипломатии запускать пробные шары в другом направлении. К весне 1925 г. все более очевидное желание Германии урегулировать отношения с западными державами, особенно с Великобританией, привело Советский Союз к выводу о необходимости подстраховать себя иным путем. Первым об этом заговорил Радек в статье, многозначительно озаглавленной «О границах Польши». В ней он утверждал, будто ответственные поляки обеспокоены «известием, что Англия отказывается гарантировать польские границы». Они осознали, что «международное положение Польши значительно ухудшилось». Польша отягощена бременем военных союзов. Цель советской политики — «закрепление мира на всех границах нашей республики». Статья заканчивалась призывом к Польше «передумать» ситуацию¹²⁷. Смысл статьи сводился к тому, что Советское правительство хотело бы заключить с Польшей пакт, гарантирующий существующую советско-польскую границу. И хотя пробные шары, запускаемые Радеком, не всегда отражали официальную политику, тем не менее очевидно, что весной или летом 1925 г., когда Германия вела переговоры с Западом, польскому правительству были сделаны — прямо или косвенно — авансы именно в этом направлении¹²⁸.

На III съезде Советов в мае 1925 г. Чичерин — после предупреждений и упреков, с которыми выступил Рыков, — затронув польский вопрос, говорил в явно иной тональности. Он с необычной суровостью упомянул тех, кто осуждал Польшу за невыполнение ею обязательств в отношении национальных меньшинств: «Действительно, чего хотят те товарищи, которые выступают с этой критикой? Не хотят же они, чтобы мы начинали войну. Най-

дятся, может быть, пара таких чудачков, но во всяком случае — не широкое советское общественное мнение. Войны вести мы не желаем, не собираемся». После рассуждений по поводу миролюбивого характера советской политики Чичерин вновь заговорил о Польше: «Наша мирная политика по отношению к Польше есть лишь составная часть нашей общей мирной политики в целом». Он отметил наличие в Польше «двух основных течений». Одно из них — «авантюристическое, империалистическое, воинственное». Другое — миролюбивое, стремящееся к установлению хороших отношений с Советским Союзом. Цель советской политики должна состоять в поощрении второго течения и достижении «прочного соглашения с Польшей»¹²⁹. Новый советский полпред Войков, прибывший в Варшаву в конце 1924 г., заявил о своем намерении поставить вопрос о советско-польском торговом соглашении, которое предусматривалось Рижским мирным договором 1921 г., но с тех пор никогда всерьез не обсуждалось. Бдительный германский посланник в Варшаве сделал вывод: «Мы вступаем в период русско-польского взаимопонимания»¹³⁰. Какие бы эпизодические трения ни усложняли советско-польские отношения, движение Германии в сторону Запада неизбежно вело к определенной разрядке между двумя странами. Соглашение, призванное покончить с пограничными инцидентами, было подписано 3 августа 1925 г.¹³¹

Таким образом, когда в конце сентября 1925 г. Чичерин нанес свой единственный официальный визит в Варшаву¹³², почва для него оказалась в какой-то степени подготовленной. Хотя этот визит и должен был прежде всего служить предостережением для Германии¹³³, тем не менее он имел и известное значение сам по себе. 27 сентября 1925 г., в день прибытия Чичерина в Варшаву, «Известия» опубликовали необычно льстивую по тону статью Радека о советско-польских отношениях. Чичерина тепло приветствовал Скрынский, а на банкете, данном в честь советского наркома иностранных дел, оба министра обменялись вежливыми дипломатическими речами¹³⁴. Однако вне официального уровня прием не отличался теплотой. В польской печати выражалась точка зрения, что нельзя установить тесные отношения с соседом, «в руках которого пылающий факел». Выражалось мнение, что визит — «не более чем дипломатический трюк, рассчитанный на то, чтобы произвести впечатление на Германию»¹³⁵. Однако Чичерин в очень подробном интервью, которое он дал польскому журналисту 28 сентября 1925 г., выразил надежду на «прочное сближение между нашими государствами» и назвал дружеский прием, организованный польским правительством, «реально-политическим фактом». Он выразил мнение, что «прочное сближение между нами должно, естественно, чрезвычайно глубоко влиять на всю международную конфигурацию сил и отношений»¹³⁶. Чичерин с уверенностью говорил о перспективах торгового договора и соглашения о железнодорожном сообщении. По-видимому, Польше вновь было предложено заключить пакт о ненападении, который стал бы

гарантией существующей польско-советской границы. Скрынский осторожно отклонил любой пакт, который не распространялся бы на все западные границы Советского Союза¹³⁷.

В сформулированной в осторожных тонах передовой статье «Правды» Бухарин попытался рассеять мнение, будто советско-польское сближение — это «дипломатический трюк для воздействия на Германию». Он назвал такой подход «результатом старого гипноза, по которому Москва непременно стремится к разделу Польши совместно с Германией». Бухарин с одобрением процитировал заявление Скрынского, что дружественные отношения Польши и Советского Союза отвечают «неизменным и великим интересам обеих стран»¹³⁸. Сомнительно, способствовал ли варшавский визит Чичерина хотя бы в какой-то степени тому ограниченному успеху, которого советский министр добился, оказав давление на Штреземана накануне Локарнской конференции. Не отразился этот визит в длительном плане и на советско-польских отношениях. Месяц спустя «Правда» опубликовала без комментариев, на видном месте интервью польского представителя в Москве итальянской газете. В нем он говорил об «исторических границах Польши» и заявил, что нынешние границы «не соответствуют национальному чувству поляков»¹³⁹.

Зимой 1925/26 г. советская дипломатия сконцентрировала усилия прежде всего на Германии, а затем на Франции. Создавалось впечатление, что Польшу вывели из игры. И тем не менее польская карта по-прежнему обладала известным весом. В феврале или начале марта 1926 г., когда отсрочка переговоров о советско-германском договоре стала вызывать нервозность в Советском Союзе¹⁴⁰, Москву посетил глава восточного отдела польского министерства иностранных дел. Сюда его привел мираж «восточного Локарно»¹⁴¹. В ходе переговоров Чичерин внес делавшееся уже не раз в предшествовавшем году предложение подписать советско-польский пакт о ненападении, который включал бы гарантию восточной границы Польши¹⁴². Но, как и прежде, в отличие от Советского Союза, который имел в виду двусторонний пакт, польское правительство было заинтересовано лишь в многосторонних гарантиях, распространявшихся на других западных соседей Советского Союза¹⁴³.

Когда 26 марта 1926 г. Польша подписала с Румынией новый «договор о гарантиях» (взамен истекшего договора от 3 марта 1921 г.¹⁴⁴), Советское правительство вполне могло допустить, что Польша все еще предпочитает носить увядающий лавровый венок «санитарного кордона». Раздражение таким развитием событий, испытанное Советским правительством, нашло откровенное выражение в речи Литвинова, произнесенной им месяц спустя на заседании ЦИК: «Протектората Польши, явного или скрытого, над Прибалтикой мы не признаем и признавать не собираемся. Упорное нежелание польского правительства говорить об имени только собственного государства сводит пока на нет все наши попыт-

ки сближения с ней». Литвинов добавил, что возобновление польско-румынского договора «понижает наши надежды на соглашение с Польшей»¹⁴⁵. Ничего нового в отношениях с Польшей не произошло вплоть до тех пор, пока переворот, совершенный в мае 1926 г. в Варшаве Пилсудским, вновь не пустил машину в ход.

На стыке 1925 и 1926 гг. Советский Союз и Польша пребывали в состоянии острого, хотя и оказавшегося кратковременным, соперничества за влияние в трех Прибалтийских государствах. В декабре 1925 г., возвращаясь в Москву из поездки в Париж и Берлин, Чичерин сбалансировал свой визит в Варшаву однодневной остановкой 23 декабря 1925 г. в Ковно. Там он предложил литовскому правительству заключить договор о нейтралитете, аналогичный недавно подписанному советско-турецкому договору¹⁴⁶. Литва была самым изолированным восточноевропейским государством. Польская оккупация Вильно отделила ее от Польши, а ее собственная оккупация Мемеля — от Германии. Плохие отношения с Польшей усложнили ее связи с остальными Прибалтийскими государствами. Литву не пригласили участвовать в Гельсингфорсской конференции в январе 1925 г. У нее не было общей границы с Советским Союзом, и поэтому никакие инциденты не омрачали отношений Литвы с ним. Тем не менее два обстоятельства предопределили колебания литовского правительства при определении отношения к авансам Чичерина. Оно хотело получить от Советского правительства более позитивное обещание помочь в споре с Польшей о Вильно¹⁴⁷. Далее, оно опасалось, что соглашение может оказаться несовместимым с пребыванием Литвы в Лиге Наций¹⁴⁸. В начале марта 1926 г. было объявлено о предполагаемом начале советско-литовских переговоров¹⁴⁹. Они велись некоторое время в неторопливом темпе. В марте 1926 г. Советское правительство, все еще оказывая давление на Литву по поводу предложенного договора, сделало аналогичные предложения Латвии и Эстонии, а также — согласно некоторым сведениям — и Финляндии¹⁵⁰. Осознание растущей силы Советского Союза нашло отражение в статье, осуждавшей Латвию за западную ориентацию и подчеркивавшей ее зависимость от импорта советской ржи и от советского транзитного грузового сообщения через ее территорию¹⁵¹.

Тем временем польское правительство, не без оснований полагавшее, что Локарнские договоры не способствуют ни престижу Польши, ни ее безопасности¹⁵², задумало амбициозный план создания «восточного Локарно», которое должно было бы связать Польшу пактом о взаимных гарантиях с Прибалтийскими государствами, естественно без Литвы, и с Советским Союзом. В начале 1926 г. был предпринят зондаж в Риге, Таллине и Гельсингфорсе. Согласно одному — правда, вызывающему сомнения — сообщению, аналогичное предложение было сделано даже Швеции¹⁵³. В конце февраля эмиссар польского министерства иностранных дел посетил в целях обсуждения этого проекта Москву¹⁵⁴. Здесь польский план был решительно отклонен. Передовая статья «Из-

вестий» подвергла критике притязания Польши говорить от имени Прибалтийских государств и дала явно понять, что Советское правительство не признает никаких «специальных интересов Польши в Прибалтике»¹⁵⁵. Не принесли сколько-нибудь заметного успеха и авансы Советского Союза, обращенные к Латвии и Эстонии. Литва находилась на особом положении из-за нерешенного спора с Польшей по поводу Вильно, а также отсутствия общей границы с Советским Союзом. Ее переговоры с Советским Союзом продолжались и наконец завершились подписанием договора 28 сентября 1926 г.¹⁵⁶

СССР И ЛИГА НАЦИЙ

До 1923 г. единственным связующим звеном между Москвой и Лигой Наций было малозаметное участие Советского Союза в работе ее комитета по здравоохранению¹. Когда в июне 1923 г. Лига Наций передала вопрос о Восточной Карелии в Постоянную палату международного правосудия с просьбой высказать консультативное мнение, этот шаг вызвал решительный отказ Москвы признать ее юрисдикцию: «Русское правительство категорически отказывается принять какое-либо участие в изучении указанного вопроса Лигой Наций или Постоянной палатой. Не говоря уже о соображениях юридического порядка., Советское правительство считает, что оно не может рассматривать так называемые Лигу наций и Постоянную палату в качестве беспристрастных сторон»². В ноябре 1923 г. Советский Союз решительно отклонил приглашение Лиги Наций участвовать в работе международной транспортной конференции³.

Однако проблема разоружения по-прежнему занимала особое место в советской политике. Будучи слабой страной, Советская Россия, подобно Германии, была заинтересована в разоружении более сильных держав. Еще важнее было то, что кампания за разоружение составляла часть антивоенной борьбы, которую развернули большевики после прихода к власти. Идея разоружения привлекала к себе радикальное и левое крыло общественности Запада. Чичерин добился значительного успеха, когда в апреле 1922 г. на Генуэзской конференции поставил вопрос о разоружении в рамках советского призыва к миру. Да и на состоявшейся в конце 1922 г. в Москве восточноевропейской конференции по разоружению рельефно выявилась добрая воля Советской России в этом вопросе⁴.

Вот почему к моменту, когда Лига Наций предложила провести сессию военно-морского подкомитета Постоянной консультативной комиссии по разоружению и пригласила участвовать в ней все державы, располагающие крупными военными судами, почва для советского согласия уже была подготовлена. В ноте от 15 марта 1923 г., пространно изложив причины, предопределяющие несмягчающуюся враждебность Советского Союза к «так называемой Лиге Наций», «этой псевдомеждународной организа-

ции», Чичерин вместе с тем принял указанное приглашение⁵. Цель сессии состояла в том, чтобы распространить на все располагающие крупными военными судами державы принцип ограничения их численности определенным соотношением, установленным на Вашингтонской конференции пятью главными военноморскими державами. Когда предложенная Лигой Наций сессия наконец собралась в феврале 1924 г. в Риме, очень скоро выяснилось, что определяемая собственными интересами позиция держав, не участвовавших в Вашингтонской конференции, вынудила их отклонить правила, утвержденные без их участия. Советский делегат, бывший адмирал Беренс, легко завоевал симпатии участников сессии и выступил лидером недовольных. Советское правительство заявило, что, включая суда, интернированные в Бизерте, которые составляли львиную долю советского флота, общий тоннаж входивших в него крупных военных судов оценивается в 340 тыс. тонн⁶. В ходе прений Беренс, формально зарезервировав позицию Советского правительства в отношении Лиги Наций, определил законные советские потребности в крупных боевых кораблях в 490 тыс. тонн. (В этом случае Советский Союз как военноморская держава занял бы место между Великобританией и Соединенными Штатами, с одной стороны, и Японией — с другой.) Позже в качестве компромисса он снизил эту цифру до 280 тыс. тонн, но при условии, что Балтийское и Черное моря будут навсегда закрыты для военных кораблей тех государств, которые не выходят на их побережье⁷. Сессия закончилась полным провалом. И хотя главной причиной этого была не советская позиция, встреча отнюдь не способствовала улучшению отношений между Москвой и Женевой. С другой стороны, подписав 24 июля 1923 г. конвенцию о проливах⁸, Советское правительство приняло на себя обязательство снабжать информацией о своих военноморских силах в Черном море комиссию, действующую «под эгидой Лиги Наций». И хотя конвенция эта ратифицирована не была, тем не менее Советский Союз в течение некоторого времени предусмотренную информацию представлял⁹.

Между тем был найден новый подход. В конце 1923 г. Совет Лиги Наций решил разослать как членам организации, так и государствам, остающимся вне ее, так называемый проект договора о взаимопомощи, который был предварительно одобрен в том же году Ассамблеей Лиги Наций. 12 марта 1924 г. Чичерин представил пространный и аргументированный ответ. Подтвердив «отрицательную точку зрения» Советского правительства в отношении «Лиги Наций в ее настоящем виде и составе», Чичерин предложил «отделить вопрос об ограничении вооружений от вопроса о создании международной организации, долженствующей предупреждать войну». Такой подход был обращен тому, который предлагался в проекте договора. Проект этот, в соответствии с точкой зрения, настойчиво выдвигавшийся в то время французским правительством, ставил разоружение в зависимость от организации системы

безопасности, что Чичерин и сделал объектом детальной и уничтожающей критики. Сознывая свое тогдашнее положение слабого и отверженного в семье государств, Советский Союз неуклонно выступал против создания любой системы, которая предусматривала бы принятие решения о том, какая сторона в случае возникновения конфликта является «нападающей», и против применения санкций против агрессора. В заключение в советской ноте указывалось, что поставленная цель — разоружение и предотвращение войны — «не может быть достигнута даже частично, в самой малой степени без участия Советской Республики». Смысл этих слов состоял в том, что в подходящих условиях предложение о дальнейшем обсуждении указанных целей может быть и не отклонено¹⁰.

14 апреля 1924 г. во вступительной речи при открытии англо-советской конференции в Лондоне Раковский посвятил простран- ный пассаж проблеме мира и разоружения. Он, однако, заметил, что Лига Наций может стать приемлемой для Советского Союза только в том случае, если она «исключит из своего арсенала принуждение и репрессивные меры, которые могут служить лишь эгоистическим интересам определенных мощных государств»¹¹. Подозрительное отношение и враждебность к Лиге Наций еще более усилились в сентябре 1924 г., когда Великобритания, Франция и Бельгия внесли на рассмотрение Ассамблеи Лиги Наций вопрос об августовском восстании в Грузии¹². И хотя Ассамблея ограничилась принятием резолюции о передаче вопроса на рассмотрение Совета Лиги Наций — что вряд ли могло иметь место¹³, — само обсуждение его оказалось достаточным, чтобы вызвать возмущенный протест Чичерина против наступления мирового империализма и вмешательства в советские дела¹⁴. В письме генеральному секретарю Лиги Наций от 30 октября 1924 г. Чичерин отклонил приглашение Советскому Союзу участвовать в конференции о торговле наркотиками на том основании, что под прикрытием установления контроля за такой торговлей «отдельные государства стремятся к удовлетворению своих коммерческих интересов и к достижению для себя деловых выгод»¹⁵.

В течение 1924 и 1925 гг., когда Лига Наций неоднократно занималась проблемой безопасности, никаких сдвигов в обсуждении вопросов разоружения не произошло. В апреле 1925 г. Советское правительство резко ответило на приглашение участвовать в созываемой Лигой Наций в мае конференции о международной торговле оружием. В советском ответе указывалось, что цель инициаторов конференции, как это следовало из сопровождавшего приглашение проекта конвенции, состоит в том, чтобы поставить всю торговлю оружием под контроль лицензионного агентства в Женеве и запретить экспорт оружия в отсталые или охваченные беспорядками районы мира. С точки зрения Советского правительства, это была лишь новая уловка, направленная на усиление «правления империалистических держав над более слабыми на-

родами». Наконец, по мнению Москвы, проект конвенции чреват «вмешательством Лиги Наций во внутренние дела Советской Республики»¹⁶. Однако в речи на III съезде Советов СССР Чичерин, остановившись на этом эпизоде, счел нужным добавить: «Мы не всегда абсолютно бойкотуем Лигу Наций», и уже вступили с ней в отношения «для технических целей и для гуманитарных целей» — таких, как «уменьшение бремени вооружений и разоружение»¹⁷. На протяжении всего этого времени продолжалось сотрудничество с комитетом здравоохранения Лиги Наций. В октябре 1925 г. было решено присоединиться к созданному в 1907 г. Международному бюро общественной гигиены и к Международной санитарной конвенции, заключенной 17 января 1912 г. Об этом были уведомлены итальянское и французское правительства¹⁸. В порядке исключения советский делегат участвовал в работе конференции по вопросам внутреннего судоходства, проведенной под эгидой Лиги Наций в 1925 г., а также подписал конвенцию об определении тоннажа судов, используемых в таких целях¹⁹. Правда, он обусловил свое участие заявлением, что «полное применение» конвенции не может быть гарантировано до тех пор, пока Советское правительство не будет, полноправно и официально, допущено во все комиссии, регулирующие судоходство по международным водным путям²⁰. (Имелся в виду отказ включить Советский Союз в возобновившую работу Дунайскую комиссию.)

Новую ситуацию создали переговоры в Локарно, осью которых был прием в Лигу Наций Германии. До тех пор членство в Лиге оставалось монопольным правом победителей, подписавших Версальский договор. Теперь, когда эту монополию предстояло нарушить, относящиеся с энтузиазмом к Лиге Наций деятели вознамерились совершить еще один шаг к ее универсальности — втянуть в свой круг Советский Союз, остававшийся единственной, кроме Германии, крупной европейской страной, все еще стоявшей вне Лиги. С советской точки зрения, такое положение создавало нарастающие практические неудобства, и это становилось все очевиднее. Когда в Великобритании пришло к власти первое лейбористское правительство, которое признало Советский Союз, Макдональд заявил о желательности принять в Лигу как Германию, так и Советский Союз²¹. Было ясно, что и Германия хотела бы, чтобы вслед за ней в Лигу Наций вступил ее партнер по Рапалло. Беседуя в Берлине 12 октября 1925 г. со Штейном²², Чичерин не дал однозначно отрицательного ответа на вопрос, вступит ли теперь Советский Союз в Лигу Наций. Он лишь поинтересовался, обяжутся ли в таком случае Великобритания и Франция прекратить нападки на монополию внешней торговли и раздачу земли. Этот вопрос был поставлен, по-видимому, не просто ради дискуссии. Свидетельство тому — просьба Чичерина, чтобы Штейн вошел в контакт со швейцарским посланником, чтобы устроить частную встречу для обсуждения возможности покончить с разрывом совет-

ско-швейцарских отношений после убийства Воровского в 1923 г. Такое урегулирование было необходимым предварительным условием прибытия в Женеву советских эмиссаров²³. Посланник обратился за инструкциями в Берн, но либо они ему не были направлены, либо он их получил слишком поздно. Так или иначе, встреча не состоялась.

На официальном уровне никаких перемен не произошло. Слухи о скором сближении с Лигой настойчиво опровергались в Москве. Правда, сообщалось, что Литвинов и выступавший в качестве представителя Наркоминдела Ротштейн намекали, будто в случае назначения немецким представителем в Женеве дипломата, который не был бы несимпатичен Советскому Союзу, дела бы обстояли не так плохо, и приглашение направить туда советского наблюдателя могло бы встретить положительный отклик²⁴. В интервью, данном в Берлине через несколько дней после беседы со Штейном, Чичерин повторил аргументацию относительно советской позиции. Хотя Чичерин и заявил о категорическом отказе СССР вступить в Лигу Наций, но он впервые допустил возможность послать советского наблюдателя в Женеву: «Советское правительство заявляло по разным поводам, что оно считает невозможным найти такого арбитра, который обладал бы при разрешении разногласий между Советским правительством и правительствами другого «типа» достаточной объективностью. Вследствие этого Советское правительство считает невозможным подчиниться коллективу держав, каковым является Лига, который отчасти придерживается принципа третейского суда, а отчасти применяет принцип решения большинства с вытекающими отсюда репрессивными и карательными мерами. Советское правительство не может подчинить свои действия и решения, вытекающие из основ советского строя, постановлениям большинства таких государств, которые построены на совершенно других основаниях. Все это показывает, что, с одной стороны, посылка наблюдателя вполне приемлема, а вступление в Лигу Наций, с другой стороны, является для СССР абсолютно неприемлемым. Я не вижу способа перекинуть здесь мост, чтобы избежать возможных недоразумений. Я хотел бы лишний раз подчеркнуть, что изменение политики СССР в отношении Лиги Наций совершенно исключено»²⁵.

В течение всей зимы строились различные догадки по поводу будущего курса советской политики. В ноябре 1925 г., когда вновь стали циркулировать слухи об изменении советской позиции, что приписывалось «создавшимся после Локарно оптимистическим настроениям в политических кругах Европы и Америки», в Москве Литвинов сделал представителям прессы категорическое заявление. В нем Лига Наций характеризовалась как «прикрытие подготовки военных действий для дальнейшего угнетения малых и слабых народностей» и «дипломатическая биржа, на которой сильные державы устраивают свои дела и производят взаимный расчет за спиной и за счет малых и слабых народов». В качестве

вывода в заявлении указывалось, что «все слухи о какой-то перемене, происшедшей в позиции Советского правительства в отношении к Лиге Наций и, попутно, к Локарно, ни на чем не основаны и что СССР, подобно Соединенным Штатам Америки, твердо намерен и впредь, как до сих пор, стоять в стороне от подобных организаций»²⁶. Еще решительней опровергалась какая бы то ни была склонность «вступить в Лигу» на партийном уровне. Выступавший на Московской губернской партийной конференции в декабре 1925 г. Рыков назвал Лигу Наций «орудием не мира, а войны, не освобождения, а угнетения». «При теперешней международной ситуации и соотношении сил, — продолжал он, — мы можем быть заранее уверены, что если какая-либо из буржуазных стран, членов Лиги Наций, пойдет войной против Советского Союза, то Лига Наций найдет необходимую формулу, чтобы признать нас, а не своего члена, нападающей стороной»²⁷. В это же время сообщалось, будто пресс-атташе советской миссии в Вене заявил, что если Советский Союз вступит в Лигу Наций, он последует примеру Британского содружества и потребует предоставить своим республикам места в Лиге²⁸. Это свидетельствовало о том, что проблема участия в работе Лиги Наций по-прежнему дебатировалась в советских дипломатических кругах. Однако в интервью, данном в Париже, Чичерин твердо повторил, что «наше отрицательное отношение к Лиге Наций не изменилось»²⁹. На обратном пути в Москву он заявил в Берлине Шуберту, что для Советского Союза вопрос о его участии в Лиге Наций не стоит³⁰.

В начале января 1926 г. Раковский, находившийся в отпуске в Москве, выступил с докладом «Лига Наций и СССР». Советское правительство, сказал он, хочет сотрудничать с Лигой Наций по отдельным конкретным вопросам, но в принципе воздерживается от участия в деятельности организации, имеющей военные планы. Система Лиги Наций, заявил Раковский, противоречит «пацифистскому договору», заключенному Советским Союзом с Турцией, «Главенствующая роль и руководство в Лиге Наций достались Англии». Этого одного уже достаточно, чтобы продемонстрировать ее антисоветский характер³¹. Несколькими днями позже Центральный Комитет русской партии опроверг в письме зарубежным компартиям слух о намерении Советского Союза вступить в Лигу Наций, назвав его «контрреволюционной клеветой»³².

Несмотря, однако, на столь бескомпромиссные заявления, явно стали преобладать силы, подталкивающие Советский Союз в сторону Женевы. Было легко осуждать и игнорировать организацию, в которой отсутствовала и Германия. Бойкот Лиги Наций представлял собой в таких условиях прочное связующее звено между партнерами по Рапалло. Но отказ от участия в организации, включающей Германию, а также все другие крупные европейские государства, мог вызвать лишь усиление чувства изоляции, порожденное Локарно. В советских расчетах все больший вес стала, в частности, приобретать проблема разоружения. В год

Локарно угроза враждебной военной акции против Советского Союза уже перестала быть просто-напросто пугалом. Сохраняя проблему разоружения в центре внимания, можно было ослабить такие страхи. Для этого надо было либо убедить западные державы приступить к разоружению, и если они откажутся сделать это, то внушить к ним недоверие. Решение такой задачи — это опять-таки соответствовало интересам Советского Союза и Германии — способствовало бы сохранению советско-германского партнерства.

Страх перед войной и требования разоружения как наилучшего средства предотвратить ее пустили глубокие корни в радикальном и левом крыле общественного мнения западных стран. Там такие настроения часто сочетались с оптимистической верой в эффективность Лиги Наций. Игра на этих чувствах плюс настойчивая пропаганда в пользу мира и разоружения были мощными средствами привлечения к Советскому Союзу симпатий левых сил, что в свою очередь способствовало политике единого фронта. Призыв к солидарности рабочих во имя мира и разоружения стал излюбленной темой советских публицистов и ораторов. Передовая статья «Известий» от 11 декабря 1925 г. откровенно присоединилась к замечанию Кулиджа в его послании американскому конгрессу о бесполезности Локарно без решения вопроса о разоружении. В статье указывалось на желание Советского правительства «в любой момент пойти на конференцию о разоружении, где действительно захотят поставить вопрос серьезно и по-деловому». «Предчувствие, что надвигается опасность войны», сказал Зиновьев на XIV съезде партии в декабре 1925 г., стало ощущаться даже трудящимися, «пока еще находящимися под влиянием реформизма». Это неизбежно приведет их, предсказал Зиновьев, к сотрудничеству с рабочими Советского Союза в борьбе за мир³³.

Таким образом, когда 12 декабря 1925 г. Совет Лиги Наций решил создать подготовительную комиссию для разработки планов созыва конференции по всеобщему разоружению, почва в Москве была уже подготовлена для восприятия этой идеи. Совет Лиги пригласил участвовать в комиссии, наряду с государствами — членами Лиги, и некоторые страны, не входящие в нее, но «географическое положение которых создает особую ситуацию для разоружения». В их числе оказались Германия, Соединенные Штаты и Советский Союз³⁴. Когда Чичерин 21 декабря 1925 г., проезжая через Берлин, дал интервью, указанное приглашение было в Москве только что получено. Никакого решения еще принято не было, и Чичерин вынужден был уклониться от ответа. Он опасается, сказал советский нарком иностранных дел, что предлагаемая конференция может оказаться «погребальной комиссией для разоружения»³⁵. Но по прибытии Чичерина в Москву было быстро решено принять приглашение.

Здесь, однако, возникло новое осложнение. Швейцарское правительство оставалось глухим к предложениям урегулировать

затянувшуюся ссору с Советским правительством. И предложение участвовать в подготовительной комиссии по разоружению вызвало в советской печати новую волну антишвейцарской кампании³⁶. В советском ответе, последовавшем 16 января 1926 г., хотя и подтверждалось принципиальное желание участвовать в комиссии, было выражено вместе с тем «величайшее изумление», что ее собирают в стране, пребывание в которой для советских представителей невозможно³⁷. Радек воспользовался случаем и в своей статье разъяснил, что западные державы не хотят допустить Советский Союз на конференцию, поскольку он — единственное государство, искренне стремящееся к миру³⁸. В течение января 1926 г. предпринимались тщетные попытки — одновременные, но независимые — посредничества французского и германского правительств, выступавших явно по советской инициативе. 6 января 1926 г. советский поверенный в делах в Берлине спросил Шуберта, рекомендует ли германское правительство принять женевские предложения. Получив утвердительный ответ, он разъяснил, какие затруднения создает для Советского Союза неуступчивость Швейцарии. Это был явный зондаж в пользу немецкого посредничества, о котором на следующий день попросили в письменной форме³⁹. Однако, когда через несколько дней были направлены соответствующие инструкции, в Берлине получили телеграмму немецкого посланника в Берне, в которой он информировал о посредничестве французского правительства в этом деле между швейцарским и советским правительствами⁴⁰. Такое совпадение вызвало раздражение министерства иностранных дел Германии, и оно, не удовлетворившись советскими разъяснениями, вышло из игры⁴¹. Французские усилия тоже не принесли результатов. Швейцарское правительство не пожелало пойти дальше тех умеренных сожалений, которые оно выразило после убийства Воровского. Не хотело оно и предпринять какие-либо шаги, которые могли бы быть восприняты как признание Советского правительства. Официальные заявления, сделанные швейцарским и советским правительствами соответственно 9 и 14 февраля 1926 г., дела с места никак не сдвинули и фактически означали прекращение переговоров⁴².

В речи, произнесенной 23 февраля 1926 г. по случаю годовщины Красной Армии, Ворошилов разъяснил, что империалистические державы стремятся к предварительным переговорам о конференции по разоружению по двум причинам — во-первых, они хотят «усыпить бдительность трудящихся масс, которые искренно стоят за разоружение», и, во-вторых, им «хочется своих соседей возможно полнее разоружить, а себя, под шумок, еще более укрепить»⁴³. В конце февраля 1926 г. Чичерин в интервью вновь определил советскую точку зрения: «Наша позиция в отношении Лиги Наций остается точно такой, какой она была, но мы всегда заявляли, коль скоро затрагивалась проблема разоружения, что ради него мы готовы участвовать во встречах, даже организуемых Лигой Наций»⁴⁴. Принятая несколькими днями позже резолюция

VI расширенного пленума ИККИ указывала на «пацифистские иллюзии, связанные с деятельностью Лиги Наций, в частности с Локарно», иллюзии, представляющие собой не больше, чем «методы подготовки новых войн»⁴⁵.

В марте 1926 г. в Женеве произошла сенсация: потерпело провал первое немецкое заявление о приеме в Лигу Наций. В свете этого события померкла проблема советского участия в комиссии по разоружению. Тем временем Лига Наций отказалась менять место проведения встречи⁴⁶. В еще одном пространным интервью Чичерин разъяснил, что «посылка нами каких-либо представителей на территорию Швейцарии составляет для нас прямую невозможность». Если Лига Наций, добавил он, будет настаивать на созыве комиссии в Женеве, это станет доказательством ее нежелания обеспечить участие советских делегатов⁴⁷. В следующей ноте, направленной Лиге Наций 7 апреля 1926 г., позиция последней расценивалась как свидетельство отсутствия у западных держав желания серьезно добиваться разоружения⁴⁸.

Такая неуступчивость в вопросе о разоружении, а также недоверие, навлеченное Лигой Наций на себя мартовским фиаско, вызвали в Москве необычайно острые заявления, направленные против Лиги Наций. В одном из интервью Чичерин прямо говорил о ней как об орудии британского империализма. В заявлении ИККИ указывалось: «Из губительной игры империалистов, из кровавой игры жизнью народов есть лишь один выход: разрыв с Лигой Наций, борьба против Лиги Наций, уничтожение Лиги Наций»⁴⁹.

Когда позже, в апреле 1926 г., подготовительная комиссия конференции по разоружению провела в Женеве первую встречу (в ней советская делегация не участвовала), а затем в конце недели, не добившись какого-либо результата, объявила перерыв, казалось, что у Советского Союза появились определенные основания для язвительных замечаний. Тем временем Чичерин ответил на новое приглашение, поступившее от Лиги Наций, назначением Кржижановского советским членом комитета по подготовке международной экономической конференции. Правда, он тут же указал, что его фактическое участие в конференции станет возможно лишь в том случае, если она будет проведена «в любой стране, кроме Швейцарии»⁵⁰. Кроме того, Советский Союз отказался ответить на разосланный Лигой Наций вопросник о международной торговле оружием, сославшись на те же самые основания, которые вынудили его отказаться от участия в работе конференции по этому вопросу⁵¹.

ГЛАВА 34

СССР И США

За три года, минувших после попыток сближения, которые предпринял Чичерин, обратившись к вновь избранному президенту Кулиджу, а также после пренебрежительной реакции на них Хьюза в декабре 1924 г.¹, в официальных советско-американских отношениях не произошло ничего заслуживающего внимания. В первой половине 1924 г. сенатор Бора, действуя чуть ли не в одиночку, убедил сенатскую комиссию по иностранным делам провести слушания по вопросу о признании России. Но эти слушания лишь подчеркнули силу противодействия такому шагу². В ноябре 1924 г., после смерти сенатора Лоджа, Бора по праву старшинства стал председателем сенатской комиссии по иностранным делам. Воспользовавшись этим, он произнес речь в пользу признания Советского Союза. О ней сообщалось в советской печати³, но в целом она привлекла мало внимания. Отставка Хьюза в январе 1925 г. и замена его Келлогом породили в Москве некоторую надежду на то, что «Америка готовится признать СССР»⁴. В заявлении для печати Чичерин приветствовал отставку в более осторожных выражениях, воздержавшись при этом от прогнозов⁵. Одобрив только что подписанный советско-японский договор от 20 января 1925 г., Карахан охарактеризовал его как доброе предзнаменование для переговоров с Соединенными Штатами. «Нас и Америку, — заявил он, — не разделяет такое количество спорных вопросов, как это имело место на переговорах с Японией»⁶. Рыков отметил, что после подписания советско-японского договора Соединенные Штаты остались единственной крупной державой, отказывающейся признать Советский Союз. Теперь в изоляции, сказал он, находится не Советский Союз, а Соединенные Штаты⁷. Советская пресса некоторое время продолжала муссировать тему неизбежного изменения американской политики. Сообщение о создании Кулиджем «специальной комиссии» для изучения проблемы признания Советского Союза побудило «Известия» опубликовать передовую статью, заголовок которой был на английском языке «Last not Least» («Последний по счету, но не по значению») ⁸. Отставка Хьюза не привела, однако, к столь далеко идущим последствиям. Если даже на смену его агрессивной нетерпимости и пришло вежливое безразличие Келлога, то перемена эта

носила личностный, а не политический характер. В июле 1925 г. в преданной широкой огласке речи высокопоставленный чиновник государственного департамента Касл, прибегнув в фразеологии, мало отличавшейся от языка Хьюза, настаивал на том, что выполнение международных финансовых обязательств и невмешательство во внутренние дела — обязательное условие признания⁹. За все это время вопрос о признании Советского Союза ни разу не стал предметом обсуждения в Вашингтоне. Немногочисленных сторонников признания — таких, как Бора или Робинс, — заставили умолкнуть. Единственным советским доверенным лицом в Вашингтоне был Сквирский. Первоначально он прибыл в Вашингтон в 1921 г. по поручению Дальневосточной Республики, а после прекращения существования последней остался здесь в качестве неофициального представителя Москвы. Его функции в Соединенных Штатах фактически свелись к созданию «Информационного бюро» и изданию документального ежемесячного журнала «Рашен ревью»¹⁰.

Отсутствие официальных отношений не мешало советским кругам испытывать нарастающий — правда, и без того уже интенсивный — интерес к политическому курсу Вашингтона. 1924 год был отмечен такими событиями, как разработка в апреле союзной комиссией во главе с президентом США плана Дауэса; его одобрение Лондонской конференцией в августе; размещение предусмотренного этим планом займа, львиная доля подписки на который пришлось на Соединенные Штаты, в октябре. Значимость столь активного возвращения Соединенных Штатов на мировую арену не прошла мимо внимания советских руководителей. Повсеместно, в том числе в Советском Союзе, теоретически признавали, что война изменила баланс экономической мощи в пользу Соединенных Штатов и обеспечила их господство. На практике же такое преобладание маскировалось изоляционистскими тенденциями в американской политике, которая, как казалось, находила свое воплощение в уклонении от использования в европейских делах обретенной силы.

В основных политических тезисах, представленных в июне 1924 г. на рассмотрение V конгресса Коминтерна и одобренных им, был раздел, посвященный докладу Дауэса. Однако роль США в реализации плана Дауэса не рассматривалась. Больше внимания было уделено установлению параллели между одобрением этого проекта социал-демократами и предательством ими рабочих в 1914 г., когда они поддержали империалистическую войну¹¹. В своем экономическом докладе Варга не пошел дальше констатации «одного из самых серьезных экономических кризисов» и «резкого падения производства» в Соединенных Штатах¹². Однако в подготовленном Троцким во время конгресса манифесте по поводу десятой годовщины начала войны 1914 г., в котором прозвучала тема вины социал-демократов, основной упор все же делался на утверждение, что «американский капитал готовится с по-

мощью своих экспертов „контролировать” Европу, то есть править ею». Манифест осуждал «этот чудовищный план порабощения европейских трудящихся масс англо-саксонским капиталом с помощью французского милитаризма»¹³. Готовность Соединенных Штатов использовать в Европе преобладающую американскую экономическую мощь в политических целях была полностью раскрыта «неофициальным» визитом Хьюза в Западную Европу в июле 1924 г. Его цель, видимо, состояла в том, чтобы показать европейским правительствам и финансистам, сколь большой интерес испытывают Соединенные Штаты к тому, чтобы план Дауэса был принят. В речи, произнесенной Троцким 29 июля 1925 г., громко прозвучали новые тона. Он назвал Соединенные Штаты «центральной фигурой новейшей истории человечества» и заявил, что «хозяин капиталистического человечества» теперь обитает в Нью-Йорке и Вашингтоне. «Превосходство, которым Великобритания в пору своего расцвета обладала над Европой, — говорил Троцкий, — незначительно по сравнению с превосходством, завоеванным Соединенными Штатами Америки над всем миром, включая Великобританию». Генерала Дауэса, продолжал он, доставили из Америки, чтобы сесть за круглый стол. «Как говорят некоторые люди, он даже положил ноги на стол». Американский империализм, хотя он все еще облачается в тогу пацифизма, желая отмежеваться от «империалистических мошенников Старого Света», на самом деле не менее «беспощадный дикарь, хищный и жестокий»¹⁴. Несколько мягче охарактеризовал план Дауэса Каменев, назвав его «по-американски задуманным» проектом¹⁵. Сталин писал, что в результате Лондонской конференции «вместо гегемонии Франции получилась гегемония Америки»¹⁶. Теперь при решении европейских проблем первостепенной важности захватили инициативу и задают тон Соединенные Штаты, а не Великобритания или Франция. В статье «Колонизация Европы американским капиталом», опубликованной в партийном журнале, план Дауэса назывался «хитроумнейшим планом создания капиталистического Интернационала»¹⁷.

Ухудшение отношений СССР с Западной Европой зимой 1924/25 г. вследствие западных попыток положить конец восточной ориентации Германии — их кульминацией стало Локарно — усилило недоверие Москвы к Соединенным Штатам. Теперь они выглядели помощником и сообщником, если не подстрекателем, проводимой Западом враждебной Советскому Союзу политики. Комиссия по колониальным вопросам V расширенного пленума ИККИ, проведенного в марте-апреле 1925 г. (ее председателем был американский партийный лидер Фостер), подготовила первую специфически антиамериканскую резолюцию в истории Коминтерна. В ней в числе «американских колоний» назывались «Куба, Гавайи, Филиппины и т. д.», а также заявлялось, что Соединенные Штаты «проводят активную империалистическую политику, главным образом в Китае и Персии» и «стремятся подчинить себе

всю Северную, Центральную и Южную Америку». Резолюция призвала Американскую рабочую партию оказывать сопротивление американскому империализму во всех этих странах и присоединиться к мексиканской партии в борьбе за создание «антиимпериалистической лиги»¹⁸.

В начале мая 1925 г. прибывший в Лондон новый американский посол Хогтон в получившей широкую огласку речи призвал возможно скорее заключить гарантийный договор между Великобританией, Францией и Германией¹⁹. Несколькими днями позже президент Кулидж в послании конгрессу дал понять, что указанный договор пользуется американской поддержкой²⁰. Выступая на состоявшемся в том же месяце III съезде Советов, Чичерин, комментируя речь Хогтона, заметил: «Так как золото после мировой войны, главным образом, сосредоточено в подвалах американских банков, так как Америка есть главный кредитор и главный возможный кредитор в будущем для всего мира, то совершенно ясно, что эта угроза финансового нажима может сыграть решающую роль в международных отношениях»²¹. 25 мая 1925 г. Троцкий в речи, произнесенной в клубе Госплана, распространялся по поводу роста сил американского империализма и сравнил тогдашнее положение Соединенных Штатов с положением Германии перед войной²². В речи 25 октября 1925 г., уже после заключения Локарнских договоров, он в еще более резких выражениях говорил об экспансии американской мощи: «Империалистическая война разрушила Европу ради выгоды Америки... Мы вступаем в эпоху агрессивного развертывания американского империализма... Соединенные Штаты — единственная страна, обладающая активными *международными* задачами; они планируют захватить всю Землю — и только Землю, поскольку другие планеты в настоящий момент вне их досягаемости»²³. На XIV съезде русской партии в декабре 1925 г. Сталин утверждал, что «Европа купила свою временную стабилизацию ценою финансового подчинения Америке» и что в результате «европейские страны, продолжая эксплуатировать свои колонии... эксплуатируются и будут эксплуатироваться Америкой»²⁴. Великобритания, заявил Троцкий в январе 1926 г., «не просто второстепенная держава, но держава, отстоящая на колоссальное расстояние от нынешней первой державы»²⁵. Наконец, в длинной речи, произнесенной 15 февраля 1926 г., Троцкий вновь подтвердил свой анализ последствий американского превосходства в капиталистическом мире и «экономической безнадежности» Европы, которой противостоит, как сказал он, экспансионистский, все более агрессивный американский империализм²⁶.

В тезисах, опубликованных ИККИ в январе 1926 г. в связи с годовщиной со дня смерти Ленина, напоминалось, что Соединенные Штаты, обретя после войны «неоспоримую финансовую и экономическую гегемонию», вынуждены теперь, в силу ограниченности своего внутреннего рынка, «отказаться от изоляционист-

ской позиции в отношении Европы»²⁷. В феврале-марте 1926 г. VI расширенный пленум ИККИ вынес бескомпромиссный приговор: «На всех важнейших международных „соглашениях” последних лет — Вашингтон, план Дауэса, отчасти и Локарно — лежит неизгладимая печать гегемонии американского империализма ...Высасывая сок из Европы, американский капитал объективно способствует революционизации Европы». Известная сдержанность в отношении Локарно разъяснялась в последнем абзаце этой резолюции. Локарнские договоры, указывалось в ней, означают, что американский капитализм упорочивает свои интересы «против всей капиталистической Европы». Но в то же время они представляют собой «первую слабую попытку» должников объединиться против Америки²⁸. В апреле 1926 г. один советский автор заявил, что «Америка и СССР противостоят друг другу, как два насмерть враждебных мира». Он нарисовал выразительную картину Советского Союза, стоящего между «дауэсизируемой Западной Европой» и «терроризируемым Китаем», представляя собой главное препятствие для мирового господства американского капитала²⁹.

Однако хотя нарастающая сила и напористость американского капитала не вызывала сомнений, в отношении непосредственных последствий этой новой ситуации мнения разделились. Знаменует ли она жестокую борьбу в будущем за господство над капиталистическим миром между Великобританией и ее заокеанским соперником и преемником, стремящимся вытеснить ее? Или же она приведет к англо-американскому партнерству в форме «сверхимпериализма», возникновение которого иногда предсказывалось в партийной литературе? В книгу, вышедшую в начале 1925 г. под эгидой Наркоминдела³⁰, была включена статья, автор которой привлекал внимание читателя к противоречивой позиции европейских стран в отношении американской экономической мощи. Некоторые из них считали ее спасением. Другие боялись американских конкуренции и господства. Великобритания, по-видимому, принадлежала к последним. В то время Троцкий с присущей ему категоричностью верил в назревающую борьбу между Соединенными Штатами и Великобританией. Для четкого и логичного образа мышления Троцкого казалось невозможным, чтобы Великобритания с ее давним и прочно закрепившимся превосходством уступила Соединенным Штатам пальму первенства без борьбы. Еще в 1921 г. он какое-то время предсказывал столкновение между двумя англоговорящими державами, но затем признался в поспешности своих выводов³¹. В 1924 г., хотя его предсказания и не обрели столь зримой формы, порожденный планом Дауэса призыв американского империализма, тянущегося своими лапами к Европе, делал, казалось, неизбежной схватку между Соединенными Штатами и Великобританией. В записке, переданной в то время Красину во время одного заседания, Троцкий высказал мнение, что англо-американские отношения должны ухудшиться *«ввиду*

возвращения *Соединенных Штатов* на мировой рынок»³². Подготовленный им манифест по случаю десятой годовщины начала войны 1914 г. (это было через несколько недель после V конгресса Коминтерна) содержал совершенно твердое мнение относительно того, что случится, если Соединенные Штаты будут все больше покусаться на британское превосходство на мировых рынках: «Мощнейший всемирный антагонизм медленно, но верно развивается по линии, вдоль которой интересы Британской Империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки... Период англо-американского согласия готов уступить непрестанно нарастающей борьбе, что, в свою очередь, означает опасность до сих пор еще невиданной по своим масштабам войны»³³. В речи, произнесенной 28 июля 1924 г., Троцкий повторил свое предсказание приближающегося столкновения США с Великобританией: «Люди часто говорят, что Америка идет вместе с Британией, что сформирован англо-саксонский блок. Люди часто говорят об англо-саксонском капитале, англо-саксонской политике. Основной антагонизм в мире, говорят они, это вражда между Америкой и Японией. Но те, кто говорит это, не понимают ситуации. Основной антагонизм в мире следует искать в конфликте интересов между Соединенными Штатами и Великобританией». Он хладнокровно оценивал дилемму, перед которой оказалась Великобритания, но не сделал прямого предсказания насчет ее исхода. «Англия должна будет десять раз задуматься, прежде чем принять решение о войне. Но если она не решит начать войну, то она окажется вынужденной шаг за шагом отступать перед натиском американского капитала»³⁴. Хотя убежденность в постоянном характере англо-американского антагонизма с наибольшей определенностью высказывалась именно Троцким, она была присуща не одному ему. Осенью 1924 г. Сталин заметил, что «конференция в Лондоне не разрешила ни одного из старых противоречий в Европе, но зато она дополнила их новыми противоречиями. противоречиями между Америкой и Англией». Он полагал, что Англия вряд ли «помирится с таким положением» и согласится с новой ситуацией, созданной установлением американского контроля над французской и немецкой тяжелой промышленностью³⁵.

Противоположной точки зрения на англо-американские отношения придерживалось значительно меньше советских руководителей. От марксистов можно было бы ожидать утверждения, что, теряя превосходство и стремясь восстановить его, британский правящий класс, вопреки своим национальным чувствам, станет искать безопасность в союзе с более могущественным американским партнером. Но как это ни странно, такой тезис не выдвигался. Наиболее скептически к предсказаниям Троцкого относились люди, сведущие в дипломатической практике, — Красин, Чичерин, Радек. В сентябре 1924 г. Чичерин в интервью оценил план Дауэса как событие, предвещающее конец американской изоляции, а также как возникновение «чрезвычайно активного англо-

американского блока как главнейшей силы политики буржуазных государств»³⁶. В мае 1925 г. Чичерин на III съезде Советов высказал мнение, что «главная роль продолжает принадлежать Англии», хотя она «связана тесным блоком с Америкой»³⁷. В феврале 1925 г. Радек в коминтерновском журнале, признав факт англо-американского соперничества, тут же подчеркнул: «Но кто из этого делает вывод о несуществовании англо-американского сотрудничества, тот по-детски упрощает мировую политику». «Под знаком этого сотрудничества, — добавил он, — стоял 1924 год»³⁸. В том же месяце, выступая в Коммунистической академии, Радек увязал впечатляющий подъем американской экономики и рост американских капиталовложений в Европе с так называемой «стабилизацией» капитализма. Радек подверг резкой критике взгляды тех, кто отрицал реальность англо-американского сотрудничества. Он не исключал, что через несколько лет Великобритания и Соединенные Штаты «вцепятся друг другу в глотки». Но пока, сказал Радек, они объединены общим интересом стабилизации капитализма и сдерживания проникновения Японии на Дальний Восток³⁹. Через полгода триумф Локарно и беспорядки в Китае ослабили напряженность в Европе и усилили ее в Азии. В это время Радек характеризовал Великобританию как страну, безнадежно зажатую в тиски между поднимающимся американским империализмом и мятежным Востоком. Она не могла позволить себе сопротивляться Соединенным Штатам и боролась за сохранение своих позиций в Азии⁴⁰.

Согласно другой точке зрения, которая складывалась в умах советских руководителей, Великобритания представляла как государство-проситель, пытающееся втянуть Соединенные Штаты в антисоветский блок⁴¹. Однако подобные взгляды вряд ли преобладали. В работе «Куда идет Англия?», написанной в апреле 1925 г., Троцкий в несколько более осторожных тонах повторил свой прежний анализ «„Сотрудничество“ Америки с Великобританией есть та мирная пока форма, в которой происходит дальнейшее, все более глубокое отступление Англии перед Америкой... Тем не менее, основным мировым антагонизмом является англо-американский... Именно тот факт, что Англия на пути к реформе, т. е. вынужденных сделок с Америкой, будет очищать одну позицию за другой, заставит ее в конце концов сопротивляться»⁴².

С определенным удовольствием была встречена вспышка «каучуковой войны» между Великобританией и Соединенными Штатами в Юго-Восточной Азии — вспышка, вызванная пресловутым планом Стивенсона⁴³. В тезисах, опубликованных ИККИ в январе 1926 г. в связи со второй годовщиной со дня смерти Ленина, тогдашнее «соперничество между Англией и Америкой» на «мировой арене» рассматривалось как замена довоенного «соперничества между Англией и Германией». В подготовленных по этому поводу экономических тезисах считалось, что Соединенные Штаты пытаются «взорвать английскую всемирную империю из-

нутри» путем экономического проникновения в Канаду и Австралию⁴⁴. Два месяца спустя Зиновьев в докладе в Московской партийной организации об итогах VI расширенного Пленума ИККИ говорил об англо-американском антагонизме как о «главном антагонизме», пришедшем на смену довоенному антагонизму между Великобританией и Германией⁴⁵.

К этому времени в Москве стал проявлять себя более реалистичный взгляд на усиление американской мощи, а также на последствия этого как для англо-американских, так и для англо-советских отношений. Исчезли надежды на англо-американскую мировую войну, которая в конечном счете могла бы разжечь мировую революцию. Войны удалось избежать, говорил Троцкий в январе 1926 г., поскольку «Англия сдалась без боя, дипломатическим путем»⁴⁶. Вопрос же о том, будут ли Соединенные Штаты притормаживать британские империалистические замыслы против Советского Союза или, наоборот, поощрять их, нельзя было рассматривать исключительно, или прежде всего, под углом зрения англо-американского антагонизма или сотрудничества. В резолюции VI расширенного Пленума ИККИ была изложена известная схема двух миров, противостоящих друг другу в условиях временной и неустойчивой стабилизации капитализма. Но теперь этот тезис был сформулирован точнее: «С одной стороны — мир капитала, возглавляемый *Америкой*, с другой стороны — мир пролетарской революции, во главе которого стоит *Союз Советских Социалистических Республик*». Англо-американский антагонизм рассматривался лишь как одно из противоречий, существующих в капиталистическом мире⁴⁷. Отныне полярность позиций США и СССР стала привычной темой. Выступая 3 марта 1926 г. в Ленинградском Совете, когда VI расширенный Пленум ИККИ еще продолжал свою работу, Рыков заявил, что теперь только Вашингтон и Москва могут считаться полностью независимыми центрами международной политики⁴⁸. В статье, посвященной предстоявшей сессии Центрального совета Профинтерна, Лозовский высказал мнение, что суть вопроса состоит в том, «какая из двух великих держав имеет большее притяжение для рабочего класса: Америка или Советский Союз»⁴⁹. На VII съезде комсомола Бухарин охарактеризовал США и СССР как «два полюса одной международной оси», между которыми находится «капиталистическая Европа, которая идет книзу»⁵⁰.

Однако картину, на которой Соединенные Штаты выглядели как господствующая держава капиталистического мира и поэтому главный антагонист Советского Союза, осложняло сохранение стойкой традиции симпатии к Соединенным Штатам. Хотя они явно заменили Великобританию в качестве главного пугала и мишени для советских политических деятелей и пропагандистов, замена эта не очень-то соответствовала господствовавшим в Москве настроениям. В отличие от Великобритании, Соединенные

Штаты Америки — даже если их считали врагом — все еще были способны порой вызывать зависть и восхищение. Во-первых, Соединенные Штаты были воплощением промышленного прогресса и промышленной эффективности, образцом и примером для страны, поставившей своей целью индустриализацию. Все, что есть или было хорошего в капиталистической системе, в Соединенных Штатах было представлено лучше, чем где бы то ни было. Необходимость учиться у Америки была расхожей истиной для первого поколения большевиков. Именно это имел в виду Бухарин, говоря о «марксизме плюс американизме». То же самое имел в виду Зиновьев, призывая «объединить лучшие черты американизма с лучшими существующими чертами русского народа»⁵¹. Да и Троцкий, вовсю бичуя новый американский империализм, все-таки приходил к выводу, что «американизированный большевизм завоеует империалистический американизм»⁵². Во-вторых, американское мышление и американская политика еще не лишились полностью своей революционной традиции — традиции национального освобождения от империалистического ярма. Британские колониальные владения и положение колониальной державы делали Великобританию постоянным объектом критики в Соединенных Штатах, служили питательной средой для давних, глубоко укоренившихся антибританских настроений. Радек пришел к выводу, что если британские и американские интересы могли быть с помощью Локарно примирены в Европе, они решительно противостоят друг другу в Азии, где симпатии Соединенных Штатов находятся на стороне национальных движений, направленных против британского империализма. Он даже полагал, что в странах Востока это может «привести к параллелизму интересов или активности Советского Союза и Соединенных Штатов». Поскольку же США хотят мира, рассуждал он, такой параллелизм может стать препятствием на пути британских агрессивных замыслов против Советского Союза⁵³. Несмотря на план Дауэса и события в Европе, Соединенные Штаты все еще выглядели в глазах советских деятелей как оплот сопротивления империализму старых капиталистических держав в Азии. Именно американский нажим вынудил Японию уйти в конце концов с советской территории в Азии. Именно он оставался наилучшей защитой от нового японского вторжения в Китай. На Соединенные Штаты можно было все еще рассчитывать, если бы возникла необходимость «сделать все возможное, чтобы не допустить дальнейшего укрепления Японии»⁵⁴. Все эти соображения, возможно, оказывали такое же влияние на разработку повседневной политики Советского Союза в отношении Соединенных Штатов, что и признание новой роли Америки как ведущей державы капиталистического и империалистического мира.

Торговля между Советской Россией и Соединенными Штатами развернулась в сколько-нибудь значительном объеме лишь после

1923 г. Сразу же после революции государственный департамент наложил официальное эмбарго на торговлю с советской территорией, которое действовало вплоть до июля 1920 г.⁵⁵ Когда же эмбарго сняли, то в последующие два года столь же эффективно препятствовали торговле согласованный между банками отказ финансировать советскую торговлю, а также вето министерства финансов на прием советского золота в качестве платежного средства⁵⁶. В мае 1921 г. под нажимом Вашингтона ведущие американские банкиры согласились не предоставлять займы тем иностранным правительствам, которые не выполняют своих обязательств⁵⁷. Советские инициативы игнорировались. Меморандум, который летом 1918 г. привез из Москвы Робинс, застрял в недрах государственного департамента⁵⁸. Вашингтон даже не подтвердил, что им получено обращение Литвинова к союзникам, адресованное Вильсону 24 декабря 1918 г., с просьбой «убрать иностранные войска с русской территории и снять экономическую блокаду». Не было подтверждено также получение послания, направленного в марте 1921 г. Гардингу по случаю его вступления в должность президента, хотя в этом послании выражалась надежда, что «новое Американское правительство ясно понимает, какую громадную пользу принесет обеим республикам возобновление между ними деловых сношений»⁵⁹: Мартенсу за короткий срок его миссии в Нью-Йорке, когда он неутомимо пропагандировал идею американо-советской торговли, удалось, как он заявил перед депортацией из США, разместить в американских фирмах заказы на 50 млн. долларов, которые, однако, не смогли быть выполнены из-за эмбарго⁶⁰. В январе 1920 г. фирмы, заинтересованные в предложенных Мартенсом советских заказах, создали «Американскую коммерческую ассоциацию для поощрения торговли с Россией». Задача ее определялась как восстановление «дружественных и прямых торговых отношений с Россией», а для этого предполагалось «потребовать от должностных лиц нашей страны» оказать содействие такой политике⁶¹. Однако ассоциация не смогла заручиться поддержкой крупных и влиятельных концернов и вскоре распалась.

Тем не менее потенциально обширный и растущий русский рынок производил впечатление на некоторые американские официальные круги, понимавшие, какие возможности откроются перед американской торговлей и финансами, если они смогут создать там свой плацдарм, опередив своих соперников. Но подобные устремления оказались несовместимыми с преобладавшими в то время изоляционистскими тенденциями и желанием способствовать быстрейшему падению ненавистного коммунистического режима. Расплывчатый проект, разработанный Лансингом в декабре 1919 г., был, по-видимому, пущен под откос чиновниками государственного департамента⁶². Обширная деятельность в России «Американской администрации помощи» (АРА)⁶³ разожгла воображение Гувера, назначенного в марте 1921 г. министром торгов-

ли США. В ней он увидел естественную прелюдию к сулящему выгоды проникновению американской торговли на возрождающийся русский рынок. В письме Хьюзу от 6 декабря 1921 г. Гувер всячески расписывал будущие благоприятные возможности: «В настоящий момент американцы несравнимо популярней в России, а большевики уважают наше правительство даже больше всех остальных, хотя другие державы признали нынешнее русское правительство, а мы отказываемся пойти на это. Уже предоставленная помощь значительно превышает уровень и степень сердечности существующих отношений, а ее продолжение создаст ситуацию, которая — в сочетании с другими факторами — позволит американцам принять на себя руководство восстановлением России, когда для этого наступит подходящий момент... Надежды нашей торговли покоятся на создании за рубежом американских фирм, распределяющих американские товары под американским управлением, на организации прямого финансирования и, прежде всего, на поставках американской техники для русской промышленности»⁶⁴. В июле 1922 г., после провала Генуэзской и Гаагской конференций, Гувер предложил направить в Россию «энергичную техническую миссию с целью изучения экономической ситуации». Однако, хотя этот план и был первоначально одобрительно встречен Хьюзом, а также приветствовался советскими властями, он, по-видимому, натолкнулся на обструкцию со стороны государственного департамента⁶⁵.

Никакие эффективные шаги для развития американской торговли с Россией не были, да и не могли быть предприняты до тех пор, пока все другие интересы затмевал страх совершить что-либо такое, что было бы способно усилить или сохранить режим, который, как полагали, находился на грани развала. Олицетворением такой дилеммы был Гувер. Он отчетливее других сознавал потенциальные возможности русского рынка, но вместе с тем выступал непримиримейшим врагом Советского правительства. Данные об американском экспорте в Советскую Россию за 1920 г., опубликованные официальной американской статистикой, включали главным образом поставки «белым» армиям или на территории, находившиеся под их контролем. Сведения за 1921 и 1922 гг. относились к поставкам, произведенным в порядке помощи⁶⁶. К 1923 г. даже такая форма «торговли» прекратилась.

Лед был, наконец, взломан в ноябре 1923 г., когда в Нью-Йорк прибыл Ногин, руководитель советского текстильного треста, самой крупной, наверное, и уж во всяком случае самой эффективной промышленной организации в Советском Союзе. Проблема закупки хлопка-сырца, необходимого для возрождения русской текстильной промышленности, с самого начала приобрела острый характер. Еще до приезда Ногина советские заказы на хлопок были размещены в Ливерпуле, Бремене и Роттердаме. Кто первым предложил выйти непосредственно на американский рынок, неизвестно. Ногин прибыл в качестве представителя своего треста и,

по-видимому, не располагал мандатом Внешторга или Наркоминдела⁶⁷. Все факты подтверждают, что во время визита в США он вел себя тактично и вместе с тем напористо. В то время у Советского Союза в Соединенных Штатах контактов фактически не существовало. Ногин установил связи с Тэчером и Гамбергом, двумя бывшими членами «Американской миссии Красного Креста», действовавшей в 1917 г. Тэчер, который во многом разделял взгляды Робинса, был компаньоном в крупной нью-йоркской юридической фирме. Он дал Ногину юридическую консультацию и ввел его в американский деловой мир. Гамберг, занимавший в 1917—1918 гг. должность секретаря и переводчика Робинса и с тех пор ставший активным сторонником американской торговли с Советской Россией, взял на себя роль главного доверенного лица и управляющего делами миссии Ногина. Он сопровождал его в поездке по хлопкосеющим штатам.

В то время хлопковый рынок переживал спад, и возникновение впервые после революции возможностей прямой торговли хлопком с Россией открывало соблазнительные перспективы⁶⁸. Миссия Ногина смогла подписать контракт о закупках хлопка с фирмой «Эндерсон, Клейтон энд компани», являвшейся одним из крупнейших американских экспортеров хлопка, и соглашения с «Чейз нэшнл бэнк» об их финансировании⁶⁹. Кроме того, для ведения дела в Нью-Йорке была создана американская компания «Ол-Рашен текстайл синдикэйт, инкорпорейтед». Ее генеральным управляющим был Гамберг, а Тэчер стал одним из ее директоров⁷⁰. В период между 13 декабря 1923 г., когда была создана «Ол-Рашен синдикэйт», и 30 сентября 1924 г. синдикат организовал поставку в Советский Союз хлопка на сумму свыше 39 млн. долларов. Почти весь этот хлопок был закуплен в Соединенных Штатах у 13 американских хлопковых фирм. Оплата производилась из Москвы денежными переводами или кредитными письмами⁷¹. В 1923—1924 гг. импорт в СССР из США возрос до значительной цифры в 223 млн. рублей (в 1913 г. стоимость импорта составляла 346 млн. рублей). В указанном году на хлопок пришелся 171 млн. рублей, или 77% общей суммы. В последующем доля хлопка составляла более половины⁷². Двумя годами позже советский комментатор писал: «Колумбом, открывшим Америку для Советского Союза, явился Текстильсиндикат»⁷³. Поначалу советско-американская торговля обслуживалась исключительно американскими или иностранными судами. В марте 1925 г. советский пароход «Вацлав Воровский» был в порядке эксперимента направлен прямо в Галфстон, где его должны были загрузить хлопком. Однако портовый налог, взысканный с судна, принадлежавшего стране, которая не имела торгового договора с Соединенными Штатами, оказался настолько велик, что подобный эксперимент больше не повторяли⁷⁴.

Пробитая таким образом брешь ограничилась лишь одним-единственным товаром. Ввоз американских товаров в Советский

Союз, а также общее развитие торговли оказались более медленным процессом. Созданная летом 1923 г. компания «Эллайд Америкэн корпорейшн» занималась главным образом мелким бизнесом⁷⁵. В сентябре 1923 г. одна нью-йоркская группа сформировала Комитет по внешней торговле. Он издал манифест, предупреждавший об опасности оказаться навсегда вытесненными с русского рынка уже активно действующими на нем британскими, немецкими и иными фирмами⁷⁶. Незадолго до визита Ногина, а быть может и после его завершения, в Нью-Йорк прибыл Хургин, ставший де-факто представителем Внешторга; правда, публично он отрицал, что выполняет эту или какую-либо иную официальную функцию⁷⁷. В начале 1924 г. в Нью-Йорке была основана компания «Аркос-Америка». Короткое время она действовала в качестве филиала лондонской фирмы «Аркос», но уже в июле 1924 г. была преобразована в независимую торговую организацию, названную «Амторг»⁷⁸. В 1924 г. в Нью-Йорке были созданы конторы Центросоюза, объединения производственных кооперативов, и Сельхозсоюза, объединения сельскохозяйственных кооперативов. Вскоре они, однако, влились в «Амторг».

Благодаря таким шагам советско-американская торговля начала быстро расширяться, правда, лишь односторонне. До 1914 г. русский импорт из США несколько превышал русский экспорт в США⁷⁹. В 20-х годах это неравенство колоссально выросло. В 1924/25 фин. г. советский импорт из США составил 883 млн. рублей, почти в четыре раза превысив стоимость предшествовавшего года и в два с половиной раза — стоимость импорта в 1913 г.⁸⁰ В 1924/25 фин. г. на долю Соединенных Штатов пришлось 27% всего советского импорта — почти в два раза больше, чем на долю любой другой страны. В 1925/26 фин. г. США заняли третье место в ряду поставщиков Советского Союза, уступая лишь Германии и Великобритании. В последующие же три года их опережала только Германия⁸¹. В то время главным предметом экспорта Соединенных Штатов в Советский Союз оставался хлопок. Кроме того, если не считать вызванных неурожаем крупных советских закупок зерна в 1924/25 фин. г.⁸², из США импортировались в СССР главным образом станки и запасные части, сельскохозяйственные машины и принадлежности, а также тракторы⁸³. В тот же период советский экспорт тоже возрастал, хотя и медленными темпами. Он так и не достиг довоенного уровня. Его главной статьёй были меха, а вслед за ними шла марганцевая руда⁸⁴.

По мере медленного возобновления торговли между двумя странами вновь возникла мысль, первоначально высказанная Лениным в мае 1918 г. в меморандуме Робинсу⁸⁵ относительно необходимости тесного союза между американским капиталом и слабо разрабатываемыми русскими природными ресурсами. До тех пор американские капиталовложения в России были крайне малы и определялись лишь политическими или филантропически-

ми мотивами. Концессия на разработку рудных богатств Кемерово (Кузбасс), предоставленная в 1921 г. группе американских инженеров и шахтеров, которую возглавлял лидер профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» Билл Хейвуд, основывалась на использовании не американских капиталов, а мастерства и рабочей силы⁸⁶. Аналогичный стимул вызвал к жизни и «Русско-американскую промышленную корпорацию», созданную Объединенным профсоюзом швейников Америки, который возглавлял Сидней Хиллмэн. Ее капитал, составленный из 10-долларовых взносов рабочих, шел на финансирование кооперативных текстильных фабрик в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде и Казани. В Россию поставлялись станки и сырье, а также командировалось некоторое число специалистов. Часть произведенной продукции должна была экспортироваться из России в счет покрытия долгов⁸⁷. В 1923 г. американец Уэр, в прошлом член «Индустриальных рабочих мира», получил концессию на организацию показательной фермы на Северном Кавказе. Он представлял группу американских радикалов, проявлявших интерес к России (в нее входили Роджер Болдуин, Пекстон Хиббин и Стюарт Чейс). Цель концессии состояла в том, чтобы обучить русских крестьян американским методам ведения сельского хозяйства и предотвратить опасность нового голода. Из Соединенных Штатов ввезли тракторы и подготовили трактористов. Концессия также намеревалась организовать импорт в СССР породистых овец и крупного рогатого скота. Ею должна была управлять совместная компания, созданная Уэром и его помощниками, которым предстояло обеспечить капитал в 200 тыс. рублей, а также северокавказский сельскохозяйственный трест, который вносил 210 тыс. рублей, главным образом наличными. На территории, отданной в концессию, было создано три совхоза. На первых порах американской группе было трудно добывать необходимые средства. Она обратилась ко всем, кто симпатизировал ее идее, с просьбой делать взносы в фонд, названный «Восстановление русских ферм»⁸⁸. Окончательно концессионное соглашение было подписано лишь 10 июля 1925 г., хотя к тому времени концессия, по-видимому, уже действовала полным ходом⁸⁹.

Описанные выше смелые предприятия никакого экономического значения не имели, хотя и стали симптомами просоветских симпатий, преобладавших в то время среди американских радикалов. Более важная инициатива была предпринята в ноябре 1923 г. во время визита Ногина в Соединенные Штаты. Горный инженер и давний коллега Гувера Лиман Браун, сыгравший ведущую роль в организации «Американской администрации помощи» (АРА), посетил Москву в сопровождении двух бывших должностных лиц АРА. Целью его поездки, как определил он, было «рассмотрение возможностей сотрудничества в деле экономического развития России». Он надеялся встретиться с Литвиновым, который, как утверждали, «действовал в качестве руководителя правительствен-

ного комитета по делам концессий»⁹⁰. О результатах визита никаких сообщений, по-видимому, опубликовано не было. Но в июне 1924 г., когда со всех советских трибун громогласно осуждали новый американский империализм, Рыков в беседе с американскими корреспондентами заявил, что, учитывая огромные природные ресурсы России, для разработки которых нужны капиталы, «сотрудничество между Россией и Америкой неизбежно»⁹¹. В начале 1925 г. надежды, порожденные уходом Хьюза с поста государственного секретаря, побудили Чичерина повторить заверения в отношении благожелательного отношения Советского Союза к предложениям американских капиталистов: «Америка буквально переполнена свободными капиталами, ищущими применения, в то время как СССР представляет грандиознейшую картину естественных богатств, ожидающих оплодотворения капиталом. Величайшие перспективы для благосостояния не только наших двух стран, но вообще для улучшения мирового хозяйства связываются с предстоящим проникновением американского капитала для плодотворной работы в нашу страну»⁹². В июле 1925 г. Троцкий в интервью американскому корреспонденту утверждал, что единственная помеха на пути советско-американских отношений носит политический характер — боязнь революции в капиталистических странах. Экономические трудности, сказал он, — мнимые. «Трестированной промышленности Северной Америки» со стороны советской монополии внешней торговли ничто не угрожает. Троцкий вновь заговорил о потребностях в капиталовложениях для механизации сельского хозяйства и возрождения основных фондов в промышленности⁹³. Такое повторное заявление не отражало какого-то поворота в советской политике. Оно свидетельствовало о понимании, что капиталовложения в советскую экономику стали, наконец, потенциально привлекательны для американского капитала.

В 1924 г. начались переговоры между Советским правительством и американским финансистом Гарриманом о предоставлении ему концессии на разработку марганцевых руд в Чиатури (Кавказ). Соединенные Штаты всегда были важным импортером марганца, а до 1914 г. на Россию приходилась примерно половина его мировой добычи. Именно марганцевые шахты в Чиатури стали одной из приманок, завлекших немцев в Грузию в 1918 г.⁹⁴ Однако в результате хаоса гражданской войны и ее последствий добыча руды почти полностью прекратилась⁹⁵. Для восстановления шахт и выведения их на полную мощность требовался капитал, который внутри Советского Союза получить было невозможно.

Интерес к рудникам испытывал «Дойче банк». Однако он не мог ни тягаться с нарастающей мощью американского капитала, ни сопротивляться его притязаниям. В мае 1924 г. в Москве полным ходом велись переговоры с представителями Гарримана. В беседе с германским послом Чичерин сказал, что окончательное подписание соглашения отложено до 15 декабря 1924 г., с тем

чтобы дать последний шанс «Дойче банк». «Советское правительство, — добавил он, — предпочитает «Дойче банк» Гарриману, но Гарриман выступил со столь заманчивым предложением... что Советское правительство не могло отклонить его»⁹⁶. В этих словах была не столько искренняя оценка положения, сколько дипломатическая уловка: переговоры с Гарриманом продвинулись значительно меньше, чем это утверждал Чичерин. В речи на заседании ВЦИК 4 марта 1925 г. он говорил о притязаниях двух немецких фирм на чиатурский марганец⁹⁷. А 21 марта 1925 г. Брокдорф-Ранцау получил указание сделать Чичерину новые представления, зарезервировав права немецких граждан на собственность, связанную с марганцевыми рудниками⁹⁸.

Концессионное соглашение было подписано в Москве только 12 июня 1925 г. По соглашению, Гарриман и его компаньоны обязались смонтировать в Чиатури завод и оборудование для добычи и переработки руды, стоимость которых должна была составить не менее миллиона долларов; построить и реконструировать железнодорожную ветку, связывающую район рудников с портом Потти (стоимость — 10 млн. долларов); возвести в Потти погрузочные сооружения стоимостью в миллион долларов. Они обязались добывать в первый год 300 тыс. тонн марганцевой руды, во второй — 400 тыс., доведя добычу впоследствии до 500 тыс. тонн ежегодно. За каждую экспортированную тонну руды Советскому правительству должно было выплачиваться по три доллара в первый год эксплуатации, а затем по четыре доллара. На рабочих, используемых концессионерами, распространялось советское трудовое законодательство. Иностранцы могли составлять не более 15% рабочей силы и 50% технического персонала. Срок концессии был установлен на 15 лет. Концессия, полученная Гарриманом, была не только самым значительным советским соглашением подобного типа, когда-либо подписанным Советским правительством с американской фирмой. Она стала своего рода пробным камнем, и именно в этом качестве ее откровенно рассматривала газета «Нью-Йорк таймс»: «Условия для вложения американского капитала сейчас не таковы, чтобы можно было позволить себе игнорировать русский рынок. За судьбой гарримановской концессии будут внимательно наблюдать, поскольку будущее, возможно, покажет, что Советское правительство способно гарантировать стабильность и надежность»⁹⁹.

Концессия, полученная Гарриманом, не исчерпала американский финансовый интерес к России как к потенциальному месту приложения американского капитала. За полтора месяца до подписания соглашения с Гарриманом в Москве было заключено соглашение с компанией «Лена Голдфилдс», значительная доля в которой принадлежала американской банковской фирме «Кун-Леб»¹⁰⁰. Летом 1925 г. американцы нанесли два важных визита в Советский Союз. Первый совершили губернатор-республиканец штата Индиана Гудрич, Хаскель и Голдер. Все они сотрудничали

в прошлом с АРА и были коллегами Гувера. Советские власти приветствовали их в качестве «советников Гувера и вашингтонского правительства по русскому вопросу». Такое мнение получило столь широкое распространение, что Гувер опубликовал заявление, отвергающее его ответственность за их поездку¹⁰¹. Второй визит был нанесен Гамбергом (это была его первая поездка после 1918 г.), которого сопровождал Рив Шлей, вице-президент «Чэйз нэшнл бэнк». Часть июля они провели в Париже в беседах (в том числе с Красиным), а август — в Советском Союзе¹⁰². Среди американских финансистов, посетивших летом 1925 г. Париж, был Дуайт Морроу, бывший партнер в той же фирме юристов, специализирующихся на корпорационном праве, что и Тэчер, а теперь партнер компании «Дж. П. Морган энд компани» и личный друг Кулиджа. Гамберг, который, по-видимому, был знаком с Морроу через Тэчера, безуспешно пытался связать его с Красиным¹⁰³. Морроу «продолжал интересоваться русским вопросом». По возвращении Шлея и Гамберга в Нью-Йорк он убедил Уиггина, президента «Чэйз нэшнл бэнк», устроить завтрак для ведущих финансистов Уолл-стрита, на котором Шлей должен был информировать о своем визите в Советский Союз и ответить на вопросы. Завтрак состоялся 14 сентября 1924 г. Впоследствии Морроу и Гамберг обсудили возможность организации визита в Соединенные Штаты Красина, но разговор результатов не принес¹⁰⁴.

Тремя месяцами позже, 10 декабря 1925 г., в Клубе банкиров в Нью-Йорке состоялся большой по числу участников и более важный завтрак. Он был организован тем же банком «Чэйз нэшнл», видимо, по настоянию Гамберга. Цель его состояла в обсуждении финансовых и коммерческих возможностей в Советском Союзе. В числе гостей были Чарльз Швэб из корпорации «Бетлеем стил», а также представители ряда ведущих нью-йоркских банков, в том числе «Дж. П. Морган», «Гаранти траст» и «Диллон, Рид». Хотя официального протокола не велось, тем не менее это событие приобрело широкую огласку¹⁰⁵. В советской прессе его оценили как «изменение в пользу Советского Союза... в деловых кругах Соединенных Штатов»¹⁰⁶ и посчитали, что оно аналогично признанию Советского Союза лондонским Сити¹⁰⁷ еще до дипломатического признания. Примерно в это же время Бора, как писал он сам, «в течение последних десяти дней» принял «по меньшей мере дюжину представителей деловых кругов», проявивших интерес к улучшению отношений с Советским Союзом¹⁰⁸.

В 1925 г. была предпринята еще одна плодотворная инициатива. В Нью-Йорке побывала группа советских горных инженеров, которую по рекомендации британских специалистов принял Чарльз Стюарт, руководитель инженерной консультационной фирмы «Стюарт, Джеймс энд Кук». Стюарт предоставил им возможность посетить американские угольные шахты. В свою очередь, ему предложили направить в Советский Союз инженеров для консультативной помощи донецкому угольному тресту «Дон-

уголь» по вопросам угледобычи в Донецком бассейне. Первая группа американских консультантов приезжала весной 1926 г. Она подготовила «критический, но хорошо воспринятый» доклад о состоянии шахт и путях его улучшения¹⁰⁹. Эти инженеры стали предвестниками целой армии американских специалистов, которым в последующие десять лет предстояло сыграть важную роль в создании многих отраслей советской индустрии. Хотя инициатива исходила от советской стороны и на нее откликались частные американские граждане, все происходившее настолько отвечало выраженному за много лет до этого пожеланию Гувера «внедрить американскую технику в русскую промышленность»¹¹⁰, а также крепнувшей вере американских финансистов в выгодность советского рынка для американских капиталовложений, что подобное развитие событий не могло не получить поддержки в Вашингтоне и на Уолл-стрите. Это было частью длительного процесса, в котором американские промышленники, финансисты, официальные лица и политики в середине и во второй половине 20-х годов объединили усилия с целью показать, что отказ Соединенных Штатов поддержать Версальский мир и Лигу Наций совсем не означает их ухода в изоляцию и что набравший силы в результате войны американский колосс намерен возобновить и расширять экспансию, начало которой было положено в 90-е годы XIX века, чтобы в конце концов завоевать командные позиции во всем мире.

Зимой 1925/26 г. Москва предприняла еще один шаг для улучшения отношений с Соединенными Штатами, чтобы к тому же попытаться добиться и признания ими Советского Союза. В октябре 1925 г. заместитель народного комиссара путей сообщения Серебряков посетил Нью-Йорк под предлогом инспекции деятельности «Амторга». Одновременно сюда прибыл и Осинский, намеревавшийся совершить большую поездку по Соединенным Штатам¹¹¹. В пространном интервью 21 декабря 1925 г. во время визита в Париж Чичерин приветствовал «значительное развитие хозяйственных отношений с Соединенными Штатами», но высказал предположение, что все трудности могут быть устранены «лишь после восстановления дипломатических отношений» между СССР и США. Он добавил, что Советское правительство все еще готово обсудить спорные вопросы, «включая вопрос о займе, предоставленном Керенскому»¹¹².

В феврале 1926 г. популярный американский ежемесячник «Каррент хистори» опубликовал статью Троцкого в качестве председателя Главного концессионного комитета, функционировавшего в Москве. Троцкий обсуждал в ней возможности гармоничного развития сотрудничества между двумя странами: «Советский Союз нуждается в американском капитале... для ускорения темпов своего развития. За хороший капитал и хорошую технику Советский Союз готов платить хорошие дивиденды. Это — не абсолютная гармония, но в нашем несовершенном мире нельзя отвергать носительную гармонию»¹¹³. Хотя в это время в Советском Союзе

и отмечали, что под руководством Келлога государственный департамент более не прибегает к «агрессивной антисоветской политике» эпохи Хьюза¹¹⁴, тем не менее было очень мало свидетельств позитивного сдвига в американской официальной позиции. В послании, с которым Кулидж 8 декабря 1925 г. обратился к конгрессу, Россия упоминалась лишь один раз — в абзаце, где рассматривалась проблема неоплаченных и непризнанных долгов. В американской визе было отказано Беседовскому, которого Советское правительство намеревалось в то время назначить своим неофициальным представителем вместо пассивного Сквирского¹¹⁵. Отпор получила и попытка направить с аналогичной миссией Пятакова¹¹⁶. Летом 1925 г. в Вашингтон выехал Сокольников, надевшийся договориться об урегулировании финансовых проблем. Однако «отмена Келлогом обещанного разрешения на въезд в Америку прервала эту поездку на полпути»¹¹⁷.

КОМИНТЕРН: VI ПЛЕНУМ ИККИ

20 августа 1925 г. Президиум ИККИ принял решение провести в октябре или ноябре 1925 г. расширенный пленум ИККИ (от предшествовавшего V Пленума его отделило бы немногим более шести месяцев). Одна из задач VI пленума, как определил Президиум, должна была состоять в подготовке VI конгресса Коминтерна¹. Однако, как это обычно бывает, времени на подготовку подобной встречи отведено было слишком мало. Причинами, предопределившими отсрочку пленума в данном случае, стали неопределенность международной ситуации, порожденная Локарно, а также острый кризис в русской партии, достигший своей кульминации на XIV партсъезде в декабре 1925 г. В результате VI расширенный пленум ИККИ открылся только в феврале 1926 г. Проведение же VI конгресса Коминтерна было, по общему согласию, перенесено на более отдаленное будущее.

На протяжении десяти месяцев между окончанием V и началом VI пленума ИККИ теоретическая дискуссия сконцентрировалась на концепции «стабилизации капитализма». Признание V расширенным пленумом ИККИ факта ее наступления² вызвало определенные опасения, и никакие оговорки, ограничивающие масштабы «стабилизации», не смогли помочь партиям разработать согласованное мнение по данной проблеме. Летом 1925 г. война в Марокко и вспышка волнений в Китае позволили предположить, что поднимается новая революционная волна, по крайней мере за пределами Европы. В то время Зиновьев постепенно приближался к разрыву со Сталиным. Стремясь продемонстрировать свою преданность делу мировой революции, он в июне 1925 г. выступил со статьей «Эпоха войн и революций»³. В ней Зиновьев настаивал — притом решительнее любого участника состоявшегося тремя месяцами раньше V расширенного пленума ИККИ — «на пределах стабилизации, на *относительности* стабилизации капитализма», а также рассмотрел возможности приближения революционной перспективы. Суть выводов V расширенного пленума ИККИ он образно, хотя и тенденциозно, свел к «копеечной стабилизации и рублевой большевизации». Однако с возрождением оптимизма вскоре было покончено. В 1925 г., несмотря на небольшие неудачи в «колониальной сфере», капиталистические страны

Европы добились успехов и обрели новое чувство уверенности. Вступил в силу план Дауэса, почти повсеместно встреченный одобрением некоммунистического крыла левых сил, расценившего его как вклад в экономическое восстановление. Локарно посчитали триумфом тех, кто стремился заделать трещины между европейскими державами — фактически или потенциально за счет Советского Союза. Признаки нарастающей напряженности в некоторых капиталистических странах и усиление дружественных чувств, испытываемых некоторыми элементами левого крыла к Советскому Союзу, не смогли приглушить ощущения дальнейшей изоляции СССР и обострения угрозы ему со стороны Запада.

На состоявшемся в декабре 1925 г. XIV съезде партии Сталин в основном докладе указал на «временное равновесие сил» и «полосу „мирного сожительства“ между Страной Советов и странами капитализма». Он заявил, что в Европе «стабилизация капитализма» достигнута «ценой финансового подчинения Западной Европы Америке». В Западной и Центральной Европе, признал Сталин, наступил «период отлива революционной волны». Правда, одновременно с этим наблюдается «определенное полевение рабочего класса Европы»⁴. В общей резолюции съезда отмечалось «закрепление и расширение „передышки“, превратившейся в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами»⁵.

На съезде по-прежнему действовала договоренность противоборствующих фракций о том, чтобы международные проблемы, в том числе и деятельность Коминтерна, оставались за рамками партийных столкновений. Зиновьев, говоря о Коминтерне, придерживался обычной тоналности. Его речь была осторожной, даже пессимистичной. Это, быть может, частично объяснялось испытываемыми им трудностями личного характера. Но так или иначе подобный подход способствовал согласию с его выводами. Зиновьев признал, что после V конгресса Коминтерну не удалось добиться «никаких больших успехов». Кое-кто, сказал Зиновьев, рассуждает так, будто для капитализма началась новая эра. Подобная постановка вопроса, заметил он, представляет собой результат «упрощения» и «преувеличения» тезиса о стабилизации капитализма. И все же, заключил Зиновьев, «частичная стабилизация капитализма есть факт». Желая успокоить своих сторонников слева, но вместе с тем не отклониться от партийной линии, Зиновьев заявил: «Часть товарищей в нашей партии и в других считала, что мы напрасно употребили слово „стабилизация“, что оно режет ухо, что оно слишком пессимистично, что оно дает чрезмерные авансы международному капиталу». Зиновьев подтвердил правильность постановки вопроса о «стабилизации» ссылкой на аналогичную оценку, данную Лениным на III конгрессе Коминтерна, когда он говорил об «относительном равновесии сил». В трудные времена, продолжал Зиновьев, важнее, чем когда-либо, соревноваться с социал-демократическими партиями в выдвиже-

нии повседневных экономических требований для завоевания на свою сторону рабочих. «Тактика единого фронта только начинается»⁶. Мануильский едко заметил, что если Зиновьев отказался от политики единого фронта с крестьянством в Советском Союзе, он потерял право проводить политику единого фронта в Коминтерне. Возникновение в русской партии зиновьевской оппозиции, сказал Мануильский, способно поощрить ультралевых в Коминтерне⁷. Никем другим этот вопрос больше не затрагивался. В одной из самых коротких резолюций, принятых когда-либо по столь важному вопросу, съезд одобрил деятельность делегации русской партии в Коминтерне, направленную на оказание помощи другим партиям в преодолении «опасных уклонов... в условиях частичной стабилизации капитализма». Резолюция призвала усилить борьбу за профсоюзное единство и за завоевание на свою сторону «широких масс беспартийных и социал-демократических рабочих»⁸. Несколькими неделями позже в экономических тезисах, опубликованных в связи со второй годовщиной со дня смерти Ленина, ИККИ уверенно заявил: «Мы вновь вышли на восходящую кривую революционного движения... большая часть мира переживает даже непосредственную революционную ситуацию». Констатация этого покоилась, однако, главным образом на перспективах в Китае, и было вновь признано, что «в Европе непосредственной революционной ситуации нет»⁹.

В ходе подготовки VI расширенного пленума ИККИ — он открылся 17 февраля 1926 г. — большевистских лидеров беспокоило прежде всего, как предотвратить в других партиях воспроизводство расколов в русской партии и не допустить подрыва ее престижа и влияния в Коминтерне. Широкой огласке было предано письмо русской партии от 13 января 1926 г., разосланное всем партиям, входившим в Коминтерн. В нем признавалось, что поддержка мировой революции и относительная стабилизация капитализма породили в партии «некоторые упадочные настроения». Письмо содержало краткий, но довольно объективный обзор проблем, разделявших большинство и меньшинство (судя по некоторым признакам, его автором мог быть Бухарин); партия просила изучить, опираясь на документы, эти вопросы. Письмо завершалось твердым предупреждением, что «перенесение дискуссий по русскому вопросу в ряды Коммунистического Интернационала нежелательно»¹⁰. Но осуществить такой совет на практике можно было лишь в том случае, если бы партия говорила в Коминтерне единым голосом. Председателем ИККИ и представителем русской партии в Коминтерне все еще оставался Зиновьев, хотя к тому времени его уже вытеснили из внутреннего круга партийного руководства и запретили выступать по дискуссионным партийным проблемам¹¹. В качестве председателя ИККИ Зиновьеву предстояло возглавить работу расширенного пленума и выступить с основным докладом. Троцкий, уже более не входивший в ИККИ, в числе делегатов пленума не был. Но как член Политбюро он участво-

вал в подготовке пространных тезисов «Текущие проблемы международного коммунистического движения». Такие тезисы обычно публиковались заранее, и они составляли основу главной резолюции сессии¹².

Доклад Зиновьева оказался уравновешенным и бесцветным¹³. В нем указывалось, что, как это отметил V конгресс Коминтерна, 1924 год был эрой демократического пацифизма. В 1925 г. наступил период стабилизации капитализма, что констатировал V расширенный пленум ИККИ. В 1926 г. стабилизация, сказал Зиновьев, перешла в фазу колебаний: «1926 год является уже периодом *колеблющейся*, более непрочной стабилизации. Я полагаю, что оттенение этой черты переживаемого периода будет характерным моментом нынешнего пленума». Зиновьев не пытался сделать выбор между двумя альтернативными перспективами, которые он сформулировал на V конгрессе, — либо быстрое созревание революции и победа пролетариата в течение четырех-пяти лет, либо ее постепенное и медленное созревание на протяжении долгого периода¹⁴. На этот раз он впервые высказал некоторые сомнения в отношении не только темпов пролетарской революции, но и возможных путей ее развития. Зиновьев признал, что в прошлом слишком большие надежды связывались с развитием событий в Центральной Европе. Ныне на авансцене Германию сменила Великобритания. Далее он сослался на резолюцию, принятую в Скарборо¹⁵, как на свидетельство «революционизации английского рабочего движения». Хотя Зиновьев и уделил некоторое внимание Китаю, он повторил традиционную гипотезу, согласно которой революция сначала разразится в Европе, затем на Востоке и наконец в Америке. Так или иначе, сказал он, если Ленин ошибался, полагая, что российская революция ускорит пролетарскую революцию в других странах, то тогда «порочен фундамент, на котором зиждется Третий Интернационал».

Из других ораторов один лишь Варга попытался внести вклад в дискуссию о стабилизации. Он рассмотрел положение в четырех районах мира. Во-первых, он назвал Советский Союз с его развивающейся социалистической экономикой. Во-вторых, Соединенные Штаты с их развивающейся капиталистической экономикой. «Все мировое положение, — отметил Варга, — более или менее выявляет поляризацию сил вокруг этих двух центров». В-третьих, он выделил Азию и Африку, где «революционное брожение» может привести к созданию государств по советскому образцу. В-четвертых, Варга указал на Европу, в которой капиталистическая система «более всего поколеблена», а стабилизация «зидается на ухудшении жизни европейских рабочих»¹⁶.

После жестоких дебатов на XIV партсъезде в декабре минувшего года никто в русской партии — и меньше всех Зиновьев — не был расположен навлечь на себя подозрение в склонности к правым взглядам и пессимизме в отношении перспектив мировой революции. Но за завесой этих оценок все очевидней делался

упор на утверждении мощи и авторитета Советского Союза. Вошло в обычай говорить «о двух стабилизациях», что впервые было сделано в порядке эксперимента весной 1925 г.¹⁷ После XIV съезда Советский Союз характеризовали не просто как источник революционного брожения. Теперь высказывалась убежденность, что он способен стать самостоятельной силой в борьбе против капитализма. В декабре 1925 г. в докладе Сталина XIV съезду партии взволнованный пассаж был посвящен делегациям из западных стран, побывавшим за несколько предшествовавших месяцев в Советском Союзе. Это «паломничество рабочих в нашу страну», заявил он, отражает начало «целой полосы в развитии рабочего движения на Западе». В делегациях Сталин увидел «дружеский, братский контроль рабочего класса Запада над нашим строительством, над нашим рабочим государством». Они — живое доказательство того, что «рабочий класс Европы, по крайней мере революционная часть рабочего класса Европы, считает наше государство своим детищем». Значимость такой солидарности ясна: «Если рабочие не захотят воевать против нашей Республики, если они считают нашу Республику своим детищем, судьба которого им близка, то война против нашей страны становится невозможной»¹⁸.

Коммунисты не были главной частью этих делегаций. В их формировании отражался опыт, уже познанный в Великобритании: большего успеха можно добиться и оказать большее влияние, обращаясь к симпатиям некоммунистического сектора левого крыла в рабочей среде, чем прямыми усилиями коммунистических партий по вовлечению в коммунистическое движение новых рекрутов. Такой подход стал — поначалу постепенно и неприметно — сказываться на отношении к Коминтерну. Если первоочередной задачей иностранных коммунистов должно быть завоевание симпатий советскому делу в среде некоммунистических левых и таким путем ослабление ударной силы их враждебных правительств, то тогда вполне естественно, что упор следует делать на политику единого фронта и профсоюзное единство. Но в иностранных партиях такому курсу скорее всего симпатизировали бы правые, то есть как раз те, кого в прошлом называли «оппортунистами» и которые никогда не возражали против сотрудничества с социал-демократами и другими радикальными партиями, а не ультралевые пуристы, из засады ожидавшие того, как бы выступить с разоблачением любого отклонения от прямого и узкого революционного пути. В результате движение против ультралевых, набиравшее силу на протяжении всего 1925 г., стало теперь господствующей линией в практической деятельности Коминтерна.

В заключительной части доклада Зиновьева вполне отчетливо, хотя и в осторожной форме, прозвучала новая нота. Расхваливая достоинства политики «единого фронта», он перечислил ряд недавних провалов в ее осуществлении. Приведя длинный перечень «ультралевых ошибок», Зиновьев затем признал, что «были также

и правые ошибки». К их числу от отнес неудачу в 1923 г. в Саксонии, а также один недавний пример из немецкой практики, имевший местное, ограниченное значение. Затем он упомянул правую опасность во французской партии. Но все это, сказал Зиновьев, затмил «некоторый рецидив ультралевых уклонов в некоторых партиях: в Германии, Польше, отчасти во Франции, отчасти в Норвегии»¹⁹. Таким образом, отличительной чертой VI расширенного пленума ИККИ было признание, что врагов следует искать скорее на ультралевом, нежели на правом фланге.

В тот период опасностью, начавшей тревожить коминтерновское руководство, стало возникновение международной ультралевой оппозиции, способной бросить прямой вызов русскому руководству и унифицированной теории и практике международного коммунизма. В основе этого вызова лежал отказ признать идентичность интересов русской, с одной стороны, и других коммунистических партий, с другой. Обвинение, что большевики несут ответственность за специфически русский вариант марксизма (или даже за отход от марксизма), не было чем-то новым. Во время войны немецкие социал-демократы и русские меньшевики осуждали ленинские взгляды, характеризуя их как «бакунизм» и «русскую тактику»²⁰. Дебаты активно продолжались в первые годы революции. В 1918 г., вскоре после большевистской победы, Ленин провозгласил, что большевизм *«годится как образец тактики для всех»*²¹. «На время — само собой разумеется, лишь на краткое время — гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским», — писал Ленин в статье, посвященной основанию Коминтерна в 1919 г.²² В 1920 г., когда, как полагали, Европа находилась на гребне революционной волны, он начал свою работу «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» с утверждения, что хотя прежде и можно было допускать, что «громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу», ныне «с полнейшей определенностью» стало ясно: «Некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, национально-особенное, не русское только, а международное значение». «Русский образец, — продолжал Ленин, — посылает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»²³. Осенью того же года на съезде в Галле²⁴ потерпевшее поражение меньшинство в Независимой социал-демократической партии Германии полагало, что оно отстаивает инстинный, или европейский, марксизм от его полуво восточных русских искажений. В 1921 г. Пауль Леви осудил «мартовскую акцию» КППГ, назвав ее «бакунистским путчем»²⁵, и иронически отозвался о Бела Куне и Гуральском, которые действовали как «туркестанцы»²⁶. В дебатах по программе Коминтерна на его IV конгрессе в ноябре 1922 г. Бухарин отстаивал свою точку зрения, сводившуюся к тому, что уроки российской революции обладают ценностью для западных стран. На это ему отве-

тил Тальгеймер, сославшийся на НЭП, который, по его мнению, хотя и является в русских экономических условиях прогрессивной мерой, означал бы в более развитых западных условиях регресс²⁷.

После конгресса Варга, подвергнутый Бухариным критике за оппортунизм, опубликовал статью, в которой подробнее, чем это делалось когда-либо до тех пор, рассмотрел главные различия между русской и западной позициями. Они проистекают, как утверждал Варга, из трех главных обстоятельств. Во-первых, в России массы рабочих, находящихся вне партии, все еще не организованы; на Западе они организованы в профсоюзы и примыкают к политическим партиям. Во-вторых, крестьяне, которые образуют в России аморфную массу, выступают в западных странах в качестве мелких капиталистов, работающих на рынок. В-третьих, западная интеллигенция, в отличие от русской, тесно связана с правящим классом и идеологией буржуазной демократии. Эти различия привели Варгу к выводу, что «нельзя опыт русской революции без всяких дальнейших оговорок применять к Западной Европе»²⁸.

Опасность такого мышления выявилась в полной мере не сразу. Но кампания против Троцкого — составная часть культа ленинизма — придала этой проблеме импульс, который, правда, проявлял себя лишь постепенно. Дело в том, что Троцкого обвинили в приверженности «западноевропейскому марксизму», в «фальсификации коммунизма в духе приближения к „европейской“ модели псевдомарксизма»²⁹. В лекции об основах ленинизма, прочитанной в 1924 г., — в ней Сталин впервые затронул данную проблему, — он признал «долю правды» в утверждении, что «ленинизм есть применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки». Тем не менее Сталин подверг такой взгляд критике за его «односторонность». Он отверг мнение, будто ленинизм есть «чисто национальное и только национальное, чисто русское явление». Ленинизм, сказал Сталин, «явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии»³⁰. На V конгрессе Коминтерна (июнь — июль 1924 г.) Бордига объяснил подъем большевизма тем, что его лидеры были вынуждены жить в окружении западного капитализма, характеризующегося наличием пролетариата. Он еще решительней отождествил ленинизм с «революционным марксизмом», являющим собой «всемирную доктрину». Ленин, заявил Бордига, «принадлежит не только России, а всему миру, всем нам»³¹.

Однако в 1925 г., когда в Москве впервые провозгласили концепцию «социализма в одной стране», а в ведущих зарубежных партиях к руководству пришли новые лидеры левого толка, которые в большей степени, нежели их предшественники, были склонны к теоретизированию, все шире стал обсуждаться вопрос, представляют ли доктрина и тактика, положенные в основу деятельности русской партии, равную ценность и для зарубежных партий, оказавшихся теперь перед совершенно иной ситуацией.

Рассматривалась также возможность разграничения двух вариантов тогдашней коммунистической доктрины — одного, примененного в российских условиях, второго — для Запада. И, наконец, был поставлен вопрос: не заслуживает ли только лишь первый вариант наименования «ленинизм», в то время как второй представляет собой вариант «марксизма». На V расширенном пленуме ИККИ в марте 1925 г. Зиновьев осудил французского коммуниста Раппопорта за то, что тот усматривал в большевизации «тенденцию к замене ленинизмом марксизма»³². Самое грозное обвинение, выдвинутое против левых руководителей КПГ летом 1925 г., заключалось в том, что они поощряли отход партии от ленинизма и московского руководства³³. Примерно в то же время ультралевого лидеров КПГ осудили за попытку создания «западного коммунизма» в противовес «русскому коммунизму»³⁴. В статье в итальянском партийном органе «Унита», озаглавленной «Оппортунистическая опасность в Интернационале», Бордига развил мысль, что, поскольку Ленин не был ревизионистом, было бы неверно привычные термины «марксизм» и «коммунизм» заменять на «ленинизм» и «большевизм»³⁵. Смысл замены русской терминологии западной определить не представляло труда. Коминтерновским руководителям стало ясно, что Бордига, только что одержавший успех в создании «левой фракции» в ИКП, вознамерился попытаться «создать „левую фракцию“ внутри Коминтерна»³⁶. Было признано, что Ленин кое в чем дополнил марксизм и дал ему свежую интерпретацию. Признавалось также, что он приспособил марксизм к российским условиям. Но подобные признания отделяла большая дистанция от вывода, будто ленинизм представляет собой специфически русскую доктрину, исходящую из условий российской отсталости, и что он неприменим для развитых стран Запада. Преодолеть эту дистанцию было бы равнозначно отрицанию русского притязания на руководство Коминтерном, а этого не мог себе позволить ни один большевик. Согласно большевистской доктрине, ленинизм означал приспособление марксизма не к условиям какой-либо отдельной страны, а к конкретному историческому периоду. Как таковой он претендовал на всеобщую значимость. И не могло быть никаких различий между марксизмом Запада и марксизмом-ленинизмом Востока. Построение социализма в одной стране интерпретировалось как попытка возвести новый мост, соединяющий Россию и Запад, а не как стремление вбить клин между ними. Такой подход отвергал точку зрения, согласно которой главный фактор социалистической революции — Запад, а Россия лишь тянется ему вслед. Подобный взгляд следовало заменить представлением о возглавляющей движение России и продвигающимся за ней с опозданием на день Западом.

В феврале 1926 г. на VI расширенном пленуме ИККИ Бордига выступал без всяких оговорок, и в ходе пленума его речи стали единственным серьезным изложением оппозиционных взгля-

дов. В четырехчасовой речи, искренность и интеллектуальная сила которой внушили уважение даже его противникам³⁷, Бордига заявил, что лозунг единого фронта породил серьезное недопонимание, особенно после того, как VI конгресс Коминтерна заменил его ошибочным призывом к созданию рабочего правительства. В противовес тактике единого фронта Бордига вновь рассуждал о «перспективе окончательного распада капитализма». Революционная партия, сказал он, это не «научное общество по изучению социальных отношений», и она не вправе отвергать революционную перспективу. В частности, далеко не обязательно, что «пробывание у власти левых буржуазных партий благоприятно для нашей борьбы и подготовки революции». Вполне возможна совсем обратная ситуация. Русская партия, продолжал Бордига, одержала победу в особых условиях, «в стране, где феодальное самодержавие еще не было преодолено капиталистической буржуазией». Недопустимо опыт российской партии, заявил он, переносить на другие страны. В позиции Бордиги в полную силу прозвучали те самые «антимосковские тенденции», за которые критиковали Маслова и Рут Фишер из КПГ³⁸. Он глубже проанализировал характер разногласий между русской и остальными коммунистическими партиями. Когда в самом начале 1924 г. культ ленинизма был использован в кампании «Лицом к деревне», поддержанной в то время Зиновьевым, зарубежным критикам было легко утверждать, что русская партия приспосабливает политику и доктрину к условиям преимущественно крестьянской страны и революции, постоянно зависящей от поддержки со стороны крестьян, и что именно это и демонстрирует, почему ленинизм есть специфический вариант марксизма. В 1925 г. возглавляемая Бухариным политика умиротворения крестьянства еще более обострила проблему. Бордига смело заявил, что Коминтерну следовало бы заняться «государственной политикой русской партии» и противодействовать «нарастающему влиянию крестьянства и нарождающейся мелкой бржуазии». В этом заключался, по его мнению, «основной вопрос об историческом соотношении между Советской Россией и капиталистическим миром». Нынешние беды и слабости русской партии и Коминтерна, сказал он, можно преодолеть лишь объединенными усилиями «генерального штаба мировой революции», состоящего из представителей всех коммунистических партий. Задержка мировой революции сделала существенно важным «проведение всей русской политики в тесном контакте с общей революционной политикой пролетариата»³⁹. Во втором, более кратком, выступлении Бордига заявил, что «перед лицом той картины, которую представляет из себя это заседание пленума», он «вынужден отнестись пессимистически к реформам и заявить, что будет голосовать против тезисов Зиновьева»⁴⁰.

Этот мощный — правда, оказавшийся единственным — выпад содержал все то, что больше всего не нравилось руководителям Коминтерна и чего они опасались. На нем сфокусировалась вся

дискуссия. Почти каждый следующий оратор принял вызов и осудил ультралевых. Правда, большинство нерусских делегатов обошло молчанием нападки Бордиги на русскую партию и ее роль в Коминтерне, которую он слишком принизил. Тельман осудил Бордигу «не только как уклониста, но и как противника линии Коминтерна». Тольятти отверг взгляды своего соотечественника с теоретической точки зрения. Отрицая концепцию единого фронта и рабочего правительства и отказываясь видеть разницу между левыми и правыми партиями, Бордига, сказал он, отрицает присущие ленинизму гибкость и умение маневрировать⁴¹. Главный ответ Бордиге дал Бухарин, хотя он тоже уклонился от обсуждения существа вопроса. Бордига, подобно Леви, сказал Бухарин, осудил механическое использование русского опыта западными партиями. Но ведь никто и не предлагает применять его механически. Бордига — не диалектик и не понимает, что на различных этапах требуется различная тактика. Бухарин, наконец, парировал требование Бордиги, чтобы другие партии участвовали в исправлении недочетов в деятельности Коминтерна. Он напомнил о резолюциях, принятых как ИККИ, так и русской партией, в которых содержалась просьба, чтобы другие партии направили в Москву своих лучших работников. Чего же еще хочет Бордига?⁴² Этот риторический вопрос прозвучал поверхностно и неубедительно. Но, рассуждая реалистично, вряд ли можно было допускать возможность дискуссий, в ходе которых обе стороны исходили бы из предположения формального равенства всех партий, входящих в Коминтерн, и из права Коминтерна в качестве независимой международной организации высказываться о политике русской партии на тех же основаниях, что и о политике других партий. Более конкретно критиковал утверждение Бордиги, будто «ленинизм является продуктом русских условий и неприменим к условиям западноевропейских стран», Скрипник. Он призвал «со всей энергией» противостоять такой точке зрения⁴³.

Итог дебатам подвел Зиновьев. Следуя привычной линии, он попытался поставить знак равенства между ультралевыми и правыми. Последовательный ультралевый, сказал он, есть «анархист или почти анархист». Последовательный правый — оппортунист. Но «анархизм и оппортунизм — две стороны одной и той же медали». Приравняв таким образом оба уклона, Зиновьев посвятил основную часть своей речи ультралевому течению, проследив в деталях его историю в Италии и особенно в Германии. «Так называемая германская левая (Маслов — Фишер и другие) — единственная группа, кроме Бордиги, сказал он, которая пытается выработать «линию, радикально отличающуюся от коминтерновской». Далее Зиновьев заявил: «Суть дела не в отдельных ошибках левых. Наибольшее значение имел тот факт, что вожди германских левых, хотя не высказывали это открыто, но считали ленинистское руководство неправильным, считали, что «русское» руководство, сложившееся в отсталой крестьянской стране, не

сможет указать должной дороги западноевропейскому рабочему движению. Суть дела в том, что вожди левых пытались найти какой-то иной, усовершенствованный „западноевропейский” ленинизм»⁴⁴.

Попытка ультралевых найти трещины в бесшовном одеянии ленинизма и в монолитном единстве Коммунистического Интернационала была осуждена и отбита. Бордига, несмотря на провозглашенное им несогласие с тезисами, в последний момент заявил, что он одобряет зафиксированное в них намерение «изменить внутренний режим Интернационала», и, по-видимому, при голосовании воздержался⁴⁵. Резолюция, включившая почти без изменений одобренные Политбюро тезисы, была принята единогласно. Она начиналась с утверждения, что констатация состоявшимся годом раньше пленумом «частичной стабилизации капитализма» не означает, будто капитализм залечил раны и преодолел противоречия. «Период упадка капитализма продолжается». Однако в процессе его развития могут происходить частичные и временные улучшения. Именно в таком смысле следует понимать «стабилизацию» 1925 г. «Относительность и непрочность этой „стабилизации” становятся особенно ясными теперь». Она достигнута за счет трудящихся Европы и Востока и разительно отличается от упрочения мощи Советского Союза. «Успехи в деле строительства социализма в Союзе Советских Социалистических Республик все больше становятся теперь масштабом успехов международного социализма вообще. Союз Советских Социалистических Республик становится центром притяжения для пролетариев всех стран, осью международной пролетарской революции». Тезисы осторожно критиковали как отрицание той или иной формы «стабилизации» капитализма, так и вывод, будто «капитализм вновь укрепился на целую эпоху». Нынешняя «частичная и непрочная стабилизация» капитализма, говорилось в них, никоим образом не в состоянии изменить ленинский курс, который по-прежнему нацелен на мировую пролетарскую революцию⁴⁶.

Неожиданностью стало воскрешение лозунга «Соединенных Штатов Социалистической Европы». В годы войны и Ленин, и Троцкий призывали к созданию «республики Соединенных Штатов Европы», хотя и дискутировали о точном применении и содержании такого требования⁴⁷. После 1917 г. вопрос этот был забыт. В первые годы советского режима, когда считали, что мировая революция приближается, порой вспоминали о «мировой Советской Республике» и «федерации Советских Республик». Однако сколько-нибудь большого желания обсуждать формы будущего мирового правительства никто не проявлял. И лишь после состоявшегося в июне 1923 г. расширенного пленума ИККИ, который одобрил концепцию «правительства рабочих и крестьян», сформулированную за полгода до этого на IV конгрессе Коминтерна⁴⁸, в статье в «Правде» (30 июня 1923 г.) Троцкий предложил выдвинуть одновременно призыв к созданию Соединенных Штатов

Социалистической Европы и лозунг о рабоче-крестьянском правительстве⁴⁹. Троцкий обвинил Францию (это было время оккупации Рура) в «балканизации Европы» и обессилении ее. Европейское единство, утверждал он, составляет неперемное условие для сопротивления господству американского капитала над Европой. Но между двумя лозунгами существует лишь одно общее: оба они являются лозунгами «единого фронта», обращенными к некоммунистическому сектору левого крыла. Далее Троцкий напомнил, что идея Соединенных Штатов Европы была одобрена Коминтерном во второй половине 1923 г. «после довольно затяжной внутренней борьбы»⁵⁰. В то время, однако, никаких практических выводов не последовало. 11 апреля 1924 г., когда в Париже завершилась работа над планом Дауэса, Троцкий вновь поставил вопрос о необходимости создания «рабоче-крестьянских Соединенных Штатов Европы, без чего Европе грозит неминуемый экономический и политический упадок»⁵¹. Двумя месяцами позже он повторил, что только объединенная Европа в состоянии сохранить экономическую независимость и «отстоять себя в открытой борьбе против американской контрреволюции»⁵². В ходе прений на V конгрессе Коминтерна в июне-июле 1924 г. этот лозунг не упоминался. Но в манифесте по случаю годовщины начала войны 1914—1918 гг., проект которого был подготовлен Троцким и одобрен конгрессом, говорилось о том времени, когда, после победы пролетариата, «государства Европы соединятся в Советскую федерацию, Соединенные Рабоче-Крестьянские Штаты Европы»⁵³. Это придало лозунгу революционный характер, который соответствовал повороту влево, определившему тональность конгресса.

V конгресс с почестями похоронил тезис о рабоче-крестьянском правительстве, отождествив его с диктатурой пролетариата. Вместе с ним молча отказались и от лозунга Соединенных Штатов Европы. Полтора года о нем не было слышно. Затем, в январе 1926 г., после размолвки Сталина и Зиновьева, Троцкий возродил этот план в качестве создания потенциального противовеса нарастающему господству Америки. «Соединенные Штаты Европы против Америки, — заявил он, — эта перспектива вполне реальна, и подобный прогноз может быть сделан»⁵⁴. Спустя месяц, когда Троцкий вновь почувствовал, что он возвращается к участию в партийных делах, лозунг Соединенных Штатов Европы явственно прозвучал в основных тезисах VI расширенного пленума ИККИ⁵⁵. В них речь шла о том, что этот лозунг может стать средством, используя которое партии должны «развернуть перед широкими народными массами свою программу спасения Европы». При этом идея Соединенных Штатов Европы увязывалась с победой пролетарской революции. Цель такой увязки состояла в том, чтобы не допустить мысли об одновременной победе революции во всей Европе. Ничто не должно было подрывать доктрину социализма в одной стране. Однако в сочетании с лозунгом рабоче-крестьянского правительства в форме «Соединенных Штатов Рабоче-Кре-

стьянских Республик Европы», указывалось далее в тезисах, можно было бы создать основу альянса единой Европы с Советским Союзом, с угнетенными народами мира, с «социалистическим ядром американского пролетариата». Противостоять такому альянсу американский империализм оказался бы не в состоянии. Альянс сумел бы оказывать сопротивление таким капиталистическим махинациям, как созыв Лигой Наций экономических конференций и конференций по разоружению⁵⁶. В тезисах ИККИ к 1 мая 1926 г. также говорили о «Соединенных Штатах Социалистической Европы», которые «протянут братскую руку Советскому Союзу, колониальным народам и американскому пролетариату»⁵⁷.

VI расширенный пленум ИККИ принял, помимо основной резолюции, заявление по профсоюзному вопросу⁵⁸, высказался о формальной организации партий⁵⁹ и о «реорганизации деятельности ИККИ»⁶⁰. Одновременно пленум одобрил необычно большое число резолюций, рассматривавших положение в отдельных партиях. Это было характерным симптомом для периода, когда советским руководителям казалось, что самое главное для Коминтерна — установление твердой и последовательной дисциплины со стороны централизованной власти над наиболее крупными партиями. В резолюциях VI пленума ИККИ анализировалась ситуация в германской, британской, французской, чехословацкой, норвежской, американской и китайской партиях⁶¹.

Любые серьезные расхождения, возникавшие в Коминтерне, в большинстве случаев концентрировались вокруг КППГ. И какой бы внешне ни была тема дискуссии, основные дебаты велись на VI пленуме ИККИ по поводу КППГ. Хотя один лишь Бордига четко формулировал свои взгляды поборника левого крыла, тем не менее главные стрелы были направлены в германских левых и ультралевых. В своем вступительном слове Зиновьев остановился на опасности ультралевого уклона в КППГ и, перечисляя ультралевых, назвал Рут Фишер⁶². Она поспешила отвергнуть обвинение, заявив о своем одобрении тезисов Зиновьева и Открытого письма, адресованного КППГ в августе 1925 г. Рут Фишер заявила, что на данном этапе наибольшую опасность представляют ультралевые, но с ними нельзя бороться, не принимая одновременно мер против «правых тенденций и групп». Выступила и Клара Цеткин, которую в период господства в руководстве КППГ левых насильственно удерживали в тени. Свое новое появление на авансцене она использовала для мщения. В речи, пронизанной личной и политической антипатией, Цеткин высмеяла Рут Фишер, назвав ее «кающейся политической Магдалиной», которая надеется, публично признав свои прегрешения, вновь попасть в «список коммунистических святых». Клара Цеткин обвинила ее в некомпетентном руководстве, которое запутало все проблемы, и в игре на руку ультралевым. Затем Цеткин сделала мимолетный комплимент Брандлеру и Тальгеймеру, чего не слышали с коминтернов-

ской трибуны уже более двух лет, и завершила свое выступление новым призывом к политике единого фронта, способствующей завоеванию масс⁶³. Завершая дебаты, Зиновьев указал, что в Германии существуют три отличные друг от друга ультралевые группы: группа Фишер и Маслова, тщетно пытающаяся, по его словам, отрицать свою принадлежность к ультралевым; группа Шолема и Розенберга, которая колеблется между желанием сохранить свои ультралевые позиции и стремлением присоединиться к линии партии; группа Катца и Корша⁶⁴, являющихся просто-напросто буржуазными либералами. В заключение Зиновьев сделал примирительный жест. Он был общим по форме и, возможно, продиктован испытываемыми им самим трудностями. Однако в соответствующем контексте этот жест был направлен в сторону правых. Зиновьев сказал, что ему отнюдь не симпатична идея «пожизненной ссылки» даже тех, кто совершил «крупные ошибки в германском вопросе»⁶⁵.

Но серьезным обсуждением прошлой и будущей деятельности КППГ должна была заняться германская комиссия, значимость которой подчеркнул тот факт, что ее возглавил Бухарин, и в число ее членов включили Сталина и Зиновьева. Заседания комиссии, как обычно, были закрытыми, но, по всем данным, проходили они бурно. Главные речи произнесли Бухарин и Сталин (впоследствии они были опубликованы, хотя, по-видимому, и в сокращенном виде⁶⁶). И вновь самым энергичным выразителем взглядов ультралевых в КППГ, да и в других партиях, стал Бордига. Урбанс отстаивал трудную промежуточную позицию, которую занимали Рут Фишер и ее группа. Скандал вызвало оглашение в комиссии выдержек из личной переписки Рут Фишер, перехваченной партийной цензурой. На пленарном заседании Тельман зачитал отрывки из письма, отправленного Масловым из Берлина Рут Фишер в Москву. В нем Маслов поносил ИККИ, протестовал против угрозы «ликвидации партии» и предсказывал, что КППГ движется к «Гейдельбергу», то есть к расколу⁶⁷. На заседаниях комиссии были оглашены письма Рут Фишер Маслову и другим членам КППГ. В них описывалось положение после XIV съезда русской партии. Эти письма адресаты, по-видимому, не получили. В письме Маслову Рут Фишер писала: «В Ленинграде царит террор, и как раз поэтому мы должны умереть. От пятого конгресса остались лишь осколки. Мечта о большевизации пошла прахом». В другом письме говорилось о том, что в партии раздаются голоса в пользу «немедленного безоговорочного вступления в Амстердамский Интернационал» и за присоединение к Лиге Наций. Еще в одном — о трудностях, «уходящих корнями в русский партсъезд»⁶⁸. В другом месте Бухарин цитировал высказывание Рут Фишер, утверждавшей, что Советский Союз «разбит вдребезги», а Коммунистический Интернационал «разваливается»⁶⁹. Эти разоблачения должны были служить еще одним доказательством «двойной бухгалтерии», к которой прибегает Рут Фишер. Подводя итог, Ста-

лин отрицал, будто интересы Советского Союза могут требовать от западных коммунистических партий проведения «правой политики». Отрицал он также и то, что источник слабости нынешнего состава Центрального комитета КПГ следует видеть в «отсутствии в нем интеллектуалов». Он критиковал Мейера, находившегося на правых позициях, а также левых — Шолема, Урбанса и Рут Фишер, острее всех Рут Фишер. При этом ему удалось создать, как обычно, впечатление такта и умеренности⁷⁰. Главное достижение дискуссии — раскол ультралевой группы, уже ослабленной отступничеством и исключением Катца. Розенберг присоединился к большинству, проголосовав за предложенную комиссией резолюцию. На пленарном заседании лишь Шолем выступил в защиту остатков бывшей ультралевой фракции.

Резолюция представляла собой характерный сплав избитых фраз, представлявших различные точки зрения. Ее значение состояло в том, на какой из них она делала акцент. Резолюция начиналась с описания положения в Германии, медленно, но неуклонно соскальзывающей под гнетом репараций, плана Дауэса и Локарно к экономическому и политическому кризису. Для отражения грозящей опасности требовалось единство рабочего класса. Вслед за этим резолюция переходила в главное наступление на ультралевых, поименно упомянув Шолема и Розенберга, а также объявленных ренегатами Корша и Катца. «Ультралевое крыло, — указывалось в ней, — явилось главнейшим тормозом в процессе завоевания масс». Специальный раздел был посвящен группе Рут Фишер, которую охарактеризовали как «самый шатающийся и бессодержательный элемент в коммунистической партии Германии». Затем, более кратко, говорилось об «опасности правых уклонов». Никто всерьез не предполагал, что партия вернется на позиции, которые до 1923 г. занимал Брандлер. Но исключение было сделано для Мейера, утверждавшего, что партия сдвигается вправо. Это Мейер должен сдвинуться к партии, указывалось в резолюции. Наконец, Коминтерн благословил руководство, возглавляемое Тельманом, великодушно простив ему его ошибки: «Рабочая группа, стоящая во главе коммунистической партии Германии, образует ядро подлинно ленинского ЦК партии»⁷¹.

Подготовленные и обсужденные комиссией резолюции лишь изредка дискутировались на пленарных заседаниях. Если это и делалось, то лишь по инициативе тех, кто возражал против них. На этот раз Бухарин, внося резолюцию, предложил, чтобы она была открыта для обсуждения. Очевидно, кризис в КПГ оказался слишком острым, чтобы его можно было замять, и руководители Коминтерна решили внести здесь полную ясность. Бордига повторил свои принципиальные возражения против преследования левых и осудил, как он выразился, «идеологический террор», под которым он понимал практику объявления инакомыслящих «врагами ИККИ, врагами коммунизма и так далее». Норвежский делегат Хансен заявил, что он присоединяется к Бордиге и про-

голосует против резолюции, поскольку осуждение немецких левых поощрит правые уклоны в других партиях. Свои позиции изложили представители всех фракций в КПГ — от Шолема, находившегося на ультралевом фланге, до Мейера, представлявшего умеренных правых.

Какие бы другие цели и ни скрывались за данной процедурой, она продемонстрировала глубину и ожесточенность противоречий, разделявших многочисленные отколовшиеся группы в КПГ, особенно на ее левом крыле. Наиболее значимыми стали речи Ломинадзе и Мануильского. В них прозвучали опасения, испытываемые советскими руководителями. Поставив теоретический вопрос — что объединяет «все оттенки ультралевой», Ломинадзе заявил: «Их цель — создать единство ультралевых на платформе борьбы против Всесоюзной коммунистической партии... и Коминтерна. Здесь дело идет об угрозе создания международной левой фракции, если не нового Интернационала... Эта попытка несомненно имеет место». Прения, сказал Мануильский, «приняли несколько неожиданный характер организованного напора международной группы ультралевых». Он добавил, что под «правыми», от которых Рут Фишер предложила спасти Коминтерн, она фактически подразумевает компартию СССР и весь Центральный комитет КПГ. Остался в силе запрет на обсуждение коммунистическими партиями разногласий в ВКП(б) ⁷². Имя Зиновьева не упоминалось, и не было сказано ничего такого, что могло бы быть воспринято как обвинение его в участии в заговоре международной ультралевой против советской политики и Коминтерна. Но многие не могли избавиться от впечатления, что именно это и беспокоит советских представителей. После того как Тельман в своем обычном энергичном, но расплывчатом стиле подвел итог прениям, выступил Бухарин. Придерживаясь нарочито умеренного тона, он взял руководство КПГ под защиту ИККИ и заявил: «Мы будем поддерживать этот ЦК в борьбе против всяких уклонов — против правых, против ультралевых и против самой беспринципной группы, группы т. Рут Фишер» ⁷³. Резолюция была принята. Против нее проголосовал Хансен. Бордига отсутствовал ⁷⁴. Выступив от себя лично, а также от имени Рут Фишер и двух немецких делегатов с «совещательным» голосом, Урбанс огласил заявление. В нем указывалось, что если бы они имели право решающего голоса, они выступили бы против этой резолюции. В силу дисциплины они, однако, подчиняются ей ⁷⁵.

В статье без подписи коминтерновский журнал приветствовал «ликвидацию ультралевых в КПГ». В ней также указывалось, что Суварин, Пауль Леви и «частично» Тальгеймер, Хеглунд, Маслов, Корш и Катц «пытались противопоставить русскому ленинизму „настоящий“ западноевропейский коммунизм» ⁷⁶. В небольшой статье в немецком партийном журнале Бухарин вновь сформулировал официальную точку зрения. Он в равной степени осудил правый и ультралевый уклоны и ушел от констатации, какой из

них опаснее. В том же номере была опубликована статья анонимного члена КПГ, который решительно утверждал: «Сегодня ультралевая опасность несравненно больше опасности правой»⁷⁷. Так или иначе, КПГ хотела сделать предельно ясным, что решения VI расширенного пленума ИККИ представляют собой отход от левого курса.

В отличие от жесткого отношения к КПГ деятельность британской компартии по-прежнему почти безоговорочно одобрялась. Беннет выступил с осторожным докладом, выразив сожаление по поводу малочисленности и слабой организации КПВ: «Несоответствие между влиянием коммунистической партии и ее численным составом является основной проблемой компартии Англии»⁷⁸. Но это мало сказалось на господствующем оптимистическом настроении. В короткой и выдержанной в официальных тонах резолюции одобрялся доклад ИККИ о проделанной им после предыдущего пленума работе, а о британской и китайской партиях говорилось, что они «добились больших успехов»⁷⁹. Зиновьев подтвердил приятия КПВ считаться образцовой партией. Он назвал ее первой в обзоре деятельности иностранных партий, сделанном в основном докладе. Зиновьев высказал мнение, что в мае, когда истечет срок действия соглашения о зарплате шахтеров, в стране вспыхнут «громкие социальные битвы»⁸⁰.

Резолюция по английскому вопросу исходила из оптимистического диагноза «непрерывного упадка британского империализма» и «революционизации рабочего класса»⁸¹. С 1924 г. КПВ не знала внутренних расколов. Она добилась огромного успеха в тред-юнионах и среди безработных. КПВ, наконец, решительно поддержала шахтеров в их борьбе с работодателями. Единственная негромкая тревожная нотка прозвучала в той части резолюции, где партию призвали «по крайней мере удвоить свой состав» в 1926 г.⁸²

Руководитель британской делегации с надеждой констатировал рост безработицы и неспособность капиталистических работодателей пойти на новые уступки рабочим в сфере заработной платы. Он, однако, воздержался от сколько-нибудь революционных прогнозов⁸³. В заключительном слове Зиновьев выразил надежду, что другие партии последуют примеру КПВ, которая сообщила пленуму ИККИ «не о кризисах, а о своих успехах»⁸⁴. Выступая после пленума на собрании Московской партийной организации, он отметил, что КПВ «постепенно вырастает в мощную организацию, которая поведет за собой миллионы рабочих»⁸⁵. Редко какая другая партия получала столь безоговорочное одобрение и пользовалась в Москве таким доверием, как КПВ в первые месяцы 1926 г.

Главная задача VI расширенного пленума ИККИ в отношении французской компартии сводилась к одобрению шагов, предпри-

нятых на партийной конференции 1—2 декабря 1926 г., а также на пленуме ее Центрального комитета 31 января—2 февраля 1926 г.⁸⁶ Правда, Коминтерн со времени своего IV конгресса (ноябрь 1922 г.) французские проблемы серьезно не обсуждал. А между тем неопытное и неуверенное партийное руководство испытывало на себе непрерывный нажим не только уже исключенных из партии Суварина, Монатта и Росмера, но и со стороны мощной правой оппозиции, все еще остававшейся в рядах ФКП. По-видимому, именно по этим причинам ФКП было уделено на пленуме больше внимания, чем любой другой партии, за исключением КПГ. Во вступительной речи Зиновьев настойчиво говорил о правой оппозиции, включив в нее синдикалистов, которые следовали за Росмером, «ликвидаторов» — сторонников Суварина и социал-демократов, поддерживавших Лорио. «Симптомы ультралевой опасности» он оставил на рассмотрение французской комиссии⁸⁷. Глава французской делегации Семар довольно пространно говорил о «левых ошибках», совершенных до декабря, а затем перешел к более знакомому делу осуждения «правых» внутри и вне партии⁸⁸. Представитель оппозиции Энглер заявил, что критика правых оправдана изменением в партийной линии в декабре, и убил сразу двух зайцев, назвав Рут Фишер «немецкой Сюзанной Жиро». Ему подробно ответил Торез⁸⁹, впервые прибывший в то время в Москву. Безупречная пролетарская анкета Тореза (Торез происходил из шахтерской семьи) предопределяла ему такую же роль, какую играл Тельман в КПГ.

Как обычно, заседания комиссии носили закрытый характер⁹⁰. Длинную резолюцию о положении во французской партии представил на пленарном заседании председательствовавший в комиссии Эмбер-Дро. Приоткрывая завесу, он заметил, что, хотя проект резолюции и настаивает на том, что «основная опасность» для ФКП исходит справа, комиссия тем не менее уделила больше внимания «левым уклонам и организационным ошибкам партии»⁹¹. В резолюции был твердо подтвержден принцип, лежащий в основе политики единого фронта: «Увлечь широкую пролетарскую массу на путь революционной борьбы, втянуть в нее слои мелкой буржуазии и крестьянства, подчинив их политическому руководству пролетариата, стать в центре широкого революционного движения против крупного капитала — такова главнейшая задача нашей партии». Далее указывалось, что, «не победив внутреннего сопротивления правильной тактике единого фронта, ни партия, ни профсоюзы не способны будут завоевать широкие массы». Резолюция настойчиво подчеркивала необходимость не только привлечь на свою сторону профсоюзы, но и втянуть в них «подавляющее большинство рабочего класса». (Отмечалось, что во Франции организована лишь незначительная доля рабочих.) Пролетаризация партии выдвигалась как условие ее большевизации. Вслед за разделом о «недооценке правой опасности» рассматривались «ультралевые ошибки», допущенные в ходе кампаний, проведен-

ных в 1925 г. (резолуция неоднократно указывала на них). В этой связи упоминался и осуждался Трэн. Вывод резолюции состоял в одобрении решений конференции, проведенной 1—2 декабря 1925 г., которые в общем устраняли источник подобных ошибок. Мимоходом подвергнув критике Сюзанну Жиро за то, что она заняла слишком «механистическую» позицию в отношении профсоюзов, пленум ИККИ дал понять, что он не намерен позволить ей занять место Трэна. Резолюция решительно выступала за «расширение базы партийного руководства», которое должно стать «подлинным объединяющим центром» для всех членов партии. В завершение вновь пространно критиковались правые. Группу 250-ти призвали «отказаться от своих ложных взглядов по важным тактическим вопросам, от своей солидарности» с «Бюллетэн коммунист» и «Револьюсьон пролетарьен».

На пленарном заседании резолюция была принята без обсуждения. Против нее голосовал один Бордига⁹². Смысл всего этого состоял в том, что под завесой резких выражений, адресованных правым, ФКП осторожно переориентировали на новый курс, которым следовали Коминтерн и советская политика. Ей дали понять, что самые серьезные потенциальные враги — это ультралевые. Сема, ставший, возможно, наиболее влиятельным деятелем в ФКП, выступил со статьей, в которой приветствовал «единство рабочего класса» как «центральную идею» пленума. В таких условиях, сказал он, необходимо выдвигать «самые умеренные лозунги». Этим и объясняется, заявил Сема, почему ИККИ «подчеркнул ошибки левых во французской и немецкой партиях»⁹³.

Положение в Коммунистической партии Чехословакии, сложившееся после ее III съезда в сентябре 1925 г. и успеха на национальных выборах, проведенных двумя месяцами позже⁹⁴, оказалось настолько удовлетворительным, что ее деятельность вряд ли могла привлечь особое внимание на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г. Из ее руководителей в общей дискуссии участвовал лишь Нейрат, безоговорочно одобливший тезисы Зиновьева. Одновременно Нейрат дал понять, что в партии он по-прежнему находится на левом крыле. Заявив о необходимости вести «повсеместную борьбу с ультралевыми», Нейрат тут же подчеркнул, что «крупные опасности грозят Коминтерну в данный момент именно справа»⁹⁵. Такая расстановка акцентов не соответствовала тогдашней линии Коминтерна. Критически на это отреагировал Тельман, представлявший партию, главной опасностью для которой была ультралевая оппозиция, а чехословацкая делегация считала в этой связи благоразумным включить в резолюцию формулировку, фиксирующую признание равной опасности как правого, так и левого уклона⁹⁶.

Затруднения вызвала и сложная ситуация, сложившаяся в профсоюзах. Проведенный в январе 1926 г. в Праге съезд Организации красных профсоюзов обратился ко всем чехословацким

рабочим — без различия национальной и политической принадлежности — «объединиться, с тем чтобы покончить с расколом в профсоюзах»⁹⁷. Однако этот прекрасный совет не был услышан, в том числе и рабочими-коммунистами, которые не обнаруживали большей, чем прежде, склонности вступать в социал-демократические профсоюзы. Особенно они возражали против создания в социал-демократических профсоюзах коммунистических фракций. По их мнению, надо было побуждать рабочих выходить из социал-демократических и вступать в красные профсоюзы⁹⁸. Словно желая показать, что реальная оппозиция в чехословацкой партии действительно исходит справа, группа правых во главе с Гулой, в прошлом приверженцем Шмерала, направила ИККИ меморандум. В нем она протестовала против политики ЦК партии. В числе семи человек, подписавших меморандум, был Гандлир, руководитель Красного профсоюза рабочих лесной промышленности, который упорно отказывался присоединиться к Организации красных профсоюзов и подчиниться партийным директивам. Протест посчитали достаточно важным для передачи его на рассмотрение комиссии. «Ответ на меморандум группы правых в Чехо-Словацкой коммунистической партии» был без обсуждений одобрен пленарным заседанием. В нем безоговорочно одобрялась «твердая и разумная политика» ЦК партии, отмечалась «блестяще проведенная кампания», обеспечившая партии поразительный успех на выборах, а также резко критиковалась позиция авторов меморандума по профсоюзной проблеме. Особой критике была подвергнута та его часть, в которой предпринималась попытка обнаружить в Открытом письме, адресованном КПГ, и в выступлениях на XIV съезде русской партии аргументы в поддержку правых. В ответе содержался призыв к чехословацкой партии развернуть решительную борьбу против группы, которая фактически является «организованной фракцией»⁹⁹.

После окончания пленума ИККИ ЦК чехословацкой партии принял резолюцию, одобрявшую такое реагирование. В ней также содержалось обещание «сделать невозможной фракционную деятельность в любой ее форме»¹⁰⁰. Состоявшееся сразу же вслед за этим заседание Центрального совета Профинтерна осудило «провал» попыток объединить все красные профсоюзы в Организацию красных профсоюзов. Вина за это возлагалась на Тетенека, председателя профсоюза строителей. Центральный совет призвал добиваться профсоюзного единства¹⁰¹. Весьма показательно, однако, что в ходе всех этих дискуссий никого из партии не исключили и никому не угрожали исключением. После схваток 1924 г. руководство чехословацкой партии, аналогично тому, как это было в КПВ, представляло собой коалицию правых и левых. Подобно КПВ, оно сохраняло непоколебимую верность Коминтерну. Ему также удалось обеспечить себе позиции, позволяющие оказывать влияние в некоммунистическом левом секторе. Оппозиция — будь то левого или правого толка — не была столь сильна, как коали-

ция, на которую опиралось руководство. В таких обстоятельствах Коминтерн мог позволить себе удовлетвориться достигнутым и пока больше не вмешиваться.

Несколько неожиданно объектом резолюции VI расширенного пленума ИККИ стала Норвежская коммунистическая партия. После выхода из Коминтерна в 1923 г. Норвежской рабочей партии во главе с Транмелем¹⁰² Норвежская коммунистическая партия пребывала в положении небольшой, неприметной и ортодоксальной организации. Проявляя больше верности и энтузиазма, чем любая другая партия, за исключением британской, она придерживалась тактики единого фронта как в профсоюзах, так и на политической арене. Здесь она выступила поборником создания «трудовой партии», состоящей главным образом из людей, вышедших из партии Транмеля. Теперь, пусть временно, она оказалась в центре внимания, что объяснялось эксцентричным поведением ее лидера Хансена на заседании Президиума ИККИ в январе 1926 г. Он тогда поддержал требование Рут Фишер, чтобы ошибки правых осуждались в той же степени, что и ошибки левых. Требование это встретило сопротивление не более, не менее как Сталина¹⁰³. У Хансена хватило храбрости, чтобы проголосовать против резолюции ИККИ по германскому вопросу на том основании, что она направлена главным образом против левых и игнорирует опасность справа. Столь пристрастное отношение, заявил он, может поощрить правый уклон в других партиях, в частности в норвежской¹⁰⁴.

Спровоцированная такой позицией, скандинавская комиссия подготовила проект резолюции «по норвежскому вопросу». В нем одобрялась позиция Норвежской коммунистической партии в отношении создания «лейбор-партии», независимой от Рабочей партии Норвегии, возглавляемой Транмелем. Это, указывалось в резолюции, «не есть какой-нибудь двусмысленный маневр», а попытка объединить «силы норвежского пролетариата». Резолюция не предлагала объединить Норвежскую коммунистическую партию с «лейбор-партией», поскольку такое объединение представляло бы собой правый уклон. Но в идее создания «лейбор-партии», указывалось в ней, нет ничего такого, что оправдывало бы «ультралевую нервозность». Завершалась резолюция заявлением, что «основание лейбор-партии есть необходимая предпосылка для нанесения разгрома наступлению капитала», яркий пример тактики единого фронта. Резолюция была без обсуждения единогласно одобрена на пленарном заседании¹⁰⁵. Хотя дискуссия возникла лишь из-за ультралевых заблуждений Хансена, тем не менее весь этот эпизод стал показателем — пусть и незначительным — тенденций, господствовавших в то время в политике Коминтерна.

На VI расширенном пленуме ИККИ вновь заявили о себе пусть и банальные, но вызывающие беспокойство проблемы аме-

риканской партии. Зимой 1925/26 г. Фостер и Биттелмен провели в Москве, стараясь подорвать господство Рутенберга в партии и укрепить собственные позиции в своем опорном пункте — Лиге профсоюзного просвещения¹⁰⁶. Рутенберг прибыл в феврале 1926 г. на VI пленум ИККИ с целью защитить свое положение. Он вновь обрел союзника в лице Пеппера. На подкрепление Фостеру и Биттелмену в Москву приехал Браудер.

В американскую комиссию вошли Зиновьев, Бухарин и Сталин¹⁰⁷. Известно, что Сталин действительно участвовал в ее заседаниях. Спор между двумя фракциями приобрел ожесточенный характер. Фостер попытался убедить ИККИ внести изменения в состав Центрального исполкома, с тем чтобы вернуть ему, Фостеру, большинство, которого его лишил Гусев на Чикагском съезде в августе 1925 г.¹⁰⁸ Рутенберг сетовал на «непрерывную, бесстыдную ложь» Фостера. Фостер подхватил вошедшие в моду нападки на ультралевых. Он не только обрушился с критикой на Рут Фишер и Маслова, что вызвало иронические аплодисменты Пеппера, но и обвинил Рутенберга в ультралевом уклоне в профсоюзной политике американской партии. Создается впечатление, что Фостер, как обычно, опирался на поддержку Лозовского, а в то время Лозовский был в целом близок к Сталину¹⁰⁹. Было принято соломоново решение, которое, правда, дало Фостеру больше, чем он мог ожидать после разгрома в Чикаго. Подготовленный комиссией проект резолюции вслед за странно оптимистическим предсказанием, что американской партии предстоит сыграть «громадную, во многих отношениях *решающую* роль», содержал предупреждение, что выпавшая ей «историческая миссия» не сможет быть осуществлена без «безусловного прекращения... фракционной борьбы». Комиссия не видела оснований для изменения курса V расширенного пленума ИККИ. Она торжественно провозгласила, что о «новых переменах в составе нынешнего ЦК Американской коммунистической партии» не может быть и речи, поскольку «партия сама определяет на партийных съездах состав своего Центрального Комитета». Вместе с тем в резолюции выражалась уверенность, что нынешнее большинство не станет «злоупотреблять аппаратом» или «майоризировать меньшинство», в «лояльности которого Коммунистическому Интернационалу нет оснований сомневаться». Такое осторожное, но недвусмысленное отклонение требования Фостера было, однако, уравновешено столь же осторожной уступкой на профсоюзном фронте. Резолюция рекомендовала уделить «значительно больше внимания» работе в профсоюзах. Ответственность за этот участок по-прежнему возлагалась на Фостера и его сторонников, а группа большинства должна была им оказывать максимальную поддержку. С другой стороны, рекомендовалось «радикально пересмотреть» программу Лиги профсоюзного просвещения. Она не должна пытаться превратиться в партию или коммунистическую организацию. Лига

должна быть, указывала резолюция, лишь инструментом для проведения тактики единого фронта¹¹⁰.

Когда резолюция была вынесена на обсуждение пленарного заседания, представители каждой из групп выступили с заявлениями, сделав упор на тех ее частях, которые соответствовали их интересам, и тем самым продемонстрировали отсутствие всякого согласия между собой. Но в конце концов обе группы резолюцию приняли, и она была без дальнейшей дискуссии единогласно утверждена¹¹¹. Как руководители Коммунистического Интернационала, так и представители европейских партий в ИККИ с чувством облегчения восприняли возможность официально зарегистрировать согласие по проблеме, которую они не понимали и которая каким-то таинственным образом оказывалась в рамках представлений о правом и ультралевом уклонах.

Речь Зиновьева, подводившая итоги пленума, прозвучала, как это и полагается в таких случаях, на оптимистической ноте. Ключевыми словами этого пленума, как и состоявшегося годом раньше, стали «стабилизация» и «большевизация». Однако оратор противопоставил «колеблющуюся стабилизацию капитализма» «крепнущей большевизации Коминтерна». ИККИ поддержал дело ленинизма, сказал Зиновьев, и, будучи верным ему, расправился как с правым, так и с левым уклоном. «Попытки изобразить дело так, будто нынешний Исполком вел борьбу лишь на один фронт,— заявил он,— опрокинуты фактами». Великобритания находится «накануне грандиозных боев», продолжал Зиновьев. В Германии и Франции капитализм тоже на спаде. «В решающих странах Европы и на Востоке начинается поворот». Несмотря на все трудности, «притягательная сила пролетарской революции в СССР растет и будет расти не только для коммунистического, но и для всего пролетариата мира»¹¹².

Это был во многом важный вывод. Бордига и ультралевые бросили решительный вызов единству революционного процесса. Рассматривая ленинизм в качестве варианта марксизма, подходящего лишь для русских условий, они отвергли применимость русского опыта для международного коммунистического движения и притязания русских на неоспоримое руководство в Коминтерне. Требуя приспособления политики русской партии и Советского государства к целям революционного пролетариата¹¹³, они тем самым отвергали предпосылки, лежащие в основе концепции «социализма в одной стране», и вновь заговорили о неискоренимой русской «отсталости». Настаивая на отличиях России от Запада, они нарушали всемирное единство пролетариата и подрывали основную концепцию однородности рабочего движения, направляемого и организуемого Коминтерном по принципу единообразия.

Зиновьев побил ультралевых их собственным оружием. Если неспособность западного пролетариата, заметил он, следовать русскому примеру временно разделила мировой пролетариат на две

географические категории, то в ожидании мировой революции единство необходимо восстановить. Путь к этому, продолжал он, пролегает через превращение Москвы в центр и фокус всего рабочего движения. Существенно важная задача Коминтерна как раз и состоит в том, чтобы создать такую «силу притяжения». Однако у вывода Зиновьева был подтекст, к которому он вряд ли сознательно стремился. С точки зрения Советского Союза, к 1926 г. нарастание его собственных сил придавало ему больше уверенности, чем расчет на ускользающую перспективу свержения капитализма на Западе. Следовательно, поскольку, как это решительно утверждалось, препятствием для полного построения социализма в Советском Союзе является не отсутствие материальной помощи со стороны пролетарских режимов в более развитых странах, а угроза Советскому Союзу, создаваемая капиталистическими правительствами¹¹⁴, Москва приветствовала бы любые меры, укрепляющие безопасность СССР — пусть даже эти меры не станут подкреплять надежды на пролетарскую революцию в капиталистическом мире. Но сколько бы ни разъясняли, что, рассматривая проблему в длительной перспективе, противопоставлять построение социализма в одной стране мировой революции неверно и что отсрочка революции в других странах на длительное время сделала безопасность Советского Союза главным гарантом революционного дела и залогом конечной победы, все надежды Москвы были теперь обращены внутрь страны. Приоритеты поменялись местами. Победа социализма стала прежде всего русской, а уже потом мировой проблемой. Вопреки первоначальным убеждениям большевиков, сохранение завоеваний российской революции больше не зависело от мировой революции. Теперь перспективы мировой революции зависели от триумфа российской революции, от успешного продвижения Советского Союза по пути социализма.

Для Коминтерна такая перемена приоритетов означала кульминацию процесса, начало которому было положено отступлением, провозглашенным на III конгрессе в 1921 г.¹¹⁵ Именно тогда, а быть может и раньше, стало очевидным, что хотя конечный синтез долговременных интересов связан с мировой революцией, непосредственные интересы страны, в которой власть уже от имени пролетариата захвачена, могут легко разойтись с интересами той или иной страны, где пролетарская революция остается делом далекого будущего. С течением времени нарастающая сила советского режима и неспособность партий в других странах совершить там революцию подрывали представление о зависимости российской революции от революций в иных частях света, уменьшали возможность оспаривать господство русской партии в Коминтерне. Наибольшее недовольство это господство вызывало в КПГ, оставшейся единственной партией, способной стать соперником русской партии в престиже и интеллектуальном авторитете. Но немецкая партия пребывала в состоянии ослабляющего ее рас-

кола. Протесты отдельных лиц и групп интеллектуалов, составлявших ядро ультралевого крыла, слабо доходили до рядовых коммунистов. Позиция Бордиги — а он к тому времени тоже оказался в положении изолированного интеллектуала — явилась последней попыткой бросить вызов монопольному руководству русской партии в Коминтерне и найти иные источники доктрины и власти. После отражения этой попытки Коминтерн — подобно самой русской партии — стал «монолитным». В дальнейшем возникавшие в нем разногласия лишь отражали разногласия в самой русской партии. В Москве разрабатывались унифицированная политика и, насколько это было возможно, организационное единообразие. Для отражения непокорных и вознаграждения сохранявших верность использовались те же самые методы, которые оказались столь эффективными в самой русской партии.

КОМИНТЕРН И ПРОФСОЮЗЫ

а) Кампания за единство

Необычайную интенсивность и яростность борьбы коммунистов за господство в профсоюзах объясняли двумя обстоятельствами. Во-первых, профсоюзы по своему составу — преимущественно пролетарские организации. В ряду других объединений рабочих они были, как это сформулировал Троцкий, «самыми беспримесными по классовому составу»¹. Их оппозиция коммунизму уходила корнями не в сколько-нибудь реальное столкновение интересов, а либо в отсутствие у рабочих классового самосознания, сведенного на нет пропагандой и руководством со стороны правых, либо в предательство тогдашними лидерами, которые не выражали истинных интересов рабочих. Во-вторых, в годы войны профсоюзы в капиталистических странах в большей степени, чем политические партии, сохранили свою сплоченность. Они вышли из войны более мощными, с большим чувством уверенности, с большим доверием рядовых членов к руководителям. Международная федерация профсоюзов (МФП) оказалась более эффективной организацией, способной противостоять наступлению коммунизма, чем умирающий II Интернационал. В 1920 г., когда революционный оптимизм достиг своей кульминации, в Москве решили создать Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн), с тем чтобы захватить МФП и заменить ее. Такое решение казалось естественным следствием возникновения III Интернационала, призванного сменить II-й. Когда в то время Ленин настоятельно призывал коммунистов «любой ценой» оставаться в профсоюзах, то напрашивалась аналогия с предписанием британским коммунистам не выходить из лейбористской партии. Если говорить о тогдашних лидерах, то такой совет можно было сравнить с поддержкой, которую оказывает веревка повешенному². Мировая революция, как полагали в Москве, была не за горами. Завоевание профсоюзов и замена Амстердама Москвой в качестве фокуса мирового профсоюзного движения стали делом ближайшего будущего. Острую, но скоротечную борьбу с упрямыми лидерами старого толка, борьбу, которая должна завершиться окончательной победой над ними, закономерно считали делом одной лишь военной хитрости.

В Москве, возможно, не предвидели столь быстрой реакции Амстердама на такую тактику. Не успел еще Профинтерн начать

функционировать, как руководящий комитет МФП на состоявшемся 18—21 мая 1921 г. заседании заявил, что «профсоюзные организации не имеют права примыкать к двум профсоюзным Интернационалам одновременно». «Вследствие этого, — указывалось в резолюции МФП, — любая организация, которая примыкает к политическому профсоюзному Интернационалу Москвы, автоматически ставит себя вне Международной федерации профсоюзов»³. Трудности, связанные с такой двойственной позицией в международном профсоюзном движении, а также с политикой Коминтерна и советской внешней политикой в целом, проистекали из неожиданной задержки развития революционного процесса. С точки зрения ближайшей перспективы, казалось, что можно прекрасно совмещать захват профсоюзов коммунистами с продолжением работы в них в существующих формах, поскольку последнее есть средство достижения основной цели. В далекой же перспективе систематическая деятельность в профсоюзах создала бы проблему лояльности, трудно сочетающуюся с курсом на захват. Однако профинтерновские руководители в Москве считали, что «разрыв всех контактов с Амстердамом» при одновременном продолжении работы «внутри» входивших в него союзов, а также революционная политика при сохранении членства в «реформистских» организациях не вызовут серьезных затруднений. Но таким опытным британским тред-юнионистам, как Теннер, эти затруднения стали сразу же очевидными⁴.

Когда летом 1921 г., то есть через четыре месяца после провозглашения НЭПа и сразу же за III конгрессом Коминтерна, создание Профинтерна стало свершившимся фактом, атмосфера изменилась. III конгресс Коминтерна констатировал замедление революционного процесса и дал сигнал к отступлению с выдвинутых позиций⁵. Профинтерн тут же был поставлен в известность о переносе акцентов. Как и верховодившая им организация, он в теории не отказался от своих конечных революционных целей. В практической же деятельности Профинтерн сделал упор на решение повседневных тактических задач. Это, в частности, предполагало явные компромиссы с организациями, которые он яростно критиковал и пытался со всей энергией ликвидировать. В резолюции по вопросу тактики, принятой учредительным конгрессом Профинтерна в июле 1921 г., осуждался «нейтрализм» и заявлялось, что «создание этого центра революционного профсоюзного движения — отправной пункт для ожесточенной борьбы внутри мирового профсоюзного движения под лозунгом: Москва или Амстердам»⁶. Однако резолюция того же самого конгресса по организационным вопросам осудила такие лозунги, как «разрушение союзов» или «Вон из союзов!»: «Тактика вывода революционных элементов из союзов и уступка многомиллионных масс рабочих исключительному влиянию предателей рабочего класса играет на руку контрреволюционной профсоюзной бюрократии, и поэтому ее следует резко и категорически отвергнуть».

Политика, указывалось в резолюции, должна состоять не в том, чтобы «вырывать из союзов лучших и наиболее сознательных рабочих и создавать небольшие организации». Необходимо оставаться в существующих союзах, с тем чтобы «революционизировать» их. Захват союзов означает «не захват касс⁷ и собственности профсоюзов, а захват членов союзов». В резолюции, однако, проводилось одно очень четкое различие. Бывали случаи, когда национальные профсоюзные федерации примыкали как к МФП, так и к Межсовпрофу. Подобная двойная принадлежность решительно осуждалась: «Разрыв с Амстердамом представляет собой условие для вступления национальных профсоюзных центров в Красный Интернационал». С другой стороны, в тех странах, где национальная организация примыкает к Амстердамскому Интернационалу, «отдельные союзы, федерации или меньшинства, организованные на национальном уровне, могут принадлежать к Профинтерну, даже если они остаются в старых профсоюзах»⁸.

Эта инструкция была зафиксирована в уставе Профинтерна, принятом на том же конгрессе. Условия приема в Профинтерн «любой экономической пролетарской классовой организации» включали «разрыв с желтым Амстердамским Интернационалом». Однако в загадочном разделе «Единство действий и единство организаций» делалась попытка рассмотреть ситуации, к которым такой категорический совет неприменим: «Меньшинства, принадлежащие к Профинтерну, в общих профсоюзных и национальных центрах, а также отдельные организации, принадлежащие к нему, обязаны координировать всю свою деятельность. Если общий профсоюзный центр страны принадлежит к Профинтерну, отдельные организации не могут принадлежать к нему независимо. Революционные организации, которые симпатизируют Профинтерну, должны вступить в общие профсоюзные организации своих стран»⁹. В контексте резолюции по организационным вопросам это означало, что в случаях, когда национальный профцентр в той или иной стране примыкает к Амстердаму, группы или союзы меньшинства, принадлежащие к Профинтерну, должны сохранять членство в центральной организации и, следовательно, функционировать на основании принципа двойной лояльности.

Создание Профинтерна положило начало конфликту, вылившемуся во взаимные яростные обвинения в «раскольничестве». По вполне объяснимым причинам солидарность профсоюзов издавна считалась паролем рабочего движения, а призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — основополагающим девизом марксизма. Всякий, кого можно было обвинить в «расколе», автоматически навлекал на себя осуждение. Возникновение в Москве соперничающего Интернационала породило в Амстердаме гнев и опасения. А когда Профинтерн и его сторонники попытались влиять на отдельные профсоюзы и их членов, это вызвало неистовую враждебность оказавшихся под угрозой лидеров. Коммунистов начали поспешно изгонять из «реформистских» профсоюзов (по

крайней мере, им угрожали изгнанием), а коммунистические союзы — из «реформистских» федераций. Несомненно, обвинения в нарушении профсоюзных уставов и дисциплины часто имели под собой почву. Непокорное меньшинство обычно навлекает на себя обвинение в нелояльности — особенно, когда борьба становится ожесточенной, а раскол глубоким. Это вскоре и произошло в профсоюзном движении. С точки зрения сторонников МФП, Профинтерн был организацией, сознательно раскалывающей до тех пор однородные профсоюзы. Для сторонников же Профинтерна раскол возник в результате попытки лидеров большинства сохранить монополию Амстердама, а также вести дело к изгнанию непокорных из профсоюзов.

Провозглашение Коминтерном в декабре 1921 г. тактики единого фронта¹⁰ лишь обострило борьбу. Принцип единого фронта ни к кому не подходил столь очевидно, как к профсоюзам. Единство профсоюзов казалось самым воплощением идеи единого фронта рабочих. Однако Лозовский, приветствуя новый лозунг, сделал осторожную оговорку: «Мы хотим создать единый фронт с любой организацией рабочих, но фронт для классовой борьбы, а не для классового сотрудничества»¹¹. Дилемму «с» или «против» Амстердама можно было разрешить лишь на основе концепции единого фронта «снизу», против лидеров МФП, путем восстания рядовых членов профсоюза. Несовместимые теории лояльности вызывали столкновения и порождали исполненные горечи взаимные обвинения в вероломстве.

В феврале-марте 1921 г. расширенный пленум ИККИ обсудил проблему двойного подчинения. С одной стороны, было четко сформулировано требование к коммунистам не выходить из «реформистских» профсоюзов: «На ближайший период задача коммунистов состоит в расширении своего влияния в старых реформистских профессиональных союзах, в борьбе против политики раскола амстердамских лидеров и в точном и последовательном проведении тактики единого фронта в профсоюзном движении. Как бы незначительно ни было меньшинство внутри отдельных профессиональных союзов или профсоюзных картелей, коммунисты должны влиять в том смысле, чтобы это меньшинство оставалось в соответственных организациях и боролось за проведение программы и тактики меньшинства». Но указание оставаться в реформистских союзах уравнивалось «резким и категорическим» осуждением «ложной надежды на полевение амстердамских лидеров», которая в странах, где был допущен такой просчет, породила «ликвидаторские течения в отношении Красного Интернационала»¹². Амстердамским профсоюзам была протянута рука дружбы, а лидерам Амстердама объявлена война.

В резолюции также рассматривалась трудная проблема «организаций меньшинства в национальном масштабе», которые, в соответствии с приказом Профинтерна, «оставались в старых профсоюзах». Резолюция по организационным вопросам, принятая

I конгрессом Профинтерна, предполагала, что такие меньшинства будут примыкать к Профинтерну¹³. Поскольку, однако, как теперь стало ясно, заявление о верности Профинтерну поставило бы эти организации перед угрозой исключения из союзов, что сделало бы невозможным достижение конечной цели, расширенный пленум ИККИ выработал новую установку: «Присоединение к Красному Интернационалу союзов профсоюзных меньшинств, которые должны оставаться в старых организациях, может быть только идейным»¹⁴. С этого момента возникли две формы принадлежности к Профинтерну союзов, действующих за пределами СССР. В первую категорию входили члены «красных» профсоюзов или профсоюзных организаций, примыкающих к Профинтерну. Во вторую — меньшинство в профсоюзах или профсоюзных организациях, входящих в МФП. Членство последних в Профинтерне официально не оформлялось и сводилось к идейной приверженности политике Москвы¹⁵. В течение многих лет эти две категории учитывались в статистических материалах, публикуемых Профинтерном.

Сложная международная структура профсоюзного движения складывалась в рамках не только Международной федерации профсоюзов, базирующейся в Амстердаме, к которой примыкали национальные профсоюзные организации, но и международных организаций трудящихся отдельных профессий и отраслей промышленности. Последние располагали своими собственными секретариатами и регулярно проводили конгрессы и съезды. Они официально именовались «федерациями» и «союзами», но были широко известны в специальной литературе как «профессиональные Интернационалы», «международные профессиональные секретариаты» или просто — «Интернационалы». Наиболее мощными среди них были Международная федерация металлистов и Международная федерация транспортников. До 1914 г. насчитывалось 32 таких профессиональных Интернационала, поддерживавших определенные связи с МФП¹⁶. Вскоре после войны большинство из них возродилось. Ко времени проведения в Москве в июле 1921 г. учредительного конгресса Профинтерна МФП провозгласила принципиальное положение, согласно которому признание федерации стало условием приема в примыкавшие к ней профессиональные Интернационалы¹⁷. На учредительном конгрессе Профинтерна было решено не пытаться расколоть Интернационалы путем выхода из них «красных» союзов или создания соперничающих Интернационалов в соответствующих отраслях промышленности. Рекомендовалось работать в существующих организациях в надежде в конце концов завоевать их на свою сторону. Утверждалось, что такой курс проводился с самого начала, то есть с момента создания годом раньше Межсовпрофа.

В резолюцию по организационным вопросам был включен раздел о «международных профессиональных и промышленных организациях». В нем признавалось, что «революционные союзы

должны оставаться в бывших международных организациях отдельных профессий и отраслей промышленности в целях их захвата». Эта процедура дополнялась созданием для каждой профессии и отрасли промышленности Международного комитета пропаганды (МКП), приданного Профинтерну и находящегося в Москве. Создание таких комитетов мотивировалось тем, что МФП «взяла на себя инициативу раскола рабочего движения путем исключения из организации всех тех, кто обещал проявлять моральную солидарность с Интернационалом революционного действия и классовой борьбы». В задачу комитетов входило созывать конференции, распространять литературу и собирать средства в целях популяризации идей революционной борьбы и диктатуры пролетариата. Им предстояло действовать под наблюдением Исполнительного бюро Профинтерна, в работе которого представители этих комитетов участвовали с правом совещательного голоса. Для проведения ими конференций необходимо было согласие Профинтерна¹⁸. Первый, притом наиболее эффективный, комитет был создан конференцией транспортников, проведенной одновременно с учредительным конгрессом Профинтерна. В него вошли 22 делегата, прибывших в Москву на конгресс. В их числе были представители Российской, Украинской и Грузинской советских республик, Германии, Болгарии, Франции, Голландии, Голландской Ост-Индии, Великобритании и Соединенных Штатов Америки¹⁹. В августе 1921 г. Исполнительное бюро Профинтерна направило всем связанным с ним организациям циркулярное письмо, в котором сообщалось о создании 14 МКП²⁰. Исполнительное бюро не собиралось субсидировать эти комитеты, но обязалось финансировать их публикации²¹. Для работы с МКП в рамках Секретариата Профинтерна был создан специальный отдел. Однако вскоре он вошел в состав общего Организационного отдела²². О важности, которую в то время придавали в Москве МКП, позволяет судить речь Лозовского на 2-й сессии Центрального совета Профинтерна в феврале 1922 г. В ней он поставил комитеты на один уровень с Исполнительным бюро, расценив две эти организации как каналы для воздействия Профинтерна на объединения рабочих и для руководства ими²³.

Создание МКП мало сказалось на влиянии МФП в профессиональных Интернационалах. Заседавший в Берне 27 августа 1921 г. Исполком Интернационала металлистов отклонил просьбу русского профсоюза металлистов о присоединении к нему и обвинил русский союз в раскольнической деятельности: «Интернационал металлистов не следует осуждать за то, что русские не входят в него. Русские сами разорвали отношения прежде всего тем, что высказались за разделение, но главным образом созданием Красного Интернационала профессиональных союзов». Следуя правилу, запрещающему одновременное членство в двух Интернационалах — Амстердамском и Московском, — Исполком решил, что до тех пор, пока русский союз металлистов примыкает к

Профинтерну, он не может быть принят в федерацию²⁴. Еще дальше пошел Генсовет Интернационала транспортников, заявив в октябре 1921 г. о несовместимости членства в нем с участием в МКП транспортников. Он исключил из своих рядов Голландскую федерацию транспортников, которая участвовала в создании как Профинтерна, так и МКП. В апреле 1922 г. на том же основании были исключены болгарские и финляндские транспортники. Генсовет проигнорировал протесты МКП против этих исключений, а также опровержения намерения последнего расколоть или ослабить Интернационал²⁵. Не был дан ответ и на просьбу русского союза транспортников принять его в Интернационал²⁶. Единственным профессиональным Интернационалом, обнаружившим в то время склонность прислушаться к русским авансам, был Международный союз организаций рабочих промышленности продовольственных товаров и напитков, широко известный под именем Интернационала пищевиков. Решением своего Исполкома от 27 марта 1922 г. он принял в свои члены русский союз пищевиков²⁷. Русский делегат присутствовал на заседании Исполкома 27—29 мая 1922 г. в Вене. Там, однако, вспыхнули бурные дебаты вокруг заявления о приеме в Интернационал, которое подал французский союз пищевиков. Единственным результатом стало решение отложить определение принципиального подхода до назначенного на 1923 г. конгресса Интернационала²⁸.

Кроме Интернационала пищевиков, ни один другой профессиональный Интернационал не был в то время готов принять в качестве своих членов профсоюзы, входившие в Профинтерн, а МФП и ее сторонники систематически использовали свое влияние для того, чтобы препятствовать положительному рассмотрению заявлений о приеме. На конгрессе МФП в Риме в апреле 1922 г. после обсуждения с представителями профессиональных Интернационалов было вновь установлено, что членами соответствующих профессиональных Интернационалов могут быть лишь профсоюзы, примыкающие через свои национальные центры к МФП²⁹.

В анализе тактики единого фронта, проведенном на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., вновь был сделан упор на дело профсоюзного единства. Лозовский еще раз возложил ответственность за отсутствие единства на Амстердам: «Раскол в профсоюзном движении спровоцирован не нами, коммунистами. В течение нескольких последних лет мы пытались бороться в рядах профсоюзов, направить профсоюзы в новые каналы, революционизировать организации рабочих; но мы систематически выступали за захват профсоюзов, не их уничтожение... Исключение коммунистов стало повседневной реальностью... В каждой стране существуют свои методы преследования коммунистов»³⁰.

Конгресс рассмотрел этот вопрос в трех резолюциях — «Тактика Коммунистического Интернационала», «Единый рабочий фронт», «Задачи коммунистов в профессиональном движении».

«Ничто так не подрывает силы пролетарского сопротивления капиталистическому наступлению, как раскол профессиональных союзов», — говорилось в одной из них. С другой стороны, «поддерживая лозунг максимального единства всех рабочих организаций в каждом *практическом действии против капиталистического фронта*, коммунисты... ни в коем случае не могут отказаться от изложения своих взглядов». Под «единым фронтом» следует понимать «единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма». Следует развернуть, указывалось в резолюции, непрекращающуюся кампанию против исключений коммунистов: «Реформистские вожди, отступая перед натиском буржуазии на всем фронте, вместе с тем повели наступление против революционных рабочих»³¹.

Эта же нота громко прозвучала на II конгрессе Профинтерна, состоявшемся сразу же после конгресса Коминтерна. Прежде всего, указывалось там, членство в профсоюзе является непременной обязанностью партийцев: «Ни один рабочий, мужчина или женщина, не должен оставаться вне профсоюзов». Вместе с тем, поскольку «огромная масса сторонников Коминтерна связана с реформистскими союзами», совершенно необходимо обеспечить «тесное сотрудничество и постоянную взаимопомощь» революционных организаций и революционных меньшинств в реформистских организациях. Нельзя, однако, допускать ни создания новых революционных союзов, ни ухода из реформистских союзов: «Любой раскол рабочего движения равносителен упрочению капиталистов... Следует отвергать любую тактику, которая ведет к расколу профсоюзов. Нельзя делать никаких уступок тем нетерпеливым товарищам, которым процесс захвата кажется слишком долгим и которые считают необходимым создавать новые организации. Мы должны столь же решительно бороться против движения за выход из профсоюзов»³².

Кампания за профсоюзное единство, развернутая по указанным направлениям, принесла меньше неприятных последствий в таких странах, как Великобритания и Германия, где первоначальные успехи Профинтерна были невелики, чем в странах, значительная часть профсоюзов которых присоединилась к Профинтерну. Впервые непосредственно перед такой проблемой оказался IV конгресс Коминтерна: «В тех странах, где имеется два параллельно существующих центра (Испания, Франция, Чехо-Словакия и т. д.), коммунисты должны начать систематическую борьбу за воссоединение этих параллельных организаций. Имея в виду воссоединение расколовшихся профессиональных объединений, было бы целесообразно вырывать отдельных коммунистов и рабочих из реформистских союзов, чтобы включить их в собственные революционные союзы. Ни один реформистский союз не должен оставаться без известного фермента, без коммунистического бродила»³³.

Единственной страной, в которой все профсоюзное движение было завоевано с первых шагов и целиком присоединилось поначалу к Межсовпрофу, а затем к Профинтерну, была Болгария.

Но даже и здесь в 1922 г. произошел раскол, в результате которого в противовес Всеболгарской федерации была создана Свободная федерация профессиональных союзов³⁴.

Во Франции раскол профсоюзного движения произошел на съезде 22—24 декабря 1921 г. в Париже. Он привел к созданию УВКТ. Это событие, на первых порах с ликованием провозглашенное как триумф коммунизма, вызвало определенные опасения в Москве³⁵. УВКТ оказалась мощной организацией, достаточно сильной для того, чтобы на IV конгрессе Коминтерна настаивать на ликвидации формальных связей между Коминтерном и Профинтерном³⁶. Резолюция конгресса по вопросам единого рабочего фронта признала, что этот вопрос во Франции стоит «несколько иначе, чем в других странах». Тем не менее «необходимо, чтобы вся ответственность за раскол единого рабочего лагеря ложилась на наших противников». Существенно важно, указывалось в резолюции, выдвинуть лозунг политического, а также экономического единства движения. «Перед началом каждой массовой стачки или революционной демонстрации или какого-нибудь другого непосредственного наступления масс» следует обращаться к реформистским союзам с предложением о сотрудничестве и всякий раз обсуждать их отказ «поддерживать революционную борьбу»³⁷.

Когда в октябре 1922 г. произошел раскол чехословацкого профсоюзного движения, «красные» профсоюзы создали собственную федерацию, которая вступила в Профинтерн. Однако, несмотря на то что в Чехословакии «красные» профсоюзы по численности превосходили амстердамские, Лозовский, выступая в ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна, пригласил одобрение этого шага осторожным предупреждением: «Наш лозунг — унитарное профсоюзное движение, и коммунисты не должны поэтому выдирать своих членов из реформистских профессиональных союзов, так как, если мы выведем их оттуда и переведем их в революционные профессиональные союзы, мы не сможем влиять на реформистские организации в желательном нам направлении и вынуждать их вступать в союз с революционными организациями»³⁸. Резолюция конгресса привлекала внимание к сходству ситуации в Чехословакии и Франции и рекомендовала чехословацкой партии «популяризировать... лозунг единого рабочего фронта против буржуазии»³⁹. На сразу же последовавшем за конгрессом Коминтерна II конгрессе Профинтерна была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось о возникшей в Чехословакии новой Организации «красных» профсоюзов. В качестве главной задачи резолюция определила «восстановление общего профсоюзного единства», «борьбу против национальных союзов, за классовые союзы», за «объединение всего чехословацкого пролетариата»⁴⁰.

На протяжении 1923 г. Профинтерн, хотя и не ослабляя своей враждебности к МФП, стремился предотвратить дальнейшие расколы в национальных профсоюзных движениях. Он настойчиво

изображал себя поборником профсоюзного единства, выступающим против раскольнической тактики Амстердама. Когда в феврале 1923 г. состоялся норвежский профсоюзный съезд, в инструкциях, направленных Профинтерном своим сторонникам, о МФП говорилось как об «амстердамском кладбище», а также указывалось, что «истинным революционным рабочим нечего делать в Амстердамском Интернационале». Однако это, как предупреждали инструкции, отнюдь не повод для раскола: «Для нас имеет величайшее значение, чтобы профсоюзное движение вашей страны осталось единым, единой организацией, готовой для битвы».

Из 76 делегатов профсоюзного съезда Финляндии, состоявшегося в мае 1923 г., 65 были коммунистами или их сторонниками. Но проголосовав первоначально за присоединение к Профинтерну, съезд позже предпочел отложить окончательное решение, «чтобы не дать социал-демократам основания для раскола»⁴¹. Эта позиция была одобрена, а, быть может, и инспирирована Москвой.

Когда небольшая революционная голландская профсоюзная федерация Национальный рабочий синдикат, состоявшая из коммунистов и анархистов, большинством голосов решила присоединиться к Профинтерну, а оставшееся меньшинство откололось, чтобы примкнуть к анархистскому Интернационалу в Берлине, Профинтерн рекомендовал своим сторонникам воздержаться от вступления в него, чтобы избежать ответственности за раскол федерации⁴².

III расширенный пленум ИККИ (июнь 1923 г.) подтвердил свою приверженность делу профсоюзного единства и оппозицию раскольнической тактике Амстердама. Он признал, что в таких странах, как Франция, Чехословакия и Испания, где существуют две параллельные профсоюзные организации, союзы, исключенные реформистской федерацией, должны присоединиться к Красной федерации. Однако «отдельные члены и группы — даже в указанных выше странах — должны бороться за обратный прием в реформистские союзы, поскольку это представляется целесообразным в интересах революционного рабочего движения». В той же самой резолюции заявлялось, что «каждый член коммунистической партии обязан примкнуть к соответствующей профессиональной фракции или революционной оппозиции»⁴³.

Собравшийся вслед за расширенным пленумом ИККИ Центральный совет Профинтерна подтвердил инструкции, разработанные для стран с параллельными профсоюзными организациями. Он еще решительнее настаивал на необходимости установить ограничения для перехода из реформистских в «красные» профсоюзы: «Даже здесь не следует отзывать оппозиционные элементы в реформистских профсоюзах и включать их в параллельную революционную организацию. Отдельные лица и группы, исключенные из союзов, должны в объединении со всем революционным меньшинством использовать все имеющиеся в их распоряжении средства и применить всю свою силу, чтобы добиться восстановления

исключенных»⁴⁴. В другой резолюции, принятой на этом же заседании, данный принцип излагался с точки зрения применения его к задачам борьбы против фашизма в Италии: «Там, где фашистские профсоюзы уже существуют, революционные элементы должны пустить в ход всю свою энергию для того, чтобы проникнуть в них и разложить их изнутри... Результатом их активности может стать превращение этих вспомогательных органов буржуазии в классовые органы пролетариата»⁴⁵.

О том, с какой настойчивостью Профинтерн, несмотря на все разочарования, придерживался в то время тактики единого фронта, позволяет судить пример Румынии. В ходе подготовки к румынскому профсоюзному съезду, открытие которого намечалось на 15 сентября 1923 г., Профинтерн направил своим приверженцам письмо, в котором убеждал их «оставаться на съезде и в профсоюзах, независимо от решений, которые могут быть приняты съездом»⁴⁶. Съезд — якобы после вмешательства полиции — проголосовал за присоединение к МФП. Но это не помешало Профинтерну направить своим сторонникам указание «избегать предлога для раскола и жертвовать ради единства всем, чем возможно, без нанесения ущерба интересам пролетарского класса»⁴⁷. Несмотря на эти усилия движение раскололось на «реформистские» и «общие» профсоюзы. В последние вошли как коммунисты, так и синдикалисты⁴⁸.

Даже в Германии, где в 1923 г. революционная ситуация и подготовка революционного выступления отодвинули на задний план все другие вопросы, КПГ, возглавляемая Брандлером, приняла решительные меры для создания в профсоюзах единого фронта с социал-демократическими рабочими в целях возможно большего влияния и участия коммунистов в союзах, входивших во Всеобщее германское объединение профсоюзов и МФП. Тактика, которой с одобрения Коминтерна придерживалась накануне октябрьского восстания 1923 г. КПГ, в полной мере выражала веру в то, что сотрудничество в рамках существовавших профсоюзов — путь к революционному захвату власти и овладению профсоюзным движением в целом.

С другой стороны, в это же самое время в результате раскола бельгийского Союза шахтеров, 14 тыс. членов которого примыкали к Профинтерну, возник независимый профсоюз — Рыцари труда⁴⁹. Большинство бельгийских профсоюзов по-прежнему было связано с бельгийской Партией труда и МФП.

Но все это никак не меняло политику Москвы. Когда 30 января 1924 г. ВКТ на своем съезде категорически отвергла идею объединения с УВКТ, Исполнительное бюро Профинтерна опубликовало 14 февраля 1924 г. заявление, в котором настаивало, чтобы УВКТ выступила с предложением созвать совместный с ВКТ съезд в целях восстановления единства французского профсоюзного движения. Далее в заявлении говорилось: «Коминтерн с удовлетворением приветствовал бы слияние двух федераций. И

Профинтерн оговорил, что он не потребует органического примыкания к Профинтерну революционной секции (предполагаемой совместной) федерации, если на едином съезде эта секция окажется в меньшинстве»⁵⁰. На Лионском съезде ФКП в январе 1924 г., а затем в апреле на Франкфуртском съезде КПГ Лозовский выдержал трудную борьбу, убеждая французских и немецких коммунистов остаться и работать в амстердамских профсоюзах⁵¹.

Кампания за единство, которая развернулась в профсоюзах, активно велась через МКП в профессиональных Интернационалах. IV конгресс Коминтерна, состоявшийся в ноябре 1922 г., детально не рассматривал проблему деятельности МКП. Он ограничился замечанием, что коммунистические партии должны энергично поддерживать эти комитеты, чтобы «собрать наличные революционные силы в целях создания единых международных профессиональных объединений». «Вся борьба должна вестись под лозунгом присоединения всех союзов к международной профессиональной организации, независимо от их основного направления и отдельных политических течений»⁵². II конгресс Профинтерна повторил указание Коминтерна и призвал МКП развернуть, «наряду с пропагандой, активную работу на путях взаимной поддержки и солидарности, а также вести энергичную борьбу за восстановление единства международного профсоюзного движения на основе конкретной и тщательно разработанной программы действий». Была также поставлена задача распространить эту деятельность на неевропейские страны, чтобы способствовать созданию «истинного Интернационала»⁵³.

Вслед за конгрессами Коминтерна и Профинтерна в Москве собралась III конференция Революционных транспортников. На их I конференции в июле 1921 г. был основан МКП транспортников⁵⁴. Проведенная в августе 1922 г. в Гамбурге II конференция прошла при лидерстве незадолго до этого принятого в Интернационал профсоюза моряков «Шиффартсбунд»⁵⁵. На ней, в частности, было решено создать в Гамбурге, Амстердаме и Гавре портовые бюро для работы среди моряков⁵⁶. «Шиффартсбунд» занимал крайне левые позиции, но был скорее синдикалистским, чем коммунистическим объединением. Он добился на конференции значительной поддержки внесенного им предложения основать в противовес существующему Интернационалу — Интернационал красных транспортников. Профинтерн, однако, наложил категорическое вето на это решение, поскольку оно противоречило линии Коминтерна⁵⁷. Вопрос этот вновь возник на III конференции МКП в декабре 1922 г., когда было предложено преобразовать комитет в новый Интернационал транспортников. И опять было сказано, что такая акция «лишь даст повод Амстердаму обвинять нас в том, что мы создаем параллельную организацию и вносим раскол в профдвижение»⁵⁸. Конференция попыталась, тем не менее, преодолеть противодействие, подчеркнув активную роль МКП, пере-

именовав его в Международный комитет действий и пропаганды. Для него был разработан новый подробный устав⁵⁹. В нем предусматривалось создание секции моряков со своим собственным уставом; было также принято положение о деятельности портовых бюро по пропаганде среди моряков⁶⁰. Аналогичные функции на пограничных пунктах должны были выполнять железнодорожные агентства⁶¹. Однако никаких сведений о реализации этих планов нет. 5 января 1923 г. Исполком Профинтерна принял решение сформировать портовые бюро в Роттердаме и Владивостоке⁶². В июне-июле 1923 г. на сессии Центрального совета Профинтерна работа среди моряков была охарактеризована как его «важнейшая задача»⁶³.

Умеренный успех МКП транспортников побудил на аналогичные шаги и другие организации, но вместе с тем усилил сопротивление МФП и ее сторонников. В декабре 1922 г. русский Союз металлистов вновь обратился с просьбой принять его в Международную федерацию металлистов. 18 мая 1923 г., накануне конференции транспортников в Берлине⁶⁴, в Фридрихсхафене встретились три представителя федерации металлистов и два представителя русского союза. Они пришли к соглашению рекомендовать Центральному комитету федерации принять в нее русский союз⁶⁵. Последний просили направить своих делегатов в качестве гостей на сессию Исполкома федерации, которая была намечена на 15 августа 1923 г., где и предстояло обсудить условия приема. Русский союз ответил, что из-за спора со Швейцарией, вызванного убийством Воровского, его делегаты не смогут участвовать в заседании, коль скоро оно проводится на территории этой страны. Он просил перенести его в другое место⁶⁶. В этой просьбе было отказано, и заседание Исполкома прошло в более прохладной атмосфере. Некоторые его члены выразили сомнение в том, можно ли рассчитывать на лояльное сотрудничество русского союза и станет ли он соблюдать правила федерации. Для прояснения «спорных пунктов» вопрос было предложено изучить дополнительно⁶⁷. Как показал ход событий, это было равнозначно откладыванию заявления в долгий ящик.

Был еще один аналогичный — хотя, быть может, и несколько более удачный — опыт. Исполком Интернационала пищевиков на своем заседании 22—23 апреля 1923 г. девятью голосами против четырех решил, учитывая продолжающуюся пропаганду русского союза против Амстердама, рекомендовать предстоящему конгрессу не подтверждать его членство в Интернационале⁶⁸. На собравшемся в октябре 1923 г. в Брюсселе конгрессе эта проблема вызвала ожесточенные дебаты. Атака противников приема русского союза сконцентрировалась на деятельности МКП пищевиков и на журнале «Роте наунгсмиттельарбайтер», который издавало бюро Профинтерна в Берлине. Русский делегат отказался принять на себя ответственность за эти организации, что, с формальной точки зрения, соответствовало действительности, но по существу

было сомнительно. Вслед за этим конгресс незначительным большинством в 22 голоса против 20 подтвердил членство русского союза в Интернационале⁶⁹. Чтобы внести определенность в свое положение, русский Союз пищевиков вышел из Международного комитета пропаганды, который, однако, продолжал функционировать, как и прежде⁷⁰.

Примерно в это же время было решено перевести штаб-квартиры нескольких МКП в Западную Европу, ослабив тем самым их русские связи. Небольшой успех был одержан в Интернационале работников просвещения в Париже. Во второй половине 1923 г. в него были приняты болгарский и русский союзы учителей, а принадлежавший к нему французский союз примкнул к Профинтерну. После этого было решено считать, что соответствующий МКП свою деятельность завершил, и он был распушен⁷¹.

К этому времени обострилась борьба между Москвой и Амстердамом за господство в профсоюзах, и пришлось отказаться от первоначальной надежды превратить МКП в самостоятельные и самофинансирующиеся организации. Взносы примыкающих к ним союзов были незначительны, и к 1923 г. комитеты стали «финансироваться исключительно русскими профсоюзами». В результате, как указал журнал «Роте геверкшадтсинтернационале», русские союзы «в существенной степени выполняли функции комитетов»⁷².

События развивались и в другом лагере. 9—10 ноября 1923 г. Бюро МФП провело конференцию представителей профессиональных Интернационалов и добилось принятия 14 голосами против шести «временного» соглашения, согласно которому профессиональные Интернационалы не вправе решать «общие вопросы, которые лежат вне сферы их соответствующих профессий», а также могут принимать в свои члены только союзы, примыкающие через национальные центры к МФП⁷³.

Однако развитие событий в самом мощном и самом влиятельном профессиональном Интернационале — в Международной федерации транспортников — дало в 1923 г. толчок для перенесения кампании за международное профсоюзное единство на самый высокий уровень. Речь шла об отношениях между штаб-квартирами организаций в Амстердаме и Москве. До тех пор тактика единого фронта проводилась, главным образом, в форме установления контактов с профсоюзами или профсоюзными федерациями, примыкавшими к МФП. Однако были примеры прямого обращения Профинтерна к самому Амстердамскому Интернационалу. Первое из них было сделано в форме публичного призыва в октябре 1921 г. провести совместную «международную пролетарскую акцию» против «белого террора» в Испании и Югославии⁷⁴. МФП это обращение проигнорировала. Два месяца спустя, когда во французской ВКТ произошел раскол, МФП была направлена телеграмма с предложением провести совместную конференцию для изучения причин раскола и попытки преодолеть его. Предложение было

отклонено, а затем последовал продолжавшийся до марта 1922 г. телеграфный обмен взаимными обвинениями⁷⁵. В сентябре 1922 г. Исполнительное бюро Профинтерна направило Бюро МФП приглашение участвовать в совместной акции против фашизма. Но оно осталось без ответа⁷⁶. Состоявшийся в декабре 1922 г. II конгресс Профинтерна одобрил в своих документах «многочисленные призывы, обращенные к Исполкому Амстердамского Интернационала, организовать совместные выступления против буржуазии»⁷⁷. В целом, однако, отношения между МФП и Профинтерном на высшем уровне ограничивались демонстрацией взаимного непризнания, порой окрашенной публичными оскорблениями с обеих сторон⁷⁸.

С конца 1922 г. все ограничения такого рода для проводимой Москвой тактики единого фронта исчезли. Кампания за единство расширилась и была направлена теперь не только на единство между красными и амстердамскими союзами на национальном уровне или на единство в рамках профессиональных Интернационалов, но и на единство в верхах между самими двумя Интернационалами. Вслед за неудачной мирной конференцией в Гааге в декабре 1922 г., на которой были представлены и Профинтерн, и МФП⁷⁹, а делегаты Профинтерна высказались за совместные действия с МФП на широком фронте, последовала вспышка активности в Москве. 21 января 1923 г. Профинтерн обратился ко II Интернационалу и Амстердамскому Интернационалу с предложением обсудить совместные действия против угрозы войны. Тремя днями позже Коминтерн и Профинтерн направили тем же адресатам совместное обращение выступить против итальянского фашизма. 23 января 1923 г. ИККИ и Исполнительное бюро Профинтерна решили создать совместный комитет действий для проведения кампаний, представляющих общий интерес⁸⁰. На первое из этих обращений последовал аргументированный ответ МФП, датированный 30 января 1923 г. Он был адресован «секретарю так называемого Красного Интернационала профессиональных союзов». Предложение Профинтерна было отклонено. Одновременно заявлялось, что впредь любое обращение, коль скоро оно будет продиктовано не «честными и серьезными намерениями», а «пропагандистскими целями», будет оставаться без ответа⁸¹. Такую позицию МФП сохраняла и дальше: письмо от 30 января 1923 г. стало, по-видимому, последним посланием Амстердамского Интернационала Профинтерну. Более успешной оказалась организованная Профинтерном международная конференция во Франкфурте (18 марта 1923 г.). Ее 250 делегатов представляли красные профсоюзы из большинства европейских стран, а также небольшое число диссидентов-социал-демократов и членов различных левых групп. Конференция приняла резолюцию, осуждающую оккупацию Рура, Версальский договор и предостерегающую против угрозы войны. Для предотвращения этой угрозы она предложила организовать совместные действия рабочих⁸².

Хотя эти шаги выглядели и неэффективными, однако оккупация Рура и последовавший за этим мятеж Муссолини вызвали в левых кругах по всей Европе возмущение и страх перед войной, а также возбудили спонтанную симпатию к единственной державе и единственной международной организации, которые недвусмысленно и непрерывно протестовали против таких злонамеренных акций. Подобные настроения были особенно заметны в Международной федерации транспортников. Хотя она и примыкала к МФП, тем не менее и среди ее рядовых членов, и в руководстве были сильны левые настроения. Федерация отклонила призыв МКП транспортников, работавшего в Москве, провести совместную конференцию для рассмотрения действий против фашизма и угрозы войны. Однако она заявила о готовности обсудить этот вопрос с русским профсоюзом и согласилась провести на этих условиях встречу в Берлине 23 мая 1923 г. Формально приспособиться к такой ситуации для Москвы оказалось нетрудно. 30 апреля 1923 г. Исполнительное бюро решило собрать в Берлине 20 мая 1923 г. предварительную конференцию революционных транспортников. Она официально уполномочила русский союз транспортников вступить в переговоры с международной федерацией в интересах профсоюзного единства⁸³. В берлинском совещании, проведенном 23—24 мая 1923 г., участвовали девять человек. Пять из них представляли международную федерацию, четыре — русский союз. В числе последних был Лозовский в качестве делегата русского Центрального совета профессиональных союзов. Он был наделен правом действовать как от имени русского Центрального совета профессиональных союзов, так и примыкавших к Профинтерну союзов транспортников других стран. Создается впечатление, что русская позиция оказала мощное воздействие. Была принята резолюция, которая призвала «обеспечить единство транспортников всех стран и особенно тех, где движение раскололось, а в будущем предотвратить изгнания, а также создание параллельных организаций». Было решено создать комитет действий для организации совместной борьбы против фашизма и опасности войны, а также созвать конгресс транспортников всех стран и всех политических направлений с целью создания единой международной организации. Составленное в таком духе обращение подписали Роберт Уильямс и Фиммен, представлявшие Международную федерацию транспортников, и русский делегат⁸⁴. На III расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г. Лозовский приветствовал франкфуртскую и берлинскую встречи как блестящий пример тактики единого фронта⁸⁵. В принятой пленумом резолюции позиция транспортников расценивалась как свидетельство «оформления внутри Амстердамского Интернационала левого крыла». Она с оптимизмом указала на «банкротство соглашательской политики» и «неуклонное революционизирование рабочих масс, благодаря нашей тактике завоевания союзов и единого фронта»⁸⁶.

МФП, однако, быстро отреагировала на этот успех. Ее Бюро,

возмущенное покушением на власть федерации, 30 мая 1923 г. приняло резолюцию, в которой отмежеввалось от берлинского совещания, проведенного без ведома МФП. В пространной декларации принципов Бюро МФП отрицало право профессиональных Интернационалов решать политические вопросы. Вместе с тем в резолюции указывалось, что МФП «всегда готова установить отношения с русскими профессиональными организациями, но без участия раскольнического меньшинства в национальных федерациях, примыкающих к Амстердаму»⁸⁷. Оказавшись под таким нажимом, Генеральный совет Международной федерации транспортников на заседании 17—18 июня 1923 г., одобрив берлинское соглашение, сопроводил свое решение такой оговоркой, которая фактически аннулировала документ. Генеральный совет обусловил свое согласие с этим документом готовностью Профинтерна «прекратить на всем фронте враждебные действия против организаций, примыкающих к МФП», и «использовать все возможности для борьбы против реакции и фашизма в России, а также в других странах»⁸⁸. Через пять дней Бюро МФП приняло еще одну резолюцию, снимающую с федерации всякую ответственность за берлинское совещание, и подтвердило свое решение от 30—31 мая 1923 г.⁸⁹ На своей сессии в июне-июле 1923 г. Центральный совет Профинтерна ответил на это призывом «организовать международный конгресс рабочих, созданный совместно Профинтерном и Амстердамским Интернационалом»⁹⁰.

Несмотря на свою явную неудачу, конференция транспортников открыла тем не менее лазейку для дальнейших ходов. В Берлине был создан прецедент для встречи делегатов профсоюзов, примыкающих к МФП, с делегатами не Профинтерна, а русских профсоюзов. Даже МФП стремилась подчеркнуть это различие, выразив готовность «установить отношения с русскими профсоюзными организациями». Берлинский прецедент и предложение МФП подтолкнуло Москву к решению заменить в переговорах с МФП Профинтерн русскими профсоюзами. Если даже такое решение и вызвало какие-либо сомнения в профинтерновских кругах, так или иначе эти сомнения не были никак зарегистрированы. Позже Томский говорил об «уступке». Центральный совет русских профсоюзов, сказал он, «предлагал Амстердамскому Интернационалу вести переговоры не равных с равными, не Интернационалу с Интернационалом, — Амстердаму с Профинтерном, — а с частью Профинтерна, именно — с русскими профсоюзами». Он тут же добавил: «Конечно, мы это сделали с полного согласия и одобрения Профинтерна»⁹¹.

10 июня 1923 г. МФП было направлено письмо. Его подписали все члены Президиума русского Центрального совета профессиональных союзов, включая его председателя Томского, секретаря Догадова и Лозовского⁹². В письме отмечалась готовность МФП, зафиксированная в ее резолюции о конференции транспортников, установить отношения с русскими профсоюзами, осуждался рез-

кий отпор, которым были встречены попытки русских транспортников создать единый фронт и усилия русских делегатов на международной конференции в Гааге. В нем также настойчиво просили созвать конференцию представителей профсоюзных федераций, примыкающих как к МФП, так и к Профинтерну, которая могла бы разработать программу совместных действий против войны и фашизма. Предварительное совещание предлагалось провести в Берлине в начале июля. Подобный призыв, с которым теперь обращался не соперничающий Интернационал, а официальная русская профсоюзная организация, с ходу отклонить было трудно. Через шесть месяцев, после трудных раздумий, Бюро МФП 11 декабря 1923 г. сообщило Центральному совету русских профсоюзов, что оно готово вступить в переговоры с организациями Красного Интернационала лишь «на единственной основе правил и общей политики Международной федерации профессиональных союзов». На столь бескомпромиссное послание был дан высокомерный ответ. В нем содержалось требование созвать конференцию без всяких предварительных условий. Бюро МФП решило передать вопрос на рассмотрение предстоявшего конгресса федерации, рекомендовав на последнее письмо русских профсоюзов не отвечать⁹³.

Ко времени, когда собрался конгресс МФП (Вена, 2—6 июня 1923 г.), раздражение обеих сторон накалилось до предела. Выступая от имени британской делегации, Брэмли выдвинул предложение о «продолжении переговоров с русскими», что означало прямое отклонение рекомендации Бюро МФП игнорировать последнее русское письмо. Брэмли поддержал Фиммен, голландский секретарь МФП, активно участвовавший в работе берлинской конференции транспортников. Но такая позиция получила лишь незначительную поддержку. Вряд ли способствовала успеху и телеграмма Центрального совета русских профсоюзов, выразившего готовность «на известных условиях пойти навстречу предложению английских союзов, которое совпадает, без сомнения, с желаниями лучшей части профессионально организованных рабочих всего мира»⁹⁴. Двусмысленную позицию занял даже Брэмли. Как об этом сообщалось позже со ссылкой на его слова, он объяснил свое предложение надеждой на то, что «Всероссийский конгресс профсоюзов силой обстоятельств и проведя соответствующую дискуссию можно убедить согласиться с политикой МФП»⁹⁵. В конце концов враждебно настроенное большинство одобрило возобновление переговоров, но на прежних условиях. Была принята резолюция о продолжении переговоров со Всероссийским Центральным советом профессиональных союзов «в пределах, совместимых с достоинством МФП». Как указывалось в резолюции, цель таких переговоров — прием русских профсоюзов в МФП на основе «безоговорочного признания уставов и резолюций нашего Интернационала»⁹⁶. Однако столь резкий отпор не снизил в глазах московских наблюдателей важность британской инициативы. Впервые в штаб-квартире Коминтерна стали высоко оценивать британских

левых, которые на проходивших в Лондоне переговорах уже поддерживали советскую позицию⁹⁷. Компартию же Великобритании, которая, как утверждали, вдохновила такое развитие событий, считали образцовой партией.

б) Конгрессы 1924 г.

Зимой 1923/24 г. в Великобритании и Германии, то есть в странах с наиболее мощным профсоюзным движением, произошли два противоположных по своему характеру события. В Великобритании, где мимолетная попытка привязать профессиональные союзы и федерации к Профинтерну оказалась безрезультатной, курс на то, чтобы оставаться и работать в примыкающих к Амстердаму реформистских союзах, не встречал каких-либо трудностей. Сложившаяся ситуация стала классическим примером такой политики, проведение которой в жизнь облегчалось нежеланием британских союзов изгонять коммунистов из своих рядов. В июле 1923 г. на специальной встрече с британскими делегатами Профинтерн подготовил соответствующие инструкции⁹⁸. Всеобщие выборы в декабре 1923 г. и приход к власти месяцем позже лейбористского правительства свидетельствовали о сдвиге общественного сознания влево. Улучшились и без того благоприятные перспективы успешной работы партии в существующих профсоюзах.

В Германии фиаско октябрьского восстания 1923 г. и вызванное этим провалом осуждение линии Брандлера не только дискредитировали его бесплодную тактику единого фронта, но и возродили традиционную враждебность партии к профсоюзам. В первой половине 1924 г., в отличие от быстрого роста симпатий к Москве в британских тред-юнионах и поддержки ими идеи сотрудничества с русскими профсоюзами, в Германии развивался процесс выхода из профсоюзов и предпринимались попытки создать раскольнические союзы. Руководители КПП не скрывали недоверия к политике Москвы. Кампанию за профсоюзное единство они отвергали, считая ее составной частью русской внешнеполитической игры⁹⁹.

Такова была ситуация на пороге V конгресса Коминтерна (июнь 1924 г.) и состоявшегося вслед за ним III конгресса Профинтерна. Дискуссия о едином фронте, в которой британская и немецкая делегации занимали диаметрально противоположные позиции, приняла особенно острую форму при обсуждении профсоюзного вопроса. Британские делегаты выступили энергичными поборниками работы в существующих профсоюзах и отказа от создания раскольнических организаций в национальном плане, а в интернациональном масштабе — сторонниками переговоров с МФП на платформе международного единства профсоюзного движения. Немецкие делегаты, неохотно соглашаясь с первой частью такого курса, упорно отвергали вторую. Французские и чехословацкие представители оказались в двусмысленном положении, поскольку в их

странах «красные» профсоюзы преобладали над «амстердамскими». Тем не менее французские и чехословацкие лидеры твердо придерживались официальной линии. Лишь немногие выступившие в прениях заняли в профсоюзном вопросе уклончивую позицию. Во вступительном слове Зиновьев увязал венскую конференцию МФП с левым поворотом в британском тред-юнионистском движении. Он, однако, не пожелал дать втянуть себя в спор. Французский делегат Трэн заявил, что профсоюзное единство «не может быть для коммунистов вопросом принципа». Политический курс, сказал он, зависит от «исторической ситуации». В революционный период интересы революции могут вызвать необходимость проведения курса на раскол профсоюзов. В наступивший ныне период между двумя революционными войнами правильным будет выступать за единство — сначала на национальном, а затем на международном уровне. Желая предвосхитить критику, Рут Фишер признала наличие в КПГ колебаний по профсоюзному вопросу, но заявила, что и Профинтерн занимает двусмысленную позицию. Если наступило время для избиений, сказала она, то удары надо равномерно распределять на всех¹⁰⁰. Однако, по-видимому, ни у кого не было желания выносить на поверхность подспудно лежавшие острые расхождения во мнениях.

Конгресс заседал уже почти три недели, когда, наконец, настала очередь для обсуждения профсоюзного вопроса, оказавшегося чуть ли не самым последним в повестке дня. Президиум предложил «ради ускорения и сокращения работы конгресса» передать профсоюзную проблему на рассмотрение ИККИ. Против этого возразили немецкая и итальянская делегации, которых поддержала находившаяся на противоположных позициях британская делегация. Прения заняли три полных заседания конгресса и часть четвертого¹⁰¹. В последний момент пришли к соглашению исключить из дискуссии вопрос, вызвавший наибольшие противоречия: отношение русских профсоюзов к Амстердамскому Интернационалу. В докладе конгрессу Лозовский полностью опустил раздел, в котором рассматривалась эта проблема. Он ограничился замечанием, что ее обсудят предстоящий пленум ИККИ и III конгресс Профинтерна¹⁰². Однако выступившие в конце делегаты, в том числе Зиновьев, нарушили обещание хранить молчание, да и сам Лозовский в заключительном слове затронул этот вопрос.

Доклад Лозовского явно должен был составить основу тезисов, которые предстояло принять конгрессу¹⁰³. Он начал с констатации важности профсоюзов как «массового движения» и «средства завоевания масс для социальной революции». Великобритания была приведена в качестве блестящего подтверждения этого положения. Обойдя вниманием дискуссии, развернувшуюся на первом этапе конгресса по поводу «наступления капитала»¹⁰⁴, Лозовский отважно заявил, что «общему отступлению рабочих настал конец» и что «во многих странах рабочий класс перешел в контратаку». И вновь в качестве решающего аргумента он сослался на британский при-

мер. Правда, признал Лозовский, приход к власти лейбористского правительства способствовал «возрождению реформистских иллюзий, веры во вторую молодость Лиги Наций и Международной организации труда», а также привел к более откровенному альянсу «между правящими классами и лидерами реформистских профсоюзов». Амстердамский Интернационал, продолжал Лозовский, стал «орудием фашистской реакции» и играет «штрейкбрехерскую роль». Это обусловило «рост коммунистического влияния в профсоюзах», что, в свою очередь, спровоцировало активизацию антикоммунистических настроений и акций профсоюзных лидеров. Осудив руководителей МФП и рассказав об усилении левого крыла в этой организации, что проявилось на венской конференции, Лозовский временно опустил проблему всемирного единства и завершил свое выступление длинным перечнем тогдашних слабостей партийной работы в профсоюзах и ее задач. Для коммунистов в профсоюзах, сказал он, возможно лишь два пути — единство или раскол. Ошибка КППГ состояла именно в том, что она не сделала определенного выбора между ними. Для немецких коммунистов, покинувших профсоюзы, лозунгом должно быть: «Назад в профсоюзы». Во Франции и Чехословакии, заявил Лозовский, надо сохранять сепаратные организации. Не следует, однако, углублять раскол, и целью должно быть «единство через проведение совместного съезда». Он осудил наметившуюся во Франции тенденцию вовлекать в красные профсоюзы максимально большое число рабочих и возможно меньше контактировать с реформистскими союзами. Сдвиг британского движения влево был вновь приведен как решающий аргумент в пользу политики единства. «Мы не должны ни на волосок отступать от принятых решений и доведем до конца захват профсоюзов, то есть захват масс», — категорически заявил Лозовский в конце доклада ¹⁰⁵.

Ответ, который от имени немецкой делегации дал Хеккерт, звучал пессимистично; он затронул, главным образом, трудности проведения в немецких профсоюзах провозглашенного курса. В Германии, сказал он, ни отступление рабочего класса, ни наступление на него капитала все еще не закончилось. Решение же Всеобщего германского объединения профессиональных союзов исключить из своих рядов коммунистов делает в глазах немецких рабочих кампанию за единство смехотворной ¹⁰⁶. На следующем заседании страстную атаку на Лозовского и на политику единства развернул Шумахер, лидер коммунистической оппозиции в немецких профсоюзах. Он утверждал, что представляет 20 тыс. берлинских рабочих, объединившихся в картель независимых профсоюзов и пользующихся поддержкой большинства партийцев. Обращение к Амстердамскому Интернационалу и реформистским союзам, сказал Шумахер, встречают лишь уничтожающий отпор. Последовательно отвергавший любые варианты тактики единого фронта Бордига занял по существу аналогичную позицию. Попытка объединить Профинтерн с Амстердамским Интернационалом, заявил он, рав-

нозначна попытке ликвидировать Профинтерн, что подорвет веру рабочих в его полезность¹⁰⁷.

Эти фронтальные атаки привели к появлению на сцене Зиновьева. Он начал с неопровержимого обращения к авторитету Ленина: «ленинизм в профсоюзах означает борьбу против раскола союзов» и «истинное левое крыло всегда там, где рабочие». Единственный путь к отвоеванию масс у социал-демократов, сказал Зиновьев, это оставаться в профсоюзах. Он отрицал, что «брак» с Амстердамом создаст какие-либо проблемы (слово «брак» было использовано в меморандуме, распространенном в немецкой делегации). «Если бы русские профсоюзы, — указал Зиновьев, — пошли к амстердамцам без Профинтерна, то тогда это означало бы капитуляцию Коминтерна и Профинтерна». Далее он признал, что Профинтерн находится в замешательстве: «Профинтерн был основан в тот момент, когда мы полагали, что фронтальной атакой прорвем вражеский фронт и быстро захватим профсоюзы... Это был момент, когда мы полагали, что быстро завоюем большинство рабочего класса. Вы знаете, товарищи, что после движение пошло на спад, что всякая проблема Коминтерна, все его тактические трудности за эти пять лет происходят из того факта, что развитие пошло значительно медленнее, чем мы ожидали. Социал-демократия частично упрочилась — даже в профсоюзах. Теперь мы должны бороться окольными путями, что и медленнее и трудней. Таков новый факт, который вы не поймете». Зиновьев критиковал КПГ за то, что она не боролась решительно с уклонами в этом вопросе. В партии не только шумихеры, сказал он, но и «полу-шумихеры, то есть люди, которые сопротивляются этой ложной тактике более или менее нечистосердечно». Зиновьев вновь привлек внимание к «всемирно историческому значению» процессов, происходивших в Великобритании. Его вывод свелся к необходимости «завоевать большинство в существующих профсоюзах — не только в национальном, но и в международном смысле».

Зиновьеву ответила Рут Фишер. Она решительно отмежевала КПГ от Шумахера. Но это не вопрос, сказала Фишер, который можно урегулировать резолюциями и декларациями. Многие немецкие рабочие — и не только партийцы — разочарованы в реформистских профсоюзах и хотели бы создать независимые организации. Что касается Амстердамского Интернационала, который все еще остается на платформе II Интернационала, то до того, как можно будет помышлять о союзе Амстердама и Профинтерна, заметила она, необходимо полное изменение позиции СДПГ¹⁰⁸.

Теперь надо было сформулировать выводы. В общей резолюции, рассматривавшей вопросы тактики, профсоюзам был посвящен небольшой абзац, в котором осуждались «провокации социал-демократических вождей». Она призывала ответить на их попытки расколоть движение «еще более усиленной работой за единство профессиональных союзов внутри них»¹⁰⁹. Больше беспокойства вызвали тезисы, основанные на докладе Лозовского. После прений

в их проект был включен ранее опущенный раздел «Борьба за единство профдвижения». В нем содержалось настоятельное требование развернуть решительные действия в целях обеспечения единства. Указывалось, что единство «могло бы быть восстановлено путем созыва Международного Конгресса Единства, на котором были бы представлены на пропорциональной основе все профсоюзы, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу и Профинтерну». Немецкая делегация по-прежнему возражала против положений этого раздела. Она продолжала утверждать, что сложившаяся ситуация не благоприятствует новым обращениям к Амстердаму и что вместо этого следует просвещать массы в этом вопросе. По предложению других основных делегаций конгресс одобрил тезисы в целом и передал их для окончательной доработки в редакционную комиссию. Кроме того, четвертый раздел был передан для детального рассмотрения в ИККИ. С учетом такой уступки немецкая делегация проголосовала за тезисы, и они были единогласно одобрены¹¹⁰.

После конгресса на заседаниях ИККИ были проведены закрытые дискуссии. После этого Зиновьев смог заявить, что расхождения во мнениях «почти полностью преодолены». Он зачитал выдержки из согласованного документа, который называл то «решением», то «резолуцией». Документ не был включен в резолюции конгресса или ИККИ и, по-видимому, никогда не публиковался. С помощью обычного жонглирования концепциями единого фронта «сверху» и «снизу», в нем удалось приблизиться к точке зрения немецких делегатов: «Мы против создания единого фронта исключительно сверху; мы за единый фронт снизу и допускаем переговоры в верхах лишь в случае одновременной подготовки снизу... В этом отношении мы признаем правоту немецких товарищей».

Чтобы подчеркнуть выдвинутую идею союза двух Интернационалов, прибегли если не к новой концепции, то к новому слову: «Расширенный ИККИ в принципе высказывается за объединение на известных условиях двух профсоюзных Интернационалов. Объединение двух Интернационалов станет возможным только в том случае, если этот вопрос будет поставлен в центр внимания трудящихся масс, то есть если удастся добиться успеха в создании серьезного движения снизу». Зиновьев огласил и другие выдержки из документа, в которых излагались условия кампании за единство. Он настойчиво повторил заверение, что русские профсоюзы, вступая в сепаратные переговоры с МФП, рассматривают себя лишь в качестве представителей Профинтерна: «Русские профсоюзы — часть Профинтерна и будут следовать тактике Профинтерна, не будут проводить никакой независимой политики». Он предложил назначить «международную комиссию», которая «отправится в Англию и Амстердам для изучения положения, если это окажется нужным — для начала переговоров с Амстердамом». Бордига еще раз проголосовал против резолюции, разъяснив, что он не против профсоюзного единства, но не может поддержать методы, пред-

ложенные для его достижения. Резолюция была принята вопреки его голосу. Был одобрен состав делегации на случай переговоров с МФП. Каждый получил какое-то удовлетворение, но сама проблема осталась запутанной и противоречивой¹¹¹. В отдельной резолюции конгресс осудил ошибки Шумахера. Уход из существующих профсоюзов был охарактеризован как «поступок, равный дестертизму из революции»¹¹².

III конгресс Профинтерна открылся 8 июля 1924 г., то есть в день окончания работы конгресса Коминтерна. Дальше уходить от обсуждения профсоюзной проблемы или замазывать ее стало уже невозможно, и выступления на профсоюзном конгрессе были гораздо откровеннее, чем на конгрессе Коминтерна. В официальной приветственной речи Бухарин от имени Коминтерна настойчиво заявил, что захват профсоюзов как массовых организаций — «вопрос жизни и смерти» и что возникновение в МФП левого крыла — «один из важнейших фактов нашей нынешней политической жизни»¹¹³. После краткого вступительного доклада Лозовского проблема профсоюзного единства была подразделена на три части. Вопросы единства на национальном уровне рассматривались в главном докладе Лозовского. Юзефович представил отчет о работе МФП в профессиональных Интернационалах. Анализ аспектов международного единства между Профинтерном и МФП на верхнем уровне был предпринят в докладе французского делегата Монмуссо. Цель такого шага совершенно очевидно состояла в том, чтобы отвести от русских, опиравшихся на поддержку британских союзов, обвинение в навязывании ими конгрессу решения, против которого возражали континентальные профсоюзы¹¹⁴.

Критическая тональность преобладала в прениях даже по единству на национальном уровне. Хеккерт вновь подверг нападкам выдвинутый Лозовским лозунг «Назад в союзы» и его призывы к единству и единому фронту. Он утверждал, что Лозовский не принимает в расчет задачу развертывания революционных действий. Другой немецкий делегат без обиняков заявил, что цель движения заключается не в единстве с реформистами, а «в организации борьбы пролетариата за существование, за ликвидацию капиталистического общества и в руководстве ею». Польский делегат признал, что в условиях его страны единый фронт бессмыслен и что, подобно тому как это происходит в Германии, в Польше наблюдается «бегство из профсоюзов»¹¹⁵.

С другой стороны, курс на создание независимых профсоюзов встретил резкий отпор секретаря ФКП Семара: «В нашу задачу не входит создание революционных сект. Профсоюз, состоящий лишь из единомышленников, противоречит марксистским принципам... Это — антибольшевизм»¹¹⁶.

Горячая дискуссия развернулась вокруг трудной чехословацкой проблемы. Упорствующий лидер «красных» профсоюзов Гайс, пообещав подчиниться решениям конгресса, тут же заявил, что, по

его мнению, «тактика сохранения членства в реформистских союзах отсрочит необходимые действия на неопределенное будущее». Другой чехословацкий делегат утверждал, что, хотя индивидуальный выход из реформистских союзов допускать нельзя, однако «массы следует выводить из реформистских союзов и включать их в наши организации»¹¹⁷. Это не изменило резолюции конгресса, и в ней выражалась озабоченность «раскольнической» тактикой чехословацких коммунистов в профсоюзах¹¹⁸. Взаимно противоположные мнения высказали делегаты от двух организаций, принадлежавших к голландскому профсоюзному движению, которое переживало глубокий раскол¹¹⁹.

Как обычно, американская проблема не подпала ни под одну из этих категорий. Данн, говоря о работе в американских профсоюзах, сокрушался, что «в Соединенных Штатах наша деятельность встречает больше трудностей, чем в любом другом районе мира, поскольку у нас нет революционных традиций, а 90 процентов персонала содрогаются при одном упоминании слова „социализм”»¹²⁰. Для организации неорганизованных рабочих в Соединенных Штатах конгресс смог рекомендовать три пути — через АФТ, через независимые профсоюзы или через заводские ячейки Американской рабочей партии. «Их все необходимо использовать, — указывалось в резолюции, — в зависимости от требований обстановки»¹²¹.

Особенно сложной оказалась проблема фашистских профсоюзов в Италии. V конгресс Коминтерна ее полностью игнорировал, если не считать ни к чему не обязывающего упоминания о ней в рекомендациях для Итальянской коммунистической партии¹²². III конгресс Профинтерна дебатировал два альтернативных, противоречащих друг другу курса и, по-видимому, одобрил и тот, и другой. В общей резолюции о революционном профсоюзном движении было повторено требование, чтобы члены партии оставались в союзах политически враждебного направления: «Организация нелегальных ячеек в фашистских профсоюзах — лучший способ раскола фашистских организаций. Хороши и должны использоваться любые пути, с помощью которых можно вытеснить фашизм и фашистов из сферы рабочего класса»¹²³. Однако в резолюции о «борьбе против фашистских профсоюзов» рекомендовались более прямые и наступательные действия. В ней указывалось, что «уничтожения фашистских профсоюзов» следует добиваться на путях «восстановления пролетарских профсоюзов». «Из фашистских союзов в классовые союзы» — так был сформулирован новый лозунг. Правда, он не был несовместим с предписанием «усиливать активность революционных ячеек в фашистских профсоюзах»¹²⁴. И тот и другой курс на практике реализовать оказалось трудно.

Обсуждение положения в британском движении стало блестящей иллюстрацией отсутствия того понимания, которое было необходимо для политики Коминтерна и Профинтерна в условиях,

когда Великобритания занимала центральное место в их расчетах. Дискуссию открыл пространным сообщением Том Манн. По его оценке, левое крыло британских шахтеров превратилось в «стойких сторонников» Профинтерна. Но, добавил он, эту деятельность удобнее проводить «от имени шахтерского движения меньшинства». В заключение Манн не вполне уверенно предсказал, что, когда массы членов тред-юнионов откроют глаза и поймут, что на самом деле представляет собой Амстердамский Интернационал и их собственные лидеры, «их значительная часть перейдет в Красный Интернационал, и нынешнее движение меньшинства станет движением большинства»¹²⁵. Лозовский и Калнин, два русских участника дебатов, говорили в знакомых выражениях о восстании рабочего движения Великобритании против беспомощных лидеров и о постепенном продвижении к революции. Реагируя на это, один немецкий делегат едко заметил, что, хотя британские тред-юнионы и являются самыми старыми профсоюзами, им свойственны и «самые отсталые в профсоюзном движении идеи»¹²⁶. Выступая от имени британского бюро Профинтерна, Харди разъяснил, что он не занимается организацией независимых действий, а ведет работу с «нашими меньшинствами» в тред-юнионах¹²⁷. В заключение прений с довольно яркими речами выступили Макманус и Ларкин. Макманус, выступавший как делегат от КПВ, убедительно доказывал необходимость «уничтожения иллюзий в умах многих немецких и русских товарищей в отношении непосредственных возможностей современного рабочего движения в Англии». Он рекомендовал не доверять так называемым левым тред-юнионистским лидерам, ибо «в политическом смысле левое крыло — совсем не левое». Ларкин предупредил делегатов конгресса, что британский рабочий класс так же предан Британской Империи, как советский рабочий — Советскому Союзу¹²⁸. Но в Москве к таким предупреждениям редко прислушивались и, несмотря на опыт 1914 г., им никогда не верили. Вот почему все это скорее усилило замешательство делегатов, чем просветило их. Резолюция о задачах Профинтерна в Великобритании была выдержана в обычных тонах, хотя в ней и было упомянуто о назначенной на август 1924 г. конференции Национального движения меньшинства¹²⁹.

Деятельность Международных комитетов пропаганды получила на конференции различные оценки. Не приводя фактических данных, утверждали, что их влияние распространяется теперь не только на Западную Европу, но и на Соединенные Штаты, а также, в известной мере, на Австралию и страны Востока¹³⁰. Заняв более реалистичную позицию, Лозовский осудил комитеты за их неспособность создать о себе сколько-нибудь стойкое впечатление в ключевых отраслях промышленности, хотя, по его мнению, влияние Профинтерна способствовало «объединению очень большого числа профсоюзов по вертикали», то есть усилению профессиональных Интернационалов в противовес национальным федерациям¹³¹. Юзефович в привычных выражениях отметил «огромное влияние»

комитетов среди транспортников, металлистов, сельскохозяйственных рабочих, в лесной и кожевенной промышленности¹³². В принятой по завершении прений резолюции указывалось, что вступление революционных профсоюзов, в том числе русских, в тот или иной профессиональный Интернационал «не означает отказа от права высказывать свою точку зрения в Интернационале». С другой стороны, было определено, что революционные союзы, принятые в профессиональные Интернационалы, должны выйти из соответствующих МКП и что после того, как все такие союзы станут членами Интернационалов, МКП следует распустить¹³³. Тем самым удалось избежать обвинения в двойной принадлежности и было дано понять, что существование МКП продиктовано лишь отказом профессиональных Интернационалов принимать в свои ряды красные профсоюзы.

Наибольшие споры вызвала проблема альянса Профинтерна и Амстердамского Интернационала на верхнем уровне. Ее кратко затронул Лозовский в ответе на открывшие конгресс прения. Те, кто призвал вести переговоры с амстердамцами только в том случае, «если они примут нашу платформу», заметил он, фактически ничего не сказали. Такая предпосылка делает переговоры излишними: все урегулировалось бы само собой. Сейчас предлагается, сказал Лозовский, не вступление русских профсоюзов в МФП и не ликвидация Профинтерна, а «единство, которого можно достичь лишь на международной конференции и никаким иным образом»¹³⁴. Доклад Монмуссо по этому вопросу пришелся почти на самый конец повестки дня. Это место обычно отводилось трудным или маловажным проблемам¹³⁵. Доклад был тактичным и хорошо сбалансированным. Единство необходимо, сказал Монмуссо, поскольку оно — «один из величайших факторов мощи рабочего движения». Это, однако, не означает, заявил он, что ради единства можно положить «нашу программу, нашу тактику, наши идеи на алтарь реформизма». Речь идет о внедрении «наших идей» во все профсоюзное движение. Монмуссо внес излюбленное предложение французской делегации — провести всемирный конгресс единства Красного и Амстердамского Интернационалов, созданный на основе представительства, пропорционального числу членов профсоюзов, входящих в каждый из них. Он закончил доклад выражением твердой убежденности в том, что русские профсоюзы, подобно УВКТ, не намерены «идти в Амстердам» и сохраняют верность Профинтерну¹³⁶. Кроме названных выше, выступил только Томский. Обычно он делами Профинтерна не занимался и не считал себя специалистом по международному движению. Однако незадолго до этого он провел два месяца в Великобритании¹³⁷. Смысл выступления Томского состоял в том, чтобы вновь успокоить всех, кто еще мог подозревать русские профсоюзы в стремлении ради своих интересов договориться с Амстердамом и уйти из Профинтерна. Он решительно заявил, что «пока существует Профинтерн», русские профсоюзы, «как это они делали до сих пор, не сделают

ни единого шага без одобрения Профинтерна и Коминтерна»¹³⁸. Хотел он этого или нет, но Томскому не удалось устранить зародившиеся у некоторых делегатов подозрения, что исключать возможность роспуска Профинтерна по инициативе русских нельзя.

После речи Томского было решено передать внесенный Монмуссо проект резолюции в комиссию из 35 человек. На следующий день, пока комиссия обсуждала этот спорный вопрос, конгресс не заседал. Через два дня он собрался на пленарное заседание, и докладчик комиссии, вездесущий Лозовский, смог доложить, что достигнуто полное согласие — против был подан один голос. Речь шла о Шумахере, который в своем заключительном протесте убеждал, что готовность вести переговоры с Амстердамом равнозначна готовности отказаться от прежних принципов и «ликвидации Профинтерна со всеми вытекающими из этого последствиями»¹³⁹. Сомневающимся в правильности намеченного курса было сделано мало реальных уступок. Как и в резолюции, принятой за несколько дней до этого Коминтерном, предложение о конгрессе единства двух Интернационалов было сформулировано в виде рекомендации, а не обязательного к исполнению решения. Одним из следующих шагов, указал конгресс Профинтерна, «*мог бы* стать созыв, после соответствующей подготовки масс, международного конгресса единства профсоюзов». Было решено, что любые переговоры с Амстердамом, предпринимаемые организациями, принадлежащими к Профинтерну, и с одобрения Профинтерна, должны ограничиваться вопросом «о реализации единства и единого фронта». Наконец, внесенное первоначально как отдельная резолюция предложение о создании под эгидой Профинтерна постоянного комитета по «унификации всемирного профсоюзного движения» теперь было включено в основную резолюцию, посвященную единству¹⁴⁰.

22 июля 1924 г. в заключительном слове на последнем заседании конгресса Лозовский вновь заявил, что «главным» вопросом повестки дня остается борьба за профсоюзное единство. Он сообщил, что накануне Центральный совет русских профсоюзов получил запоздавшее письмо МФП, в котором Амстердам уведомлял о решении, принятом полтора месяца назад венской конференцией¹⁴¹, и приглашал русские профсоюзы направить делегацию из шести человек для переговоров на основе данного решения и устава МФП. Лозовский заверил конгресс, что ответ будет подготовлен в духе его собственных решений¹⁴². В отправленном несколькими днями позже ответе указывалось, что переговоры предлагаются в целях определения базы, на которой русские профсоюзы смогут объединиться с МФП, и что им не следует наносить ущерб продвижением предварительных условий¹⁴³. Лозовский снова пытался ответить критикам статьей в профинтерновском журнале. В ней он писал: «Некоторые товарищи так напуганы реформизмом, что спрашивают с опаской: „Ну а что будет, если Амстердамский Интернационал примет ваше предложение и согласится на Меж-

дународную Конференцию Единства?" На это мы отвечаем: „Пре-
красно, мы первые будем рады, если Амстердамский Интернацио-
нал примет это предложение, ибо наша резолюция о единстве
имеет своей задачей осуществить это единство". — „Ну, а если вы
в Объединенном Интернационале будете в меньшинстве?" — спра-
шивают те же товарищи. — „Если мы будем в меньшинстве, мы
будем бороться за большинство, причем мы надеемся это боль-
шинство завоевать". — „Вы готовы пойти на Международную Кон-
ференцию Единства без каких бы то ни было предварительных
условий?" — продолжают нас допрашивать все те же опасующиеся
оппортунизма товарищи. — „Да, мы готовы идти на Международ-
ную Конференцию Единства без предварительных условий. Соот-
ношение сил на Объединенном конгрессе определит программу и
тактику нового Интернационала". — „А если амстердамцы поста-
вят предварительные условия, тогда что?" — „Переговоры покажут,
если таковые состоятся, какие из предварительных условий, вы-
ставленных обеими сторонами, приемлемы для обеих сторон, и ка-
кие нет. Рабочая масса нас рассудит". — „А если амстердамцы
откажутся от каких бы ни было переговоров о единстве?" — до-
пытываются эти товарищи. — „Если они откажутся, тем хуже для
них. Мы от нашей борьбы за единство не откажемся. Амстердам-
цы не хотели единого фронта, но из-за этого мы не отказались
от единого фронта. То же самое и в этом вопросе"»¹⁴⁴. Лишь
немногие верили в то, что конгрессы Коминтерна и Профинтерна,
проведенные летом 1924 г., сколько-нибудь приблизили профсоюз-
ное единство. И тем не менее немецкая партия была серьезно
обеспокоена принятыми решениями¹⁴⁵.

в) На гребне борьбы

Летом и осенью 1924 г. казалось, что революционная волна на
профсоюзном фронте прибывает, и в Москве царил оптимизм.
Компартия Германии не сумела захватить профсоюзы, но, как по-
лагали, ее согласие с решениями V конгресса Коминтерна и ис-
ключение Шумахера¹⁴⁶ означали окончание отступления. Любые
неудачи в Германии с лихвой перекрывались продолжающимся
прогрессом в Великобритании.

23—24 августа 1924 г. в Лондоне состоялась конференция Дви-
жения национального меньшинства. Она приняла уравновешенную
резолюцию по профсоюзному вопросу, включившую в себя все
точки зрения. В ней приветствовалась позиция британских деле-
гатов в Вене, «боровшихся за принятие русских профсоюзов в
МФП». Вместе с тем в резолюции высказывалась мысль, что бы-
ло бы «несерьезно» игнорировать мощные профсоюзы, уже при-
мыкающие к Профинтерну. Проблема заключалась в том, чтобы
поставить профсоюзы, входящие в МФП, и профсоюзы, входящие
в Профинтерн, «под общее руководство, осуществляемое одним
международным профсоюзным центром»¹⁴⁷. Триумфальный прием,

оказанный Томскому на конгрессе тред-юнионов в Гулле в сентябре 1924 г.¹⁴⁸, дал еще один повод для малообоснованного энтузиазма московским кругам. Однако в умах более опытных лидеров сохранялись элементы сомнения. Говорили, что Томский вернулся из Великобритании под столь сильным впечатлением от уровня жизни британских и западноевропейских рабочих, что засомневался в возможности революции на Западе¹⁴⁹. Откровенно скептически высказывался Троцкий, который никогда не питал больших надежд на революционную эффективность профсоюзов. В работе «Уроки Октября», которая была написана в дни гульского конгресса, он затронул незадолго до этого возникшую проблему: «через какую дверь придет пролетарская революция в Англию — через коммунистическую партию или через профессиональные союзы?» Такая постановка вопроса, считал он, «в корне неверна и опасна». Победоносной революции за пределами России не произошло после окончания войны не потому, что не было профсоюзов, а потому, что не было партий. «Этот вывод, — писал Троцкий, — относится к Европе в целом»¹⁵⁰. Подчеркнуто осторожную оценку перспектив тактики единого фронта в профсоюзах дал Сталин. Отметив, что многие революционные союзы, «не желая учинять раскол в профдвижении», остаются верны Амстердаму, он присоединился к взгляду, согласно которому положение меняется под воздействием упадка материального благополучия и промышленного господства Европы, в частности Великобритании. По мнению Сталина, венский конгресс и конгресс в Гулле были «отражением растущего напора масс на реакционную профсоюзную бюрократию». Вывод Сталина сводился к тому, что, хотя и нужно поддерживать в существующих союзах левые элементы, однако они не будут эффективны, если их не направить против «реакционных лидеров Амстердама» и на устранение «нерешительности» левых лидеров в их борьбе против реакционных лидеров¹⁵¹. Мануильский усматривал опасность «затвердения и застоя в рабочем движении» в том, что они способствуют амстердамским лидерам¹⁵².

Фактически везде, кроме Великобритании, движение за профсоюзное единство теряло темп. После берлинской конференции¹⁵³ сдвинулся вправо Интернационал транспортников. Его конгресс в Гамбурге (7—12 августа 1924 г.) ушел от обсуждения проблем единства несмотря на робкие попытки британских и шведских союзов включить их в повестку дня¹⁵⁴. Оказалась безрезультатной состоявшаяся сразу же после этого конгресса IV конференция Революционных транспортников, поскольку в ней, не получив виз, не смогли участвовать московские делегаты. Представители чехословацкого союза поддержали голландскую резолюцию, осуждавшую русский союз за контакты с Интернационалом транспортников и предлагавшую создать Красный Интернационал транспортников. Конференция отклонила эту резолюцию, но ничем эффективным ее заменить не удалось¹⁵⁵. Ответ русского Центрального

совета профессиональных союзов на резолюцию венского конгресса МФП не предвещал новых уступок. 11 сентября 1924 г. МФП вновь заявила, что до начала переговоров желательно иметь «в качестве основы для дискуссии что-нибудь в письменной форме»¹⁵⁶. Федерация просила русский Совет представить «письменные предложения». Наконец, 23 октября 1924 г. русский Центральный совет профсоюзов твердо заявил в своем ответе, что единства можно достичь лишь на основе классовой борьбы и признания «непримиримых противоречий интересов труда и капитала»¹⁵⁷. Примерно в это же время испанский член Секретариата Профинтерна Нин с обезоруживающей откровенностью писал: «День, когда мы достигнем своей цели [то есть профсоюзного единства], будет считаться нами днем победы Профинтерна и Октябрьской революции»¹⁵⁸.

Однако тупик с Амстердамом, казалось, отступал на второй план на фоне доброй воли в отношениях между русскими и британскими профсоюзами, рожденной их общим стремлением к единству. Покидая Гулль, Томский пригласил делегацию британских тред-юнионов нанести ответный визит в Советский Союз и присутствовать на съезде советских профсоюзов, который должен был состояться в ноябре 1924 года. 11 ноября 1924 г. в Москву прибыла большая и представительная делегация во главе с Перселлом. Исполком Профинтерна приветствовал ее резолюцией, призывавшей «оказать всяческую поддержку профсоюзному меньшинству в Англии»¹⁵⁹.

Открывая съезд, Зиновьев красноречиво говорил о единстве: «Наступила новая полоса самой черной мировой реакции — ее одной достаточно, дабы каждый честный борец рабочего класса мог сказать, что при таком положении вещей международное единство профессионального движения нам необходимо, как воздух для человека... Мы стоим твердо на наших позициях. Рабочие всего мира придут к нам. И, оставаясь на своих боевых постах, без всякой дипломатии мы протягиваем руку помощи организованному профессиональному движению всего мира, мы предлагаем союз рабочим, организованным в Амстердамском объединении, и говорим: „Давайте объединимся на элементарном, на азбучном против буржуазии, наступающей с неслыханной наглостью“»¹⁶⁰. Перселл, Брэмли и Бен Тиллет вновь обменялись с Томским любезными речами. В них присутствовал должный акцент на необходимости профсоюзного единства. Правда, Перселл невольно раскрыл двойственность британской позиции. Выступая от имени британского рабочего класса, он выразил надежду, что Генеральный совет Конгресса тред-юнионов «приложит все усилия, дабы добиться допуска русского профсоюзного движения в ряды международного движения». При этом Перселл добавил, что англичане играют роль «посредников»¹⁶¹. В своей основной речи Томский сравнил переписку русского Центрального совета профсоюзов и Амстердама с «очень плохим, недорогим романом в письмах... оба участника которого друг друга любят и оба друг другу говорят пакости».

Он критиковал Лейпарта и других лидеров СДПГ, фактически направлявших деятельность МФП, и тактично простил Перселла, который, как сказал Зиновьев, будучи одним из амстердамских руководителей, находился в меньшинстве и порой был вынужден подписывать «не нравившиеся ему документы»¹⁶². Многие делегаты критиковали позицию МФП. Некоторые выразили «неприязнь» к «роману с Амстердамом». Что хорошего может выйти, спросил, например, один из них, из альянса с организацией, возглавляемой такими известными предателями рабочего класса, как Лейпарт и Жуо? Другой делегат заявил, что «руки вождей германской социал-демократии еще не высохли от крови рабочих»¹⁶³. Однако это недовольство делегатов потонуло в хоре приветствий, которыми встретили гостей. Член британской делегации Поллит, лидер КПВ и Движения национального меньшинства, защищал коммунистов от обвинений в попытках с помощью движения меньшинства расколоть тред-юнионы¹⁶⁴. Лозовский ловко вновь включил в дебаты вопрос о Профинтерне. Он разъяснил, что, поскольку «профессиональные союзы СССР являются базисом и фундаментом Профинтерна, а английские союзы являются фундаментом и основой Амстердамского Интернационала», англо-советское соглашение проложило бы путь к договоренности между двумя Интернационалами¹⁶⁵. 17 ноября 1924 г. за кулисами съезда было достигнуто соглашение о совместных действиях Генерального совета Конгресса тред-юнионов и Центрального совета советских профсоюзов. Они решили просить МФП провести «свободную, неоговоренную условиями немедленную конференцию с представителями русского профсоюзного движения»¹⁶⁶. Съезд, информированный Томским о таком соглашении, приветствовал его как шаг к профсоюзному единству и поручил Центральному совету в целях реализации этого решения ускорить формирование совместного англо-русского профсоюзного комитета¹⁶⁷. Основная резолюция съезда охарактеризовала международное профсоюзное единство как «надежную гарантию против продолжающейся угрозы новой мировой войны и оплот в борьбе против фашистской реакции и наступления капитала»¹⁶⁸.

По окончании съезда британские делегаты совершили поездку по Советскому Союзу, где они провели месяц. Их повсюду щедро принимали, полностью освещая в прессе пребывание делегации. Ее отъезд на родину из Ленинграда был отмечен проявлениями бурного энтузиазма. Номер «Ленинградской правды» от 11 декабря 1924 г. был почти полностью посвящен делегации. На первой странице газета поместила фотографии ее шести руководителей и статью «Единство профсоюзного движения мира» на английском языке. На следующий день в газете были опубликованы на английском языке благодарственное послание Перселла и статья Бена Тиллета, а также факсимиле прощального письма секретаря делегации. Возвратившись в Лондон, делегация представила пространный, насыщенный информацией отчет о поездке. В целом он

был выдержан в одобрительных тонах в отношении всего, что делегаты увидели и услышали в Советском Союзе¹⁶⁹.

Британская тред-юнионистская делегация 1924 г. стала важной вехой в развитии советских отношений с британскими левыми, а также предвестницей и прототипом рабочих делегаций из многих стран, которые посетили Советский Союз на протяжении нескольких последующих лет. Однако действовали и иные силы. Одновременно со съездом советских профсоюзов свой ежегодный конвент провела в Эль-Пасо Американская федерация труда (АФТ). На нем присутствовали братские делегаты из нескольких европейских стран. Президент АФТ Гомперс намекнул на возможность присоединения американских, канадских и мексиканских союзов к МФП. Хотя этому проекту хода и не дали, Бухарин обрушился на Гомперса с яростными нападками, обвинив его в том, что он «начинает „интервенцию” в Европу, подобно своим американским предпринимателям». Гомперс, заявил Бухарин, «копирует покойного президента Вильсона», пытается «спасти» Амстердам от «нетерпимого влияния наших профсоюзов», является «прямым пособником Керзона и Черчиллей»¹⁷⁰.

По мере того, как дипломатическая ситуация стала повсюду складываться против Советского Союза, а в Великобритании прочно укрепилось консервативное правительство, климат становился прохладней, и обе стороны ужесточили свои позиции. Роль посредника с каждым днем оказывалась все более неблагоприятной. Перселла и его коллег заставили ощутить двойственность их положения в британском тред-юнионистском движении. Состоявшаяся в Брюсселе 1—6 января 1925 г. совместная сессия II Интернационала и МФП открыто осудила Советский Союз и его сторонников в британских тред-юнионах¹⁷¹. 25 января 1925 г. в Бэттерси открылась еще одна конференция Движения национального меньшинства, которой предстояло «поддержать делегацию, вернувшуюся из Москвы». Она продолжалась три дня. В ней участвовал 591 делегат, представлявший, как утверждалось, 600 тыс. рабочих и 40 крупных тред-юнионов. Видную роль на конференции сыграл председательствовавший на ней Том Манн и лидер шахтеров Кук. Риторический запал конференции отвечал двойной задаче — англо-советской дружбе и профсоюзному единству. В этом духе была выдержана принятая конференцией резолюция¹⁷². Однако в Амстердаме складывалось менее благоприятное мнение. На заседании Бюро МФП 6—9 февраля 1925 г. британским делегатам удалось получить лишь шесть голосов в пользу предложения провести «не оговоренную какими бы то ни было условиями» конференцию с русскими профсоюзами. Против было подано 13 голосов. 14 голосами против пяти была одобрена резолюция, отвергающая любые новые акции, если только советские профсоюзы не заявят о «своем желании быть принятыми в МФП»¹⁷³. Это было равнозначно требованию безоговорочной капитуляции, что, конечно, не могло быть не отклонено. Тупик преодолеть не удалось.

Тем временем нарастало раздражение неспособностью других коммунистических партий захватить профсоюзы. Ни в одной стране не был претворен в жизнь опыт британского Движения национального меньшинства. Непрерывно велась тяжелая борьба, которую Профинтерн развернул с первых дней своего существования против выхода коммунистов из «реформистских», то есть некоммунистических, профсоюзов. Эта проблема оказалась в центре острой дискуссии по профсоюзному вопросу, которая развернулась на V конгрессе Коминтерна в июне-июле 1924 г.¹⁷⁴ Тремя месяцами позже Мануильский, направленный Коминтерном в качестве делегата на съезд чехословацкой партии, всеми силами старался убедить чехословацких коммунистов не покидать социал-демократические союзы¹⁷⁵. На заседании Оргбюро ИККИ 15 декабря 1924 г. Пятницкий обострил проблему, посетовав на неудачи французской, чехословацкой и немецкой партий, которые не сумели создать фракций в непартийных организациях, в частности в профсоюзах¹⁷⁶. Кампания коммунистов за создание фракций в некоммунистических союзах оказалась большим вопросом для участников организационного совещания, проведенного накануне V расширенного пленума ИККИ (март 1925 г.)¹⁷⁷. Пятницкий распространил среди его участников статью, в которой в бескомпромиссной форме подтвердил обязанность коммунистов работать в профсоюзах, пусть даже самого враждебного направления¹⁷⁸. В речи на совещании он сетовал на то, что «до сих пор говорить о регулярной фракционной работе нельзя». Ни в христианских союзах в Германии, ни во Франции в союзах, входящих в ВКТ, ни в реформистских союзах в Чехословакии, сказал Пятницкий, коммунистов нет, и поэтому работать в них невозможно. Он закончил речь просьбой к аудитории прочесть его статью¹⁷⁹. Развернувшиеся прения лишь подтвердили правильность обвинений, выдвинутых Пятницким. Чехословацкий делегат Запотоцкий признал, что после раскола движения «преобладает точка зрения, согласно которой мы, имея собственные профсоюзы, не нуждаемся в организации фракций в амстердамских профсоюзах». Немецкий делегат осторожно намекнул, что отрицательно воспринимается даже призыв «В свободные профсоюзы!». По его мнению, лозунг «В христианские профсоюзы!» может остаться лишь благим пожеланием. Выступавшая от имени ФКП Сюзанна Жиро осудила старых правых лидеров за то, что в момент раскола они призывали партийцев уходить из профсоюзов, примыкавших к ВКТ. Она мрачно заметила: «Теперь, чтобы сделать возможным формирование новых фракций, нам нужно переводить товарищей из УВКТ в ВКТ». Тем не менее, сказала Сюзанна Жиро, теперь фракции созданы в 47 профсоюзах ВКТ. Итальянский делегат утверждал, что члены ИКП действуют как в фашистских, так и в христианских профсоюзах¹⁸⁰. Специальной резолюции по профсоюзному вопросу на совещании принято не было. Однако в общей резолюции, которую впоследствии подтвердил V расширенный пленум ИККИ, отме-

чалась «чрезвычайная важность... организации коммунистических фракций в профсоюзных федерациях всех направлений»¹⁸¹.

На V расширенном пленуме ИККИ тон дискуссии по профсоюзным проблемам задало слово «единство». Но сам этот вопрос распался на две части: во-первых, единство внутри самих союзов, которое должно быть обеспечено деятельностью в них партийных фракций; во-вторых, международное единство, которого следует добиваться переговорами с Амстердамом или с примыкающими к нему профессиональными Интернационалами. Лозовский говорил об этом недвусмысленно в докладе о профсоюзах: «Большевизация партий означает прежде всего и больше всего строго продуманный марксистско-ленинский подход к профсоюзам через завоевание масс. Через лозунг единства мы завоеуем массы, а завоевание масс есть первая и главная заповедь большевизации»¹⁸².

Но главная декларация по этому вопросу была включена в огромную резолюцию о большевизации. Она и предупреждала, и увещевала: «Уклоны в вопросе о работе коммунистов в профессиональных союзах чреваты величайшими опасностями для дела действительной большевизации наших партий. Профессиональные союзы являются во всем капиталистическом мире важнейшей формой массовой (поголовной) организации пролетариата... Одной из важнейших составных частей учения ленинизма является его учение о работе коммунистов даже в самых реакционных профсоюзах... Важнейшая часть большевизации заключается в том, чтобы уделить работе в существующих социал-демократических и других (желтых, национал-социалистских, христианских и фашистских) профессиональных союзах в сто раз больше внимания, чем до сих пор. Только при этом условии может быть действительно сломлена монополия реформистских верхов (рабочей аристократии и рабочей бюрократии) в профессиональных союзах. Только при этом условии профессиональные союзы могут на деле освободиться от разлагающего влияния реформизма». Отказ применять тактику единого фронта в указанных формах, как подчеркнула резолюция, «несовместим с большевизацией»¹⁸³.

Однако более заметное место в дискуссии заняли проблемы международного единства. До того времени не произошло ничего такого, что поколебало бы убежденность Москвы в решительном повороте британского лейбористского движения влево. А такой поворот являлся лучшим противоядием нарастающей враждебности британского консервативного правительства и создавал выгоднейшие возможности для деятельности Коминтерна. Зиновьев утверждал, что Коминтерн выдвинул «самый популярный лозунг, лозунг борьбы за единство международного профдвижения», и приветствовал предполагаемое создание англо-русского комитета. «Вся наша профсоюзная кампания, — заявил он, — исторически возникла в связи с обстановкой, сложившейся в английском рабочем движении». Он с гордостью подчеркнул, что в движении меньшинства теперь 600 тыс. британских тред-юнионистов. Бла-

годаря Ленину, сказал Зиновьев, Коминтерн нашел «ключ» к «загадке» британского лейбористского движения, которое держалось в стороне как от I, так и от II Интернационала¹⁸⁴. Значительный «сдвиг» в рядах британского пролетариата был отмечен и в докладе Лозовского, констатирующего «глубокий процесс полевения». «Лед тронулся», — утверждал он¹⁸⁵. Пленум ИККИ принял короткую резолюцию «О борьбе за единство международного профдвижения», в которой с энтузиазмом приветствовалось «сближение между английскими и советскими профсоюзами». Резолюция призвала рабочих всех стран оказать «решительную и энергичную поддержку англо-советскому профсоюзному сотрудничеству»¹⁸⁶.

Сразу же по окончании пленума ИККИ были приняты меры для реализации намеченной им линии. В начале апреля 1925 г. в Лондон по приглашению Генерального совета британского Конгресса тред-юнионов выехала многочисленная советская профсоюзная делегация, которую возглавил Томский. В ее задачу входило выполнить принятое в Москве в ноябре 1924 г. решение о создании в целях содействия профсоюзному единству англо-русского профсоюзного комитета. В ходе дискуссий обнаружилась тщательно скрывавшаяся до тех пор несовместимость советской и британской точек зрения. Советские лидеры рассматривали свое обращение к Амстердаму как акцию, предпринимаемую от имени Профинтерна. Ее объявленная цель состояла в слиянии двух Интернационалов. Скрытая же посылка такой политики сводилась к предположению, что этот процесс завершится втягиванием амстердамских профсоюзов в орбиту Профинтерна. Британских же лидеров Профинтерн интересовал мало. Исходя из опыта британского движения, они его втайне считали помехой или обманщиком. Им хотелось бы, примирив советские профсоюзы с существующим Интернационалом, укрепить его и повернуть влево. Британские делегаты, по-видимому, шокировали своих советских коллег, высказавшись в пользу вступления русских союзов в МФП¹⁸⁷. В примирительной речи, в которой он вновь попробовал сгладить противоречия, Томский отклонил предложение безоговорочно капитулировать перед Амстердамом, назвав это повторением брест-литовского «продиктованного мира». Он просил британскую сторону по-прежнему поддерживать нажим с целью проведения конференции с МФП без каких-либо предварительных условий¹⁸⁸.

Дискуссии, продолжавшиеся с 6 по 8 апреля 1925 г., завершились опубликованием отдельных британского и советского заявлений, а также совместной декларации о международном единстве и резолюции, предусматривавшей создание «объединенного совещательного совета профессионального движения Великобритании и СССР». Совместная декларация призвала к «международному единству рабочих всех стран». Лишь одно оно, указывалось в ней, способно стать «непреодолимым препятствием капиталистическому угнетению, нерушимым залогом мира и экономической обеспеченности». Декларация подтвердила достигнутое в Москве в

ноябре 1924 г. соглашение и отметила, что «намечены совместные шаги, предусмотренные в предложении британской делегации и сводящиеся к тому, чтобы побудить Амстердамский Интернационал искренно согласиться на немедленный созыв свободной, без всяких предварительных условий, конференции с представителями профсоюзного движения СССР»¹⁸⁹. 30 апреля 1925 г. Томский доложил Центральному совету профсоюзов в Москве о переговорах в Лондоне. Центральный совет одобрил совместную декларацию и назначил пять советских ведущих профсоюзных деятелей — Томского, Догадова, Мельничанского, Андреева и Лепсе — своими представителями в объединенном совещательном совете¹⁹⁰. Новые письма, направленные в мае и июне 1925 г. советскими и британскими профсоюзами в Амстердам во исполнение договоренностей, которые были достигнуты в апреле, оставались, как и прежде, без ответа¹⁹¹. Но несмотря на то, что упрямство МФП все еще оставалось барьером для отношений между советскими профсоюзами и представительным международным органом западного профсоюзного движения, теперь удалось установить прямую связь с самыми мощными национальными профсоюзными органами Запада. В опубликованной в июне 1925 г. статье «Эпоха войн и революций» Зиновьев подтвердил мнение, что «сближение между профсоюзами Советского Союза и Великобритании есть величайшая надежда международного пролетариата»¹⁹².

Конец лета 1925 г. был отмечен значительными событиями в профсоюзном движении основных западных стран. Во Франции состоявшиеся во второй половине августа 1925 г. соперничающие съезды ВКТ и УВКТ углубили раскол между ними. Вслед за этим потерпела провал прямая атака УВКТ на укрепленные позиции ВКТ¹⁹³. В Германии Бреславльский съезд Всеобщего германского объединения профсоюзов, частично совпавший по времени с двумя французскими съездами, вновь продемонстрировал ослабление коммунистического влияния в профсоюзах¹⁹⁴. Одновременно с французскими и немецкими съездами была проведена чрезвычайно успешная конференция Национального движения меньшинства, а вслед за ней конгресс британских тред-юнионов в Скарборо. Он вновь с воодушевлением приветствовал Томского и сопровождался неумеренными проявлениями симпатий между британскими и русскими профсоюзами¹⁹⁵. По окончании конгресса в Скарборо, 17 сентября 1925 г. в Лондоне состоялось заседание англо-русского совета, который назвал себя «объединенным совещательным советом». Он констатировал наличие опасности войны, симптомами которой были события в Марокко, Сирии и Китае, осудил Локарнские договоры, целью которых было «вовлечение Германии в военный союз против советских республик», и пришел к выводу, что «создание всеобъемлющего мирового Интернационала профсоюзов стало еще более, чем когда-либо, необходимым»¹⁹⁶. Томский вернулся на родину в сопровождении члена Генерального совета британского Конгресса тред-юнионов Хикса и помощника

секретаря Ситрина, которые нанесли визит в Советский Союз¹⁹⁷.

Наряду с расцветающей англо-советской дружбой, самой обнадеживающей особенностью лета 1925 г. был наплыв в Москву исполненных энтузиазма рабочих делегаций из других государств, делегаций, ставших последователями британской группы, посетившей Советский Союз в ноябре 1924 г. Первый визит был нанесен одиннадцатью функционерами французских и бельгийских «реформистских» профсоюзов, которые совершили поездку по Советскому Союзу в июне-июле 1925 г. По окончании своего турне они высоко оценили все увиденное и заявили, что существенно важно добиться «профсоюзного единства во всем мире» и что они не могут «больше разделять ответственность с теми, кто совершает великое преступление, проводя раскольническую политику». Правда, делегаты осторожно добавили, что «ошибки существуют по обе стороны». Томский соответствующим образом ответил, сказав, что речь идет лишь о неоговоренной условиями встрече с Амстердамским Интернационалом на равноправной основе¹⁹⁸.

Но самый теплый прием был оказан немецкой делегации, состоявшей из 53 избранных на предприятиях для этой поездки рабочих — две трети из них принадлежали к СДПГ¹⁹⁹. Делегаты прибыли в Ленинград пароходом 14 июля 1925 г. Через шесть дней они отправились в Москву, а после этого провели полтора месяца в поездках по различным районам Советского Союза. Накануне их приезда в Москву «Правда» и «Известия» опубликовали приветственные статьи на немецком языке. «Правда» поместила также приветственные письма Крупской, Троцкого и Луначарского²⁰⁰. В Москве делегаты присутствовали на заседании Московского совета профсоюзов, на котором Томский описал недавние контакты русских союзов с Амстердамским Интернационалом и отстаивал дело профсоюзного единства²⁰¹. Позже у них состоялись беседы с Троцким, говорившим о желании Советского правительства привлечь с помощью концессий иностранный капитал²⁰², а также с Зиновьевым. Последний призвал к единому фронту рабочих — коммунистов и социал-демократов — и признал, что в прошлом коммунисты допускали промахи, которые, однако, не идут ни в какое сравнение с «чудовищной» ошибкой социал-демократов в 1914 г.²⁰³ Речь Зиновьева в Ленинграде на прощальном приеме в честь делегации (26 августа 1925 г.) была посвящена борьбе за единство в профсоюзах и за «единый фронт тружеников всего мира»²⁰⁴. Перед отъездом делегация опубликовала обращение «К рабочим и крестьянам Советского Союза». В нем она выразила восхищение всем увиденным во время визита, а в заключение заявила: «Священная обязанность каждого сознательного рабочего — действовать против раздробления рабочего движения и бороться за слияние обоих Интернационалов профессиональных союзов»²⁰⁵.

С июля по октябрь 1925 г. Советский Союз посетили рабочие делегации из Швеции, Чехословакии, Норвегии и Дании, а также

парламентская делегация британской лейбористской партии. В феврале следующего года на VI расширенном пленуме ИККИ Зиновьев приветствовал эти делегации, назвав их свидетельством выдающегося успеха тактики единого фронта²⁰⁶. В то время советские руководители были озабочены прежде всего тем, чтобы обращаться с призывами к дружбе и единству непосредственно к рабочим, а местным коммунистическим партиям отводили в своих расчетах подчиненное место.

г) Угасающие надежды

Конгресс тред-юнионов в Скарборо в сентябре 1925 г. и состоявшая вслед за ним встреча совместного англо-советского совета оказались кульминацией англо-советского профсоюзного сотрудничества и веры в возможность успешного проникновения левых сил, симпатизирующих советской политике, в профсоюзное движение. Оскорбление, нанесенное КПВ ливерпульским съездом лейбористской партии, проведенным месяцем позже²⁰⁷, хотя и было не больше, чем повторением того, что случилось за год до этого, тем не менее резко контрастировало с благожелательной позицией конгресса тред-юнионов в Скарборо и, по-видимому, отражало ослабление просоветски настроенных левых. Сместился баланс сил и в самом Конгрессе тред-юнионов. Конгресс в Скарборо принял автоматическое, хотя и выпадавшее из обычных рамок, решение избрать в Генеральный совет двух влиятельных правых лидеров — Клайнса и Томаса, которые в 1924 г. отказались от профсоюзных должностей, чтобы занять посты в лейбористском правительстве. Первые в Генеральный совет прошел Бевин; ранее он считался левым, но теперь быстро сдвигался вправо²⁰⁸. Вскоре после конгресса скончался генеральный секретарь Брэмли, последовательный поборник англо-советского сотрудничества и приверженец битвы против МФП. Его сменил более осторожный и консервативный Ситрин. Начали давать знать о себе попытки дискредитировать просоветский энтузиазм левых. Зимой 1925—1926 гг. даже в профсоюзах ничего не осталось от безоговорочного одобрения англо-советской дружбы. Провалилась кампания против плана Дауэса и Локарнских договоров. Большая часть британских левых (за исключением КПВ) почти без оговорок приняла эти соглашения, не считаясь с реальными или предположительными их последствиями для Советского Союза и полагая, что они представляют собой серьезный вклад в умиротворение Европы²⁰⁹. В течение почти двух лет все надежды Москвы основывались на росте влияния в британском тред-юнионистском движении мощного левого крыла. К концу 1925 г. эта основа стала разрушаться.

Два события, привлекая в то время мало внимания, по-видимому, ознаменовали начало контрнаступления правых сил во всем рабочем движении. Первым был конгресс возрожденного Второго

Интернационала в Марселе в августе 1925 г. В нем участвовали большие делегации русских меньшевиков, а также делегаты, выступавшие якобы от имени Армении, Грузии и Украины. Конгресс отнесся благожелательно к предложенному западному пакту безопасности, поддержал Лигу Наций и выразил желание способствовать приему в нее Германии. В резолюции, проникнутой крайней враждебностью к большевикам, он осудил Коминтерн за распространение «иллюзии, будто освобождения рабочих можно добиться на остриях штыков победоносных Красных Армий и что для мировой революции может потребоваться новая мировая война». Конгресс высказался в поддержку «революционных движений в Азии и Африке» и потребовал предоставить право самоопределения «народам Советского Союза... таким, как Армения, Грузия, Украина и другие» ²¹⁰.

Вторым событием стал конвент АФТ, проведенный в Атлантик-Сити в октябре 1925 г. Присутствовавший на нем в качестве братского делегата британских тред-юнионов Перселл предложил АФТ вступить в МФП, установить отношения с советскими профсоюзами и действовать совместно с ними во имя профсоюзного единства. Это предложение встретило откровенно враждебный прием и было высмеяно в американской прессе. Конвент отклонил резолюцию, рекомендовавшую признать Советский Союз; говорят, что за нее было подано только два голоса. Конвент принял резолюцию, подтверждавшую доктрину Монро и характеризовавшую АФТ как «признанное международное рабочее движение Америк». Он предостерег «Красный Интернационал самодержавной Москвы» от каких-либо попыток «вторгнуться на священную землю нашего полушария» под «предлогом мирового рабочего единства». В резолюции конвента отвергалась «вся коммунистическая философия, навязанная русскому советскому правительству в качестве и философии, и структуры так называемого правительства», провозглашающего свою враждебность «не только в оборонительных терминах, но и в энергичной и агрессивной форме». Наконец, конвент заявил, что он «и впредь будет противодействовать любым формам коммунистической агитации в Соединенных Штатах и в Западном полушарии» ²¹¹. В Москве конвент оценили как важный этап во впервые отмеченном годом раньше ²¹² нарастающем интересе АФП к европейским профсоюзным делам. Это рассматривалось как составная часть проникновения в Европу американских государственных служб и американского капитала вслед за утверждением плана Дауэса. На XIV съезде русской партии в декабре 1925 г. Лозовский говорил о «попытке Амстердама найти поддержку Америки против Англии» ²¹³. Примерно в это же время Троцкий упрекал АФТ за то, что ей удалось организовать лишь 2800 тыс. из 25 млн. промышленных рабочих в США. Он говорил о «полном параллелизме в деятельности Кулиджа и преемников Гомперса» ²¹⁴. Выступая несколькими месяцами позже на одном партийном собрании, Зиновьев процитировал принятую в Атлан-

тик-Сити резолюцию и заметил: «Фашистский реформизм уже экспортируется в Европу»²¹⁵.

Тем временем упрямство МФП ставило лидеров британских тред-юнионов, поддерживавших дело единства, во все более незавидную позицию. В их распоряжении осталось только одно оружие — угроза выхода из МФП. Но его применение нанесло бы ущерб самой цели тред-юнионов, и даже коммунисты отвергали подобное решение. На заседании 5—6 декабря 1925 г. Генеральный совет МФП 14 голосами против семи подтвердил свою прежнюю позицию²¹⁶. Через несколько дней в Берлине собрался англо-русский совет. К этому моменту терпение русских иссякло, и они хотели развернуть открытую полемику, направленную против МФП. Британская часть совета убедила их, однако, еще немного подождать²¹⁷. Англо-русский совет оказался беспомощным. Ему осталось лишь протестовать против неуступчивости большинства в МФП, против «продолжающихся и неспровоцированных нападков на русское профсоюзное движение» и «грубого искажения характера деятельности англо-советского совместного совещательного совета»²¹⁸. Неожиданно в Берлин прибыли делегаты норвежских и финляндских профсоюзов, пожелавших выснить возможность присоединения к англо-русскому совету. На их запрос был дан отрицательный ответ, поскольку принятие предложения этих организаций «рассматривалось бы политически как попытка создать третий профсоюзный Интернационал», возникновение которого, вероятно, сделало бы Профинтерн излишним. Тем не менее этот зондаж позволил Томскому на состоявшемся в том же месяце XIV съезде русской партии говорить о потенциальном «четверном союзе» в поддержку англо-русского совета²¹⁹.

Последние этапы деятельности англо-русского совместного совета вызвали рецидив споров в русских партийных кругах. Большинство твердо верило в то, что тесные связи с левым крылом британского тред-юнионистского движения — ключ к конечному захвату движения в целом. Меньшинство же проявляло нарастающую обеспокоенность, как бы такая политика не привела к не приносящим никаких плодов уступкам по принципиальным вопросам. Разногласия накалились до предела, когда британские делегаты в англо-русском совете предложили русским профсоюзам принять приглашение Амстердама и присоединиться к МФП. Косвенные свидетельства позволяют допустить, что такое предложение могло пользоваться определенной поддержкой в советских профсоюзных кругах, всегда относившихся ревниво к роли Профинтерна. Подобный шаг означал бы фактически его ликвидацию, поскольку Профинтерн вряд ли мог существовать, коль скоро из него удалили бы русскую опору. Троцкий утверждал, что во второй половине 1925 г. и в начале 1926 г. не менее 23 советских профсоюзов, представленных в советском профсоюзном Генеральном совете, «изменили свои уставы, сняв в них упоминания о своем членстве в Красном Профинтерне и заменив их ссылкой на членство

в Международной федерации профсоюзов»²²⁰. Троцкий указал, что в 1925 г. «Томский с оговорками, а Каганович безоговорочно и категорично» отстаивали идею вступления русских профсоюзов в МФП²²¹. Лозовскому, очевидно, удалось отбить наскоки и отстоять дело Профинтерна. Разногласия не вышли на поверхность. Томский занимал ключевую позицию в борьбе между партийными руководителями, которая приняла теперь острейшую форму, и ни одна из сторон не могла позволить себе пойти на обострение отношений с ним. С другой стороны, профсоюзы в силу своего состава все еще сохраняли остатки статуса беспартийной организации. Любой шаг, который выглядел бы попыткой признать и поощрить их право следовать независимым курсом, вызвал бы негодование. В этих условиях ни Сталин, ни противостоявшие ему Зиновьев и Каменев не хотели включать этот вопрос в партийную дискуссию.

В прениях о Коминтерне на XIV партийном съезде в декабре 1925 г. как Зиновьев, так и народный комиссар труда Шмидт превозносили англо-русское сближение. Правда, Шмидт был настроен откровенно пессимистически в отношении возможности единства в других странах. Не только КППГ, но и другие западные коммунистические партии, говорил он, «к лозунгу единства через профсоюзы относятся крайне скептически»²²². Однако последовавшие за этим прения по профсоюзным проблемам²²³ обнаружили определенные скрытые трения между группами, возглавляемыми Томским и Лозовским. Открывший дискуссию Томский утверждал, что вся линия русских профсоюзов в их переговорах с Амстердамом была согласована с Коминтерном и Профинтерном и являлась естественным следствием кампании за единый фронт. Она обещала «известный успех», способствовал «полевению» профсоюзного движения в Великобритании и «в других странах». Он защищал англо-русский совместный совет от обвинений в излишней умеренности. Несомненно, заметил Томский иронически, «с точки зрения ортодоксального коммунизма» документы совета оставляют желать лучшего. Кое-кто хотел бы увидеть в них такие обличающие эпитеты, как «предатели, реформисты, желтые лидеры Амстердамского Интернационала». Однако бессмысленно, сказал он, оскорблять тех, с кем хотят вести переговоры. Томский назвал три цели совместного совета: борьба против войны, против экономического наступления капитала и за единство международного рабочего движения. Знаменательно, заметил он, что приоритет отдан политической цели. Говоря о тех формах, которые мог бы принять единый профсоюзный Интернационал, Томский спросил: «Можем ли мы определить, на что мы пойдем и на что не пойдем?» На поставленный так вопрос он ответил, что было бы ошибочным определять это заранее. Важно то, чтобы дело не ограничилось простым «агитационным маневром»²²⁴.

В отличие от Томского, Лозовский сделал главный акцент на проблемы Востока. Он, в частности, расценил присоединение «до-

вольно большого количества» восточных рабочих к Профинтерну как «основную разницу между Профинтерном и Амстердамским Интернационалом». Далее Лозовский ответил на замечания Томского по поводу кампании за единство, нравуучительно заметив, что советским профсоюзам следует знать, на что они «не должны идти». Советские профсоюзы ни при каких обстоятельствах не могут «войти в Амстердамский Интернационал». Это не только раскол Профинтерн, сказал он, но и ослабит коммунистические партии в ряде стран, а также «дезорганизует Коминтерн». В заключение Лозовский вновь попытался объединить две взаимно дополняющие — а быть может, несовместимые — политики, призвав аудиторию «расширять постепенно англо-русский совет, привлекая к нему все новые и новые организации», и «систематически укреплять Профинтерн». Когда он заговорил о «расширении» англо-русского совета, Мельничанский, сторонник Томского, бросил ироническую реплику: «Новый Интернационал?»²²⁵. Рязанов демонстративно заявил, что он поддерживает «оппортунистическую политику» Томского и предупредил Лозовского, что последний «в Профинтерне часто повторял некоторые ошибки Коминтерна»²²⁶. Подводя итог прениям, Томский обвинил Лозовского в «некотором дуализме». В тот момент, сказал он, когда советская политика открыто выступила за международное профсоюзное единство, Лозовский начал проповедовать девиз «Прочь от Амстердама!» и убеждать, что советские профсоюзы «никогда и ни при каких условиях» не должны вступать в «Амстердам». Томский с иронией назвал это «попыткой под видом единства, говоря о единстве, вести линию на раскол и воображать, что никто этого не заметит». Томский едко приравнял Лозовского к Глебову-Авилову, выразителю взглядов ленинградской оппозиции по профсоюзным вопросам: «Глебов и Лозовский говорят: единство, единство, а сами хотят на деле раскола». «Такая политика, — сказал он, — фальшива и двулична». Позже, в несколько более умеренных тонах, Томский назвал естественными «те или иные» разногласия между ним и Лозовским по вопросам международного профсоюзного движения, поскольку Лозовский должен защищать Профинтерн. «До сих пор мы эту линию согласовывали, и это не мешало нам работать вместе», — добавил он примирительно²²⁷. Как признал Томский, резолюция съезда по профсоюзному вопросу была предварительно согласована между ним, Зиновьевым и Бухариным²²⁸. Она была расплывчата и прошла единогласно. Резолюция приветствовала «братский боевой союз» советских и британских профсоюзов. Вызванные им повсеместно симпатии она расценила как «первый практический шаг в направлении установления международного единства и залог его успеха»²²⁹.

Каких-либо изменений в политику партии в международном профсоюзном движении XIV съезд фактически не внес. Он подтвердил оба направления деятельности в этой сфере. Экономические тезисы ИККИ, опубликованные в январе 1926 г. в связи со

второй годовщиной со дня смерти Ленина, завершались разделом, посвященным необходимости единства рабочего класса и единого фронта в профсоюзах²³⁰. С другой стороны, адресованное зарубежным коммунистическим партиям письмо ЦК русской партии от 13 января 1926 г. об итогах XIV съезда решительно отвергло «контрреволюционные сплетни о якобы предполагаемом вхождении советских профсоюзов в Амстердамский Интернационал»²³¹. Вопрос этот, однако, приобрел теперь чисто академический интерес. Протесты, прозвучавшие на заседании англо-русского совета в декабре 1925 г. в Берлине²³², были соответствующим образом сформулированы в письмах, отправленных 6 января 1926 г. из Лондона и Москвы в Амстердам. МФП ответила на них 17 февраля 1925 г. назойливым повторением причин ее нежелания рассматривать эти письма²³³. Это означало конец. Было признано, что длительная борьба с «Амстердамом» завершилась поражением. Англо-советская инициатива уперлась в глухую стену. Лозовский мог теперь вздохнуть с чувством облегчения. Выступая в этом же месяце на VI расширенном пленуме ИККИ, он с иронией говорил о «близоруких политиках Амстердамского Интернационала», полагавших, будто XIV съезд русской партии положил «начало высвобождению советских союзов из-под влияния коммунистической партии». Наоборот, твердо заявил он, съезд «еще и еще раз укрепил идейное и политическое руководство ВКП советским продвижением»²³⁴.

Зимой 1925/26 г. напряженность в британском рабочем движении постепенно нарастала. Да и в других странах можно было обнаружить малообнадеживающие симптомы. В 1925 г. новые шаги были предприняты только в Скандинавии. В январе 1925 г. МКП транспортников созвал в Гетеборге конференцию транспортников-коммунистов скандинавских стран²³⁵. Позже, в том же году небольшого успеха добились в Норвегии. С 1922 г., когда норвежские союзы порвали с МФП, они оказались вне как «Амстердама», так и Профинтерна. Незадолго до этого профсоюзы Норвегии направили делегацию в Международную организацию труда (МОТ), штаб-квартира которой располагалась в Женеве. Другие профсоюзные организации Скандинавии настаивали на их возвращении в МФП. На своем съезде в августе 1925 г. профсоюзы Норвегии в ответ на призыв Исполнительного бюро Профинтерна единодушно согласились установить контакт с англо-русским совместным советом и значительным большинством отклонили предложение присоединиться к МОТ; вопрос о МФП, по-видимому, и не ставили²³⁶. В Финляндии, профсоюзы которой не примыкали ни к МФП, ни к Профинтерну, социал-демократические лидеры развернули кампанию за изгнание коммунистов из профсоюзов. Их конечной целью было присоединение к «Амстердаму»²³⁷. В Швеции профсоюзные лидеры считались ортодоксальными социал-демократами и традиционно ориентировались на «Амстердам». Однако в янва-

ре 1926 г. шведские металлисты собрали независимую конференцию, которую социал-демократическое руководство бойкотировало. На конференции утверждалось, что она представляла треть всех шведских рабочих, организованных в профсоюзы; цифра эта, правда, вызывает сомнения. Конференция задалась целью заложить по британскому образцу основы движения меньшинства. Она громко заявила о необходимости международного профсоюзного единства и направила приветственную телеграмму англо-русскому совместному совету²³⁸. В Голландии небольшая революционная профсоюзная федерация Национальный рабочий синдикат решила безоговорочно присоединиться к Профинтерну. Такое решение к расколу не привело²³⁹.

Но эти шаги не смогли компенсировать неспособность добиться успехов в немецких, французских и чехословацких профсоюзах. Не смогли они уравновесить и упадок влияния левых в высшем эшелоне британского Конгресса тред-юнионов. Не было зарегистрировано прогресса и в других странах. На Балканах все профсоюзы были под подозрением, и ни о каких открытых контактах с Профинтерном не могло быть и речи²⁴⁰. В ответ на пропаганду в пользу единства, развернутую в Румынии независимыми профсоюзами, реформисты предложили объединенным профсоюзам присоединиться к «Амстердаму». Они требовали также изгнания всех тех, кто вел коммунистическую пропаганду. Один из румынских коммунистических профсоюзных деятелей вызвал гнев Лозовского, высказавшись в пользу принятия этого предложения. Этот деятель сравнил свою позицию с позицией Ленина, рекомендовавшего согласиться с «позорным» брест-литовским миром²⁴¹. Но ни в одной из балканских стран профсоюзы не были достаточно сильны, чтобы бороться по спорным принципиальным вопросам, связанным с единым фронтом.

Осознание тупика, в котором оказалась кампания за единство на высшем уровне, способствовало пониманию важности активизации самих профсоюзов. На организационной конференции, состоявшейся в феврале 1926 г. накануне VI расширенного пленума ИККИ²⁴², развернулось бурное обсуждение трудного вопроса о партийных фракциях в профсоюзах. Проект примерного устава партийных фракций в профсоюзах, подготовленный организационным отделом ИККИ, был встречен недружелюбно. Его одобрили только британская и норвежская делегации. Они полностью поддерживали проведение в реформистских профсоюзах кампании за единый фронт, и их за это с различной степенью суровости осуждали немецкая, французская, чехословацкая и итальянская делегации. В центре внимания оказался, по-видимому, доклад партийной фракции в московском Союзе текстильщиков, который вызвал «оживленный обмен мнениями». Примерный устав передали на рассмотрение профсоюзной комиссии ИККИ, одобдившей его с некоторыми поправками. В окончательном тексте указывалось на

необходимость приспособления устава к специфическим условиям в различных странах. В соответствии с изложенными в нем принципами фракции должны заниматься не партийной политикой в целом, а лишь профсоюзными вопросами. Устанавливалось, что фракции не есть самостоятельные партийные органы, а подчиняются руководителям партийных ячеек, и что их главная функция состоит в «поддержании контакта с оппозиционными элементами в профсоюзах, не принадлежащих к коммунистической партии». Категоричней, чем когда-либо, рассматривался в примерном уставе бесконечно дебатлируемый вопрос о членстве в профсоюзах представителей всех политических направлений: «Если в той или иной отрасли промышленности существуют профсоюзы различной принадлежности (красные, амстердамские, синдикалистские и т. д.), в ней должна создаваться фракция, соответствующая ее структуре. Необходимо также организовывать фракции в христианских, хирш-дункерских, фашистских, предпринимательских и других профсоюзах. В этих целях партийные организации должны вовлекать в партию членов этих профсоюзов»²⁴³.

На открывшемся в феврале 1926 г. VI расширенном пленуме ИККИ Лозовский выступил с необычайно пространством докладом по профсоюзному вопросу. Основания для оптимизма он обнаружил в снижающемся уровне жизни рабочих в Западной Европе, развитии левого движения в профсоюзах и в кампании за единство, а также в потоке исполненных энтузиазма делегаций западноевропейских рабочих в Советский Союз. Лозовский вновь решительно опроверг «легенду» о том, что «советские союзы хотят выйти из Профинтерна». Советские союзы, сказал он, — «органическая часть Профинтерна», и «никакой другой политики, кроме политики Профинтерна и Коминтерна», они «не ведают, не ведут и вести не смогут». Если Профинтерн, продолжал Лозовский, отступил в сторону и предоставил советским профсоюзам вести переговоры с «Амстердамом», то это «потому, что никто из нас не желает из-за формальных соображений, из-за вопроса о престиже помешать сближению рабочих разных стран». Лозовский не комментировал провал переговоров и не сделал из этого факта никаких выводов для будущей политики. Более твердо Лозовский проявил себя в длинном пассаже, посвященном развитию профсоюзного движения на Дальнем Востоке. Он противопоставил внимание, уделяемое профсоюзам этого региона Профинтерном, с пренебрежительным отношением к ним «Амстердама». В пылу риторики Лозовский похвастался, что там Профинтерн в шесть раз многочисленнее, чем Коминтерн с его двумя миллионами членов. Мораль из этого он не извлек, но она была ясна и без того: если Профинтерн не столь полезен в Европе, он приносит богатые дивиденды в Азии. Представляя набор тезисов «О текущих задачах коммунистов в профсоюзном движении», Лозовский, извиняясь, разъяснил, что «программа действий» для общего фронта, для которого она составлена, не упоминает о кампании против плана

Дауэса и Локарно или о братании войск с мятежниками, участвующими в колониальных войнах. Такие вопросы, сказал он, «не могут служить основой для совместных действий»²⁴⁴. Это прозвучало как явное умиротворение реформистов и как призыв к политике «единого фронта любой ценой», хотя во второй своей речи²⁴⁵ Лозовский отверг подобного рода вывод.

Выступивший вслед за Лозовским Томский несколько сместил акценты, говоря от имени русских профсоюзов, а не Профинтерна. Он предпринял отчаянную попытку показать, что кампания за единство все еще живет: «Обстановка этой борьбы, вся история развития этого движения заключается не в том, что мы хотим единства, а другая сторона не хочет единства, а в том, что, несмотря на то что они не хотят единства, мы их заставляем и должны заставить на это идти». Томский, однако, предсказал, что такая ситуация может сохраняться в течение долгого времени. В то же время он согласился, что не может быть и речи о том, чтобы бросить «на произвол судьбы тот Интернационал, который мы построили, те союзы, которые мы туда вовлекли». «Факт вступления [советских] профсоюзов в Амстердам без союзов других стран, находящихся с нами в Профинтерне, был бы актом измены по отношению к ним», — подчеркнул он²⁴⁶.

Выступая в прениях, Бордига, верный своей роли оппозиционера-одиночки, согласился с принципом единого фронта в рамках национальных организаций, но резко критиковал политику единства на международном уровне. После завоевания национальных организаций, доказывал он, настанет очередь международных. А до тех пор любое обращение к «Амстердаму» бесплодно, и нет никакого смысла отказываться от лозунга «Москва против Амстердама» или прекращать осуждение МФТ за ее связи с Лигой Наций и МОТ²⁴⁷.

Больше изложенную Лозовским политику не оспаривал никто. Не было задано и трудных вопросов о роли Профинтерна. Зиновьев упорно отрицал, что от лозунга «Москва или Амстердам» отказались: «Если бы завтра был созван общий конгресс двух профсоюзных Интернационалов, — сказал он, — то борьба под лозунгом: Москва или Амстердам... только еще бы по-настоящему началась»²⁴⁸. Затем тезисы Лозовского были приняты. В них приводился «выдвинутый V конгрессом Коминтерна и III конгрессом Профинтерна лозунг слияния Профинтерна и Амстердама путем международного конгресса единства». Тезисы характеризовали создание англо-русского совместного совета как «выражение новых настроений широких масс и большинства организованного рабочего класса Англии». Профсоюзное движение было объявлено «центром тяжести в проведении тактики единого фронта в настоящее время». Тезисы осудили Маслова и Рут Фишер за их «механический, формальный» подход к единому фронту, влекущий за собой «банкротство всей профсоюзной деятельности». Завершающая тезисы «программа действий», о которой говорил Лозовский, предусмат-

ривала, наряду с обычными целями профсоюзного движения, «борьбу против Лиги наций и Международного бюро труда» [то есть МОТ. — *Ред.*], а также «борьбу за создание единого, охватывающего профсоюзы всех стран, всех рас и континентов, классового Интернационала»²⁴⁹.

После окончания работы расширенного пленума ИККИ была создана «постоянная профсоюзная комиссия». В нее вошли Зиновьев, Бухарин, Пятницкий, Тольятти, Трэн, Фергюсон, Шмераль, Гешке, Томский, Лозовский и Нин²⁵⁰. Состав комиссии свидетельствовал о ее важности, однако никаких материалов о работе комиссии не существует.

IV сессия Центрального совета Профинтерна, состоявшаяся сразу же после VI расширенного пленума ИККИ с 9 по 15 марта 1926 г., прошла под знаком преобладающего влияния Лозовского. Томский на ней не присутствовал. Во вступительной речи Лозовский говорил об «Англии и Востоке» как о главных секторах успешной деятельности Профинтерна²⁵¹. Однако никто из британской делегации не выступил, и работа англо-русского совместного совета не обсуждалась. Правда, те, кто слушал последовавшую за вступительной речью Лозовского, могли задуматься, не включил ли он мимоходом этот совет в число «неудачных примеров единого фронта»²⁵².

Обсуждение перспектив профсоюзного единства было окрашено пессимизмом, и впервые за два года эта проблема оказалась на втором плане. Короткое упоминание о МКП в докладе Нина прозвучало в минорной тональности. Наиболее эффективным, сказал он, был комитет транспортников, а вслед за ним — комитет рабочих кожевенной промышленности. В целом же, однако, эта деятельность оставляла желать много лучшего²⁵³. Лозовский пожаловался, что советские профсоюзы были допущены только в единственный профессиональный Интернационал — Союз пищевиков, да и в нем советских делегатов пытались принудить к молчанию²⁵⁴. В резолюции смогла быть зарегистрирована лишь одна победа — «слияние всех учительских организаций в единый профессиональный Интернационал» (парижский Интернационал работников просвещения). Единственный вывод состоял в том, что МКП должны продолжать «борьбу за формирование единого эффективного Интернационала для каждой отрасли производства»²⁵⁵.

Совершенно очевидно, что камнем преткновения по-прежнему было требование развернуть работу в христианских и фашистских профсоюзах. Это относилось даже к тем, кто принял аргумент о работе в социал-демократических профсоюзах. Лозовский признал, что среди коммунистов господствует «подсознательное представление, что все эти пепеэсовские, социал-демократические союзы лучше, чем националистические, христианские и всяческие другие». Но, доказывая он, «политически они одно и то же»²⁵⁶. Лозовский

осторожно заметил, что целью должно быть «создание единого Интернационала, который охватывал бы не только рабочих Европы». Переговоры между советскими профсоюзами и Амстердамом, сказал он, — «лишь один из фазисов, один из этапов в борьбе за единство». «Для рабочего движения внеевропейского, для рабочих Японии, Китая, для рабочих Австралии, Филиппин, Кубы или Америки этот вопрос не является центральным вопросом»²⁵⁷. Гайс, непокорный лидер чехословацких профсоюзов, едко обвинил Лозовского в неспособности создать в других профсоюзах эффективные революционные меньшинства²⁵⁸. Однако наиболее существенной критике подверг Лозовского Лисс, член Секретариата Профинтерна. Он выступил против попытки Лозовского недооценить МФП, которую последний назвал «„лишь“ европейским Интернационалом». В конечном счете, заметил Лисс, «Европа, где преобладает Амстердамский Интернационал, имеет достаточно большое значение». Он обвинил Лозовского и в том, что им был обойден вопрос о проводимой в последние полтора года кампании за единство, включая работу англо-русского совместного совета. В тезисах Лозовского, сказал Лисс, нет призыва «продолжать и усиливать борьбу за единство». Наконец, он оспорил аргумент о невозможности провести различие между работой в социал-демократических союзах, с одной стороны, и в христианских и фашистских, с другой. Особенность работы в социал-демократических союзах, по его мнению, состоит в том, что они некогда были «органами классовой борьбы» и создали у своих членов иллюзии, которые можно и следует рассеять²⁵⁹. Попытка ответить на эти аргументы предпринята не была, и тезисы Лозовского, завершавшиеся уже одобренной ИККИ «программой действий», были, по-видимому, без поправок приняты²⁶⁰.

Но если в континентальной Европе перспектива добиться успехов через профсоюзы потускнела и если движение на Дальнем Востоке при всем его революционном потенциале казалось далеким и все еще находившимся в эмбриональном состоянии, то в Великобритании факел продолжал светить и в любой момент мог вспыхнуть ярким пламенем. Хотя проведенная в марте 1926 г. сессия Центрального совета Профинтерна и не обсуждала британские дела, она тем не менее отметила предстоящую «конференцию действий, создаваемую в Лондоне Национальным движением меньшинства» в целях рассмотрения угрозы, которую создает для шахтеров «нападение финансовой и промышленной олигархии». Сессия направила конференции приветствие, заверив ее в том, что «с глубоким вниманием, тревогой и надеждой следят рабочие всех стран за развертыванием классовой борьбы в Англии»²⁶¹. Поскольку в последующие недели напряженность нарастала, Исполнительное бюро Профинтерна 17 апреля 1926 г. направило МФП письмо с предложением организовать «совместную акцию помощи британским шахтерам» в назревавшем конфликте²⁶². Никаких шансов на то, что МФП примет это предложение, не было. Однако его

отклонение «Амстердамом» могло бы принести определенные дивиденды. К тому времени не произошло еще ничего такого, что могло бы разрушить лелеемую веру в рост влияния левых на британских рабочих, а также в возможность посредством союза с британскими тред-юнионами вбить мощный клин в международное профсоюзное движение. Вспыхнувшей в мае 1926 г. всеобщей забастовке было суждено сначала упрочить уверенность в том, что эти надежды сбудутся, а затем до основания разрушить их.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 25. Принципы внешней политики

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 335.
2. На XIII съезде партии в мае 1924 г. Бухарин признал, что «психологическая депрессия» в связи с поражением в Германии «оказала чрезвычайное влияние на наши партийные ряды» («XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1924, с. 332). Месяцем позже в докладе ИККИ V конгрессу Коминтерна отмечалось, что «отступление германского пролетариата является отступлением для многих секторов русских трудящихся, а также для ВКП(б), и влияние его ощущается в партийных дискуссиях» («Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Komunistischen Internationale vom IV bis V Weltkongress», 1924, S. 9).
3. «Междущарствие...», гл. 10.
4. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 21, 22.
5. См., например: «Survey of International Affairs, 1924», 1926, p. 172.
6. Об этой установке см.: «Большевицкая революция...», гл. 18.
7. «Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большеви-ков)», 1924, с. 50.
8. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 25.
9. Там же, т. 1, гл. 1, 2.
10. Там же, гл. 3, 4.
11. Делать какие-либо теоретические выводы о точке зрения на международное право из признания Ленина на закрытом заседании VII съезда РКП(б) о том, что Брест-Литовский договор «мы нарушали тридцать-сорок раз» («Большевицкая революция...», т. 3, гл. 22), было бы столь же опрометчиво, как и из факта нарушения Версальского договора Германией. В равной степени заявления Ленина в 1916 г., что «...аннексией нельзя считать... всякое присоединение «чужой» территории» и что «...аннексией должно считать лишь присоединение территории вопреки воле ее населения» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 288), может считаться несовместимым с доверием к международному праву не более чем заявления западных политиков в пользу самоопределения.
12. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 24.
13. Ключников и Сабанин. Международная политика. Часть III, вып. 1, 1928, с. 331.
14. Закрепление договорами азиатских границ завершилось лишь 31 мая 1924 г. советско-китайским договором. Когда Сталин в его известной «клятве» после смерти Ленина дал обязательство от имени партии не только укреплять, но и «расширять союз трудящихся всего мира», он говорил не на языке дипломатии, а на языке мировой революции, о чем свидетельствует его упоминание о Коминтерне («Междущарствие...», гл. 14).
15. «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 29.
16. Е. Коровин. Международное право переходного времени, 1924; о более ранних высказываниях советских юристов о международном праве см.: J. F. Triska and R. M. Slusser. — In: «American Journal of International Law», vol. LXII, No. 4, October 1958, p. 700—701.
17. Е. Коровин. Международное право переходного времени, 1924, с. 5.
18. Единственный пережиток классового подхода к международному праву

можно обнаружить в декрете о гражданстве СССР («Собрание законов», 1924, № 23, ст. 201, 202), который предусматривал, что иностранные граждане, «проживающие на территории Союза ССР для трудовых занятий и принадлежащие к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству», обладают «всеми политическими правами граждан Союза ССР» и что иностранные граждане, проживающие за границей и характеризующиеся аналогичными качествами, могут быть таким же образом натурализованы компетентными властями. Но практического смысла в этом было мало. Любое государство по международному праву может натурализовать иностранцев, проживающих на его территории; натурализация же иностранцев, живущих за границей, не будет иметь силы, если не получит признания государства, в котором они проживают.

19. Е. Коровин. Международное право переходного времени, 1924 с. 26.

20. «Международная жизнь», 1925, № 2, с. 119, 120; J. F. Triska and R. M. Slusser. — In: «American Journal of International Law», vol. LXII, No. 4, October 1958, p. 703, 704; эти авторы приводят ряд советских договоров начального периода, в которых дается ссылка на принципы или обычную практику международного права.

21. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 22.

22. «Собрание узаконений», 1917—1918, № 78, ст. 823.

23. «Собрание узаконений», 1921, № 49, ст. 261.

24. Там же, № 53, ст. 303; специальный декрет от 4 ноября 1921 г. (там же, № 74, ст. 610) касается дипломатических курьеров и почты — острая проблема с первых дней существования строя.

25. В своем предложении китайскому правительству 17 июня 1924 г. Каракан разъяснял, что Советское правительство «отвергает разделение наций на различные категории и проводит свою политику на основе принципа полного равенства» (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 40).

26. См. ниже, гл. 28.

27. «Собрание законов», 1924, ст. 223.

28. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 103.

29. Это обвинение, видимо, было впервые высказано Мартовым в Галле в октябре 1920 г., а затем на III конгрессе Коминтерна в июне — июле 1921 г. («Большевистская революция...», т. 3, гл. 30).

30. «Известия», 7 ноября 1922 г.

31. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

32. «Manchester Guardian», March 1, 1923.

33. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 265.

34. Яркий пример этому — протесты итальянских коммунистов против официальных советских отношений с Муссолини (см. ниже, гл. 28).

35. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitag der KPD», 1926, S. 307—308.

36. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23.

37. Г. Беседовский. На путях к термидору, Париж, 1931, т. I, с. 150—151. Автор заявляет, что новые правила, введенные после инцидента в торговом представительстве в Берлине в мае 1924 г. (см. ниже, гл. 26), предусматривали полное разделение функций. Однако к каждому советскому представительству за границей прикомандировывался сотрудник Коминтерна для поддержания контактов с главой представительства.

38. См. ниже, гл. 26, 28.

39. «Междупарствие...», гл. 6.

40. «Auswärtiges Amt», 6698/111754—63; G. Hilger. Wir und der Kreml, 1955, S. 126—127. Рыков в июле 1924 г. заметил американскому корреспонденту, что отношение Советского правительства к русской партии не отличается от отношения Пуанкаре к национальному блоку (А. И. Рыков. Статьи и речи, т. III, 1929, с. 179). Годом позже Чичерин довершил аналогию со II Интернационалом, указав на то, что I Интернационал в годы своего упадка находился в США («Известия», 21 января 1925 г.).

41. «Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9101/226799. Об этой записке см. ниже, гл. 26.

42. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 45; *G. Hilger. Wir und der Kreml*. 1955, S. 109.
43. «Auswärtiges Amt», 5265/318063—6.
44. Советскую и эстонскую ноты см. в: «Известия», 2 и 5 марта 1924 г.
45. «Stresemann Nachlass», 7133/148770.
46. «Auswärtiges Amt», 4562/155375; «Stresemann Nachlass», 7129/147856. Двумя днями раньше Штресеман записал в своем дневнике замечание одного германского промышленника, что «вступить в брак с коммунистической Россией все равно, что лечь в постель с убийцей своих родных», и добавил: «В конечном счете невозможно поддерживать фикцию, что есть русское правительство, проводящее прогерманскую политику, и III Интернационал, стремящийся подорвать Германию» (ibid., 7129/147850).
47. Письмо от 2 ноября 1923 г., помещенное в: «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 341—342. Дешери Брокдорф-Ранцау стали известны исследователям по воле случая, а доклады других иностранных представителей в Москве все еще недоступны; однако вряд ли они были лучше информированы или более проникательны, чем Брокдорф-Ранцау.
48. См. ниже, гл. 28.
49. *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 110.
50. См., в частности, серию статей в: «Le Temps», 22 décembre 1925, 2 et 4 janvier 1926.
51. «Auswärtiges Amt», K 305/105724—6.
52. «Правда», 19 июня 1924 г.; карикатура перепечатана в: *L. Fisher. The Soviets in World Affairs*, 1930, vol. II, p. 471.
53. «Survey of International Affairs. 1924». 1926, p. 172.
54. I Documenti Diplomatici Italiani. Settima Serie. 1922—1935, vol. III, 1959, p. 356. 9 мая 1925 г. Чичерин заметил послу Италии, что, по слухам, итальянское правительство «по инициативе Англии» намерено потребовать «принятия мер с целью разъединения русского правительства и III Интернационала» (ibid., p. 558).
55. «Auswärtiges Amt», 2860/554713. О письмах Сталина и Зиновьева см. ниже, гл. 28.
56. «A Selection of Papers dealing with Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927», Cmd. 2895, 1927, p. 38.
57. «Правда», 4 октября 1925 г.

Глава 26. Налаживание дипломатических отношений

1. «Большевистская революция», т. 3, гл. 27.
2. «Междущарствие...», гл. 10.
3. Это письмо в свое время, видимо, будет опубликовано в одном из сборников британских документов.
4. *F. Lisher. The Soviets in World Affairs. Vol. II*, 1930, p. 478. В своем описании конференции он опирается на неопубликованные протоколы, показанные ему Раковским (ibid., 2nd. ed., 1957, p. VIII); см. также: *Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения, 1924—1929 гг.*, 1958, с. 34—35; этот автор также использует материалы из неопубликованных советских архивов.
5. «The Times», April 14, 1924.
6. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.
7. «The Times», April 16, 1924.
8. Оба заявления были опубликованы в британской прессе; полный текст заявления Раковского опубликован в «Известиях» от 16 апреля 1924 г.
9. *Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения, 1924—1929 гг.*, 1958, с. 43—44.
10. «Russian Review», Washington, June 15, 1924, p. 401.
11. «The Times», May 10, 1924; «Известия», 10 мая 1924 г.
12. *Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения, 1924—1929 гг.*, 1958, с. 46—48.
13. О конференции в Генуе см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.
14. *Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения, 1924—1929 гг.*, 1958, с. 48—51.
15. Краткое изложение переговоров на основании советских источников см. в:

L. Fisher. The Soviets in World Affairs. 1930, vol. II, p. 482—488. Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения, 1924—1929 гг., 1958, с. 51—53. Оно может быть дополнено сообщениями британской печати. Полное освещение содержания переговоров невозможно до тех пор, пока не будут опубликованы британские и зарубежные архивы. Советские представители придавали особое значение обсуждению вопроса о концессиях, отчасти потому, что это означало привлечение иностранного капитала, а отчасти потому, что потенциальные концессионеры могли, по их мнению, оказать решающее влияние на британскую сторону на переговорах. В записке от руки, переданной Красным Троцкому на одном из заседаний в Москве 19 июля 1924 г. и сохранившейся в архиве последнего (Т 827), выражалось мнение, что концессионеры «куда более влиятельны», чем держатели облигаций. Но Красин был всегда твердым сторонником политики концессий.

16. *L. Fisher. The Soviet in World Affairs, 1930, vol. II, p. 483.*

17. Советско-итальянский договор от 7 февраля 1924 г. был первым договором, которым советскому торгпредству предоставлялось право экстерриториальности. Впоследствии оно стало обычным явлением. Советско-шведский торговый договор от 15 марта 1924 г. был исключением в двух отношениях: он не предоставлял права экстерриториальности советскому торгпредству и не предоставлял Швеции возможности заявлять какие-либо притязания на преимущества, права и льготы, которые другая сторона могла предоставить третьим странам, признавшим советское правительство де-юре до 15 февраля 1924 г. (СССР. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, тт. I—II, 1928, № 92, с. 267—270).

18. О ходе этого заседания в изложении советской стороны см.: *Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения, 1924—1929 гг., 1958, с. 66—69.*

19. Об этом рассказывал Морел в: «Forward», August 23, 1924. Этот эпизод скоро превратили в легенду. Выступая месяцем позже на конференции в Ленинграде, Каменев, сославшись на сообщение печати, утверждал, что Перселл и другие лидеры тред-юнионов «имели чрезвычайно бурный разговор с Макдональдом, Сноуденом и Уоллхедом» и что договор был спасен «в результате вмешательства лидеров тред-юнионов» (*Л. Каменев. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 59—60*). Вскоре он же заявил на заседании ЦК Комсомола, что договор был подписан «из-под палки рабочих» (там же, с. 91).

20. «General Treaty between Great Britain and Northern Ireland and the Union of Soviet Socialist Republics», Cmd. 2260, 1924, причем последний британский проект, представленный конференции, прерванной 5 августа 1924 г., уже был опубликован (Cmd. 2235, 1924); «Treaty of Commerce and Navigation between Great Britain and Northern Ireland and the Union of Soviet Socialist Republics», Cmd. 2261, 1924.

21. Текст заявления см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 113, August 26, 1924, S. 1467—1469.

22. «Известия», 10 августа 1924 г.

23. *Л. Каменев. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 1, 3.*

24. «House of Commons: 5-th Series», CLXXVI, 3031—3036.

25. «The Times», October 2, 1924.

26. В обращении к солдатам («Workers Weekly», July 25, 1924) говорилось: «Пусть будет известно, что ни в классовых сражениях, ни в военных действиях вы не обратите свое оружие против своих братьев-рабочих». О намерении возбудить судебное дело было заявлено в палате общин 6 августа 1924 г. Через неделю от этого намерения отказались. Значение, придававшееся этому случаю, отражало обострение политической атмосферы вокруг англо-советского договора.

27. «Постановления ЦИК Союза ССР», 1924, с. 4.

28. Впервые этот документ попал в Форин оффис через секретную службу. Джонсон-Хикс в осторожной форме упомянул об «источниках, имеющих у нас в других странах», и заключил: «Чтобы не подвергать риску жизнь отдельных лиц, не представляется возможным сообщить имена тех, кто передавал этот документ» («House of Commons: 5-th Series», CLXXIX, p. 310—311). Остин Чемберлен, прямо указавший на секретную службу, сказал в этом письме, что

«мы знаем весь его путь от начала и до того, как оно попало в наши руки». Он также добавил, что потом еще три экземпляра были получены в Форин оффис из неустановленных источников (ibid., CLXXIX, p. 674). В марте 1928 г. некий Конрад Дональд Им-Турн сообщил Болдуину, что он был тем человеком, который направил письмо Зиновьева в Форин оффис и в газету «Дейли мейл» (см. ниже, прим. 31), и что он получил его от неизвестного лица, «имеющего тесные контакты с коммунистическими кругами в этой стране» (ibid., CCXV, p. 70—71).

29. На этот и другие моменты указал Зиновьев в интервью представителям иностранной печати в Москве 27 октября 1924 г. («Правда», 28 октября 1924 г.).

30. Установка на ведение «настойчивой и регулярной пропаганды и организационной работы в буржуазных армиях» была подтверждена V конгрессом Коминтерна в июле 1924 г. («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 411).

31. События, которые привели к посылке ноты Раковскому, Макдональд изложил в своей речи в Кардиффе 27 октября 1924 г., то есть перед всеобщими выборами («The Times», October 25, 1924); текст ноты с приложением см. в: «The Times», October 25, 1924; «A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927», Cmd. 2895, 1927, p. 28—32. В ней Макдональд счел отправку ноты результатом ошибочного толкования его намерений в Форин оффис, который не должен был этого делать, не получив подтверждения подлинности письма. Визирование в виде инициалов на полях документов в практике Форин оффис означало, что официальное лицо, поставившее их, согласно с проектом, но не берет на себя окончательной ответственности (в таком случае инициалы ставились бы в конце документа), передавая его на рассмотрение какого-либо вышестоящего лица. Знал ли Макдональд об этом правиле или нет, но инициалы на полях выглядели как признак его уклончивости и раздвоенности: он не выразил своего ясного отношения, ибо по сути дела не знал, что он имел в виду или чего хотел. Форин оффис мог бы доказывать, что инициалы министра иностранных дел, где они бы ни стояли, означают окончательное одобрение текста, поскольку не было более высокого должностного лица, которому можно было бы направить документ. С другой стороны, не было сделано попытки проконсультироваться с Понсонби, который находился в Лондоне; и даже в 1924 г. можно было позвонить из Лондона в Аберавон. Грегори был римским католиком с явными пропольскими симпатиями и с резкой враждебностью относился к большевикам. Впрочем, в этом отношении он отличался от большинства своих коллег лишь степенью своей враждебности. Гроув, постоянный заместитель министра иностранных дел, впоследствии взял на себя ответственность, сославшись на то, что «он не смог правильно оценить подлинных намерений г-на Макдональда» (F. Maurice. Life of Haldane, 1930, vol. II, p. 174). Как бы в оправдание поспешности, проявленной Форин оффис, впоследствии указывалось, что «Дейли мейл» также получила копию письма Зиновьева и собиралась опубликовать его 25 октября. Резонно предположить, что «Дейли мейл» получила свою копию из того же источника, очень желавшего оказать на правительство с целью публикации письма до выборов; Марлоу, издатель «Дейли мейл», более чем через три года косвенно признал наличие такого мотива и сообщил, что он получил две копии письма («The Observer», March 4, 1928).

32. Англо-советские отношения (1917—1927 гг.), 1927, с. 80—82. «A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927», Cmd. 2895, 1927, p. 32—33.

33. СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 536—541. Чичерин, выступавший в начале сессии, до получения сообщения о письме Зиновьева, впоследствии не выступал.

34. Текст ноты опубликован в книге: Англо-советские отношения (1917—1927 гг.), 1927, с. 82. Вариант, появившийся в Москве до вручения ноты, был опубликован 27 октября 1924 г. газетой «Таймс» в день ее вручения. 28 октября 1924 г. «Правда» опубликовала интервью с Зиновьевым (см. выше, прим. 33) и статью Радека, утверждавшего, что «мошенники из министерства

иностранных дел сфальсифицировали этот документ, чтобы бросить его в качестве бомбы против правительства Макдональда».

35. Дж. Д. Грегори в комическом тоне изображает встречу с Раковским, когда он вернул ему ноту. Раковский вновь направил ее почтой в Форин офис, где формально она была «затеряна» (*J. D. Gregory. On the Edge of Diplomacy*, 1928, p. 224—228).

36. *Comte de Saint-Aulaire. Confession d'un Vieux Diplomate*, 1953. p. 764.

37. «Известия», 31 октября 1924 г.; через несколько недель Зиновьев высказал предположение, что это письмо обошлось лейбористской партии «в миллион голосов», и охарактеризовал это «как классический пример пресловутой „свободы печати“ в капиталистических странах («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 26—27).

38. «The Times», November 5, 1924. Неизвестно даже, на каком языке был составлен оригинал. В ходе дискуссии по поводу письма, видимо, считалось, что оно было написано по-английски; позже в «хорошо информированных кругах» циркулировало факсимиле на русском языке.

39. Его письмо см. в: «Observer», March 4, 1928.

40. Об этом визите см. ниже, гл. 36.

41. «The “Zinoviev” letter»: Report of Investigation by British Delegation to Russia for the Trades Union Congress General Council, November—December 1924, 1925, p. 5. Макдональд, который в свое время уклонился от высказывания своего мнения о подлинности письма, через три года охарактеризовал его как «преднамеренно спланированный обман, предназначенный для того, чтобы ловко ввести в заблуждение общественное мнение и повлиять на выборы» («House of Commons: 5-th Series», CCXV, p. 53).

42. Тексты всех трех нот были опубликованы в: «The Times», November 22, 1924.

43. «The Times», November 29, 1924. Первая нота была опубликована в «Известиях» от 29 ноября 1924 г.; вторая — в книге: «Англо-советские отношения (1917—1927 гг.)», 1927, с. 84—87.

44. «House of Commons: 5-th Series», CLXXIX, p. 183.

45. «A Selection of Papers dealing with Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927», Cmd. 2895, 1927, p. 35—36. Такая же позиция была занята при попытке вновь вернуться к этому делу в марте 1928 г. после увольнения Грегори из Форин офиса за спекуляцию валютой. Изложение всех обстоятельств, связанных с письмом Зиновьева, включая новые факты см. в: *R. W. Lyman. The First Labour Government* (n. d., 1958), p. 286—288.

46. «Известия», 26 апреля 1924 г.

47. Там же, 4 января 1925 г. В тексте книги «Англо-советские отношения (1917—1927 гг.)», 1927, с. 80—90, опущен последний абзац. В Албании после переворота 11 июня 1924 г. было образовано националистическое правительство под руководством Фана Ноли. В июле 1924 г. в результате обмена нотами (*Ключников и Сабанин. Международная политика*, т. III, ч. I, 1928, с. 313—314) оно было признано Советским Союзом, став единственным балканским государством, установившим официальные отношения с Москвой. Однако, когда советская дипломатическая миссия 14 декабря 1924 г. прибыла в Тирану, Фан Ноли, якобы под нажимом западных держав, заявил об отказе от признания, и советская миссия покинула Тирану («Мировая политика в 1924 году», 1925, с. 258). Остин Чемберлен в беседе с Раковским 6 января 1925 г. (см. выше, прим. 45) отрицал, что британское правительство обещало признать албанское правительство, если оно отошлет обратно советскую миссию. Но столь крутой поворот не спас Фана Ноли. 28 декабря 1924 г. Ахмед Зогу свергнул правительство, а Фан Ноли бежал из страны. Впоследствии советские источники по-разному излагали эти события. В одном из них утверждалось, что Фан Ноли был свергнут «лакеями фашизма, Муссолини и Пашича» («*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1925, No. 8, S. 80—81), в другом — югославскими агентами, так как он был «наемником Италии» («Мировое хо-

- зайство и мировая политика», 1926, № 5—6, с. 95). Ясно только то, что он поплатился за свой краткий флирт с Москвой.
48. «Междущарствие...», гл. 10.
49. Германское посольство в Москве 26 января 1924 г. сообщало о зондировании в Москве этого вопроса Бенешем по просьбе Пуанкаре («Auswärtiges Amt», L 648/II/206226).
50. «Междущарствие...», гл. 10.
51. Интерес де Монзи к России был вызван его личной дружбой с Раковским, который учился во Франции до 1900 г., а затем работал врачом в первые годы столетия (*A. de Monzie. Destins hors Serie*, 1927, p. 23—39); эта дружба сделала де Монзи ценным посредником в то время, когда Раковский стал наиболее известным советским дипломатом в Западной Европе.
52. «Междущарствие...», гл. 10.
53. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 40.
54. «Известия», 26 июня 1924 г. *L. Fisher. Soviets in World Affairs*, 1930, vol. II, p. 573.
55. Большой интерес представляет в этом отношении статья Шрама («*Cahiers du Monde Russe et Sovietique*», vol. I, No. 2, janvier — mars 1960, p. 205—237; No. 4, juillet — decembre 1960, p. 584—629), частично основанная на записках де Монзи и на других неопубликованных материалах; в статье цитируется (№ 2, p. 214) письмо французского посла, отрицавшего наличие «даже малейших обязательств» столь категорически, что это дает повод считать, что какой-то неофициальный нажим все-таки был.
56. *Ibid.*, No. 2, p. 212—214. Среди этих банков фигурировал «Банк де Пари э де Пэн-Ба» — крупнейший представитель французских интересов в Китае.
57. «Большевистская революция», т. 3, гл. 29.
58. «Auswärtiges Amt», K281/096584—8. Разговор, записанный Мальцаном, состоялся 9 февраля 1923 г. (о беседе Чичерина с де Монзи в январе 1923 г. см.: *ibid.*, 2860/554735—8).
59. *Ibid.*, 4562/154852—7; считалось, что Роллэн, корреспондент газеты «Тан», женатый на русской, был посредником, который добился согласия Пуанкаре и Кэ д'Орсэ на этот визит (*ibid.*, 2860/553002—9).
60. «Auswärtiges Amt», K 281/09664—9.
61. «Известия», 6, 7 и 8 декабря 1923 г.
62. Он прибыл в Чекерс на уик-энд 21 июня 1924 г.
63. *L. Fisher. Soviet in World Affairs*, 1930, vol. II, p. 572.
64. Обе телеграммы опубликованы в: «*Russian Review*», Washington, September 1, 1924, p. 93; при обмене нотами о признании (см. выше, с. 39) телеграмма Чичерина была датирована 19 июля 1924 г.
65. «Известия», 2 августа 1924 г.; это интервью сразу же вызвало протест германского посла («Auswärtiges Amt», L 648/II/206476).
66. «Известия», 21 сентября 1924 г.; ожидалось, что де Монзи будет первым послом Франции в СССР (там же, 16 сентября 1924 г.).
67. «*Cahiers du Monde Russe et Sovietique*», vol. I, No. 2, janvier — mars 1960, p. 216.
68. По словам Л. Фишера (*L. Fisher. Soviets in World Affairs*, 1930, vol. II, p. 573), выражение «де-юре» отсутствовало в первоначальном французском тексте. Раковский настаивал на его включении; о встрече в Дувре см.: *A. de Monzie. Destins hors Serie* (1927), p. 23.
69. Об обмене нотами см.: *Ключников и Сабанин. Международная политика*, т. III, ч. 1, 1928, с. 329—330. Заявление Чичерина см. в: «СССР, Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 565—569.
70. Французский посол в Лондоне, относившийся с подозрением к переписке Эррио с Макдональдом за его спиной, считал, что выбор времени не был случайным (*Comte de Saint-Aulaire. Confession d'un Vieux Diplomate*, 1953, p. 745—746).
71. «*Survey of International Affairs*, 1924», 1926, p. 253. Здесь приводятся сообщения печати тех дней.

72. Он открыто говорил об этом французскому послу в Лондоне (*Comte de Saint-Aulaire. Confession d'un Vieux Diplomate*, 1953, p. 764).

73. «Auswärtiges Amt», 2860/5/554491—2; 9101/4/225752—5; об интервью «Известиям» 2 августа 1924 г. см. выше, с. 38. Раковский был известен как сторонник Троцкого, но в то время это не было препятствием для дипломатической работы и вряд ли было причиной нежелания перевести его в Париж.

74. «Известия», 6 ноября 1924 г.; *Л. Красин. Вопросы внешней торговли*, 1928, с. 326—327.

75. Эта записка, датированная 12 ноября 1924 г., имеется в архивах Троцкого (Т 847).

76. «Auswärtiges Amt», 5625/317849—51; о предыдущем зондаже Чичерина в связи с этой идеей см. выше, с. 37.

77. См. ниже, гл. 30.

78. «Le Temps», 18 décembre 1924.

79. Форин оффис сообщил германскому посольству, что целью переговоров Чемберлена с Эррио является «не антикоммунистическая политика», а обмен информацией для усиления борьбы с коммунистической пропагандой («Auswärtiges Amt», 2860/554621); недоверие Советского Союза к этим переговорам было выражено в передовице «Известий» от 7 декабря 1924 г.

80. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, г. 2, Приложение Б.

81. Телеграмма от 30 декабря 1924 г. и письмо от 7 января 1925 г., направленные Хэрриком в Госдепартамент, содержатся в: «National Archives, Record Group 59», N 751.61/34, 36.

82. «Известия», 14 декабря 1924 г.

83. «Cahiers du Monde Russe et Sovietique», vol. I, No. 2, janvier — mars 1960, p. 226.

84. «Auswärtiges Amt», L 648/206732—6, 206105—8.

85. «Известия», 15 января 1925 г.

86. «Auswärtiges Amt», 2860/554702—4.

87. «The Times», December 30, 1924.

88. *Л. Красин. Вопросы внешней торговли*, 1928, с. 331.

89. «Экономическая жизнь», 30 января 1925 г. (Статья включена в кн.: *Л. Красин. Вопросы внешней торговли*, 1928, с. 330).

90. «Cahiers du Monde Russe et Sovietique», vol. I, No. 2, janvier — mars 1960, p. 235. О заявлении Красина см.: «Известия», 2 июня 1925 г.

91. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 42—44.

92. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

93. Запись беседы Брокдорф-Ранцау с Виртом 16 октября 1922 г. см. в: «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 337—341.

94. Ibid., S. 312, note 58.

95. Ibid., S. 312, note 62. О записи этого разговора Брокдорф-Ранцау см. в: «Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9105/237399—402.

96. «Auswärtiges Amt», 4564/162613—20.

97. Многочисленные депеши Брокдорф-Ранцау в Берлин за этот период приводятся в: *H. Catzke. American Historical Review*, vol. LIII, No. 3, April 1958, p. 571—572; об этих событиях также см.: *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 194.

98. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29; «Междоусобица...», гл. 6.

99. «Auswärtiges Amt», 4564/162539—49. Судя по меморандуму Брокдорф-Ранцау от 20 февраля 1924 г. (см. ниже, прим. 101), германские представители поставили два условия: 1) гарантировать безопасность Германии против угрозы со стороны Польши; 2) отдавать предпочтение германским компаниям в деле реконструкции советской промышленности.

100. Отчет об этой встрече, составленный Брокдорф-Ранцау и подписанный им и Куне, см. в: «Auswärtiges Amt», 4564/162550—5.

101. Дешу Брокдорф-Ранцау Штресеману от 10 сентября 1923 г. см. в: ibid., 4564/162676—82; меморандум от 20 сентября 1924 г. см. в: «Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9101/226805—9.

102. См.: «Междущарствие...», гл. 8.

103. О позиции Штресемана в то время см. меморандум Брокдорф-Ранцау (см. выше, прим. 101). Эберт, подобно большинству германских социал-демократов, никогда не относился с энтузиазмом к политике Рапалло. До 1923 г. Зеект и Вирт намеренно держали его в неведении о секретных военных соглашениях с Красной Армией («Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 307).

104. Основным источником этого эпизода служит меморандум Брокдорф-Ранцау от 20 февраля 1924 г. (см. предыдущие примечания).

105. Об этих событиях пишет Х. Гатцке («American Historical Review», vol. LXIII, No. 3, April 1958, p. 575—576; о Нидермейере см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29).

106. Этот разговор упомянут в меморандуме Брокдорф-Ранцау от 20 февраля 1924 г. (см. выше, прим. 101).

107. Хильгер, признав, что германские официальные лица жаловались на «неблагодарность и недостаток лояльности Советского правительства», продолжал: «Поскольку Москва со своей стороны также подозревает Германию в двойной игре, дипломаты обеих сторон постоянно пытаются обнаружить признаки ненадежности и задаются вопросом, какая сторона первой продаст своего партнера Польше, Англии или Франции (G. Hilger. Wir und der Kreml, 1955, S. 154). Нет никаких данных о том, что германскому правительству было известно о мирных инициативах Радека в его беседе с польским временным поверенным в делах («Междущарствие...», гл. 9).

108. Об этой беседе см. выше, гл. 25.

109. «Stresemann Nachlass», 7337/163463—5.

110. Ibid., 7120/146305—11; загадочные слова о «нечистой совести» Москвы, вместе с другими представляющими интерес фразами этого письма, исключены из текста в кн.: «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. I, 1932, S. 259—261. Такие пропуски характерны для этого издания и подтверждают, что обвинение в замалчивании «неудобных им фактов», отрицавшееся составителями в предисловии к этому изданию, имеет под собой определенное основание. Составитель английского издания («Gustav Stresemann: His Diaries, Letters and Papers», 3 vols, 1935—1940) не исключал нежелательных мест в переведенных документах (хотя перевод их не всегда точен), но часто не включал документы Штресемана, не относящиеся к сближению с Западом, как «не имеющие большого интереса для английских читателей и ученых», и тем самым еще больше исказил и без того одностороннюю картину, изображенную в немецком оригинале.

111. «Brockdorff-Ranzau Nachlass», 9101/226797—804.

112. Об этом письме см. выше, прим. 101. Томас Браун, англичанин по национальности, проживавший в Гамбурге и принявший германское подданство, был коммерческим советником в штате фон дер Гольца в Турции. В 1913 г. он поступил на службу в германскую фирму «Вонкхаус», обособившуюся в Персии с 1904 г. («Новый Восток», т. XIII—XIV, 1926, с. 89—90). В начале 20-х годов он построил судно, способное пройти от Балтики по русским судоходным каналам до Волги, а оттуда через Каспийское море до Энзели, с германскими товарами, преимущественно химическими продуктами, для персидского рынка, и надеялся вернуться тем же путем с обратным грузом (W. von Blücher. Zeitenwende in Iran, 1949, S. 141).

113. «Auswärtiges Amt», 4564/162591—3.

114. Ibid., 4564/162613—9 (меморандум от 4 апреля 1924 г. о беседе; 4564/162594—5 (письмо Штресеману от 9 апреля 1924 г.)).

115. Письмо Мальцану от 30 апреля 1924 г. приводится в: «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 324, note 142; о заводе в Филах см. ниже: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, Приложение А.

116. «Auswärtiges Amt», 2860/553774, 553774, 553783—4.

117. «Stresemann Nachlass», 7168/155566—8.

118. Отрывочные и противоречивые данные о его статусе собраны Х. Гатцке («American Historical Review», vol. LXIII, No. 3, April 1958, p. 579). Не-

которая формальная неопределенность, видимо, была необходима для умиротворения Нидермейера. Данные архивов Зеекта говорят, что Томсен впервые отправился в Москву в ноябре 1923 г. в качестве главы миссии по авиационным вопросам (см. статью Ф. Л. Карстена в: «Survey», No. 44—45, October 1962, p. 124, note 34).

119. О содержании соглашений и их выполнении см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, Приложение А.

120. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

121. Там же, гл. 31.

122. G. Hilger. Wir und der Krenl, 1955, S. 171—174. Вирт был заинтересован в этой концессии, которую порой называли «наградой за Рапалло».

123. Советская сторона объявила о назначении комиссии для подготовки к переговорам во главе с Фрумкиным, заместителем Красина во Внешторге («Известия», 17 августа 1924 г.); главой германской делегации был назначен Вальрот (W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo, 1951, S. 166). Чичерин 19 августа 1922 г. встретился в Берлине с германским экспертом по торговле Шлезингером («Auswärtiges Amt», 4829/241595—8). В феврале 1923 г. Чичерин и Красин были в Берлине и обсудили с германскими представителями вопросы предстоящих переговоров (ibid., K 618/5594—602, 165960—8). Если и было какое-то давление, то оно оказывалось с советской стороны. В двух письмах от 7 мая 1923 г. Брокдорф-Ранцау (ibid., K 618/165920—5; 4562/154859—61) высказал свое мнение об осторожной и скептической позиции Берлина в отношении целесообразности экономических переговоров.

124. Ibid., 2860/553119—26, 555930—1.

125. Ibid., 5265/316061—80; по мнению Г. Хилгера (G. Hilger. Wir und der Krenl, 1955, § 164), Советское правительство вначале предлагало германскому правительству создать центральный орган по торговле, который выступал бы аналогом монополии внешней торговли в германо-советской торговле, но германское правительство отказалось вмешиваться в сферу частной инициативы.

126. «Auswärtiges Amt», 5625/316071.

127. Ibid., 2860/554602—4; 4484/096180.

128. Эти события, с небольшими расхождениями в деталях, широко освещались в прессе: см. также: «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. I, 1932, с. 401—404. П. Шеффер, опираясь на мнение хорошо информированных кругов, указывает, что прусская полиция действовала «по своей собственной инициативе»; (P. Scheffer. 7 Years in Soviet Russia. Engl. transl., 1931, p. 307). М. фон Стокхаузен (M. von Stockhausen. 6 Jahre Reichskanzlei, 1954) считает, что приказ отдал Вейс, высокий полицейский чин, который был снят со своей должности после урегулирования инцидента (L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930, vol. II, p. 583). Через несколько месяцев, в сентябре 1924 г., на заседании ЦИК Чичерин заявил, что налет на торгпредство был совершен «без ведома германского министерства иностранных дел, но в тесном контакте с германскими правыми партиями» («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 65). Участие в этом деле правых представляется правдоподобным, однако прусское правительство, которое контролировало полицию, было правительством социалистов. Дело это не имело никакого отношения к партийным интересам.

129. Об этом соглашении см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

130. О посещении Штреземана Крестинским см. в: «Auswärtiges Amt», 2860/553796—9; ответ министерства иностранных дел см. в: ibid., 2860/553803—5.

131. А. И. Рыков. Статьи и речи, т. III, 1929, с. 55—58.

132. «Auswärtiges Amt», 2860/553827, 553906—11.

133. Ibid., 2860/553972—9.

134. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (больше-виков)», 1924, с. 62, 146—153. Маловероятная теория, что арестованный коммунист был агентом полиции, стала частью официальной версии инцидента («История дипломатии», 1945, т. III, с. 352).

135. «Экономическая жизнь», 24 мая 1924 г.

136. «Auswärtiges Amt», 2860/554116.

137. См. ниже, гл. 28. В телеграмме министерства иностранных дел в адрес Брокдорф-Ранцау этот факт расценивался как свидетельство «моральной и материальной поддержки», которую КПГ получала из Москвы («Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9101/227199).
138. «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 318, note 101.
139. G. Hilger. Wir und der Kreml, 1955, S. 178.
140. «Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9101/227182—6. Копп должен был выехать из Берлина в Москву 5 июня 1924 г. («Auswärtiges Amt», 4829/241973), но отложил выезд и прибыл в Москву только 17 июня 1924 г. (ibid., 4829/241988, 241992).
141. Ibid., 2860/554133. О позиции Троцкого в это время см.: «Междущарстание...», гл. 14.
142. Запись этой беседы Брокдорф-Ранцау направил 9 июня 1924 г. Штреземану («Stresemann Nachlass», 7414/175334—40; полный перевод текста см. в: G. Freund. Unholy Alliance, 1957, p. 254—258.
143. «Auswärtiges Amt», 2860/554153; сам этот текст не обнаружен.
144. Ibid., 4829/241991—5.
145. Хильгер рассказывает о беседе, затянувшейся за полночь, между Радком, Брокдорф-Ранцау и им самим, в ходе которой удалось избежать разрыва (G. Hilger. Wir und der Kreml, 1955, S. 178—179).
146. «Auswärtiges Amt», 2860/554217—19.
147. Ibid., 2860/554242.
148. Полный текст опубликован в «Правде» и «Известиях» 30 июля 1924 г., а в германской прессе — 31 июля 1924 г. Краткое изложение протокола см. в: Ключников и Сабанин. Международная политика, т. III, ч. 1, 1928 с. 313—314.
149. Конференция союзных держав открылась 16 июля 1924 г. Германская делегация принимала в ней участие с 5 августа 1924 г.
150. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», (n. d.) I, 7, II, S. 859—860. Представители французской и германской компартий на конференции в Кельне приняли декларацию протеста против плана («Die Rote Fahne», 25 Juni 1924).
151. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 397—398. Манифест ИККИ, опубликованный вскоре после конгресса, был составлен в таком же духе, но в более резких выражениях («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 99, 1. August, 1924, S. 1267—1268).
152. Л. Каменев. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 11—12, 62.
153. «Verhandlungen des Reichstags», vol. CCCLXXXI, 1924, S. 1071.
154. И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 282, 284—285. Эта статья цитируется также ниже, гл. 30.
155. Брокдорф-Ранцау в письме Мальцану от 29 августа 1923 г. сообщал о наличии таких опасений на основе «нескольких бесед» с Чичериным («Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 325, note 145.
156. «Auswärtiges Amt», 2860/554349—50.
157. «League of Nations: Fifth Assembly», 1924, p. 42. В этом же выступлении Макдональд выразил надежду, что англо-советский договор может стать «первым признаком» желания советского правительства вступить в Лигу Наций (ibid., p. 43).
158. «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. I, 1932, S. 569, 573—575.
159. Ibid., S. 314—315.
160. Ibid., S. 579—580. О германском меморандуме стало известно только через три месяца, когда он был опубликован в качестве приложения к германской ноте генеральному секретарю Лиги Наций от 12 декабря 1924 г. («League of Nations: Official Journal», No. 3, March 1925, p. 325—326).
161. «Stresemann Nachlass», 7178/157420—2, 157445—7; сокращенное изложение беседы см. в: «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. I, 1932, S. 586—589.
162. В июне 1922 г., после заключения Рапальского договора, Чичерин выступил там на тему: «Большевизм и пацифизм». Как указывалось, основная мысль его выступления состояла в том, что Германия и Советский Союз долж-

ны занять единую позицию в отношении Лиги Наций и вступить в нее только вместе (*L. Stein. Aus dem Leben eines Optimisten*, 1930, S. 238).

163. *Ibid.*, S. 239—240.

164. «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. I, 1932, S. 588, 591.

165. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 65; об общем тоне выступления Чичерина см. ниже, гл. 29.

166. «Stresemann Nachlass», 7178/157522—6; сокращенное изложение см. в: «Stresemann Vermächtnis», vol. I, 1932, S. 589—591.

167. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 132, 13 October 1924, S. 1755—1756.

168. *Ibid.*, No. 143, 3 November 1924, S. 1931.

169. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 377.

Глава 27. Коминтерн: V конгресс

1. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1054. По данным доклада мандатной комиссии («Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, ч. 2, с. 259—260), на Конгрессе присутствовало 336 делегатов с правом решающего голоса и 168 делегатов с правом совещательного голоса; в числе последних — 70 делегатов, представлявших Профинтерн, и 30 — другие организации; 207 делегатов с правом решающего голоса и 80 — с правом совещательного голоса прибыли из-за рубежа (там же, с. 235).

2. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30, 31.

3. Раппопорт очень резко заявил об этом на съезде французской партии двумя годами позже: «Помните известную шутку: «Не о чем заявить»? Нам не о чем заявить, ни о победоносной революции, ни о свежих идеях. В силу обстоятельств случилось так, что творцы первой победоносной революции находятся в России». («Ve Congrès National du Parti Communiste Français», 1927, p. 405).

4. Мануильский указал на три крупных события, которые «выявили кризис в Коминтерне»: «русскую дискуссию», временное поражение германской революции и «приход к власти английской рабочей партии» («Коммунистический Интернационал», № 7, 1924, кол. 17—20).

5. «Правда», 10 апреля 1924 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 46, S. 536.

6. «Главная задача Коминтерна во всех областях, — говорил Зиновьев в своем докладе на конгрессе, — переносится теперь в Англию» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 77), а подобострастный Пеппер добавил, что «октябрьское поражение в Германии, победа английской рабочей партии, рабочее правительство в Англии переместили центр тяжести наших актуальных задач из Германии в Англию» (*ibid.*, S. 304).

7. «Мировая политика в 1924 году», 1925, с. 27.

8. Об этом письме см. выше, прим. 2. Выражение «революционная волна» в этот период было популярным. Выступая на партконференции Краснопресненского района Москвы, Каменев признал, что все еще неизвестно, «разразится ли последний девятый вал пролетарского наступления на твердыню капитализма завтра или послезавтра» («Правда», 10 мая 1924 г.). В наказе КПГ своей делегации на V конгрессе текущий момент также характеризовался как период «между двумя революционными волнами» («Die Taktik der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 38).

9. «Правда», 10 мая 1924 г.; в манифесте конгресса о десятой годовщине с начала войны, составленном Троцким, прямо указывалось, что «в Европе нет ни одного здорового места».

10. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 235—239.

11. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.

12. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 5; (выступление Троцкого на III конгрессе Коминтерна см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30).
13. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 298.
14. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
15. Доклад Зиновьева см. в: «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 42—107.
16. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 166, 296—297.
17. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 108—131.
18. Впоследствии Троцкий писал о Варпе как «о Полонии в теории», «полезном и знающем работнике», который «обслуживает экономическими выкладками чью-то политическую линию» (Архив Троцкого, Т 3129, с. 5).
19. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 108—131.
20. Ibid., S. 149—153.
21. О позиции Радека в это время см. в: «Междоусобица...», гл. 9.
22. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 162—190.
23. «Die Taktik der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 42.
24. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 191—209.
25. Ibid., S. 352—353, 388.
26. Ibid., S. 377.
27. Ibid., S. 394—406. На роль Бордиги как лидера ультралевых указал польский партийный руководитель Домский, который после V конгресса в статье в «Nowy Przegląd» (цит. по: J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, р. 116) охарактеризовал его как «одного из выдающихся деятелей Интернационала». Другим ультралевым деятелем, которого можно сравнить с Бордигой в это время, был Корш, эрудированный марксист, занимавший ранее, в 1923 г., пост министра в коалиционном правительстве в Тюрингии и бывший редактором теоретического журнала КПГ «Die Internationale», но, в отличие от Бордиги, число его сторонников в партии было не очень велико. Корш не выступал на конгрессе, если не считать того, что он прервал выступление одного из ораторов ядовитой репликой: «советский империализм» (G. Hilger and A. Meyer. The Incompatible Allies, 1958, p. 108); этот момент не включен в издание этой книги на немецком языке (G. Hilger. Wir und der Krcml, 1955), но сам факт полностью подтвержден. Обвинение в «красном империализме» было выдвинуто уже после речи Бухарина на IV конгрессе Коминтерна (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 46).
28. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 441—442.
29. Ibid., S. 453—509.
30. Ibid., S. 592—604, 617. Из этих восьми делегатов семь были членами итальянской делегации, а один — членом французской делегации, связанным с итальянскими беженцами во Франции и вступившим во французскую компартию. Проект резолюции Бордиги, по всей вероятности, опубликован не был.
31. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 393.
32. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1004—1007.
33. Эта резолюция содержится в: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 415—426.
34. О вопросе о тред-юнионах см. ниже, гл. 36. Отрицание «тактики маневрирования» — косвенная ссылка на позицию группы левой интеллигенции в германской партии (см. ниже, гл. 28).
35. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 397—415.
36. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1011—1012.
37. Ibid., vol. I, S. 462—463.

38. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 445—448.

39. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 341. Аналогичная позиция была изложена перед захватом фашистами власти в тезисах, одобренных КПИ под руководством Бордиги на ее римском съезде в марте 1922 г. (см. ниже, гл. 28); в них фашизм характеризовался как «естественная и поддающаяся предвидению стадия развития капиталистического строя, специфическое проявление функций и задач демократического государства» (цит. по: «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». Пер. с итал., 1953, с. 143).

40. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 297, 358. См. также: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31. Выступавший на III конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) в декабре 1922 г. Зиновьев, получив известие об убийстве Нарutowича, президента Польши, обвинил в убийстве Ратенау и Нарutowича «фашистские банды» и заявил: «Дойдет до того, что нам придется привлечь к делу наших людей и, если потребуется, сражаться с фашистскими бандами с револьверами в руках» («Bericht vom 3 Kongress der Kommunistischen Jugendinternationale». 1923, S. 232). Но такие заявления советские лидеры делали редко.

41. «Междоусарствие...», гл. 7.

42. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 379—383.

43. «Тринадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большеви-ков)», 1924, с. 326.

44. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 715—751. Приведенные цитаты см.: S. 719—720, 745—749; русский перевод первой цитаты («V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, ч. I, с. 687—688) во многом отличается от немецкого текста.

45. Ibid., p. 765—767; личность Фреймута не установлена.

46. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 448—449. В резолюции о тактике фашизм и социал-демократия поставлены в один ряд как альтернативные формы, с помощью которых буржуазия «стремится замаскировать капиталистический характер своего владычества и придать ему более или менее “народные” черты» (там же, с. 401). III конгресс Профинтерна, состоявшийся сразу же после конгресса Коминтерна, дал более резкую характеристику: «Фашизм и демократия являются двумя формами буржуазной диктатуры» («Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 144).

47. В речи об итогах V конгресса на собрании ленинградской партийной организации 9 июля 1924 г. Зиновьев обыграл эту тему, заявив, что европейский капитализм балансирует между «двумя полюсами» — между фашизмом и социал-демократией; и фашизм и меньшевизм — признаки распада капитализма («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 104, 11 August 1924, S. 1335; доклад был также опубликован в «Правде» от 22 июля 1924 г.). Сталин повторил эту оценку с большей точностью: «Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма» (И. В. Сталин. Соч., т. 6, с. 282). В речи 28 июля 1924 г. Троцкий провел между ними еще более четкую разграничительную черту: «Срыв германской революции открыл новый период... власти демократическо-папифистских элементов буржуазного сообщества. На смену фашистам пришли папифисты, демократы, меньшевики, радикалы и прочие партии мещанства» (L. Trotsky. Europa und Amerika, 1926, S. 16; об этой речи см. ниже, с. 000, прим. 50).

48. См. ниже, гл. 34.

49. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 619, 871; текст манифеста см. в: «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, ч. II, с. 200—201, а также в: «Internationale Presse-Korrespondenz», N 89, 16. Juli 1924, S. 1118—1119. III конгресс Профинтерна, состоявшийся вслед за V конгрессом Коминтерна, также выпустил манифест в связи с десятой годовщиной начала мировой войны («10 лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 149—151).

50. *L. Trotsky*. Europa und Amerika, 1926, S. 12. Эта речь, произнесенная 28 июля 1924 г., была впервые опубликована в «Правде» и «Известиях» 5 августа 1924 г. Через несколько недель Троцкий дал ту же самую оценку событиям 1918—1919 гг. (см. ниже, гл. 36).
51. *L. Trotsky*. The Third International after Lenin, 1936, p. 250. Подлинник этой статьи на русском языке находится в архиве Троцкого (Т 3117).
52. Наиболее важным заявлением по этому вопросу была резолюция II конгресса Коминтерна 1920 г. («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 132—139).
53. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 794.
54. Ibid., vol. I, S. 463. Варга также отметил этот момент (ibid., vol. II, S. 793).
55. О прениях по этому вопросу см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 46.
56. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 528—530, 579—580.
57. Ibid., S. 786—788.
58. «Thesen und Resolutionen des V Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 134—136.
59. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 396.
60. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 620—637.
61. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 10.
62. «Междущаствие...», гл. 5.
63. О прениях по этому вопросу см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 37, 38.
64. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 666—669, 704—708.
65. Ibid., S. 999—1004.
66. Согласно французскому отчету о заседаниях конгресса («Ve Congrès de l'Internationale Communiste», 1924, p. 327), Мануильский представил проект резолюции по Центральной Европе и предложил передать другие вопросы расширенному пленуму ИККИ. Он также предложил создать комиссию для решения «спорных вопросов», которая, видимо, должна была представить доклад ИККИ; но здесь, по всей вероятности, имелись в виду комиссии, созданные ИККИ (см. выше, с. 72).
67. «Thesen und Resolutionen des V Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 129—131. О разделах резолюции, относящихся к отдельным партиям, см. ниже, гл. 28.
68. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1030—1031.
69. Ibid., vol. I, S. 2.
70. Ibid., vol. II, S. 561—569.
71. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.
72. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1061.
73. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 162—163.
74. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
75. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1021.
76. О польской комиссии см. ниже, гл. 28.
77. *R. Fisher*. Stalin and German Communism, 1948, p. 404—405.
78. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 622, 1002. Нгуен Ай Куок (см. выше, с. 71) также ссылался на Сталина в прениях по национальному вопросу (ibid., S. 686).
79. «Bulletin Communiste», No. 13, 28 mars, 1924, p. 322.
80. «Междущаствие...», гл. 9.
81. «KPP: Uchwaly i Resolucje», vol. II, 1955, p. 39.

82. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 139.
83. См., например, *ibid.*, S. 209 (Рут Фишер), 217 (Хосель), 351 (Куусинен), 363 (Хансен).
84. *Ibid.*, S. 508.
85. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 411—412, 429. О том, что этот лозунг был новым и неизвестным, говорит использование его в русском языке в двух вариантах — «большевизация» и «обольшевичение»; в статье в «Правде» от 20 января 1925 г. появилось слово «большевизирование»; впоследствии общепринятым стало слово «большевизация».
86. «Коммунистический Интернационал», № 2 (39), 1925, с. 5.

Глава 28. Коминтерн и компартии (1)

1. «Международствие...», гл. 7.
2. Фишер (*R. Fisher. Stalin and German Communism*, 1948, p. 363—364) утверждает, что она присутствовала при этом; по ее словам, Сталин сменил Уншлихта на посту председателя этой комиссии. О комиссии см.: «Международствие...», гл. 9. Троцкий подтверждает, что Сталин с одобрения Зиновьева предложил «отряхнуть с Маслова пыль и снова направить его в Германию». Нерешительные возражения Бухарина не были приняты во внимание («Бюллетень оппозиции», Париж, № 19, март 1931 г., с. 15), но этот факт неправильно датирован 1925 г.
3. Об этих встречах рассказывается в кн.: *R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 365—369. Она ссылается на «рукописные послания», направленные ей и Маслову вскоре после этих встреч Сталиным и Зиновьевым (*ibid.*, p. 399—400), но об их содержании ничего конкретного не говорит.
4. «Международствие...», гл. 9.
5. *R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 394. Впоследствии Троцкий говорил об «интеллектуальной разносторонности» Мануильского, считая, что он обладает скорее даром литератора, чем теоретика или политика (Архивы Троцкого Т 3129, с. 5—6).
6. Его выступления на съезде во Франкфурте переводились другими делегатами («Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 206, 248). Это было необычно, поскольку в то время почти все выступления в Коминтерне, даже в Москве, делались на немецком языке.
7. См. выше, гл. 27.
8. «Международствие...», гл. 9.
9. Впоследствии стало распространяться мнение, что Коминтерн с самого начала был настроен против нового руководства КПГ. На XIV съезде партии в Москве в декабре 1925 г. Зиновьев дал понять, что Коминтерн и Политбюро, которые «прекрасно знали слабые стороны Маслова и Рут Фишера», скорее неохотно соглашались, чем выступали за передачу им власти, «потому что другого выхода не было», а Мануильский утверждал, что «на франкфуртском парттайге мы были против того, чтобы передать власть Маслову и Рут Фишер, но две трети парттайга были против нас» («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 661, 697). В резолюции ИККИ от 26 апреля 1926 г. отмечалось, что Коминтерн «был вынужден... согласиться на переход руководства к левым несмотря на то, что знал, что Маслов, Фишер и Шолем способны сделать величайшие ультраевые ошибки» и что на франкфуртском съезде Коминтерн «боролся против ошибок названной группы» («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 545). Эти утверждения были сделаны с явным запозданием. Приход нового руководства стал логическим результатом поражения правых и краха центра. К марту 1924 г. у Зиновьева и, пожалуй, в большей степени у Мануильского стали закрадываться сомнения в его надежности. Но самое большее, что можно было попытаться сделать на франкфуртском съезде, это умерить влияние их полной победы.
10. Об этой точке зрения, которая в прошлом имела сторонников и в России, см. в: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16; т. 3, гл. 22.
11. Число входивших в ОСПС членов союза, составлявшее в первом кварта-

ле 1923 г. 7,5 млн., постепенно сокращалось, и к концу 1924 г. составляло около 4 млн.; самое резкое сокращение произошло в последнем квартале 1923 г. («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 3 (62), S. 170).

12. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 64/2; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 12 (35), S. 944—946. О подлинном месте проведения конференции сообщалось в «Международном рабочем движении», № 1—2, 7 января 1924 г., с. 5.

13. М. Томский. Статьи и речи, т. IV, 1928, с. 109. Очевидно, этот съезд имеет в виду и Рут Фишер (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 370). На этот съезд, как считалось, Сталин направил Лозовского, чтобы опровергнуть взгляды Маслова. Прочитованное высказывание Томского позже привел германский делегат на V конгрессе Коминтерна («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 862).

14. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 64/8.

15. Об этой сессии см. в: «Междущарствие...», гл. 9.

16. «Die Lehren der Deutschen Ereignisse», 1924, S. 110—113.

17. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 64/17.

18. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 24.

19. О. К. *Flechtheim*. Die KPD in der Weimarer Republik, 1948, S. 115. По данным на март 1924 г., не более 20—30% членов партии состояли в союзах по сравнению с 70% на март предыдущего года. («Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 332). В следующем году было установлено, что если до октября 1923 г. в различных союзах было 6 тыс. коммунистических ячеек, то теперь их осталось лишь 300 («Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 63), что явилось результатом массового выхода из профсоюзов.

20. Об этом три месяца спустя сообщил Зиновьев на V конгрессе Коминтерна («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 52). По этому поводу Лозовский заявил, что большинство членов КПГ, состоявших в профсоюзах, шли на Франкфуртский съезд с желанием добиться полного разрыва с ними (*ibid.*, vol. II, S. 862—863).

21. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 71—77; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 48, S. 565—568 (здесь оно называется «вторым письмом»).

22. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 48, S. 562—565; «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 65—71.

23. *Ibid.*, S. 207.

24. Рут Фишер (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 395) называет его Борисом (о нем см. также: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 46).

25. Статья была опубликована после съезда, 19 апреля 1924 г., в «Правде», а также в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 48, S. 559—562. Кроме того, она появилась в журнале КПГ с колким ответом политбюро КПГ, что под видом нападок на ультралевых ведется борьба против руководства партии («Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 6, S. 239—250), и впоследствии была включена в материалы съезда («Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 78—85). Лозовский позже обвинял левых в том, что они «целую неделю не хотели опубликовать это письмо» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 936), но это порицание трудно согласовать с заявлением Мануильского (см. выше, с. 80), что этот документ не предназначается для печати.

26. О. К. *Flechtheim*. Die KPD in der Weimarer Republik, 1948, S. 104.

27. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 207.

28. Заявление делегации ИККИ было опубликовано через 18 месяцев в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 148, S. 2212—2213. Тезисы, видимо, так и не появились в печати.

29. «Междущарствие...», гл. 9.

30. Выступления см. в: «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 206—207 (Мануильский), S. 220—248 (Фишер, Гуральский и Брандлер), S. 248—254 (Мануильский).

31. Ibid., S. 331.

32. Резолюцию, предложенную левыми, см. в: *ibid.*, S. 112—121; резолюцию, принятую съездом, *ibid.*, S. 370—380; резолюцию центра, *ibid.*, S. 154—165. Представители ИККИ также неофициально внесли свой проект резолюции, но, по всей вероятности, на него обратили мало внимания и он был впервые опубликован через 18 месяцев («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 148, S. 2212).

33. Ibid., S. 340—341.

34. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 61—64/18, 97—103. Этот отдел функционировал уже в феврале 1922 г. («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 4 (15), S. 315—316) и подвергался критике за отрыв от политической деятельности партии. После Франкфуртского съезда его штат был сокращен, и он был слит с кооперативным и земельным отделами («Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 59—60). Р. Фишер указывает (R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 441—442), что в отделе работало несколько русских экспертов из Профинтерна и что он имел двойное подчинение — Лозовскому и ЦК КПГ.

35. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 332—334.

36. Ibid., S. 345. Проекты резолюций центра и левых, очевидно, опубликованы не были; упоминается также проект группы Брандлера (*ibid.*, S. 324).

37. «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 389—393.

38. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 309. Р. Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 395) утверждает, что несмотря на «сравнительно небольшое число членов» комитет «оказал большую помощь» партии.

39. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 383.

40. «Междущаствие...», гл. 5.

41. По словам Р. Фишера (R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 399), Мануильский хотел включить в ЦК КПГ Брандлера, Тальгеймера или Вальхера (профсоюзного деятеля).

42. Об этих дебатах см. в: «Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 348—357.

43. Тенденциозное описание демонстрации 1 мая 1924 г. с «бомбами и револьверами», чтобы «выглядело совсем по-русски», см.: W. Zeitschel. Im Dienst der Kommunistischen Terror-Organization, 1931, S. 83—86. Через несколько месяцев Союз коммунистической молодежи Германии последовал этому примеру, создав «Красный юнгштурм» («Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 83). Слова Рут Фишер, что «массы избегают повседневной работы и играют в солдатиков», с осуждением приводились в «открытом письме» от 6 августа 1925 г. (см. выше, гл. 31), а также упоминались Зиновьевым в его докладе на заседании ЦК русской партии (см. выше, гл. 31).

44. См. выше, с. 80.

45. «Bericht über Verhandlungen des IX Parteitags der KPD», 1924, S. 350.

46. Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 400—401) допускает, что он был арестован по наущению советских властей; однако для того времени подобный сговор представляется весьма сомнительным.

47. Она была подписана инициалами «А. М.». Троцкий в заявлении о проекте программы Коминтерна уклончиво сослался на эту статью как на высказывание «Правды» (L. Trotsky. The Third International after Lenin, 1936, p. 93; подлинник этого документа находится в архиве Троцкого (Т 3119)).

48. См. выше, гл. 36.

49. «Правда», 7, 8 июня 1924 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 69, S. 849—850; 1924, No. 72, S. 891—893; 1924, No. 75, S. 921—922; «Die Rote Fahne», 24, 25, 27 Juni 1924.
- vol. II, S. 923—924, 928.
50. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», п. d., 51. См. выше, с. 80.
52. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 45.
53. Die Internationale, vii, 1924, No. 10—11, S. 320—327.
54. Ibid., vii, 1924, No. 12, p. 384—386; однако в этом же издании (ibid., p. 395—411) была опубликована резкая статья представителя ультра-левых, который доказывал, что лозунг рабочего правительства, который, по Зиновьеву, может означать лишь коалицию между коммунистической и другими левыми партиями, невозможен для условий Германии.
55. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 24.
56. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», п. d., vol. I, S. 2—53, 66—67, 97—98.
57. Ibid., vol. II, S. 920—925; о резолюции см. выше, гл. 36.
58. См. выше, гл. 28, § «и».
59. По словам Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 405), расхождения между ней и Тельманом усилились на V конгрессе, когда «все русские коммунисты льстили ему»; некоторые детали в этом рассказе, очевидно, превосходят более поздние события.
60. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 84, S. 1061.
61. «Die Taktik der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 46; отчет о заседании см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 97, S. 1257—1258.
62. «Die Taktik der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 3.
63. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 94, S. 1211—1212; во время принятия этой резолюции еще продолжал свою работу III конгресс Профинтерна (см. выше, гл. 36), но он не сделал каких-либо существенных дополнений к решениям Коминтерна.
64. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 105, S. 1350—1352.
65. «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 15, S. 488—494. Эта позиция была частично пересмотрена им в статье в следующем номере издания (ibid., 1924, vol. VII, No. 16, S. 501—510).
66. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 111, S. 1433—1434; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 11 (46), S. 176—177; «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 61. Через два месяца ЦК КПГ принял твердое решение, что после 1 февраля 1925 г. лишь члены определенных профсоюзов могут быть членами КПГ (ibid., S. 27), но и это решение осталось лишь на бумаге.
67. «Die Jugend-Internationale», 1924, No. 1, S. 25—26. О письме Центрального Комитета см. в: «Geschichte der Arbeiterjugendbewegung in Deutschland: Eine Auswahl von Materialien», 1956, S. 152—154.
68. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 115, 1924, S. 1497—1499. Автором статьи был Маслов, который пошел еще дальше в вопросе о признании дела национального и международного единства в профсоюзном движении и теперь оборонялся.
69. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 25. По всей вероятности, Шумахер стал настолько одиозной фигурой, что даже ультраевое крыло КПГ одобрило его исключение; см. статью Розенберга в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 27, S. 1694—1695.
70. «Die Jugend-Internationale», 1925, No. 6, S. 162.
71. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 139, S. 1846—1847. О положении в чехословацкой и шведской партиях см. выше, гл. 28, §§ «д» и «и».
72. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.
73. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 140, S. 1851—1852.
74. «Правда», 18 ноября 1924 г.; «Известия Центрального Комитета РКП(б)», № 8 (13), 24 ноября 1924 г., с. 1—2. «Die Rote Fahne», November 27, 1924. Оно, очевидно, вызвало протест германского посольства в Москве

(*G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 157). Письмо не было включено в сочинения Сталина, но вошло в библиографический справочник (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 426), где указывается, что оно написано по поручению Центрального Комитета партии.

75. «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 23—24, S. 676.

76. «Правда», 9 декабря 1924 г. О выступлениях Брандлера и Тальгеймера в «Правде» 29 ноября 1924 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11. Ответ Гешке с обвинениями в их адрес как «германских троцкистов» и «эмигрантов из Германии» опубликован в «Правде» 7 декабря 1924 г.

77. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

78. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 12 (23), S. 876—879; последняя цифра явно преувеличена.

79. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

80. Более позднее заявление Поллита по этому вопросу можно считать авторитетным: «Первая попытка организованной работы на конгрессе была сделана в прошлом году в Саутпорте. Наша крошечная коммунистическая секция поработала совсем неплохо... На конгрессе в Плимуте (1923 г.) наша численность намного увеличилась и значение нашей работы оценивалось высоко... Но в следующем году нам нужно добиваться большего» («*Communist Review*», 1923, vol. IV, No. 6, p. 260).

81. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 99.

82. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d. (1924), p. 406.

83. О НДМ и НДБ на IV конгрессе Коминтерна говорилось как о «формах» партийной работы в Великобритании («*Большевистская революция...*», т. 3, гл. 30).

84. Об этих встречах см.: *W. Hannington. Unemployed Struggles*, 1936, p. 120—121.

85. «TUC: Fifty-fifth Annual Report», 1923, p. 184, 284.

86. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 5—6 (28—29), S. 576.

87. В 1924 г. в отчете ЦК КПВ VI съезду партии указывались имена членов делегации и содержался краткий отчет о заседаниях («*Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB*», 1924, p. 50—51).

88. Об этом пленуме см.: «*Международствие...*», гл. 7.

89. Информацию по этому поводу см. в кн.: *J. T. Murphy. New Horizons*, 1941, p. 196—197. Поллит и Датт получили наибольшее число голосов на выборах исполкома на съезде партии в октябре 1922 г.

90. Об этом приглашении см.: «*Communist Papers*», Cmd 2682, 1926, p. 48.

91. «Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 71—72; этот отчет опубликован как приложение в: «*Die Rote Gewerkschaftsinternationale*», 1923, No. 7 (30).

92. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 246.

93. «Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 65.

94. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 8 (31), E. 758—759 (там имеется опечатка, следует читать «7 июля»); «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 246 (там тоже по ошибке указана дата «10 августа» вместо «10 июля»); «*Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB*», 1924, p. 51. Галлахер (*W. Gallacher. The Rolling of the Thunder*, 1947, p. 30—40) кратко и уклончиво сообщает об этих переговорах.

95. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 406—407. В заключительных строках этой цитаты имеется в виду образование в январе 1923 г. «мятежного» союза горняков в Файфшире при поддержке местной организации КПВ.

96. «TUC: Fifty-fifth Annual Report», 1923, p. 298.

97. Ibid., p. 184, 284, 343—350.

98. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 246.

99. *W. Gallacher. The Rolling of the Thunder*, 1947, p. 46—49.

100. «*Communist Review*», 1924, vol. IV, No. 10, p. 435. В противоположность этому весь номер журнала ГКП «*Die Internationale*» за январь 1924 г. был посвящен документам и статьям, касавшимся дискуссии о Троцком.

101. «Известия», 3 декабря 1924 г.

102. В апреле 1925 г., выступая от имени КПВ на расширенном пленуме ИККИ с осуждением троцкизма, Белл характеризовал его как «доброго товарища, выдающегося лидера, прекрасного борца за дело революции», также признал, что «в Англии и в других странах Запада, особенно в кругах интеллигенции нашего движения, существует мнение, что он имеет особые привилегии и определенное право на критику» («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 398).

103. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

104. Там же, гл. 30.

105. К VII съезду КПВ в 1925 г. число членов партии «превысило 5 тыс. человек». Однако текучесть была значительной; один из делегатов съезда отметил, что «в течение пяти лет число членов оставалось практически неизменным, но из этого числа процент членов партии, состоявших в ней пять лет назад, очень невелик» («CPGB: Report of the Seventh National Congress», 1925, р. 35, 39). Зиновьев позднее утешался мыслью, что «в Англии нет традиции массовых партий» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 94) и что для британской политической жизни характерны небольшие партии: «партия Макдональда» в 1924 г. насчитывала лишь 20 тыс. человек («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 655). Зиновьев не смог правильно оценить положение, ибо сила британских политических партий — не в числе их зарегистрированных членов, а в привлеченности этих партий для избирателя, настроение которого часто менялось; но этого до конца так и не уяснили в Коминтерне и не сделали выводов.

106. «Communist Review», 1924, vol. IV, No. 10, p. 423—424.

107. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 21, S. 235—236.

108. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 90—109.

109. «Communist Review», 1924, vol. IV, No. 11, p. 467.

110. Ibid., 1924, vol. IV, No. 12, p. 507.

111. Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, 1924, с. XVIII.

112. Об этом см. выше, гл. 26.

113. «Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», 1924, p. 11.

114. Ibid., p. 4.

115. По словам Троцкого, Петровский — это «меньшевик-бундовец американской, то есть самой худшей школы, который вернулся в Россию из Соединенных Штатов в 1917 г., стал большевиком и какое-то время занимался военными вопросами; его основная характеристика — «органический оппортунизм» (Архив Троцкого, Т 3129, с. 12). Несомненно, что своим положением в КПВ он был обязан своему знанию английского языка.

116. Это выступление было опубликовано полностью в: «Communist Review», 1924, vol. V, No. 2, p. 42—56; оно именовалось «посланием Коминтерна КПВ»; имя оратора не было указано.

117. «Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», 1924, p. 32—33.

118. «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 10—11, S. 356—360. О ее поездке на съезд и о том, как ей чудом удалось избежать ареста, см. в кн.: R. Fischer. Stalin and German Communist, 1948, p. 400.

119. Об этом приеме и речах см. брошюру Томского (M. Tomsky. Getting Together, n. d., p. 13—42), изданную исследовательским центром лейбористской партии; в ней вместо «14 марта» следует читать «14 мая».

120. «Report of the Fifty-sixth Annual Trades Union Congress», 1924, p. 244.

121. См. выше, с. 94.

122. См. выше, гл. 36.

123. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 77; см. также выше, гл. 27.

124. Ibid., vol. I, S. 146.

125. Ibid., S. 94. О более ранних аналогичных сравнениях см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25. Через несколько недель Троцкий в одном из своих выступлений отказался поставить знак равенства между Макдональдом или Эррио и Керенским, поскольку керенщина, по его словам, «это режим,

когда буржуазия, не надеясь победить в открытой гражданской войне, делает самые крайние и рискованные уступки, передавая власть самым левым элементам буржуазной демократии», до этого дело не дошло ни в Великобритании, ни во Франции (*L. Trotsky. Europa und Amerika*, 1926, S. 18—19). Это не помешало Зиновьеву вернуться к этому сравнению на V расширенном пленуме ИККИ в марте 1925 г. (см. выше, гл. 30).

126. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 141—144, 364—372.

127. Ibid., S. 208. Представитель КПВ на организационной конференции в Москве в марте 1925 г. (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43) указывал, что каждому члену КПВ следовало бы иметь при себе три членских билета: КПВ, профсоюза и лейбористской партии («Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 93).

128. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 913.

129. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 412.

130. Там же, с. 445—448; см. также выше, гл. 27.

131. См. выше, с. 94.

132. «Speeches and Documents: Sixth Conference of the CPGB», 1924, p. 12.

133. Ibid., p. 34, 38. В статье в партийном журнале предсказывалось, что «группы меньшинства сольются в национальное движение меньшинства в ближайшем будущем» («Communist Review», 1924, vol. V, No. 1, p. 16).

134. «Protokoll über der Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 188, 195. По-видимому, на этом конгрессе и было принято неофициальное решение об упразднении британского бюро Профинтерна, которое прекратило свое существование в августе 1924 г. («Малая энциклопедия по международному профдвижению», 1927, с. 168). Последний номер журнала бюро «Вся власть» («All Power») вышел в июле 1924 г. По свидетельству британского делегата, бюро было преобразовано в движение меньшинства (*J. T. Murphy. Preparing for Power*, 1934, p. 215). В следующем году Исполбюро Профинтерна в Москве направляло указания непосредственно руководству НДМ («Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 51—52).

135. Документы конференции были опубликованы НДМ в брошюре: «Report of the National Minority Conference Held August 23 and 24, 1924», n. d.; отчет о конференции см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 113, S. 1472—1474. Резолюцию о единстве профдвижения см. выше, гл. 36.

136. «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 94.

137. «Report of the Fifty-Sixth Annual Trades Union Congress», 1924, p. 158—159, 330—332, 343—346. Резолюция в поддержку НДБ была принята на конференции НДМ в августе 1924 г. («Report of the National Minority Conference», n. d., p. 11—12).

138. «Report of the Fifty-Sixth Annual Trades Union Congress», 1924, p. 311—319, 366—369.

139. Ibid., p. 395—400.

140. Ibid., p. 434—437.

141. Перселл подверг этот план критике в качестве председателя конгресса. Один из делегатов предложил обсудить его (ibid., p. 69—70, 290), однако его предложение было положено под сукно. Этот факт противоречил значению, которое придавалось этому вопросу в Москве. Совместный призыв ИККИ и Исполбюро Профинтерна 1924 г. к международному единству профсоюзов в основном являлся обличением плана Дауэса («Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 127, S. 1693). КПВ провела кампанию против британского лейбористского правительства в связи с его поддержкой плана Дауэса, но без большого успеха («Report of the Seventh Congress of the CPGB», n. d., p. 25). Этот план был также осужден в резолюции конференции НДМ в августе 1924 г. («Report of the National Minority Conference Held August 23 and 24, 1924», n. d., p. 24).

142. «Report of the Twenty-fourth Annual Conference of the Labour Party», London, 1924, p. 109, 131.

143. «Communist Papers», Cmd. 2682, 1926, p. 48—49. Помещенная в журнале статья Роя, очевидно, была рассчитана на то, чтобы изложить позицию Коминтерна: кандидаты коммунистов выдвигались лишь тогда, когда не создавалась опасность для результатов голосования за лейбориста; в других случаях следовало поддерживать лейбористского кандидата; исключалось как неучастие в голосовании, так и поддержка лозунга «Долой правительство Макдональда». Вместе с тем на выборах следовало «выступать с четких позиций классовой борьбы» («International Press Correspondence», 1924, No. 75, p. 839—840; в немецком издании эта концовка отсутствует).

144. См. выше, гл. 36.

145. См. там же.

146. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23.

147. Там же, гл. 30.

148. Там же, гл. 31.

149. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 37—38.

150. Зиновьев в своем письме от 11 февраля 1923 г. назвал ФКП «нашей самой важной секцией», которая «до некоторой степени держит в своих руках судьбу Коммунистического Интернационала» (Архивы Эмбер-Дро, 0401).

151. Доклады от Эмбер-Дро от 21 апреля и 14 и 23 июня 1923 г. (Архивы Эмбер-Дро, 0007, 0277, 0278). Эмбер-Дро («Большевистская революция...», т. 3, гл. 25, 30) был назначен членом секретариата ИККИ в 1921 г. одновременно с Ракоши и Куусиненом и многие годы работал в качестве главы Латинской секции, куда входили Бельгия, Франция, Италия, Испания, Португалия и Латинская Америка (Архивы Эмбер-Дро, 0001).

152. Там же, 0007.

153. В качестве примера подобных нападок см.: «Bulletin communiste», 1923, No. 34, p. 504—507; о более ранних случаях проявления Сувариным диктаторских замашек см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

154. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 149, S. 1290.

155. «Bulletin communiste», 1923, No. 43, p. 775.

156. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 1, S. 3—4.

157. Этому съезду предшествовали протесты со стороны ФКП против предложения о расколе («Bulletin communiste», 1923, No. 43, p. 776—778), а также обращение со стороны Исполнительного бюро Профинтерна, который осудил «раскол в УВКТ как преступление, как величайшее предательство интересов международного пролетариата» («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 12 (35), S. 1011—1014). Информацию о результатах этого съезда, которые с огромным обещанием были встречены в Москве, см.: *ibid.*, S. 948—951, 968—970.

158. Доклад от 23 ноября 1923 г. (Архивы Эмбер-Дро, 0285).

159. «Bulletin communiste», 1924, No. 1, p. 1—3; 1924, No. 3, p. 65—67.

160. Архивы Эмбер-Дро, 0008.

161. «3e Congrès National: Adresses et Résolutions», 1924, p. 5—6; по окончании съезда обращение было также опубликовано в «Правде» от 7 февраля 1924 г.

162. «Bulletin communiste», 1924, No. 1, p. 21—36.

163. Решение русской партии было принято XIII партконференцией 18 января 1924 г. («Междущарствие...», гл. 13); решение по Германии было принято в ИККИ на следующий день (там же, гл. 9).

164. «3e Congrès national: Adresses et Résolutions», 1924, p. 33—48, 66—76; никаких других официальных отчетов о работе съезда опубликовано не было.

165. Отчет Лозовского о заседаниях съезда опубликован в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 27, 1924, S. 294.

166. «Congrès national: Adresses et Résolutions», 1924, p. 27—32. Итоги съезда получили официальное одобрение ИККИ 4 февраля 1924 г. («Правда», 7 февраля 1924 г.).

167. «Bulletin communiste», 1924, No. 7, p. 177—178; 1924, No. 10, p. 250.

168. См. выше, гл. 28, § «6».

169. «Bulletin communiste», 1924, No. 14, p. 250—251; письмо опубликовано в: «L'Humanité», 8 février 1924.

170. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23, 30, 31. Позднее, уже в марте 1925 г., Трэн, который возглавлял кампанию против Троцкого в ФКП, сказал на V расширенном пленуме Исполкома Коминтерна: «Тов. Троцкий пользовался во Франции очень большим престижем. В годы войны он боролся бок о бок с нашими тогдашними борцами-революционерами и имел глубокое влияние на наше французское коммунистическое движение еще у его колыбели. С той поры и на всем протяжении развития нашей партии с момента вступления ее в Коммунистический Интернационал — с Турского съезда — тов. Троцкий от имени Интернационала всегда активно помогал нам справляться с возникающими трудностями. Этим объясняется его крупный авторитет в нашем движении» («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 104).

171. «Междущарствие...», гл. 12, 13.

172. «Bulletin communiste», 1923, No. 52, p. 945—948; 1924, No. 1, p. 4—5; о письме Троцкого см.: «Междущарствие...», гл. 13.

173. «Bulletin communiste», 1924, No. 6, p. 145—151; о статье Сталина от 15 декабря 1923 г. см.: «Междущарствие...», гл. 13.

174. Об этом решении см. выше, прим. 163.

175. «Bulletin communiste», 1924, No. 14, p. 251.

176. Ibid., 1924, No. 12, p. 309; No. 14, p. 353. Эта рекомендация была одобрена Исполнительным комитетом — судя по всему, на заседании 18 марта (см. ниже).

177. Ibid., 1924, No. 11, 14 mars, p. 289—291, 302.

178. Ibid., 1924, No. 13, p. 323—327; No. 14, p. 352—353; No. 15, p. 364—367.

179. Эти документы были опубликованы также в: «Bulletin Communiste», 1924, No. 14, p. 354—355.

180. L. Trotsky. Le cours nouveau, 1924; о «Новом курсе» см.: «Междущарствие...», гл. 4.

181. Троцкий, который прекрасно знал ситуацию во Франции, заметил, что коммунисты «при несравненно более сильной партийной организации и партийной печати собрали значительно меньше голосов, чем социалисты» (Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, 1924, с. XV).

182. «Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большеви-ков)», 1924, с. 371—373.

183. Там же, с. 371—373.

184. «Bulletin du Ve Congrès de l'Internationale Communiste», 1924, No. 1, p. 1; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 70, S. 857—858; несколько иная версия была опубликована в: «Ve Congrès de l'Internationale Communiste», 1924, p. 341—342.

185. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 51, 95; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 413—414.

186. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 132; vol. II, S. 1032—1034; «Коммунистический Интернационал в документах», 1932, с. 471—472.

187. Копия этого письма находится в архивах Эмбер-Дро, 0296; никаких следов опубликованной в печати версии не обнаружено.

188. «L'Humanité», 19 juillet 1924.

189. См. выше, гл. 27.

190. A. Ferrat. Histoire du Parti Communiste Français, 1930, p. 164.

191. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.

192. «Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 1, p. 1; No. 2, p. 67. В заголовке каждого выпуска этого журнала печаталась знаменитая цитата из Ленина: «Без революционной теории нет революционного движения».

193. «Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 4, p. 210—225. Тексты заявления, зачитанного на конференции Росмером, и решения об исключении опубликованы в: «La révolution prolétarienne», 1925, p. 23—24; это был «синдикалистско-

коммунистический» ежемесячный журнал, основанный Росмером и Монаттом после их исключения.

194. Об этом визите см. выше, гл. 36.

195. Сегования по поводу этих компрометирующих действий ФКП были выражены в письмах, адресованных представителем УВКТ в Москве Эркле к лидерам УВКТ в Париже; эти письма были несколько месяцев спустя опубликованы французской партийной оппозицией в: «La révolution prolétarienne», octobre 1925, p. 11—12; «Bulletin Communiste», 1925, No. 3, p. 47—48.

196. Основными источниками информации относительно позиции Коминтерна в отношении ФКП и вызова Трэна в Москву является письмо Эркле к Росмеру от 3 января 1925 г. («Bulletin communiste», 1925, No. 5, p. 75—77, а также письма от 12 января 1925 г., адресованные Монатту и другому члену оппозиции — Томмази («La révolution prolétarienne», No. 10, octobre 1925, p. 10—12). Эркле, который не был членом партии, выразил свои симпатии Монатту и Суварину в апреле 1924 г., перед исключением последнего из партии (Ibid., p. 9—10); так что он не был беспристрастным очевидцем и его свидетельства, возможно, несколько преувеличены. Однако основные факты можно считать достаточно подтвержденными. Эркле вскоре отрекся от своих взглядов и опубликовал в «Юманите» от 11 сентября 1925 г. статью, содержащую нападки на оппозицию. Возмездием за этот акт послужила публикация оппозицией его писем, относившихся к более раннему периоду.

197. Это было косвенно подтверждено Трэном, который обвинял Эмбер-Дро в том, что тот якобы интриговал в Москве с целью добиться восстановления Росмера и Монатта (см. ниже, прим. 201).

198. См. выше, с. 112.

199. Эта тема была развита в «тезисах» по международному положению, подготовленных Трэном к предстоящему съезду партии и представленных на рассмотрение Политбюро партии в конце ноября 1924 г. («Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 2, p. 89—101). Такая линия была отнюдь не нова (см. выше, гл. 27), однако, судя по всему, она была принята в ФКП довольно неожиданно. Тезисы по международному положению были опубликованы в: «Bulletin communiste», 1924, No. 43, p. 1013—1015. В них эра демократического пацифизма упоминалась как еще не ушедшая в прошлое и вовсе не упоминался фашизм; не затрагивалось это и в статье Трэна, опубликованной в: «Коммунистический Интернационал», № 8 (37), декабрь 1924, кол. 131—148; правда, эта статья, возможно, была написана им не позже чем в октябре. В конце года УВКТ выступила с выдержанным в весьма сильных выражениях предостережением «против фашизма и против пассивности правительства по отношению к фашизму» («L'Humanité», 3 janvier 1925).

200. «L'Humanité», 10 décembre 1924.

201. Об этих беседах с Трэном см. выше, прим. 196. Предшествовавшие этому трения между Трэном и штаб-квартирой Коминтерна документированы весьма широко. Эмбер-Дро, который не доверял Трэну с самого начала (см. выше, с. 105), имел разногласия с ним во время первого кризиса в связи с Троцким, произошедшего в конце 1923 г. После исключения из партии в декабре 1924 г. Монатта и Росмера они написали статью, где упоминалось об этих разногласиях и намекалось на то, что в то время Эмбер-Дро разделял взгляды Троцкого. Эмбер-Дро ответил на это в «Кайе дю большевизм» («Cahiers du bolchévisme», 1925, No. 10, p. 678—680), отрицая, что его разногласия с Трэном имели какую бы то ни было связь с кризисом по поводу Троцкого. Это повлекло за собой недоброжелательный ответ со стороны Трэна, из которого явствовало, что намеки Росмера и Монатта были в основе своей справедливы. В его ответе содержались также обвинения в адрес Эмбер-Дро по поводу того, что тот якобы использовал с тех пор свое влияние в Москве, чтобы обеспечить восстановление Монатта и Росмера в партии (ibid. No. 12, p. 738—740).

202. Правая оппозиция в ФКП, которая поначалу отрицала существование фашистской опасности, позднее весьма активно на нее ссылалась, чтобы оправдать свои требования о создании единого фронта всех партий против фашизма, так что в результате неправомерная настойчивость по поводу фашистской

опасности стала уклоном, который приписывался уже правым («Коммунистический Интернационал», 1925, № 3 (40), с. 140—141). Однако в январе 1925 г. в Москве это считалось еще уклоном ультралевых.

203. Эти тезисы были опубликованы в: «L'Unité», 15 décembre 1924; «Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 6, p. 412—424. В них провозглашался конец «периода демократического пацифизма», пространно и настойчиво подчеркивалась надвигающаяся фашистская опасность («мы не приближаемся к фашизму, он уже рядом») и выдвигалось требование «широкого единого фронта против фашизма». Насколько можно судить по далекому от совершенства опубликованному отчету, на прошедшем в январе 1925 г. съезде эти тезисы были проигнорированы.

204. Первоначальный вариант тезисов Семара о профсоюзном единстве был опубликован в: «Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 6, p. 425—428; сообщения Семара о дискуссиях в Москве и в Париже см. в: Ibid., 1925, No. 11, p. 700—702; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 20, S. 263—264.

205. Об этом письме см. выше, гл. 30.

206. «Cahiers du bolchévisme», 1925, No. 2, p. 555—558.

207. Никакого официального стенографического отчета о съезде или принятых на нем резолюциях опубликовано не было. В «Юманите» («L'Unité», 18—23 janvier 1925) ежедневно публиковался довольно полный отчет о его заседаниях; там же были напечатаны некоторые резолюции (ibid., 25 janvier 1925). Приведенная далее информация о съезде основана на этом источнике, за исключением тех случаев, когда приводятся ссылки на другие источники. Многие из тезисов, на которых основывались принятые резолюции, были опубликованы заранее в журнале «Кайе дю большевизм». Обзор итогов съезда см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 27, S. 400—402 (обзор Трэна); «Die Internationale», 1925, vol. VIII, No. 2, S. 60—62; «Коммунистический Интернационал», 1925, № 3 (40), с. 130—144.

208. Программа рабоче-крестьянского блока, а также тезисы о применении этой тактики в ходе муниципальных выборов были уже опубликованы в: «Bulletin communiste», 1924, No. 45, p. 1055—1058; «Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 4, p. 254—259. Эта политика детально разрабатывалась после съезда Трэном в «Кайе дю большевизм» (ibid., 1925, No. 13, p. 789).

209. О тезисах Трэна см. выше, с. 000, прим. 00.

210. Никаких следов публикации в печати пересмотренного и исправленного варианта не обнаружено.

211. См. ниже, с. 000.

212. Текст устава опубликован в: «Cahiers du bolchévisme», 1924, No. 6, p. 429—436; о резолюции по вопросу о реорганизации см. ниже.

213. Об оценках Трэна см. выше, прим. 199.

214. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23, 26.

215. Там же, гл. 25.

216. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 23.

217. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

218. Резюме этих тезисов см. в: «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7 (44), с. 115—117; они несколько раз упоминались на V конгрессе Коминтерна («Protokoll: Fünfter Kongress des Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 101, 155—157, 256; vol. II, S. 600). Несмотря на усилия Эмбер-Дро и Коларова, которые присутствовали на римском съезде в качестве делегатов от ИККИ, тезисы Бордиги получили поддержку подавляющего большинства съезда (письмо от 26 марта 1922 г., архив Эмбер-Дро, 0003).

219. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31. Бордига, который постоянно противился всем планам единого фронта с другими партиями против фашизма, позднее утверждал, что Ленин был против этого решения; это утверждение с негодованием отверг Зиновьев («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 444). По данным «Die Kommunistische Partei Italiens» (перевод на немецкий с итальянского, 1952, S. 43), большинство итальянских делегатов согласились с этим решением, и Грамши заменил Бордигу на посту главы делегации. Позднее Эмбер-Дро вспоминал, что после IV конгресса Коминтерна он «был вынужден временно от-

странить Бордигу от руководства партий и открыть внутри партии кампанию против ультралевого идеологии» («Коммунистический Интернационал», 1926, № 2 (51), с. 86). Однако Бордига продолжал контролировать положение в партии на протяжении 1923 г., пока Грамши был в Москве, и в 1924 г. по-прежнему располагал поддержкой большинства рядовых членов партии (см. выше, с. 121—122).

220. Архив Эмбер-Дро, 0006.

221. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 389—390; см. также отчет Эмбер-Дро о съезде, направленный из Парижа (архив Эмбер-Дро, 0007), в котором содержатся нелестные отзывы о позиции Ненни.

222. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

223. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии» (перевод на русский с итальянского), 1953, с. 641.

224. Архив Эмбер-Дро, 0007.

225. «Расширенный пленум Центрального Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 22—25.

226. Там же, с. 48—49, 72—73, 78.

227. Там же, с. 264—265.

228. «Комунистический Интернационал в документах», 1933, с. 389—390.

229. Расширенный пленум Центрального Комитета Коммунистического Интернационала (1923), с. 265—267.

230. Там же, с. 467.

231. Письмо Эмбер-Дро Зиновьеву от 26 декабря 1923 г. (архив Эмбер-Дро, 0008).

232. Там же, 0020.

233. *F. Bellini and G. Galli. Storia del Partito Comunista Italiano* (Milan, 1953), p. 101—106. О туринской группе, к которой первоначально принадлежали Грамши и Тольятти, см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23. Группа «*Ordine Nuovo*» была запрещена в октябре 1922 г.

234. Оба этих сообщения находятся в архиве Эмбер-Дро, 0008, 0012.

235. Там же, 0014.

236. 1 февраля 1924 г. Эмбер-Дро сообщил, что израсходовал 50 тыс. лир из средств Коминтерна для подписания контракта с типографией (архив Эмбер-Дро, 0013); однако, несмотря на это, руководители партии несколько недель спустя жаловались на нехватку средств (там же, 0027).

237. Там же, 0034.

238. Там же, 0017; о новом письме ИККИ от 29 февраля 1924 г. с разъяснениями о необходимой тактике см.: там же, 0028.

239. Предварительный доклад от 11 апреля 1924 г., в котором говорилось о 18 местах, из которых 13 заняли коммунисты, см. в архиве Эмбер-Дро, 0045. В феврале Эмбер-Дро рассчитывал лишь на 8 мест, из них 5 — для коммунистов (там же, 0014).

240. *F. Bellini and G. Galli. Storia del Partito Comunista Italiano*, 1953, p. 110—111.

241. Отчет о заседании, помещенный 29 мая 1924 г. в «*Lo Stato Operaio*», теперь недоступен; в кратком виде отчет помещен в сборнике КПГ: «*Materiaien zum V Weltkongress der Komintern*», 1924, S. 54—58.

242. См. выше.

243. Поскольку практически все члены итальянской делегации использовали псевдонимы, редко удастся установить их настоящие имена. Таска, который под именем Серро участвовал в расширенном пленуме ИККИ в июне 1923 г.

(«Расширенный пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 234—235), выступал на V конгрессе под именем Ренци; под именем «Росси» мог выступать Гриеко.

244. «*Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale*», n. d., vol. I, S. 100—102.

245. См. выше, с. 118.

246. «*Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale*», n. d., vol. I, S. 154—157.

247. *Ibid.*, S. 253—257.

248. Ibid., S. 375—379.
249. Ibid., vol. II, S. 1012—1014.
250. См. выше, гл. 27.
251. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1028—1029. Это не помешало Бордиге и его друзьям проголосовать позднее на том же заседании против исключения Суварина (см. выше, гл. 28, § «в»), или тому же Бордиге занести в протокол свой протест против резолюции о профсоюзах (см. выше, гл. 36).
252. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 464—469.
253. Дата приводится в книге А. Тивеля и М. Хеймо «10 лет Коминтерна» (1929, с. 331), воззвание было напечатано в «Правде» от 30 апреля 1924 г.; открытое письмо удалось отыскать лишь в: «Bulletin Communiste», 1924, No. 33, p. 792—794.
254. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1021. Бордига был избран в президиум ИККИ после его расширенного пленума, состоявшегося в июне 1923 г. (А. Тивель и М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 317). Однако в феврале 1924 г. он сказал Эмбер-Дро, что отказывается «играть роль марионетки в президиуме ИККИ» (архив Эмбер-Дро, 0020).
255. О резолюциях конгресса см. выше, гл. 36.
256. «Die Komintern vom dem 6 Weltkongress», 1928, S. 185.
257. Ibid., S. 189.
258. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии» (перевод с итальянского на русский), 1953, с. 642.
259. Архив Эмбер-Дро, 0057, 0060.
260. Там же, 0064. В сборнике «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress» (1928, S. 185) утверждается, что в результате объединения в партии появилось лишь 2500 новых членов. В статье, опубликованной в «Коммунистическом Интернационале» (1925, № 1 (38), с. 122), указывается, что в это время ИКП насчитывала почти 40 тыс. членов, Комсомол — 10 тыс. членов, а тираж ежедневной газеты «Унита» достигал 40 тыс. экземпляров; однако эти данные, по всей вероятности, завышены.
261. Архив Эмбер-Дро, 0056, 0062, 0066.
262. «Междущарствие...», гл. 10. На V конгрессе Коминтерна Тольятти потребовал снять Бомбаччи со всех ответственных постов в партии («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 376).
263. «Правда», 10 мая 1924 г.
264. Архив Эмбер-Дро, 0065. В книге А. Бармина (A. Barmine. One Who Survived, 1945, p. 155) указано, что из Москвы была направлена инструкция отменить прием, но Юренев настоял на своем. Такая версия вызывает сомнения. В тот момент Бармин не был в Италии, и он неправильно датирует этот эпизод.
265. Архив Эмбер-Дро, 0065, 0066.
266. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 1 (38), с. 125.
267. Архив Эмбер-Дро, 0059, 0061, 0071, 0075.
268. О неудачной попытке основать партию в Москве в 1918 г. см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 22.
269. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 165. Немецкой партии было предложено направить делегатов на конгресс («Protokoll des III Kongress der Kommunistischen Internationale», 1921, S. 12), но, по-видимому, она не была в состоянии сделать это.
270. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31. В 1924 г. (первый год, за который имеются полные данные) в партии состояло 136 726 человек; из них 61,56% — чехи, 20,95 — немцы, 7,57 — словаки, 5,4 — венгры, 3,57 — русины и 0,95% — поляки («Ceskoslovensky Casopis Historicky», 1955, vol. III, No. 4, p. 578, 586, в этом же источнике сообщается, что членов партии, плативших взносы, было около 100 тыс.).
271. Из общего числа членов партии в 1924 г. 73% предположительно составляли бывшие социал-демократы; 45% членов профсоюзов входили в Профинтерн («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 4, S. 51; о профсоюзном вопросе см. выше, с. 127—129).

272. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 281—284.
273. Там же, с. 360.
274. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
275. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 360—362.
276. Учредительный съезд, который в большинстве партий считается первым, в истории чехословацкой партии не получил порядкового номера.
277. «Междущарствие...», гл. 5.
278. На V конгрессе Коминтерна в ходе критики правых уклонов Зиновьев воспользовался сходством резолюций и намекнул, что за обе резолюции Радек несет ответственность («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 85). Отчет о пражском съезде см. в: «Ceskoslovensky Casopis Historicky», 1955, vol. III, No. 4, p. 557—561.
279. «Die Rote Geverkschaftsinternationale», 1924, No. 6 (41), S. 353—357. По-русски новая организация называлась Межнациональным Общепрофессиональным Союзом (МОС, или, по первым буквам немецкого названия, IAV).
280. По данным 1924 г., из общего числа в 867 тыс. человек около 230 тыс. членов профсоюзов входили в Профинтерн и 220 тыс. — в Амстердамский интернационал (ibid., 1924, No. 7—8 (42—43), S. 15).
281. Эти проблемы впервые были подняты на сессии Центрального совета Профинтерна в июне-июле 1923 г. («Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Geverkschaftsinternationale», 1923, S. 69—71) и часто обсуждались в публикациях этого периода. Особой остротой характеризовались трения между чешскими и немецкими текстильными профсоюзами («Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV bis V Weltkongress», 1924, S. 30).
282. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 282.
283. Там же, с. 362.
284. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 100.
285. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour la IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 35. «Идеологическая организация» означала, что «красные» профсоюзы, входившие в реформистские федерации, не должны формально вступать в Профинтерн, а демонстрировать свою лояльность к нему в идеологической сфере.
286. Тем не менее сам Троцкий был невысокого мнения о Шмерале, взгляды которого он сравнил с «каплей тающего жира»: «Последовательность для Шмерала — то же самое, что искренность для Тартюфа или бескорыстие для Шейлака» (Архивы Троцкого, Т 3129, с. 9—10).
287. «Ceskoslovensky Casopis Historicky», 1955, vol. III, No. 4, p. 569.
288. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 53, S. 636—637; «Materialien zum V Kongress der Komintern», 1924, S. 43—44.
289. Об этих резолюциях см.: «Zalozeni Komunisticke Strany Ceskoslovenska», 1954, p. 160—168.
290. «Ceskoslovensky Casopis Historicky», 1955, vol. III, No. 4, p. 569—570.
291. «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, т. II, с. 244—245; здесь приводится список из 20 чехословацких делегатов, из которых 19 — с правом решающего голоса. Этот список, видимо, не совсем точен; в него включен Бубник, хотя никаких других свидетельств о его присутствии на конгрессе не имеется, а Васильев (см. выше, с. 131—132) в нем отсутствует.
292. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 68—70, 85—86, 98—99.
293. Ibid., S. 159—162.
294. Ibid., S. 207—208.
295. Ibid., S. 209—211, 214—217, 300—304.
296. Ibid., S. 385—490.
297. Из чехословацких делегатов в созданную конгрессом русскую комиссию, которая, по-видимому, никогда не заседала, входили Шмераль и Нейрат (ibid., vol. II, S. 1061).
298. Ibid., S. 408.
299. Ibid., vol. I, S. 498—500.
300. Ibid., vol. II, S. 594; окончательный текст см. в: «Коммунистический

Интернационал в документах», 1933, с. 394.

301. Там же, с. 415.

302. «Коммунистический Интернационал», 1924, № 3, кол. 91—122.

303. «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 9, S. 308—312.

304. Таково официальное чехословацкое название; по-русски она называется Закарпатская Русь («Русь» в отличие от «России» является этнографическим, а не политическим термином), по-украински — Карпатская Украина.

305. Об этих выборах см.: «Коммунистический Интернационал», 1924, № 3, кол. 393—410; «Крестьянский Интернационал», 1924, № 2, с. 40—42. Васильев в своей речи на V конгрессе Коминтерна (см. ниже) говорил, что «не проходит и недели без того, чтобы не лилась кровь рабочих и крестьян в Закарпатской Руси». Конечно, это было красочным преувеличением, однако широкие репрессии против выступлений крестьян и коммунистической пропаганды действительно имели место.

306. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 74, 160.

307. Ibid., S. 429—431. Действительный статус Васильева неясен. Он выступал от имени коммунистической партии Закарпатской Руси, а в своей речи заявил: «Мы любим нашу Коммунистическую партию Чехословакии». Он прибыл в Москву не к началу конгресса, а позже и, по-видимому, один; его фамилии не было в списке членов чехословацкой делегации (см. выше, прим. 291).

308. О его речи см. выше, гл. 27.

309. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 661—666.

310. Позднее Скрыпник обвинил чехословацкую партию в «легалистских предрассудках» по национальному вопросу, имея, возможно, в виду, что она опасается юридических санкций, если выступит за отделение части чехословацкой территории («XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)», 1926, с. 686.

311. См. выше, гл. 27.

312. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1022.

313. «Правда», 9 июля 1924 г.

314. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 86, S. 1094—1095; No. 90, S. 1134—1136. Дискуссия развернулась вокруг гипотетического вопроса о возможности создания единого фронта Коммунистической партии Чехословакии с Масариком и Бенешем.

315. «Československý Časopis Historický», 1955, vol. III, No. 4, p. 577; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 107, S. 1382—1383.

316. Ibid., No. 120, S. 1598—1599.

317. Ibid., S. 1583—1585.

318. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 130, S. 1726—1734; No. 133, S. 1769—1772.

319. Ibid., No. 137, S. 1822—1825; Ответ Шмерля см. в: ibid., No. 141, S. 1871—1873.

320. Ibid., 1925, No. 67, S. 905.

321. «Československý Časopis Historický», 1955, vol. III, No. 4, p. 580—581. Здесь можно усмотреть некоторое преувеличение, ибо чехи составляли 61% членов партии (см. выше, прим. 270); однако общая картина подтверждается одним сторонником левых (см. ниже, прим. 330).

322. Это «разъяснение» от 15 октября 1924 г. см. в: «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1052—1053.

323. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 144, S. 1942—1943.

324. «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 21—22, S. 660.

325. Отчет см. в: «Československý Časopis Historický», 1955, vol. III, No. 4, p. 586—593; он основан на опубликованном протоколе съезда, который найти не удалось.

326. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 133, S. 1768—1769; No. 137, S. 1817—1822.
327. Об этих выступлениях см. в: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 12 (47), S. 255.
328. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 145, S. 1960—1969; В этом журнале были опубликованы только речи трех делегатов-гостей.
329. Ibid., No. 145, S. 1969; No. 154, S. 2100—2102. Несколько позже Запотокий рассказал о решении предоставить левым большинство в Исполнительном комитете партии: «Дело протолкнул Мануильский. Разгорелась ожесточенная борьба. Мы подчинились» (ibid., 1925, No. 56, S. 777).
330. Рассказ одного из левых о съезде в: «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 23—24, S. 691—696. В нем содержится знаменательное признание о том, что левые находили своих приверженцев в районах, населенных словаками, немцами и русинами, а не в чешских районах, и были «слабыми с точки зрения идеологии и организации»; влияние бывших руководителей «никоим образом не было подорвано», и положение нового Исполнительного комитета обещает быть далеко не легким.
331. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23. Ее официальное название до 1924 г. — Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП).
332. О КАПД см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23.
333. Текста отчетов о конференции найти не удалось, но Варский цитирует их в двух статьях, опубликованных в «Коммунистическом Интернационале» (1922, № 23, кол. 6105—6120; 1923, № 24, кол. 6601—6634). Выдержка из выступления Слюсарского была дословно приведена Зиновьевым на IV конгрессе Коминтерна («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 120).
334. J. A. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski, 1934, p. 59. Эта книга, написанная полицейским агентом, действовавшим в КПП, отражает официальные взгляды и недооценивает значение и независимость партии в 20-х годах; однако она надежна с точки зрения фактологии. Помимо большинства во главе с Варским и меньшинства во главе со Слюсарским, промежуточная группа Краевского поддерживала в принципе тактику единого фронта, но отвергала всякое обращение по этому вопросу к СПП («Вопросы истории», 1960, № 7, с. 85; здесь использованы неопубликованные архивы). Резолюцию о «едином фронте» см. в: «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 141—143.
335. Ibid., p. 170.
336. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 352.
337. «KPP: Uchwały i Rezolucje», vol. I, p. 144—167; «Вопросы истории», 1960, № 7, с. 85.
338. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 284—292.
339. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV bis V Weltkongress», 1924, S. 46—47; J. A. Regula. Historja Komunistycznej Partji Polski, 1934, p. 67.
340. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 48—49. Рассказывая о работе V конгресса делегатам III конгресса КИМ, Зиновьев также упомянул «группу польских товарищей», которые «выступили против единого фронта» («Bericht vom 3 Weltkongress der Kommunistischen Jugendinternationale», 1923, S. 233).
341. Домский впервые приобрел известность как независимый критик в КПП, опубликовав 22 июля 1920 г. статью в берлинской газете «Rote Fahne», где он приветствовал сообщение о том, что Советское правительство готово вступить в переговоры с Польшей, и высказался против продолжения наступления на фронте: «Борьба Советской России против июльской реакции не является чисто военной, она скорее преследует откровенно политическую цель — установление диктатуры пролетариата. Однако такая диктатура может быть прочной лишь в том случае, если она устанавливается изнутри. Только народные массы, которые, подобно русскому народу, совершили свою революцию, могут и хотя бы испытать и превозмочь все лишения и трудности, связанные с социальной революцией. В то же время Советская власть, установленная извне

с помощью иностранных войск, столкнется с гораздо большим сопротивлением со стороны класса собственников и получит более слабую поддержку со стороны трудовых масс». В своем ответном слове в прениях на IV конгрессе Зиновьев напомнил Домскому об этой «ошибке»; в письменном заявлении Домский возразил, что он лишь предостерег русскую партию от ошибки, которая была признана Лениным («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 208, 983).

342. Ibid., S. 164—168.

343. Ibid., S. 210.

344. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 179—188 (русский текст этого письма найти не удалось); членами комиссии были Куусинен, Уншлихт и Варга («Вопросы истории», 1960, № 7, с. 87).

345. «О „польской ереси“ в национальном вопросе см.: «Большевистская революция...», Прилож. Б.

346. «Международствие...», гл. 9.

347. О воспоминаниях об этом одного из участников см. в: «Z Pola Walki», 1958, No. 2, p. 133—148; отчеты о работе съезда см.: ibid., No. 3, p. 127—199; No. 4, 1958, p. 129—201; 1959, No. 1 (5), p. 143—166; No. 3 (7), p. 183—224; No. 4 (8), p. 69—171.

348. Левая крестьянская партия, находившаяся в оппозиции к правой крестьянской партии Витоша.

349. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 193—207, 243, 251. В статье, опубликованной в журнале Коминтерна, представитель молодого поколения интеллигенции КПП Бранд утверждал, что коммунисты могут добиться успеха там, где не преуспел Пилсудский, а именно — в сплочении масс «против правительства буржуазии и богатых крестьян», и развивал тему единого фронта менее сдержанно, чем официальная резолюция и воззвание: «Партиям Пилсудского (в готовность коих к борьбе мы сами очень мало верим, но которым все еще доверяют значительные массы) мы предлагаем общую борьбу, но не за особу Пилсудского, а за эту определенную классовую программу. Нам нечего опасаться, что мы работали только на Пилсудского, если осуществится совместная и победоносная борьба. Второе правительство Морачевского, достигшее власти благодаря действительной борьбе рабочих и крестьянских масс против буржуазии... могло бы стать только этапом к диктатуре пролетариата» («Коммунистический Интернационал», 1923, № 28—29, кол. 7589—7617). На польской политической сцене Пилсудский был лидером оппозиции национал-демократам и считался в КПП представителем мелкой буржуазии («KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 117).

350. Ibid., p. 234—242.

351. Ibid., p. 208—244. Впоследствии высказывались критические замечания в связи с тем, что хотя лозунг «земля — крестьянам» был выдвинут четко, «классовые противоречия внутри крестьянства учтены не были» и союз с крестьянством толковался просто как частный случай «единого фронта» («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 352).

352. См. выше, прим. 345.

353. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 232—233. Здесь отсутствует последняя процитированная фраза, но она осталась в тексте резолюции на русском языке в журнале «Коммунистический Интернационал» (1924, № 7, кол. 177—184).

354. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 225—231. Коммунистическая партия Верхней Силезии была создана 12 декабря 1920 г., в период плебисцита, однако в 1922 г. она вошла в состав КПП («Z Pola Walki», 1958, No. 3, p. 150, note 88). В «Календаре коммуниста на 1925 год» (1925, с. 244) она указывается как автономная секция КПП, но никаких других свидетельств, подтверждающих такой статус, найти не удалось.

355. Наступление Красной Армии в 1920 г. питало надежды населения этих районов на освобождение с востока. В начале 20-х годов среди крестьян в «украинских деревнях» Полесья и Волыни постоянно ходили обнадеживающие слухи, что легионы Буденного придут «весной» (М. Stakhiv. Khto vyne? 1936, p. 28).

356. «Коммунистический Интернационал», 1924, № 7, с. 170—172. Здесь говорится о соглашении, но его текст не приведен. Журнал помещает заявление польской делегации по этому вопросу, в котором говорится о будущем союзе Советской Польши и Советской Украины, ибо всемирная революция сделает границы ненужными; однако в нем обходится требование об отделении Восточной Галиции от Польши. Это требование впервые было принято на II съезде КПП в 1923 г. (см. выше, с. 138).

357. Упомянув об этом соглашении на II съезде КПП, Скрипник настаивал на том, что его необходимо изменить «в сторону большей конкретности» («Z Pola Walki», 1959, No. 1 (5), p. 165).

358. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 127.

359. *M. Stakhiv. Khto Vynen?* 1936, p. 40—43.

360. *Ibid.*, p. 31. Здесь проводится не очень убедительная параллель между этим «национальным коммунизмом» и кампаний Шлагетера в Германии в тот же период (см. об этом: «Междущарствие...», гл. 7).

361. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 127—128; *M. Stakhiv. Khto Vynen?* 1936, p. 30. Последний утверждает, что «Центральный Комитет в Варшаве назвал свою региональную организацию Коммунистической партией Западной Украины... только для того, чтобы обмануть самолюбивых украинцев», что 70% членов партии составляли поляки и евреи и что украинцы использовали «лишь как агитаторы среди украинского крестьянства» (*ibid.*, p. 33). Однако Костшева отмечала, что КПП признала автономию компартии Западной Украины под давлением Москвы («Коммунистический Интернационал», 1924, № 1, кол. 295—296). Наиболее сильное влияние извне на ее последующую политику оказывалось, по-видимому, не из Варшавы или Москвы, а из Харькова.

362. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1953, vol. I, p. 191.

363. Масштабы участия КПП в забастовке являются спорными. Один из польских делегатов на V конгрессе Коминтерна летом следующего года утверждал, что всеобщая забастовка была объявлена «под нашим влиянием» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 285—286).

364. О задержке в Москве с принятием решения о КПП см.: «Междущарствие...», гл. 9. В статье о волнениях в Польше, опубликованной в «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 12 (35), S. 951—955, признавалось, что «в Кракове коммунистическая организация была еще слишком слабой, чтобы взять на себя руководство»; однако роли КПП все же давалась стандартная хвалебная оценка.

365. «Nowy Przegląd», 1923, No. 9, p. 421—432.

366. «Z Pola Walki», 1958, No. 4, p. 287; перечень статей Ленского см. в: *ibid.*, p. 309—310. Они дают частичное представление о жизни Ленского (его настоящее имя Лещинский) и о библиографии его работ.

367. «Междущарствие...», гл. 9.

368. Относительно позиции польских лидеров в это время см. там же.

369. Манифест без подписей был опубликован в: «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 4. Эти четверо позднее подписали заявление от 11 мая 1924 г. (см. ниже, прим. 372), в котором указали, что они являются авторами манифеста. Ленский прибыл в Берлин из Москвы по пути в Париж в начале 1924 г. («Z Pola Walki», 1958, No. 4, p. 288). Адамский отождествляется с Дамовским, «сотрудником советского комиссариата по иностранным делам и внешней торговле» (*J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*, 1934, p. 93). Адамский упоминается как член польского бюро Центрального Комитета русской партии в 1922 г. («Z Pola Walki», 1958, No. 3, p. 168, note 193).

370. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 288.

371. Текст см. в: «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 39—51. Здесь опущены некоторые абзацы с самокритикой, в том числе абзац об игнорировании «вооруженной борьбы», а также резолюция против Домского и его группы; они приводятся в: *J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*,

1934, р. 92—93. По-видимому, эти последние тексты могут считаться подлинными. Кроме того, Центральный комитет лишил четверку «права выполнять ответственные партийные функции» («Z Pola Walki», 1958, No. 4, р. 288).

372. Где были первоначально опубликованы статья и заявление, не установлено. Позднее они были включены в сборник документов, подготовленный КПГ для своей делегации на V конгрессе Коминтерна («Materialen zum V Weltkongress der Komintern», 1924, S. 58—64).

373. Домский, а не Ленский был включен в список польской делегации, опубликованный в кн.: «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала» (1925, т. II, с. 241—242). Ленский, который весной 1924 г. был в Париже и работал в редакции «Юманите» и в ФКП, по-видимому, прибыл на V конгресс как член французской делегации («Z Pola Walki», 1958, No. 4, р. 288; *J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*, 1934, р. 101), хотя он не числился в списке французских делегатов.

374. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 99—100.

375. Ibid., vol. I, S. 283—288, 295—300. Краевский был братом Домского (их подлинная фамилия — Штейн) и зятем Варского (*J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*, 1934, р. 101). Ленский принес извинения за свой плохой немецкий язык и выступал по-русски («Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, т. I, с. 280; этот отрывок пропущен в немецком варианте).

376. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 451.

377. Ibid., vol. II, S. 584. О событиях, приведших к публикации заявления, см.: *J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*, 1934, р. 101—102.

378. Ibid., р. 103—110. Регула приводит множество цитат из отчетов о прениях, включенных в коминтерновское издание «Sprawa Polska na V Kongresie Kominternu», найти которое не удалось.

379. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 264—272. Первоначально его выступление появилось в журнале «Большевик», 1924, № 11, с. 51—55.

380. См. выше, с. 137—138.

381. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 694—696.

382. Об этой резолюции и докладе Мануильского см. выше, гл. 27.

383. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1030.

384. «Thesen und Resolutionen des V Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 170—180. Русский перевод см. в: «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, т. II, с. 166; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 463—464; в русском варианте в пункте о созыве чрезвычайной конференции содержатся слова: «...не позднее, чем через три месяца»; в тексте, содержащемся в: «KPP: Uchwaly i Rezolucje», 1955, vol. II, р. 59—60, воспроизводится немецкий текст, но без этих последних слов.

385. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 108, р. 1395—1396 (упомянутое письмо здесь помечено датой: «июль 1924 г.»).

386. «Z Pola Walki», 1958, No. 4, р. 289.

387. *J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*, 1934, р. 113—114.

388. «KPP: Uchwaly i Rezolucje», 1955, vol. II, р. 61—70, 71—81.

389. *J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partji Polski*, 1934, р. 120—121; это единственный источник сведений о происшествии со Скульским. О других сообщениях о кампании неповиновения см.: ibid., р. 130, где указывается, что она достигла своего пика летом 1924 г.

390. «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 323.

391. *L. Jakauleu. Zachodniaya Belarus*, 1931; cited in: *V. P. Vakar. Belorussia*, 1956, р. 125.

392. «KPP: Uchwaly i Rezolucje». 1955, vol. II, р. 246; «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 207.

393. См. выше, с. 141.

394. «Z Pola Walki», 1958, No. 4, p. 289.

395. «Правда», 6 января 1925 г.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 4, S. 50.

396. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 1 (38), с. 115; автор статьи, явный приверженец Домского, утверждал, что сторонники этих взглядов были в меньшинстве «даже среди молодежи», однако указывал на общую слабость партии.

397. «Nowy Przegląd», January 1925, p. 716—717; quoted in: *J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski*, 1934, p. 121.

398. «Правда», 5 декабря 1924 г. Статья перепечатана в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 161, S. 2208—2210; здесь же содержалось уведомление, что вскоре статья появится в «Большевике»; однако там она не появилась. Троцкий охарактеризовал Варского как «революционного социал-демократа старого типа» — вроде Клары Цеткин, — который в конечном итоге стал «столпом сталинизма» (Архив Троцкого, Т 3129, с. 7—8).

399. Об этой группе и ее отношениях с группой «Освобождение труда» Плеханова в Женеве см.: *J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria*, 1955, p. 12—13.

400. *V. Serge. Mémoires d'un Révolutionnaire*, 1956, p. 195. Этот автор вспоминает, как Коларов и Кабакиев «с кремлевской трибуны... с гордостью говорили о своей партии как о единственной европейской социалистической партии, которая, подобно большевикам, верна доктринам». Болгары уступали лишь венграм по числу международных работников Коминтерна в первые годы его существования. Кабакиев вместе с Зиновьевым присутствовал на съезде НСДГП в Галле в октябре 1920 г. и с Ракоши на съезде ИСП в Ливорно в феврале 1921 г. (об этих съездах см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25). Коларов играл заметную роль на всех конгрессах и пленумах ИККИ в Москве, неоднократно направлялся с важными заданиями Коминтерна в Западную Европу (*J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria*, 1959, p. 300), был секретарем ИККИ с 1922 по 1924 г. и стал членом ИККИ на V конгрессе в 1924 г.

401. Конечно, и Венгрия могла бы претендовать на ту же роль, если бы не поражение революции в 1919 г., которое сделало невозможным в последующие годы создание в ней коммунистического движения.

402. О первых годах федерации см.: *J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria*, 1959, p. 223—233. Практически это было возрождением социал-демократической Балканской федерации, созданной в 1910 г. По-видимому, при общей нумерации ее последующих конференций, когда московская конференция, состоявшаяся в декабре 1922 г., была пятой, учитывались две конференции, проходившие до 1914 г. В кн.: «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV bis V Weltkongress», 1924, S. 38, конференции, состоявшиеся в декабре 1922 г., декабре 1923 г. и июле 1924 г., называются первой, второй и третьей; другая нумерация приводится в книге А. Тивея и М. Хеймо «10 лет Коминтерна» (1929, с. 375).

403. Об истории возникновения Коммунистической партии Греции, с незначительными расхождениями, см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 29, S. 335—336, и сборник статей: *Х. Кабакиев* и др. Коммунистические партии балканских стран, 1930, с. 175—186. Основанная в 1918 г. как Социалистическая рабочая партия Греции, она объединяла левые круги различной ориентации (в Греции не существовало социал-демократической партии), и хотя в 1920 г. она вступила в Коминтерн, в ней продолжалась борьба между теми, кто ограничивался общей идеологической симпатией к коммунизму, и сторонниками более прочных идеологических и организационных связей с Москвой. Последние постепенно заняли доминирующие позиции, и сначала в октябре 1922 г., а затем в сентябре 1923 г. из партии были исключены группы «опportunистов». Только на своем III чрезвычайном съезде в ноябре 1924 г. партия приняла, наконец, 21 условие и устав по установленному Коминтерном образцу и стала называться Коммунистической партией Греции (об этом съезде см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 13, S. 163—164). Утверждение

А. Тивеля и М. Хеймо в книге «10 лет Коминтерна» (1929, с. 351) о том, что она стала называть себя «коммунистической» в 1920 г., по-видимому, не соответствует действительности.

404. Румынская коммунистическая партия была создана в 1921 г. после раскола в социалистическом движении, происшедшего, видимо, под совместным русским и болгарским давлением. С самого начала она была обессилена этим мощным влиянием с двух сторон и вынуждена была выступать за присоединение Бессарабии к Советской России и Добруджи к Болгарии. С первыми годами ее деятельности можно ознакомиться по источникам, приводимым в: J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria. 1959, p. 199, note 104. БКП выдвигала различные требования: создать «советскую Добруджу», «свободную и независимую Добруджу» и даже полностью присоединить ее к Болгарии (ibid., p. 198—199).

405. Предположение о том, что решения этой конференции были фактически приняты на конгрессе (ibid. p. 234), не имеет под собой оснований; единственным зафиксированным решением конгресса был призыв к югославской партии вступить в балканскую федерацию («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 365).

406. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 8, S. 61—62. Под манифестом стояло фиктивное указание: «София, декабрь 1922 г.». Совет болгарской партии без ссылки на конференцию федерации принял аналогичную резолюцию 22 января 1923 г. («Коммунистический Интернационал», 1923, № 26—27, кол. 7323—7327).

407. Josip Broz Tito. Politicki Izvjestaj Centralnog Komiteta KPJ, 1948, p. 19; здесь поддерживается миф о том, что конференция состоялась в Софии. О позиции югославской партии см. ниже, гл. 28, § «з».

408. Информация о переводе в июле 1924 г. штаб-квартиры в гостиницу «Люкс» (гостиница Коминтерна) в Москве появилась в заявлении, подписанном Димитровым («Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 103, S. 1329).

409. Сведения, содержащиеся в: Enciklopedija Jugoslavije, 1958, vol. III, p. 321, о том, что Филипович (он же Бошковиц; см. о нем выше, гл. 31) был одно время президентом Балканской федерации, если и являются достоверными, все же не умаляют данного утверждения.

410. «Коммунистический Интернационал», 1923, № 26—27, кол. 7352.

411. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 115, S. 100.

412. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

413. Там же, гл. 21. Рассказ Глебова о своей миссии см. в: «Die Internationale Arbeiterbewegung», No. 2, 1921, S. 40—44. О съезде греческих профсоюзов см.: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1921, No. 9, S. 80.

414. «Compte-rendu du Conseil International des Syndicats Rouges pour la Période du 15 juillet 1920 au 1er juillet 1921», 1921, p. 48.

415. Ibid., p. 49—50.

416. См. выше, гл. 28, § «з».

417. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 1 (12), S. 44—45.

418. Ibid., 1922, No. 12 (23), S. 903.

419. «Междоусобица...», гл. 8.

420. См. выше, с. 148.

421. В первоначальном коммунистическом конференции резолюция не цитировалась и не излагалась, а ее значение было преуменьшено; в частности, указывалось только, что она предусматривает «применение общих принципиальных директив в особых условиях балканских стран» и что не возникло «каких-либо значительных расхождений во мнениях» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 9, S. 91). Текст резолюции, видимо, был впервые опубликован в приложении к статье Коларова в «Коммунистическом Интернационале», 1924, № 3, кол. 133—150. О македонском вопросе см. выше, с. 153.

422. См. «Открытое письмо рабочим и крестьянам Болгарии», подписанное Коларовым и Димитровым, в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 161, S. 1376—1377.

423. J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 148.

424. Ibid., p. 152—153; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 2,

С. 16. Президиум Балканской федерации также выступил с заявлением о событиях в БКП, осуждавшим «попытки некоторых трусливых и предательских элементов расколоть партию» (ibid., No. 3, S. 24).

425. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV bis V Weltkongress», 1924, S. 42.

426. Об этих переговорах см.: *J. Rothschild*. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 160—165. Единственное подробное изложение хода переговоров см. в: *K. Todorov*. Balkan Firebrand, 1943, p. 200—210. Учитывая характер и репутацию Тодорова, ни одно из его свидетельств, равно как и свидетельства любых других лиц о переговорах, нельзя принимать на веру. В более ранней работе Тодорова (*K. Todorov*. Politicka Istoriya Sovremene Bulgarske, 1938) эти переговоры совершенно не упоминаются.

427. *J. Rothschild*. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 176.

428. Ibid., p. 177.

429. См. выше, с. 148.

430. Советские связи и симпатии Влахова возникли, по некоторым данным, в то время, когда он был генеральным консулом Болгарии в Одессе после революции (*J. Swire*. Bulgarian Conspiracy, 1939, p. 184).

431. *J. Rothschild*. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 179.

432. *J. Swire*. Bulgarian Conspiracy, 1939, p. 164—166. Содержащийся здесь рассказ английского журналиста, впоследствии проживавшего в Софии, основан на тщательном анализе данных.

433. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 257—258, 302—303. Об общей направленности речи Радека и об упомянутом призыве ИККИ см.: «Междущарствие...», гл. 8.

434. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 159, S. 1357; No. 160, S. 1367. Это обвинение может соответствовать действительности (*J. Swire*. Bulgarian Conspiracy, 1939, p. 175—177).

435. «Коммунистический Интернационал», № 3—4, 1924, май-июнь, с. 139—145; о резолюции см. выше, с. 150.

436. Косвенные и отрывочные сведения об этом см. в: *J. Rothschild*. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 181—183. Было бы справедливо предположить, что такие попытки действительно предпринимались. Ходили слухи, что ВМРО получала средства не только от болгарского, но и от итальянского правительства и что прекращение или угроза прекращения их выплаты итальянской стороной в результате заключения 27 января 1924 г. итало-югославского соглашения способствовали обострению финансовых трудностей ВМРО; эти слухи невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть с достаточной степенью уверенности.

437. Фотокопии всех четырех документов включены в приложения к изданному позднее анонимному памфлету «Les Traîtres à la Cause Macédonienne», 1927, написанному Влаховым; первоначальный болгарский вариант памфлета «Izmenitsite na Makedonsko Delo» был опубликован в Праре в 1926 г. (*D. Vlahov*. Makedonija, 1950, p. 300).

438. «The Times», July 19, August 1, 1924; *J. Swire*. Bulgarian Conspiracy, 1939, p. 181; *S. Christowe*. Heroes and Assassins, 1935, p. 176. В этой последней книге сообщается о переговорах Александрова и Протогерово с Раковским, однако автор ошибочно называет последнего послом в Париже.

439. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 57, S. 687—688.

440. Такое предположение основано на заявлении БКП после дезавуирования соглашения Александровым и Протогеровым (ibid., 1924, No. 126, S. 1677—1678), и его следует рассматривать с некоторыми оговорками. В кн.: *J. Swire*. Bulgarian Conspiracy, 1939, p. 182, говорится о поддержке Радича и коммунистов со стороны ВМРО. О визите Радича в Москву см.: «Междущарствие...», гл. 8.

441. Об этой конференции, которую партия провела на болгарской земле в последний раз перед двадцатилетним перерывом, см.: *J. Rothschild*. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 157—159. Коммюнике о конференции без подробного отчета о ее работе было позднее опубликовано в: «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 111, 1924, S. 1438.

442. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1021). О югославской оппозиции, которая, по-видимому, не была представлена на конгрессе, см. выше, гл. 28, § «з».

443. «Thesen und Resolutionen des V Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 127—128. О той части резолюции, которая касается югославского вопроса, см. выше, гл. 28, § «з». В резолюцию был также включен краткий раздел, в котором одобрялось «выдвижение Румынской коммунистической партии лозунга с требованием отделения Трансильвании и Добруджи от Румынии в качестве независимой территории» (ibid., S. 133); на конгрессе не выступил ни один из румынских делегатов, хотя в списке делегатов значилось шесть румын («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1054). В декабре 1924 г. Коммунистическая партия Греции провела, наконец, съезд, который осудил прежнюю позицию Центрального комитета и высказался за «право на самоопределение вплоть до отделения».

444. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1021.

445. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 99, S. 1272—1273.

446. Об истоках этого не очень значительного, но характерного эпизода см.: J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 163—168.

447. Тодоров (K. Todorov. La Vérité sur l'Organisation Révolutionnaire Intérieure Macédonienne, 1927, p. 12) утверждает, что Александров и Протогеров сочли объем первых субсидий из советских источников недостаточным и «вновь перешли на сторону болгарского правительства», которое обещало годовую субсидию в размере 15 млн. левов. О венском соглашении см. выше, с. 154.

448. «Internationale Presse-Korrespondenz», No. 126, September 26, 1924, S. 1677—1678.

449. Об этих событиях см.: J. Rotschild. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 188—191. Об обстоятельствах убийства Александрова см.: D. Vlahov. Makedonija, 1950, p. 307—308; S. Christow. Heroes and Assassins, 1935, p. 180—189; J. Swire. Bulgarian Conspiracy, 1939, p. 188—189. В первых двух книгах намек делается на Протогерову, который был убит через четыре года за предполагаемое соучастие; в третьей прямо обвиняется Михайлов.

450. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25. Декрет, объявлявший вне закона коммунистические организации и деятельность, был принят 29 декабря 1920 г., но он не проводился в жизнь с достаточной настойчивостью, и коммунистические депутаты продолжали выполнять свои функции до выхода нового закона «для защиты государства» в августе 1921 г.

451. Единственная имеющаяся в нашем распоряжении информация о работе конференции, которая, как утверждается, основана на партийных архивах, возвращенных из Москвы в Белград в 1958 г., содержится в статье: «Rad i Zaclucci I, II, III Konferencije KPJ». — In: «Istorija XX Veka: Zbornik Radova», vol. I, p. 237—249. Согласно этой информации, на конференции присутствовал только 21 делегат, не считая Хеккерта, представителя Коминтерна. Это, как представляется, противоречит утверждению Йосипа Броз Тито (J. B. Tito. Politicki Izvestaj Centralnog Komiteta KPJ, 1948, p. 19); здесь приводится одно место из доклада Тито на V съезде партии о том, что большинство в пользу Марковича составило 15 к 13.

452. «Istorija XX Veka: Zbornik Radova», vol. I, 1959, p. 249. Милкич был одним из делегатов КПЮ на втором конгрессе Коминтерна в 1920 г.; о характере совершенного им нарушения ничего не говорится.

453. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 937—941.

454. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 363—365.

455. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 944—945.

456. «Istorijski Archiv KPJ», vol. II, 1950, p. 271.

457. Ibid., p. 272—290.

458. См. выше, гл. 28, § «ж».

459. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 9 (32), S. 829—830; «L'Activité de l'ISR; Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 333—334;

«L'ISR au Travail, 1924—1928», 1928, p. 255.

460. «Крестьянский интернационал», 1925, № 1—2, с. 15—17.

461. «Istorija XX Veka: Zbornik Radova», vol. I, 1959, p. 249—266; более краткое изложение см. в: «Istorijski Archiv KPJ», vol. II, 1950, p. 92.

462. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 75.

463. Тито в своем докладе в 1948 г. (см. выше, прим. 451) подробно рассказывает, что этот вопрос был впервые поднят на конференции Балканской федерации в декабре 1922 г. и что как правые, так и левые в КПЮ стояли на одной и той же «неправильной», то есть антинациональной, позиции.

464. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала». М., 1923, с. 33.

465. Наиболее полный отчет о конференции см. в кн.: «Istorija XX Veka: Zbornik Radova», vol. I, 1959, p. 268—282; согласно этому источнику, резолюции были приняты большинством различной величины. В кн.: «Istorijski Archiv KPJ», vol. II, 1950, p. 59, — говорится об «очень значительном большинстве» в пользу левых.

466. Эти резолюции перепечатаны в: Ibid., p. 60—89, в той форме, в которой они появились в «Раднике». Неясно, в какой мере они были видоизменены для целей публикации, чтобы придать им «легальную форму» (ibid., p. 59, 271, где упоминаются «незначительные стилистические изменения»), поскольку оригиналов в наличии не имеется, так как они либо утрачены, либо хранятся в Москве. Резюме резолюции по национальному вопросу, изложенное югославским представителем на V конгрессе Коминтерна спустя шесть месяцев («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, p. 658—660), довольно точно совпадает с напечатанным текстом. Конференция также приняла резолюции о партийной организации, об отношениях с легальной партией и об антивоенной агитации, которые не предназначались для публикации; раздел резолюции о профсоюзах, относящийся к коммунистическим фракциям в профсоюзах, также не был опубликован («Istorija XX Veka: Zbornik Radova», vol. I, 1950, p. 281—282).

467. Istorijski Archiv KPJ, vol. II, 1950, p. 271; одобрение резолюций, как утверждается (ibid., p. 59), было единодушным.

468. Ibid., p. 310—311.

469. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 628—630. Следует отметить, что неортодоксальные статьи Милойковича были также опубликованы в «Раднике». Существует некоторая неуверенность относительно личным взглядов Марковича на национальный вопрос, поскольку они, видимо, не были устойчивыми. В первые годы существования партии сербское большинство, признанным лидером которого он являлся, не уделяло внимания этому вопросу, считая его несущественным. В 1923 г., когда этот вопрос впервые приобрел острый характер, Маркович, находившийся тогда в тюрьме, опубликовал книгу «Национальный вопрос в свете марксизма» («Nacionalno Pitanje v Svetlosti Marksizma»), в которой он признавал, что сербы, хорваты и словенцы являются «тремя нациями», и положительно отзывался о брошюре Сталина 1912 г. по национальному вопросу, но отрицал наличие в Югославии сколько-нибудь массовых требований об отделении или их федерации и выступил за решение в форме автономии.

470. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 658.

471. О докладе Мануильского см. выше, гл. 27.

472. Об этой резолюции см. выше, гл. 27; относительно особого раздела, касающегося Македонии и Фракии, см. выше, с. 000.

473. Об этой конференции и ее резолюции см. выше, с. 163—164.

474. «Междущаствие...», гл. 8.

475. «Bericht über die Tätigkeit der Exekutive der Kommunistischen Internationale vom IV bis V Weltkongress», 1924, S. 43.

476. «Potsetnik iz Istorije KPJ (1919—1941)», 1953, p. 33; «Istorijski Archiv KPJ», vol. II, 1950, p. 271. Относительно резолюции Центрального комитета НРПЮ от 18 июля 1924 г., протестующей против запрещения, см.: ibid., p. 307—

310; однако текст, очевидно, был видоизменен с целью учесть смену правительства в конце этого же месяца.

477. Ibid., p. 483, note 87.

478. «Коммунистический интернационал», 1925, № 2 (39), с. 155—156; тезисы см. в: «Istorijski Archiv KPJ», vol. II, 1950, p. 310—318.

479. Текста тезисов оппозиции не имеется в наличии, но этот абзац процитирован в кн.: Х. Кабакчиев и др. Коммунистические партии балканских стран, 1930, с. 150.

480. Эти документы содержатся в кн.: «Istorijski Archiv KPJ», vol. II, 1950, p. 318—330; относительно СРОЮ см.: ibid., p. 482, note 82.

481. «Коммунистический интернационал», 1925, № 2 (39), с. 155—156; относительно конференции Балканской федерации см. выше, гл. 28, § «ж».

482. «Istorijski Archiv KPJ», vol. I, 1950, p. 331—336.

483. Ibid., vol. II, p. 93, 475, note 19.

484. Ibid., p. 336—343.

485. Ibid., p. 343.

486. По словам югославского делегата на V расширенном пленуме ИККИ в апреле 1925 г., «правая оппозиция вышла из партии, мотивируя свой выход тем, что Коммунистическая партия Югославии обратилась к партии Радича с предложением относительно создания единого фронта» («Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 335). Нет никаких данных относительно какого-либо конкретного обращения к Радичу после допуска его партии в Коминтерн, что произошло за пять месяцев до окончательного раскола в партии; это также не было и главным пунктом расхождений между фракциями.

487. «Календарь коммуниста на 1925 год». 1925, с. 514; здесь освобождение Марковича датируется октябрем 1924 г.

488. Текст соглашения был напечатан в «Правде» и «Известиях» 7 января 1925 г., сопровождаемый энергичными протестами против его подложного характера.

489. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 10, S. 108—110; No. 15, S. 176—178.

490. «Крестьянский интернационал», 1925, № 1—2, с. 18—30 (цифра 1,3 млн. голосов, поданных за «оппозиционный блок», представляет собой гипотетический итог, полученный путем сложения голосов, поданных за национальные партии и левые раскольнические партии); «Die Komintern vor dem 6. Weltkongress», 1928, S. 268.

491. «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 335—336.

492. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 28—29, 53—54.

493. Там же, с. 80—81. Относительно предостережений против антирелигиозных эксцессов в русской партии см.: «Междупарстие...», гл. 1, 3.

494. «Коммунистический интернационал в документах», 1933, с. 373—374.

495. О кризисе в норвежской партии см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

496. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 251; здесь сказано, что ИККИ «уладил разногласия с Хеглундом в надежде, что это приведет к спокойствию в шведской партии».

497. О претензиях к Хеглунду см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 105, S. 1349—1350.

498. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 95.

499. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 344—351, 360—363.

500. Ibid., vol. I, S. 439; vol. II, S. 591.

501. Список членов комиссии см. в: ibid., vol. II, S. 1063. Представители шведской и норвежской партий, несомненно, были заслушаны, но не являлись членами комиссии.

502. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 469—471. Хеглунд первоначально назначил съезд партии на 19 июля 1924 г., то есть через десять дней после окончания работы конгресса Коминтерна («Protokoll: Fünfter

- Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 251).
503. Ibid., vol. II, S. 1035—1044.
504. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 108, S. 1396.
505. Ibid., No. 116, S. 1514. А. Тивель и М. Хеймо («10 лет Коминтерна», 1929, с. 333) датируют резолюцию 8-м августа 1924 г.
506. Об этих событиях сообщается в коммюнике ИККИ, помещенном в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 124, S. 1654—1655. Из примерно восьми тысяч членов партии в референдуме приняли участие 6 064, причем 5 282 проголосовали утвердительно (ibid., 1924, No. 140, S. 1856—1857).
507. Ibid., 1924, No. 117, S. 1529—1530. А. Тивель и М. Хеймо «10 лет Коминтерна». 1929, с. 333) упоминают о двух письмах ИККИ, адресованных партии, от 28 августа и от 1 сентября 1924 г.
508. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 140, S. 1856—1857. По данным мандатной комиссии V конгресса («Ve Congrès de l'Internationale Communiste», 1924, p. 332; ее доклад не был напечатан в немецком издании материалов), шведская партия насчитывала 12 тыс. членов. Однако подобные утверждения, делавшиеся на конгрессах, часто бывали преувеличенными.
509. А. Тивель. 5 лет Коминтерна, 1924, с. 69.
510. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1044.
511. А. Тивель, М. Хеймо. 10 лет Коминтерна. М., 1929, с. 376; «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 203.
512. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.
513. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30. Это было одобрено Коминтерном на заседании американской комиссии, проведенном во время IV конгресса в ноябре 1922 г. Наиболее полное сообщение об этом заседании, материалы которого не были опубликованы, см. в кн.: Т. Draper. The Roots of American Communism, 1957, p. 383—386. Относительно письма ИККИ о принятии Рабочей партии в Коминтерн как сочувствующей партии см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 8, S. 60.
514. О происхождении и развитии ТЮЭЛ см.: J. O'neal, G. Werner. American Communism, 1947, p. 164—179. В одном из отчетов Профинтерна («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1928, No. 8 (31), S. 761) она охарактеризована как «орган Профинтерна в Америке»; о ее втором съезде 1—2 сентября 1923 г. сообщалось там же, (1923, No. 10—11 (33—34), S. 895—896).
515. О Рейнштейне см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23.
516. Существуют некоторые сомнения относительно официального статуса Погани. Фракционные раздоры между многочисленными венгерскими эмигрантами стали докучать Коминтерну в 1922 г., и Погани, по-видимому, был одним из тех, кого желательно было перебросить на другой участок работы (Т. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 57—58), но хотя он и не был официально назначен представителем Коминтерна, он все же весьма эффективно выступал в этой роли.
517. Ibid., p. 38.
518. Ibid., p. 190.
519. Ibid., p. 43—48, 75.
520. Т. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 90.
521. Ibid., p. 82.
522. Ibid., p. 216.
523. Некоторые из наиболее нелепых высказываний Пеппера приведены в: ibid., p. 82—84. Троцкий называл Пеппера «типом приспособленца, политического паразита» (Архивы Троцкого, Т 3129, с. 4).
524. «The Second Year of the Workers Party of America», 1924, p. 56—61 (это доклад Центрального исполнительного комитета съезду); письмо, по-видимому, не было опубликовано Коминтерном.
525. Т. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 89—91. Довольно туманное сообщение того времени о съезде см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 37, S. 292—299.
526. Т. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 106—108.
527. Решение направить делегацию в Москву было принято после дискуссии

о тактике, состоявшейся в Центральном Комитете 15—16 февраля 1924 г. (ibid., p. 103). Оно явилось логическим следствием резолюции, принятой на III съезде, относительно того, чтобы предоставить Коминтерну решить вопрос о Ла-Фоллетте (см. выше, с. 174).

528. Причины и обстоятельства отозвания Пеппера остаются неясными. По словам Лавстоуна («Daily Worker», Chicago, December 13, 1924), Лоре заявил в Нью-Йорке в начале марта 1924 г., что Пеппера нужно убрать. Однако источник его информации не был назван. По словам Фостера, Пеппер предложил пополнить четырьмя новыми членами Центральный исполнительный комитет, с тем чтобы вернуть контроль группе Пеппера — Рутенберга, и его устранение было вызвано протестом Фостера против такого маневра (ibid., December 30, 1924). Во всяком случае устранение Пеппера должно было быть предпринято до прибытия Фостера в Москву, где-то в апреле 1924 г. (точная дата неизвестна, но он все еще находился в Соединенных Штатах 25 марта 1924 г.). Это решение стало известно в Чикаго 11 апреля 1924 г., поскольку в этот день Рутенберг направил Коминтерну письмо с выражением протеста (T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 111, note 44). Пеппер пользовался в Москве хорошей репутацией, о чем свидетельствует его участие в работе V конгресса Коминтерна в июне-июле 1924 г.; в следующем году он был назначен руководителем вновь созданной информационной секции ИККИ («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 69, S. 929).

529. «Daily Worker» (Chicago), May 16, 1924.

530. T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 108.

531. Эти взгляды были выражены в предисловии к книге: Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, б. г. [1924], с. XVII, датированном 20 мая 1924 г.; они должны были быть известны раньше тем, кто принимал участие в дискуссии.

532. T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 108.

533. Ibid., p. 113—114, note 57. Резолюция не появилась ни в одном из изданий Коминтерна. Фостер впоследствии ставил себе в заслугу, что он добавил к первоначальному проекту Коминтерна предложение о том, чтобы выставить коммунистического кандидата (ibid., p. 110).

534. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 6 (41), S. 348—352.

535. Радек, как говорят, выразил недоверие Фостеру и благоволил Рутенбергу (T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 110—112), но это утверждение основано на свидетельстве одного из членов группы Рутенберга, который не присутствовал в Москве.

536. Ibid., p. 114. Троцкий в записке от 4 июня 1924 г. указывал, что решение отказаться от поддержки Ла-Фоллетта «явилось как нельзя более кстати» (Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна, б. г. [1924], с. XVII).

537. T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 115—117.

538. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 52.

539. Ibid., I, S. 304—316, 417—421.

540. Ibid., II, S. 782.

541. Ibid., I, S. 506.

542. Тезисы, предложенные соответственно Фостером и Рутенбергом и опубликованные в «Дейли уоркер» (Чикаго), в сокращенном виде представлены в кн.: «American Labor Year Book, 1925», 1925, p. 161—164.

543. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 1 (38), с. 105—114; 1925, с. 77—79, 100—116.

544. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 35, S. 534—535.

545. Описание полемики, основанное на тогдашних сообщениях, помещавшихся в «Дейли уоркер» (Чикаго), приводится в кн.: J. O'neal, G. Werner. American Communism, 1947, p. 199—202.

Глава 29. Год Локарно

1. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 62—63, 66; другие места из этой речи, относящиеся к Германии, см. выше, гл. 26.

2. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 19—20. Вскоре

Каменев, характеризуя Кулиджа, нового американского президента, сказал, что тот представляет «самые реакционные, финансовые, промышленные и магнатские круги американского империализма и капитализма» (Л. Каменев. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 252).

3. Эта статья была перепечатана в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 8, S. 86—87.

4. М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 103—104.

5. Признания такого рода см. в: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23. Такие же взгляды были распространены и за пределами Советского Союза; Мальцан сообщил английскому послу в Берлине, что Красная Армия «значительно ухудшилась» и уже не может «устоять даже против Польши» (*D'Abernon. An Ambassador of Peace*, vol. III, 1930, p. 120).

6. М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, 1926, с. 154.

7. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.

8. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 12, 14; эта речь впервые была опубликована в 1953 г.

9. Речи 21 января, 4, 16 и 24 февраля 1925 г. (М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, с. 9—14, 40—46, 71—87, 93—106).

10. Там же, с. 82—83. Об обращении Раковского к Италии и Японии с призывом не ратифицировать договор от 28 октября 1920 г., по которому четыре союзных правительства передали Бессарабию Румынии, см. в «Известиях», 20 февраля 1925 г. Об интервью в «Джорнале д'Италия» в том же духе с Юреневым, полпредом в Риме, сообщалось там же 21 февраля 1925 г.

11. «Третий съезд Советов Союза ССР», 1925, с. 84—98.

12. Там же, с. 481—514.

13. «Третий съезд Советов Союза ССР. Постановления», 1925, с. 5—6, 38—44.

14. Брокдорф-Ранцау отметил, что Чичерин любил упоминать об антисоветской коалиции как о «крестовом походе» (Brockdorf-Rantzau Nachlass, 9101/224038) — фраза, напоминавшая об интервенции 1918—1919 гг.

15. М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. III, 1927, с. 79.

16. «Социалистическое хозяйство», 1925, № 4, с. 8—9.

17. «Der Neue Kurs», 1925, S. 33—34. Относительно этого заседания см. выше, гл. 31.

18. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 160.

19. Ibid., 1925, No. 161, S. 2413.

20. См. выше, гл. 26. В меморандуме экономического эксперта немецкого министерства иностранных дел от 11 сентября 1924 г. говорилось о настоятельной необходимости не допустить, чтобы Англия раньше Германии получила доступ на советские рынки («Auswärtiges Amt», 4829/242004—8).

21. Л. Красин. Вопросы внешней торговли. М.—Л., 1928, с. 316—326. Вступительную речь с немецкой стороны произнес Брокдорф-Ранцау, Литвинов также присутствовал («Auswärtiges Amt», 2860/554640—2). Обе речи были полностью опубликованы в «Экономической жизни» от 22 ноября 1924 г.

22. Там же, 15, 20 ноября 1924 г.

23. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28, 29.

24. «Auswärtiges Amt», 4562/154862—5. В беседе между Брокдорф-Ранцау и Чичериным на следующий день, по-видимому, ничего не говорилось о демарше Коппа (ibid., 2860/554605—8).

25. Ibid., 2860/554638. Если иметь в виду так называемую забывчивость Штреземана, подлинную или притворную, относительно этой инструкции (см. выше, с. 197), возможно, имеет значение то обстоятельство, что она была подписана не Штреземаном, а Мальцаном, но ее вряд ли могли отослать без санкции Штреземана. Она была направлена на следующий день после важной германской ноты от 12 декабря 1924 г. генеральному секретарю Лиги Наций, в которой подробно излагались условия Германии (см. выше, гл. 26). Такая последовательность действий стала характерной для дипломатии Штреземана: примирительный жест в сторону Запада сразу же уравнивался соответствующим жестом в сторону Востока.

26. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.
27. «Правда», 17 декабря 1924 г. По словам Хильгера (*G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 130), Шуберт «никогда не скрывал, что он не переносит русских».
28. Позиция Штреземана удачно сформулирована одной фразой в меморандуме от апреля 1925 г.: «Мы не можем подвергать Рейнскую область нескончаемым неприятностям ради того, чтобы угодить русским» («*Stresemann Nachlass*», 3166/7312/158681).
29. О происхождении этого выражения см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.
30. «*Auswärtiges Amt*», 4562/154904—6. Почти через три года Брокдорф-Ранцау сообщил о беседе с Чичериным, в которой тот вспоминал секретные переговоры между Берлином и Москвой в конце 1924 и в начале 1925 г., целью которых было «достичь понимания... по поводу того, чтобы оттеснить Польшу к ее этнографическим границам» (*ibid.*, 1841/419296).
31. *Ibid.*, 2860/554677—9; 4562/154907—9.
32. В начале 1925 г. Копп был назначен советским представителем в Токио (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 42). Поскольку он являлся бывшим соратником Троцкого («Большевистская революция...», т. 3, гл. 28), хотя неизвестно, участвовал ли он в его недавних действиях, возможно, сочли желательным удалить его из Москвы.
33. «*Auswärtiges Amt*», 4562/154921—154930, 156559. Брокдорф-Ранцау впоследствии упоминал о «предложениях Чичерина от 29 декабря» — дата отправки его доклада о них в Берлин.
34. «*Auswärtiges Amt*», 2860/554842—5.
35. *Ibid.*, 4562/154991—2. Посла вряд ли успокоило получение от Шуберта двух меморандумов о германской позиции в отношении Лиги Наций, которые были переданы Д'Абернону (*ibid.*, 4562, 154993—5003).
36. *Ibid.*, 4562/155006—9.
37. *Ibid.*, 4562/155024—7. Относительно поворота к Азии, примером чего может служить советско-японский договор от 20 января 1925 г., см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 37.
38. «СССР. Центральный Исполнительный комитет 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 31—34.
39. Там же, с. 60.
40. «*Auswärtiges Amt*», 4562/155014—6. В варианте, помещенном в кн.: «*Gustav Stresemann Vermächtnis*», vol. II, 1932, S. 512, — отсутствуют абзацы, относящиеся к советскому предложению заключить договор о нейтралитете.
41. «League of Nations: Official Journal», April 1925, p. 490.
42. «*Auswärtiges Amt*», 4562/155068—155090.
43. *Ibid.*, 4562/155141—4, 155146—51.
44. *Ibid.*, 4562/155178—81. Болезнь Чичерина, возможно, была дипломатической; он имел непродолжительную беседу с Брокдорф-Ранцау на следующий день, но не захотел ничего добавить к тому, что сказал Литвинов (*ibid.*, 4562/155182). Меморандум, переданный Литвинову, был также вручен Крестинскому в Берлине (*ibid.*, 4562/155229—42) и помещен в кн.: *T. Schieder. Probleme des Rapallo-Vertrags*, 1976, S. 75—82.
45. Председатель Верховного суда Зимонс, исполняя обязанности президента в промежуток между смертью Эберта и избранием Гинденбурга, направил письмо канцлеру 20 марта 1925 г. с предложением, чтобы Брокдорф-Ранцау был отозван в Берлин для обсуждения последствий членства Германии в Лиге Наций («*Auswärtiges Amt*», 1692/397761—5). Имеющиеся материалы не дают возможности установить, действительно ли прибыл Брокдорф-Ранцау в соответствии с инструкциями или по собственной инициативе.
46. *Ibid.*, 4562/155211—15.
47. «*Stresemann Nachlass*», 7129/147779—80.
48. «*Auswärtiges Amt*», 4562/155203—8, 155223—9. Текст первой беседы, помещенный в кн.: «*Gustav Stresemann Vermächtnis*», 1932, vol. II, S. 513—514, значительно сокращен, и в нем ошибочно утверждается, что беседа происходила до прибытия Брокдорф-Ранцау из Москвы. Упоминание Штреземана о «секрет-

ном договоре с Россией» непонятно, поскольку в первоначальном советском предложении речь шла об открытом договоре; однако Штреземан, по-видимому, отказался от мысли о его оглашении, поскольку это могло бы оказаться роковым для переговоров с Западом. Чувствительность немцев в этом отношении правильно объяснена в кн.: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs. 1930, vol. II, p. 606*: «Берлин не хотел повторения рапалльского скандала».

49. См. выше, гл. 31.

50. «Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 227.

51. Однако Сталин несколько дней спустя пришел к мысли, что хотя «империалистические группы передовых стран», возможно, смогут «сговориться» насчет единого фронта против Советского Союза, нет никаких оснований предполагать, что подобное соглашение может быть прочным или успешным (*И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 100*).

52. Выдержки были опубликованы в «Чикаго трибюн» 6 марта 1925 г., а полный текст — в «Уорлд» (Нью-Йорк) 10 мая 1925 г. В ответе Рамсею Макдональду в палате общин 11 мая Остин Чемберлен отказался сделать какое-либо заявление, утвердительное или отрицательное, относительно подлинности этого документа и добавил: «Не в государственных интересах предоставлять информацию о том, какие именно меморандумы подготавливаются в министерстве иностранных дел для моего рассмотрения или использования» («House of Commons: Fifth Series», vol. CLXXXIII, p. 1454—1456). Это было воспринято как признание того, что меморандум был написан в министерстве иностранных дел, хотя и не самим Чемберленом. Слухи приписывали его авторство Тирреллу, бывшему в то время помощником заместителя министра. По словам Никольсона (*H. Nicolson. George the Fifth, 1952, p. 405*), документ был подготовлен после совещания «всех старших и некоторых младших сотрудников» аппарата министерства иностранных дел, созданного Чемберленом. Чемберлен, изыщно «экономия» истину, отрицал в беседе с Раковским, что подобный меморандум «когда-либо выходил из этого министерства» («A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927», Cmd. 2895. 1927, p. 40). Этот документ, по-видимому, никогда не перепечатывался по-английски, однако немецкий перевод под названием «Секретный меморандум Чемберлена от 20 февраля 1925 г.» появился в журнале «Europäische Gespräche», No. 9, 1925, S. 460—463, а русский перевод — в «Международной летописи», 1925, № 8—9, с. 77—80. Штреземан информировал рейхстаг, что Остин Чемберлен отрицает подлинность меморандума, и был осмеян Радеком в «Правде» 27 ноября 1925 г. как «почти невинная девица». Позднее Штреземан говорил Крестинскому, что Чемберлен заврлил его в том, что меморандум был «выдумкой с начала до конца» («Gustav Stresemann Verwächtnis», vol. II 1932, S. 529). Если бы это было правдой, то непонятно, почему Чемберлен не отрицал его подлинности в палате общин.

53. «Третий съезд Советов Союза ССР», 1925, с. 87, 95—96.

54. Там же, с. 97. Несколькими днями ранее Д'Абернон в своих записях выразил надежду, что «вступление Германии в Лигу Наций окажет решающее влияние на отношения между Москвой и Берлином» (*D'Abernon. An Ambassador of Peace, vol. III, 1930, p. 163*).

55. «Известия», 24 мая 1925 г.

56. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 114, S. 1581—1583.

57. *И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 57*.

58. *R. Fischer. Stalin and German Communism. 1948, p. 391*.

59. «Die monarchistische Gefahr und die Taktik der KPD», 1925; цитировано: *ibid.*, p. 427—428.

60. См. выше, с. 188.

61. «Auswärtiges Amt», 4562/155328—42 (опубликовано в кн.: *T. Schieder. Probleme des Rapallo-Vertrags, 1956, S. 82—87*). Эта же линия была продолжена в передовой статье в «Известиях» от 12 июня 1925 г., которая заканчивалась предупреждением, что если Германия согласится с замыслами Запада, то «Советскому Союзу придется позаботиться о защите своих интересов на

ином пути, нежели укрепление и расширение политических и экономических связей с Германией».

62. «Auswärtiges Amt», 4562/155320—3. Проект, в котором повторялись основные положения меморандума, переданного Литвинову 7 апреля 1925 г. (см. выше, с. 188), несколько раз перерабатывался и, наконец, был одобрен 21 июня 1925 г. (ibid., 4562/155443—7). Окончательный текст с подписью Штреземана можно найти в: ibid., 4562/155449—56; он опубликован в кн. *T. Schieder. Probleme des Rapallo-Vertrags*. 1956, S. 87—91. Формула преамбулы, очевидно, была подсказана советско-чехословацким договором от 5 июня 1922 г. (см. выше, гл. 32).

63. «Auswärtiges Amt», 4562/155357—9; в сокращенном виде приведено в кн.: «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1932, S. 516. Непосредственно перед встречей с Крестинским Штреземан принял Д'Абернона и сказал ему, что «если вследствие вступления в Лигу Наций мы действительно поставим под удар наши отношения с Россией, мы должны получить соответствующую компенсацию» (ibid., S. 102).

64. «Auswärtiges Amt», 4562/155374—84; Литвинов, разыгрывая польскую карту в перевернутом виде, высказал предположение, что если Германия будет упорствовать в своей западной политике, то Польша, возможно, «попытается установить контакт с Россией».

65. Ibid., 4562/155427—32; в сокращенном виде см. в: «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1932, S. 518—519.

66. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 28.

67. Наиболее полное из имеющихся описаний этого инцидента, со ссылками на источники, содержится в статье, помещенной в: «Journal of Central European Affairs», 1961, vol. XXI, No. 2, p. 188—199. Основными источниками являются архивы германского министерства иностранных дел, а также кн.: *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 140—147. В случае расхождения в сведениях следует предпочесть именно эту книгу, а не кн.: *K. Kindermann. In the Toils of OGPU* (Engl. transl., 1933). Отчеты Брокдорф-Ранцау об этом аресте и о его представлениях Наркоминделу см. в: «Auswärtiges Amt», 2860/554653, 554750, 554806.

68. «Международствие...», гл. 9.

69. Подробности см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 66, S. 892. В кн.: *A. Brandt. Der Tscheka-Prozess*, 1925, — содержатся материалы о нарушениях в ходе процесса, подготовленные одним из адвокатов обвиняемых.

70. «Auswärtiges Amt», 2860/554783—5. Чичерин сделал аналогичные представления Брокдорф-Ранцау (ibid., 2860/554838).

71. Об этой беседе см. выше, прим. 48. 21 июля 1925 г. Крестинский снова сделал представление Штреземану о том, чтобы смертный приговор Скоблевскому не был приведен в исполнение («Auswärtiges Amt», 4562/155620).

72. Речь Крыленко была опубликована в «Правде» 3 июля 1925 г. и перепечатана в кн.: *Н. В. Крыленко. Судебные речи 1922—1930*. 1931, с. 61—98.

73. «Auswärtiges Amt», 4562/155568—9.

74. Ibid., 4829/242047—8.

75. Ibid., 4562/155568—9.

76. Это хорошо изложено в общих чертах в кн.: *L. Fischer. The Soviets in the World Affairs*. 1930, vol. II, p. 583—590.

77. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 37.

78. «Auswärtiges Amt», 4829/242127.

79. Ibid., 2860/555311—4; «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1932, S. 150.

80. *L. Fischer. The Soviets in the World Affairs*, 1930, vol. II, p. 589. В 1923 г. германское правительство выплатило в качестве аванса половину стоимости 20 млн. пудов советской пшеницы, которую должны были купить германские импортеры, причем этот аванс должен был расходоваться на немецкие товары для Советского Союза («Auswärtiges Amt», 5265/317020—2; см. также: «Международствие...», гл. 1). Предложение об аналогичном авансе

в 100 млн. марок под залог урожая 1924 г. обсуждалось, но, по-видимому, ни к чему не привело («Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte», vol. II, 1955, S. 317, note 94). Шлезингер, коммерческий эксперт министерства иностранных дел, писал Брокдорф-Ранцау 22 января 1928 г., что «порученные мне переговоры о кредите оказываются чрезвычайно трудными» («Brockdorf-Rantzau Nachlass», 9101/227171—2).

81. «Auswärtiges Amt», 4562/155609—12.

82. Ibid., 4562/155599, 155610. Замечание по поводу «тоста», очевидно, было воспринято болезненно, и Штреземан напомнил о нем в беседе с Крестинским 25 декабря 1925 г. («Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1932, S. 532—533).

83. G. Hilger. Wir und der Kreml 1955, S. 145.

84. «Правда», 10 июля 1925 г.

85. Текст меморандума содержится в: «Auswärtiges Amt», 2860/555443—55. Хильгер (G. Hilger. Wir und der Kreml. 1955, S. 180) расценивает его как поворотный пункт в германской политике. Относительно «директив» см. выше, с. 190—191.

86. «Auswärtiges Amt», 4484/096333—5; 096349—51; 5265/316915. Цитаты из германских архивов, приведенные в: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», vol. V, 1957, No. 3, S. 473—474, показывают, что давление в пользу заключения соглашения исходило по политическим соображениям из министерства иностранных дел и что другие министерства относились к этому прохладно или враждебно.

87. «Auswärtiges Amt», 4484/096340—4.

88. Ibid., 2860/555546.

89. Был момент, когда Брокдорф-Ранцау предложил прервать торговые переговоры и отправить делегацию на родину, но Штреземан это запретил (ibid., 4562/155642, 156655). В данном случае в Берлине проявили больше реализма, чем в Москве.

90. Ibid., 4562/155723—7. Накануне Д'Абернон записал в свой дневник предсказание, что предлагаемый договор о безопасности «избавит Германию от угрозы оказаться в объятиях России» (D'Abernon. An Ambassador of Peace, vol. III. 1930, p. 184).

91. «Le Temps», 8 août 1925.

92. «Auswärtiges Amt», 9524/671528.

93. Ibid., 2860/555743—8. Согласно докладу, который сделал Брокдорф-Ранцау об этом разговоре, Литвинов по возвращении принял руководство европейскими делами, а Чичерин — дальневосточными. Других свидетельств о таком разделении функций нет. За две недели до того Брокдорф-Ранцау сообщал, что Литвинов пользуется «гораздо большим влиянием», чем Чичерин; это могло служить симптомом возрастающей власти Сталина.

94. Ibid., 2860/355732.

95. «Известия» от 8 сентября 1925 г. в передовой статье, озаглавленной «Сложные маневры Италии», сокрушались по поводу участия Италии в гарантийном пакте.

96. «Auswärtiges Amt», 2860/555865.

97. Ibid., 4562/155849—51, 155855—6.

98. Ibid., 4562/155868.

99. См. выше, гл. 32.

100. «Известия» от 1 октября 1925 г. писали, что этот визит «не является какой-либо демонстрацией против Германии», поскольку пытается изолировать Советский Союз и подстрекает его соседей не кто иной, как Англия. Действительно, Советский Союз считал Англию, а не Германию, подлинным противником. Однако Чичерин знал, что он не может произвести никакого впечатления на первую страну, и хотел произвести впечатление на вторую.

101. «Auswärtiges Amt», 2860/555899—910, в значительно сокращенном виде эта беседа изложена в кн.: «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1932, S. 523—526. Забывчивость Штреземана, как представляется, была искренней, но удивительной; эта фраза встречается не только в инструкциях от 13 декабря 1924 г. (см. выше, с. 183), но и в инструкциях от 19 марта 1925 г. (см. выше,

- с. 187), а согласно Хильгеру и Мейеру (*G. Hilger, A. Meyer. The Incompatible Allies*, 1956, p. 124), она была общепринятой формулой.
102. «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1932, S. 526; Шлезингер сообщал Брокдорф-Ранцау 2 октября 1925 г., что «немецко-русский торговый корабль» наконец «после бурного плаванья на протяжении нескольких лет» достиг «мирной гавани» (Brockdorf-Rantzau Nachlass, 9101/227160).
103. Записка по этому вопросу, представленная Штреземаном кабинету, содержится в: «Auswärtiges Amt», 2860/555923.
104. «Deutsche Allgemeine Zeitung», 2 Oktober 1925; *F. von Rabenau. Seeckt: Aus seinem Leben*, 1918—1936, 1940, S. 420.
105. Эта просьба была высказана в Москве в беседе 24 сентября 1925 г. с Брокдорф-Ранцау (см. выше, прим. 97).
106. «Auswärtiges Amt», 2860, 555911—7; дата, неправильно здесь приведенная как 1 октября, исправлена на 2 октября в досье Шуберта (*ibid.*, 4562/115922). Как утверждает Фишер (*L. Fischer. The Soviets in World Affairs*, 1930, vol. II, p. 606), который, несомненно, передает впечатления Чичерина, «Штреземан дал определенное обязательство Чичерину не соглашаться на Локарно и не вступать в Лигу без предшествующего изменения статьи 16».
107. *H. von Dirksen. Moscow, Tokyo, London (Engl. transl.)*, 1951, p. 68; эта подробность отсутствует в немецком оригинале книги.
108. «Известия», 4 октября 1925 г.; еще одно интервью, данное «Дейче альгемайне цейтунг» 4 октября, появилось в «Известиях» 6 октября 1925 г.
109. «Auswärtiges Amt», 4562/115931—4.
110. См. выше, гл. 32.
111. *H. von Dirksen. Moskau, Tokio, London. Stuttgart*, n. d., 1949, S. 70.
112. Об этом интервью см. выше, гл. 33.
113. «Gustav Stresemann Vermächtnis», vol. II, 1032, S. 527—528.
114. «Stresemann Nachlass», 7319/160080.
115. Русский и немецкий оригиналы текстов, с французским и английским переводами, имеются в: «League of Nations: Treaty Series», vol. LIII, 1926, p. 157—160; немецкие тексты — в: «Auswärtiges Amt», 2860/555927—6087. Речи, произнесенные Литвиновым и Брокдорф-Ранцау на банкете после подписания, и интервью для прессы Брокдорф-Ранцау см. в: «Правда», 13 октября 1925 г.
116. Завершающие переговоры в Москве, очевидно, проводились частично Шлезингером, коммерческим экспертом германского министерства иностранных дел. Меморандум по этому вопросу, направленный им Шуберту из Москвы 7 октября 1925 г., содержится в: «Auswärtiges Amt», 4829/242197—201.
117. «Известия», 6 октября 1925 г.; *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 181—182.
118. Таковы были основные пункты телеграммы, посланной Шубертом в Москву 23 октября 1925 г. («Auswärtiges Amt», 4562/155981—4).
119. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 145, S. 2144—2145.
120. *Ibid.* No. 148, S. 2206—2208; No. 150, S. 2219—2221; No. 152, S. 2279—2280; No. 153, S. 2293—2295; No. 154, S. 2310—2312; No. 156, S. 2340—2342; No. 157, S. 2357—2358. Первые пять частей работы появились также в «Известиях» от 22, 24, 25, 31 октября и 5 ноября 1925 г.
121. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 160, S. 2402.
122. «Правда», 1 декабря 1925 г. Об этой речи см.: «Социализм в одной стране...», т. I, гл. 6.
123. О работе конференции сообщалось в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 155, S. 2328—2333; No. 156, S. 2345—2350; No. 157, S. 2363—2367.
124. «Известия», 27 ноября 1925 г.
125. «Verhandlungen des Reichstags», vol. CCCLXXXVIII, 1925, S. 4512—4513, 4525.
126. *D'Abernon. An Ambassador of Peace*, vol. III, 1930, p. 191.
127. *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 129.
128. *H. von Dirksen. Moskau, Tokio, London. Stuttgart*, n. d. (1949), S. 75.

Глава 30. Коминтерн: V пленум ИККИ

1. I и II расширенные пленумы ИККИ проходили в феврале и июне 1922 г. (об этом новшестве см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30). III пленум был в июне 1923 г. и сыграл важную роль в германских делах («Междущарствие...», гл. 7). IV пленум последовал непосредственно за V конгрессом Коминтерна в июле 1924 г. V пленум в марте-апреле 1925 г. был необычайно многочисленным и представительным. В нем участвовали 244 делегата, которые представляли 34 страны, из них 104 делегата — с решающим голосом; 37 из этого числа были постоянными членами ИККИ («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 474). Зиновьев, характеризуя его, сказал, что он имел «значение, в сущности говоря, конгресса» («Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 217). Начиная с «VI расширенного пленума» в феврале-марте 1926 г. и далее нумерация, до этого неофициальная, была признана официально.

2. См. выше, гл. 31.

3. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 30, S. 344—345.

4. Ibid., No. 126, S. 1681.

5. Ibid., No. 148, S. 2001.

6. Ibid., No. 149, S. 2002—2004; «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 391 (резолюцию, протестующую против «белого террора» в Эстонии, см. там же, с. 491—492).

7. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 154, S. 2095.

8. Ibid., No. 162, S. 2212.

9. «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 341.

10. Передовая статья в «Известиях» от 4 декабря 1924 г. считала само собой разумеющимся, что восстание вспыхнуло «внезапно и стихийно», и обливала презрением тех, кто приписывал его «подстрекательству Москвы» или «советской пропаганде». Несколько дней спустя советский полпред в Стокгольме подчеркнул в интервью в шведской печати «вздорность газетных сообщений о причастности СССР и Коминтерна к ревельским событиям» (там же, 16 декабря 1924 г.). Никакого другого официального опровержения не было, по-видимому, сделано ни из советских, ни из коминтерновских источников. Некролог в коминтерновском журнале заканчивался выводом, что «партия сделала одну основную ошибку — она переоценила активность рабочих масс», и, не вдаваясь в рассуждения о причинах, некролог указывал, что партия «вынуждена была пойти на «преждевременное» выступление» («Коммунистический Интернационал», 1925, № 1 (38), с. 128). В более позднем официальном сообщении Коминтерна просто было сказано, что «наша партия единодушно решила организовать восстание, чтобы свергнуть господство буржуазии» («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 341). Конфиденциальная записка, принадлежащая неизвестному, но хорошо информированному автору, очевидно, написанная зимой 1925/26 г. и сохранившаяся в архиве Троцкого (Т 857 — памятка, сделанная по черком Троцкого, в которой эта записка приписывается Радеку и датируется «перед VI конгрессом», то есть 1928 г., вероятно, помещена не на месте и, по-видимому, совсем не относится к этому документу), выражает искреннее недоумение: «Мы не знаем отношения ИККИ ни к болгарским, ни к эстонским событиям. Мы не только не знаем хотя бы подлинного отношения ИККИ к этим событиям, но даже его политического суждения о них, поскольку ИККИ отказался дать им какую-либо четкую публичную оценку». Согласно наиболее общепринятому предположению, лично ответственным был Зиновьев (например, в кн.: V. Serge. Mémoires d'un Révolutionnaire. 1951, p. 194, утверждается, что Зиновьев «был инициатором этой глупой авантюры»; обстоятельные рассказы в таком же духе содержатся в кн.: Г. Беседовский. На путях к термидору, 1931, т. I, с. 152, 153; W. Krivitsky. I was Stalin's Agent, 1939, p. 65; эти авторы единодушны в осуждении Зиновьева, но расходятся во всех других пунктах). Более правдоподобной представляется версия, что эта попытка была предпринята одной из тех военных или террористических групп, которые функционировали на периферии партии и которые в Москве были скорее подчинены ОГПУ, чем Коминтерну (относительно этих групп в Германии и Польше см.: «Между-

царствие...», гл. 9). В преступном взрыве бомбы в Болгарии в апреле 1925 г., который обычно связывали с эстонским восстанием, в конечном счете была уличена «военная организация» болгарской партии (см. выше, гл. 31).

11. Зиновьев впоследствии ставил в один ряд «уроки нашего поражения в Германии в 1923 г., двух поражений в Болгарии (т. е. в июне и сентябре 1923 г.) и... последнего поражения в Ревеле» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1927, с. 13). Итоговую оценку Троцкого см. ниже, прим. 33.

12. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 4.

13. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 26—28. Относительно предыдущей речи Сталина об опасности интервенции и необходимости укреплять Красную Армию см. выше, гл. 29.

14. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 35. Об этой беседе см. выше, гл. 31.

15. Зиновьев позднее специально отождествил «стабилизацию капитализма», о которой говорилось на V пленуме ИККИ, с «равновесием сил», охарактеризованном как «относительное» и «весьма неустойчивое», которое Ленин диагностировал на III конгрессе Коминтерна в 1921 г. В 1924—1925 гг., «когда положение стало гораздо более четко определенным», формула «равновесие» привела к формуле «стабилизация» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». 1926, с. 641—642). Одна из трудностей, связанных со словом «стабилизация», заключалась в том, что в Декларации об образовании СССР, принятой в декабре 1922 г. («Большевистская революция...», т. 3, гл. 30), говорилось о «неустойчивости международного положения», требующей единого фронта советских республик.

16. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 52.

17. Там же, с. 55.

18. Там же, с. 57—58. Первые четыре задачи были таковы: 1) полностью использовать все противоречия в лагере буржуазии; 2) «...двинуть вперед и довести до конца дело сближения рабочего класса передовых стран с национально-революционным движением колоний и зависимых стран»; 3) способствовать единству профдвижения; 4) способствовать сближению пролетариата с мелким крестьянством. Относительно пятой задачи см. выше, с. 216.

19. «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 6.

20. Там же, с. 33—58.

21. Там же, с. 173—184. На мысль о том, что Варга является автором этого выражения, наводит предыдущее высказывание Зиновьева (там же, с. 37), заявившего, что в отдельных странах наблюдается улучшение промышленной конъюнктуры и что «не Варга виной этому». В сноске к этой фразе поясняется, что Варга в своих трудах «описал наметившуюся кое-где временную стабилизацию капитализма».

22. Там же, с. 426—427.

23. См. выше, гл. 27, 28.

24. Согласно немецкому тексту, который может претендовать на достоверность, поскольку Зиновьев выступал по-немецки, Зиновьев сказал: «Наша сессия представляет собой стабилизационное заседание к нашей стабилизации» («Protokoll der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale», 1925, S. 336). Русский переводчик ничего не мог, по-видимому, понять в этом загадочном афоризме, и в русском варианте сказано: «Наша сессия — «сессия большевизации» компартий» («Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 443).

25. «Коммунистический Интернационал в документах». 1933, с. 475. Об основной части тезисов см. ниже, с. 210—211.

26. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4 (41), с. 5.

27. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1927, с. 4.

28. «Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 235, 240.

29. «ВКП(б) в резолюциях», ч. II, 1941, с. 26—27; об этой резолюции см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 12.

30. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 91, 95.

31. Их выступления были помещены в журнале «Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 153—188, и перепечатаны в виде брошюры: *Е. Варга, Л. Троцкий, К. Радек*. К вопросу о стабилизации мирового хозяйства, 1925.

32. См. выше, гл. 34.

33. В неопубликованной записке, написанной через три года и сохранившейся в архивах Троцкого, Троцкий заклеил восстание в Эстонии и преступление в Болгарии как «взрывы отчаяния, возникшие из-за ложной ориентации», и «попытки формировать исторический процесс путчистскими методами», но далее охарактеризовал «правый курс», принятый весной 1925 г., как «попытку полуслепую, чисто эмпирического и запоздалого приспособления к замедлению развития революции, созданному поражением 1923 г.» (Т 3117, с. 106, 112).

34. «Правда», 19 июня 1925 г.

35. См. выше, гл. 27.

36. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 292—294. Об этой статье см. выше, гл. 26. Контрреволюционное влияние бывших социал-демократов было проанализировано Каменевым в его докладе в сентябре 1924 г. на пленуме Центрального Комитета Комсомола, в которой он также подчеркнул связь «всех оппортунистических элементов» в иностранных партиях с русской оппозицией (*Л. Каменев*. Статьи и речи, т. XI, 1929, с. 100—101).

37. Большая статья Зиновьева, направленная против троцкизма, заканчивалась требованием «большевизации всех слоев партии» («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11).

38. Это письмо впервые появилось в «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 12, S. 135—137, а также в «Правде» от 18 января 1925 г., где оно было адресовано «К расширенному пленуму ИККИ». Оно было напечатано в виде статьи в журнале «Коммунистический Интернационал», 1925, № 1 (38), с. 1—9, под заглавием «Большевизация партий Коминтерна».

39. Наиболее точный диагноз этой ситуации можно найти в анонимной записке в архивах Троцкого: этот документ процитирован выше, прим. 10.

40. Об аргументе относительно того, являлся ли Макдональд своего рода Керенским, см. выше, гл. 28.

41. «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1926, с. 64.

42. Там же, с. 72—75. В своей более поздней речи Зиновьев упоминал, по-видимому, о той же статье Крейхиха, которая была опубликована без его ведома и согласия в брошюре о чистке партии и методах Коминтерна, выпущенной одним из исключенных членов чехословацкой партии (там же, с. 440—441). Эта тема не была новой. Бухарин в 1928 г. цитировал неопубликованное письмо Ленина (дата не приводилась), адресованное ему и Зиновьеву: «Если вы будете гнать всех не особенно послушных, но умных людей, и оставите себе лишь послушных дураков, то вы несомненно уничтожите партию» («Protokoll: Sechster Kongress der Kommunistischen Internationale», vol. I, 1928, S. 552—553); тем не менее, нет никаких указаний на то, что Ленин думал о Коминтерне.

43. «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 79.

44. Там же, с. 204—211.

45. Там же, с. 227—228. Эта насмешка, видимо, задела Зиновьева, который ответил, что Крейхих напоминает ему Пауля Леви (там же, с. 440).

46. Там же, с. 439—441.

47. Там же, с. 441—443; в немецком тексте этого отрывка («Erweiterte Exekutive der Kommunistischen Internationale», 1925, S. 336) первая фраза гласит: «Давайте стабилизируем себя и большевизируем наши партии», не отождествляя эти две операции. За данным отрывком сразу же следовала процитированная выше фраза, в которой немецкий и русский тексты также расходятся.

48. Там же, с. 488.

49. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 474—495; цитируемые отрывки см. на с. 475, 495.

50. Радек, всегда готовый скрестить шпаги с Зиновьевым, едко заметил, что «...большевистские партии не рождаются под лозунгом большевизации экономики, большевизации политики» и что «...большевистская умелая политика

прежде всего зависит от правильного учета сил в своей стране, от умения зацепиться за ежедневные интересы рабочего класса» (доклад 19 февраля 1925 г. в Коммунистической академии, опубликован в кн.: «Мировая политика в 1924 году», 1925, с. 27); но это было до расширенного пленума ИККИ.

51. См. выше, с. 207—208.

52. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4 (41), с. 5—21.

53. «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 364—384.

54. Там же, с. 399—400. О Неймане см. выше, гл. 31.

55. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 506—507. О резолюции русской партии от 20 января 1925 г. см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.

56. Зиновьев отмечал тогда, не делая никаких особых выводов, «известный параллелизм в развитии Коммунистического Интернационала и нашей собственной революции» («Четырнадцатая Конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 217).

57. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 19. Бела Кун, который через несколько лет писал о лозунге большевизации, приписывал его «поражению немецкого пролетариата в октябре 1923 г.» и «появлению троцкизма на сцене» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1929, No. 25, S. 562).

58. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

59. «Die Internationale», 1924, vol. VII, No. 4, S. 156.

60. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 106.

61. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 397.

62. «Report of the Seventh Congress of the CPGB», n. d., p. 181.

63. См. выше, гл. 25, 27.

64. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 58; об этой статье см. выше, с. 205.

65. Этот аргумент использовался против «социализма в одной стране» в одной неопубликованной заметке Троцкого, написанной зимой 1925—1926 гг. (Архивы Троцкого, Т 3007, или, в слегка исправленном виде, Т 3017).

66. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 12.

67. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

68. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.

69. Об уставе Коминтерна и партий см. там же.

70. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 104.

71. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 495.

72. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 9 (46), с. 64.

73. «ВКП(б) в резолюциях», т. II, 1941, с. 59. На этом съезде Скрыпник, как ни странно, выразил недовольство тем, что русская партия не играет достаточно значительной роли в делах ИККИ («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 684—685).

74. Эмбер-Дро в письме Зиновьеву от 1 февраля 1924 г. назвал Бордигу «интеллигентом, который считает невозможным духовно подчиняться коллективной дисциплине партии» (Humbert-Dro archives, 0013); см. выше, гл. 28, по поводу его аналогичного суждения о Суварине. Зиновьев в своем сообщении в марте 1924 г. на Франкфуртском съезде КПГ в благожелательном духе противопоставил рабочих «лидерам из интеллигенции» (см. там же), а на V конгрессе Коминтерна он подтрунивал над Коршем, Лукашем и Грациадени как над «профессорами» («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 53). Спор относительно интеллигентов принял острый характер во французской партии. «Юманите» 19 марта 1925 г. писала, что «если товарищи из рабочих иногда делают синтаксические ошибки, то они не совершают политических ошибок, которые совершают международные правые». На VI пленуме ИККИ в феврале-марте 1926 г. Бухарин обвинял ультралевых в КПГ в том, что им «чуждо это глубокое доверие к силе рабочего класса», а Урбанс обвинял его в том, что он начинает «травлю интеллигентов» («Коммунистический Интернационал», 1926, № 3 (52), с. 54, 102).

75. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

76. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 2 (51), с. 85—86.

77. Зиновьев на XIV съезде русской партии в декабре 1925 г. отметил «некоторый рецидив ультралевого уклона в Коминтерне» как характерную черту периода 1924—1925 гг. («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 664); Бухарин на VII съезде Комсомола в марте 1925 г. говорил, что это имело место «в прошлом году, в момент завершения этого отступления, которое проделал Коммунистический Интернационал» (то есть признания стабилизации), и провел сравнение с усилением одной ультралевой группы среди большевиков после поражения 1905 г. («VII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи», 1926, с. 267). (Ошибка автора: данное высказывание принадлежит Ломинадзе. — *Прим. ред.*)

78. Французскую партию обвиняли весной 1926 г. в том, что она «отсекает старые кадры механически», и «обновление за последние годы ее кадров» было «особенно характерным в физиономии Французской коммунистической партии» («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 593). Однако подобное положение, хотя, возможно, в менее заметном виде, существовало и в других партиях.

79. В апреле 1925 г. на конференции, организованной информационным отделом ИККИ, было решено создать в этом отделе специальный сектор «для борьбы с социал-демократией» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 69, S. 934).

80. Зиновьев охарактеризовал это как функцию Коминтерна, заключающуюся в том, чтобы провести корабль между Сциллой и Харибдой правых и ультралевых, поскольку «...один уклон всегда питает другой уклон» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 665).

81. См. об этом выше, гл. 36.

82. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

83. На XIV съезде русской партии в декабре 1925 г. Мануйльский сказал: «Тактика единого фронта с крестьянством в России соответствовала тактике единого рабочего фронта на Западе как средству завоевания нашими компартиями масс» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 693).

84. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 495—506; доклад Бухарина, предварявший тезисы, см. в: «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 304—338.

85. О дебатах по этому вопросу см. в: «Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 338—363.

86. См. выше, гл. 27.

87. См. выше, гл. 31.

88. См. выше, гл. 32.

89. Об этих резолюциях см. выше, гл. 34, а также «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 39. Речь Фостера при представлении резолюций опубликована в журнале «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 68, S. 923, а в официальном отчете сокращена до простого заявления о том, что резолюции были представлены и приняты («Расширенный пленум Исполкома Коминтерна», 1925, с. 472).

Глава 31. Коминтерн и компартии (2)

1. См. выше, гл. 30.

2. См. выше, гл. 28.

3. См. там же. В статье, опубликованной 17 декабря 1924 г., Сталин перешел в наступление на Троцкого по вопросу о «построении социализма в одной стране». Он его назвал человеком, «безудержно бичующим германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 361). В этой статье Сталин обнаружил стремление быть более снисходительным к КПП.

4. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 34—41. «Правда» опубликовала интервью 3 февраля 1925 г. под заголовком «Тов. Сталин о перспективах КПП и о большевизации».

5. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.

6. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 583—587.

7. Письмо не публиковалось: о его содержании можно судить по ответу Сталина.

8. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 42—47 (см. также «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 4). Рут Фишер, описывая этот эпизод в своей работе «Сталин и германский коммунизм» (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948), не совсем точно передает интервью Герцогу и умалчивает о письме ЦК от 11 февраля 1925 г. При всем этом она непрерывно жалуется на русское вмешательство в дела КПГ, игнорируя тот факт, что и она, и другие руководители КПГ просили о таком вмешательстве. Фишер характеризует ответ Сталина Маслову от 28 февраля 1925 г. как «предложение и угрозу». Уже годом раньше Сталин делал авансы Маслову (см. выше, гл. 28). Нет, однако, никаких указаний на то, что он готов был их повторить. Наиболее вероятно, что его письмо содержало угрозу или, по меньшей мере, повторное заверение в нежелании связывать себя заранее с одной из сторон в германском вопросе. В язвительной статье, опубликованной в немецком партийном журнале, Рут Фишер ответила на содержащийся в интервью Герцогу протест Сталина против исключения из партии «всех, кто думает по-иному». Она сослалась на один из подзаголовков в сталинской работе «Об основах ленинизма»: «Партия укрепляет себя тем, что очищает себя от оппортунистических элементов». Фишер добавила, что «в германской партии опасность левых абстрактных рассуждений все еще значительно меньше опасности правых уклонов» («*Die Internationale*», 1926, vol. VIII, No. 3, S. 106, 110). Советская заинтересованность в Маслове дала о себе знать в запросе Крестинского Штреземану по этому делу. Штреземан ответил, что Маслов вскоре предстанет перед судом и что прокуратура намерена потребовать его осуждения на длительное тюремное заключение («*Auswärtiges Amt*», К 281/096797). О дальнейших дипломатических шагах по делу Маслова см. выше, с. 237—238.

9. Это решение внесено в заключительный доклад Контрольной комиссии, опубликованный в резолюциях V расширенного пленума ИККИ («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 525).

10. Предложения Маслова содержались в неопубликованной записке, адресованной Центральному комитету КПГ и в статье в журнале берлинской партийной организации «Ди Функе» от 25 марта 1925 г. Статья не обнаружена, но на нее ссылается Р. Фишер в книге «Сталин и германский коммунизм», с. 416—417. Из этого совершенно очевидно следует, что предложения предшествовали кризису, порожденному отношением к президентским выборам.

11. «Большевик», 1925, № 5—6, с. 5—6. О более ранних аналогичных оценках см. выше, гл. 27, 28, 30.

12. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 48—49.

13. Там же, с. 89—90, 287—288.

14. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 481—482. 1 февраля 1925 г. КПГ опубликовала инструкцию, предписывавшую всем членам партии вступить в профсоюзы. Но и это результатов не дало («Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 131).

15. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 237.

16. Там же, с. 412—414.

17. Там же, с. 583—587. Текст см. также в: «Коммунистический Интернационал в документах», с. 525—528.

18. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 414—416.

19. Там же, с. 580—582. Текст см. также в: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 523—525.

20. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 416—420.

21. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.

22. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 436.

23. «Die Internationale», 1925, vol. VIII, No. 4, S. 194.

24. «Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 222—223.

25. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD». 1926, S. 393.

26. Позже Рут Фишер писала, что «коммунисты отсрочили обнародование своего заявления о поддержке Брауна до тех пор, пока Социал-демократическая партия не обязалась поддержать Маркса» (*R. Fischer. Stalin and German Communism*. 1948, p. 426). Тем самым она дала понять, что такая задержка была сознательной. С другой стороны, в заявлении, опубликованном ИККИ на другой день после выборов, указывалось, что СДПГ, «верный сторожевой пес буржуазии», преднамеренно сняла своего кандидата, лишь бы не принять предложения КПГ («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 72, S. 961—962). Ни одно из этих взаимных обвинений не убедительно. В результате полученных ею противоречивых советов КПГ с опозданием и двусмысленно отреагировала на сложившуюся ситуацию. Следует, однако, учесть, что любой план развернуть кампанию в поддержку Брауна встретил бы непреклонное сопротивление Центра.

27. Как пишет А. Розенберг (*A. Rosenberg. Die Geschichte des Bolschewismus*, 1932, S. 209), Зиновьев по-прежнему хотел, чтобы КПГ сняла кандидатуру Тельмана в пользу Маркса. На XIV конференции русской партии Зиновьев в речи, произнесенной 29 апреля 1925 г., заявил, что КПГ предстоит «за каждый тактический урок расплачиваться еще довольно дорого» и что она «все еще заражена детскими болезнями “левизны”» («Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 243). Нет, однако, никаких свидетельств, что КПГ дала Зиновьеву достойный ответ. Это, по-видимому, можно объяснить слишком быстрым развитием событий.

28. На плакате, выпущенном СДПГ, был изображен «Гинденбург, прорывавшийся к власти на плечах Тельмана» (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 429).

29. Как позже заявил Зиновьев, это предложение было сформулировано в столь оскорбительных выражениях, что его нельзя было не отклонить («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 41—42). Выдержка из письма, помещенного в книге «Год труда и борьбы» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 86), не подтверждает этого обвинения. Вместе с тем нельзя не отметить, что время для такого предложения было выбрано неудачно.

30. Об этом эпизоде см. в: *O. Flechtheim. Die KPD in der Weimarer Republik*, 1948, S. 119—120.

31. Внесенная ими резолюция была в конце концов опубликована в: «Die Internationale», 1925, vol. VIII, No. 11, S. 695.

32. Отчет о встрече и выдержки из принятой на ней резолюции см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 82, S. 1113—1114, 1122—1123. Комментарий Р. Фишер см. в: «Die Internationale», 1925, vol. VIII, No. 5a, S. 281—284.

33. «Известия», 12 июня 1925 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 94, S. 1286—1287.

34. Это письмо см. в: «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», S. 167—177; «Правда» и «Известия», 2 июля 1925 г.

35. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 257—270. О бывшем лидере Мейере см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30, 31.

36. См. выше, гл. 31, § «г».

37. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 294—295.

38. Эмбер-Дро присутствовал на съезде в качестве представителя ИККИ. Его речь не носила сколько-нибудь дискуссионного характера (*ibid.*, S. 282—285).

39. Ibid., S. 300—319.

40. R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 443. В книге описан инцидент между Мануильским и председательствовавшим на заседании Гешке. Это столкновение может свидетельствовать о росте недовольства в Москве капризами КПП. Согласно тому же источнику, и правые, и левые в КПП испытывали раздражение усиливающейся зависимостью КПП от Москвы.

41. Ibid., p. 594—595.

42. Ibid., p. 241—245, 532, 628.

43. Ibid., p. 415—416. Резолюцию см.: ibid., p. 178—180.

44. Ibid., p. 650—651. Резолюции см.: ibid., p. 82—225, 241—245.

45. Ibid., p. 658.

46. Позже в важной работе «История большевизма» Розенберг рассматривал большевизм как в значительной степени русскую разновидность марксизма. Эту же идею развивал в своих трудах Корш. Правда, по его мнению, Ленин был образцом истинного марксиста в отличие от тогдашнего русского «марксизма-ленинизма».

47. «Bericht über die Verhandlungen des XI Parteitags der KPD», 1927, S. 27.

48. Об этом сообщил в своей речи в Москве на заседании комиссии Зиновьев («Der Neue Kurs», 1925, S. 15).

49. В «Открытом письме» (см. ниже, прим. 59) ее назвали «второй делегацией». «Первая делегация» КПП посетила Москву после партсъезда. Было ли это сделано по приглашению ИККИ, сказать трудно. Делегация прибыла «с проектом дезавуировать представителя Исполкома Коминтерна». Иными словами, ее цель состояла в том, чтобы добиться изменения позиции Москвы, как она была изложена на съезде Мануильским. Делегаты, имена которых в протоколе не называются, быстро убедились в непрактичности своего «проекта» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 209). Вслед за этим ИККИ потребовал направить в Москву большую количественно и более представительную делегацию. Как указывалось в «Открытом письме», Рут Фишер приложила максимум усилий, чтобы помешать этому. В числе вызванных в Москву, хотя, по-видимому, не в качестве члена делегации, был Эрнст Мейер. Последнее можно считать явно примирительным жестом в сторону правых.

50. Эти речи воспроизводились в изданной КПП брошюре «Новый курс» («Der Neue Kurs», 1925). Другие речи не публиковались.

51. Ibid., S. 11. Значительно позже Бухарин вновь говорил о своих впечатлениях («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 209).

52. «Der Neue Kurs», 1925, S. 1—9.

53. Ibid., S. 18.

54. Ibid., S. 38.

55. Ibid., S. 11(12).

56. О профсоюзном отделе КПП см. выше, гл. 28. Как заявлял Бухарин («Der Neue Kurs», 1925, S. 3—4), делегация КПП, посетившая Москву в июле 1925 г., то есть до партийного съезда, согласилась с предложением съезда, что Центральный комитет учредит «в качестве одного из важнейших партийных органов» профсоюзную секцию численностью в 20 человек. Этого, однако, сделано не было. Приведенное заявление трудно согласуется с другой имеющейся информацией. Так, в докладе на X партсъезде КПП сообщалось, что «всего лишь несколько месяцев назад» взамен профсоюзного отдела был создан новый, независимый профсоюзный секретариат, члены которого работают в тесном контакте с Политбюро КПП («Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 59—60). Несколькими месяцами позже Зиновьев назвал профсоюзный вопрос главным камнем преткновения в отношениях с Масловым и Рут Фишер («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 662).

57. Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 447—452) высказала подозрение, что за «Открытым письмом» видна рука Сталина. Так, Зиновьев говорил ей, что Сталин намеревался исключить из партии ее и Маслова и что ему, Зиновьеву, лишь с большим трудом удалось вывести их из-под

удара. Слова Зиновьева, стремившегося запугать ее и заставить подписать письмо, вероятно, не соответствуют действительности; в то время Сталин занимал нарочито умеренную позицию.

58. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 128, S. 1870.

59. Немецкий текст был опубликован в: «Die Rote Fahne», 1 September 1925; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 128, S. 1863—1870; «Der Neue Kurs», 1925, S. 42—62. Русский текст см. в: «Правда», 8 и 9 сентября 1925 г. Ни в одном из попавших в печать вариантов письма оно датировано не было. В кн.: А. Тивель, М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 332, письмо датируется 20 августа 1925 г., то есть днем, когда оно было одобрено комиссией («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 7). На какой-то стадии к обсуждению был привлечен Исполком Коммунистического Интернационала Молодежи, который решил «выработать специальные пункты о союзе молодежи, которые войдут в общую резолюцию Коминтерна по немецкому вопросу» («Правда», 25 августа 1925). Этого, по всей видимости, сделано не было.

60. «Правда», 9 сентября 1925.

61. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 17. Столь малое число мандатов, полученных коммунистами, объяснили «умело примененной избирательной геометрией». Одновременно, однако, было замечено, что «игнорировать сокращение влияния КПГ в профсоюзах неразумно». За коммунистов проголосовали 27 процентов избирателей — членов коммунистического профсоюза. В других профсоюзах кандидаты-коммунисты собрали «предельно незначительное число голосов» (ibid., S. 91).

62. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1925, No. 10 (57), S. 193—194. Значение оценки, данной Лозовским, повышается тем, что он говорил о результатах выборов в Германии, используя в качестве фона успехи УВКТ во Франции и Национального движения меньшинства в Великобритании. Полный отчет о съезде в Бреслау см.: ibid., S. 217—223.

63. «Die Internationale», 1925, vol. VIII, No. 9, S. 533—539.

64. Относящийся к КПГ раздел доклада Зиновьева 10 октября 1925 г. был опубликован в «Правде» 25 октября 1925 г., а также в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 148, S. 2219—2223. Об этом заседании см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 16.

65. Эта реакция описана Пиком в журнале «Коммунистический Интернационал», 1925, № 33 (48), с. 67—69. Редакционное примечание к статье резко осуждает тенденцию усматривать в этих переменах «сдвиг вправо».

66. R. Fischer. Stalin and German Communism, 1948, p. 453. Выступая 10 октября 1925 г. на заседании Центрального Комитета русской партии, Зиновьев обвинил Фишер в том, что она продолжает «свою прежнюю политику, вернее — прежнее политиканство».

67. «Die Rote Fahne», 22 September 1925.

68. «Die Internationale», 1925, vol. VIII, No. 9, S. 523—533. Желая дать понять, что автор принадлежит к влиятельным московским кругам, редакция в статье вслед за подписью поставила адрес: «Москва».

69. Брошюра приобрела известность после опубликования ее краткого изложения в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 24, S. 357—358.

70. Об этом разделе доклада Зиновьева см. выше, прим. 64. Зиновьев отменил прямые или косвенные обвинения в том, что он остается главным покровителем тех самых сил, которые раньше осуждал. На состоявшемся двумя месяцами спустя XIV партсъезде Зиновьев, будучи обвиненным Ломинадзе в том, что он не отмежевался достаточно категорично от Маслова и Рут Фишер, заявил: «Мы легко даем вам Маслова вместе с Рут Фишер» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 699, 706).

71. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 157, S. 2354—2355.

72. «Die Jugend-Internationale», 1926, No. 7—8, S. 7—8.

73. Эта статья упоминалась в журнале «Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 139, как подтверждение того, что КПГ все еще продолжала поощрять рабочих выходить из социал-демократических профсоюзов.

74. Отчет о заседаниях конференции опубликован в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 156, S. 2350—2351. Полный текст речи представителя

ИККИ и резолюции см.: *ibid.*, 1925, No. 150, S. 2226—2231. Статью Д. М. (Мануильского) см.: *ibid.*, т. 2, No. 157, S. 2353—2356.

75. Как заявил на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г. Тельман, в берлинском окружном комитете партии заправляла группа лиц, которые мало изменились за последние пять лет и «в период руководства Р. Фишер пользовались довольно сильным влиянием» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 181).

76. Доклад Ульбрихта и прения по нему см. в: «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1925, No. 165, S. 2462—2472. Из 4700 тыс. членов немецких профсоюзов, примыкавших к Амстердамскому Интернационалу, только 150 тыс. состояли в то время в КПГ («Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 131).

77. Выдержки из заявлений Маслова в суде были включены в заявление Кюне и Неймана, оглашенное на съезде русской партии в декабре 1925 г. (см. выше, с. 238). Более подробные выдержки см. в: «*Zum Fall Maslow*», 1926 (издание ЦК КПГ).

78. *Ibid.*, S. 5. Текст см. также в: «*Die Komintern vor dem 6 Weltkongress*», 1928, S. 94. Приведенная в книге дата (12 октября 1926 г.) ошибочна.

79. «*Zum Fall Maslow*», 1926, S. 5. Из письма Рут Фишер съезду русской партии (см. ниже) явствует, что резолюция была принята вопреки мнению большинства членов комиссии, созданной для изучения данного вопроса. Как в ней указывалось, осуждение Маслова — результат «политических решений» и обусловлено его политическими позициями последнего времени. Это, несомненно, так; но тем не менее поведение Маслова в суде — вопиющее нарушение сложившихся канонов партийной лояльности.

80. «*Auswärtiges Amt*», 2860—556139.

81. «Задержание», очевидно, означало приказ оставаться в Москве. Потребуй она свой паспорт, он был бы, по-видимому, ей выдан. Но это автоматически привело бы к ее исключению из партии за недисциплинированность. В 1923—1924 гг. в Москве аналогичным образом задерживали Маслова («Междувострие...», гл. 9), а также Брандлера и Тальгеймера с 1924 г.

82. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 898—903.

83. «*Zum Fall Maslow*», 1926, S. 10—12.

84. «*Die Komintern vor dem 6 Weltkongress*», 1928, S. 94—96.

85. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 566—567.

86. «*Ein Jahr Arbeit und Kampf*», 1926, S. 95.

87. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 661—663.

88. Там же, с. 695—701. Отвечая именно на эти нападки, Зиновьев вновь «отрекся» от Маслова и Рут Фишер (см. выше, прим. 70).

89. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 4—5.

90. Единственное прямое упоминание об этих беседах см. в: *R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 544—545. Часть из того, что здесь сообщается, быть может, соответствует характеру отношений Каменева и Зиновьева к Троцкому в марте-апреле 1926 г. («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 18). Зиновьев продолжал критиковать «группу Рут Фишер—Маслов» на расширенном пленуме ИККИ в феврале-марте 1926 г. Но его критика была значительно мягче нападок Бухарина и Сталина (см. выше, гл. 35).

91. Как заявил Ломинадзе, «фракционная конференция немецких “ультра-левых”, собравшихся в январе ... заняла резко враждебную позицию к большинству ВКП и к решениям XIV партсъезда» («Большевик», 1926, № 11, с. 23).

92. Содержание беседы см. в: *R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 543. Слова Сталина выглядят скорее ультиматумом, чем предложением.

93. Краткое изложение этого эпизода см. в: «*Ein Jahr Arbeit und Kampf*», 1926, S. 95.

94. См. выше, гл. 28.

95. Исполненную энтузиазма статью (возможно — это перевод из русской прессы) см. в: «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1926, No. 53, S. 740—741.

96. *И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 2. Сталин противопоставил положение в КПГ, для которой более актуальной была ультралевая опасность, ситуации в

ФКП, главная угроза для которой проистекала справа. 13 января 1926 г. Президиум ИККИ рассмотрел вопрос об ультралевом крыле в КПГ («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 8). Речи Сталина датированы 22 января 1926 г. Очевидно, этой проблеме было посвящено не одно заседание.

97. В конфиденциальном письме Кларе Цеткин Радек в январе 1927 г. сообщал, что минувшим летом он написал для «Правды» статью «Германская коммунистическая партия в опасности». В ней он высказался за исключение левого крыла КПГ из партии. Эту статью он, Радек, показал находившимся тогда в Москве Брандлеру и Тальгеймеру. Они высказали мнение, что он преувеличивает угрозу со стороны левых, и убедили его отказаться от опубликования статьи. Письмо Радека хранится в архивах Троцкого Т 909. Оно было опубликовано на английском языке в: «The New International», 1934, vol. I, No. 5, p. 155—157. Его неправильное датирование декабрем 1926 г. связано с конъюнктурными соображениями. Письмо вызвано речью Цеткин в ИККИ (13 декабря 1926 г.). В нем, однако, содержится ссылка на речь Радека по случаю годовщины смерти Либкнехта и Розы Люксембург, которая была произнесена, вероятно, 15 января 1927 г. Версия Радека была изложена уже после исключения Рут Фишер и Маслова, и поэтому к его оценке следует подходить осторожно.

98. См. выше, гл. 36.

99. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 47. Несколькими неделями позже Зиновьев, выступая на партконференции, с большой уверенностью заявил, что «в Англии, именно сейчас, при господстве консерваторов, начинает создаваться общая революционная ситуация, создается медленно, но верно» («Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 242).

100. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 154—161.

101. См. выше, гл. 28.

102. «Коминтерн в документах», 1933, с. 488—489.

103. См. выше, гл. 36.

104. «Report of the Seventh Congress of the CPGB», n. d., p. 188—191.

105. Ibid., p. 198—202. О ячейках и ленинских школах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43 и Приложение Б.

106. «Report of the Seventh Congress of the CPGB», n. d., p. 129. «Известия» сообщали об этом на видном месте 2 июня 1925 г. и в последующие дни.

107. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 6 (43), с. 48—64.

108. Там же, 1925, № 7 (44), с. 95—105.

109. «Report of the Seventh Congress of the CPGB», n. d., p. 121.

110. Протоколы конференции см. в: «National Minority Movement: Report of Second Annual Conference», n. d. Полное энтузиазма сообщение опубликовал журнал «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 129, S. 1885. Программу движения см. в: «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 120—122. О первой конференции см. выше, гл. 28.

111. «Report of Fifty-Seventh Annual Trades Union Congress», 1925, p. 474—478. Речь Томского (10 сентября 1925 г.) опубликована в «Правде» от 29 сентября 1925 г.

112. «Report of Fifty-Seventh Annual Trades Union Congress», 1925, p. 542—546, 576.

113. Ibid., p. 553—555, 569. Опубликованная в коминтерновском журнале статья (без подписи) приветствовала «открытую и ясную резолюцию последнего конгресса английских тред-юнионов в Скарборо». Она назвала ее «крупнейшим политическим явлением» («Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 24).

114. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1925, No. 10 (57), S. 194—198. Оптимистическое описание конгресса см. в: H. Pollitt. Serving My Time, 1940, p. 205—208.

115. «Report of the Seventh Congress of the CPGB», n. d., p. 138.

116. «Report of the Twenty-fifth Annual Conference of the Labour Party», 1925, p. 189, 352.

117. «Большевик», 1925, № 19—20, с. 84. Об испытанном им замешательстве Боннет писал также в журнале «Коммунистический Интернационал», 1925, № 10 (47), с. 97—116. Статья завершалась выражением уверенности, что вскоре тред-юнионы устанут выполнять роль «терпеливых волов» и заставят лейбористскую партию прислушаться к их голосу.

118. «The Times», October 29, 1925. Изложение взглядов партии на процесс см. в: «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 130—133. Текст речи Поллита в свою защиту см.: H. Pollitt. *Serving My Time*, 1940, p. 211—248.

119. «Communist Papers», Cmd. 2682, (1926).

120. Ibid., p. 72—73.

121. Л. Троцкий. Куда идет Англия?, 1925. Отдельные главы книги публиковались в «Правде» 28 мая, 4, 11, 17 июня 1925 г. Два стереотипных издания вышли в Англии в феврале и октябре 1926 г. Первое предварялось введением, написанным Брейлсфордом, и кратким предисловием Троцкого, которое датировалось 24 мая 1925 г. Второе было выпущено КПВ с новым предисловием Троцкого, датированным 6 мая 1926 г. Это же предисловие включено во второе издание книги на немецком языке. В начале 1926 г. Троцкий опубликовал еще одну статью, которой предназначалась роль как бы постскриптума («Правда», 11 февраля 1926 г.), а также комментариев к введению Брейлсфорда, озаглавленный «Брейлсфорд и марксизм» («Правда», 14 марта 1926 г.). Оба эти материала включены во второе издание книги, вышедшее на русском языке в 1926 г.

122. Л. Троцкий. Куда идет Англия?, 1925, с. 140—141, 145.

123. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 655—657, 675—676.

124. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 12, S. 150—151.

125. Ibid., 1926, No. 24, S. 346—347.

126. «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 135. Эрл Брайдер сообщал о конференции в журнале «Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 4 (63), S. 233—237. Более красочный отчет был дан Харди, национальным секретарем Национального движения меньшинства, в журнале «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 55, S. 790.

127. См. выше, прим. 115.

128. «Sandy Worker», December 13, 1925; «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, с. 136. В этом последнем источнике утверждается, что этот шаг был спровоцирован ливерпульской конференцией.

129. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 8.

130. Копии этих неопубликованных писем хранятся в архивах Троцкого (Т 849, 850). Письмо 80-ти датируется по листовке, выпущенной 5 февраля 1926 г. (о ней упоминается ниже, прим. 186).

131. Архивы Троцкого, Т 851. Тезисы датированы 23 марта 1925 г., то есть двумя днями спустя после официального открытия V расширенного пленума ИККИ.

132. См. выше, гл. 34.

133. См. выше, гл. 28.

134. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 47—48, 102—103.

135. «Коммунистический Интернационал», 1933, с. 489.

136. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 424—485.

137. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 13.

138. После опубликования заявления Троцкого от 1 июля 1925 г. в отношении Истмена Центральный комитет ФКП вновь привлек внимание к группе при редакции «Революсьон пролетарьен», которая «использует его имя и якобы поддерживает с ним дружеские связи» для нападок на партию, Коминтерн и Советское правительство. ЦК ФКП настойчиво просил Троцкого положить конец такой «двусмысленной ситуации» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 111, S. 1537—1538). Через два месяца Троцкий ответил, что хотя он и знаком с Росмером и Монаттом, его участие в делах ФКП прервалось зимой 1923—1924 гг., что он впервые увидел журнал «Революсьон пролетарьен» летом 1925 г. и что, хотя он и не согласен с нападками на него, он все равно не

прибегнет к подобной защите (ibid., 1925, No. 139, p. 2037—2038). Ответ Троцкого был опубликован в «Революсьон пролетарьен» (1925, No. 10, p. 1—6), где он сопровождался аргументированным комментарием редакции.

139. «Cahiers du Bolchevisme», 1925, No. 18, p. 1177—1186. В этом же журнале цитируется Лорно (ibid., 1925, No. 17, p. 1066), заявивший: «Мы не должны механически копировать структуры русской партии».

140. Архивы Троцкого, Т 854.

141. Оба документа см. в: P. Séward. Marokko (немецкий перевод с французского), S. 76—77, 157—158.

142. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 27, S. 397.

143. «L'Humanité», 23 janvier 1925.

144. Текст речи, по-видимому, отредактированный, см. в: «Journal Officiel». Полный текст см. в: «L'Humanité», 5 février, 1925.

145. «L'Humanité», 17 mai 1925.

146. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 88, S. 1201—1202. Аналогичный призыв КПФ к Социалистической партии Франции см. в: P. Séward. Marokko, 1925, S. 81.

147. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 93, S. 1264—1265. См. также: «Cahiers du Bolchevisme». 1925, No. 22, p. 1418—1420.

148. См. выше, гл. 28.

149. См. выше, гл. 26, 32.

150. Отчет о митинге см. в: «L'Humanité», 5. juillet 1925. Тексты резолюций см. в: «L'Humanité», 7 juillet 1925.

151. «L'Humanité», 23 juillet 1925.

152. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 125, S. 1813. Об этой конференции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 45.

153. См. выше, гл. 32.

154. «Cahiers du Bolchevisme», 1925, No. 24, p. 1540—1546.

155. «L'Humanité», 25 septembre 1925.

156. «L'Humanité», 30 septembre 1925. В ноябре 1925 г. в Брюсселе конференция коммунистов-парламентариев приняла резолюцию, требующую предоставления Эльзас-Лотарингии права «решать свою судьбу, вплоть до полного отделения от любой империалистической великой державы, которая попыталась бы покорить ее». («Internationale Presse-Korrespondenz». 1925, No. 155, S. 2332). Интерес коммунистов к Эльзас-Лотарингии определялся в то время, видимо, Локарнским договором, гарантирующим существующую франко-германскую границу.

157. См. выше, гл. 28.

158. «Bericht über der Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 522.

159. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 66, S. 899.

160. Об этом митинге см. выше, с. 250.

161. Монмуссо довольно откровенно доложил об этих событиях на VI расширенном пленуме ИККИ («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 351—354). Другие сообщения о них опубликованы в: «Rote Gewerkschaftsinternationale», 1925, No. 10 (57), S. 188—191, 223—226. Резолюция в пользу профсоюзного единства, принятая завершившимся провалом съездом, цитируется в: «Internationale Preses-Korrespondenz», 1925, No. 129, S. 1887.

162. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 78, 304. Анализ противоборствовавших в то время сил показывает, что линия разграничения между ними проходила частично по территориальной и частично по профессиональной линиям. УВКТ обладала наибольшим контролем в районах Парижа и Лиона, а ВКТ — на Севере и на части Юга. УВКТ пользовалась поддержкой, главным образом, на железнодорожном транспорте, в сталелитейной и строительной отраслях промышленности, а ВКТ — в текстильной промышленности, в розничной торговле и на муниципальных предприятиях (там же, с. 349—350).

163. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 146, S. 2162—2163. О телеграмме Профинтерна УВКТ см.: ibid., S. 2168.

164. О конференции см.: *ibid.*, 1925, No. 150, S. 2231—2233. Резолюции см.: «*Cahiers du Bolchevisme*», 1925, No. 30, p. 2069—2093; No. 31, p. 2128—2144; No. 32, p. 2221—2229.

165. На V партсъезде Сема́р говорил о сокращении численности партии во время «нашей пораженческой кампании, направленной против войн в Марокко и Сирии». В тот период алжирская секция партии потеряла три четверти своего состава («*Ve Congrès National du Parti Communiste Français*», 1927, p. 10).

166. Полный текст, по-видимому, не опубликован. Пространные выдержки см. в: «*Bulletin Communiste*», 1926, No. 14, p. 211—215 (приведен список подписавших — почти 200 фамилий). Письмо цитировали Зиновьев и Сема́р на VI расширенном пленуме ИККИ («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 50—51, 70—78). Оно также цитируется в резолюции о ФКП, принятой пленумом ИККИ («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 604).

167. «*Cahiers du Bolchevisme*», 1925, No. 31, p. 2125—2127.

168. В июне 1926 г. на V съезде ФКП Трэн признал свои прошлые ошибки. Вместе с тем он заявил, что был в «числе тех, кто еще до вмешательства Интернационала рекомендовал реформы от 2 декабря». Сюзанна Жиро подтвердила, что Трэн и Лорио выдвинули такие предложения на проходившем в редакции «Юманите» совещании. Оно состоялось «за несколько недель» до 2 декабря 1925 г. Предложения эти были, однако, выдвинуты неожиданно, без предварительного уведомления коллег, которые по этой причине и воспротивились им («*Ve Congrès National du Parti Communiste Français*», 1927, p. 385—386, 425).

169. «*Cahiers du Bolchevisme*», 1925, No. 13, с. 843.

170. Впоследствии Трэн отрицал, что он когда-либо призывал к этому. Его тезис, говорил он, состоял в том, что «всякая война колониальная может разрастись в войну между империалистическими государствами, и в этом случае борьба против войны требует превращения войны империалистической в войну гражданскую» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 517).

171. Там же, с. 309.

172. «*L'Humanité*», 21 novembre 1925; «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1925, No. 163, S. 2433—2435; «*Bulletin Communiste*», 1925, No. 6. В «Бюллетене» этот документ высмеивался как «требования величайшего смирения».

173. *Ibid.*, 1925, No. 5, p. 75.

174. См. выше, гл. 28.

175. «*Bulletin Communiste*», 1925, No. 6, p. 67.

176. См. выше, гл. 32.

177. Форма могла быть подсказана аналогичным маневром в КПГ, который нашел свое выражение в Открытом письме ИККИ от августа 1925 г. (см. выше, гл. 31, § «а»). На VI расширенном пленуме ИККИ Зиновьев с одобрением отметил: «Для Германии сначала пришлось писать Открытое письмо из Москвы. Во Франции товарищи из ЦК сами пришли к такому выводу, и сами написали письмо» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 49—50).

178. Позже это посчитали началом «борьбы против ультралевых тенденций» («*Die Komintern vor dem 6 Weltkongress*», 1928, S. 163). А еще позже, когда был совершен новый поворот влево, партийные ортодоксы в открытом письме писали о симптомах «опасного соскальзывания к оппортунизму» (A. Ferrat. *Histoire du Parti Communiste Français*. 1931, p. 170).

179. «*Cahiers du Bolchevisme*», 1926, No. 34, p. 3—6; «*Bulletin Communiste*», 1926, No. 12, p. 188. В последнем из этих изданий сообщалось, что «по настоянию представителя Коминтерна» Трэн и Дорио были заменены в руководстве Сюзанной Жиро и Соважем. На заседании Центрального комитета 31 января—2 февраля 1926 г. Трэн и Дорио фигурировали в качестве партийных лидеров (см. выше, с. 259). Позднее в немецком коммунистическом журнале утверждалось, что 1—2 декабря 1920 г. руководство было передано от Трена и Сюзанны Жиро Сема́ру и Дорио («*Die Internationale*», 1926, vol. IX, No. 14,

с. 421—424). Но это отражало ситуацию, сложившуюся уже после V съезда партии, состоявшегося в июне 1926 г.

180. Ответ был опубликован с опозданием и не в «Юманите», а в «Кайе дю большевизм» (1926, No. 36, p. 231—234). Он уже был опубликован в «Бюллетэн коммюнист» (1926, No. 11, p. 162—164). Он также появился в изданной типографским путем листовке, копия которой хранится в архивах Троцкого (Т 859).

181. В том же самом номере содержалось уведомление о том, что впредь «Кайе дю большевизм» будет издаваться еженедельно, а не раз в две недели, чтобы «обеспечить широкую трибуну для дискуссий».

182. «Bulletin Communiste», 1926, No. 13, p. 194.

183. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 659.

184. «Bulletin Communiste», 1926, No. 15, p. 225—226. Реальным мотивом могло быть скорее отсутствие фондов, нежели желание облегчить участь диссидентов. В уведомлении, опубликованном в «Юманите» 20 февраля 1926 г., указывалось, что группа, действующая под эгидой «Бюллетэн коммюнист», намерена преобразоваться в «марксистско-ленинский кружок». Всех членов ФКП предостерегали против участия в его работе.

185. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 8.

186. Архивы Троцкого (Т 866). Листовка датирована 5 февраля 1926 г. По-видимому, однако, она была написана до заседания 31 января—2 февраля 1926 г., поскольку последнее в ней не упоминается.

187. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.

188. Доклады опубликованы в: «L'Humanité», 4, 6 février 1926; резолюцию см.: ibid., 11, 13 février 1926. Общий отчет об этих заседаниях см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 26, S. 377—379.

189. «Cahiers du Bolchevisme», 1926, No. 39, p. 386—388.

190. См. выше, гл. 28.

191. «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 190. В книге указывается, что «более суровые наказания» стали вновь применяться с января 1925 г.

192. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 128—142.

193. Там же, с. 483.

194. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 480—483.

195. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 518—521.

196. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7 (44), с. 113—127.

197. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 111, S. 1538—1840.

О Серрати см.: «Большевицкая революция...», т. 3, гл. 25.

198. Архив Эмбер-Дро, 0076; протест датируется: «июль 1925 г.».

199. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7 (44), с. 113—127.

200. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 120, S. 1724—1726.

201. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 294—295. На более позднем этапе работы съезда еще один итальянский делегат заявил, что Бордига решил распустить свою фракцию (ibid., 647).

202. См.: «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 9; А. Тивель, М. Хеймо. 10 лет Коминтерна, 1929, с. 331. Первое Открытое письмо датируется 20 августа 1925 г.; по-видимому, его спутали с письмом, направленным германской компартии (см. выше, гл. 31, § «а»).

203. «Die Kommunistische Partei Italiens» (немецкий перевод с итальянского), 1952, S. 49. Более подробный отчет о съезде см. в: «Lo Stato Operaio» (разыскать не удалось).

204. Тезисы (как они были приняты съездом) см. в: «Тридцать лет Итальянской Коммунистической партии» (русский перевод с итальянского), 1953, с. 223—249. Вариант на французском языке см. в: Архив Эмбер-Дро, 004. Он озаглавлен: «Итальянская ситуация и большевизация ИКП».

205. Контртезисы были, видимо, опубликованы 18 января 1921 г. в газете «Унита» (номер разыскать не удалось). Их резюме см. в: «Die Internationale», 1926, No. 8, S. 246—247.

206. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 2 (51), с. 86—87. Как указывает в этой статье Эмбер-Дро, не приводя точных результатов голосования, 90% делегатов «присоединились к политике Коммунистического Интернационала, отменили римские тезисы и осудили ультраевый уклон Бордиги». На съезде Коммунистической лиги молодежи, являвшейся некогда оплотом оппозиции (см. выше, гл. 28), группа Бордиги получила лишь 5% голосов («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 189).

207. См. доклад Эмбер-Дро на VI расширенном пленуме ИККИ, опубликованный в «Правде» 20 февраля 1926 г.

208. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 50, S. 698—699. Неясно, была ли эта «программа» действительно одобрена съездом или же после съезда ее разработал Центральный комитет и объявил от своего имени.

209. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 199. В Москве Бордига заявил протест против наказания его некоторых сторонников. Протест Бордиги был, однако, отклонен Международной контрольной комиссией, решение которой 27 апреля 1926 г. утвердил Президиум ИККИ («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 97—98).

210. Как указывала Р. Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism, p. 543), Тольятти пригласили поселиться вместе с семьей в Москве в качестве гостей Коминтерна, и после долгих колебаний, на чью сторону ему встать — Сталина или оппозиции, — он решил принять предложение. В марте 1926 г. Тольятти был назначен членом Секретариата ИККИ («Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 55, S. 794).

211. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 3 (52), с. 41—50.

212. См. выше, гл. 35.

213. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 447.

214. См. выше, гл. 28.

215. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 32, S. 479—480. Телеграмма была направлена Исполкомом Коминтерна, который одобрил решение (ibid., 1925, No. 30, S. 450). Согласно Нейрату (ibid., 1925, No. 56, S. 722—723), Шмераль полагал — или делал вид, что полагает, — будто исключение Бубника из партии было лишь прелюдией к исключению его, Шмерала, и Запотоцкого.

216. Меморандум опубликован, по-видимому, не был, но его цитировал Зиновьев во вступительном слове («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 70—73). На меморандум неоднократно ссылались в прениях. Решение заявить протест против исключения Бубника было принято на совещании партийных функционеров в Брно большинством в 21 голос против 17 при трех воздержавшихся («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 30, S. 449).

217. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 115—116, 225—233. О речи Крейбиха см. выше, гл. 30.

218. Они публиковались в различных номерах журнала «Internationale Presse-Korrespondenz» (см. примечания ниже); было также объявлено об издании тома, содержащего основные речи («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 1), но разыскать его не удалось. Вполне вероятно, что такая гласность объяснялась большой ролью, которую в работе комиссии играл Сталин.

219. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 56, S. 772—774.

220. Ibid., 776—780. Речь Зиновьева опубликована в «Правде» от 12 апреля 1925 г.

221. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 67, S. 903—906.

222. Ibid., S. 906, 910—912.

223. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 59—68. Этой речи была придана широкая огласка. Ее опубликовали: «Правда», 29 марта 1925 г., «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 54, S. 751—753 (еще до опубликования других протоколов комиссии); ibid., 1925, No. 70, с. 940—942 (вместе с другими речами в порядке их произнесения).

224. Речь Сталина от 30 марта 1925 г. не была опубликована ни в «Правде», ни в «Internationale Presse-Korrespondenz». Не была она включена и в собрание сочинений Сталина. Эта речь появилась вместе с другими выступлениями в журнале «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4, с. 45—47.

225. Там же, с. 47—53.

226. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 507—511. Речь Мануильского, который внес проект резолюции («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 448—466), привлекла внимание прежде всего тем, что она содержала персональное обращение к Шмералю. Ему было заявлено, что именно от него зависит, «сохранится ли в Чехо-Словакии массовая партия, или чешское коммунистическое движение будет раздроблено». Лишь этими словами Мануильский и ограничил дань влиянию и престижу Шмералья.

227. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 466, 487. Впоследствии Зиновьев на конференции русской партии объяснил, что чехо-словацкая партия состоит из трех элементов — «ликвидаторов» (то есть сторонников Бублика), «партийцев, еще не ставших большевиками» (то есть Шмералья и правых) и «большевиков, но иногда большевиков с известными ошибками» (то есть левых). Политическая линия заключалась в том, чтобы объединить вторых и третьих против первых («Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)», 1925, с. 243).

228. «Правда», 12 апреля 1925 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 24, S. 863—864.

229. «Коммунистический Интернационал», № 6 (43), июнь 1925, с. 25—26.

230. «Die Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 80. Об этой конференции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.

231. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 114.

232. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 12 (47), S. 255—256.

233. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 276, 283. Во французском варианте материалов пленума («Exécutive Elargi de l'Internationale Communiste», 1925, p. 118) Хейс обвиняется в двурушничестве.

234. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 56, S. 770. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 63.

235. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 67, S. 770. Аналогичное замечание сделал Зиновьев на пленарном заседании («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 59).

236. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 62.

237. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 343—345.

238. Там же, с. 460.

239. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 509.

240. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 67, S. 914.

241. Ibid., 1925, No. 85, S. 1170—1171. В коммунистическом журнале Мануильский охарактеризовал решение конференции как «очень левую и очень оппортунистическую резолюцию против шмерале-нейратовского блока» («Коммунистический Интернационал», 1925, № 6 (43), с. 30).

242. «Правда», 6 июня 1925 г.

243. См. выше, гл. 28.

244. В феврале-марте 1926 г. VI расширенный пленум ИККИ осудил эту «группу правых (Скалак, Кованда)» («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 625).

245. Там же, с. 624. «Делегаты, более 80% которых составляли заводские рабочие, требовали усилить активность, полностью порвать с социал-демократическими традициями и провести последовательную большевизацию партии» («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 239). Полного стенографического отчета этого съезда в моем распоряжении нет. Его описание Нейратом см. в: «Коммунистический Интернационал», 1925, № 10 (44), с. 132—136.

246. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 142, S. 2086. Это решение осталось пустым звуком. На заседании Оргбюро ИККИ в декабре 1925 г. Ульбрихт вновь обвинил Хейса в попытке перетянуть возможно больше чехословацких рабочих из реформистских в красные профсоюзы (ibid., 1925, No. 165, S. 2462). Это же обвинение было повторено в статье одного профинтерновского функционера в журнале «Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 50.

247. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 156, с. 2337—2338. Поздравительное письмо Исполкома Коминтерна см.: ibid., 1925, No. 157. Полностью цифры приведены в статье Шмерля («Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 50).

248. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 663.

249. См. выше, гл. 28.

250. См. там же.

251. J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, p. 130.

252. Наиболее полное изложение волинского плана дано в книге Г. Беседовского «На путях к термидору», Париж, 1931, т. 1, с. 192—194. Это сенсационный, но хорошо информированный источник (автор — бывший советский дипломат, находившийся во время описываемых событий в Варшаве). Работа страдает неточностями в деталях, но тем не менее не может не быть принята во внимание. О Приступе и Войтыке см.: M. Stakhiv. Khto Vynen? Lvov, 1936, p. 45—47. Украинская социал-демократическая партия была запрещена, а ее журнал закрыт 30 января 1925 г. (ibid., p. 48).

253. J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, p. 121. Выступая в том же месяце на V расширенном пленуме ИККИ, Домский заявил, что съезд проходил в «нескольких километрах от Бреста, в деревне» («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 163). Цель этой информации заключалась в том, чтобы создать впечатление, будто съезд состоялся на польской территории. Сообщение же о том, что он проходил в Вене («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 41, S. 620), было не более, чем еще одной официальной мистификацией.

254. Общее число делегатов съезда указано в: «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, t. II, p. 85—86. Численность польской компартии в то время оценивалась в 11 тыс. человек, из которых более 2,5 тыс. находились в заключении («Der Organizational Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 57).

255. Регула (J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, p. 121—142) дает наиболее полное, по сравнению со всеми другими доступными источниками, описание съезда, приводя обильные цитаты из официального протокола. При этом он, однако, обнаруживает свойственную ему необъективность. Краткие сообщения того времени о съезде см. в: «Коммунистический Интернационал», 1925, № 3 (40), с. 145—152 (статья Домского); «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 41, S. 625; ibid., 1925, No. 62, S. 846—847.

256. J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, p. 129.

257. Ibid., p. 129.

258. Ibid., p. 130—131.

259. Ibid., p. 132—134.

260. Ibid., p. 137.

261. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 169—187.

262. Ibid., p. 188—205.

263. См. выше, гл. 30. Об основанной на ячейках структуре партии см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43. Резолюцию о большевизации см.: «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 122—139. Устав партии был принят на ее II съезде в августе 1923 г. (ibid., 1953, vol. I, p. 255—262).

264. J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, p. 133—134; «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 324.

265. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 162—165.

266. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 179—180.

267. Эта ошибка была осуждена партконференцией в декабре 1925 г. (см. выше, с. 274), и она часто упоминается в вышедшей впоследствии литературе.

268. Текст резолюции не обнаружен. Содержание ее может быть восстановлено по многочисленным заявлениям, осуждавшим резолюцию. Наиболее пространное из них содержится в выступлении Мануильского на состоявшемся двумя неделями позже X съезде КПГ («Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 317). 12 июня 1925 г. съезд принял резолюцию, осудившую позицию КПП («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 10). Следует полагать, что в первой строке соответствующего абзаца допущена опечатка, и вместо слова «июль» должно быть «июнь». В еще одной резолюции, принятой в конце июня, указывается, что Центральный комитет «не только не отказался от своей ошибочной точки зрения, но продолжал отстаивать ее» («Коммунистический Интернационал», 1926, № 1 (50), с. 124).

269. См. выше, гл. 27.

270. «Bericht über die Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 180—181. Выступая от имени ультралевых групп в КПГ, Розенберг указал, что «группа польских товарищей» фактически составляет Центральный комитет польской партии, и выразил согласие с этой критикой (ibid., S. 411).

271. Эти подробности приводились только в речи Скрыпника на VI расширенном пленуме ИККИ в феврале 1926 г. («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 241—242). Они согласуются с другой информацией и, по-видимому, соответствуют действительности. Скрыпник утверждал, что лозунг автономии был выдвинут «при поддержке со стороны ПКП», которая считала, что идея отделения, одобренная III съездом польской партии, «не стоит как актуальная для немедленного проведения, а является больше пропагандистской».

272. См. выше, гл. 28.

273. Текст письма см. в: «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 223—247 (на русском языке текста нет). Хотя он и пространен, тем не менее указывается, что это лишь «выдержки». Данный текст не содержит ничего по национальному вопросу, и можно допустить, что в нем эта проблема не была отражена: быть может, обсуждалась подготовка к восстанию в Западной Белоруссии, намеченному на начало того же года, и эта часть письма была засекречена. Резолюция польской комиссии ИККИ, в которой зафиксировано решение направить Открытое письмо, опубликована, по-видимому, не была.

274. См. выше, гл. 31, § «а».

275. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 10—11.

276. Такое осуждение было зафиксировано в резолюции партийной конференции, состоявшейся в декабре 1925 г. («KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 254). Оно было повторено в аналогичных выражениях в журнале «Коммунистический Интернационал», 1926, № 1 (50), с. 124—125.

277. Ссылка на эту резолюцию содержится в другой резолюции (декабрь 1925 г.), в которой резолюция Компартии Западной Украины превозносится как документ, «внесший вклад в преодоление ультралевой политики партии» («KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 252, 254).

278. На XIV съезде русской партии в декабре 1925 г. Зиновьев отметил, что летом 1925 г. «мы» приняли меры против Домского и заменили его новыми руководителями («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 663—664). Но речь идет, по-видимому, о сопоставлении резолюции ИККИ с тем, что произошло в декабре на IV партийной конференции КПП. Позже Варский писал, что ультралевое руководство «распалось почти на пороге четвертой конференции» («Коммунистический Интернационал», 1926, № 2 (51), с. 67). К прегрешениям ультралевых, ответственность за которые в главной резолюции конференции возлагалась на Домского (см. выше, с. 274), отнесли отказ предпринять политическую акцию во время визита в Варшаву Чичерина (конец сентября 1925 г.) и в связи с Локарно (октябрь 1925 г.). На VI расширенном пленуме ИККИ Домский сам сказал, что после декабрьской конференции его «из ЦК удалили и отослали в Москву» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 164).

279. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 153, S. 2300. О конференции см. выше, гл. 31, § «а».

280. «Z Pola Walki», 1958, No. 4, p. 289—290. J. A. Regula. Historia Komunistycznej Partii Polski, 1934, p. 116 (в книге вкратце сообщается о побеге через Данциг).

281. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 1 (50), с. 124; статья Варского содержится в «Коммунистическом Интернационале», 1926, № 2 (51), с. 67.

282. Осторожное описание этих заседаний см. в: «Z Pola Walki», 1958, No. 4, p. 290. Официальных протоколов конференции обнаружить не удалось.

283. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 697—698.

284. «Z Pola Walki», 1958, No. 4, p. 290.

285. Ibid.

286. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 248—256. Общей резолюции по национальному вопросу конференция не принимала (во всяком случае никакой подобной резолюции опубликовано не было). В числе ошибок, впоследствии приписанных Домскому, было поощрение им индивидуального террора («Die Komintern dem 6 Weltkongress», 1928, S. 309). В опубликованных протоколах конференции об этом не упоминается. Однако в одной из принятых резолюций была почтена память шести членов партии, которые в 1925 г. либо погибли в столкновениях с полицией, либо были казнены за убийства полицейских агентов («KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 346).

287. Ibid., p. 278—303. На состоявшемся 11—14 июня 1926 г. в Варшаве съезде профсоюзов польская компартия, возглавлявшаяся Домским, поддерживала тезис о «классовых профсоюзах» и высказалась против сотрудничества с политическими ненадежными и нейтральными профсоюзами («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 105, S. 1442—1443). Эта позиция была осуждена ИККИ в Открытом письме от 31 июля 1925 г. (см. выше, с. 272—273). Такие обвинения получили дальнейшее развитие на VI расширенном пленуме ИККИ («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 207). По данному поводу Лозовский высказался против предложений ограничить работу в некоммунистических профсоюзах лишь социал-демократическими организациями. Он убеждал, что следует развернуть активность также в католических и националистических профсоюзах, охватывающих 100 тыс. рабочих (там же, с. 426). См. также: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 41 (63), S. 278—281.

288. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 257—335. О структуре партии см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43. Во второй половине 1925 г., то есть до декабрьской конференции КПП, II съезд КПЗУ и III конференция КПЗБ рассмотрели проблемы партийной структуры («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 178).

289. Эти слова взяты из речи Шумского на XIV съезде русской партии («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 683). Они, однако, отражали общие чувства. Говоря об этом же, Ломинадзе сравнил кризис левого крыла, переживаемый польской партией, с одновременно развивающимися кризисами левых в Германии и Италии (там же, с. 699). В сообщении о работе декабрьской партконференции Ленский назвал КПП «союзом борьбы рабочего класса, крестьян и угнетенных национальностей» («Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 29, S. 422—423).

290. «KPP: Uchwały i Rezolucje», 1955, vol. II, p. 348—351. В письме к партиям, направленном Зиновьевым в январе 1925 г. (см. выше, гл. 30), он указал, что для КПП большевизация означает применение принципов ленинизма в крестьянском вопросе.

291. Ibid., p. 352—359. О линии Шлагетера см.: «Междуцарствие...», гл. 7.

292. «Правда», 19 февраля 1926 г.

293. Это высказывание содержится в отчете о речи в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 36, S. 234. Достоверность текста не вызывает сомне-

ний, хотя в официальную стенограмму он включен не был. Последняя была опубликована долгое время спустя после совершенного Пилсудским государственным переворотом.

294. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 458.

295. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 546, 553.

296. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 135—139.

297. Там же, с. 164—167. Согласно опубликованному в «Internationale Presse-Korrespondenz» (1926, No. 37, S. 511—512) варианту речи, Домский также выразил удивление фактом появления в «Правде» статьи Валецкого, которую он посчитал «фактически ударом по нынешнему партийному руководству, а не просто против левых». Он также настойчиво просил не чинить препятствий возвращению в Польшу тех членов левого крыла партии, которые хотели бы включиться в нелегальную деятельность.

298. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 241—243. В данном случае Ленский выступал под своим истинным именем Лещинского. Замечания Скрыпника см. выше, прим. 271.

299. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 207.

300. Там же, с. 569—570; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 54, S. 770.

301. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 4 (53), с. 118—122.

302. См. выше, гл. 28.

303. Ультралевое течение в Польше также критиковалось за поощрение террора (см. выше, с. 273, 277).

304. Г. Димитров. Политический отчет на ЦК на БРП(к), 1948, с. 28. Официальное изложение событий, опубликованное в 1930 г., свидетельствует о развитии в БКП в первой половине 1925 г. «ультралевой тенденции», которая «стремилась заменить активность масс партизанскими набегами и индивидуальным террором» (Х. Кабакчиев и др. Коммунистические партии балканских стран, 1930, с. 122).

305. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 30, S. 442.

306. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 15—22.

307. См. выше, гл. 31, § «з».

308. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 491. Об этой резолюции см. выше, гл. 30.

309. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 238.

310. В начале апреля болгарское правительство опубликовало якобы исходящую от Коминтерна инструкцию БКП начать 15 апреля 1925 г. вооруженное восстание. С почти полной уверенностью можно считать, что это — фальшивка, поскольку подобный приказ противоречил тогдашней политике Коминтерна (J. Rothschild. The Communist Party of Bulgaria. 1959, p. 259, notes 1 and 4). Говорили, что автором фальшивки был Дружеловский, которого позже обвинили в том, что он сфабриковал «письмо Зиновьева». Болгарское правительство также объявило, что в его руки попал список членов Центрального комитета («Le Temps», 10 avril 1925).

311. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 66, S. 891; No. 84, S. 1148 (в этом заявлении опровергались утверждения о подготовке вооруженного восстания 15 апреля); «Известия», 23 апреля 1925 г.

312. В декабре 1925 г. Сталин, выступая на XIV съезде, упомянул о взрыве и весьма решительно заявил, что «ничего общего коммунисты не имели, не имеют и не могут иметь с теорией и практикой индивидуального террора» (И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 293).

313. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 553.

314. Г. Димитров. Политический отчет на ЦК на БРП(к), 1948, с. 28.

315. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 8 (45), с. 73.

316. См.: J. Rothschild. The Communist Party of Bulgaria. 1959, p. 194, note 4. В. Серж (V. Serge. Mémoires d'un Révolutionnaire, 1951, p. 198) опи-

сывает визит Влахова в Вену летом 1925 г. и тщательные предосторожности, предпринятые, чтобы уберечь его от возможного убийства.

317. А. Тивель и М. Хеймо в книге «10 лет Коминтерна» говорят о журнале «Федерасон балканик» как об органе Коммунистической балканской федерации, но он никогда не имел такого официального характера.

318. J. Rothschild. The Communist Party of Bulgaria, 1959, p. 196.

319. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 35, S. 530.

320. Ibid., 1926, No. 2, S. 12.

321. Ibid., 1926, No. 19, S. 261—263.

322. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7 (44), с. 66.

323. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 239. Текст резолюции мною не найден. Возможно, что она не публиковалась.

324. Согласно болгарскому исследованию, отрецензированному в журнале «Вопросы истории КПСС», 1962, № 1, с. 203, независимые профсоюзы до апреля 1925 г. насчитывали 20 тыс. членов. В 1926 г. 17 профсоюзов объединяли в общей сложности 5 тыс. человек.

325. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 9, S. 119—121.

326. Ibid., 1927, No. 123, S. 2850. Журнал «Единство» издавался тиражом в 6 тыс. экземпляров (Х. Кабакчиев и др. Коммунистические партии балканских стран. 1930, с. 125).

327. Первоначально Центральный совет Профинтерна осудил этот шаг как «попытку закрепить созданный социал-демократами раскол» («IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 135).

328. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 6 (65), S. 450—451;

«Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 62, S. 905—906.

329. Ibid., 1926, No. 108, S. 1803—1804; No. 126, S. 2172—2173; No. 134, S. 2330—2331; «Коммунистический Интернационал», 1926, № 2 (60), с. 41—46.

330. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 474.

331. Там же, с. 48.

332. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 51, S. 722. Несколько иной вариант заявления Павле Радича см. в: ibid., 1925, No. 116, S. 1614.

333. Бошковиц (псевдоним Ф. Филиповича) был секретарем легальной КПЮ в 1919—1920 гг. и секретарем легальной НРПЮ в 1923—1924 гг.

334. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 334. Ссылка на Крестьянский Интернационал, которой нет ни в русской, ни в немецкой стенограмме, сохранена во французском варианте.

335. Когда после катастрофы, случившейся в июне 1923 г., болгарская партия попала в немилость, в коминтерновской прессе появились критикующие ее статьи Марковича и Милойковича («Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 124, S. 1086—1087; No. 134, S. 1171).

336. О взглядах Марковича см. выше, гл. 28. Его речь в югославской комиссии не публиковалась. Однако, как указывал Сталин, Маркович повторно сослался на сталинскую работу, опубликованную в 1912 г., «стараясь найти там хотя бы косвенное подтверждение своей правоты» (Соч., т. 7, с. 70). Это и стало, по-видимому, причиной того, почему Сталин посчитал необходимым ему ответить. Такое противоречие могло дать повод для спора между Сталиным и Зиновьевым, на который позже сослался Скрыпник («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 84). Согласно его версии, Зиновьев высказался в пользу автономии (в отличие от отделения) в качестве пути для решения национального вопроса в Чехословакии, Югославии и Польше (об этой проблеме в чехословацкой и польской партиях см. выше, гл. 28 и гл. 31, § «е»). Такой подход, представлявший собой «некоторую ревизию ленинских взглядов по национальному вопросу, на расширенном пленуме ИККИ, и после долгой борьбы, где решающее слово сказал т. Сталин, был отвергнут». Никаких следов этой «борьбы» в стенограмме нет. Да и Сталин в своей дальнейшей критике Зиновьева на описанный эпизод не ссылаясь. Возможно, что Скрыпник попросту преувеличил его значение, желая отмежеваться по вопросу об «автономии» от дискредитированного Зиновьева.

337. Первоначальный список см. в: «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 29.
338. Речь Зиновьева была опубликована в «Правде» 11 апреля 1925 г., а также в «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 64, S. 861—863. Речь Сталина см.: *ibid.*, No. 76, S. 1013—1014. Другие речи не публиковались. Речь Сталина также включена в собрание его сочинений (т. 7, с. 69—76). Маркович, защищаясь от обвинений Сталина, опубликовал еще одну статью («Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 120, S. 1729—1730). Сталин дал на нее ответ (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 216—226).
339. В опубликованном годом позже докладе ИККИ категорически утверждалось, что «нигде стабилизация не была столь неприметна, как на Балканах» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 237).
340. «Расширенный Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 475—477.
341. Там же, с. 478—480. О Милойковиче и его сторонниках говорилось как о «выступившей из партии оппозиции» (см. выше, гл. 28).
342. Окончательный текст см.: там же, с. 588—602; А. Тивель и М. Хеймо в книге «10 лет Коминтерна» датируют ее 5 мая 1925 г. (с. 333).
343. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4 (41), с. 61.
344. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 129, S. 1878—1881. Дата опубликования манифеста не установлена. Есть доказательства, что его подготовили в Москве.
345. «Istorijski Archiv KPJ», 1950, vol. II, p. 95—96.
346. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 23, S. 339.
347. «Istorijski Archiv KPJ», 1950, vol. II, p. 443—447. Резолюция датирована апрелем 1926 г. Русский текст не обнаружен.
348. См. выше, гл. 28.
349. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 188—204.
350. Несколько недель позже член комиссии Галлахер, выступая на VII съезде КПВ, наивно, но вместе с тем откровенно описал эти заседания («Report of the Seventh Congress of the CPGB», п. d., p. 80—89). Хотя и было совершенно ясно, что каких-либо серьезных противоречий между группами не было, говорил он, тем не менее «эти фракции не упустили ни одной возможности, чтобы обострить имеющиеся между ними противоречия».
351. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 511—518.
352. См. выше, гл. 30.
353. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 412—413. Об этом деле см. выше, гл. 31, § «а».
354. «Коммунистический Интернационал в документах», 1953, с. 517.
355. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 243—246. Соответствующий абзац в резолюции см. в: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 518.
356. См.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 11.
357. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 412—413. Об этом деле см. выше, гл. 31, § «а».
358. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*. 1960, p. 140.
359. *Ibid.*, p. 142.
360. *Ibid.*, p. 143—144. В книге справедливо отмечается, что столь подробная инструкция могла быть инспирирована только самим Гусевым. Решение Президиума ИККИ было принято 27 августа 1925 г. («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 11).
361. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, 1960, p. 145—146.
362. *Ibid.*, p. 147—148. Два сообщения в «Internationale Presse-Korrespondenz» (1925, No. 134, S. 1955—1957; No. 143, S. 2103—2104) написаны сторонниками Ругенберга.
363. *T. Draper. American Communism and Soviet Russia*, 1960, p. 160. О примерном уставе и системе ячеек см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.

364. «Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 377.
365. T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 187. Сокращение числа членов партии частично объясняли отменой правила «двойного штампа», согласно которому мужу и жене разрешалось регистрироваться вместе и уплачивать единый взнос. Об официальном отчете о реорганизации см.: «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 268—289.
366. См. выше, гл. 28.
367. Тогда это не привлекло большого внимания. Однако в марте 1926 г. Центральный совет Профинтерна с запозданием охарактеризовал данное событие как поражение Лиги профсоюзного просвещения («IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 13).
368. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 40, S. 606. Эта часть его речи выглядит иначе в: «Der Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 55.
369. T. Draper. American Communism and Soviet Russia, 1960, p. 219—220.
370. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 1 (50), с. 192—206.
371. «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 11.

Глава 32. После Локарно

1. «A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1922—1927». Cmd. 2895, 1927, p. 40.
2. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 652.
3. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 274.
4. Газета «Таймс» сообщила о соглашении в разделе новостей из Сити, как бы умаляя тем самым его политическое значение. Информирова о подписании соглашения, «Таймс» в номере от 4 мая 1925 г. подтвердила, что достигнута договоренность с американскими банками о предоставлении ими дополнительного капитала. И. Майский в своей книге «Воспоминания советского посла в Англии» (1960, с. 50) заявляет, что после 1925 г. «львиная доля» собственности оказалась в американских руках и что Остину Чемберлену принадлежала тысяча акций.
5. О Брауне см. выше, гл. 34. В письме от 11 сентября 1925 г. (см. ниже, прим. 11) Гумберг, сообщив долю банка «Кун-Леб» в данной сделке, указал: «Возможно, что заинтересован и бывший шеф Брауна (речь явно идет о Гувере)».
6. См. выше, гл. 34.
7. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
8. «Правда», 12 мая 1925 г.
9. «The Times», May 13, 1925.
10. «The Times», July 31, August 13, 1925.
11. Письмо от 11 сентября 1925 г. см. в архиве Гумберга.
12. «The Times», December 7, 1925.
13. «A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1922—1927», Cmd. 2895, 1927, p. 37—
39. О январской встрече см. выше, гл. 26.
14. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 92—93, 95—96.
15. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 40.
16. «Известия», 7 января 1926 г.
17. См. выше, гл. 29.
18. См. выше, с. 291.
19. «A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927», Cmd. 2895, 1927, p. 40.
20. Ibid., p. 42—43.
21. Пользовавшийся доверием Чичерина Л. Фишер с совершенной определенностью сообщает, что Чичерин не получал этого уведомления (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, vol. II, p. 623).
22. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 1057.
23. См. выше, гл. 26.

24. В текстах интервью, опубликованных 8 августа 1925 г. в «Правде» и «Тан», имеются незначительные разночтения.
25. Вспоминая десятью годами позже об этом инциденте, Троцкий смог датировать его лишь так: «1925 (или 1924?) год» («Trotsky's Diary in Exile», 1958, p. 30—31).
26. «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», 1960, vol. I, No. 2, p. 235—236.
27. «Auswärtiges Amt», 4562/155928—30.
28. Ibid., 4562/155954. Об этой встрече см.: «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», 1960, vol. I, No. 4, p. 585.
29. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
30. См. выше, гл. 26.
31. 23 октября 1925 г. Красин писал своей жене из Москвы, что его переводят в Лондон, а в Париже его сменит Раковский (*L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work*, p. d. (1929), p. 259). Сообщение об этом было опубликовано в советской печати 27 октября 1925 г.
32. «Auswärtiges Amt», 4562/156012—14. Об интервью Раковского см. выше, гл. 26.
33. «Известия», 28 октября 1925 г.
34. Речь Раковского по этому поводу опубликована в «Тан» («Le Temps», 3 novembre 1925).
35. «Известия», 12 декабря 1925 г. Церемония была отложена, видимо, в связи с тем, что Раковский выдвинул неприемлемое требование исполнить одновременно с «Марсельзой» «Интернационал», считавшийся национальным гимном СССР. Это требование было отклонено.
36. В газете «Тан» последняя процитированная строка была опущена.
37. «Le Temps», 18 décembre 1925.
38. См.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 38.
39. «Известия», 21 декабря 1925 г.
40. Во время этого своего пребывания в СССР Раковский прочел три лекции по международным проблемам: 4 января 1926 г. — об отношении СССР к Лиге Наций («Правда» и «Известия», 6 января 1926 г.; см. выше, гл. 33); 10 января 1926 г. — о советско-британских и советско-французских отношениях («Правда» и «Известия», 14 января 1926 г.); 13 января 1926 г. — о последствиях Локарно («Известия», 15 января 1926 г.; «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 1, с. 33—50). Эти лекции были опубликованы в брошюре: *Х. Раковский. Лига Наций и СССР*. 1926; здесь же в качестве приложения было приведено заявление Чичерина о Лиге Наций, сделанное 23 декабря 1925 г. (см. выше, гл. 32, § «в», и гл. 33).
41. «Известия», 14 января 1926 г.; «Le Temps», 14 janvier, 1926.
42. «Известия», 15 января 1926 г.; «Le Temps», 18 janvier, 1926.
43. «Правда», 17 января 1926 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 19, S. 263—264.
44. В интервью представителям печати Раковский заявил, что в состав делегации входят представители Наркомфина, ВСНХ, Наркомторга и Госбанка («Известия», 2 февраля 1926 г.).
45. «Известия», 26 и 27 февраля 1926 г. Участники переговоров с французской стороны всегда настаивали на этом пункте. Красин иронично писал о французских кредиторах как о «2-миллионной группе французских середняков и бедняков» (*Л. Красин. Вопросы внешней торговли*, 1928, с. 330).
46. Об этих переговорах см.: «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», 1960, vol. I, No. 4, p. 588—589, 592—593. На конференции председательствовал де Монзи.
47. О договоре и переговорах о нем см. выше, гл. 32, § «в».
48. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 1057. Об этой речи см. выше, гл. 32, § «в».
49. «Le Temps», 26 avril 1925.
50. *D'Abernon. An Ambassador of Peace*, 1930, vol. III, p. 246.
51. «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», 1960, vol. I, No. 4, p. 597.
52. «Gustav Stresemann Vermächtnis», 1932, vol. II, S. 528.
53. «Auswärtiges Amt», 4562/156003—5.

54. Свое обращение Брокдорф-Ранцау направил президенту 7 ноября 1926 г., но, не будучи удовлетворенным, он подготовил прошение об отставке и 28 ноября просил аудиенции у президента, с тем чтобы вручить его. В результате беседы с Гинденбургом Брокдорф-Ранцау согласился оставить прошение у себя. О его разговоре с Гинденбургом см. в: «Brockdorff-Rantzau Nachlass», 9102/224024—7, 224029—30; о неотправленном прошении см. в: *ibid.*, 9101/224031—2. Письмо от 7 ноября найдено не было, но ссылка на него содержится в прошении об отставке. Свою точку зрения Брокдорф-Ранцау развил в беседе с Уоллротом 15 ноября 1924 г. («Auswärtiges Amt», 4562/156024).

55. *Ibid.*, 4562/156030—1, 156209—15. Накануне второго визита немецкий и советский проекты были направлены в качестве приложения к меморандуму Дирксена о переговорах, подготовленному департаментом (*ibid.*, 4562/156038—9).

56. О советско-чехословацком пакте см.: «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», 1928, т. I—II, № 38, с. 145—149.

57. «Auswärtiges Amt», 4562/156081—4.

58. В передовой статье «Известий» (27 ноября 1925 г.), озаглавленной «Министр проговорился», говорилось: «Весьма успешно и быстрым темпом идет ассимиляция Германии в сонме держав-победительниц». Аналогичной статьи в «Правде» обнаружено не было.

59. «Auswärtiges Amt», 4562/156111—32. Высказывания Крестинского, которые здесь изложены недостаточно полно, в книге «Завещание Густава Штреземана» («Gustav Stresemann Vermächtnis», 1932, vol. II, S. 529—534) вообще опущены.

60. О визите Чичерина в Париж см. выше, гл. 32, § «б».

61. «Auswärtiges Amt», 4562/156914—206. Контрпроекты, подготовленные министерством, см. *ibid.*, 4562/156176—82.

62. *Ibid.*, 4562/156218—27. В сокращенном виде см.: «Gustav Stresemann Vermächtnis», 1932, vol. II, S. 553—536.

63. Заявление опубликовано в «Известиях» 24 декабря 1925 г.

64. «Auswärtiges Amt», 4562/156357—64.

65. *Ibid.*, 4562/156435—7.

66. *Ibid.*, 4562/156355; *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 150—151. В архивах хранится множество материалов, описывающих этот инцидент, а также якобы имевшее место нарушение неприкосновенности почты германского консула в Тифлисе.

67. «Auswärtiges Amt», 4562/156529—30.

68. *Ibid.*, 2860/556688—92.

69. «League of Nations: Treaty Series». 1926, vol. LIII, p. 8.

70. «Auswärtiges Amt», 4562/156548—9.

71. О заседаниях кабинета см.: *ibid.*, 3491/767848—61. Проект, врученный Крестинскому, см.: *ibid.*, 4562/156604—10.

72. *Ibid.*, 4562/156613—16.

73. См. выше, гл. 29.

74. «Auswärtiges Amt», 4562/155619; *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 184—185.

75. «Auswärtiges Amt», 2860/556859. Дополнительную информацию об этих переговорах см. в: «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 1056; «Известия», 27 июня 1928 г. Выдержки из германского департаментского архива см. в: «Международная жизнь», 1957, № 1, с. 188—190; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, vol. V, S. 482—483. Они свидетельствуют, что влиятельные немецкие фирмы, заинтересованные в экспорте в Советский Союз, оказывали нажим в пользу предоставления таких кредитов.

76. В сделанной карандашом записке, датированной 3 июля 1924 г. (Архивы Троцкого, Т 822), Красин назвал Стомонякова «первоклассным и преданным работником, который лучше Коппа». Поводом для этой записки послужило, видимо, предложение перевести Стомонякова на другое место, которое, очевидно, реализовано не было.

77. «Auswärtiges Amt», 4829/242220, 242230—3. Проект поддержали «Кун-

Леб и другие американские банкиры» (*H. Heyman. We Can Do Business with Russia*, 1945, p. 90).

78. 17 марта 1926 г. юридическая фирма, представлявшая компанию «А. У. Гарриман и Ко., лимитед», запросила государственный департамент, не существует ли каких-либо препятствий для предоставления «кредита немецким промышленным предприятиям, которые продают товары России» на предложенных условиях. Ответ был дан 2 апреля 1926 г. В нем указывалось, что государственный департамент «в настоящее время не относится благожелательно к предлагаемому финансированию» (*Foreign Relations of the United States*, 1926, vol. II, p. 906—907). В июле 1926 г. на аналогичные обращения «Нью-Йорк траст компани» был получен аналогичный ответ (*ibid.*, p. 907—910). В декабре 1921 г. государственный департамент отнесся благожелательно к «сотрудничеству американских и немецких деловых кругов» в торговле с Советской Россией, что встретило сильное противодействие Гувера и министерства торговли («*National Archives. Record Group*» 59, 661.6215.1, 1a. Еще одну цитату из письма Гувера от 6 декабря см. выше, гл. 34).

79. «*Auswärtiges Amt*», 2860/556856—8; о переговорах с Польшей см. выше, гл. 34.

80. О предшествовавших предложениях см. выше, гл. 32; *G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 155—156. Этот автор пишет о впечатлении, которое произвело сообщение Чичерина.

81. «*Auswärtiges Amt*», 4562/156666—71.

82. О докладе Брокдорф-Ранцау по этому поводу см.: «*Auswärtiges Amt*», 2860/556861—2.

83. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1926, No. 39, S. 531.

84. Речь идет о втором издании. Согласно сообщению Брокдорф-Ранцау («*Auswärtiges Amt*», 2860/556906—8), брошюра первоначально издавалась в 1924 г., но тогда внимания не привлекла. Тот факт, что во второе издание было включено предисловие Ворошилова, говорит о том, что она вышла в свет после его назначения народным комиссаром по военным делам, которое состоялось в ноябре 1925 г. Содержались ли оскорбительные замечания в первом издании, выяснить не удалось.

85. О меморандуме по данному вопросу и перевод отдельных отрывков, распространенный в министерстве, см. в: *ibid.*, 9524/671544—8, 671550—7.

86. *Ibid.*, 2860/556880—1.

87. Об этой статье см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, Приложение А.

88. «Известия», 6 апреля 1926 г.

89. См. выше, с. 302.

90. «*Auswärtiges Amt*», 6698/107494—5.

91. *Ibid.*, 4562/156694—8, 156704—7.

92. *Ibid.*, 6698/107519—22. В это время велись и военные переговоры с Уншлихтом (см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, Приложение А), которые, по-видимому, не повлияли на этот вопрос.

93. *Ibid.*, 4562/156717—20, 156724—9.

94. Предположение, высказанное Д'Аберноном (*D'Abernon. An Ambassador of Peace*, 1930, vol. III, p. 245), будто договор был подписан в отместку за отпор, встреченный Германией в Женеве, ни на чем не основано — во всяком случае, если говорить о Штреземане. Правда, он хотел бы отсрочить подписание договора, но его политические позиции в стране пошатнулись.

95. «*Auswärtiges Amt*», 4829/242241—5.

96. *Ibid.*, 6698/107697—700.

97. *Ibid.*, 2860/557272—3.

98. *Ibid.*, 2860/557304—7.

99. Брокдорф-Ранцау это принесло «разочарование» (*G. Hilger. Wir und der Kreml*, 1955, S. 152). Однако его утешило то, что в Москве этот документ стали называть «договором Ранцау» (см.: письмо Брокдорф-Ранцау брату от 9 июня 1926 г., приведено в: «*Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*», 1955, vol. II, S. 322, note 130). 14 июля 1926 г. Гинденбург писал Брокдорф-Ранцау: «Я полностью с вами согласен, что договор не только имеет большое

значение, с точки зрения особого положения Германии в мировом содружестве, но и рассчитан на то, чтобы затруднить или в значительной мере уменьшить трудности и замешательство, порожденные вступлением Германии в Лигу Наций» (ibid., S. 326, note 153). Утверждение Дирксена (*H. von Dirksen*. Moskau, Tokio, London. N.d. [1949—?], Stuttgart, S. 77), будто Брокдорф-Ранцау «отклонил предложение, которое я ему сделал, сказав, что договор должен был бы быть подписан в Москве», поскольку «он хотел, чтобы его имя в возможно меньшей степени связывалось с этой сделкой», представляет собой пример недостоверности и сомнения автора этого источника.

100. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», 1932, т. III, № 138, с. 59—96. Оригинальные тексты на немецком и русском языках с переводом на английский и французский см. в: «League of Nations: Treaty Series», LIII, 1926, p. 386—396.

101. «Известия», 27 июня 1926 г. Описание операции с этими кредитами см. в: «Ost-Europa», 1925—1926, vol. I, No. 10, S. 551—559. Годом позже Рыков с удовлетворением отметил, что кредит «пошел целиком на закупку машин и оборудования, необходимых для индустриализации нашей страны» («4 съезд Советов», 1927, с. 25).

102. «Известия», 27 апреля 1926 г. Аналогичная оценка была дана тоже «Известиями» (29 сентября 1926 г.), когда в этот ряд соглашений встали договора с Афганистаном и Литвой.

103. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 1054.

104. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 3, с. 3.

105. «Gustav Stresemann Vermächtnis», 1932, vol. II, S. 537. Хранящийся в архиве неподписанный меморандум, который озаглавлен «Перестраховочный договор?», осуждает применение этого термина к данному договору. В меморандуме указывается, что положение Германии радикально отличается от того, каким оно было в эпоху Бисмарка, но признается, что Локарно «в известной мере нуждается в дополнении, касающемся России» («Auswärtiges Amt», 6698/107615—18). Возможно, меморандум был нужен для информирования представителей прессы или германских миссий за рубежом. Если даже его автором был не Штресеман, меморандум все равно отражал взгляды последнего.

106. «Verhandlungen des Reichstags», CCCXC, 1926, 7435.

107. «Известия», 9 марта 1924 г.

108. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», 1930, т. V, № 215, с. 123—138; «Собрание законов», 1926, № 33, ст. 282.

109. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

110. «Второй съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик», 1924, с. 107—108.

111. Текст нот см. в: «Russian Review» (Washington), July 1, 1924, p. 17—18.

112. См. выше, гл. 26.

113. «Russian Review» (Washington), October 15, 1924, p. 154—155.

114. См. выше, гл. 33.

115. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия», 1924, с. 73.

116. См. выше, гл. 29.

117. Его слова приводятся в кн.: *L. Fischer*. The Soviets in World Affairs, 1930, vol. II, p. 519.

118. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29.

119. На обеде, данном конгрессом тред-юнионов в Лондоне 14 марта 1924 г. в честь советской делегации, Томский говорил о них с присущей ему откровенностью: «Их независимость чисто номинальна, они фактически полностью зависят от Великобритании и Франции. Они — наемники, используемые Западной Европой в качестве угрозы Советскому Союзу» (*M. Tomskey*. Getting Together, n.d. [1925], p. 24). Статья в «Известиях», опубликованная сразу же после Гельсингфорсской конференции (5 февраля 1925 г.), характеризовала Советский Союз как страну, окруженную на Балтике государствами, находя-

- щились на иждивении буржуазного Запада. О слухах по поводу передачи Великобритании островов Эзель и Дарг см. выше, гл. 29 и гл. 32, § «а».
120. «League of Nations. Treaty Series», 1924, vol. XXIII, p. 82—85; vol. XXV, p. 360—367. Договор о таможенном союзе никогда не применялся.
121. Интервью с Чичериным см. в: «Manchester Guardian», December 24, 1923.
122. «League of Nations. Treaty Series», 1925, vol. XXXVIII, p. 358—369.
123. См., например, передовую статью в «Известиях» от 27 марта 1925 г.
124. Переписка в первую неделю апреля между Наркоминделом и польским посланником по обоим указанным вопросам опубликована в «Известиях» от 2, 3, 4 апреля 1925 г. и в «Правде» от 10 апреля 1925 г. Неудовольствие польский консул был заменен. В то же самое время V расширенный пленум ИККИ принял резкую резолюцию протеста против убийства двух коммунистов («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 244—245, 293—295).
125. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 44—45.
126. Там же, «Постановления», с. 39.
127. «Правда», 8 марта 1925 г.
128. О соответствующих неоднократных предложениях см. выше, с. 313—314.
129. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 88—89.
130. «Auswärtiges Amt», 4562/155515—21.
131. «СССР. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», 1932, т. III, № 137, с. 55—58.
132. В то время обычный маршрут между Москвой и Берлином пролегал через Ригу, где совершался перевод вагонов с русской на европейскую колею. Позже прямое сообщение осуществлялось через Варшаву со сменой колес на советско-польской границе.
133. См. выше, гл. 29.
134. «Auswärtiges Amt», 4562/155876—8. О банкете сообщили «Известия» 1 октября 1925 г.
135. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 140, S. 2046—2047.
136. «Известия», 4 октября 1925 г. В «Известиях» от 30 сентября 1925 г. материал был опубликован под оптимистическим заголовком: «Польша ищет сближения с СССР».
137. Сведения об этом из польского источника см. в: «Journal of Modern History», 1958, vol. XXX, No. 2, p. 116. В следующем году Чичерин упомянул об этом как об одном из случаев, когда было сделано подобное предложение («Auswärtiges Amt», 4562/157998).
138. «Правда», 4 октября 1925 г. Статья была без подписи, но ее перепечатал журнал «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 140, S. 2046—2047, подписав инициалами «N. В».
139. «Правда», 27 октября 1925 г.
140. См. выше, гл. 32, § «в».
141. Об этом польском демарше см. выше, с. 315.
142. Информация об этих переговорах излагается на основании их описания Чичериным и Брокдорф-Ранцау в беседах 4 и 14 марта 1926 г. (см. выше, гл. 32, § «в»).
143. «Auswärtiges Amt», 2945/572112—14.
144. «League of Nations. Treaty Series», 1927, vol. LX, p. 163—167. О прежнем договоре см.: *ibid.*, 1921—1922, vol. VII, p. 78—83.
145. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 3 созыва, 2 сессия», 1926, с. 1060.
146. «Известия», 29 декабря 1925 г. О советско-турецком договоре см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 38.
147. Согласно неподтвержденному сообщению германского посланника в Ковно, переговоры между Советским Союзом и Литвой были прерваны из-за советского отказа принять литовское требование обещать оказать поддержку притязаниям Литвы на Вильню («Auswärtiges Amt», 4564/162636—8).
148. Об этих трудностях говорил Шуберту литовский посланник в Берлине в состоявшейся через несколько недель беседе между ними (*ibid.*, 6698/107768).

149. «Известия», 6 января 1926 г.
150. «Auswärtiges Amt», 2860/656872, 556913—16, 556918—19. Здесь содержится донесения германских посланников в Ковно и Риге.
151. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5—6, с. 131—141.
152. Как утверждалось, после Локарно, зимой 1925/26 г., обсуждалось предложение о признании Советского Союза Чехословакией. В пользу его высказался сам Бенеш («Известия», 10 февраля 1926 г.). От этого намерения отказались после подписания в апреле 1926 г. советско-германского договора, а также визита Скрынского в Прагу («Известия», 24 апреля 1926 г.).
153. «Auswärtiges Amt», 2860/556693, 556671, 556798—800.
154. См. выше, с. 314.
155. «Известия», 9 марта 1926 г. 7 марта 1926 г. Брокдорф-Ранцау сообщил, что Чичерин отклонил предложение о «восточном Локарно» («Auswärtiges Amt», 2860/556863—4).
156. Это будет рассмотрено подробно в одном из последующих томов.

Глава 33. СССР и Лига Наций

1. «Междущаствие...», гл. 6.
2. «Publications of the Permanent Court of International Justice», 1923, Series C, No. 3, I, p. 69—70.
3. «Известия», 18 ноября 1923 г.
4. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29, 31.
5. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, 1928, ч. III, вып. 1, с. 238—239.
6. «League of Nations. Naval Subcommittee of the Permanent Advisory Commission», 1924, с. 76, IX, p. 16.
7. Ibid., p. 26—27, 86—87. В передовой статье «Известий» от 4 марта 1924 г. утверждалось, что цифра 490 тыс. тонн — «совсем не преувеличение». Одновременно подчеркивалась необходимость иметь сильный флот, способный «сохранить достижения Октябрьской революции».
8. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 32.
9. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 23. По-видимому, информация одно время направлялась турецкому правительству, а оно пересылало ее комиссии («League of Nations. Official Journal», March, 1927, p. 318).
10. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., 1928, ч. III, вып. 1, с. 301—304; «League of Nations. Official Journal», 1924, No. 5, p. 752—754.
11. О его речи см. выше, гл. 23. Как указывается в «Энциклопедии государства и права», 1926, т. I, с. 749, советская делегация на конференции отклонила британское предложение направить в Женеву советского наблюдателя «в качестве первого шага к вступлению СССР в Лигу».
12. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.
13. Обсуждение и резолюцию см. в: «League of Nations. Official Records of the Fifth Assembly», 1924, p. 158—160, 440.
14. «International Presse-Korrespondenz», 1926, No. 126, S. 1673—1674.
15. «Правда», 1 ноября 1924 г.
16. «Документы внешней политики СССР», 1963, т. 8, с. 229. Изложение советского ответа опубликовано в «Известиях» от 28 апреля 1925 г. Полный перевод был разослан членам Совета Лиги Наций в качестве документа С 259, 1925, IX.
17. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 86.
18. «Собрание законов», 1926, № 69, ст. 528—530.
19. «League of Nations. Treaty Series», 1927—1928, vol. LXVII, p. 63—89.
20. «League of Nations», 1925, C 621, M 203, p. 4.
21. Его заявление было опубликовано 5 февраля 1924 г. на видном месте в «Правде», без комментариев. О заявлении Макдональда в Женеве в сентябре 1924 г. см. выше, гл. 26.
22. См. выше, гл. 32.

23. «Auswärtiges Amt», 4562/155952—5. О трениях со Швейцарией см.: «Международное...», гл. 6.
24. «Auswärtiges Amt», K 1908/483492. Сообщение датировано 16 октября 1925 г.
25. «Известия», 17 октября 1925 г.
26. «Правда», 24 ноября 1925 г.; Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. *Международная политика...*, 1928, с. 334—335.
27. «Правда» и «Известия», 8 декабря 1925 г.
28. «Auswärtiges Amt», K 1908/483493—6.
29. «Le Temps» и «Известия», 17 декабря 1925 г.
30. «Auswärtiges Amt», 4562/156206.
31. «Правда», 6 января 1926 г. Об этом докладе см. выше, гл. 32.
32. Об этом письме см. выше, гл. 35.
33. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 675.
34. «League of Nations. Official Journal», February 1926, p. 165—166. Послание, содержащее приглашение, датировано 15 декабря 1925 г. Оно было разослано членам Совета Лиги Наций как документ C. 155. 1925. XII.
35. «Известия», 23 декабря 1925 г.
36. «Известия», 19, 25 декабря 1925 г.; 5, 9, 14 января 1926 г.
37. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 4, с. 133—134.
- «League of Nations. Official Journal», 1926, No. 4, p. 635—636.
38. «Правда», 17 января 1926 г.; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 19, S. 259.
39. «Auswärtiges Amt», 2860/556617—22.
40. Ibid., 2860/556629—33.
41. О проведенной в раздраженном тоне беседе Шуберта с советским поверенным в делах 13 января 1926 г. см.: ibid., 1841/419229—30. 26 января 1926 г. министерство утверждало, что ему неизвестно, по чьей инициативе было предпринято французское посредничество (ibid., 4562/156516—20). Советское правительство опубликовало довольно пространное коммюнике, в котором выражало благодарность французскому правительству и французскому послу в Москве за предпринятые усилия (Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. *Международная политика...*, т. III, ч. 1, с. 337—338).
42. Там же, с. 337; «Известия», 17 февраля 1926 г.
43. «Известия», 4 марта 1926 г. О других откликах на речь см. выше, гл. 32.
44. «Manchester Guardian», February 27, 1926.
45. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 538.
46. Решение Совета Лиги Наций от 18 марта 1926 г. см. в: «League of Nations. Official Journal», 1926, No. 4, p. 538—539.
47. «Известия», 6 апреля 1926 г.
48. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. *Международная политика...*, т. III, ч. 1, с. 340—341. «League of Nations. Official Journal», No. 5, V, 1926, p. 661—662.
49. «Правда», 10 апреля 1926 г.
50. «League of Nations. Official Journal», 1926, No. 4, p. 532. 13 апреля 1926 г. советский поверенный в делах в Берлине информировал Штреземана об отклонении Советским правительством приглашения участвовать в работе комиссии по разоружению, а также в экономической конференции. В качестве причины было указано на швейцарскую неуступчивость («Auswärtiges Amt», 6698/107715—16).
51. «League of Nations. Official Journal», 1926, No. 8, p. 1068.

Глава 34. СССР и США

1. «Международное...», гл. 10.
2. Отчет об этих слушаниях см.: L. Schuman. *American Policy Towards Russia*, n. d. [1928], p. 236—237.

3. «Известия», 14 ноября 1924 г.; в передовой статье «Известий» от 18 ноября 1924 г. отмечается враждебная реакция американской прессы.
4. Заголовок статьи в «Правде» от 15 января 1925 г.
5. «Известия», 21 января 1925 г.
6. «Известия», 25 января 1925 г.
7. «СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 2 сессия» 1925, с. 12.
12. Тема изоляции Соединенных Штатов была посвящена карикатура в «Известиях» (25 января 1925 г.): «Дядя Сэм остался сам». Рыков обратился к той же теме на III съезде Советов СССР в мае 1925 г. («Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 41).
8. «Известия», 24 февраля 1925 г.
9. Об этой речи сообщалось в «Правде» от 2 августа 1925 г. В письме от 27 мая 1925 г. немецкий посол в Вашингтоне Мальцан писал, что события в Софии, опыт в Париже и Лондоне и «врожденные опасения за капитал» создали у американского официального мнения «весьма скептическое отношение к России» («Auswärtiges Amt», 4829/242063).
10. Государственный департамент только 30 июня 1922 г. аннулировал признание Бахметьева, посла, назначенного Временным правительством. Сделано это было якобы по его просьбе, но, как было совершенно очевидно, явилось результатом выступления сенатора Бора. Тем не менее даже после этого атташе по финансовым вопросам при посольстве продолжал пользоваться дипломатическим признанием в качестве хранителя собственности русского правительства («New York Times», June 5, 1922).
11. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 398—399. В тезисах по экономическим вопросам отмечалось: «С концом высокой конъюнктуры и с необходимостью сбывать свои товары на мировом рынке, так как они не находили сбыта на внутреннем рынке, растет интерес к Европе, и американская буржуазия склоняется в пользу эксплуатации Германии» (там же, с. 422).
12. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 121. О речи Варги, см. выше, гл. 27.
13. Об этом манифесте см. там же. В речи 21 июня 1924 г. Троцкий обвинил Соединенные Штаты в том, что они создают «сложную систему закабаления европейских трудящихся масс» (*Л. Троцкий. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции*, 1924, с. 137).
14. Полный текст этой речи, которая уже цитировалась выше, гл. 27, см. в: *L. Trotsky. Europa und Amerika*, 1926, S. 9—49.
15. *Л. Каменев. Статьи и речи*, 1929, т. XI, с. 99.
16. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 6, с. 289.
17. «Большевик», 1924, № 12—13, с. 28—37.
18. См. выше, гл. 30. Подобно другим резолюциям, подготовленным комиссией, она была одобрена на пленарном заседании, но полностью не публиковалась.
19. «The Times», May 5, 1925.
20. «Foreign Relations of the United States», 1925, 1940, p. XII.
21. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 91.
22. «Плановое хозяйство», 1925, № 6, с. 181. Об этой речи см. выше, гл. 30.
23. «Правда», 5 ноября 1925.
24. *И. В. Сталин. Соч.*, т. 7, с. 268—269.
25. «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 195.
26. *L. Trotsky. Europa und Amerika*, 1926, S. 50—91.
27. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 10, S. 125.
28. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 531, 538.
29. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 4, с. 92—93.
30. «Мировая политика в 1924 году», 1925, с. 40—41.
31. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
32. Карандашная записка из архива Троцкого (Т 3490). В ответной записке Красин высказал мнение, что вряд ли можно ожидать ссоры между Великобританией и Соединенными Штатами в ближайшем будущем. Обе записки датированы 18 июня 1924 г.

33. Об этом манифесте см. выше, гл. 27. Согласно сделанному несколькими месяцами позже заявлению Крейбиха, первоначальный вариант Троцкого «изображал англо-американский антагонизм как центральный антагонизм будущего» (*Exécutif Elargi de l'Internationale Communiste*, 1925, p. 97). Этот вариант не появился в русском тексте. Можно предположить, что первый подготовленный Троцким вариант был еще более бескомпромиссным, чем окончательный.

34. См. выше, прим. 14.

35. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 290—291. Годом позже Сталин утверждал, что британский отказ ратифицировать англо-советский договор был «безусловно» следствием американского нажима (*И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 290).

36. «Известия», 26 сентября 1924 г.

37. «Третий съезд Советов СССР», 1925, с. 91.

38. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 2 (39), с. 83—84.

39. «Мировая политика в 1924 году», 1925, с. 11—13, 20—21.

40. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1925, No. 152, S. 2279—2280; No. 153, S. 2293—2295. На карикатуре, помещенной в «Известиях» 2 декабря 1925 г., то есть на другой день после подписания Локарнских договоров, Чемберлен был изображен приспешником высокомерных Соединенных Штатов.

41. *М. Танин*. 10 лет внешней политики СССР, 1927, с. 217.

42. *Л. Троцкий*. Куда идет Англия?, с. 11. Об этой брошюре см. выше, гл. 31.

43. Этой проблеме была посвящена статья в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 1, с. 51—66.

44. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1926, No. 7, S. 97; 1926, No. 10, S. 126.

45. «Правда», 30 апреля 1926 г.

46. «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 195.

47. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 537—538.

48. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1926, No. 43, S. 590.

49. *Ibid.*, 1926, No. 35, S. 481. Позже в том же году Лозовский начал свою речь на XV партийной конференции пассажем, характеризовавшим АФТ и советские профсоюзы как «два полюса... всемирного профсоюзного движения», а завершил замечанием, сводившимся к тому, что движение должно сделать выбор между «американизацией и советизацией» («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 306, 314).

50. «VII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи», 1926, с. 235.

51. Об этих высказываниях см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 3.

52. *L. Trotsky*. Europa und Amerika, 1926, S. 49. Эти слова взяты из заключительной части речи Троцкого 28 июля 1924 г. (см. выше, прим. 14).

53. «*Internationale Presse-Korrespondenz*», 1925, No. 167, S. 2495—2496. В марте 1925 г. на заседании ВЦИК Чичерин заметил, что на Востоке «Америка опять оставляет этот коллектив европейских великих держав и опять вступает на путь снискивания симпатий китайского народа», создавая тем самым «довольно заметную трещину в англо-американских отношениях» («СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия», 1925, с. 31).

54. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 4 (53), с. 11.

55. Об эмбарго и его отмене см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 27.

56. Об этих запретах и их последующих нарушениях см. в: *F. L. Schuman*. American Policy Towards Russia, n. d., [1928], p. 256—257.

57. *Ibid.*, p. 255.

58. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 27. О других слабых надеждах на установление торговых отношений с Соединенными Штатами см.: там же, т. 2, гл. 16.

59. «Советско-американские отношения, 1919—1933», 1934, с. 33—35, 46.

60. «*New York Times*», December 28, 1920. О Мартенсе см. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 23, 27.

61. «New York Times», January 26, February 3, 1920.
62. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 27.
63. Там же, гл. 29.
64. National Archives. Record Group 59: 661.6215/1. Эти же пассажи встречаются в письме, в котором Гувер высказался против финансирования германской торговли с Советской Россией (см. выше, гл. 32).
65. Переписку Гувера и Хьюза см.: National Archives. Record Group 59: 861.50, Am 3/25. О последующих действиях государственного департамента см.: *ibid.*, 861.50, Am 3/6, 7.
66. Эти цифры см. в: А. Baykov. *Soviet Foreign Trade*. Princeton, 1946, p. 89. Соответствующие советские цифры см. в: «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937», 1939, с. 29.
67. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 8.
68. Шестью месяцами позже Клейтон в письме от 2 июля 1924 г. писал: «Мы нашли в России отчаянно нужное нам место сбыта, которое материально способствует поддержке нашего хлопкового рынка» (архив Гамберга).
69. «Междущарствие...», гл. 10. «Чэйз нэшнл бэнк» открыл кредит на 2 млн. долларов. Оплата, однако, должна была производиться по прибытии груза в Берген, так как ни в одном советском порту не было американского консула, который мог бы заверить фрахтовые документы («Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5-6, с. 61). Советские счета учить в Соединенных Штатах было нельзя.
70. В письме Тэчера Гамбергу от 22 октября 1925 г. (архив Гамберга) содержалось напоминание о том, как он рекомендовал Ногину найти для руководства делами в Соединенных Штатах «человека, которому он мог безоговорочно доверять, независимо от его опыта», а не «эксперта в вопросах хлопка». Этим объяснялось назначение Гамберга.
71. Эти подробности содержатся в двух письмах Гамберга Уордвеллу от 11 марта 1925 г. (архив Гамберга).
72. «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937», 1939, с. 29, 246.
73. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5-6, с. 65.
74. Там же, с. 61. Судно вышло из Килия 1 февраля 1925 г. и совершило рейс по маршруту США, Бразилия, Уругвай, Куба, Барбадос и Тринидад («Правда», 10 октября 1925 г.). Посещение Гаваны спровоцировало массовую забастовку и демонстрацию докеров («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 292).
75. «Междущарствие...», гл. 10. В 1925 г. Хаммер, директор «Эллайд Американ кнорпорэйшн», получил концессию на фабрику по производству карандашей, ручек и канцелярских принадлежностей, которая добилась большого, хотя и кратковременного успеха (А. Barmine. *One Who Survived*, 1945, p. 157). Говорили, что в 1926 г. ее прибыль составила 125% («New York Times», June 9, 1928).
76. «New York Times», October 7, 1923. Экземпляр манифеста находится в архиве Гамберга.
77. У. Ресвик (W. Resvik. *I Dreamt Revolution*, 1952, p. 50) сообщает, что Хургин прибыл летом 1923 г. Однако никаких сведений о его деятельности до 1924 г. нет. Согласно тому же источнику, Хургин получил американскую визу в качестве представителя советско-германской транспортной кампании «Дерутра».
78. См. об этом в: W. A. Williams. *Russian-American Relations*, p. 212, note 114. Сообщение о создании «Амторга» было опубликовано в *вашигтонском журнале «Russian Review»* (July 1, 1924, p. 19). В нем сообщалось о назначении Хургина председателем Совета директоров.
79. Цифры из официальных американских источников см. в: А. Baykov. *Soviet Foreign Trade*, 1946, p. 89 (данные об экспорте и импорте там по ошибке переименованы местами).
80. «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937», 1939, с. 29.
81. А. Baykov. *Soviet Foreign Trade*, Appendix, Table VII.
82. «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 5.

83. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5-6, с. 66; C. D. Martin. Foreign Markets for Agricultural Implements. 1927, p. 14; во втором источнике (издание министерства торговли) приводятся следующие данные о советских закупках тракторов в США (количество в штуках и стоимость в долларах):

1924	361	207 416
1925	6760	3259 893
1926	9703	4497 692

Сельскохозяйственного оборудования было закуплено в 1925 г. на 7 млн. и в 1926 г. на 6,5 млн. долларов. В одном немецком докладе от октября 1925 г. отмечалось, что американские сельскохозяйственные машины поставляются в Советский Союз на базе «довольно долгосрочных кредитов» и что они составляют «серьезнейшую конкуренцию для немецкого экспорта на этот рынок» («Auswärtiges Amt», 4829/242071).

84. «Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918—1937», 1939, с. 244.

85. См. выше, с. 335.

86. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29. В 1924 г. Центральный Комитет русской партии рассматривал вопрос о трудностях с организацией труда в Кемерово. Он принял резолюцию, в которой призвал партийные и профсоюзные организации изучить «применение новых форм труда и оплаты рабочей силы», введенных администрацией, а администрации принять во внимание все замечания партийных и профсоюзных организаций в отношении методов применения этих новых форм («Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)», № 10 (15), 8 декабря 1924 г., с. 4).

87. «Междущарствие...», гл. 10; см. также цитируемые там источники.

88. Два письма, адресованные Реймонду Робинсу 5 января и 4 февраля 1925 г., сохранились в его бумагах. В первом из них указывается, что «мы должны собрать до 1 февраля 35 тыс. долларов и направить сельскохозяйственные машины в Россию, с тем чтобы они прибыли туда к весеннему сезону».

89. Подробное описание ее деятельности см. в кн.: М. Лацис. Сельскохозяйственные концессии, 1926, с. 37—40. Автор считает ее значительно выгоднее, чем концессия, предоставленная Круппу на Маныче («Большевистская революция...», т. 3, гл. 29).

90. «New York Times», November 30, 1923. Браун прибыл в Москву 23 ноября. Самая полная информация о карьере Брауна содержится в некрологе, опубликованном в декабрьском номере журнала «Engineering and Mining Journal», December 1951, p. 117—119. О соглашении с АРА см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 29. О доле Брауна в соглашении о концессии на Лене см. выше, гл. 32.

91. А. И. Рыков. Статьи и речи, т. III, 1929, с. 176.

92. «Известия», 21 января 1925 г. Чичерин также напомнил о плане, который в 1918 г. Робинс вручил Ленину.

93. «Правда», 30 июля 1925 г. Вслед за этим была опубликована переводная статья («Правда», 8 августа 1925 г.) о практических выгодах, которые могут извлечь Соединенные Штаты из торговли с Советским Союзом.

94. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.

95. В 1923 г. в СССР было добыто только 74 тыс. тонн марганцевой руды, из которых 52 тыс. тонн приходилось на Чиапури. К 1924 г. общая добыча выросла до 493 тыс. тонн, а к 1926 г. превысила миллион тонн (J. Budish, S. Shipman. Soviet Foreign Trade. 1931, p. 40).

96. «Auswärtiges Amt», 2860/554609—10.

97. СССР. Центральный Исполнительный Комитет 2 созыва, 3 сессия, 1925, с. 44.

98. «Auswärtiges Amt», 2860/554957.

99. «New York Times», June 15, 1925.

100. См. выше, гл. 32.

101. «Международная жизнь», 1925, № 4-5, с. 50. Из письма Гамберга Гудричу от 30 декабря 1925 г., которое хранится в архиве Гамберга, следует,

что Гамберг действительно после своего возвращения докладывал о поездке Гуверу и Кулиджу.

102. Никаких сведений о деятельности Шлея и Гамберга во время их пребывания в Советском Союзе обнаружить не удалось.

103. В. Baruch. The Public Years, p. 187—188. В книге описывается встреча с Красиным в Версале летом 1925 г., в ходе которой Красин описал соблазнительные возможности советских концессий для американских капиталовложений. Никаких результатов, однако, встреча не принесла.

104. Письма Гамберга Красину от 11 и 15 сентября 1925 г. хранятся в архиве Гамберга.

105. «New York Times», December 11, 13, 14, 1925.

106. «Экономическая жизнь», 3 января 1926 г.; «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 4, с. 91—92.

107. «Междоцарствие...», гл. 10.

108. Неопубликованное письмо Гамбергу от 16 ноября 1925 г. цитируется в книге У. А. Уильямса (W. A. Williams. Russian-American Relations, 1952, p. 212).

109. H. Heymann. We Can Do Business with Russia. 1945, p. 24—25; W. A. Williams. Russian-American Relations, 1952, p. 212.

110. См. выше, с. 336.

111. Оба эти визита упоминаются в документах, хранящихся в архиве Гамберга. Осинский писал о своем визите в трех статьях, опубликованных в «Правде», 1, 13 мая и 5 июня 1926 г. Их главный тезис сводился к тому, что Соединенные Штаты стали господствующей промышленной державой еще до войны и с тех пор их относительный вес в мировой экономике не изменился.

112. «Известия», 23 декабря 1925 г.

113. «Current History», vol. XXIII, February 1926, p. 618—622.

114. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5-6, с. 42.

115. Г. Беседовский. На путях к термидору. Париж, 1931, т. I, с. 237.

116. Об этом упоминается в письмах Троцкого Орджоникидзе от 21 февраля и 18 марта 1927 г., которые хранятся в архиве Троцкого (Т 928, 937). Просьбу Пятакова о визе отклонил «чиновник американского посольства в Берлине, бывший белогвардеец, на том основании, что он, Пятаков, «приговорил к смерти лучших граждан России».

117. «Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат» т. XLI, ч. III (1927). Приложение, кол. 87.

Глава 35. Коминтерн: VI пленум ИККИ

1. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 124, S. 1796.

2. См. выше, гл. 30.

3. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 13.

4. И. В. Сталин. Соч., т. 7, с. 261—268.

5. «ВКП(б) в резолюциях», 1941, ч. II, с. 48.

6. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 639—681.

7. Там же, с. 693—695; см. также выше, гл. 31.

8. «ВКП(б) в резолюциях», 1941, ч. II, с. 58—59.

9. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 10, S. 128.

10. «Правда» и «Известия», 14 января 1926 г.

11. «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 18.

12. Тезисы были опубликованы 16 февраля 1926 г. в «Правде» в одобренной Политбюро форме. Первоначальный проект, представленный в Политбюро, опубликован не был, но в архиве Троцкого (Т 2979, 2980) хранятся две записки, датированные 13 февраля 1926 г. В первой содержится попытка отредактировать раздел, относящийся к единому фронту с помощью фразы о том, что сотрудничество невозможно «до тех пор, пока социал-демократы обходительно сотрудничают с буржуазией в коалиционном правительстве»; поправка принята не была. Во второй предлагалось одновременно с возрождением лозунга Соединенных Штатов Европы возродить и лозунг «рабоче-

крестьянского правительства... по крайней мере для некоторых стран»; эта поправка была внесена в текст тезисов, представленный Политбюро. О тезисах, одобренных расширенным Пленумом ИККИ, см. ниже, прим. 46. Были внесены лишь небольшие поправки в текст Политбюро.

13. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 10—56.

14. См. выше, гл. 27.

15. См. выше, гл. 31.

16. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 94—95.

17. См. выше, гл. 30.

18. *И. В. Сталин*. Соч., т. 7, с. 283—285.

19. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 41—42, 46.

20. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, с. 127.

21. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 305.

22. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 38, с. 306. На эту статью 26 марта 1926 г. Зиновьев ссылался в докладе в Московской партийной организации об итогах VI расширенного Пленума ИККИ в качестве оправдания «идеологической гегемонии ВКП в Коминтерне» («Правда», 28 апреля 1926).

23. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3—4.

24. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.

25. Там же, гл. 28.

26. *P. Levi*. Unser Weg. 1921, S. 54.

27. Об этих дебатах см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 46.

28. «Коммунистическая революция», 1923, № 4 (43), с. 61—63. На IV конгрессе Коминтерна Ленин критиковал резолюцию по организационным вопросам, принятую III конгрессом в 1921 г., считая ее «почти полностью русской, во всем взятой из русских условий» («Большевистская революция...», т. 3, гл. 30). На основании этого Суварин с известным преувеличением позже утверждал, что «Ленин неустанно инструктировал своих международных последователей не «копировать» русскую революцию, а совершить германскую революцию в Германии, итальянскую революцию в Италии, французскую революцию во Франции» («Bulletin Communiste», 1924, No. 15, p. 367). Варга был одним из тех, кто в ходе проходившего тогда обсуждения программы Коминтерна высказывал мысль, что уроки НЭПа неприменимы к западным коммунистическим партиям («Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 46).

29. Об этих обвинениях см.: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 4.

30. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 70. Двумя годами позже Сталин еще настойчивей подчеркнул, что ленинизм представляет собой «обобщение опыта революционного движения всех стран», а поэтому обладает повсеместной ценностью (*И. В. Сталин*. Соч., т. 8, с. 15).

31. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 404. Однако на том же конгрессе Бухарин обвинил Бордигу в том, что он и его друзья считают себя «коммунистами, правоверными и марксистами», а членов ИККИ — «оппортунистами» (*ibid.*, vol. II, S. 603).

32. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 77; об аналогичном обвинении в адрес Бордиги см. выше, гл. 31.

33. См. там же.

34. См. там же. Позже Зиновьев напомнил о приезде «четверки» в Берлин в начале 1924 г. (см. выше, гл. 28), для того чтобы «отстоять взгляды „польских“ ультралевых», а затем заявил: «Я не думаю, что ультралевый поход против линии Коммунистического Интернационала возник благодаря непорочному зачатию. Он был до известной степени организован» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 46).

35. Это высказывание цитировалось Зиновьевым; см. там же, с. 445.

36. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 7 (44), с. 120. О ситуации в ИКП см. выше, гл. 31.

37. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 107—125. «Когда он говорит, — сказал Тольятти о Бор-

диге, — он производит впечатление революционной искренности, он импонирует своей силой» (там же, с. 192). Ломинадзе охарактеризовал его как человека, которого «противопоставляли всем остальным ультралевым: искренний, прямой, убежденный, честный левый оппозиционер» (там же, с. 558). Позже Сталин сделал Бордиге необычный, хотя и запоздалый комплимент, заметив, что он может «уважать и верить Бордиге... потому что он говорит то, что он думает», в то время как Рут Фишер «никогда не говорит, что думает» (И. В. Сталин. Соч., т. 8, с. 114).

38. См. выше, гл. 31.

39. Аргумент, который критиковал Бордига, был выдвинут Мануильским на X съезде КПГ в июле 1925 г. в форме нападок на ультралевых: «Если немецкие ультралевые не в состоянии наступить на горло своим капиталистам, то русская коммунистическая партия обязана защищать себя от атаки международного капитала». Приходится поэтому, сказал Мануильский, полагаться на Красную Армию и союз с крестьянством. «Новая крестьянская политика СССР — это прежде всего политика защиты от чемерленов» («Bericht über der Verhandlungen des X Parteitags der KPD», 1926, S. 311).

40. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 252—257.

41. Там же, с. 172, 190—200.

42. Там же, с. 201—213.

43. Там же, с. 239—240.

44. Там же, с. 434—466.

45. Там же, с. 466, 589.

46. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 529—539.

47. В сентябре 1914 г. Ленин выступал за «превращение всех отдельных государств в республиканские Соединенные Штаты Европы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 6); в работе «Война и Интернационал» («The War and the International»), опубликованной в том же году, но несколько позже, Троцкий призвал создать «республиканские Соединенные Штаты Европы в качестве фундамента Соединенных Штатов мира». В феврале 1915 г. конференция социал-демократов в Берне (о конференции и о принятых в сентябре 1914 г. тезисах см.: «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3) провозгласила, что дискуссия приобрела излишне политический характер, и прервала ее для дальнейшего рассмотрения экономических последствий (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 161). В августе 1915 г. Ленин написал статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой утверждал, что в условиях капитализма любые подобные проекты «либо невозможны, либо реакционные». Он опасался, что использование этого лозунга способно разубедить рабочих отдельных стран в необходимости революционных действий (там же, с. 351—355). Именно в этой статье содержался пассаж, которому суждено было лечь в основу доктрины социализма в одной стране («Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 12). В статье, опубликованной в следующем году, Троцкий вернулся к этому лозунгу (Л. Д. Троцкий. Соч., т. III, ч. 1, с. 88—89).

48. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 368—373. О решении IV конгресса см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

49. Статья была перепечатана в книге Троцкого «Европа и Америка» (L. Trotsky. Europa und Amerika, 1926, S. 92—99).

50. Одобрение, данное в 1923 г., было зафиксировано в резолюции VI расширенного пленума ИККИ в марте 1926 г. («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 547). В более ранних документах упоминаний о дискуссии или об одобрении лозунга не обнаружено. Оценку этой дискуссии Троцкий см. в его книге «Третий Интернационал после Ленина» (L. Trotsky. The Third International after Lenin, 1936, p. 10).

51. Л. Троцкий. Запад и Восток, 1924, с. 18.

52. Там же, с. 138.

53. Об этом манифесте см. выше, гл. 27. В заключительной части речи от 28 июля 1925 г. (см. там же) Троцкий также говорил о «Соединенных Советских Штатах Европы» и о «пролетарских Соединенных Штатах Европы».

54. «Плановое хозяйство», 1926, № 1, с. 199.

55. О соответствующей записке Троцкого от 13 февраля 1926 г. см. выше, прим. 12. В речи 15 февраля 1926 г. он вновь расхваливал лозунг как средство объединения пролетарской Европы против американского империализма (*L. Trotsky. Europa und Amerika*, 1926, S. 90).

56. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 547—548. В ходе прений Бела Кун придал лозунгу актуальность, сославшись на выдвинутый Куденховом — Калержи проект «пан-Европы» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 216). Позже Ломинадзе заявил, что лозунг этот особенно актуален в силу того, что «осознание непримиримого столкновения интересов и неизбежности схватки между капиталистической Америкой и буржуазной Европой проникает в широкие массы не только рабочих, но всех трудящихся в Европе» («Die Jugend-Internationale», 1926, No. 9, S. 7). Революционный призыв в этом лозунге искусно сочетался с обращением к европейским левым силам создать «единый фронт» против американского империализма.

57. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 61, S. 878. В 1926 г. Коминтерн опубликовал брошюру Пеплера «Соединенные Штаты Социалистической Европы». В «Правде» от 28 августа 1926 г. была помещена статья, направленная против проекта Куденхова — Калержи.

58. См. выше, гл. 36.

59. «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.

60. Там же.

61. О резолюции о китайской партии см. там же, гл. 40.

62. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 46—47.

63. Там же, с. 142—158, 222—231. Как пишет Р. Фишер (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 553), Сталин, «рядом с которым сидел переводчик», с восхищением выслушал речь Цеткин, а затем назвал ее «великолепной старой ведьмой». Цеткин еще дважды выступила на пленарном заседании, а затем в германской комиссии.

64. Несмотря на нападки на Коминтерн и советскую политику, Корш в то время все еще оставался членом партии. 1 марта 1926 г. он начал издавать независимый журнал «Коммунистический политик», а двумя месяцами позже был исключен из партии.

65. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 450—459.

66. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 3 (52), с. 104—107. Речь Сталина также см.: *И. В. Сталин. Соч.*, т. 8, с. 109—115.

67. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 180.

68. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 3 (52), с. 95—96; «Большевик», 1926, № 11, с. 24. Р. Фишер (*R. Fischer. Stalin and German Communism*, 1948, p. 552) заявляет, что были зачитаны и отрывки личного характера. В текстах, переданных членам комиссии, они были опущены.

69. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 580. Ломинадзе также привел утверждения Рут Фишер, что «V конгресс разбит вдребезги» и «мечта о большевизации пошла прахом» («VII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи», 1926, с. 268).

70. О речи Сталина см. выше, прим. 66.

71. Речь Бухарина, произнесенная при внесении им проекта резолюции на рассмотрение пленарного заседания, см. в: «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 517—521. Окончательный текст резолюции (на пленарном заседании в проект были внесены незначительные поправки) см. в: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 577—586. Небольшой пассаж в главной резолюции пленума был посвящен ошибкам ультралевых в КПГ (там же, с. 545).

72. См. выше, с. 347.

73. Полное изложение прений см. в: «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 521—584.

74. Там же, с. 584—585; о том, как голосовал Хансен, см. выше, с. 365.
75. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 525—529.
76. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 3 (52), с. 54.
77. «Die Internationale», 1926, vol. IX, No. 8, S. 225—227, 234.
78. «Правда», 20 февраля 1926 г.
79. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 52, S. 735.
80. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 462—463.
81. Двумя месяцами раньше, на XIV съезде русской партии, Зиновьев сказал: «Экономическое развитие Англии идет не вверх, а вниз, это становится почти трюизмом, становится общепризнанным. Из этого вытекают колоссальные последствия для всего направления тактики Коминтерна» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 647).
82. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 610—615.
83. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 258—270.
84. Там же, с. 602. В неопубликованной записке от 9 июня 1926 г. (архив Троцкого, Т 2987) Троцкий писал, что на VI пленуме ИККИ «некоторые британские товарищи предупреждали против преувеличения критического состояния британского капитализма» и что они «тем самым обнаружили собственную недооценку кризиса и близости социальных потрясений». Это было написано после всеобщей забастовки в Великобритании, но еще до того, как стал очевиден ее полный провал. Никаких других свидетельств о таких «предупреждениях» не обнаружено. В этой же записке Троцкий критиковал «недостаточную идеологическую жестокость» британских левых.
85. «Правда», 30 апреля 1926.
86. См. выше, гл. 31.
87. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 48—52.
88. Там же, с. 74—81.
89. Там же, с. 100—106, 231—234.
90. Были опубликованы только речи Зиновьева («Коммунистический Интернационал», 1926, № 3 (52), с. 81—91) и Сталина (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 8, с. 100—107).
91. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 512.
92. Там же, с. 516; Энглер голосовал в комиссии против некоторых разделов резолюции. Текст резолюции см. в: «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 586—610.
93. «Cahiers du Bolchevisme», 1926, No. 47, p. 883—886.
94. См. выше, гл. 31.
95. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 59.
96. Там же, с. 170, 214.
97. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 4 (63), S. 274—277.
98. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 343—349.
99. Там же, с. 504—505, 705—707; «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 623—625. Протест семи, по-видимому, опубликован не был.
100. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 50, S. 699—700.
101. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 130—131.
102. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.
103. См. выше, гл. 31.
104. См. выше, с. 359—360.
105. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 509. Текст резолюции см. в: там же, с. 669—700; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 68, S. 1062.

106. См. выше, гл. 31.
107. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 31, S. 440.
108. См. выше, гл. 31.
109. В книге Т. Дрейпера «Американский коммунизм и Советская Россия» (T. Draper. American Communism and Soviet Russia. 1960, p. 226—229) проливается некоторый свет на то, что произошло за кулисами. В основу его описания частично положены неопубликованные американские документы. О критике Фостером Рут Фишер и Маслоу и комментариях Пеппера см. в: «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 547—549, 550—551.
110. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 615—619.
111. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1933, с. 585—589.
112. Там же, с. 590—602. В конце марта Зиновьев произнес на собрании Московской партийной организации традиционно пространную речь («Правда», 28, 29, 30 апреля 1926 г.).
113. См. выше, с. 352—353.
114. Об этом аргументе см.: «Социализм в одной стране...», т. 2, гл. 12.
115. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.

Глава 36. Коминтерн и профсоюзы

1. Л. Троцкий. Куда идет Англия? 1925, с. 58.
2. О выступлениях по профсоюзным проблемам на II конгрессе Коминтерна см.: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.
3. «First Report on the Activities of the International Federation of Trade Unions (July 1919—December 1921)»; p. d., p. 73. О таком запрете говорилось на учредительном конгрессе Профинтерна («Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 68).
4. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 25.
5. Там же, гл. 30.
6. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 49—50.
7. В русском тексте допущена странная опечатка: вместо «кассы» напечатано «массы». Это создает впечатление, что к захвату масс не стремились.
8. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 65, 71.
9. Там же, с. 275.
10. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 30.
11. Die Rote Gewerkschaftsinternationale, 1921, No. 11, S. 8.
12. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 270—271.
13. Об этой резолюции см. выше, с. 372.
14. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 270.
15. Различие было точно сформулировано в резолюции II конгресса Профинтерна в декабре 1922 г.: «Бок о бок с меньшинством, которое принадлежит к Профинтерну только идеологически, у нас есть почти во всех странах независимые революционные организации, которые примыкают к Профинтерну» («Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 96).
16. «Малая энциклопедия по международному профдвижению», 1927, кол. 638—639. По данным «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, p. 33—34, насчитывалось 28 профессиональных Интернационалов, число членов в которых составляло 16 641 878 человек.
17. Объявленный Амстердамом запрет на одновременное членство в МФП и Профинтерне (см. выше, с. 371) явно распространялся на профессиональные Интернационалы.
18. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 67—68. Дальнейшие инструкции для международных комитетов пропаганды были разработаны Центральным советом Профинтерна на его сессии в феврале-марте 1922 г. (там же, с. 79—81).

19. «Красный Интернационал Профсоюзов», 1921 № 1, с. 5. Представители союзов моряков на конференции не присутствовали. Конференция моряков была проведена в Москве 10—12 августа 1921 г. Она раскололась по вопросу о том, следует ли присоединиться к МКП транспортников или надо создать особую организацию моряков (там же, с. 8—11). 15 августа 1921 г. в Москве состоялась совместная сессия Исполнительного бюро Профинтерна и МКП транспортников для разработки инструкций о деятельности МКП в различных странах. Было опубликовано обращение к морякам с призывом присоединиться к другим транспортникам, участвующим в МКП, и не создавать отдельную организацию (там же, 1921, № 5, с. 27—28, 35—36).

20. Там же, 1921, № 1, с. 37—39. Двамя месяцами позже было сообщено о 15 комитетах и их членах (там же, 1921, № 5, с. 189—190).

21. Там же, 1921, № 2, с. 27—28.

22. «Отчет Исполнительного бюро Профинтерна II международному конгрессу», 1922, с. 119.

23. «Труд», 22 февраля 1922 г.

24. Об этом решении см. в. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, p. 42.

25. «3-я Международная конференция революционных транспортников», 1923, с. 16—18; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 5—6 (16—17), S. 381. В августе 1922 г. Голландская федерация транспортников значительным большинством приняла решение присоединиться к Профинтерну (ibid., 1922, No. 9, S. 590).

26. Ibid., 1922, No. 7 (18), S. 483.

27. Ibid., 1922, No. 4 (15), S. 301.

28. Ibid., 1922, No. 7 (18), S. 472, 474, 483—484.

29. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, p. 35—36.

30. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», 1923, S. 471.

31. «Коммунистический Интернационал в документах...», 1933, с. 299, 308, 310, 311, 316—317.

32. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 107.

33. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 315. II конгресс Коминтерна в 1920 г. в общей резолюции о задачах (а не в специальной резолюции о профсоюзах) зафиксировал принцип, согласно которому «коммунисты отнюдь не чужаются массовых непартийных организаций, даже тогда, когда они носят явно реакционный черносотенный характер (желтые союзы, христианские союзы и т. д.)». Это «доказывает рабочим, что идея беспартийности как принципа сознательно культивируется среди рабочих буржуазией и ее прихвостнями для того, чтобы отвлечь пролетариев от организованной борьбы за социализм» (там же, с. 107). Но в то время вопрос о «параллельных» профсоюзах не возникал.

34. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 11, S. 183. В 1923 г. сообщалось, что во Всеболгарской федерации состояло 35 тыс. рабочих по сравнению с 10 тыс. членов Свободной федерации («Коммунистический Интернационал», 1923, № 26—27, кол. 7297).

35. Позже Лозовский заявил, что Профинтерн направил съезду телеграмму, в которой высказался против раскола, но либо ее игнорировали, либо она пришла слишком поздно («Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 931).

36. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

37. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 306.

38. «Protokoll des Vierten Kongresses des Kommunistischen Internationale», 1923, S. 469.

39. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 307.

40. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 100. Об Организации красных профсоюзов см. выше, гл. 28.

41. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 2 (25), S. 186—189; 1923, No. 8 (31), S. 756. В немецком тексте слово «истинным» было опущено,

но в русском оно осталось («Красный Интернационал профсоюзов», 1923, № 2, с. 339—342).

42. «L'Activité de l'ISR: Rapport pour le IIIe Congrès», n. d., 1924, p. 84. Одним из руководителей Национального рабочего синдиката был Сневлине, работавший в Коминтерне под именем Маринг («Большевистская революция...», т. 3, гл. 23, 26).

43. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 379.

44. «Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Gewerkschafts-internationale», 1923, S. 77.

45. Ibid., S. 79. Об упоминании реакционных профсоюзов в резолюции 1920 г. см. выше, прим. 33.

46. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 8 (31), S. 764.

47. Ibid., 1923, No. 10—11 (33—34), S. 881—882, 929—930.

48. Ibid., 1923, No. 12 (35), S. 974—975.

49. «L'Activité de l'ISR. Rapport pour le IIIe Congrès», n. d. (1924), p. 239.

50. Ibid., p. 318.

51. См. выше, гл. 28.

52. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 316.

53. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 103.

54. См. выше, с. 375.

55. О движении моряков см. выше, прим. 19. «Дойчер шиффартсбунд», созданный в 1918 г. революционной группой, отколовшейся от немецкого союза транспортников, принадлежал к синдикалистской организации «Фрайе арбайтер унион Дойчландс». Он направил своих делегатов на учредительный конгресс Профинтерна, но отказался присоединиться к нему. На съезде в Гамбурге, состоявшемся 3—4 мая 1922 г., было принято решение возобновить переговоры с Профинтерном («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 5—6 (16—17), S. 361—362). В том же месяце Исполнительное бюро Профинтерна перевело «секцию моряков» МКП транспортников в Гамбург (ibid., 1922, No. 7 (18), S. 484), что свидетельствовало о желании одержать верх над «Шиффартсбунд». В результате переговоров «Шиффартсбунд» присоединился к МКП транспортников.

56. Ibid., 1922, No. 10 (21), S. 674. Представитель русского союза работал в Гамбурге постоянно, по-видимому, для того, чтобы руководить располагавшимся там бюро. Как указывает Г. Хильгер (G. Hilger. Wir und der Kreml. 1955, S. 108—109), в это время в Одессе, Мурманске и других советских портах были созданы Дома моряков. В них иностранных моряков убеждали, при том часто успешно, покидать свои суда и оставаться жить в «отечестве всех пролетариев».

57. «3-я Международная конференция революционных транспортников», 1923, с. 18—19; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 9 (20), S. 588—589.

58. «3-я Международная конференция революционных транспортников», 1923, с. 55.

59. Там же, с. 80—82.

60. На конференции присутствовали представители портовых бюро в Гамбурге, Архангельске, Петрограде и Севастополе (там же, с. 7).

61. Там же, с. 70.

62. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 5—6 (28—29), S. 579; No. 8 (31), S. 743. Особое значение было придано бюро во Владивостоке, которое издавало бюллетень на китайском языке («L'Activité de l'ISR. Rapport pour le IIIe Congrès», n. d. (1924), p. 155).

63. «Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Gewerkschafts-internationale», 1923, S. 85.

64. См. выше, с. 385.

65. Текст соглашения см. в: «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, p. 42—43. Секретарь МКП металлистов так резюмировал это соглашение: «В принципе было одобрено присоединение русских металлистов к Интернационалу, а также было решено возможно скорее

осуществить унификацию союзов в Европе» («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 8 (31), S. 762).

66. Ibid., S. 753—754. О бойкоте, порожденном спором со Швейцарией, см. выше, гл. 33.

67. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, p. 44.

68. Ibid., p. 50; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 8 (31), S. 747. О протесте русского союза против решения см.: ibid., No. 5—6 (28—29), S. 556—557.

69. Сообщения, опубликованные в журнале «Международное рабочее движение», № 37, 1923, с. 11 и в «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», No. 4 (39), IV.1924, S. 229—230, расходятся в деталях, но аналогичны при описании окончательного результата. Дополнительные комментарии в отношении съезда см.: «The Activities...», p. 51—52.

70. «Малая энциклопедия по международному профдвижению», 1927, кол. 650.

71. «Международное рабочее движение», 1924, № 1—2, с. 15; «L'Activité de l'ISR. Rapport pour le IIIe Congrès», n.d. (1924), p. 222—229; «Малая энциклопедия по международному профдвижению», 1927, кол. 1144.

72. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 8 (31), S. 742. Оценить размах деятельности Международных комитетов пропаганды трудно, поскольку имеется мало касающихся их документов, хотя все они имели свои печатные органы. Обращение МКП химиков к рабочим, занятым в химической промышленности, фигурирует в архивах, опубликованных в кн.: «Международная солидарность трудящихся, 1925—1927», 1959, с. 58—59.

73. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, p. 37—38. Эти правила были одобрены в качестве «руководящих принципов» на другой конференции, состоявшейся 31 мая—1 июня 1924 г. (ibid., p. 363—364). О советском комментарии см.: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 6 (41), S. 364.

74. Решение Исполнительного бюро Профинтерна от 10 октября 1921 г. помещено в журнале «Красный Интернационал Профсоюзов», 1921, № 6, с. 222. Текст обращения см.: там же, 1921, № 7, с. 254—255; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1921, No. 15, S. 132.

75. «Отчет Исполнительного бюро Профинтерна, июль 1921 — ноябрь 1922», с. 23—27; «Report on the Activities of the International Federation of Trade Union during the Years 1922 and 1923», p. 85. О норвежском предложении о проведении совместной конференции двух Интернационалов см. в: «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

76. «L'Activité de l'ISR. Rapport pour le IIIe Congrès», n.d. (1924), p. 95.

77. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 91.

78. В октябре 1922 г. состоялся любопытный обмен письмами. Узавленная постоянными обвинениями Москвы в том, что она является наемником капиталистов, МФП направила секретарю «так называемого Красного Интернационала профсоюзов» в Москву письмо, приложив к нему финансовые отчеты МФП за 1919—1921 гг., из которых следовало, что весь ее доход складывается из взносов членов федерации. В ответе, подписанном Лозовским, указывалось, что значительное число членов профсоюзов в Чехословакии, Франции, Великобритании и Германии примыкают к Профинтерну, а поэтому соответствующий процент взносов, полученных из этих стран, должен быть переведен на счет Профинтерна. Тщательно подсчитанный долг составил 110 тыс. гульденов и 240 тыс. немецких марок «по среднему обменному курсу в 1919—1921 гг.». Лозовский добавил: «Если верно утверждение о том, что Амстердамский Интернационал... функционирует исключительно за счет взносов, то мы с удовлетворением отмечаем, что вы оказываете буржуазии бесплатно те услуги, за которые она обычно выплачивает большие суммы» («Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1922, No. 11 (22), S. 792—793).

79. «Большевистская революция...», т. 3, гл. 31.

80. Все эти документы опубликованы в: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 1 (24), S. 80, 84—85. Совместные обращения от 13 января

1923 г. к рабочим, крестьянам и солдатам и от 16 января 1923 г. ко II, двухсполовинному и Амстердамскому Интернационалам по поводу оккупации Рура см.: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 11, S. 75; No. 12, S. 83—84. В «L'Activité de l'ISR...», р. 96, указывается, что «осенью 1922 г.» был создан антифашистский и антивоенный комитет.

81. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, р. 88.

82. Резолюции конференции см. в: «L'Activité de l'ISR...», р. 98—102. Сообщение Лозовского и текст резолюции см.: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 4 (27), S. 443—464. В составе «комитета действий», сформированного для проведения кампании, были Клара Цеткин и Барбюс. В июне 1923 г. III расширенный пленум ИККИ призвал создать международный комитет для «организации международных действий, направленных в настоящее время прежде всего против итальянского фашизма» («Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 382).

83. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1923, No. 5—6 (28—29), S. 467—470, 578.

84. Ibid., 1923, No. 5—6 (28—29), S. 553—556; «L'Activité de l'ISR. Rapport pour le IIIe Congrès», n. d. (1924), р. 105—106.

85. «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», 1923, с. 178.

86. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 377.

87. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, р. 47—48.

88. Ibid., р. 46. Докладывая об этом в июне-июле 1923 г. Центральному совету Профинтерна, Лозовский саркастически спросил: «А среди транспортников есть единый фронт?» и ответил: «В настоящее время нет» («Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 67—68. Позже он говорил, что эта первая попытка добиться единства была «сокрушена амстердамцами» («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 774).

89. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, р. 48.

90. «Bericht über die 3 Session des Zentralrats der Roten Gewerkschaftsinternationale», 1923, S. 28.

91. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 310. Томский, несомненно, был активным сторонником такого решения, повышавшего престиж русских профсоюзов за счет Профинтерна. Время от времени давали о себе знать трения между Томским и Лозовским, которые были соперничающими между собой руководителями этих двух организаций (см. выше, гл. 36, § «г»). Между русскими профсоюзами и Профинтерном не было ничего похожего на тесные связи, существовавшие между русской партией и Коминтерном: Лозовский получал инструкции не от Томского, а от партии или Коминтерна. Выступая в октябре 1926 г. на XV партконференции, Бухарин доказывал, что «наши профсоюзы» должны стремиться «играть в Профинтерне такую же роль, какую ВКП играет в Коминтерне» («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 38). Но этого не произошло и не могло произойти.

92. Письмо опубликовано в «Труде» 10 июня 1923 г., а также в «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, No. 100, S. 844. Иногда указывается, что это письмо написано 11 июня 1923 года.

93. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, р. 90—91.

94. На текст телеграммы, которая опубликована, по-видимому, не была, ссылался Томский в ноябре 1924 г. на VI съезде советских профсоюзов («Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 79).

95. «Report of the Fifty-Six Annual Trade Union Congress», 1924, р. 247.

96. «The Activities of the International Federation of Trade Unions, 1922—1924», 1924, р. 227—232, 260.

97. См. выше, гл. 26.

98. См. выше, гл. 28.

99. См. там же.

100. «Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. I, S. 76, 135, 206—207.

101. Для того, чтобы спасти лицо, Президиум выдвинул компромиссное предложение решить вопрос о прениях после того, как будут сделаны главные доклады. Оно было принято большинством голосов вопреки позиции немецкой, итальянской и нескольких небольших делегаций (ibid., vol. II, S. 934). После того как доклады были сделаны, вопрос этот вновь не поднимался, и прения состоялись автоматически.

102. Ibid., vol. II, S. 844. Лозовский особо остановился на соглашении в начале своей вступительной речи. В официальном протоколе этот пассаж был опущен (ibid., S. 934). Он, однако, приведен в тексте речи, опубликованной в вышедшей в то время брошюре (А. Лозовский. Наша тактика в профдвижении, 1924, с. 46). Текст сопровождался редакционным примечанием, в котором указывалось, что в силу достигнутого соглашения «весь IV раздел тезисов „Об единстве международного профсоюзного движения“ был в докладе опущен».

103. Доклад («Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 832—858) первоначально содержал девять пронумерованных разделов. Два из них (первоначальные 1-й и 4-й) исчезли, а два (5-й и 6-й) были сведены в один. Оставшиеся шесть разделов — они были значительно сокращены — стали тезисами конгресса. К ним был добавлен опущенный раздел (теперь он стал 4-м), рассматривавший проблему единства международного профсоюзного движения. О тезисах в окончательной форме см. ниже, прим. 111.

104. См. выше, гл. 27.

105. «Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 832—858.

106. Ibid., S. 859—871. О решении Всеобщего германского объединения профсоюзов см. выше, гл. 28.

107. «Protokoll. Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 875—885, 900—901. Позже Шумахер с силой подчеркнул, что ликвидация Профинтерна означала бы в конечном счете ликвидацию Коминтерна (ibid., S. 927).

108. Ibid., S. 902—917, 920—925.

109. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 404.

110. «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale», n. d., vol. II, S. 1015—1016. Об окончательном тексте резолюции см. ниже, прим. 111. Заключительный раздел резолюции (6-й в немецком издании и 5-й в русском) содержал следующий параграф (§ 6): «Там, где профессиональное движение расколото, необходимо вести систематическую работу в массах за восстановление единства профессионального движения путем созыва общепрофессионального объединительного съезда на основе пропорционального представительства и свободы идейной борьбы». Он не вызвал возражений со стороны немецких делегатов, по-видимому потому, что относился лишь к национальным профсоюзным движениям.

111. «Правда», 13 июля 1924 г.; «Protokoll: Fünfter Kongress der Kommunistischen Internationale» n. d., vol. II, S. 1031—1032. Определение целей предложенной комиссии изложено в «Правде». В официальном протоколе упоминается лишь «предложенная комиссия для возможных переговоров» без детализации (возможно, в связи с тем, что комиссия никогда не функционировала). Ни в одном, ни в другом источнике нет ясного указания, являлся ли зачитанный Зиновьевым документ развитием четвертого раздела главной резолюции или должен был заменить его. По-видимому, такая неопределенность существовала и в то время. Основная резолюция, включая ее четвертый раздел, была опубликована в протоколах конгресса на немецком и французском языках («Thesen und Resolutionen des V Weltkongresses der Kommunistischen Internationale», 1924, S. 106—114; «Ve Congrès de l'Internationale», 1924, p. 415—412) и в русской брошюре (А. Лозовский. Наша тактика в проф-

движении, 1924, с. 65—75). В официальном отчете о заседаниях на русском языке четвертый раздел опущен, а последующие перенумерованы («Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», 1925, ч. II, с. 109—115). Аналогичным образом этот документ был опубликован в сборнике «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 438—444.

112. Там же, с. 444.

113. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 19—21.

114. Ibid., S. 39.

115. Ibid., S. 59, 63—65.

116. Ibid., S. 145.

117. Ibid., S. 85, 89. Лозовский обвинил Гайса в создании «цельной философии раскола» (ibid., S. 107. О Гайсе см. выше, гл. 31).

118. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 137.

119. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 100—101, 104—105.

120. Ibid., S. 222.

121. Ibid., S. 387 (резолюции конгресса, относящиеся к отдельным странам, в сборник «Десять лет Коминтерна в резолюциях» помещены не были). Хотя Лига профсоюзного просвещения и получила новый устав (см. выше, гл. 28), она упомянута не была. В марте 1925 г. Лозовский порекомендовал независимым профсоюзам в США вступить в Американскую федерацию труда («Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 260).

122. См. выше, гл. 28.

123. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 138.

124. Там же, с. 144—145.

125. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 174, 176.

126. Ibid., S. 192.

127. Ibid., S. 189—190. Бюро было официально ликвидировано после конгресса (см. выше, гл. 28).

128. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 197—200.

129. Ibid., S. 330, 383—386.

130. Ibid., S. 16.

131. Ibid., S. 32—34.

132. Ibid., S. 152.

133. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 152.

134. «Protokoll über den Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 111—112.

135. Вслед за этим вопросом в повестке дня стоял лишь один — «задачи Профинтерна в колониях и полуколониях». О последней проблеме, которую лидеры только-только начали воспринимать всерьез, см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 37.

136. «Protokoll über Dritten Kongress der Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 265—272.

137. Об этом визите см. выше, гл. 26, 28.

138. «Protokoll über den Dritten Kongress den Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 280—281.

139. Ibid., S. 283.

140. Ibid., S. 232. Окончательный текст резолюции см. в: ibid., S. 351—352. О резолюции Коминтерна см. выше, с. 391—392.

141. См. выше, с. 388.

142. «Protokoll über den Dritten Kongress den Roten Gewerkschaftsinternationale», n. d., S. 334—355.

143. Оба письма опубликованы в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 103, S. 1328; «The International Federation of Trade Unions Report on Activities during the Years 1924, 1925 and 1926», 1927, p. 43—45.

144. «Красный Интернационал профсоюзов», 1924, № 7—8 (42—43), с. 8; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 7—8 (42—43), S. 5.

145. Об откликах в КПГ см. выше, гл. 28.
146. См. выше, гл. 28.
147. «Report of the National Minority Conference», n. d., p. 21—24. Об этой конференции см. выше, гл. 28.
148. См. там же.
149. *J. Deutscher*. Stalin, 1949, p. 402, note 1.
150. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. 1, с. LIX—LX.
151. *И. В. Сталин*. Соч., т. 6, с. 294—298.
152. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 122, S. 1612.
153. См. выше, гл. 36, § «а».
154. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1924, No. 9—10 (44—45), S. 118—119.
155. Ibid., S. 119—120. В этом источнике сообщается, что русской делегации «частично» мешали участвовать в конференции, но не назван ни один русский делегат, который бы присутствовал на ней.
156. См. выше, гл. 36, § «б».
157. Эти письма см. в: «The International Federation of Trade Unions. Report on Activities during the Years 1924, 1925 and 1926», 1927, p. 43—47; «Internationale Presse-Korrespondenz», 1924, No. 149, S. 2013.
158. Ibid., 1924, No. 143, S. 1927.
159. «Труд», 12 ноября 1942 г.
160. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 22, 28—29.
161. Эти речи см.: там же, с. 48—58.
162. Там же, с. 78—81.
163. Там же, с. 125, 133.
164. Там же, с. 405—406.
165. Там же, с. 386.
166. «Report of Fifty-Seventh Annual Trades Union Congress», 1925, p. 296.
167. «Шестой съезд профессиональных союзов СССР», 1925, с. 440.
168. Там же, с. 439.
169. «Russia. The Official Report of the Trade Unions Delegation to Russia and Caucasia», 1925.
170. «Правда», 21 ноября 1924; статья подписана инициалами «Н. Б.».
171. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 8, S. 91—92. Атаку возглавили бельгиец Вандервельде и русский меньшевик Дан.
172. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1925, No. 2—3 (49—50), S. 127—129. Здесь резолюция дана полностью. См. также: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 19, S. 251—252; No. 25, S. 363—364. «Правда» (29 января 1924 г.) приветствовала конференцию.
173. «The International Federation of Trade Unions. Report on Activities during the Years 1924, 1925 and 1926», 1927, p. 48.
174. См. выше, гл. 36, § «а».
175. См. выше, гл. 28.
176. Об этом заседании см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, с. 43.
177. Об этом совещании см. там же.
178. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 41, S. 620—623.
179. «Die Organisatorische Aufbau der Kommunistischen Partei», 1925, S. 22—23.
180. Ibid., S. 43, 85, 89—90, 93.
181. Ibid., S. 113.
182. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 302. Немецкий текст этого отрывка см. в: «Protokoll der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale», 1925, S. 225 (там он более короток и расплывчат).
183. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 482—483. О резолюции в целом см. выше, гл. 30.
184. «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1925, с. 59—61. Позже в ходе заседания британский делегат назвал «величайшим достижением КПВ организацию движения меньшинства» (там же, с. 263).

185. Там же, с. 300.

186. Там же, с. 545; эта резолюция в сборнике «Коммунистический Интернационал в документах» опубликована не была.

187. Самое лучшее описание того, что произошло, дал Лозовский в публичной речи, произнесенной им 25 апреля 1925 г. в Москве («Правда», 28 апреля 1925). Лозовский охарактеризовал создание совместного совещательного совета как компромисс между этим британским предложением и русским стремлением учредить «англо-русский комитет единства».

188. «Труд», 24 апреля 1925 г.; перевод речи см. в: *M. Tomsky. Getting Together*, n. d. [1925], p. 91—111.

189. «TUC: Russia and International Unity», 1925, p. 13—21; «Известия», 16 апреля 1925 г.

190. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 81, S. 1151—1153; «International Press-Correspondence», 1925, No. 45, p. 593—595.

191. «Report of Fifty-Seventh Annual Trades Union Congress», 1925, p. 301—303. Русское письмо от 19 мая 1925 г. см. в: «International Federation of Trade Unions. Report on Activities during the Year 1924, 1925 and 1926», 1927, p. 49—50.

192. См. выше, гл. 35.

193. См. выше, там же.

194. См. гл. 31.

195. См. там же.

196. «Правда», 24 сентября 1925 г.

197. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 136, S. 1997—1998.

198. Ibid., 1925, No. 111, S. 1531; No. 116, S. 1616.

199. Эти подробности приводятся в «Роте фане» от 10 июля 1925 г., которая сообщила о большой демонстрации, проведенной в Берлине накануне отъезда делегатов.

200. «Правда» и «Известия», 19 июля 1925.

201. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 113, S. 1563—1564.

202. Ibid., 1925, No. 115, S. 1600. Встреча произошла в кабинете Троцкого в Главном концессионном комитете, председателем которого он был.

203. Ibid., 1925, No. 124, S. 1793.

204. Ibid., 1925, No. 129, S. 1875—1878; «Известия», 2 сентября 1925 г.

205. «Правда» и «Известия», 28 августа 1925 г.

206. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 44. Как заявил на этом же пленуме чехословацкий делегат, Томский жаловался, что чехословацкую делегацию подобрали недостаточно тщательно, что она несла на себе «партийный штамп» и поэтому не могла быть «надлежащим образом использована» (там же, с. 347). О том, какого отчета ждал Коминтерн от делегаций о результатах их визита, позволяет судить последовавший позже коминтерновский доклад о шведской делегации, состоявшей из 300 рабочих, две трети которых не принадлежали к коммунистической партии. В нем говорилось, что после возвращения в Швецию «значительное число делегатов было использовано (ausgenützt) для чтения лекций по всей стране, что упрочило связи между партией и рабочими массами и между шведским рабочим классом и российской революцией» («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 215). Русский текст этой фразы в книге «Коммунистический Интернационал перед шестым конгрессом», 1928, с. 159, был слегка смягчен по тону. В октябре 1926 г. Бухарин на XV партийной конференции говорил, что «многие десятки» рабочих делегаций доказывают «полевение рабочего класса» («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 36).

207. См. выше, гл. 31.

208. Бевин, который в 1920 г. был решительным противником интервенции против Советской России («Большевистская революция...», т. 3, гл. 25), вызвал враждебность коммунистов в 1921 г. в связи с «черной пятницей» (*A. Bullock. The Life and Times of Ernest Bevin*, 1960, vol. I, p. 180) и вновь подвергся нападкам коммунистов в июле 1923 г. во время забастовки докеров (ibid.,

р. 217). В 1924 и 1925 гг. он держался в стороне от левого просоветского крыла тред-юнионов.

209. В Москве лишь постепенно осознали значение позиции, которую занимали не принадлежавшие к коммунистическим партиям левые круги во всей Европе. В речи, произнесенной 13 января 1926 г., Раковский жаловался на то, что «определенная часть рабочих» не воспринимает Локарно как «угрозу миру и непосредственно нам» («Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 1, с. 46; об этой речи см. выше, гл. 32).

210. «Second Congress of the Labour and Socialist International», n. d. [1925], p. 287—288. На процессе меньшевиков в Москве в 1931 г. Суханов утверждал, что марсельский конгресс стал отправным пунктом международной кампании интервенции против Советского Союза («Процесс контрреволюционной организации меньшевиков», 1931, с. 131). В статье в «Правде» от 24 сентября 1925 г. Преображенский провел грань между крайне антисоветским крылом II Интернационала, представителем которого был Каутский, и «более умеренным» крылом, представленным Бауэром и британской секцией.

211. «New York Times», October 16, 1925, p. 5. Советскую оценку конвента см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1925, No. 157, S. 2361—2362; «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1925, No. 12 (59), S. 323—337 (статьи Лозовского и Фостера); «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 5—6, с. 57—58. После конвента Перселл совершил поездку по Соединенным Штатам, выступив в «десять важных промышленных центров» («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 262).

212. См. выше, гл. 36, § «в».

213. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 777. На расширенном Пленуме ИККИ в феврале 1926 г. Лозовский довольно подробно говорил о росте влияния АФТ в союзах, примыкающих к «Амстердаму» («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 289—290).

214. *L. Trotsky*. Europa und Amerika, 1926, S. 52.

215. «Правда», 28 апреля 1926 г.

216. «International Federation of Trade Unions. Report on Activities during the Years 1924, 1925 and 1926», 1927, p. 51. В «Internationale Presse-Korrespondenz» (1925, No. 164, S. 2456—2457) Лозовский дал оценку этого заседания: была отклонена даже «примирительная, слишком примирительная резолюция», выдвинутая британским делегатом Хиксом.

217. Именно так сообщал об этом Томский в феврале 1926 г. на VI расширенном пленуме ИККИ в попытке оправдать занятую в Берлине слабую позицию («Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 310—312).

218. «TUC: Russia and International Unity», 1926, p. 51—52.

219. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 745—746. Можно предположить, что Томский и другие руководители русских профсоюзов приветствовали бы такое предложение, и это стало одной из причин, позволивших обвинить их в желании ликвидировать Профинтерн (см. ниже).

220. Меморандум от 11 июля 1926 г. см.: архив Троцкого, Т 2993, с. 2. Четырьмя месяцами позже, на XV конференции ВКП(б), Троцкий повторил это заявление, но не указал числа профсоюзов («XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1927, с. 508).

221. Записку, подготовленную Троцким для состоявшейся в ноябре 1926 г. XV партийной конференции, см. в: архив Троцкого, Т 3006, с. 14.

222. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 702—706.

223. Об этой части прений, относящихся к внутренней политике русских профсоюзов, см. в: «Социализм в одной стране...», т. 1, гл. 7.

224. «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 743—745, 747.

225. Там же, с. 768—778.

226. Там же, с. 784.

227. Там же, с. 801—803.

228. Там же, с. 801.
229. «ВКП(б) в резолюциях», 1941, ч. II, с. 71.
230. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 10, S. 265—266.
231. Об этом письме см. выше, гл. 35.
232. См. выше, с. 410.
233. «International Federation of Trade Union. Report on Activities during the Years 1924, 1925 and 1926», 1927, p. 51—52.
234. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 293. Речь, по-видимому, идет о сообщении журнала «Социалистический вестник» (Берлин, 1926, № 1 (119), с. 9—10), будто бы Томский хотел ликвидировать Профинтерн, с тем чтобы облегчить переговоры советских профсоюзов с МФП.
235. «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1925, No. 2—3 (49—50), S. 169—170.
236. О призыве Профинтерна см.: *ibid.*, 1925, № 9 (56), S. 182—183. Протоколы конгресса см.: *ibid.*, 1925, № 10 (57), S. 226—230.
237. «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 19, S. 265—260.
238. *Ibid.*, 1926, No. 21, S. 285—286. Программу конференции см. в: «Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 211—212. Позже Коммунистическая партия Швеции поставила это в заслугу себе («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 214).
239. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 13. О прежней позиции Национального рабочего синдиката см. выше, с. 409. Когда руководство Голландской коммунистической партии при поддержке ИККИ сдвинулось влево, в мае 1925 г., оно приняло политику «односторонней» опоры на Национальный рабочий синдикат и стало игнорировать левое крыло в реформистских профсоюзах («Ein Jahr Arbeit und Kampf», 1926, S. 12). В декабре 1925 г., на XIV русском партийном съезде Шмидт указал, что Национальный рабочий синдикат объединяет лишь одну десятую всех организованных рабочих в Голландии, и осудил руководство голландской партии за его неспособность работать с более мощными социал-демократическими и католическими союзами («XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)», 1926, с. 703). В 1928 г. Национальный рабочий синдикат насчитывал лишь 14 465 человек («Die Komintern vor dem 6 Weltkongress», 1928, S. 205).
240. Краткую характеристику общей картины см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 9, S. 119—121. О положении в Болгарии и Югославии см. выше, гл. 31. Попытки провести профсоюзные съезды в Греции и Румынии были пресечены в августе и ноябре 1925 г. соответственно («IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 133).
241. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 301.
242. Об этой конференции см.: «Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43.
243. Описание заседаний Пятницким см. в: «Zweite Organisations-Konferenz des ЕККИ», 1926, S. 8, 22—23. Текст примерного устава см. в приложении: *ibid.*, S. I—XII. Более сдержанное сообщение о дискуссии на пленарном заседании конференции см. в: «Internationale Presse-Korrespondenz», 1926, No. 65, S. 954—964. Примечание к уставу, указывающее, что он «утвержден шестым расширенным Пленумом ИККИ», с формальной точки зрения может быть и неточным, аналогично тому как это было с подобным заявлением в отношении резолюции организационной конференции в марте 1925 г. («Социализм в одной стране...», т. 3, ч. 2, гл. 43). Однако общая резолюция конференции о ее работе была должным образом утверждена.
244. «Шестой расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала», 1927, с. 271—309.
245. Там же, с. 415—416.
246. Там же, с. 312.
247. Там же, с. 368—371.
248. Там же, с. 450.

249. «Коммунистический Интернационал в документах», 1933, с. 556—569.
250. «Правда», 4 апреля 1926 г.
251. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 3.
252. Там же, с. 24.
253. Там же, с. 10.
254. Там же, с. 30—31. Об Интернационале пищевиков см. выше, гл. 36, § «а».
255. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 154—155.
256. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 27.
257. Там же, с. 31.
258. Там же, с. 33—34.
259. Там же, с. 48—49. В статье в коминтерновском журнале Лисс привлек внимание к трудностям, проистекавшим из двойной роли профсоюзов, которые «занимают первое место в экономической борьбе рабочего класса» и одновременно представляют собой «главнейшее орудие империалистической политики» («Коммунистический Интернационал», 1925, № 12 (49), с. 124).
260. «Десять лет Профинтерна в резолюциях», 1930, с. 153—155. О «программе действий» см. выше, с. 416—417.
261. «IV сессия Центрального совета Красного Интернационала профсоюзов», 1926, с. 80, 148.
262. Аналогичные письма несколькими днями позже были направлены Международному кооперативному альянсу, Генеральному совету британских тред-юнионов и другим организациям. Тексты всех этих писем см. в: «Die Rote Gewerkschaftsinternationale», 1926, No. 5 (64), S. 377—380.

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

7

СОЦИАЛИЗМ
В ОДНОЙ СТРАНЕ
1924—1926

Том 3
Часть 1

Художник *Ю. Н. Егоров*

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*

Корректор *Ю. В. Павловцева*

Сдано в набор 14.02.89. Подписано в печать 19.04.89.
Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 41,20. Кр. оттиски 32,5.
Изд. № 24/44509

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17

